

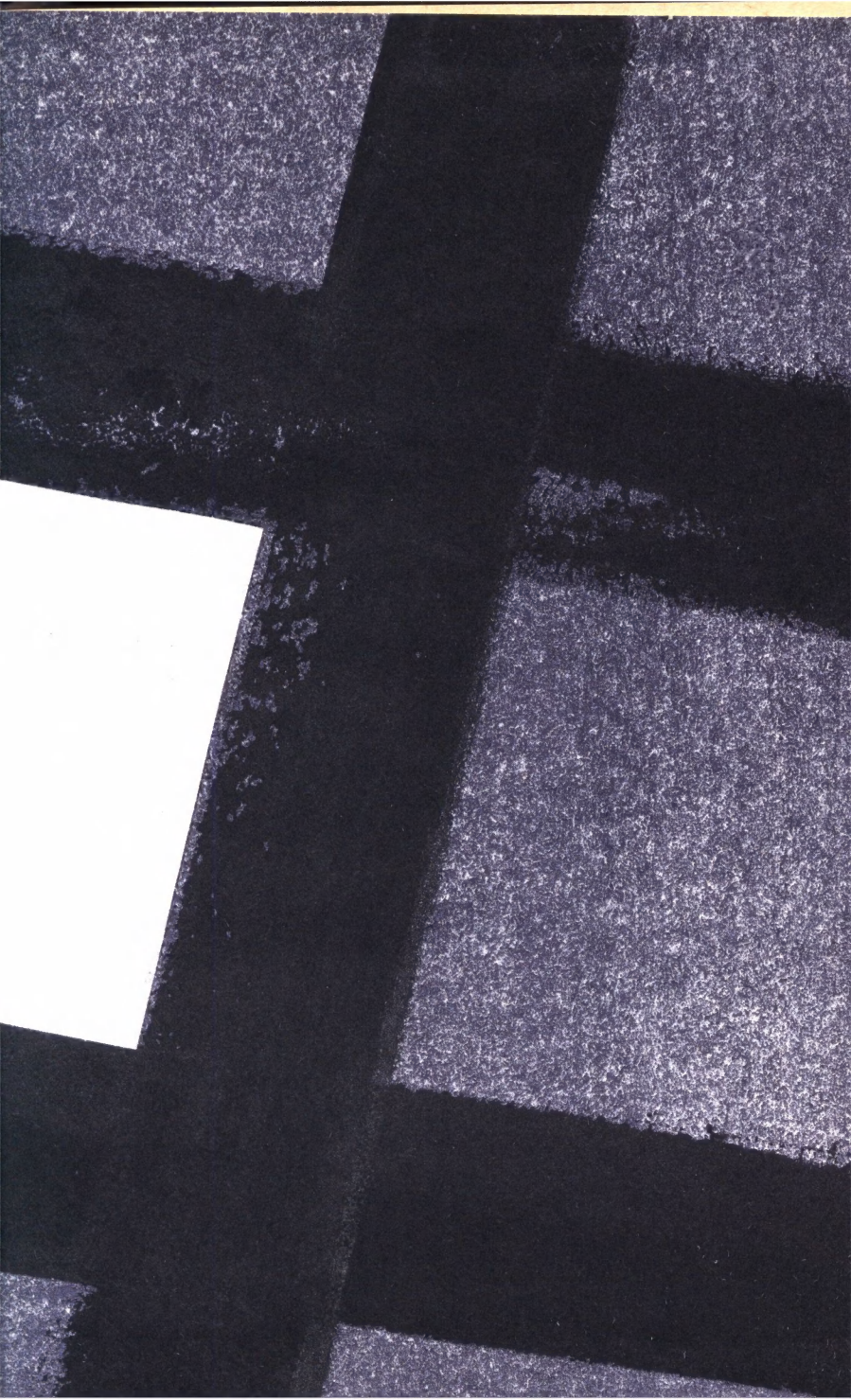
Маркус
Кларк

СУЖДЕН
ПОЖИЗНЕННО

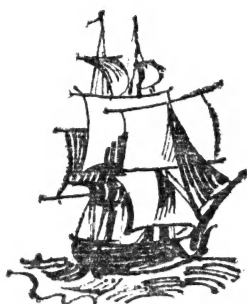

Маркус
Кларк

Осужден пожизненно

РОМАН

Перевод с английского
И. ГОЛОВНЯ и Т. СИКОРСКОЙ

Москва
«Художественная литература»
1986

И (Австрал)

К 47

MARCUS CLARKE

For the Term of His Natural Life

(1885)

Вступительная статья

А. Петриковской

Иллюстрации

М. Клячко

Оформление

С. Кузякова

К 4703000000-208 163-86
028 (01)-86

© Перевод, вступ. статья, иллюстрации, оформление. Издательство «Художественная литература», 1986 г.

Роман тайн и правда истории

Среди австралийских романов XIX века нет более известного, чем «Осужден пожизненно» Маркуса Кларка. Он выдержал десятки изданий и был в числе немногих произведений австралийской литературы, представленных русскому читателю еще в дореволюционную пору — в 1903 году.

Маркус Кларк (1846—1881) прожил в Австралии половину своей недолгой жизни. Родился он в Лондоне в семье адвоката. Рано лишился матери, а шестнадцати лет и отца. Дела Кларка-старшего, человека состоятельного и светского, пришли в упадок, и наследнику пришлось отказаться от мысли о дипломатической карьере. Он поступил так, как многие его соотечественники, загнанные в угол, — эмигрировал в 1863 году в Австралию.

Страна, на землю которой ступил после трехмесячного плавания юный англичанин, поражала необычностью природы, славилась рюном своих мерипосов и была далекой окраиной Британской империи. Но с середины века и эти заокеанские колонии, вслед за американскими, притягивали на все большую самостоятельность. После «золотой лихорадки» 1850-х резко возросло население, ускорился темп экономического и политического развития, обострились социально-классовые противоречия и конфликты. Складывался класс фермеров, подрывая всевластие крупных землевладельцев-скваттеров. Объединялись в профсоюзы рабочие. Легендарная Юрикская оборона — восстание золотоискателей в декабре 1854 года в Балларате — стала важной вехой борьбы за демократические реформы. Во второй половине 50-х годов все австралийские колонии, за исключением Западной Австралии, добились внутреннего самоуправления, вводилось всеобщее избирательное право. Таким образом, страна постепенно выходила на дорогу национального и государственного самоопределения. Пусть процесс этот был далеко не завершен и дух колониальной зависимости пропитывал общественное сознание, — новые настроения сказались на творчестве таких писателей 60—80-х годов, как Генри Кендалл, Адам Линдсей Гордон, Маркус Кларк, Ролф Болдервуд, которых называют предшественниками или предвестниками австралийской литературы, заявившей о своем неоспоримо национальном качестве несколько позже, на рубеже XX века.

Первая половина, если не две трети минувшего столетия — это, строго говоря, ее предыстория. Жизнь поселений на берегах залива Ботани-Бей или в устье реки Ярры была настолько сурова, настолько удалена от цивилизаций Старого и Нового Света, требовала такого физического напряжения, что «изысканные искусства» невольно оттеснялись на задний план. В отличие от фольклора, рождавшегося из новых условий с естественностью природного явления, литературное творчество ориентировалось на английскую аудиторию. Для австралийца, взявшегося за перо, английская литература была купелью, школой и мерилом.

Было бы глубочайшим заблуждением, однако, рассматривать писателей колониального периода австралийской истории и литературы как имитаторов английских богов — и только. Нельзя не отдать должное их усилиям настроить свою лиру на австралийский лад. Чарльз Харпур, один из первых поэтов, надеялся, что австралийский бард, которому передается «Бернсова сила, Байронов пламень», превзойдет своих учителей. Кендалл просил читателя услышать в его стихах мелодии «нехоженых долин». Гордон сблизил литературную балладу с фольклорной, проложив путь национальной балладной поэзии. Своеобразно формируется и австралийский роман XIX века, хотя его летопись насчитывала всего несколько десятков произведений, причем ряд из них был написан визитерами, не задержавшимися в Австралии.

Это был, прежде всего, роман «колониального опыта» поселенца-иммигранта. Близкий поначалу к мемуарам, он удовлетворял интерес к жизни «на краю земли», «у антиподов», и даже ставил перед собой практические цели, вплоть до пропаганды «систематической колонизации». В нем описывалось покорение девственной земли (колонист строит дом, разводит скот, охотится на кенгуру и т. д.), со вкусом к подробностям, завещанным «Робинзоном Крузо», с желанием донести значительность каждого шага, каждой, пусть маленькой, победы. Благодаря опасностям австралийской «границы», подстерегавшим поселенца, не было недостатка и в драматических коллизиях (нападение аборигенов или разбойников-бушрейнджеров, наводнение, блуждания в пустынном лесу). Первым романом колониального опыта были «Рассказы о колониях, или Приключения эмигранта» (1843) Чарльза Роукрофта (кстати, публиковавшиеся в 1850 г. анонимно на русском языке в журнале «Современник»). Учебник для поселенца-новичка оживляла приключенческая фабула.

В другой разновидности жанра, романе колониальных приключений, признанный образец которого — «Воспоминания Джеффри Хэмлина» (1859) Генри Кингсли, австралийская действительность — скорее фон для удивительной истории благородного искателя счастья и богатства. Вне сомнения, пропорции житейской прозы и ро-

мантически-увлекательного вымысла зависели и от литературных пристрастий автора, и от его собственного опыта. И тут мы вернемся к Маркусу Кларку и колониальной части его биографии.

Мельбурн, где он поселился, был самым большим городом в стране — его население приближалось к ста пятидесяти тысячам — и центром колониальной культуры. Здесь в 50-е годы открылись университет и Публичная библиотека колонии Виктория, музей и картинная галерея, лучшая в Австралии, издавалось несколько журналов, где печатались стихи и романы, чаще всего английские. Здесь можно было пойти в театр, порыться в лавчках букинистов, радуясь неожиданным находкам. И первые месяцы протекли безбедно и весело, пока не были истрачены несколько сот фунтов — остаток отцовского состояния. Местная знать наперебой приглашала остроумного, обаятельного англичанина «из хорошей семьи», к тому же связанной с Австралией: один родной дядя Кларка был губернатором Западной Австралии, другой — судьей, двоюродный брат занимал важный пост в правительстве Виктории. Кларка устроили младшим клерком в мельбурнский банк, но банковский его стаж не превысил испытательного срока. Потом около двух лет он провел «в учениках» на овцеводческих станциях колонии Виктория — так входили в тонкости сельского хозяйства джентльмены-иммигранты, решившие запясться овцеводством. В одном из рассказов он вспоминает блаженные дни в хижине из эвкалиптовой коры, где юноша, чьи легкие едва очистились от лондонского дыма, наслаждался девственной природой «вдали от уродств цивилизации, официальных бумаг и кредиторов» и, без особого прилежания ведя бухгалтерские книги, то «теряя сапоги», то заносил пачки табака в графу «овцы».

Маркус Кларк не мог похвастать ни деловой хваткой, ни усидчивым трудолюбием, подчиняющимся жесткому повседневному распорядку. Но колониальный опыт он тем не менее приобретал. Он ездил по заданию банка на прииски — скупать золото. Присматривая себе землю, совершил две небезопасные экспедиции в отдаленные районы. Его принимали в скваттерских усадьбах, он приобщился к жизни маленьких городков. Сельская интерлюдия, несмотря на смягченную форму знакомства с бушем — глубинкой, сделала Австралию ближе и понятнее сыну Лондона и городской цивилизации.

Первые пробы пера Кларка относятся к годам учебы в привилегированной лондонской школе, где он сдружился с Джерардом Мэнли Хопкинсом, будущим известным поэтом, и его братом Сирилом. Предоставленный самому себе, преждевременно повзрослевший, подросток много читал, благо у отца имелась неплохая библиотека, встречался с бывавшими в доме художниками и литераторами.

Маркус Кларк не получил высшего образования, но он хорошо знал английскую, французскую (в подлинниках), античную и дру-

гие литературы. Коротая вечера в «хижине из коры», он пересказывал товарищу прочитанное. «Мы путешествовали по странам Европы вместе с Жиль Блазом, спорили об алхимиках, бродили по улицам Рима вместе с Горацием и в обществе многочисленных чудаков, живших во времена благочестивого Беды, исследовали чудеса первых саксонских проповедников. Мы обсуждали «Кандида» и «Энциклопедию» доктора Ларднера, перед нами оживали картины Хогарта. Мы жестоко поссорились из-за книги Тома Пейна «Век разума», но нас снова помирили грустные приключения некоей Молль Флендерс, приятельницы Даниэля Дефо»¹.

Кларку были известны и некоторые произведения русской литературы. В его переписке упоминается Пушкин. Рассказ «Герой романа», равно как и баллада «Свадьба Баллы», навеяны «Героем нашего времени» Лермонтова. В пекрологе, посвященном товарищу ранних мельбурнских лет, возможно, русскому по происхождению, Кларк вспоминает, как тот читал ему, тут же переводя на английский язык, русские романы.

Живя в Австралии, Кларк вскоре начинает писать эссе, очерки, рассказы и через два-три года завоевывает славу блестящего журналиста. Казалось, ему не составляет труда написать о чем угодно. Если перечислить лишь самые крупные из австралийских газет и журналов, столичных и провинциальных, выходивших при его участии (как постоянного автора, редактора, издателя), то их наберется никак не меньше двадцати. Книгоиздательское дело в колониях только налаживалось. Журнал или газета давали литератору как необходимый заработок, так и доступ к читателю, безусловно, накладывая свою печать и на содержание, и на форму произведений. Кларк с его легким острым пером, быстрой реакцией и недюжинной образованностью стал лидером колониальной журналистики, особенно в пограничных с литературой жанрах. И все-таки в глубине души журналиста ждал своего часа романист.

А каким он должен был быть, этот роман, австралийским или, быть может, просто об Австралии? Вопрос далеко не праздный.

Достижения колониального литератора определялись не только степенью его одаренности, личными и социальными обстоятельствами. Сложность положения заключалась еще и в необходимости внутреннего самоопределения в формирующейся культуре, сознания своей сопричастности миру, который для иных, живи они десятки лет в Австралии, оставался чужим, временным, «колониальным». Чувство изгнанничества было присуще и Гордону, и Кларку.

Сюда примешивалась глухая тоска по классово-привилегированному, интеллектуально-рафинированному раю. Отношение

---

¹ Кларк М. Знакомство с колониальной жизнью. Австралийские рассказы. М., Гослитиздат, 1958, с. 16.

Кларка к австралийской буржуазной демократии порой принимало вид критики справа. «Я попал туда, где деньги делают джентльмена», — писал он другу. Тем не менее он был человеком либеральных взглядов, хотя и не свободным от расовых предрассудков, ценил литературу, сеявшую гуманные идеи, и занимал в ряде социальных вопросов гуманистическую позицию, солидаризируясь с прогрессивной частью австралийского общества.

Осваивая австралийскую действительность, писатель неизбежно сталкивался с проблемой эстетической значимости открывшегося ему мира, его потенциальных возможностей для художника. Известно, что важнейшими сферами романтической духовности были природа и историческое прошлое. В Австралии, констатировал мельбурнский журналист, обозревая в 1856 году «нивы австралийской прозы», нет ни руин, увитых плющом, ни феодальных замков, которые позволяют автору спасти героя или героиню с помощью потайной двери и подземного хода, а обветшалые здания не настолько древни, чтобы в них поселился самый захудалый дух. В предисловии Кларка к сборнику стихов Гордона «Морской прибой и дымок из трубки» (в издании 1876 г.) проблема выходила за рамки романтической прозы: человек, выросший в лоне европейской культуры, испытывал на пятом континенте дефицит привычного культурно-исторического слоя. «В богатой историей Европе, где каждый клочок земли освящен легендой и песней, даже люди с наименее развитым воображением могут найти пищу для печального и сладостного раздумья... Но у этой страны, родной или избранной нами, нет прошлого, нет предания. До нас не доносится голос поэта». Приходилось самостоятельно истолковывать и «заветы природы», удивительной и даже пугающей для глаза, находившего естественную прелесть в пейзажах, запечатленных Констеблем или Коро. «Какова доминирующая нота австралийского пейзажа? — вопрошал Кларк, комментируя картины австралийских художников. — Та же, что в поэзии Эдгара Аллана По — Непостижимая Меланхолия. Австралийские горные леса траурны, таинственны, суровы. Их пустышность подавляет. Они словно душат вас, в их черных провалах — повесть молчаливого отчаяния. В их тени не найти пищи для нежного чувства. В других странах умирающий год оплакивают, и листья, падая, легко опускаются на гроб. Листья австралийских лесов не опадают. Яростные ветры кричат в скалистых ущельях. С унылого эвкалипта свисают, шелестя, полоски белой коры. Даже животные, обитающие на этих хмурых холмах, пелены или смахивают на привидения. Большие серые кенгуру бесшумно прыгают по жесткой траве. Пронесется стаи белых какаду, пронзительно крича, как злые духи. Солнце садится внезапно, и совы-мопоки издают какие-то зловещие звуки — словно человек разражается хохотом... Все внушает страх,

все мрачно. Не хранят ярких легенд, созданных игрой воображения, горы. Их названия подсказаны утратившим надежду путешественникам страданиями — Беда, Ужас, Отчаяние. Если в лесу, где

Журчат ручейки на полянках,
И воздух прохладен и чист,

душа смягчается и убаготворяется, то подавленная пугающим величием этих голых холмов, их вызывающей свирепостью, она проникается отчаянием».

Предисловие Кларка к стихам Гордона, яркий документ эстетической мысли колониальной эпохи, обычно рассматривают как иллюстрацию восприятия «со стороны». Между тем в поэзии Гордона Кларк видел «нечто, весьма напоминающее начало национальной школы австралийской поэзии». Величая Австралию «Страной Зари», он как бы присоединялся к пророкам «австралийской мечты» — создания идеального общества. Молчание равнин и «презрительно величавых лесов и гор» заставляет острее ощущать убожество «утилитарной цивилизации», а в причудливости природы таится ее очарование. Тут уж есть в зародыше и поэтизация суровой австралийской природы, и загадочный абрис будущего — то, что в полный голос прозвучит в литературе 1890—1900-х годов — в прозе Джозефа Ферфи, в поэзии Бернарда О'Дауда.

Кларк вносил оживление в литературную жизнь Мельбурна. Он был инициатором «Клуба Йорика», куда входили и Гордон, и Кендалл, и Джордж Маккрэ, и другие писатели. Он внимательно следил за новинками европейских и американской литературы и регулярно выступал в печати как литературный и театральный критик. Эти статьи существенны и для характеристики самого Кларка.

В статье «Бальзак и современная французская литература» (1867) он встает на защиту «апостола реализма» от нападок английских святош и их оксфордских учеников, объявлявших его «вождем аморальных и зловредных сочинителей», воплощением безбожия и распущенности. Гений Бальзака «взлелеян революциями», от его произведений «веет баррикадами», но он революционен и как художник, и Кларк уподобляет его перо «волшебной палочке, маповением которой современная школа авторов явилась не только во Франции, но по всей Европе».

Реализм Кларк полагал и главной заслугой Диккенса: обратив английскую литературу к повседневности, он открыл «поэзию того, что лежит у нас под ногами».

Произведения американских писателей привлекали Кларка, помимо своих достоинств, как поучительный для Австралии пример рождения самостоятельной жизнеспособной литературы в бывших колониях. Восторженная рецензия на сборник рассказов Брета Гарта о калифорнийских золотоискателях, изданный в 1871 году

в Австралии, убеждает австралийцев писать о себе, о своей стране, вместо того чтобы в который раз возвращаться к правам и обычаям Англии, отделенной от южного материка двадцатью тысячами миль. Почему бы не найтись автору, ныне такому же неизвестному, каким вчера был Брет Гарт, который возьмет нетронутый материал и превратит, вслед за Диккенсом, «презренный металл задворков в чистейшее золото чувства и фантазии»? И такой писатель действительно нашелся два десятилетия спустя — Генри Лоусон.

Восхищение «романом реальности» не мешало Кларку увлекаться литературой стремительных приключений, распахивавшей двери необыкновенному, загадочному, фантастическому, — впрочем, эти элементы включало, как мы знаем, творчество многих корифеев реализма XIX века. Реалистическая достоверность и беллетристические вымыслы, часто вторичные, книжного происхождения, постоянно сосуществуют в творчестве Кларка, которое охватывает жанры самые разнообразные: романы и рассказы, очерки и публицистические эссе, стихи и драматические произведения. Кларк в 1869 году дебютировал двумя книгами: романом «Неравные шансы», в котором молодой австралиец счастливо избегает ловушек, расставленных ему в Лондоне, и очерками-зарисовками «Философ-перипатетик» — они регулярно публиковались в воскресном приложении к газете «Аргус» и в совокупности давали «физиологию» Мельбурна, с его социальными типами, занятиями, развлечениями, правами, пороками. Кларк показывает отверженных большого города — бездомных, безработных, опустившихся, оставшихся в старости без куска хлеба, честных бедняков и уголовников. «Нет более гнусной лжи, — напишет он на десятом году пребывания в стране, — чем излюбленное колоннальными политиками, более невежественными, если не более бесстыдными, чем другие представители этого класса, утверждение, что тому, кто хочет работать, в Австралии голодать не придется».

Из новеллистики Кларка — в прижизненные сборники «Пик Отдыха» (1873) и «Высота в четыре этажа» (1877) вошла только часть ее — хорошо видно, как австралийский материал, еще не вполне познанный и прочувствованный, сопротивляется литературным шаблонам. Скажем, рассказ о гибели ребенка, заблудившегося в лесу, «Красавчик Дик», справедливо ругали за «выжимание слез». Но суховатая ироническая интонация и цепко схваченные приметы среды в рассказе «Городок в глубинке» ведут к Лоусону.

Самое крупное и значительное свое произведение, роман «Осужден пожизненно», Кларк написал, когда ему было двадцать пять — двадцать шесть лет. Замысел был подсказан поездкой в январе 1870 года на Тасманию, куда газета «Аргус» командировала Кларка собрать материал о каторжных поселениях, созданных там некогда англичанами. Тотчас по возвращении, в феврале,

он начинает публиковать очерки, объединенные затем в книгу «Старые истории юной страны» (1871), и почти одновременно, в марте 1870 по июнь 1872-го, ежемесячник «Острэллен джорнел» и номера в номер печатает главы романа об австралийской каторге, прославившего Кларка. В 1874 году «Осужден пожизненно» выходит отдельной книгой, почти на треть сокращенный и переработанный автором. Любопытно, что журнальный вариант также перепечатывается, и неоднократно. Критики спорят, находя в каждом свои достоинства и недостатки. Но статус «канонического» все же закрепился за книжным изданием, подготовленным Кларком¹.

Чем же была каторга в истории Австралии? Первую половину XIX века обжитая европейцами часть страны сохраняла репутацию тюрьмы без стен. Приведем некоторые факты и цифры. В 1788 году так называемый Первый флот высадил на австралийский берег около 800 каторжников и 200 солдат, всего же в Австралию было сослано 168 тысяч человек. Ссылка в Новый Южный Уэльс была прекращена в 1849 году, а в 1853 году — и на Землю Ван-Димена, которая поспешила переименовать себя в Тасманию, дабы избавиться от мрачного ореола.

Среди каторжников, наряду с закоренелыми ворами, грабителями и мошенниками, были тысячи людей, которых трудно назвать преступниками. Английское правосудие эпохи промышленной революции, обезземеливания крестьянства и законов о бедных редко проявляло снисхождение. Диккенс в предисловии к роману «Барнеби Радж» (1841) рассказывает о некоей Мэри Джонс, матери двух малых детей, повешенной только за попытку украсть кусок полотна. Смертная казнь полагалась за воровство на сумму в несколько шиллингов; за украденный каравай хлеба или зайца, за травленного в парке сквайра, суд приговаривал к семи, а то и к четырнадцати годам каторги. Для детей исключений не делали. Важную по своему значению прослойку ссыльных составляли политические преступники: участники ирландского восстания 1798 года, шотландцы, подписавшие петицию о введении всеобщего избирательного права, луддиты, организаторы профсоюзов, чартисты.

Режим каторги был жестоким, хотя и позволял наиболее предпримчивым и выносливым получить помилование. Широко практиковались наказания плетью и публичные казни через повешение, железные ошейники, двойные кандалы, ручные и ножные. В штрафных рабочих командах всех приковывали друг к другу. Уже морской переезд в корабельном трюме был мытарством, волны принимали сотни трупов. По прибытии «многие не могли ходить, не могли шевельнуть ни рукой, ни ногой, — свидетельствовал

---

¹ Вниманию читателей предложен перевод текста в издании 1885 г., куда были внесены кое-какие редакторские уточнения и стилистические коррективы.

капеллан Ричард Джонсон, наблюдавший, как в 1790 году в Порт-Джексон причалил корабль «Нептун». — Таких перебрасывали через борт, точно бочку или ящик... Оказавшись на свежем воздухе, одни падали в обморок, другие умирали на палубе, третьи — в лодках, так и не достигнув берега». Комиссия, назначенная в 1837 году английской палатой общин, признала, что каторжная система в Австралии отличается «поразительной способностью к дальнейшему развращению тех, кто подвергнут наказанию».

Ссылные делились на собственно заключенных, содержащихся в тюремных бараках; приписных — то есть живших у какого-нибудь хозяина и обязанных работать на него; и эмансипистов — освобожденных губернатором за хорошее поведение условно (и не имевших права покинуть колонию) или безоговорочно. Каторга не была чем-то изолированным в организме австралийского общества. Большинство жителей было так или иначе причастно к «Системе» — в романе так называются австралийские законы, законы каторги. И свободный фермер, используя подневольный труд приписных, становился тюремщиком.

В 1870 году, когда Кларк приплыл в Порт-Артур на Тасмании, корабли с кандалниками уже были достоянием прошлого — правда, в Западную Австралию они приходили вплоть до 1868 года. Но каторга еще функционировала: он видел арестантов, не отбывших свой срок, «вечников», освободить которых могла лишь смерть, ходил по двору, где, бывало, несчастному отмеривали по двести плетей, заглядывал в однопочку, где узнику для совершенной изоляции падали на голову подобие шлема из ткани, с прорезями для глаз. «Сколько вздохов возносилось к небесам среди этих аккуратно подстриженных деревьев, — писал Кларк в очерке «Порт-Артур» (1873), — сколько слез оросило эти тщательно вытесанные каменные плиты! Я... кажется, впервые понял, как тонка оболочка «благоприятных обстоятельств», отделяющая лучших из нас от подобной судьбы». Кларка возмущали попытки официальной власти придать благообразие системе, «не способной творить добро, а зло порождавшей с пугающей силой».

Историко-документальные очерки «Старые истории юной страны», этюды к роману, привлекают внимание и сами по себе — богатством исторических сведений, осуждением тирании и произвола, несправедливости законов, подлинностью невероятного в превратностях человеческого судеб и их преодоления.

Кларк не был литературным первооткрывателем австралийской каторги. Трудно найти австралийского писателя XIX века, который не коснулся бы этой темы, не говоря уже о том, что перспективы колониальной прозы — «Квинтус Сервинтос» (1830—1831) Геспри Сейвери и «Приключения Ральфа Рэшли» (1829—1845) Джеймса Таккера — были написаны каторжниками (рукопись Таккера опубли-

ликована лишь в XX веке). Без «каторжного компонента» не обогатился, наверное, ни один из романов «колонизального опыта».

Александр Харрис в записках «Поселенцы и каторжники» (1847) объявляет каторгу рассадником зла, жестокости, дурно влияющим на жизнь общества в целом: «Высшие классы поселенцев Нового Южного Уэльса настолько привыкли иметь дело с бедняками каторжниками и твердить об отсутствии у них каких бы то ни было прав, насмехаться над ними, если они ищут защиты от дурного обращения, что... желали бы и со свободными людьми обращаться точно так же». Однако именно у Кларка важнейшая социально-критическая тема ранней австралийской литературы впервые была развернута столь широко. Как бы ни отличались в завязывании и развязывании сюжетных узлов журнальный и книжный варианты, главным содержанием романа оставалась каторга.

В период после «золотой лихорадки» австралийское общество стремилось избавиться от жесткой авторитарности, оставленной в наследство Системой. Созвучное этим настроениям, произведение Кларка следует также рассматривать в контексте проблематики преступления и наказания в мировой литературе XIX века. Прослеживаются связи с «Отверженными» Гюго и с «Графом Монте-Кристо» Дюма, с балзаковским триптихом «Отец Горно», «Утраченные иллюзии», «Блеск и нищета куртизанок», с «Большими надеждами» Диккенса, где закон беспощаден к бывшему каторжнику, пожизненно сосланному в Австралию, хотя он давно ведет честный образ жизни и даже преуспел в Новом Южном Уэльсе. Буржуазная Фемида предстала в этих произведениях немилосердной и незрячей, а граница между тем, кто заклеймен обществом собственников, и тем, кто вознесен им, — относительной.

Кларк счел необходимым подчеркнуть в предисловии новизну избранного им ракурса: «Ранее художественная литература изображала каторжника либо в начале, либо в конце его жизненного пути... Но ни один писатель, насколько мне известно, еще не пытался изобразить сами ужасающие условия каторги». Кларк заблуждался: в 1862 году вышли «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Но английский перевод появился только в год смерти Кларка, а французский — еще несколькими годами позже.

Роман о молодом англичанине Ричарде Дивайне (он же Руфус Доуз), навечно сосланном в Австралию на каторгу, задуман как исторический. В названиях его четырех частей точно указаны и время действия (1827—1846), и места — каторжные поселения на Земле Ван-Димена, в одной из глав дана «тюремная топография» острова, приводятся статистические данные. В библиографическом приложении Кларк ссылается на архивные, мемуарные и другие источники. Показательно, что первый русский перевод вышел в серии исторических романов.

Общественная значимость и пафос обличения сближают роман «Осужден пожизненно» с литературой критического реализма. Было бы преувеличением говорить о неприятии буржуазного строя, по объектом критики становится социальный институт, в деятельности которого проявляется кричащая дисгармоничность общества, — путь, проложенный Диккенсом, увековечившим царство сутяг, долговую тюрьму, «Министерство околичностей». Школа английского реализма чувствуется и в картинах быта и нравов лондонских, хобартских или сиднейских, в пластичности образов второго плана (таких, как майорша миссис Викерс, слышавшая в молодости первой красавицей в гарнизоне, недалекий капитан Блант, плененный ловкой Сарой Парфой, или сладкоречивый священник Микин).

При этом «Осужден пожизненно» близок к «сенсационному» направлению позднего Диккенса, Уилки Коллинза, Чарльза Рида, к роману авантюрной интриги. Кларк широко использует поэтику романа тайн и приключений: тайна рождения и тайна преступления, тайный порок, двойники, жизнь под чужим именем, потеря памяти, робинзонада, путешествия, побег и преследования. В. Б. Шкловский писал, что у Диккенса тайны «являются способом связи сюжетных линий и одновременно средством анализа героя»¹. Слова эти применимы к роману Кларка, с оговоркой, что «анализ героя» подчинен доказательству бесчеловечности каторжного режима. Излишества в сюжетостроении отчасти объясняются условиями написания романа-фельетона, требовавшего непрерывной занимательности. «Как трудно развивать сюжет из номера в номер — этого никто не может вообразить, если сам не пробовал», — жаловался Диккенс, посылая главы «Больших надежд» в журнал «Домашнее чтение»².

Бесчеловечность наказания усугубляется тем, что Руфус Доуз — невинный герой-мученик. Кларк заставляет его пройти все круги ада, весь страдальный путь каторжника, начиная с плавучей тюрьмы-транспорта, где узники задыхаются в тесноте, жаждут глотка воды, умирают от тифа, и кончая штрафной тюрьмой на острове Норфолк, где виселица казалась желанным избавлением.

Александр Харрис в «Поселенцах и каторжниках» отказался описывать «страшные беззакония штрафных поселений», дабы не закрыть книге доступ в круг семейного чтения. Кларк также вынужден считаться с викторианскими запретами. Но люди должны содрогнуться, узнав об узаконенном насилии и издевательствах, и Кларк переходит от одной мрачной сцены к другой, опираясь на исторически засвидетельствованные факты.

---

¹ Шкловский В. Б. Художественная проза. Разборы и размышления. М., 1959, с. 351.

² См.: Диккенс Ч. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 23. Комментарий. М. Ф. Лорие. М., Художественная литература, 1959, с. 351.

Сама Система определила героев-антагонистов: приговоренного к пожизненной каторге Руфуса Доуза и Мориса Фрера — лейтенанта тюремного гарнизона, капитана, судьи и, наконец, коменданта колонии на острове Норфолк. Они противостоят друг другу на протяжении всего романа, точно Жап Вальжан и Жавер у Гюго. Кларк нарекает их со значением — излюбленный им прием, Фамилия Дивайп, омонимичная английскому слову «божественный», намекает на поругание человека, «сотворенного по образу и подобию божьему». Фамилия его противника означает по-французски — «брат» и указывает не только на родственные связи героев романа: контраст между именем и сущностью Фрера подчеркивает нарушение им гуманных, «братских» норм поведения. Библейское «разве я сторож брату моему?» отзывается проницательным эхом, поскольку Фрер — сторож-тюремщик. Доуза и Фрера разделяют имущественные интересы. Между ними духовная рознь. Доуз — человек образованный, наделенный тонкой душевной организацией. Фрер же — грубый прагматик, «человек дела». К тому же они — соперники в любви к Сильвии Викерс, дочери майора — начальника каторжной тюрьмы. Но главной сутью их конфликта становятся взаимоотношения палача, который во что бы то ни стало хочет сломить дух своей жертвы, и жертвы, отстаивающей свое человеческое достоинство.

Фрер, злой гений Доуза, не облачен в одежды романтического злодея — это зло прозаическое, «нормальное» для Системы и оттого еще более страшное. Под стать Фреру и комендант Порт-Артура Берджес, и службист Викерс, слышавший мягкосердечным: заключенных секли по его приказу не чаще раза в неделю, и число ударов не превышало пятидесяти. Безусловно, в романе присутствуют как идея деградации личности в условиях Системы, так и поиски ресурсов морального сопротивления.

Изображение внутреннего мира человека, постоянно пребывающего в экстремальных ситуациях, во всей его полноте и сложной динамике, требовало, конечно, психологизма более высокого, диалектического уровня. Руфус Доуз, романтизированный герой-одиночка, к концу книги все больше становится вечным страдальцем, символом страдания. Тем не менее произведение Кларка знаменовало поворот австралийского романа, складывавшегося как общая картина «колонияльного быта», к укрупнению образов. И каторжная эпопея Доуза — не только событийная цепь, но и внутренние подъемы и падения. Когда узник «морской одиночки» — необитаемого скалистого островка, возненавидевший весь мир, покушается на самоубийство и, чудом оставшись в живых, наталкивается на группу людей, высаженных на берег каторжниками, захватившими бриг «Морской ястреб», он неожиданно вновь обретает независимость, авторитет, достоинство. В «естественных

условиях» он оказывается самым умелым в маленьком коллективе, подготовленным суровой школой каторги к испытаниям, выпавшим на долю невольных робинзонов. Доуз мог бы бежать, воспользовавшись построенным им суденышком. Но он не оставит доверившихся ему людей — воспрянув, он переживает тот же «восторг самоотречения», что и в роковой день на Хэмпстедской Пустоши.

На острове Норфолк, в самом страшном из каторжных поселений, Доуз, уже второй десяток лет влачащий свои цепи, тертый-перетертый Системой, как будто сливается с арестантской массой, и то, что он — главарь «Кольца», тайного общества круговой поруки, не столько выделяет его, сколько подтверждает это слияние. Он утратил надежду на освобождение, сама глубина падения начинает доставлять ему мрачное удовлетворение. Но что дает повод для новых репрессий и изуверских пыток? Снова проблеск человечности: Доуз втихомолку одаривает щепоткой невесть откуда берущегося табака ослепшего старика узника. Приговоренный к смерти, последний свой побег он совершает не ради собственного спасения — он спасает Сильвию, которую хочет увезти влюбленный в нее «странный» священник Норт. Им движет не только викторианское сознание греховности этой связи — любовь Норта надежна, эгоистична.

Попрацию человеческого достоинства противопоставляет порыв к свободе, деградации — самопожертвование. Доуз, переживающий моменты морального возрождения, равно удален как от Фрера, так и от чудовища по другую сторону решетки — Габбета. И Фрер, и Габбет, впервые появляющиеся на «Малабаре», ясны в дурной своей сущности («каждый — за себя»), которая на каторге доходит до прямого зверства, объединяющего их, несмотря на поляриность их положения в обществе (у обоих были реальные прототипы: комендант Норфолка Джон Прайс, печально памятный дисциплинарной крутостью, и каторжник Александр Пирс). Все дурные качества Фрера — себялюбие и самолюбивость, деспотизм и грубость — расцветают в тюремщике, внушающем страх коварством, вероломством, мстительностью. По его наущению узники шпионят друг за другом — отличившихся он назначает лагерными констеблями. «Я бы поставил дело так: как только арестант скажет слово соседу справа, сосед слева доносит мне на него». В последней части книги Фрер — олицетворение бесконтрольной, употребляемой во зло власти, помыкающей людьми, как скотом, и низводящей их до уровня скота. Габбет же есть продукт каторги, в котором борьба за жизнь принимает крайние, животные формы.

Доуза иногда относят к типу героя-джентльмена, возвышающегося над окружением и характерного для колониального романа. Сходство налицо. Но у Кларка судьба этого джентльмена, в отличие от имперских ориентаций такого романиста, как Генри

Кингсли, выражает оценку колониального института, выработанную австралийским обществом.

Относительна связь повести о злоключениях Доуза с английским романом XIX века, идеализировавшим преступника благородного происхождения (У. Эйнсуорт и другие представители «ньюгейтской школы», название которой дала знаменитая лондонская тюрьма). Действительно, Доуз одинок среди воров, убийц и прожженных плутов. Если он без вины виноват, то его двойник Рекс, выросший в семье лакея, — профессиональный мошенник и авантюрист.

Но как бы там ни было, а представлению о генетических преимуществах «голубой крови» вредит лорд Беллазис, которому обязаны появлением на свет и Доуз и Рекс. Беспутный мот, дебошир, пьяница, игрок, он аттестован ничуть не более лестно, чем судовладелец Дивайн, занятый исключительно накоплением денег, не утруждавший себя «соображениями чести или деликатности», но, по крайней мере, досконально знавший свое дело.

Не стоит упрощенно трактовать и контрастирующие женские образы Сильвии Викерс и Сары Пэрфой как оппозицию: «добродетельная девушка из общества» — «порочная чувственная плебейка». Сильвия, луч света, к которому тянутся и Доуз, и Фрер, и Норт, — идеальная героиня, воплощение невинности и чистоты. В Сильвии-девочке, да и девушке, с ее прямотушием, интуитивным ощущением зла, смесью наивности и книжного знания, есть живость черт, которая утрачивается миссис Фрер, призванной оттенять своей добродетелью черноту помыслов и деяний супруга, своей интеллигентностью — его бездуховность. А Сара Пэрфой — обманщица и лицедейка, дьявольски изобретательная в своих планах, обладающая завидной энергией и умением постоять за себя, невольно вызывает симпатию преданностью возлюбленному.

В морально-этическом аспекте романа важное место занимает несовместимость Системы с верой, исповедуемой ее служителями. Возможны ли божественное провидение, и высшая справедливость там, где правят фреры и берджесы? «Вы верите в бога?» — спрашивает Керкленд у Доуза. «Нет, — отвечает тот, — здесь не верю». Кларк выступает как язвительный, не убоившийся обвинений в богохульстве критик «организованной религии» и фарисейства.

Заметим, что священники не пользовались популярностью на каторге и вообще в колониях, — они принадлежали Системе и, бывало, определяли меру наказания. Кларк переиначивает поговорку: «Господь да смилуетсЯ над тобой, потому что его преподобие этого не сделает». Одетый по лондонской моде, распространяющей елей благочестия, пастор Микин вполне одобряет каторжные порядки.

Норт, зараженный вольнодумством, не похож на Микина — он ищет доступ к сердцам, пытается повлиять на ход событий, домогается наказания палачей. Но это — человек с червоточиной, с

постыдной тайной бывшего игрока, причастного, наряду с Доузом и Рексом, к кровавому происшествию на Хэмпстедской Пустоши, с тайным пороком (он — запойный пьяница), сводящим на нет его благие порывы. Норт раздраем внутренними противоречиями и колебаниями — между благородством и цизостью, смирением и ожесточением, слабодушием и самобичеванием. Беззаконное чувство к Сильвии раскачивает до предела этот маятник, сближая Норта с мятущимися героями Достоевского. В «спасении», душевном умиротворении Доуза, ожидающего казни, Норт видит собственное спасение, искупление своих грехов. Но он же решается нанести узнику смертельный удар и самым болезненным образом — в последний миг последнего свидания — сообщить, что уезжает с любимой Доузом женщиной. Примечательно, что Кларк, предпочитающий изложение от лица автора-демиурга, Нарту, никак не укладывающемуся в привычные рамки деления персонажей на «хороших» и «плохих», предоставляет слово для психологического самораскрытия в главах — отрывках из дневника.

В журнальном варианте развязка была благополучной: бежавший с каторги Доуз остается в живых, возвращается в Англию и остаток дней должен провести там счастливо и безбедно — типичный финал колониального романа. Получает по заслугам Фрер, растерзанный каторжниками, как и реальный Джон Прайс. А в книге иначе. Кларк поясняет, ссылаясь на любимого им Бальзака: «В реальной жизни занавес никогда не опускается на счастливом исходе драмы. Игра продолжается вечно».

Дивайн-Доуз умирает смертью свободного человека, уже этим торжествуя над Системой. Она укрощала его плетью, голодом, камерой пыток, искушала, обещая привилегии, если он согласится стать констеблем — подручным тюремщиков, но дух его не сломлен, и ему дарован предсмертный миг счастья и вознагражденной любви.

Роман «Осужден пожизненно» написан неровно, австралийская критика, отдавая должное сильным его сторонам, указывает и на слабые сентиментальные пассажи и детали, мелодраматизм, сюжетные натяжки. Но это не может заслонить главного, того, что составляет историческую основу книги, рождает ее гуманистический пафос. Два мальчика, заключенные тюрьмы для несовершеннолетних, решаясь на самоубийство, вряд ли обратились бы к жено офицера-тюремщика с трогательной просьбой поцеловать их, — это так. Но сам эпизод посещения Сильвией и Фрером поселения, где для детей уготовано то же, что и для взрослых, — плети, карцер, голодный паек, основан на подлинных фактах, а сентиментальность умеряется ироническими, саркастическими акцентами: «добропорядочные граждане» дивятся черной неблагодарности, которой юные преступники платят заботливому правительству. Жесткая ирония сквозит и в заглавии романа, в особенности в его

первоначальном, усеченном виде — «His Natural Life» (в буквальном переводе — «Его естественная жизнь»).

Что касается мелодраматичности — контрастных образов, сюжетных пересечений и совпадений, роковых страстей, то правильнее говорить не об отдельных штрихах, но о специфике авторского видения, на которое, наряду с романтической прозой, преобладавшей в австралийской литературе, повлияла поэтика мелодрамы, не сходявшей со сцен европейского театра в первой половине XIX века и позже, а уж на австралийской сцене и вовсе царившей. Кларк, склонный к театральным эффектам, и сам был человеком театра — драматургом, инсценировщиком, переводчиком, и, вдобавок, он вошел в театральную семью, женившись на актрисе, дочери известного в Австралии комического актера Джона Данна. (Дочь Кларка, Мэриен, пошла по стопам матери и, между прочим, сыграла в австралийском немом фильме 20-х годов, экранизации романа «Осужден пожизненно».)

Кларк остро чувствует драматизм сцен, возникших в его воображении, и в описаниях конфронтации человека и природы его проза особенно красочна и выразительна: пылает в ночи злополучный корабль «Гидасп», а громоздкий «Малабар» кажется ореховой скорлупкой на глади океана, беснуется море, взмываясь кверху сквозь отверстие в скале, где спасается от погони Рекс, зеленая стена гигантской волны, поднятой ураганом, неотвратимо нависает над Доузом и Сильвией, обнявшимися в смертный час.

Старинный роман, в котором поэтика массового зрелища романтической окраски сочетается с реалистическим началом, правоописательным, исторически-познавательным, аналитическим, пронизан энергией обличения, направленной против пенитенциарной системы, действовавшей на отдаленных землях в первой половине прошлого века. Но значение его шире исторически конкретной темы. И современный читатель, чья память обжигают своей близостью Освенцим и Трешлинка, читая роман Кларка, не может не подумать, что уже в те стародавние времена буржуазное общество обнаруживало потенциал подавления и уничтожения неугодных.

Кларку посвятил «Рассказы о каторжной системе» (1892) Прайс Уорунг, в течение двадцати лет изучавший архивы каторги и дополнявший картину от цикла к циклу: «Рассказы о давней поре», «Рассказы о старом режиме», «Пуля десяти обреченных», «Рассказы об острове смерти, Норфолке».

В дальнейшем писатели демократического направления, воюя с буржуазным мещанством, стеснявшимся предков-каторжников, подчеркивали их вклад как «отцов основателей» в строительство Австралии и возводили демократические традиции австралийского народа к их свободолюбию, бунтарству, нетерпимости к предательству.

Леса я валил
И пути торил,
Под бешеным солнцем
Колодцы рыл.

Скалы дробил,
Кандалами веня,
Нация встала
Из-за меня!

(«Ботани-Бей» Мэри Гилмор. Перевод А. Сергеева)

Тема каторги не исчерпана и поныне. «Повязка из листьев» (1976) Патрика Уайта — не исторический, а скорее философский роман, где подвергается испытанию физическая и нравственная стойкость человека, но и в нем выражено сочувствие к тяжелой доле австралийского каторжника, а одна из основных коллизий аналогична кларковской.

«Осужден пожизненно» — зенит творчества Маркуса Кларка, хотя в немногие годы, отпущенные ему после выхода в свет одиссеи Доуза, перо его не отдыхало. Несмотря на постоянный заработок, который давала скромная должность в Публичной библиотеке, непросто было колониальному литератору содержать семью, где подрастало шестеро детей. Разумеется, нельзя целиком относить на счет финансовых затруднений, вынужденной литературной поделщины и журналистской разбросанности интересов тот факт, что последовавшие романы не оставили сколько-нибудь заметного следа — ни «Между тьмой и светом. Австралийская рождественская история» (1875), ни посмертно изданный в 1893 году «Чиднок Тичборн, или Католический заговор» — из времен Марии Стюарт. Главная причина, надо думать, заключалась в том, что Кларку не удалось найти тему столь же значительную, как эпоха каторжных поселений, отвечавшую его эстетическим склонностям и доступную, учитывая недостаточность его «колониального опыта».

Между тем в 70-е годы в его мировоззрении совершались перемены. Боявшийся по приезде в Австралию попасть в «яму радикализма», он левел в своих социально-политических и философских взглядах, в большей мере признавал себя австралийским, чем английским писателем. Серию очерков, продолжающую путешествие по Мельбурну, начатое «Философом-перипатетиком», он назвал «Порочный мир» (1874). От него и раньше доставалось и местной бюрократии, и джентльменам с Даунинг-стрит, ведавшим колониальными делами, — укажем на сатирический рассказ «Штаны короля Билли», на «Парламентский банкет», «Демократический снобизм» и другие прощальные заметки по поводу визита в Австралию герцога Эдинбургского в 1867 году и верноподданнических излияний. Пьеса «Счастливая страна» (1879) — пародия на правительство колонии Виктория — была запрещена к представлению. На знаменательную дату — двадцатипятилетие введения восьмичасового рабочего дня — Кларк откликнулся стихотворением «Австралийский пеан». Когда один из участников Парижской коммуны, приговоренный к ссылке на каторгу в Новой Каледонии, бежал

с корабля в мельбурнском порту, Кларк тайно встретился с ним и выступил в печати в его защиту. В этом письме, отмежевавшись, правда, от коммунаров, он рассказал о терроре версальцев.

Сомнения в божественной справедливости, управляющей миром, высказанные, как мы помним, в романе «Осужден пожизненно», обосновываются в эссе «Цивилизация без иллюзий» (1879). Кларк не скорбит о росте атеизма и разрушения «веры отцов» — «все в природе совершается согласно определенным принципам, не подверженным никаким воздействиям духа», и благодаря успехам науки, исчезает «ложная теория относительно помощи провидения тем, кто почитает бога, и наказания тех, кто не делает этого». Материалистическая критика религиозного детерминизма касается любой религии, будь то христианство, ислам, буддизм или иудаизм. На вопрос, не приведет ли «смерть бога» к всеобщей безнравственности, Кларк отвечает, что подлинная нравственность не нуждается в договоре с потусторонней силой, в «покупке» небесного блаженства примерным поведением — она предполагает исполнение по собственной воле и бескорыстно долга по отношению к другому человеку и всему человеческому сообществу. Абсолютизируя классовый строй, Кларк утверждает, что политическая роль религии — залог ее вечного существования. Но призывает он к научному знанию: «Дайте вашим детям такое образование, чтобы они уразумели открытия Тиндалла, Гексли и Дарвина», и, освободившись от иллюзий, они «обратят на человечество пыл, который доселе растрчивали на вздохи и гимны». Эссе вызвало возмущение в церковных кругах. Номера журнала, поместившего ответ Кларка на обвинения, предъявленные ему епископом Мельбурна, были изъяты из обращения.

Маркус Кларк умер тридцати пяти лет от роду, рано и в бедности, — объявленный несостоятельным должником. Когда век девятнадцатый ушел в прошлое, долгое время казалось, что время унесло все написанное Кларком, за исключением романа о каторге, который иные критики готовы были считать случайностью, чем-то не вполне органичным для «калейдоскопичного» и в частном и в литературном бытии таланта. В течение последних двадцати лет наблюдается, однако, растущий интерес к творчеству Кларка в полном его объеме, что связано с общим пересмотром колониальной культуры в послевоенный период и собиранием национального культурного фонда. Осуществлен ряд изданий, которые заново открывают Кларка — журналиста, очеркиста, новеллиста, внося существенные изменения в литературную репутацию беспечного любимца мельбурнской богемы. Кларка больше не считают автором одной книги. Но главной его книгой остается роман, никогда не выходявший из литературного обращения, — «Осужден пожизненно».

А. Петриковская

Осужден . пожизненно

Предисловие автора

Ранее художественная литература изображала каторжника либо в начале, либо в конце его жизненного пути. Ссылка являлась либо концом его преступной деятельности — и он таинственно исчезал на каторге, — либо он появлялся, приковывая к себе интерес читателя необъяснимой тягой к преступлению, возникшей у него во время пребывания на каторге. Чарльз Рид обрисовал быт и нравы исправительного дома в Англии, Виктор Гюго показал жизнь французского каторжника, после того как тот очутился на свободе. Но ни один писатель, насколько мне известно, еще не пытался изобразить сами ужасающие условия каторги.

В романе «Осужден пожизненно» я стремился показать не только весь механизм английской каторжной системы, тщательно разработанной и проводимой под эгидой властей, но также и плоды этой системы. Я старался изобразить все это как можно ярче, желая привлечь внимание общественности, показать порочность системы, при которой преступников ссылают в такие места, куда не доходит благотворное влияние общественного мнения, где справедливость подменяется произволом и прихотью тюремщиков.

Некоторые изображенные мною события и факты поистине чудовищны и трагичны, но моей целью было показать их, ибо все они происходили в действительности. И если породившие их ошибки вновь будут совершены, все это неизбежно повторится.

Правда, британское правительство прекратило высылку преступников из Англии, но методы наказания, частью которых являлась эта высылка, все еще существуют. Порт-Блэр — это тот же Порт-Артур, только ссылают туда не англичан, а индусов. Франция совсем недавно создала каторжное поселение в Новой Каледонии, которое, если не воспрепятствовать этому, может повторить историю каторжных поселений в Макуори-Харбор и на острове Норфолк.

М. К.

Мельбурн, Австралия

Пролог

Вечером 3 мая 1827 года в саду большого кирпичного особняка со сводчатыми окнами, который назывался «Нортенд-Хаус», расположенного на холме в восточной части Хэмпстедской Пустоши, что между Финчли-Роуд и Чеснат-авеню, разыгралась семейная трагедия.

Действующих лиц в ней было трое. Один — старик, чьи седина и морщины ясно указывали на возраст никак не меньше шестидесяти. Он стоял, выпрямившись во весь рост, спиной к стене, отделяющей сад от Хэмпстедской Пустоши, весь во власти охватившего его гнева, подняв в воздух тяжелую трость черного дерева, на которую привык опираться. Перед ним был очень высокий, мускулистый юноша лет двадцати двух в грубой матросской одежде, он прижимал к себе женщину средних лет, как бы защищая ее. Молодой человек был в изумлении и ужасе, а хрупкая седовласая женщина захлебывалась от рыданий.

Это были сэр Ричард Дивайн, его жена и его единственный сын Ричард, который этим утром вернулся из-за границы.

— Итак, сударыня,— сурово говорил ей сэр Ричард резким повышенным тоном, свойственным в минуты величайшего волнения даже самым сдержанным из нас,— все эти двадцать лет вы жили ложью! Двадцать лет вы вместе с этим негодяем, известным своим распутством и подлостью, смеялись надо мной как над доверчивым простаком, которого можно обвести вокруг пальца; а сейчас, когда я поднял руку на этого беспутного мальчишку, вы признаетесь в своем позоре, да еще гордитесь своим признанием!

— Матушка, милая матушка! — воскликнул юноша в порыве отчаяния,— скажите, что это неправда, что вы в сердцах сказали эти слова! Видите, я уже спокоен, и пусть он побьет меня, если ему угодно.

Леди Дивайн вздрогнула и еще крепче прижалась к сыну, словно желая спрятаться на его широкой груди.

Старик продолжал:

— Я женился на вас, Элинор Уэйд, из-за вашей красоты; вы стали моей женой из-за моего богатства. Я был плебеем, корабельным плотником, а вы — девицей благородного происхождения; ваш отец был светский человек, игрок, приятель всех забулдыг и распутников. Я был богат. Я получил дворянский титул. Меня обласкали при дворе. Ваш отец нуждался в деньгах, и он продал вас. Я дал ему столько, сколько он запросил, но ваш кузен, милорд Беллазис Уоттон, условиями сделки не предусматривался.

— Пощадите меня, сэр, пощадите! — чуть слышно произнесла леди Элинор.

— Пощадить вас! А разве вы меня пощадите? — в бешенстве вскричал он.— Я не позволю, чтобы меня дурачили! Семья у вас гордая. У полковника Уэйда еще есть две дочери. А ваш любовник, лорд Беллазис, даже теперь еще надеется женитьбой избежать разорения. Вы признались в своем позоре. Завтра ваш отец, ваши сестры, весь свет узнают вашу историю.

— Ради бога, сэр, только не это! — воскликнул молодой человек.

— Молчать, *ублюдок!* — оборвал его сэр Ричард.— Можешь кусать себе губы сколько угодно — этим прозвищем ты обязан своей драгоценной мамаше!

Леди Дивайн выскользнула из объятий сына и упала на колени к ногам мужа.

— Прошу вас, не надо, Ричард! Я была вам верна эти двадцать два года. Я терпеливо сносила все ваши насмешки и оскорбления, которыми вы меня осыпали. А сей-

час я невольно выдала постыдную тайну своей первой любви лишь потому, что вы в гнев своем стали угрожать *ему*. Отпустите меня, убейте меня, но только не позорьте мое имя.

Сэр Ричард хотел было уйти, но вдруг остановился, его мохнатые седые брови сошлись на переносице, яростная гримаса исказила багровое лицо. Он рассмеялся, и смех остудил его ярость, превратив ее в холодную, жестокую ненависть.

— Значит, вы хотели бы сохранить свое доброе имя. Вы хотели бы скрыть ваш позор от всего света. Хорошо, будь по-вашему — но при одном условии.

— Каком, сэр? — спросила она, поднимаясь, дрожа от страха. Она стояла опустив руки, не сводя с него широко раскрытых испуганных глаз.

Старик на мгновение задержал на ней взгляд, а потом медленно произнес:

— Пусть этот самозванец, который так долго обманно носил мое имя, нагло сорил моими деньгами, незаконно ел мой хлеб, убирается отсюда! Пусть он навсегда откажется от присвоенного имени, пусть он скроется с глаз моих, и чтобы поги его никогда не было в моем доме.

— Неужели вы можете разлучить меня с моим единственным сыном? — воскликнула несчастная женщина.

— Тогда забирайте его с собой и отправляйтесь к его отцу!

Ричард Дивайн мягко отвел от себя руки матери, снова обвинившие его шью, поцеловал ее бледное лицо и сам, такой же бледный, как она, обратился к старику.

— Я вам ничем не обязан, — сказал он. — Вы всегда меня ненавидели и оскорбляли. Когда вы своей жестокостью заставили меня уйти из вашего дома, вы приставили ко мне шпионов, которые следили за мной, за каждым моим шагом на стезе, которую я избрал. У меня нет ничего общего с вами. Я давно это чувствовал. А теперь, когда я впервые узнал, чей я сын, мне радостно думать, что мой долг благодарности вам не так уж велик, как я считал. Я принимаю ваши условия. Я уеду. А вы, матушка, сохраните свое доброе имя.

Сэр Ричард Дивайн снова рассмеялся:

— Я рад, что ты оказался таким сговорчивым. Теперь слушай внимательно. Сегодня я пошлю за нотариусом Квейдом, чтобы изменить свое завещание. Сын моей сестры, Морис Фрер, станет теперь моим наследником. Тебе я не оставляю ничего. Через час ты покинешь этот дом.

Изменишь свое имя и никогда ни при каких обстоятельствах не будешь ни обращаться ко мне, ни претендовать на мое состояние. Как бы ни трепала тебя судьба, даже если жизнь твоя будет поставлена на карту — в ту минуту, когда я узнаю, что есть на земле человек, который называет себя Ричардом Дивайном, позор твоей матери станет известным всему свету. Ты меня знаешь. Я умею держать свое слово. Сударыня, я вернусь через час; чтобы духу его здесь не было.

И, пройдя мимо них, прямой как стрела, движимый силой гнева, он повернул на дорогу, ведущую в Лондон.

— Ричард! — вскричала несчастная мать. — Прости меня, сын мой! Я погубила тебя.

В порыве любви и горя Ричард откинул со лба черные пряди волос.

— Матушка, милая матушка, не плачьте, — сказал он, — я не стою ваших слез. Простить вас! Это я, безрассудный и неблагодарный, должен у вас просить прощения за все годы ваших страданий. Позвольте мне разделить с вами тяжесть вашего горя, чтобы облегчить его. Он прав. Я должен уехать. И я заслужу себе доброе имя — и буду посить его не краснея, и вас не заставлю краснеть за него. Я полон сил. Я могу работать. Мир широк. Прощайте, родная моя матушка!

— Нет, нет, постой! Гляди, он направляется на дорогу в Белсайз. О, Ричард! Дай бог, чтобы они не встретились!

— Успокойтесь! Они не встретятся! На вас лица нет, вам дурно?

— Мне страшно... Мне кажется, что падвигается еще какая-то ужасная катастрофа! Я боюсь думать о будущем... О, Ричард, Ричард! Прости меня! Помолись за меня!

— Успокойтесь, дорогая! Пойдемте, я отведу вас в дом. Я буду писать вам. Вы получите от меня весточку еще до моего отъезда. Вот и хорошо, вы уже немного успокоились, матушка...

* * *

Сэр Ричард Дивайн, судостроитель, подрядчик, миллионер и дворянин, был сыном корабельного плотника из Гарвича. Он рано осиротел, оставшись с сестрой на руках. Скоро накопление денег стало единственной целью его жизни. Более сорока лет назад, вопреки дурным предсказаниям, он взял в доках Гарвича подряд на постройку во-

енного шлюпа «Гастингс» для адмиралтейства его величества короля Георга III. Этот подряд означал конец старому методу кораблестроения, пользовавшемуся поддержкой правительства, и положил начало строительству трехпалубных и линейных кораблей; последние сослужили хорошую службу Пелью, Паркеру, Нельсону, Гуду. В дальнейшем новое судостроение стало процветать в огромных доках Плимута, Портсмута и Ширнесса, и плодами этого процветания явились бочонки с тухлой свининой и червивыми сухарями. Как уже говорилось, деньги были единственной целью грубого и твердолобого сына корабельного плотника из Гарвича. Он угождал и пресмыкался, льстил и угрожал, сметая пыль с сапог великих людей, лакействовал в передних у вельмож. Не брезговал ничем. Проницательный делец, отличный знаток своего дела, отнюдь не щепетильный в вопросах чести, он быстро накопил деньги, а накопив, сумел их сберечь.

Впервые весть о его богатстве разнеслась в 1796 году, когда мистер Дивайн, один из поставщиков флота его величества, еще не старый человек сорока с чем-то лет, пожертвовал 500 фунтов по займу, выпущенному для ведения войны с Францией. В 1805 году, оказав, как говорили, не бесприбыльную для себя услугу казначею Военно-морского флота лорду Мелвилю на его судебном процессе, он выдал свою сестру за богатого бристольского купца по имени Антони Фрер, а сам женился на Элинор Уэйд, старшей дочери полковника Уоттона Уэйда, собутыльника регента и дяди (по жене) известного светского мота и щеголя лорда Беллазиса. В бурные 13-й, 14-й, 15-й годы Дивайн провел ряд удачных спекуляций государственными процентными бумагами, в чем, как говорили шепотом, ему тайно помогала французская разведка. Получив также законные прибыли от правительственных контрактов, он стал обладателем поистине королевского состояния и мог бы купаться в королевской роскоши. Но, привыкнув к бережливости и скопидомству, он, получив дворянский титул, приобрел ветхий, но комфортабельный дом в Хэмпстеде, а затем окончательно ушел от дел.

Его жизнь в отставке не принесла ему радости. Он был беспощадно-строгим отцом и суровым хозяином. Слуги его ненавидели, жена боялась. Казалось, что его единственный сын Ричард унаследовал сильную волю отца и его непреклонный характер. При разумном и чутком руководстве юноша не сбился бы с пути. Но, озлобленный железным ярмом отцовской дисциплины, он стал предаваться

безрассудствам. Его мать, несчастная, робкая Элинор, насильно разлученная с ее первым возлюбленным — двоюродным братом лордом Беллазисом, еще пыталась как-то удерживать сына. Но своевольный юпоша, хотя и горячо любивший мать, оказался неподатливым и после трех лет ссор между родителями был отправлен на континент, где продолжал вести такую же безалаберную жизнь, которая так возмущала его отца.

Тогда сэр Ричард призвал к себе своего племянника Мориса Фрера — бристольская фирма Фреров была разорена запретом на торговлю рабами — и купил ему патент на офицерский чин в пехотном полку, туманно намекнув на какие-то особые милости в будущем. Предпочтение, оказанное им племяннику, обидело чувствительную Элинор, которая с болью в сердце невольно сравнивала щедрость своего отца со скаредной бережливостью супруга. Между домами выскочки Дивайна и потомственного аристократа Уоттона Уэйда и без того существовала многолетняя рознь. Сэр Ричард знал, что полковник презирует его как новоиспеченного дворянина, и ему передавали, как часто за картами и стаканчиком кларета лорд Беллазис жаловался своим друзьям на судьбу, связавшую красавицу Элинор с таким ничтожным человеком.

Армигел Эсме Уэйд, виконт Беллазис Уоттон, был типичным порождением своего века. Он происходил из именитой семьи. Говорили, что его предок Армигел высадился в Америке раньше Гилберта и Райли и что он унаследовал свое поместье от некоего сэра Эсме Уэйда, который был посланником королевы Елизаветы при дворе испанского короля, сыгравшим роль в щекотливом деле Мендозы¹, а впоследствии — советником Якова I и комендантом Тауэра. Этот Эсме не гнушался никакими темными средствами. Это он от имени Елизаветы вел переговоры с Марией Стюарт; это он вынудил Кобхэма дать показания против великого сэра Райли. Он разбогател, а его сестра (вдова Генри Киркхейвена, лорда Хэмфлита) стала женой одного из членов семьи Уоттонов, но богатство семьи еще больше умножилось после брака ее дочери Сибиллы с Мармадьюком Уэйдом. Мармадьюк Уэйд был лордом Адмиралтейства и патроном Пэписа, который в своем дневнике от 17 июля 1668 года рассказывает о своем посещении Уэйда

---

¹ Мендоза (ум. в 1653) — испанский философ и богослов, стойкий приверженец томизма (учения Фомы Аквинского); речь, таким образом, идет о религиозных разногласиях.

в Белсайзе. В 1667 году он получил звание пэра вместе с титулом барона Беллазиса Уоттона и вступил в брак вторично с Анной, дочерью Филипа Стэнхопа, второго герцога Честерфилдского.

Благодаря связи с таким именитым домом, родословное древо Уоттон-Уэйдов в XVIII веке еще более разрослось и окрепло.

В 1784 году Филип, третий барон Беллазис, женился на знаменитой красавице мисс Повей. От этого брака и родился Армигел Эсме, появление которого знаменовало конец семейной добропорядочности. Лорд Беллазис четвертый соединил в себе отвагу авантюриста, мореплавателя Армигела, с дурными задатками другого предка, коменданта Тауэра, Эсме. Получив право на наследство, он стал предаваться игре, пьянству, дебошу в самом разгульном стиле прошлого века. Он был заводилой любого разгула и самым отъявленным из всех повес.

В одном из своих писем к Селвину в 1785 году Гораций Уолпол¹ упоминает о том, что «молодой Уэйд проиграл прошлой ночью тысячу гиней самому бездарному из всех Бурбонов, герцогу Шартрскому, этому дураку, которому не исполнилось еще и девятнадцати лет!»

Из голубка-простачка Уэйд-Беллазис превратился в ястреба, и в тридцать лет, потеряв вместе со своими поместьями всякую возможность жениться на женщине, которая могла бы его спасти — на своей кузине Элинор, он стал несчастнейшим из смертных — шулером, к тому же голубых кровей.

Когда тонкогубый, холодный полковник Уэйд сказал ему, что богатый судостроитель сэр Ричард Дивайн попросил руки нежной белокурой Элинор, он свирепо сдвинул черные брови и поклялся, что отцы никакие законы — ни божеские, ни человеческие — не удержат его от распутства. «Вы продали свою дочь и разорили меня, — сказал он. — Теперь ждите самого худшего». Полковник Уэйд с усмешкой посмотрел на своего пылкого родственника: «Но тебе будет приятно посещать их дом. Сэр Ричард может стать источником дохода для такого опытного игрока, как ты». И действительно, в первый год замужества своей кузины лорд Беллазис частенько посещал сэра Ричарда. Но когда у Элинор родился сын, будущий герой этой повести, он нарочно устроил ссору с «выскочкой»,

---

¹ Уолпол Гораций (1717—1797) — английский писатель, мастер эпистолярного стиля.

обругал его жалким скрягой, который не играет и не пьет, как подобает джентльмену, после чего уехал, находясь в более чем когда-либо остром разладе с судьбой, и вернулся к прежнему промыслу. В 1827 году он уже превратился в черствого шестидесятилетнего старика, утратившего все свои надежды, с подорванным здоровьем и пустым карманом; однако он все еще затягивался в корсет, красил волосы и по-прежнему так же самоуверенно и вызывающе смотрел в лицо всему свету. По-прежнему беспечно обедал в своем, осаждаемом судебными приставами поместье, как если бы то был шикарный лондонский ресторан. Из всех владений Уоттон-Уэйдов у него остался только этот старый заброшенный особняк с вырубленным лесом, куда его владелец редко наезжал.

Вечером 3 мая 1827 года лорд Беллазис присутствовал на голубиных состязаниях в Хорнси-Вуде и, отделившись от назойливых приставаний своего дружка, некоего Лайонела Крофтона, молодого повесы, чья репутация в спортивном мире была весьма сомнительной (Крофтон пытался уговорить его поехать в Лондон), заявил ему о своем намерении отправиться к себе домой через Хэмпстед.

— У меня там свидание, — сказал он.

— С женщиной? — поинтересовался Крофтон.

— Вовсе нет, с пастором.

— С пастором?

— Ничего удивительного. Он совсем недавно посвящен в сан. Мы встретились с ним в прошлом году в Бате, когда он приехал из Кембриджа на капикулы, он был так услужлив, что проиграл мне небольшую сумму.

— А теперь он вас ждет, чтобы отдать вам долг из своих первых пасторских денег? От всей души желаю вашей милости хорошо провести время. Однако мы должны торопиться, становится уже поздно.

— Спасибо, дорогой сэр, за это «мы», но я должен поехать туда один, — сухо заметил лорд Беллазис. — Завтра вы сможете рассчитаться со мной за прошлую игру. Никак бьет девять? Спокойной ночи.

* * *

В половине десятого Ричард Дивайн покинул материнский дом, чтобы начать новую жизнь. Итак, в силу рокового стечения обстоятельств, порождающих события, отец и сын шли навстречу друг другу.

На тропинке молодой человек чуть не столкнулся с сэром Ричардом, возвращавшимся из деревни. Он вовсе не стремился искать встречи с человеком, перед которым так жестоко провинилась его мать, и намеревался разминуться с ним в темноте. Но, увидев его одного на пути в его осиротевший дом, блудный сын вдруг ощутил желание сказать ему напоследок несколько прощальных слов раскаяния. К его удивлению, сэр Ричард шел быстро, как-то странно подавшись вперед, словно теряя равновесие; взгляд его, устремленный в пространство, не воспринимал окружающее. Несколько испугавшись его вида, Ричард поспешил вперед и на повороте тропинки увидел нечто ужасное, и причина смятенного состояния старика предстала пред ним во всей своей жуткой реальности. Уткнувшись лицом в вереск, лежал человек. Рядом валялся тяжелый хлыст для верховой езды с перепачканной кровью рукояткой и раскрытый бумажник. Подняв его, Ричард прочел вытисненную золотыми буквами надпись: «Лорд Беллазис».

Несчастный юноша опустился на колени перед телом отца и приподнял его. Череп лорда был проломлен ударом, но жизнь еще теплилась. Охваченный ужасом, уверенный, что сбылись самые страшные опасения его матери, Ричард продолжал стоять на коленях, держа в объятиях своего отца, выжидая, когда убийца, имя которого он носил, будет в безопасности. Его воспаленному воображению показалось, что прошел целый час, прежде чем в окна зажегся свет: значит, сэр Ричард благополучно прибыл в свои покои. Еще не зная, как и кого призвать на помощь, он оставил убитого на том же месте и поспешил в город. Как только он вышел на дорогу, он услышал голоса, и добрая дюжина людей — один из них держал в поводу лошадь — накиннулась на Ричарда и повалила его на землю.

Ошеломленный столь грубым нападением, молодой человек и не подумал об угрожавшей ему опасности. Его рассудок давал лишь одно ужасное объяснение этого преступления и не видел другого, достаточно очевидного, которое уже пришло в голову хозяину трактира «Три испанца».

— Боже милостивый! — воскликнул он, вглядываясь в лицо убитого, освещенное бледным светом луны. — Ведь это же лорд Беллазис! Ах ты, проклятый злодей! Джем, давай-ка его сюда, быть может, его милость опознает убийцу!

— Я не убийца! — воскликнул Ричард Дивайн. — Ради бога, милорд, скажите им...

И тут он умолк, поставленный на колени схватившими его людьми, глядя с отчаянием и мольбою в лицо умирающему.

У некоторых людей эмоциональная встряска вызывает усиленное кровообращение, и в минуты опасности они начинают быстро соображать. И в этот роковой момент, когда глаза отца и сына встретились, Ричард внезапно оценил весь ужас своего положения и ту опасность, которая ему угрожала.

Появление лошади без седока всех всполошило. Посетители «Трех испанцев» бросились на поиски и обнаружили незнакомого человека в грубой одежде, поспешно удалявшегося от того места, где рядом с опустошенным бумажником и запачканным кровью хлыстом лежал умирающий человек.

Паутина косвенных улик уже опутала Ричарда. Час назад он мог бы легко спастись. Стоило ему только крикнуть: «Я — сын сэра Ричарда Дивайна. Пойдемте со мной в тот дом, и я вам докажу, что я только что вышел оттуда» — и его невиновность была бы немедленно доказана. Но теперь уже было поздно. Хорошо зная сэра Ричарда, он не сомневался в том, что, встретив лорда Беллазиса, старик в порыве бешеной ярости убил его как человека, оскорбившего его честь. И сын лорда Беллазиса и леди Дивайн понял, что он очутился в положении, которое вынуждало его либо пожертвовать собой, либо обрести возможность спастись ценой позора матери и гибели человека, ею обманутого. Если изгнанного сына приведут домой как арестованного, сэр Ричард — теперь дважды сокрушенный судьбой — несомненно от него отречется; и тогда, чтобы оправдаться, ему придется рассказать историю, которая предаст откровенному позору мать и приведет на виселицу самого сэра Ричарда, которому он обязан своим образованием, а также прежним благосостоянием. И потрясенный юноша оставался коленопреклоненным, не в силах вымолвить ни слова.

— Скажите, милорд, — спросил умирающего хозяин трактира, — этот человек хотел вас убить?

Лорд Беллазис сделал одно последнее усилие. Не спуская с лица сына пытливого взора, он покачал головой, затем поднял слабеющую руку, как бы желая указать на кого-то вдалеке, откинулся назад и умер.

— Может, ты и не убивал его, но ты его ограбил, —

пробурчал трактирщик, — придется тебе сегодня провести ночь в тюрьме на Боу-стрит. Том, сбегай-ка за патрульным, пусть он сообщит у заставы, что сегодня у меня есть пассажир для кареты. Берн его, Джек! Эй ты, как тебя звать?

Он дважды резко повторил свой вопрос, прежде чем задержанный ответил. Подняв свое бледное лицо, черты которого обрели суровость и жесткость, Ричард Дивайн сказал решительно и твердо: «Доуз. Руфус Доуз».

* * *

Так началась его новая жизнь. Руфус Доуз, обвиненный в убийстве и ограблении, провел бессонную ночь в тюрьме, ожидая наутро решения своей судьбы.

Двое других людей с таким же нетерпением ждали утра. Один из них — мистер Лайонел Крофтон; другой — тот всадник, у которого было свидание с лордом Беллазисом у сосен в Хэмпстедской Пустоши. Что же до сэра Ричарда Дивайна, то он никого уже больше не ждал, так как, придя в свою комнату, он упал, насмерть пораженный апоплексическим ударом.

Книга первая В МОРЕ. 1827

Глава 1 АРЕСТАНТСКИЙ КОРАБЛЬ

В безветренной тишине тропического полдня, когда воздух горяч и удушлив, а бронзовое небо безоблачно, тень от «Малабара» одиноко скользила по сверкающей поверхности моря.

Раскаленный солнечный шар, поднимавшийся слева, медленно катился по ослепительной синеве и в конце дня уже с правой стороны погружался в океан огненно-красным пятном в согласном сиянии воды и неба. А сейчас он стоял уже довольно низко, и его лучи заглянули под тент, прикрывающий кормовую часть палубы, и разбудили молодого человека в военной форме, дремавшего на бухте каната.

— Вот чертовщина, — сказал он, поднимаясь и потягиваясь с ленивым вздохом человека, не обремененного делами. — Я, должно быть, заснул.

Держась за штаг, он повернулся и посмотрел на шкафут. На палубе никого не было, если не считать рулевого у штурвала и часового на шкапцах. Вокруг корабля кружило несколько птиц: пролетев под иллюминатором на корме, они тут же снова появлялись на носу. Ленивый альбатрос, разбрызгивая воду, поднимался на поверхность, сверкающие струйки стекали с его крыльев, и он летел по ветру, а на том месте, где он только что был, проскальзывал уродливый плавник беззвучно плывущей акулы. Доски отдраенной палубы были липкими от подтаявшей смолы, а медная поверхность футляра с компасом блестела на солнце, как драгоценный металл. В воздухе — ни малейшего бриза; корабль неуклюже переваливался на волнах, его обмякшие паруса с размеренным звуком хлопали о мачты, а бушприт взлетал над гребнем волны и рывком опускался в воду, заставляя дрожать и напрягаться все снасти. На полубаке несколько солдат — кто в чем — играли в карты, курили или наблюдали за удочками, висевшими на кран-балках.

На первый взгляд корабль ничем не отличался от обычного грузового судна. Но средняя часть палубы имела странный вид. Казалось, будто кто-то построил там загон для скота; у подножья фок-мачты и на юте плотная переборка с отверстиями, входами и выходами шла поперек палубы от одного фальшборта к другому. Снаружи этот загон охранялся вооруженными часовыми. А внутри сидели, стояли или с равнодушным видом расхаживали перед рядом блестящих ружейных стволов человек шестьдесят мужчин и мальчишек в серой арестантской одежде. Все они были узниками английского короля, и загон на палубе служил местом их прогулок. Сама же арестантская помещалась ниже, между двумя палубами, под главным люком, а идущая вниз переборка образовывала ее боковые стены.

То был уже самый конец ежедневной двухчасовой прогулки арестантов, милостиво разрешенной его величеством королем Георгом IV, и все арестанты наслаждались отдыхом. Здесь, на солнцепеке, он не был столь приятным, как на корме под навесом, чья благословенная тень предназначалась только для больших людей, таких как капитан корабля, его помощник, военный врач Пайн, лейтенант Морис Фрер, а также для самых важных персон на корабле — капитана Викерса и его жены.

Было совершенно ясно, что арестанту, прислонившемуся к фальшборту, очень хотелось хотя бы на секунду избавиться от своего врага — солнца. Его товарищи, заключенные, сидя на койках главного люка или на корточках у теневой стороны заграждения, смеялись, болтали, сквернословили. Их веселье было отвратительно, и он держался в стороне, нагнув шляпу на лоб и засунув руки в карманы серых штанов.

Солнце изливало на него свои раскаленные лучи, все трещины и палубные пазы источали запах горячей смолы, но человек ничего не замечал — он стоял неподвижно, угрюмо глядя на сонное море. Он всегда стоял в той же позе здесь или на другом месте во время так пазываемых «прогулок», разрешенных арестантам после того, как «Малабар», скрипя всеми снастями, вышел из бурных вод Бискайского залива и с заключенных сняли кандалы, — сто восемьдесят каторжан, к числу которых он принадлежал, получили возможность два раза в день вдыхать морской воздух.

Низколобые, груболицые преступники, сидевшие на палубе, искоса поглядывали на одинокую фигуру и, кивая головой в его сторону, перемигивались, но от каких-либо замечаний вслух воздерживались. В среде преступников тоже есть свои ранги, и Руфус Доуз, приговоренный к смерти через повешение, впоследствии замененной пожизненной каторгой, был в их глазах выдающейся личностью. Его судили за ограбление и убийство лорда Беллазиса. Сочиненная им версия о том, что он случайно наткнулся на тропинке в Хэмпстедской Пустоши на умирающего человека, его, конечно бы, не спасла, если бы хозяин трактира «Три испанца» не показал под присягой, что когда умирающего спросили, является ли задержанный его убийцей, он отрицательно покачал головой. Поэтому с молодого повесы сняли обвинение в убийстве, но судили за ограбление; и Лондон, с интересом следивший за этим процессом, счел осужденного счастливым, узнав, что смертную казнь ему заменили пожизненной каторгой.

В плавучих тюрьмах существовал обычай не разглашать преступлений, совершенных арестантами, и держать их в тайне от товарищей с тем, чтобы каждый, если он пожелает, а прихоть тюремщиков ему не воспрепятствует, смог бы начать новую жизнь в принявшей его стране, где никто не упрекнет его в преступном прошлом. Но, как это нередко бывает со многими прекрасными правилами, их нарушают чаще, чем соблюдают, и потому почти все сто

восемьдесят арестантов знали, за какие проступки осуждены их товарищи. Виповные в наиболее тяжких преступлениях хвастались своей изощренностью в пороках; мелкие преступники клялись, что их вина была намного страшнее, чем это казалось. Что же до Руфуса Доуза, то его преступление и неожиданная отмена казни вкупе с недюжинным умом, гордым характером и физической силой окружили его имя величественным мрачным ореолом. Этот двадцатидвухлетний юноша, державшийся особняком в среде арестантов, вызывал у них уважение и восхищение. Самые отпетые посмеивались за глаза над его изысканными манерами, но при встрече с ним лицом к лицу угодничали и пресмыкались, ибо на тюремном корабле самый крупный преступник — величайший герой, и единственный знак доблести, почитаемый в этом отвратительном содружестве, — это Орден Петли, даруемый рукой палача.

Молодой человек на корме, увидев высокую фигуру арестанта, прислонившегося к фальшборту, обрадовался возможности придрататься к нему и тем самым нарушить монотонное течение дня.

— Эй, ты, не загораживай трап! — крикнул он и крепко выругался.

От окрика лейтенанта Фрера арестант вздрогнул. Хотя он и не загораживал трап, так как стоял от него в нескольких шагах, он послушно направился к люку.

— Отдай честь, собака! — воскликнул Фрер, подойдя к перилам. — Отдай честь, как положено, слышишь?

Руфус Доуз коснулся пальцами шапки, отдавая честь на военный мапер.

— Я живо прочищу мозги кое-кому, не забывайте! — продолжал бурчать разозленный Фред. — Наглое жулье!

Но тут его мысли отвлек шум на шканцах, где часовые сдавали оружие. Худой, высокий, чопорный человек с военной выправкой, надменным лицом и холодным взглядом вышел из кают-компании снизу и помог выйти белокурой, жеманной даме среднего возраста. Это капитан Викерс из полка мистера Фрера, отправленный исполнять свой воинский долг на Земле Ван-Димена, выводил жену на предобеденную прогулку для улучшения аппетита.

Миссис Викерс было сорок два года, а выдавала она себя за тридцатитрехлетнюю. В течение одиннадцати томительных лет она слыла гарпизонной красавицей, а затем вышла замуж за чопорного Джона Викерса. Брак их не был счастливым. Викерс считал свою жену взбалмошной,

тщеславной и сварливой, а она его — неделикатным, скучным и ничем не примечательным человеком. Дочь, родившаяся через два года после заключения брака, была единственным, что связывало эту неудачную пару. Викерс боготворил маленькую Сильвию, и когда ему было предписано длительное морское путешествие для восстановления пошатнувшегося здоровья, он перешел в N-ский полк, отправлявшийся в Австралию. Несмотря на решительный протест миссис Викерс, ссылавшейся на трудности с обучением дочери, он настоял на том, чтобы взять ребенка с собой.

— Если понадобится, я сам буду учить ее, — сказал он, — и ей незачем оставаться дома.

После долгой борьбы миссис Викерс наконец сдалась, отказавшись от мечты о совместной поездке в Бат, и последовала за мужем, всячески стараясь скрыть свое недовольство. Когда корабль вышел в море, она, казалось, примирилась со своей судьбой и, в перерывах между ссорами с супругом, назиданиями дочери и распекавшим горничной, пыталась вскружить голову грубоватому молодому лейтенанту Морису Фреру.

Джулия Викерс была прирожденной кокеткой. Ей нравилось привлекать восхищенные взгляды мужчин, в этом она видела смысл своего существования; и даже здесь, на арестантском корабле, идя под руку с мужем, она искала повод для кокетства, чтобы не зачахнуть от внутренней пустоты и неудовлетворенности. В сущности, это было безобидное создание, просто тщеславная женщина средних лет, и Фрер принимал знаки ее внимания, отлично зная им цену. Более того, ее расположение было пужно ему — о причинах мы вскоре узнаем.

Сбежав по трапу и держа фуражку в руке, он предложил ей свою помощь.

— Благодарю вас, мистер Фрер. Ох, эти ужасные лесенки! Один их вид бросает меня в дрожь. Бог мой, как жарко! Духота просто невыносимая. Поддай мой раскладной стул, Джон! Спасибо, мистер Фрер! Сильвия, где Сильвия? Джон, ты захватил мою нюхательную соль? Кажется, на море все еще штиль? Ах, эти песносные штили!

Ее псевдосветская болтовня звучала довольно неуместно в двадцати ярдах от загона для «диких зверей» по другую сторону переборки. Но Морис Фрер об этом не думал. Непринужденная обстановка рассеивает страх. Неисправимая кокетка, потряхивая пышными юбками, демон-

стрировала свою сомнительную грацию перед ухмыляющимися арестантами, словно она веселилась на балу в Чэ-теме. Возможно, если бы подле нее никого не было, она, хоть и с некоторым презрением, все же строила бы глазки каторжникам, имевшим более или менее приличный вид.

Поклонившись Фреру, Викерс проводил свою жену на верхнюю палубу и вернулся к дочери.

Сильвия была хрупким шестилетним ребенком с голубыми глазами и золотыми кудряшками. Родители в ней души не чаяли. Они всячески баловали ее и потакали ей во всем, но это отнюдь не испортило добрую по природе девочку. Однако результаты воспитания сказывались в тысяче мелких капризов. Являясь любимицей всего корабля, малышка Сильвия могла делать все, что ей вздумается; ее присутствие заставляло каторжников замолкать. Гуляя с отцом, девочка щебетала без умолку, упиваясь своей болтовней. Она бегала взад и вперед по палубе, приставала к отцу с вопросами и тут же сама на них отвечала, смеялась, пела, прыгала, заглядывала в футляр с компасом. Она запустила свои ручки в карманы рулевого, погладила широкую ладонь вахтенного офицера, побежала на шкафут, подергала за рукав часового на посту.

Устав резвиться, она вытащила из-за пазухи полосатый мячик и, окликнув отца, стоящего на корме, бросила ему мяч. Викерс кинул его обратно, и девочка продолжала играть, смеясь и после каждого броска хлопая в ладоши.

Арестанты, уже насладившись отпущенной им порцией воздуха, с живостью обратились к новому источнику развлечения. Невинный смех и детская болтовня были им непривычны. Некоторые улыбались, одобрительно кивали, с интересом следя за переменным успехом игры. Один молодой арестант до того увлекся зрелищем, что чуть не захлопал в ладоши. Казалось, будто в душной, томительной жаре внезапно повеял прохладный ветерок.

В самый разгар веселья вахтенный офицер, который оглядывал быстро алевший горизонт, заметил на нем какую-то точку и, прикрыв глаза рукой, стал пристально смотреть на запад.

Фрер, уже начинавший тяготиться беседой с миссис Викерс и поглядывавший на товарищей так, словно ожидал от них избавления, заметил жест вахтенного.

— Что вы увидели, Бест?

— Точно не могу сказать. На мой взгляд, это смахивает на облако дыма.— И, взяв подзорную трубу, Бест снова оглядел горизонт.

— Дайте-ка посмотреть,— сказал Фрер, беря у него трубу.

Далеко-далеко на горизонте, слева от уходящего солнца, словно застыло черное облачко. Расплесканные по всему небу золотые и пурпурные блики наплывали на это облачко, скрывая его от глаз.

— Ничего не могу понять,— сказал Фрер, отдавая обратно подозрную трубу.— Пусть солнце немного опустится, тогда будет виднее.

Миссис Викерс тоже, конечно, захотелось посмотреть, и она долго шурилась и возилась с поиском нужного фокуса, пытаясь приспособить трубу к глазам, звонко хихикала и, наконец, заявив, прикрыв один глаз ладонью, что кроме неба решительно ничего не видит и что коварный мистер Фрер все это нарочно подстроил.

Тем временем появился капитан корабля Блант и, взяв трубу у Мориса Фрера, смотрел в нее долго и сосредоточенно. Затем он окликнул вахтенного на бизань-мачте, и тот сказал, что не видит ничего.

Солнце наконец опустилось внезапным рывком, словно проскользнуло в какую-то щель, и черное пятно исчезло в ступившемся сумраке.

После захода солнца из кормового люка вышли сменные часовые, чтобы наблюдать за спуском арестантов в тюремное помещение. Но тут Сильвия прозевала мяч. Он пролетел вперед, а судно внезапно накренилось, и мяч, перескочив через переборку, покатился к ногам Руфуса Доуза, который все еще стоял, прислонившись к борту, погруженный в свои мысли.

Яркое цветное пятнышко, катящееся по белой палубе, привлекло его внимание. Машинально наклонившись, он поднял мячик и шагнул вперед, чтобы вернуть его девочке. Дверь переборки была открыта, но часовой, молодой солдат, не сводивший глаз со сменного караульного, не заметил, что арестант вышел в эту дверь. Еще одно мгновенье, и Руфус очутился на запретной территории шанцев.

Разгоряченная игрой, с пылающими щечками и сияющими глазами, в ореоле разметававшихся золотых кудряшек, Сильвия повернулась, чтобы прыгнуть за своей игрушкой, но тут из затененного окна кают-компания высунулась белая полная женская рука, тонкие пальцы схватили девочку за кушак и потянули к себе. Однако молодой арестант уже успел вложить мяч в руку девочки.

Спускавшийся на палубу Морис Фрер не заметил этого маленького происшествия, он только с изумлением увидел человека в арестантской одежде.

— Благодарю вас,— сказал чей-то голос, когда Руфус Доуз наклонился к девочке, надувшей губки.

Арестант поднял глаза и увидел молодую девушку лет восемнадцати — девятнадцати, высокую, стройную, в белом платье с широкими рукавами, стоявшую у двери каюты. Она была брюнетка, вьющиеся волосы обрамляли ее изящную небольшую головку, у нее были маленькие ножки, белая кожа, красивые руки и большие темные глаза. Когда она ему улыбнулась, ее алые губы приоткрыли ряд ровных белых зубов. Он сразу догадался, кто это. То была Сара Пэрфой — горничная миссис Викерс. Он никогда не видел ее так близко, как теперь, и ему показалось, что он ощутил тяжелый и дурманящий аромат какого-то неизвестного тропического цветка.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, как вдруг Руфус почувствовал, что кто-то сзади схватил его за шиворот и сильным ударом бросил на палубу.

Вскочив на ноги, он тут же хотел ответить обидчику, но сверкнул штык часового, и арестант с трудом сдержал себя: перед ним стоял Морис Фрер.

— Какого черта ты здесь болтаешься? — спросил лейтенант, подкрепив свой вопрос бранью. — Паршивый пес, что ты здесь делаешь? Если я еще раз поймаю тебя на палубе, я на неделю посажу тебя в кандалы!

Руфус Доуз, побледнев от гнева и унижения, хотел было оправдаться, но слова замерли у него на губах. Разве можно что-либо объяснить?

— Проваливай отсюда и заруби себе на носу, что я сказал! — крикнул ему Фрер и, сообразив, как это произошло, постарался запомнить имя провинившегося часового.

Оттирая кровь с лица, арестант отвернулся и молча прошел через толстую дубовую дверь в свое логово.

Склонившись перед девушкой, Фрер смело взял ее руку в свою, но она ее отдернула, и глаза ее сверкнули.

— Подлец! — бросила она ему сердито.

Стоявший рядом флегматичный солдат услышал это, и в его глазах промелькнул огонек. Фрер с досады закусил толстую губу, он намеревался проводить девушку в кают-компанию, но Сара Пэрфой, подхватив ошеломленную Сильвию, проскользнула в каюту своей госпожи и, презрительно рассмеявшись, захлопнула за собой дверь.

Глава 2

САРА ПЭРФОН

После того как орава арестантов была благополучно загнана в свое логово, где и расположилась ко сну в отведенном им милостью правительства пространстве из расчета по шестнадцать дюймов на человека, еще несколько урезанном небольшим размером корабля, маленькое общество собралось в кают-компании, где оно обычно приятно проводило вечера. Миссис Викерс, обладавшая поэтической и музыкальной натурой, пела под аккомпанемент гитары. Капитан Блаунт был веселый, немного грубоватый человек. Военный врач Пайн обожал рассказывать занимательные истории. Если Викерс казался временами скучноватым, то Фрер был всегда оживлен. К тому же отличная сервировка стола, хорошие обеды, табак, вист, музыка и бренди способствовали тому, что душные вечера пролетали с такой быстротой, о которой не могли мечтать полулюди-полузвери, заключенные в арестантской, где они спали по шести человек на нарах длиною в пять футов и три дюйма. Однако в этот вечер общество в кают-компании скучало. Обед прошел вяло, и разговор не клеился.

Когда здесь появился старший помощник капитана Бест и занял свое место за столом, капитан обратился к нему с вопросом.

— Как там насчет бриза, Бест? — спросил его Блаунт.

— Никаких признаков, сэр.

— Что за несносный штиль, — сказала миссис Викерс и хихикнула. — И так уже целую неделю. Я не ошиблась, капитан Блаунт?

— Тринадцать дней, мэм, — буркнул Блаунт.

— Однажды у нас на борту «Гремучей змеи», у берегов Короманделя, вспыхнула чума, — бодренько начал Пайн.

Но капитан Блаунт поторопился перебить рассказчика, предложив Викерсу стаканчик вина.

— Спасибо, больше не могу, — отказался тот. — У меня ужасная головная боль.

— Головная боль? Хм, немудрено, неприятностей с этим народом не оберешься. Так перегружать корабль просто бессовестно. У нас на борту более двухсот душ, а место рассчитано только для половины.

— Более двухсот душ? Не может быть, — возразил Викерс. — Ведь это идет вразрез с Королевскими предписаниями...

— У нас на борту сто восемьдесят арестантов, пятьдесят солдат и тридцать человек команды. Да мы еще с вами в этой кают-компании... Посчитайте, сколько всего человек?

— Да, на этот раз несколько тесновато,— поддержал его Бест.

— Но это же совсем неправильно,— с важным видом начал Викерс.— Это совершенно неправильно. Согласно Королевским предписаниям...

Для общества, собравшегося в кают-компанию, разглашательства Викерса казались еще более невыносимыми, чем бесконечные анекдоты Пайна, поэтому миссис Викерс поспешила изменить тему разговора.

— Скажите, мистер Фрер, вас не тяготит эта ужасная жизнь? — спросила она.

— Еще бы! Это не та жизнь, о которой я мечтал,— ответил Фрер, проведя веснушчатой рукой по жестким рыжим волосам.— Но я стараюсь извлечь из нее все, что возможно.

— Вы правы,— ответила миссис Викерс приглушенным голосом, как подобает говорить о несчастье, всем хорошо известном.— Внезапно лишиться такого состояния — это было для вас большим ударом!

— Да, разумеется, но самое нелепое заключается в том, что ровно через неделю после смерти дядюшки этот негодяй Ричард, которому досталось все состояние, отправился в Индию, и в день похорон мужа леди Дивайн получила от сына письмо, в котором он сообщал, что отплывает в Калькутту на корабле «Гидасп» и в Англию больше не вернется.

— Вот как! Скажите, а у сэра Дивайна не было больше детей?

— Нет, никого, только этот таинственный Дик, которого я никогда не видел, но который должен меня ненавидеть.

— Боже мой, боже мой! Эти семейные распри — ужасная вещь! Бедняжка леди Дивайн! Потерять в один день и мужа и сына!

— Это еще не все. На следующее утро ей принесли весть об убийстве ее двоюродного брата. Вам известно, что мы в родстве с Беллазисами? Отец моей тетки был женат на сестре второго лорда Беллазиса.

— Да, да, конечно, я знаю. Какое ужасное убийство! Скажите, вы уверены, что его совершил тот молодой арестант, на которого вы нам указывали?

— Присяжные разошлись во мнениях,— ответил Фрер, усмехнувшись.— Но вряд ли у кого другого нашлись бы мотивы для совершения этого преступления. Пожалуй, я выйду на палубу покурить.

И как только широкая спина Мориса Фрера исчезла за дверью салона, доктор Пайн обратился к капитану Викерсу:

— Ума не приложу, что заставило старого скрягу Дивайна попытаться лишить своего единственного сына наследства в пользу этого молодчика Фрера?

— Вероятно, какие-то сыновние шалости за границей,— люди, которые сами сколотили свое состояние, всегда нетерпимы к расточительности. Но все обернулось весьма неудачно для Фрера. Правда, он грубоват, но все же неплохой малый; а если он узнаёт, что случай лишил его четверти миллиона, оставив без гроша за душой, лишь с офицерским патентом в полку и заданием сопровождать тюремный корабль,— он может негодовать на судьбу.

— А как случилось, что деньги все же достались сыну сэра Дивайна?

— А вот как: старый Дивайн послал за потариусом, чтобы изменить завещание, но с ним произошел апоплексический удар, очевидно, от ярости. Когда утром взломали дверь его комнаты, он был уже мертв.

— А сын его где-то в море,— заметил мистер Викерс,— и ничего не знает о том, что ему досталось такое огромное состояние. Прямо как в романе.

— Очень рад, что деньги проскочили мимо Фрера,— мрачно отозвался Пайн, упорствуя в своем предубеждении.— Не встречал более неприятной физиономии даже там, среди моих желтых курток.

— Боже мой, доктор Пайн, разве можно так говорить? — воскликнула миссис Викерс.

— Поверьте, мэм, многие арестанты люди из хорошего общества. Среди них, там внизу, есть воры и мошенники, которые вращались в свете.

— Несчастные люди! — воскликнула миссис Викерс и оправила юбки.— Джон, я хочу выйти на палубу.

И все присутствующие встали, как по сигналу.

— Послушайте, Пайн,— сказал капитан Блант, когда они остались вдвоем,— мы с вами вечно встречаем в чужие дела.

— Нет, это женщины на борту вечно путаются под погами,— ответил Пайн.

— Я надеюсь, доктор, вы шутите, — раздался подле него глубокий нежный голос. Это была Сара Пэрфой.

— А вот это настоящая женщина! — воскликнул Блант. — Мы только что говорили, хм... о ваших глазах.

— Ну и что? — спросила она, глядя на него в упор. — Быть может, они того стоят?

— О да, разумеется! — ответил капитан. — У вас самые красивые глаза на свете и самый прелестный рот... хм...

— Прошу вас, капитан Блант, позвольте мне пройти. И, прежде чем восхищенный капитан успел помешать ей, она скромно удалилась в каюту.

— Недурна штучка, а? — спросил Блант, глядя ей вслед. — Между прочим, девушка с перцем.

Старый Пайн втянул огромную попиюшку табаку.

— Девушка с перцем? Вот именно. Послушайте, что я вам скажу, Блант: не знаю, где Викерс ее подцепил, но если бы мне когда-нибудь пришлось с ней столкнуться, я бы скорее доверил свою жизнь самому отчаянному из этих межпалубников, нежели ей.

Блант рассмеялся.

— Не думаю, чтобы она стала долго колебаться перед тем, как зарезать человека, — сказал он, поднимаясь. — Но мне пора на палубу, доктор.

Пайн медленно последовал за ним.

«Я не считаю себя знатоком женщин, — подумал он, — но не ошибусь, если скажу, что у этой девушки есть в прошлом какая-то история. Непостижимо, что могло привести ее на этот корабль в качестве горничной?» Держа трубку в зубах, он направился по опустевшей палубе к главному люку. Обернувшись и увидев, что женщина в белом порхает взад и вперед по корме и что к ней присоединилась пекая личность в темном, он пробормотал про себя: «Клянусь, она замышляет что-то недоброе».

В это мгновение его тронул за плечо солдат, только что вынырнувший из люка.

— В чем дело? — спросил Пайн.

Солдат вытянулся и отдал честь.

— Простите, доктор, один из арестантов заболел. После обеда ему стало очень плохо, поэтому я решил вас побеспокоить, ваша честь.

— Ну и болван! Что же ты раньше мне не сказал? — выругал его Пайн, который, несмотря на свою грубость, обладал добрым сердцем. Выбив пепел из своей только что выкуренной трубки, он заткнул ее свернутой бумажкой и последовал вниз за солдатом.

Тем временем женщина, являвшаяся предметом подозрений угрюмого доктора, наслаждалась относительной прохладой ночного воздуха. Ее госпожа с дочкой еще не выходили из своей каюты, а мужчины еще не успели докурить вечерние трубки. Тент был убран, звезды сияли в безлунном небе, стража перешла с кормы на шканцы, и Сара Пэрфой прогуливалась взад-вперед по опустевшей корме, оставшись с глазу на глаз с самим капитаном Блантом. Дважды она молча прошла мимо него, а на третий раз капитан, тревожно вглядывавшийся в сумрак, заметил призывный блеск ее больших глаз и подошел к ней.

— Милая девушка, вас не обидело то, что я сказал вам сегодня? — спросил ее капитан.

Она притворилась удивленной:

— О чем вы говорите?

— О том, хм, что я позволил себе некоторую вольность. Признаюсь, это было дерзостью с моей стороны.

— Ну что вы? Разве это дерзость?

— Благодарю за снисходительность! — ответил капитан, несколько смущенный тем, что выказал свою слабость этим признанием.

— Вы могли бы позволить себе вольность только в том случае, если бы я вам это позволила.

— Вы уверены в этом?

— Я прочла это по вашему лицу. Неужели вы думаете, что женщина не может угадать по лицу мужчины, намерен ли он обидеть ее или нет?

— Обидеть вас? Ну, знаете ли...

— Да, обидеть. Капитан Блант, по возрасту вы годитесь мне в отцы, но тем не менее вы можете поцеловать меня, только если я вас сама об этом попрошу.

Блант рассмеялся.

— Это мне нравится: если вы сами меня попросите! О, черноглазая проказница! Ей-богу, я бы не прочь!

— Уверена, что и другие были бы не прочь.

— Например, этот офицерик, не так ли, мисс скромница? Я видел, как он смотрел на вас. Уверен, что он тоже не прочь.

Девушка бросила на него искоса быстрый взгляд.

— Вы говорите о лейтенанте Фрере? Вы что, ревнуете?

— Ревную? Господь с вами! Ведь у этого юнца молоко на губах еще не обсохло. Ревную!

— А я говорю — ревнуете, и ревнуете зря. Од просто болван, хотя и лейтенант.

— Что верно, то верно! Клянусь, вы не ошиблись.

Сара Пэрфой засмеялась низким грудным смехом, и от этого смеха пульс Бланта учащенно забился, кровь быстрее заструилась по жилам, так что даже стало покалывать в кончиках пальцев.

— Капитан Блант, вы собираетесь сделать большую глупость.

— Какую? — Он ближе придвинулся к ней и попытался взять ее руку.

— Вам сколько лет?

— Сорок два, если угодно.

— О боже! И вы собираетесь влюбиться в девятнадцатилетнюю девчонку!

— В кого же это?

— В меня! — сказала она, подавая руку и улыбаясь полными алыми губами.

Бизань скрывала их от рулевого, и палубу заливал сумеречный свет тропических звезд. Блант ощутил на своей щеке теплое дыхание этой странной женщины; зрачки ее то суживались, то расширялись, а твердая маленькая рука, которую он держал в своей, была горячее как огонь.

— Вы правы! — воскликнул он. — Я уже почти в вас влюбился!

Взглянув на него, она опустила густые ресницы и с презрением отдернула руку.

— Только не влюбляйтесь окончательно. Если влюбитесь, вам придется об этом пожалеть.

— Да неужели? Это уж мое дело. А теперь, плутовка, подарите мне тот поцелуй, который вы мне остались должны. — И он заключил девушку в объятия. Она мгновенно вырвалась из его рук, и глаза ее гневно сверкнули.

— Как вы смеете! — воскликнула она. — Воровать поцелуи! Фу! Вы ухаживаете, как школьник! Если я в вас влюблюсь, я сама вас поцелую, и не один раз. Если же нет — будьте любезны, держитесь на расстоянии.

Блант не знал, рассмеяться ему или рассердиться на этот отпор. Он сознавал, что попал в смешное положение, и решил обратить все в шутку.

— Ну и злочка же вы! Как я должен вести себя, чтобы понравиться вам?

Она сделала ему реверанс.

— Это уж ваше дело, — сказала она.

Тут в сумерках обозначилась голова Мориса Фрера. Блант отошел, весьма озадаченный, однако довольный.

«Славная девчонка, черт побери,— сказал он самому себе, сдвинув набекрень фуражку.— Бьюсь об заклад, что она ко мне равнодушна».

Тихо насвистывая, капитан стал прохаживаться по палубе, бросая косые взгляды на Фрера, занявшего его место. Но тем не менее скромность заставляла его держаться поодаль. Приветствие Мориса Фрера было кратким.

— Ну что ж, Сара,— сказал он,— ты перестала злиться?

Она нахмурилась.

— А за что вы ударили того человека? Ведь он вам ничего не сделал.

— Он забыл свое место. Какого черта он появился на палубе? Этих негодяев, милочка, надо держать под каблуком.

— Иначе вам с ними не справиться? Скажите, может ли один человек захватить корабль?

— Один — нет, а сотня людей смогла бы.

— Да неужели? Ведь на корабле солдаты, пятьдесят солдат!

— Это так, но...

— Что «но»?..

— Какая разница... Это незаконно, и мы этого не допустим.

— Потому что это противоречит Королевским предписаниям, как сказал бы капитан Викингс.

Фрер рассмеялся. Она очень похоже изобразила напыщенного Викингса.

— Ты странная девушка, Сара, я не могу тебя разгадать. А ну, скажи мне, кто ты такая? — спросил Фрер, взяв ее руку.

— А вы обещаете никому не говорить?

— Обещаю.

— Даете слово?

— Даю.

— Ну, хорошо... А все-таки я боюсь, что вы расскажете.

— Да нет же. Говори.

— Я горничная в семье джентльмена, едущего за границу.

— Сара, ты можешь говорить серьезно?

— А я и говорю серьезно. Я поступила на это место по объявлению.

— Меня интересует другое: какое положение ты занимала раньше? Ведь не была же ты всю жизнь горничной?

Она плотнее закуталась в шаль и поежилась.

— Конечно, горничными на свет не родятся.

— Кто ты такая? Есть ли у тебя друзья? Кем ты была раньше?

Она посмотрела молодому человеку в глаза, и в ее взгляде уже не было прежней суровости. Ластясь к нему, она прошептала:

— Вы любите меня, Морис?

Он поднес к губам ее маленькую руку, лежавшую на гакаборте, и, пользуясь темнотой, поцеловал ее.

— Ты знаешь, что люблю,— сказал он.— Кем бы ты ни была, пусть даже служанкой,— ты самая красивая девушка, которую я встречал.

Она улыбнулась столь пылкому выражению чувств.

— А если любите, тогда не все ли равно, кто я?

— Если бы ты любила меня, ты бы ответила на мой вопрос.— Это вырвалось у него так стремительно, что он сам удивился.

— Но мне нечего вам сказать. Я вас не люблю — пока что...

Он резко отвернулся и выпустил ее руку. К ним подошел Блаит, которому ожидание стало уже невтерпёж.

— Прекрасная ночь, мистер Фрер.

— Ночь как ночь.

— И ни малейшего бриза.

— Да, ни малейшего.

В это мгновение из фиолетовой дымки, висящей над горизонтом, поднялось странное зарево.

— Смотрите! — закричал Фрер.— Вы видели?

Все это видели, но странное явление больше не повторилось. Блаит протер глаза.

— Я видел это так ясно,— сказал он.— Вспышка света!

Все стали напряженно смотреть в темноту, стараясь хоть что-нибудь в ней разглядеть.

— Еще до обеда Бест видел нечто подобное. Очевидно, в атмосфере гроза.

И вдруг тоненькая струйка света взвилась к небу и снова канула в море.

На этот раз уже не было никакого сомнения, и все стоящие на палубе одновременно вскрикнули. Из мрака, нависшего над горизонтом, поднялся столб пламени, который на мгновение осветил ночной мрак и тут же потух, оставив на воде тусклую красную искру.

— Это горит корабль! — воскликнул Фрер.

ОДНООБРАЗИЕ ПРЕРЫВАЕТСЯ

Они продолжали смотреть. Тусклая искорка еще горела, и вдруг прямо над ней из темноты вспыхнуло малиновое пятно, которое зловещей звездой повисло в воздухе. Солдаты и матросы, находившиеся на баке, тоже увидели его, и через секунду весь корабль пришел в движение. Миссис Викерс с маленькой Сильвией, державшейся за ее юбку, вышли на палубу, чтобы полюбоваться невиданным зрелищем; при появлении госпожи почтительная горничная потихоньку отошла от Фрера. Она могла бы и не делать этого — на нее уже больше никто не смотрел. Блант, как истый моряк, с профессиональным интересом наблюдал за кораблем и, разумеется, забыл о ее существовании, а вниманием Фрера всецело завладел Викерс.

— Спустите шлюпку, Фрер! Это необходимо. Абсолютно необходимо, — настаивал Викерс. — Разумеется, если капитан не станет возражать и если это не противоречит Королевским предписаниям...

— Капитан, вы спустите шлюпку, а? Еще можно спасти уцелевших! — крикнул Фрер, ощутив новый прилив энергии и предвкушая волнующие события.

— Спустить шлюпку? — переспросил Блант. — Но ведь до корабля от нас более двенадцати миль и ни малейшего ветерка!

— Да, но мы не можем допустить, чтобы люди жарились в огне, как каштаны! — воскликнул Фрер, наблюдая, как по небу разливается густое малиновое зарево.

— Шлюпка их не спасет, — заметил Пайн. — Ведь даже баркас может забрать только тридцать человек, а там горит большой корабль.

— Тогда мы отправим несколько шлюпок! Неужели же вы дадите им заживо сгореть и даже пальцем не пошевелите ради их спасения?

— У них есть свои шлюпки, — холодно ответил Блант, чье спокойствие резко отщепилось горячностью молодого офицера. — Если пожар усилится, будьте уверены, они сами спустят шлюпки. А пока мы дадим сигнал, пусть знают, что рядом с ними люди.

И сноп синего света с шипеньем взметнулся в ночное небо.

— Ну вот! Надеюсь, они это увидят, — сказал он, и как бы в ответ ему адское пламя озарило небосклон, за-

тмив на секунду звезды, когда же вспышка прошла, они заблистали еще ярче на потемневшем небе.

— Спускайте шлюпки, мистер Бест, сажайте в них людей! А вы, мистер Фрер, если хотите, отправляйтесь в одной из них, да прихватите с собой парочку добровольцев из ваших арестантов. Я должен оставить побольше людей для баркаса и катера в случае, если они понадобятся. Ну, держитесь, ребята! Спокойно!

И когда первые восемь человек появились на палубе и бросились к шлюпкам по правый и левый борт корабля, Фрер поспешил вниз.

Миссис Викерс, разумеется, всем мешала в проходе, и когда Блант задел ее, наскоро пробормотав извинение, она кокетливо взвизгнула; ее служанка стояла у поручней, прямая как изваяние. Когда же капитан задержался на секунду, чтобы оценить обстановку, он перехватил восхищенный взгляд ее темных глаз, устремленных на него, и этот дородный, седовласый, пожилой мужчина вспыхнул, как школьник, сказал про себя: «Вот плутовка!» — и чертыхнулся.

А тем временем Морис Фрер, миновав часового, сошел в арестантскую. Одного кивка было достаточно, чтобы двери тюрьмы распахнулись. Жаркий, гнилой, удушливый воздух помещения, забитого до отказа людскими телами, ударил ему в лицо. Ему показалось, будто он вошел в грязный хлев.

Быстро оглядев два яруса нар, расположенных по борту корабля, Фрер остановился возле ближайших нар и при свете иллюминатора заметил здесь непорядок — вместо шести пар ног с нар свешивались только четыре.

— Часовой, где арестанты? — спросил он.

— Один заболел, сэр. Доктор отправил его в лазарет.

— Ну, а другой?

В проходе появился второй арестант, — это был Руфус Доуз. Он посторонился и отдал честь.

— Мне стало плохо, сэр, и я хотел открыть порт¹.

Все арестанты на нарах подняли головы, их глаза и уши жаждали видеть и слышать происходящее. Двойной ярус нар сейчас более чем когда-либо напоминал ряд клеток с дикими зверями.

Морис Фрер возмущенно топнул ногой.

— Тебе стало плохо! С чего это ты вдруг заболел, ле-

---

¹ Порт (мор.) — герметически закрывающийся вырез в бортах судна.

нивая тварь? Я мигом выколочу из тебя болезнь! Становись сюда!

Руфус Доуз недоуменно повиновался приказу. Выглядел он унылым и подавленным. Он провел рукой по лбу, словно пытаясь снять с него боль.

— Есть среди вас гребцы? — продолжал Фрер. — Пятьдесят человек мне не пужно, черт бы вас побрал! Трех достаточно. Ну, шевелитесь!

Тяжелая дверь снова грохнула, и через мгновение четверо «добровольцев» очутились на палубе. Малиновое зарево, расплываясь по небу, стало желтеть.

— По два человека в шлюпку! — скомандовал капитан. — Бест, я буду каждый час посылать вам сигнал. Смотрите, чтоб они вас не потопили. Ну, быстро, по шлюпкам, ребята!

Когда второй арестант в шлюпке Фрера взялся за весло, он согнулся от боли и застонал, но тут же прикусил губу. Сара Пэрфой, стоящая у борта, это заметила.

— Что с этим человеком? — спросила она Пайна. — Он болен?

Пайн, стоявший рядом с ней, тут же пасторожился.

— Да ведь это парень с десятых нар, он болен! Эй, Фрер, постойте! — закричал доктор.

Но Фрер его не слышал. Он внимательно следил за сигнальным огнем, который на расстоянии запылал еще ярче.

— Нажали на весла, ребята! — скомандовал Фрер.

Сопровождаемые одобрительными возгласами, обо шлюпки, прорезав круг синего света, исчезли во мраке.

Сара Пэрфой взглянула на Пайна, ожидая от него объяснений, но тот резко от нее отвернулся. С минуту девушка стояла в нерешительности, но когда доктор удалился на почтительное расстояние, она быстро осмотрелась и, легко ступая по трапу, поспешила в помещение для арестантов.

Обитая железом перегородка с амбразурами для ружей и опускной железной дверью, открываемой в экстренных случаях, отделяла солдат от арестантов. Охранявший дверь часовой вопросительно посмотрел на Сару. Но она положила свою маленькую ручку на его большую и грубую руку — часовой ведь тоже человек! — и посмотрела на него в упор своими темными глазами.

— Мне пужно в лазарет, — сказала она. — Меня послал доктор.

И прежде, чем он мог ответить, ее белая фигурка юркнула в люк и появилась по ту сторону переборки, за которой лежал больной.

Лазаретом именовалась часть нижней палубы возле кормового иллюминатора, отделенная переборкой от помещения для солдат. Попросту говоря, это была искусственно созданная кормовая каюта. В случае необходимости туда можно было втиснуть человек двенадцать.

Хотя жара там была не столь угнетающей, как в арестантской, все же воздух был тяжел и удушлив; и когда девушка остановилась и прислушалась к неясному гулу разговора, доносившемуся с солдатских косяк за переборкой, у нее внезапно закружилась голова, и ей стало плохо. Однако она преодолела это ощущение и протянула руку человеку, вынырнувшему из царства теней, отбрасываемых равномерно покачивающимся фонарем. Это был молодой солдат, который в тот день нес караул у трапа, ведущего в арестантскую.

— Я здесь, мисс, — сказал он. — Видите, жду вас.

— Ты славный парень, Майлс. Но ведь меня стоит ждать?

— Конечно, мисс! — сказал он, широко улыбнувшись.

Сначала Сара Пэрфой нахмурилась, а потом улыбнулась в ответ.

— Подойди ближе, Майлс, я что-то тебе принесла.

Майлс подошел, улыбнувшись еще шире.

Девушка вынула из кармана небольшую фляжку. Если бы миссис Викерс увидела ее, она бы очень рассердилась: это была фляжка с бренди, принадлежащая самому капитану Викерсу.

— Выпей, — сказала она. — Это пьют господа наверху, и тебе не повредит.

Парень не заставил себя уговаривать. Осушив одним глотком половину фляжки, он глубоко вздохнул и устремил свой взор на девушку.

— Бренди что надо!

— Еще бы!

Сара с явным неодобрением смотрела, как он пил.

— Бренди — это единственное, в чем вы, мужчины, знаете толк.

Майлс подошел к ней вплотную, тяжело дыша, и в его маленьких пороссячьих глазках заиграли веселые огоньки,

— Будьте уверены, мисс, я еще кое в чем разбираюсь.

Этот намек напомнил ей о цели ее прихода. Сара рас- смеялась, но не слишком громко, как подобало в данной ситуации, и коснулась его руки. Этот юнец — в сущности, то был самый настоящий желторотый юнец, один из тех неотесанных крестьянских пареньков, которые бросили свой плуг, сменив его на ружье, чтобы за шиллинг в день познать блеск и превратности победных битв, — покраснел до корней своих коротко подстриженных волос.

— Погоди, Майлс. Ты ведь простой солдат, и ты не должен требовать от меня ничего такого.

— Как «ничего такого»? Тогда зачем же вы сами назначили мне здесь свидание?

Она вновь расхохоталась.

— Ты уж сразу хочешь воспользоваться случаем! А быть может, я просто хотела тебе что-то сказать?

Майлс не спускал с нее глаз.

— Конечно, трудно быть женой солдата, — сказал он, и в том, как он выговорил слово «солдат», прозвучала гордость новобранца. — Но бывает и хуже, мисс, а я, клянусь, буду вам рабом на веки вечные.

Она посмотрела на него с любопытством и удовольствием. Хотя время было ей дорого, она все же не могла устоять против соблазна выслушать его признания.

— Я знаю, мисс Сара, что я ниже вас. Вы — барышня, но, клянусь, я вас люблю, а вы мучаете меня своими штучками.

— Какими штучками?

— Вы еще спрашиваете! Мучаете — и все. Для чего же вы меня раздражили, а потом стали переглядываться с другими мужчинами?

— С какими другими?

— Ну, с господами из офицерской рубки: со шкипером, священником и с этим Фрером. Я видел, как вы по ночам прогуливались с ним по палубе. Пусть он катится ко всем чертям! Я так бы и разможил его рыжую башку.

— Тс-с! Майлс, голубчик, тебя могут услышать!

Лицо Сары пылало, ее тонкие ноздри подергивались. Она, несомненно, была красива, но в этот момент в ее лице было что-то тигриное.

Придя в восторг от слова «голубчик», Майлс обхватил руку ее тонкую талию, и Сара не оттолкнула его.

— Тс-с! — шепнула она, хорошо разыграв изумление. — Я слышала шум!

И когда солдат от нее отпрянул, она как ни в чем не бывало разгладила свое платье.

— Никого же нет! — воскликнул он.

— Нет? Стало быть, я ошиблась. Подойди поближе, Майлс.

Майлс повиновался.

— Кто здесь лежит в лазарете?

— Не знаю.

— Допустим, но я хочу туда пройти.

Майлс почесал голову и ухмыльнулся.

— Это запрещено!

— Но ты же раньше пропускал меня.

— Я нарушал приказ доктора. Теперь он не велел никого пускать, кроме него самого.

— Вздор!

— Нет, не вздор. Сегодня вечером сюда поместили арестанта. И к нему подпускать никого не велено.

— Арестанта? — спросила она с интересом. — А что с ним?

— Не знаю. До прихода доктора Пайна приказано его не тревожить.

— Майлс, пропусти меня, — сказала она повелительным тоном.

— Не просите, мисс. Я не могу нарушить приказ.

— Нарушить приказ! Ты ведь только что хвастался, что тебе все нипочем.

Задетый за живое, Майлс разозлился:

— Хвастался — не хвастался, а приказ есть приказ.

Она отвернулась.

— Что ж, хорошо. Если это вся твоя благодарность за то, что я теряю здесь время с тобой, то я сейчас же поднимусь на палубу. Там немало сговорчивых людей.

Майлс завокнулся.

— Меня пропустит мистер Фрер, если я его попрошу, — сказала она.

Майлс тихонечко чертыхнулся:

— Сдался вам мистер Фрер! Ну ладно, проходите, коли вам хочется, но запомните, что это я вам удружил.

Она остановилась у трапа.

— Ты добрый малый. Я знала, что ты не откажешь мне. — И, улыбнувшись одуроченному парню, она прошла в лазарет.

Там было темно, и только тусклый, туманный свет проникал сквозь наполовину задраенные кормовые иллюминаторы. Монотонный плеск воды от покачивания

корабля на ленивых волнах служил как бы грустным аккомпанементом тяжелому дыханию больного, заполнявшему, казалось, все пространство каюты. Легкий скрип отворившейся двери разбудил его; приподнявшись на локте, он начал что-то бормотать. Сара Пэрфой остановилась в дверях и прислушалась, но никак не могла уловить смысл этого тихого, но беспокойного бормотания. Сделав знак рукой — а белый рукав ее платья отчетливо вырисовывался в полумраке, — она подозвала к себе Майлса.

— Фонарь, — шепнула она, — принеси фонарь!

Он снял с каната фонарь и осветил ей. В эту минуту больной резко поднялся на нарах и повернулся к свету.

— Сара! — пронзительно крикнул он. — Сара! — и стал шарить во мраке исхудалой рукой, словно желая поймать девушку.

С быстрой пантеры Сара выхватила фонарь из рук своего поклонника и в мгновение ока снова оказалась у изголовья койки. Арестанту было около двадцати четырех лет. Небольшие мягкие руки сейчас конвульсивно сжимали одеяло, на небритом подбородке пробивалась густая борода. Черные глаза дико блуждали — в них был болезненный блеск горячки. Он тяжело дышал, пот бисеринками выступал на его смуглом лбу.

Вид у больного был страшный, и Майлс шарахнулся в сторону, вполне разделяя ужас горничной миссис Векерс. Сара застыла посреди каюты с фонарем в руке, впиваясь глазами в лицо арестанта, рот ее был полуоткрыт, лицо выражало страдание.

— Господи, на кого он похож! — выговорил Майлс. — Уходите, мисс, и закройте дверь. Говорю вам — он бредит!

Звук его голоса отрезвил девушку. Она поставила фонарь и бросилась к койке.

— Дурак, неужто ты не видишь, что он задыхается? Воды! Принеси воды! — И, обхватив голову больного, она прижала ее к груди, раскачиваясь в каком-то исступлении.

Покорный ее приказанию, Майлс окунул жестяную кружку в небольшой открытый бачок, закрепленный бугелем в углу, и дал ее Саре. Не поблагодарив его, девушка поднесла кружку к губам арестанта. Тот стал жадно пить и, закрыв глаза, облегченно вздохнул.

В этот момент чуткий слух Майлса уловил цоцвякивание оружия.

— Идет доктор, мисс! — воскликнул он. — Я слышу звон оружия, должно быть, часовой отдает ему честь. Уходите скорее!

Сара схватила фонарь и, открыв задвижку, погасила его.

— Скажи, что он сам погас, и держи язык за зубами, — сурово шепнула она. — А я уж как-нибудь вывернусь.

Она склонилась над арестантом, как бы поправляя подушку, а затем выскользнула из помещения как раз в ту минуту, когда доктор Пайп спускался по трапу.

— Эй, кто там? — крикнул он, остушившись. — Где свет?

— Сейчас, сэр, — ответил Майлс, возясь с фонарем. — Все в порядке, сэр. Он просто погас, сэр.

— Погас? Зачем же ты, болван, дал ему погаснуть? — проворчал Пайп, ничего не подозревая. — Экие вы все тут олухи! Для чего же фонарь, если он не горит?

И он пошел вперед, вытянув перед собой руки, а Сара Пэрфой тем временем прошла как тень мимо него и поднялась на верхнюю палубу.

Глава 5

В АРЕСТАНТСКОЙ

В арестантской, находящейся между двумя палубами, царил темнота, наполненная гулом голосов. Караульный у входа был обязан «предотвращать всякий шум», но он свободно толковал этот параграф служебного устава, и пока арестанты не начинали кричать, горланить и драться, что с ними нередко случалось, — он их не трогал. Такая тактика в соблюдении тюремного распорядка диктовалась простым благоразумием — ведь не мог часовой в одиночку противостоять скопищу арестантов, а те, если на них оказывали давление, поднимали такой страшный галдеж, что в нем тонули все голоса, и это лишало начальство возможности наказать кого-либо в отдельности. Не мог же один солдат подвергнуть порке все сто восемьдесят человек, а зачинщиков скандала найти было невозможно. Поэтому арестанты пользовались негласным правом тихо разговаривать и прохаживаться внутри своей дубовой клетки.

Человеку, спустившемуся с верхней палубы, могло бы показаться, что здесь царил непроницаемый мрак. Однако

глаза арестантов, привыкшие к беспросветному мраку, свободно различали окружающие предметы.

Площадь тюрьмы была пятьдесят футов в длину и пятьдесят футов в ширину, а высота ее достигала примерно пяти футов и десяти дюймов, что составляло расстояние, отделявшее одну палубу от другой. В некоторых местах переборки были сделаны отверстия достаточно широкие, чтобы в них мог пройти ружейный ствол. В кормовой части, примыкавшей к помещению для солдат, находился люк, похожий на жерло кочегарской топки. Сначала могло показаться, что это сделано с гуманной целью — для вентиляции помещения, но это впечатление вскоре рассеивалось. Отверстие было ровно такой величины, чтобы в него можно было пропустить ствол маленькой гаубицы с нижней палубы. В случае бунта солдаты могли бы прочесать тюрьму шрапнельным огнем. Очень мало свежего воздуха проникало в помещение через стенные отверстия, а основной его приток шел через палубный люк. Но так как люк находился только в одном конце тюрьмы, то свежий воздух поглощался двадцатью или тридцатью счастливыми, лежавшими под люком, а до остальных ста пятидесяти человек он почти не доходил. Порты были все время открыты, но их почти целиком заслоняли нары, подходившие к ним вплотную, и воздух, поступающий через порты, являлся как бы собственностью тех, кто эти места занимал. Нар было двадцать восемь, на каждом — по шесть человек. Нары проходили двойным ярусом по двум сторонам тюрьмы — по десяти с каждой стороны и восемь у передней части, напротив дверей. Для одних нар отводилось пять квадратных футов и шесть дюймов. Однако последние были урезаны из-за недостатка места; но и при такой скученности двенадцать человек все же были вынуждены спать на полу.

Пайн не преувеличивал, когда говорил о скученности на арестантских кораблях, а так как он получал по полгинеи за каждого человека, доставленного живым в Хобарт-Таун, у него были все основания жаловаться.

Еще всего лишь час назад, когда Фрер заходил сюда, все арестанты лежали, укутанные одеялами. Сейчас все выглядело иначе, хотя при первом же лязге засовов все арестанты обычно кидались на свои нары и притворялись спящими. Как только глаза привыкали к густому тюремному сумраку, перед приходившим открывалась необычная картина. Группы людей в самых невероятных позах лежали, стояли, сидели или расхаживали взад и вперед. Это

было повторением сцены на кормовой палубе, только здесь эти озверевшие полулюди не боялись надзора стражников и чувствовали себя раскованней в своих движениях. Словами невозможно описать уродливую фантазмагорию тел и голов, копошащихся в тлетворном зловонии этой кошмарной тюрьмы. Калло¹ мог бы изобразить ее или Данте создать своей фантазией, но все иные попытки оказались бы бессильными. В человеческой природе есть непознаваемые глубины, подобные наполненным ядовитыми миазмами темным пещерам, проникнуть в которые никто не решится.

Старики, юпоши, мальчики, матерые грабители, разбойники с больших дорог спали бок о бок с тщедушными карманниками и пронырливыми уличными воришками. Фальшивомонетчик разделял нары с похитителем трупов. Человек с образованием постигал неведомые ему тайны ремесла взломщика, а какой-нибудь хулиган из Сент-Джайлса брал уроки самообладания у профессионального мошенника. Проворовавшийся клерк и крупный светский авантюрист обменивались опытом. Рассказы контрабандистов об удачных операциях чередовались с воспоминаниями воров о том, как в туманные ночи они похищали у прохожих часы. Браконьер, погруженный в мрачные раздумья о больной жене и осиротевших детях, вздрагивал, когда забуддыга из ночлежки хлопал его по плечу и крепким словом советовал ему взбодриться и «стать мужчиной». Непутевый рассыльный из лавки, доведенный до тюрьмы пристрастием к кутежам, отбросив первоначальный стыд, жадно внимал историям о подвигах на стезе порока, которые с таким смаком расписывали старшие.

Получить срок — не такое уж необычное дело для многих. Старики смеялись, покачивая седыми головами, вспоминая о веселых деньках в прошлом, а молодые, слушая их, надеялись, что им тоже когда-нибудь улыбнется счастье. Общество было их врагом, а судьи, тюремщики и священники — предметом их ненависти. Они считали, что только дураки ведут честную жизнь и только жалкие трусы могут благословлять карающие их розги и не думать, как отомстить этому благопристойному миру за нанесенные им обиды.

Каждый новый пришелец становился еще одним новобранцем в рядах этой армии преступников, он был уже

---

¹ Калло Жак (1592 или 1593—1635) — французский график, мастер причудливых фантастических гротесков.

не человеком, а арестантом, отбывающим срок в этом зловонном, позорном логове, давшим клятву ненависти к закону и к тем, кто на воле. Кем он был раньше, уже не имело значения. Теперь он был заключенный, брошенный в душную арестантскую, слившийся с самой порочной частью человечества, готовый ввергнуться в самые невероятные глубины кощунства и непристойности, ежеминутно представляющиеся его зрению и слуху. Он терял чувство собственного достоинства и становился тем, чем считали его тюремщики — диким зверем, посаженным за решетку, запертым на железные засовы, чтобы он не вырвался оттуда и не растерзал их на части.

Разговор шел о внезапном вызове четырех арестантов. Зачем они им понадобились в такой час?

— Говорю вам, наверху что-то случилось, — сказал чей-то голос, обращаясь к соседям. — Разве вы не слышите, какой там шум?

— Зачем они спустили шлюпки? Я слышал, как плеснули весла!

— Не знаю, дружище. Может, хоронят кого? — предположил низенький толстяк, и эта догадка показалась ему весьма забавной.

— Может, отдал концы какой-нибудь парень в кают-компании? — подхватил другой, и все грохнуло от хохота.

— Ну, такого счастья вряд ли дождешься! Пока еще погоди опускать кливер в знак траура. Нет, пожалуй, это шкипер пошел рыбачить.

— Шкипер рыбу не ловит, дурак ты. На черта ему это надо? Да еще среди ночи!

— Подходящая работенка для старика Доври, а? — сказал пятый, кивая на седого человека, вторично осужденного за похищение трупов.

— Зачем им рыба? Они ведь «ловцы душ», — вставил молодой вор, имевший в Лондоне репутацию лучшего «ворона»¹. Ведь так говорит пастор.

Он комически изобразил гнусавого методистского проповедника, чем вызвал новый взрыв смеха.

В это время к двери ощупью пробирался маленький тщедушный воришка-кокни; он столкнулся с кем-то из говоривших, и на него обрушился град пинков и ругательств.

---

¹ «Ворон» (жарг.) — в шайке ночных воров человек, стоящий на страже, предупреждающий об опасности.

— Простите, джентльмены,— вскричал несчастный,— мне нужен воздух, мне душно.

— Так ты уже и о душе подумываешь? Ишь ты, приткий! — посмеялся Ворон, окрыленный успехом, вызвавшим его предыдущей шуткой.

— О, сэр, спине ломит!

— Вставайте! — простонал кто-то в темноте.— О, господа, мне душно! Эй, часовой!

— Воды! — крикнул маленький кокни.— Дайте хоть капельку, бога ради! В глотке пересохло, с утра не было ни капли.

— А ты уже получил свою порцию, парень, полгаллона на день,— проворчал стоявший рядом матрос.

— И впрямь, где ж твоя порция? Как-никак целых полгаллона! — издевательски спросил Ворон.

— Утащили мою воду! — простонал бедняга.

— Да он ведь ее загнал! — крикнул кто-то.— Обменял на воскресный костюм. Ну и ловкач, парень! — И сказавший это нырнул с головой под одеяло, якобы смутившись.

В это время несчастный кокни — портной по профессии — ползал под ногами у Ворона и его дружков.

— Дайте мне выйти, господа! — умолял он.— Дайте мне выйти! Ох, умираю!

— Пропустите джентльмена на палубу! — засмеялся остряк на парях.— Неужто вы не знаете, что его там дожидается карета, он в оперу торопится!

Шум голосов усилился, и с верхних нар свесилась голова, своей формой напоминающая дыню.

— Чего вы спать не даете? — проворчал грубый голос.— Клянусь, вот встану и вытрясу из вас последние мозги!

Очевидно, говоривший пользовался у всей братии почетом, так как шум мгновенно стих. В наступившей тишине раздался пронзительный крик несчастного портного.

— Помогите! Убивают! А-а-а-а!

— В чем дело? — заорал блюститель тишины и, прыгнув с нар, расшвырял в разные стороны приятелей Ворона.— Пустите же человека!

— Воздуху! — вопил бедняга.— Воздуху! Невмоготу мне...

И тут же застонал другой человек на парях.

— Ах, черти вы окайные! — зарычал детина и, схватив задыхающегося портного за шиворот, злобно посмотрел вокруг.— Вот так штука! Да никак у всех желторотых началась лихорадка!

Человек на нарах застонал еще громче.

— Кликните часового! — отозвался кто-то, видно, более мягкосердечный, чем остальные.

— А ну! — сказал шутник. — Выносите его. Одним будет меньше. На кой он нам сдался? А местечко его мы займем.

— Часовой, тут человеку плохо!

Но часовой знал свои обязанности и не отвечал. Этому молодому солдату уже были хорошо известны все уловки арестантов. Кроме того, капитан Викерс старательно внушал ему, что, «согласно Королевским предписаниям, солдату запрещается отвечать на вопросы или просьбы заключенных, а в случае, если к нему обратятся, он обязан вызвать дежурного офицера».

Солдат мог позвать на помощь, но ему не хотелось беспокоить других часовых из-за какого-то больного арестанта, и, зная, что через несколько минут на дежурство заступит третья смена, солдат решил подождать. Тем временем портному стало хуже, и он жалобно застонал.

— Эй, кто-нибудь! — в отчаянии крикнул его заступник. — Потерпи немного! Да что с тобой? Ну, помогите же кто-нибудь! — И несчастного подвели к двери.

— Воды! — прошептал он, беспомощно царапая толстую дубовую панель. — Ради бога, воды, сэр!

Но вышколенный часовой молчал, пока корабельный колокол не предупредил его о смене караула. И только когда честный старина Пайн пришел осведомиться об арестантах, часовой сообщил ему, что еще одному стало плохо.

Пайн приказал немедленно открыть дверь и выпустить несчастного портного. Достаточно было взглянуть на его воспаленное, пышущее жаром лицо, чтобы сообразить, что с ним.

— Кто еще там стопет? — спросил Пайн.

Стонал человек, который час назад звал часового, и доктор тоже вызволил его из арестантской, к немалому удивлению всей братии.

— Отведите их обоих в лазарет, — распорядился Пайн. — Дженкинс, если еще кому-нибудь станет плохо, немедленно дайте мне знать. Я буду на палубе.

Часовые с тревогой переглянулись, но ничего не сказали, они больше думали о корабле, ярким пламенем пылающем на морской глади, нежели об опасности в двух шагах от них.

Поднявшись на палубу, Пайн встретил Бланта.

— На борту тиф.

— Боже милосердный! Вы это серьезно, Пайн?

Доктор печально покачал седеющей головой.

— Это проклятый штиль вызвал заболевание. Впрочем, при такой перегрузке корабля я все время опасался вспышки эпидемии. Когда я плывал на «Гекубе»...

— А кто заболел?

Пайн засмеялся полуснисходительно, полусердито:

— Конечно, арестант, а кто же еще? У них там такое зловоние, как на Смитфилдском рынке. Сто восемьдесят человек, загнанных в клетку длиной в пятьдесят пять футов, где воздух горячее, чем в печке, — чего же еще можно ожидать?

Блант топнул ногой.

— Это не моя вина! — воскликнул он. — Даже солдатам приходится спать на палубе. Если правительство перегружает арестантские корабли, я ничего не могу поделать!

— Правительство! Ах! Правительство! Оно не спит на парах по шестьдесят человек в ряд в помещении высотой всего лишь в шесть футов. Правительство не болеет тифом в тропиках, не так ли?

— Да, это так, но...

— Тогда о чем же думает наше правительство?

Блант вытер вспотевший лоб.

— Кто заболел первым?

— Парень с места девяносто семь. Десятый по счету в нижнем ряду. Джон Рекс.

— Вы уверены, что это тиф?

— Абсолютно уверен. Голова пылает, как огненный шар, язык — словно его обожгли. Господи, да неужели же я не видел тифа! — И Пайн горько усмехнулся. — Я перевел больного в лазарет. Тоже мне, лазарет! Темно, как у волка в пасти. Я видел собачьи конуры намного удобнее вашего лазарета.

Блант указал глазами на зловещее облако дыма, вырвавшееся из красного зарева.

— А вдруг тот корабль так же перегружен, как и наш? Но так или иначе придется взять всех пострадавших на борт.

— Само собой разумеется, — мрачно отозвался Пайн. — И где-то надо будет их разместить. Тогда нам придется с первым же бризом податься к мысу Доброй Надежды. Это все, что я могу предложить. — И, отвернувшись, он погрузился в созерцание горящего корабля.

СУДЬБА «ГИДАСПА»

Тем временем две шлюпки продолжали идти к красному столбу огня, пылавшему подобно гигантскому факелу над молчаливым морем.

Блант был прав: горящий корабль находился в добрых двенадцати милях от «Малабара», и путь к нему был долгим и изнурительным. Отойдя на порядочное расстояние от корабля, до сих пор служившего им надежной защитой, смельчаки очутились в совершенно иной атмосфере. Теперь они шли по открытой воде, впервые ощутив под собой безмерные глубины океана. На борту арестантского корабля, хотя и лишенные многих удобств, оставленных на берегу, люди все же находились в привычном для них окружении и не так остро чувствовали свою оторванность от родной цивилизации. Светлая кают-компания, обычное оживление на баке, расстановка караула и смена часовых, даже наглухо закрытые двери мрачной тюрьмы — все это вместе взятое защищало их от капризов неведомой морской стихии. До сих пор неистовая стихия была милостива к ним. Хотя корабль одиноко шел по беспредельной океанской шире, люди были все вместе и знали, что все опасности могут быть преодолены сообща. Но сейчас, когда они удалялись от своего корабля и приближались туда, где царили отчаяние и ужас, к кораблю, пылавшему на черной глади океана, они ощутили свое ничтожество.

Это огромное чудовище «Малабар», во вместительном чреве которого жило и страдало столько людей, уменьшился теперь до размеров ореховой скорлупки, а ведь когда они спустились с него, то их судовые шлюпки казались им такими жалкими и хрупкими. Тогда возвышавшийся над ними черный корпус корабля представлялся незыблемой твердыней, способной противостоять самым свирепым бурям и ураганам; теперь же корабль превратился в щепку, болтающуюся над бездонной пучиной. Синий сигнальный огонь, первая вспышка которого окрасила весь небосвод своим ярким светом, заставив звезды померкнуть, казался всего лишь точечкой, отчетливой и блестящей, своим блеском лишь подчеркивающей эфемерность корабля. «Малабар» напоминал светлячка, упавшего на листок в воде, и его сигнальный огонь озарял мрак не более, чем фонарик в руках одинокого рудокопа в бездонной пропасти угольной шахты.

И все же «Малабар» вмещал две сотни человеческих существ, таких же точно, как они.

Шлюпки скользили по блестящей черной воде, которая вздымалась огромными валами, особенно страшными своей беззвучностью. Когда море шипит, оно разговаривает, и его речь ослабляет чувство страха; когда же оно бесшумно вздымает свои валы — оно молчит, словно замышляя недоброе. Океан в штиль похож на угрюмого исполина; его молчание пугает, в нем чудится какой-то коварный замысел. Кроме того, гневное море кажется памного меньше, чем море спокойное. Его бушующие волны приближают горизонт, и поэтому трудно охватить взором бесконечные мили водного пространства, на котором их взлеты повторяют друг друга. Чтобы ощутить всю безмерную ширь океана, надо увидеть его в те часы, когда он спит.

Огромное безоблачное небо поднималось над безмолвной водяной гладью. Звезды низко висели в необъятной его ширине, как бы прожигая лиловый туман нижних слоев атмосферы. Там тоже царил полная беззвучность, и каждый всплеск весел эхом откликался в пространстве, словно гармоническое чередование нежных звуков. Когда лопасти весел ударяли по темной воде, под ними вспыхивали искры, и след обеих шлюпок походил на двух морских змей, молча извиваясь плывущих по озеру ртути.

Это было чем-то вроде гонок, и гребцы, стиснув зубы, делали взмах за взмахом. И вдруг передняя шлюпка остановилась. Бест с веселым возгласом опередил ее, вырулив свою лодку на широкую малиновую полосу, простиравшуюся перед ними.

— Что у вас там? — окликнул он гребцов, но в ответ слышал только приглушенную брань Фрера, и его соперник снова рванулся вперед, стремясь догнать Беста.

В действительности же ничего не случилось — только один из арестантов, выбившись из сил, бросил весла.

— Какого черта! — воскликнул Фрер. — В чем дело? Опять этот Доуз? Ну, погоди, Доуз. Да что можно ожидать от такой шельмы? Но со мной этот номер не пройдет. Здесь тебе не палуба, где можно бездельничать. Нажимай на весла, скотина!

— Он, кажется, болен, сэр, — сочувственно проговорил второй гребец.

— Болен? Черта с два! Притворяется! А ну, поднажали!

Арестант снова взялся за весла, и лодка рванулась вперед. Однако, несмотря на понукания Фрера, гребцы

уже не смогли нагнать упущенный темп, Бест первым вошел в гущу черного облака, повисшего над багряной водой, и подал сигнал лодке Фрера,

— Соблюдайте дистанцию! — крикнул он. — Если на корабле еще много людей, они нас потопят. А люди там должны быть, ведь мы не встретили ни единой шлюпки.

Измученная команда еще раз приналегла на весла, а Бест окликнул людей на горящем корабле.

Это было громадное, неуклюжее судно с широким корпусом и высокой кормовой палубой. Как ни странно, оно уже почти развалилось, хотя огонь стал виден лишь недавно. Корабль выглядел совершенно безлюдным. Пожар разыгрался в его центральной части, и нижняя палуба являла собой сплошное море огня. Тут и там в боковой обшивке зияли большие обугленные щели и бреши, и яркое пламя просвечивало сквозь них, как сквозь прутья каминной решетки. Грот-матча, упав на правый бок, потащила за собой в воду черный обломок, и все неуклюжее судно накренилось набок. Огонь бушевал, как ливень, из трюма вместе с пламенем вырывались огромные клочья дыма иплыли над морем низким черным облаком.

Лодка Фрера медленно обошла корму, и он несколько раз окликал людей на корабле.

Ответа не последовало, и хотя поток огня, окрашивавший воду в кроваво-красный цвет, отчетливо высвечивал каждый канат, каждую деталь рангоута, напряженный взгляд лейтенанта не смог разглядеть на палубе ни единого человека. Лодка подошла еще ближе, теперь можно было рассмотреть позолоченные буквы на борту корабля.

— Эй, что за корабль? — вскричал Фрер, и голос его почти потонул в реве пламени. — Кто разберет надпись?

Движимый каким-то внутренним импульсом, Руфус Доуз встал, заслонив ладонью глаза.

— Ты что, онемел? Что за корабль?

— «Гидасп»!

Фрер задохнулся от волнения. «Гидасп»! Корабль, на котором отплыл его двоюродный брат Ричард Дивайн! Корабль, которого теперь напрасно будут ждать в Англии! «Гидасп» — и ему вдруг вспомнился разговор о пропавшем кузене.

— Обратно, ребята! Поворот на сто восемьдесят! Гребите что есть сил!

Шлюпка Беста подошла к ним.

— Что за корабль?

— Это «Гидасп»! — крикнул Фрер, бледный от стра-

ха.— Я его знаю. Он шел в Калькутту, у него на борту пять тонн пороха.

Этим все и объяснялось. И пожар, и причина стремительного исчезновения людей с корабля. Очевидно, по первой же тревоге команда кинулась к шлюпкам, бросив судно с его смертоносным грузом на произвол судьбы. Люди находились теперь далеко, на расстоянии нескольких миль от корабля, и, быть может, к несчастью для них, уходили в сторону от того места, где их ожидало спасение.

Шлюпки летели по волнам. Люди, которые стремились скорее добраться до горящего судна, теперь еще отчаяннее стремились уйти от него. Пламя уже поглотило почти всю корму; через несколько минут будет уже поздно. За десять минут люди не проронили ни слова. Напрягая мускулы и тяжело дыша, они молча работали веслами, не отрывая глаз от догорающих на воде обломков. Фрер и Бест, обернувшись назад, в ужасе глядели на призрак корабля, от которого они бежали, и торопили гребцов. Пламя лизнуло флаг, и очертания кормы исчезли в огне.

Еще секунда, и все будет кончено... А! Вот оно!..

Глухой грохот — и горящее судно раскололось на части; столб огня, вместе с черными кусками бимсов и досок, взвился над океаном; раздался страшный взрыв, словно небо и море столкнулись друг с другом, и тут же поднялась огромная гора воды, она приблизилась к ним, вскинула лодки и пронеслась дальше во мрак, оставив их потрясенными, оглушенными, почти задохнувшимися среди кромешной темноты и тишины, похожей на тишину могилы.

Всплеск воды от падающих обломков пробудил их от оцепенения, и когда синий свет с «Малабара» протянул по морю сверкающую тропу, они поняли, что спасены.

* * *

На борту «Малабара» два человека бродили по палубе в ожидании рассвета.

Наконец он наступил. Небо посветлело, туман рассеялся, и в восточной части горизонта показалась длинная бледно-желтая полоса. Постепенно вода заискрилась, и море изменило цвет, превратившись из черного в желтое, а потом стало прозрачно-зеленым.

Вахтенный с мачты окликнул людей на палубе: показались шлюпки, они приближались к кораблю, и светлая

вода сверкающими брызгами взлетала из-под весел. Люди, столпившиеся у борта, махали шляпами и радостными возгласами приветствовали прибывших.

— С ними никого нет! — воскликнул Блант. — Ну, слава богу, что хоть сами-то живы!

Шлюпки пришвартовались, и через несколько секунд Фрер был уже на палубе.

— Ну что там, Фрер?

— Все кончено, — ответил тот дрогнувшим голосом. — Нам едва удалось уйти. Мы были на волосок от смерти, сэр.

— А там вы никого не видели?

— Ни одной души. Вероятно, они ушли на шлюпках.

— Тогда они должны быть где-то поблизости, — сказал Блант, обозревая горизонт в подзорную трубу. — На весах далеко не уйдешь, а в воздухе ни единого дуновения, даже листочек не колыхнется.

— Возможно, они ушли в другую сторону, — заметил Фрер. — Вы же знаете, что они опередили нас на добрых четыре часа.

Подошедший Бест посвятил возбужденных слушателей во все подробности их экспедиции. Матросы подняли шлюпки и, закрепив их, поспешили на бак, чтобы поесть и рассказать о пережитом своим товарищам. Четверо арестантов были снова взяты под стражу и водворены обратно в тюрьму.

— А вам, Фрер, тоже не мешало бы пойти отдохнуть, — ворчливо проговорил Пайн. — Бесполезно торчать здесь. Даже если вы очень захотите, ветер от этого не подует.

— Хорошо, пойду. Я и впрямь устал как собака, к тому же сонный, как сова.

И, рассмеявшись с несвойственным ему добродушием, Фрер спустился в свою каюту.

Пайн взад и вперед прошелся по палубе, но, поймав взгляд Бланта, остановился и обратился к Викерсу:

— Вероятно, мое мнение покажется вам жестоким, капитан Викерс, но, быть может, и к лучшему, что они не выбрали тех несчастных людей с «Гидаспа». У нас и без них достаточно хлопот.

— О чем вы, доктор? — спросил Викерс, чьи человеческие чувства на сей раз пересилили его обычную сухость. — Неужели вы бросили бы этих несчастных на произвол судьбы?

— Как знать, — ответил тот, — возможно, они бы не поблагодарили нас, если бы мы взяли их на борт.

— Я вас не понимаю.

— На корабле началась эпидемия тифа.

Викерс удивленно поднял брови. Он впервые столкнулся с такой ситуацией, и хотя сообщение Пайна было ошеломляющим, в тифе, явившемся следствием людской скученности в тюрьме, лично для себя Викерс никакой опасности не видел.

— Это большое несчастье. Но вы, разумеется, примете меры...

— Болезнь пока ограничена пределами арестантской, — ответил Пайн, многозначительно подчеркнув слово «пока». — Но нельзя предсказать, насколько нам удастся локализовать эпидемию. Я уже троих отправил в лазарет.

— Что ж, сэр, здесь командуете вы. Я, разумеется, приложу все усилия, чтобы выполнить любое ваше распоряжение.

— Благодарю вас. Начнем с того, что лазарет надо расширить. Солдатам придется потесниться.

— Постараюсь это сделать.

— А вам мой совет: не выпускайте жену и маленькую дочку на палубу.

При упоминании о девочке Викерс побледнел.

— Боже милостивый, неужели есть опасность?

— Опасность существует для всех. Но если соблюдать меры предосторожности, то можно ее избежать. С вами еще служанка. Скажите ей, чтобы она поменьше выходила из каюты. Она любит слопяться по палубе, и мне это не нравится. Зараза распространяется очень быстро, и дети всегда болевают скорее, чем взрослые.

Викерс плотно сжал губы. Этот старый опытный врач, с его резким неприятным голосом, казался ему какой-то зловещей птицей.

Блант — он до сих пор молча прислушивался к разговору — вставил слово в защиту Сары:

— Пайн, эта девица вполне здорова. Разве у вас есть какое-то подозрение?

— Она-то вполне здорова, не сомневаюсь. К ней болезнь так легко не пристанет, как к нам. Взгляните на нее, видно, живуча, как кошка. Но именно она и может разнести заразу скорее, чем кто-либо другой.

— Я... Я должен это предотвратить! — вскричал перепуганный Викерс.

Женщина, о которой они говорили, встретила его у трапа. Ее лицо было бледнее обычного, темные круги под глазами свидетельствовали о бессонной ночи. Она, очевид-

но, хотела что-то сказать Пайпу, но, увидев Викерса, передумала.

— Что случилось? — спросил ее капитан.

— Я пришла за доктором Пайном, — проговорила Сара, переводя взгляд с одного на другого.

Страх за любимое существо подсказал Викерсу цель ее прихода.

— Кто-нибудь заболел?

— Мисс Сильвия, сэр, но ничего серьезного. Она немного простудилась, у нее жар, и госпожа...

Но Викерс уже не слушал. Он мгновенно сбежал вниз по трапу.

— Где ты была вчера? — спросил Пайн, ухватив Сару за ее полную, упругую руку.

Два больших пунцовых пятна выступили на ее бледных щеках, и она метнула на Бланта негодующий взгляд.

— Оставьте ее в покое, Пайн!

Но Пайн даже не посмогнул в его сторону.

— Вчера ты весь вечер провела с девочкой? — продолжал он свой допрос.

— Нет. После ужина я даже не заходила в их каюту. Миссис Викерс только сейчас позвала меня. Пустите мою руку, сэр. Мне больно!

Ответ девушки, по-видимому, успокоил Пайна, и он отпустил ее руку.

— Прости, — буркнул он. — Я не хотел причинить тебе боль. Дело в том, что в тюрьме началась эпидемия, и я боюсь, что девочка могла заразиться. Не ходи куда не следует.

И доктор в большом волнении проследовал за Викерсом. Сара Пэрфой оцепенела от ужаса.

«Бойтесь за девочку, — подумал простодушный Блант. — А этот врач-мужлан чуть не вывернул ей руку».

— Не волнуйтесь, милая, — проговорил он. Днем капитан был более сдержан в проявлении своих чувств, нежели вечером. — Не бойтесь. Мне не раз доводилось плавать на кораблях, где были случаи заболевания тифом.

Его слова вывели Сару из оцепенения.

— На корабле тиф! О, я знаю, что это такое! Люди мрут от него как мухи, особенно в такой тесноте, как у нас.

— Чепуха! Здесь этого не произойдет. Не бойтесь, ваша мисс Сильвия не умрет, да и вы тоже. — Он взял ее за руку. — Скорей всего отдаст концы какой-нибудь десяток арестантов. Ведь они там как сельди в бочке...

Сара отдернула руку, но, опомнившись, вновь протянула ее Бланту.

— Что с вами?

— Ничего. Просто я не спала всю ночь.

— А вы пойдите и отдохните. Вы очень расстроены.

В задумчивости она смотрела куда-то мимо него за горизонт и так сосредоточенно, что он невольно повернул голову, чтобы проследить за ее взглядом. Почувствовав это, Сара опустила глаза. Сдвинув на секунду тонкие прямые брови, она соображала, что же делать дальше, а приняв решение, приложила ладонь к щеке и сказала:

— У меня болят зубы.

— Примите опиума, — посоветовал Блант, смутно припоминая, к каким средствам в подобных случаях прибегала его старушка мать. — Доктор Пайн даст вам лекарство.

К его изумлению, она вдруг разрыдалась.

— Ну, полно, полно, не плачьте, голубушка! Ну, перестаньте же! О чем вы?

Она смахнула сверкающие слезинки и, доверчиво улыбаясь, обратила к нему заплаканное личико:

— Нет, ничего! Я просто очень одинока. Мой дом так далеко отсюда... И этот доктор Пайн так больно сжал мою руку. Взгляните!

Закатав рукав, она обнажила свою руку, — действительно, на белой атласной коже красовались три темных пятна.

— Какой грубиян! — воскликнул Блант. — Нет, это уж слишком! — И, быстро оглядевшись, влюбленный капитан поцеловал больное место.

— Я сам дам вам лекарство, — сказал он. — Не просите этого мужлана. Пройдите в мою каюту.

Кабюта Бланта находилась на правом борту корабля под кормовым навесом. В ней было три иллюминатора — один прямо над бортом и два выходили на палубу. Точно такая же каюта, напротив, принадлежала Морису Фреру. Закрыв дверь, капитан снял аптечку, висевшую над его подзорной трубой с изображениями морских сигналов.

— Вот, — сказал он, открывая аптечку. — Годами таскаю эту коробочку с собой, но, слава богу, не часто приходится ею пользоваться. А сейчас возьмите, подержите несколько капель во рту.

— Что вы, капитан Блант, вы же меня отравите! Дайте-ка мне бутылочку; я сама себе накапаю.

— Только осторожно, — сказал Блант. — Вы знаете, это опасное зелье.

— Не беспокойтесь. Я уже раньше к нему прибегала.

Дверь каюты была закрыта. Когда она положила бутылочку в карман, влюбленный капитан заключил девушку в объятия.

— А как насчет поцелуя? Мне кажется, я его честно заслужил.

Слезы ее давно уже высохли, только лицо ее от них порозовело. Эта милая девушка никогда подолгу не плакала, ибо знала, что от слез дурнеют. Она на секунду задержала на нем взгляд своих темных глаз и дерзко улыбнулась.

— Как-нибудь в другой раз! — сказала она.

Вскользнув из объятий капитана, Сара убежала в свою каюту, которая находилась рядом с каютой ее госпожи. Через переборку она слышала слабые стоны больной девочки. Глаза ее наполнились слезами, и на этот раз непритворными.

— Бедняжка, — прошептала девушка, — только бы она выжила!

Бросившись на постель, Сара зарыла разгоряченное лицо в подушку. Весть об эпидемии тифа испугала ее. Не расстроило ли это какие-то планы, столь тщательно ею выношенные? Она уже близка к осуществлению своей заветной цели, но не опрокинет ли внезапная вспышка болезни все ее расчеты, не встанет ли почти неодолимым препятствием на ее пути?

— Неужели девочка умрет? И по моей вине! Но откуда мне было знать, что у него тиф? Я и сама могла заразиться, мне что-то нездоровится.

Она заворочалась на койке, словно от приступа боли, затем вдруг вскочила, ужаленная внезапной мыслью: «А вдруг он умрет? Тиф быстро распространяется, а если так, то все планы могут рухнуть. Надо действовать без промедления!»

Вынув из кармана бутылочку, она посмотрела, сколько в ней содержимого. Бутылочка была заполнена на три четверти.

— Хватит на двоих, — проговорила она сквозь зубы и, вспомнив о влюбленном капитане Бланте, усмехнулась. «Странная у него манера ухаживать, — подумала она. — А в общем-то, я ему безразлична, как и он мне. Но я пройду через все, и если случится самое худшее, я вернусь к Морису Фреру».

Она наполовину вытащила пробку из бутылочки, чтобы потом легче было ее открыть, и спрятала склянку на груди. «Надо бы немного поспать. Мою записку они уже получили; все должно произойти сегодня ночью».

Арестант Руффус Доуз растянулся на нарах и попытался заснуть. Он очень устал, и ему нездоровилось, голова была такая тяжелая, точно свинцом палита, но сон не приходил. Утомительная гребля на шлюпке по-своему взбодрила его, но болезнь делала свое дело. Пульс бился тяжелыми ударами, казалось, что мозг дрожит от нестерпимого жара. Он метался в полутьме на своем узеньком ложе, тщетно закрывая глаза,— сна не было. Все его усилия заснуть вызывали лишь сонную одурь, сквозь пелену которой до него доносились голоса его сотоварищей-арестантов, а перед глазами все еще стоял горящий «Гидасп», гибель которого навсегда уничтожила след несчастного Ричарда Дивайна.

Ему повезло, что его напарник по шлюпке оказался весьма словоохотливым и десятки раз повторял пристававшим к нему товарищам историю со взрывом судна. У Руффуса Доуза им удалось лишь вынудить подтверждение, что это был действительно «Гидасп». Если бы арестантов не удерживало чувство почтительного страха, они бы непременно заставили его самого рассказать все происшедшее и тем самым втянули в оживленные споры о том, удалось ли команде спастись или нет. Теперь же его оставили в покое, и он лежал, не привлекая ничего внимания, стараясь забыться сном.

Поскольку группа из пятидесяти арестантов находилась на «прогулке», в арестантской было не так жарко, как ночью, и многие заключенные расположились на пустующих нарах, стараясь отоспаться за ночь. Четверым гребцам-добровольцам тоже было позволено «отдохнуть с удобствами».

Лихорадка пока еще не создавала беспокойства. Однако три случая заболевания уже вызвали толки, и если бы не новая сепсация с пожаром на корабле, возможно, что к предупреждению Пайна отнеслись бы с большим вниманием. «Бывалые люди», то есть те, кому уже приходилось совершать такое путешествие, кое-что пронюхали, но молчали и своими соображениями делились только между собой. Конечно, слабые и хилые первыми «отдадут концы», так что для оставшихся в живых места будет больше, а это их вполне устраивало.

Трое из этих «бывалых людей» расположились за переборкой, отделявшей нары Доуза. Как уже говорилось, нары занимали площадь в пять квадратных футов, и на каждом помещалось по шесть человек. Нары номер 10, на которых спал Руфус Доуз, находились в углу, там, где соединялась линия правого борта с центральной линией корабля, далее шла небольшая ниша, в которой было отверстие — порт. На этих нарах, помимо Руфуса, оставалось только три его «товарища», так как Джон Рекс и портной-кокни были отправлены в лазарет. Эти трое сидели сейчас в углу и о чем-то серьезно толковали. Один из них, Верзила, — тот, что прошлой ночью утвердил свой авторитет в тюрьме, — по-видимому, являлся вожаком. Фамилия его была Габбет. Он был рецидивист, осужденный на второй срок за грабеж со взломом. Двое других — Сандерс, известный под кличкой Лентяй, и Джемми Ветч — Ворон. Они говорили шепотом, но так как изголовье нар Руфуса примыкало к переборке, то до него долетало многое из их разговора.

Сначала речь шла о гибели корабля и возможности спасения команды «Гидаспа». Потом стали припоминать различные случаи кораблекрушений, а также всякие смешные истории, как вдруг слова Габбета сразу же вывели Доуза из полусонного состояния, прервав безуспешные попытки уснуть.

Он услышал собственное имя, названное в связи с именем женщины, которую увидел на палубе.

— Вчера она о чем-то болтала с этим Доузом, — сообщил Верзила, отпустив бранное словечко. — А нам чужаков не надо. Рисковать своей шеей из-за девки Рекса я не стану. Я ей прямо так и скажу.

— Да это они о маленькой дочке толковали, — процедил Ворон и продолжал: — Сдается мне, что раньше они не встречались. Она так втюрилась в Джека, что ни с кем другим пугаться не станет.

— Если узнаю, что она собирается нас заложить, я глотку ей полосну! — свирепо ответил Габбет.

— Джек бы тебе этого не простил. А с ним лучше не связываться! — гнусаво произнес Лентяй.

— Заткни глотку! — огрызнулся Габбет. — И вообще, хватит болтать попусту. Уж если мы задумали дело, так надо сейчас и решать.

— А зачем сейчас? — спросил Лентяй. — Джек болел, а девка без него и пальцем не пошевелинет.

— О том и речь, — подтвердил Габбет.

— Ох вы, дружки! — начал Ворон. — Христианские вы души! Природа наградила вас твердыми черепками, но, видать, она забыла их кое-чем наполнить. Слушайте меня: сейчас и наступило время. Джек в лазарете. Ну и что? Тем хуже для Джека. Я правильно говорю? А уж если он скиснет, то мне думается, что и девка его пальцем не шевельнет. Ведь это все для него, а не ради нас она виляет хвостом. Я правильно говорю?

— Будто бы так, — ответил Габбет, однако не очень-то убежденно.

— Стало быть, надо быстро решать. Как только парни пронохают, что на борту тиф, здесь такое начнется! Все будет рады-радешеньки нас поддержать. Тогда хватай сундук — и мы на коне! Это точно, как дважды два четыре!

Разговор перемежался бранью и жаргонными словами, но он взволновал Руфуса. Он был брошен в тюрьму, наспех судим и не мог знать ни о смерти отца, ни о доставшемся ему наследстве; в своем отчаянии он сторонился окружающих его преступников; попытки сблизиться с ним вызывали у него отвращение. Теперь он понял свою ошибку. Он узнал, что имя, которое он когда-то носил, было вычеркнуто из списков живых, и последняя ниточка, связывающая его с прежней жизнью, сгорела в огне, поглотившем «Гидасп». Тайна, ради которой Ричард Дивайн добровольно отрекся от своего имени и был даже готов принять унижительную смерть, будет теперь сохранена навеки. Ибо Ричард Дивайн умер, погиб в море вместе с экипажем злополучного корабля, а его мать, введенная в заблуждение письмом, которое ему удалось послать из тюрьмы, считала, что ее сын отплыл в Индию. Ричард Дивайн умер, и тайна его рождения умерла вместе с ним. Остался жив Руфус Доуз, его второе «я». Руфус Доуз, осужденный преступник, обвинявшийся в убийстве, будет жить, чтобы дожидаться свободы и отомстить или же, закалившись в страшных испытаниях каторги, осуществить и то и другое, бросив вызов тюрьме и тюремщикам.

Голова шла кругом, мозг пылал, но он жадно вслушивался в разговор. Ему казалось, что лихорадка, сжигавшая его тело, затуманила его сознание, но вместе с тем она обострила слух. Он понимал, что болен. Ломило кости, горели руки, в голове стучали молоточки, но он ясно все слышал и, как ему казалось, мог трезво обдумать услышанное.

— Без этой девки нам не начать, — говорил Габбет. — Она обещала отвлечь часового и подать нам сигнал.

На землистом лице Ворона заиграла хитрая улыбка.

— Вот умник нашелся! Послушать его — говорит, что мудрый твой Соломон. А ну-ка, взгляните сюда! — И он вытащил грязный клочок бумаги, и все с любопытством склонили над ним головы.

— Откуда это у тебя?

— Вчера днем Сара появилась на верхней палубе и стала бросать крошки чайкам, а сама все поглядывала на меня. Потом подошла поближе к переборке — ну, как дозволяется — и стала оттуда бросать крошки вниз. Смотрю, прямо к моим ногам летит большой хлебный комочек. Я малость обождал, незаметно поднял его. И внутри нашел вот эту бумажку.

— Ну, это другой разговор, — сказал Габбет. — Читай, Джемми.

Почерк, хотя и женский, был смелый и четкий. Зная, что ее друзья не слишком грамотны, Сара постаралась облегчить им задачу: «Все в порядке. Следите за мной, когда я завтра вечером выйду после третьих склянок. Если я уроню платок, начинайте действовать в условленное время. Часового не будет».

Хотя страшная усталость сковывала все тело Доуза, а веки закрывались сами собой, он тем не менее жадно вслушивался в эти шепотом произнесенные фразы. Они готовят заговор, чтобы захватить корабль. Сара Пэрфой, жена или любовница одного из заговорщиков, была их сообщницей. Она села на корабль с единственной целью освободить своего возлюбленного, и сейчас план заговора должен был осуществиться. Руфусу Доузу приходилось много слышать о жестокостях бунтовщиков, захвативших власть. Подобные рассказы приводили тюрьму в неистовый восторг. Руфус хорошо изучил характеры троих преступников, от которых сейчас его отделяли всего лишь два дюйма переборки. Они шутили и смеялись, обсуждая план своего освобождения и своей мести. Как правило, Руфус мало общался со своими товарищами по несчастью, но он отлично знал, как жестоко расправляются бунтовщики со своими тюремщиками, получив возможность отомстить.

Глава заговора Джон Рекс, поддельватель векселей, находился в лазарете, но двое его помощников — его «руки» и «когти», воришка и взломщик, — были здесь, а хилый женственный Ворон если и не обладал умом своего хозяина, то восполнял этот недостаток кошачьей хитростью и дьявольской изобретательностью, которые трудно было превзойти. Имея на воле такого союзника, как эта мнимая

горничная, они, несомненно, могли надеяться на успех. На корабле было сто восемьдесят арестантов и только пятьдесят солдат. Если с помощью Сары Пэрфой их первый натиск окажется удачным, они завладеют кораблем. Вспомнив маленькую белокурую девочку, которая так доверчиво к нему подбежала, Руфус Доуз содрогнулся.

— Вот так-то! — сказал Ворон, ухмыляясь. — Неужели вы еще думаете, что эта девка хочет нас провести?

— Да нет, — ответил Верзила, с наслаждением вытягивая свои ручищи и как бы греясь на солнце.

— Вот теперь это деловой разговор.

— Англия, дом — красота! — воскликнул Лентяй с наигранным пафосом, так не соответствующим предмету разговора. — Небось домой хочется, старина?

Нахмутив свой низкий лоб, Габбет злобно обрушился на него, как будто вспомнив что-то ужасное.

— Ты, молокосос! — крикнул он. — Думаешь, таскать цепь легко? Я уже свое там отпотел с лихвой. Я знаю, цыплаки, *что такое каторжный труд*.

Несколько минут царило молчание. Габбет погрузился в тяжелое раздумье, Лентяй и Ворон обменялись многозначительными взглядами. Десять лет отбыл Габбет на каторге в Макуори-Харбор и своими воспоминаниями ни с кем не делился. Когда на него находила задумчивость, друзья считали, что самое лучшее — его не трогать.

Руфуса Доуза смутила причина внезапно наступившего молчания. Он весь так обратился в слух, что неожиданная тишина за переборкой как бы оглушила его. Бывалые артиллеристы говорят, что за несколько дней, проведенных в окопах, настолько привыкаешь к непрерывному грохоту орудий, что когда он вдруг прекращается, испытываешь неимоверные страдания. Нечто подобное ощутил и Руфус. Его сознание и слух, напряженные до предела, словно отказали ему. Будто кто-то выбил опору из-под ног. Не получая внешних раздражителей, он стал терять ясность мысли. Кровь прилила к голове, хлынула в глаза и уши. Он сделал тщетное усилие сохранить сознание, но тут же, слабо вскрикнув, откинулся назад и ударился головой об угол нар.

Трое за переборкой всполошились. На нарах кто-то есть! Они переглянулись с испуганным и виноватым видом, и Габбет ринулся посмотреть.

— Это Доуз! — воскликнул Лентяй. — Мы забыли о нем.

— Он будет с нами, браток, он будет с нами, — воскликнул Ворон, боявшийся кровопролития.

Отпустив крепкое ругательство, Габбет подбежал к лежащему на нарах человеку и стащил его на пол головой вниз. Неожиданный обморок спас Руфусу жизнь. Скрутив ему рубашку на груди, Габбет крепко сжал кулак, намереваясь нанести такой удар, который заставил бы несчастного замолчать навеки. Но Ворон схватил бандита за рукав:

— Не бей его, он спал! Видишь, он и сейчас еще спит...

Вокруг них собрались люди. Верзила разжал руку, но арестант только издал глухой стон, и голова его упала на плечо.

— Ты убил его! — крикнул кто-то.

Взглянув на побагровевшее лицо и мокрый лоб Руфуса, Габбет вдруг отскочил от него и стал вытирать руку, как бы желая освободиться от чего-то прилипшего к ней.

— У него тиф! — проревел он, и лицо его в ужасе искажилось.

— Что у него? — спросило двадцать голосов.

— Тиф, дурачье! — выкрикнул Габбет. — Я это и раньше знал. На корабле тиф. Это уже четвертый случай.

Зловещее слово, хотя не вполне осознанное, было услышано, и круг звероподобных лиц, сомкнувшийся, чтобы поглазеть на драку, мгновенно распался.словно осколок снаряда угодил в толпу. Руфус Доуз лежал на полу, тяжело дыша. Люди злобно уставились на его неподвижное тело. Тревожный слух распространился быстро, и все арестанты собрались, чтобы поглядеть на него. Вдруг он застонал и, приподнявшись на локтях, хотел что-то сказать, но ни единого звука не сорвалось с его конвульсивно сжатых губ.

— С ним все, — сурово провозгласил Лентяй. — Бьюсь об заклад, он ни черта не слышал.

Лязг отодвигаемых тяжелых засовов нарушил всеобщее оцепенение. Первая партия арестантов возвращалась с «прогулки». Дверь распахнулась, и в солнечном луче, прорвавшемся из люка, блеснули штыки охранников. Казалось, что в этом душном, вонючем загоне солнечный свет насмехался над ними. словно само небо глумилось над их бедой. И, как это бывает с толпой, охваченной внезапным порывом, орава арестантов, отвернувшись от большого, ринулась к выходу. Тюремный сумрак как бы посветлел от массы лиц, устремленных к двери. Замелькало множество рук:

— Воздуха! Воздуха! Дайте нам воздуха!

— Вот оно, началось! — сказал Лентяй своим товарищам. — Я так и знал, что эта новость их всех взбаламутит.

Увидев возбужденные лица, глаза, горящие злобой и ненавистью, Габбет бросился вперед вместе с толпой, в нем пробудился дикарь — но Ветч остановил его.

— Это у них припадок, — сказал он. — Сейчас они успокоятся.

И он был прав. Среди этого рева и гама послышался лязг железа — это охрана взяла оружие на изготовку, и клин людей в сером в ужасе распался при виде нацеленных на него мушкетных стволов.

Мгновенно наступила тишина, старый доктор Пайн свободно прошел в арестантскую и опустился на колени перед лежащим без сознания Руфусом Доузом.

Приход врача, спокойно выполняющего свой долг, восстановил привычную покорность властям, привитую суровой дисциплиной. Одни арестанты потихоньку вернулись на свои места, другие бросились помогать доктору, с наигранным усердием предлагая свои услуги. Теперь арестантская походила на классную комнату, в которую неожиданно вошел учитель.

— Посторонитесь, ребята! Пусть двое из вас поднимут его и отнесут к дверям! Больной вам не опасен.

Приказ был немедленно выполнен. Старый врач, выждав немного, пока его пациента осторожно перенесли наверх, поднял руку, водворяя тишину.

— Вам известно, о чем пойдет речь. На корабле началась эпидемия. У этого человека тиф. Глупо думать, что никто больше не заболеет. Возможно, и мне не избежать заразы. Да, здесь страшная теснота, но ничего не поделаешь! Ведь не я строил этот корабль.

— Ясное дело!

— Эпидемия — страшная вещь. Поэтому прошу вас сохранять спокойствие и порядок и вести себя как подобает мужчинам. Что такое дисциплина, вам тоже известно, и не в моей власти что-либо изменить. Но я сделаю все возможное, чтобы облегчить ваше положение, надеюсь, что вы мне поможете.

Высоко держа седую голову, храбрый старый служака прошел между двух рядов арестантов, не оборачиваясь.

Он сказал все, что нужно, и вслед ему раздались дружные возгласы: «Правильно, правильно!», «Молодец, доктор!». Однако, выйдя на палубу, доктор вздохнул с облегчением. Он понимал, что выполнил нелегкую задачу.

— Только послушайте их,— проворчал из своего угла Лентий.— Радуются, что попали в эту чертову мышеловку!

— Обожди малость,— сказал прозорливый Ворон.— Дай им время. Ночью еще кто-нибудь свалится, этак чело-века три-четыре, и вот тогда уж мы посмотрим!

Глава 8

ОПАСНЫЙ КРИЗИС

Уже после полудня Сара Пэрфой очнулась от своего беспокойного сна. Даже во сне ее не покидала мысль о важном деле, которое ей предстояло совершить; она была так взволнована, что ее лихорадило. Но, занятая лишь размышлениями о последствиях в случае успеха или провала задуманного, она все же взяла себя в руки, совершила утренний туалет и поднялась на кормовую палубу с нарочито спокойным видом.

Сегодня все было так же, как и вчера. Ружья часовых сверкали под безжалостно палящим солнцем, корабль скрипел и качался на поверхности сонного моря, а на его нижней палубе все те же унылые фигуры заполняли арестантскую клетку. Даже Морис Фрер, оправившись после ночных бдений, валялся в прежней позе на бухте канатов.

Однако глаз внимательного наблюдателя обнаружил бы некоторые перемены. Рулевой у штурвала напряженной вглядывался в горизонт и с более удрученным видом сплевывал в бурлящую мутноватую воду. Лески удочек все еще болтались на кран-балках, но до них никто не затрагивался. Солдаты и матросы на баке, сбившись в кучки, не решались даже курить, а только мрачно поглядывали друг на друга. Викерс что-то писал в кают-компании. Капитан Блант тоже пребывал в своей каюте, а двое плотников под началом доктора Пайна сооружали дополнительное помещение для лазарета. Стук топоров и молотков зловеще отдавался в ушах солдат. Уж не для них ли сколачивают гробы? В тюрьме царила необычная тишина, точно затишье перед грозой. Арестанты на палубе не развлекали друг друга невероятными историями и не смеялись над непристойными шутками, а сидели с угрюмым видом, терпеливо ожидая чего-то.

После того как Руфуса Доуза унесли в лазарет, заболели еще двое арестантов и один солдат. И хотя других жалоб пока не поступало и признаков паники не наблюда-

лось, на лицах матросов, солдат и арестантов застыло выражение ожидания, словно люди спрашивали себя: кто следующий? «Малабар» шел над непроницаемыми глубинами тяжелых вод океана, переваливаясь с боку на бок, как мечущееся от ран животное. Казалось, что над ним нависла злобная грозная туча, насыщенная электричеством, и что случайная искра может вызвать пламя, которое поглотит корабль.

Женщина, в чьих руках были оба конца цепи, готовой замкнуться и высечь искру, вышла на верхнюю палубу, осмотрелась и, перегнувшись через поручни, устремила свой взгляд на загон для арестантов. Как уже говорилось, арестанты собрались там вместе группами по четыре-пять человек, и одну из таких групп она осмотрела особенно внимательно. Трое арестантов, с беспечным видом прислонясь к фальшборту, следили за каждым ее движением.

— Явилась-таки,— проворчал Габбет, как бы продолжая разговор.— Как всегда, расфуфырилась, но смотрит в нашу сторону.

— Что-то не вижу у нее в руках утирки,— деловито заметил Лентяй.

— Терпение — это добродетель,— вставил Ворон с паиградной небрежностью.— Дайте девице время!

— Провались я на этом месте, если еще буду ждать,— сказал Верзила, облизывая обветренные синие губы.— Нас все время дурачили, а мы, как собачки, плясали на задних лапках перед девкой нашего Денди. На корабле тиф, и у нас все готово. Так чего же еще ждать? Сигнал — не сигнал, надо дело делать, и немедленно!

— Вот те на, глядите! — продолжал он и смачно выругался, когда недалеко от Сары появился Морис Фрер, и оба они стали прохаживаться по палубе.

— Все правильно, дурачина несчастный! — обрезал его Ворон, потеряв терпение от упрямства и глупости своего товарища.— Как же она даст нам сигнал, когда этот ферт торчит подле нее?

Габбет свирепо буркнул что-то в ответ и замахнулся было на него кулаком, но Ворон поспешно ретировался, и тот оставил его в покое. Скрестив руки на груди с видом равнодушного презрения, Ворон сосредоточил все внимание на Саре Пэрфой. Девушка пользовалась здесь всеобщим успехом. В этот миг по трапу, ведущему на бак, взбежал молодой солдат и стал с тревогой наблюдать за Сарой.

Поравнявшись с девушкой, Морис Фрер коснулся ее плеча. После их вчерашней пикировки он твердо решил

не позволять ей больше дурачить себя. Девушка явно играла с ним, и он хотел показать, что не позволит ей морочить ему голову.

— Ну что скажешь, Сара?

— Ну что скажете, мистер Фрер? — передразнила она и повернулась к нему с улыбкой.

— Сегодня ты выглядишь превосходно! Прелесть!

— Это вы мне уже говорили, — ответила она, надув губки. — Больше ничего не скажете?

— Скажу, что ты мне нравишься! — ответил он с чувством.

— Тоже не ново. Я это уже слышала.

— Бог мой, что же мне делать? — Развязность Фрера быстро пошла на убыль. — Зачем же играть с человеком в кошки-мышки?

— А человек должен быть осмотрителем. Разве я просила вас, мистер Фрер, влюбляться в меня? А если вы мне не нравитесь, то это уж не ваша вина.

— Как это понять?

— А так, что у вас, военных, много всяких обязанностей: смотреть за стражниками, вахтенными, сменой караула и все такое прочее. Разве у вас есть время для бедной девушки вроде меня?

— При чем тут время? — вскричал удивленный Фрер. — Черт возьми, ты же сама бегашь от меня. А у меня время всегда найдется.

Она опустила ресницы, как бы в смущении, и легкий румянец окрасил ее щеки.

— У меня тоже много обязанностей, — сказала она полупешотом. — За мной следят столько глаз... Шага незаметно не сделаешь.

И, как бы ища подтверждения своим словам, она окинула глазами палубу и перехватила взгляд молодого солдата на баке. На таком расстоянии ей было трудно рассмотреть человека, но она догадалась, что это был ревнивый Майлс.

Фрер, окрыленный переменной в ее настроении, с улыбкой подошел к ней вплотную и стал что-то напентывать на ухо. Она отодвинулась от него и, улучив секунду, обменялась взглядами с Вороном.

— Я приду в восемь часов, — проговорила она, застенчиво отвернувшись.

— Но в восемь смена караула, — неуверенно проговорил Фрер.

Она только встряхнула головой.

— Ну и прекрасно. Занимайтесь своим караулом! Мне все равно.

— Но, Сара, рассуди сама...

— Влюбленные женщины не рассуждают, — прервала она, бросив на Фрера страстный взгляд, способный растопить даже самое ледяное сердце.

Значит, она к нему неравнодушна! Только дурак может ей отказать. Заставить ее прийти на свидание было главной его целью. А как совместить долг и наслаждение — об этом можно подумать после. Кроме того, раз в жизни можно и пренебречь сменой караула.

— Хорошо, дорогая, приходи в восемь.

— Тс-с! — прошептала она. — Вон там идет этот дурак — капитан.

Как только Фрер удалился, она подошла к поручням и, не сводя глаз с переборки, отделявшей загон для арестантов, уронила платок на вторую палубу. Он упал у ног влюбленного капитана. Бросив взгляд на девушку, доблестный моряк поднял его и вернул Саре.

— О, *благодарю* вас, капитант Блант, — проговорила она, и ее взгляд был красноречивей слов.

— Ты приняла лекарство? — шепнул Блант, и в его глазах мелькнули искорки.

— Да, несколько капель. Сегодня вечером я вам верну бутылочку.

Блант отправился на корму, что-то весело напевая, и, встретив Фрера, хлопнул его по спине. Оба они рассмеялись, каждый своим мыслям. Но они не ведали, что от этого смеха сумерки еще более сгустились вокруг них.

Сара Пэрфой, покосившись на арестантский загон, отметила произошедшую перемену. Три арестанта вновь сошлись, и Ворон, сняв арестантскую шапку, взмахнул ею, а другой рукой вытер лоб. Это означало, что ее сигнал принят.

А тем временем Руфус Доуз, находясь в лазарете, лежа плашмя на больничной койке, устремив неподвижный взгляд перед собой, мучительно старался вспомнить, что же ему надо сказать.

Когда внезапный обморок лишил его сознания, он смутно почувствовал, как чьи-то грубые руки стащили его с нар. Он увидел склонившиеся над ним суровые лица и ощутил близость неведомой опасности. Он вспомнил, как в неравной борьбе со все усиливающейся лихорадкой он слышал какой-то разговор, имеющий жизненно важное значение не только для него, но и для всех, кто находился

на корабле. Однако суть этого разговора ускользала от него. Тщетно напрягал он память, но его мозг в горячем бреду воссоздавал одни лишь обрывки фраз почти без проблесков смысла. И они исчезали так же мгновенно, как возникали. Его угнетала невозможность восстановить суть разговора. Он знал, что ему угрожает страшная опасность. Если бы он был в силах заставить себя связно и напряженно думать в течение хотя бы нескольких минут, он смог бы предотвратить беду, угрожавшую кораблю. Но он продолжал бредить, голова его пылала, губы ссохлись, тело обессилело. Он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой и лежал как парализованный.

Место, где он находился, было слабо освещено. Изобретательный Пайн соорудил из парусины нечто вроде шторы, закрывавшей отверстие иллюминатора, чтобы солнце не проникало в каюту; штора поглощала почти весь свет. Руфус видел только потолок над головой и слабые очертания трех других таких же коек, как его. Тишину нарушали лишь журчание воды внизу и удары молотков плотников, строящих по распоряжению Пайна новую переборку. Когда стук прекращался, до больного доносились чьи-то вздохи, стоны и бормотание, свидетельство того, что его товарищи по лазарету еще живы.

Вдруг кто-то крикнул в бреду: «Да, да, здесь вексель на четыреста фунтов, но, дорогой сэр, что такое четыреста фунтов для человека в моем положении? Это не деньги! Я ведь заплатил четыреста фунтов за прихоти моей Сары. Разве не так? Ведь она — женщина что надо, миссис Лайонел Крофтон из Крофта, Семь Дубов, Кент — Семь Дубов, Кент — Семь...»

Словно луч света прорезал мрак, окутывающий измученный мозг Руфуса Доуза. Человек, произнесший эти слова, был Джон Рекс, он спал с ним на одних нарах! И с большим усилием Доуз прошептал:

— Рекс!

— ...Да, да, иду! Не торопись. С часовым все улажено, гаубица в пяти шагах от двери... Быстро на палубу, друзья, — бриг наш! Мой и моей жены, миссис Лайонел Крофтон из Семи Крофтов, нет, Семи Дубов... Сары Пэрфой, служанки и няньки, ха-ха! Служанки и няньки!..

Последняя фраза, в которой было названо имя, дала Руфусу ключ к выходу из лабиринта, в котором блуждал его смятенный ум: «Сара Пэрфой!» Теперь он вспомнил все подробности разговора, случайно подслушанного им: надо скорее сообщить о заговоре, угрожавшем кораблю.

Ему некогда было ломать голову над тем, как они собираются осуществить свой заговор; он понимал, что находится на грани бреда, потому он должен во что бы то ни стало предотвратить беду, прежде чем окончательно потеряет способность мыслить.

Он попытался встать, но истерзанное горячкой тело отказалось подчиниться. Попробовал заговорить, но язык точно прилип к гортани, и челюсти нельзя было разомкнуть. Он не мог пошевелить даже пальцем. Доски над его головой зыбились, как простыня, которую кто-то тряс, каюта вертелась колесом, а луч света в ногах прыгал, как отражение колеблющегося пламени.

Закрыв глаза со вздохом отчаяния, он мысленно отдал себя на волю судьбы. В этот момент стук молотков прекратился. Было шесть часов. Дверь в палату открылась, и вошел Пайн, чтобы в последний раз перед ужином осмотреть своих пациентов. Должно быть, с ним пришел еще кто-то, чей голос в мягкой, но торжественной манере говорил о тесноте на корабле, а также об «абсолютной необходимости подчиняться Королевским предписаниям»...

Надо отдать должное Викерсу: безмерно озабоченный здоровьем дочери, он все же ни на миг не изменил своему долгу, хотя отлично понимал, что визит в лазарет повлечет за собой необходимость его полной изоляции от девочки. «Мой бедный дорогой Джон — раб своей службы. Он так предан дисциплине!» — любила говорить миссис Викерс, когда она притворно оплакивала свою судьбу на гарнизонных вечеринках.

— Вот они, их шестеро, — сказал Пайн. — А этот парень в самом тяжелом состоянии, — добавил он, подходя к койке Рекса. — Если бы не его поразительная выносливость, он уже той ночью отдал бы концы.

— Три, восемнадцать, семь, четыре, — бредил Рекс, — слагаем и переносим. Разве это занятие для джентльмена? О нет, сэр. Спокойной ночи, милорд, спокойной ночи! Стойте! Часы бьют девять. Пять, шесть, семь, восемь! Рабочий день окончен, жаловаться не на что.

— Опасный человек, — сказал Пайн, поднимая фонарь. — Вернее, был очень опасным. Ну, а что касается нашего лазарета, — вы сами видите — это сущая крысиная нора. Но что можно поделать?

— Хм, да... Пойдемте на палубу, — проговорил Викерс, содрогаясь от отвращения.

Пот градинками выступил на лбу Руфуса: «Они ведь ничего не подозревают. Сейчас они уйдут, я *должен* их пре-

дупредить во что бы то ни стало». Сделав отчаянное усилие, он повернулся на койке и высунул руку из-под одеяла.

— Что такое? Вам плохо? — И доктор осветил его фонарем. — Лежите спокойно, дружище... Выпейте воды. Успокойтесь. — Он поднес жестяную кружку к почерневшим, покрытым пеной губам. Прохладное питье смочило пересохшую гортань арестанта, и он сделал еще одно усилие заговорить.

— Сегодня вечером... Сара Пэрфой... в тюрьме... *Бунт!*

Он почти прокричал последнее слово, пытаясь произнести его членораздельно, и это слово пробудило затуманенное сознание Джона Рекса.

— Тихе! — воскликнул он. — Это ты, Джемми? Сара — молодец! Подожди, она подаст тебе знак.

— Он бредит, — сказал Викерс.

Пайн схватил Доуза за плечо.

— Что ты там несешь, приятель? Какой еще бунт?

Но Руфус уже не смог ничего сказать; руки его были стиснуты, рот широко открыт, он сделал последнее усилие, чтобы кивнуть, но голова его скатилась на грудь; еще одно мгновение — и мерцающий свет, мрачная тюрьма, испуганные и удивленные лица доктора и Викерса — все куда-то провалилось. Его напряженный взгляд уловил только, что они переглянулись с тревогой и недоверием, а затем он поплыл в обществе Сары Пэрфой и лейтенанта Фрера по темной холодной реке к «Гидаспу», лежащему на стапелях в старом Хэмпстедском доме, чтобы поднять на корабле бунт.

Глава 9

ОРУЖИЕ ЖЕНЩИНЫ

Двое, узнавшие опасную тайну, держали военный совет. Викерс хотел немедленно созвать охрану и объявить арестантам, что их заговор раскрыт; но Пайн, который много лет сопровождал арестантские корабли, был решительно против.

— Я лучше вас знаю этот народ. Во-первых, возможно, никакого заговора и нет, а все это лишь бредовое измышление Доуза. Тогда, если мы сами подадим арестантам мысль о бунте, трудно предсказать последствия.

— Но больной говорил так уверенно, — возразил Викерс. — Он даже назвал имя служанки моей жены!

— Ну и что? Кстати, видимо, он прав: эта женщина мне никогда не нравилась. Допустим, мы скажем, что пропикли в их козни — это не остановит их от новой попытки. Мы ведь не знаем, что они на самом деле задумали. Если нам угрожает бунт, то половина команды может оказаться причастной к нему. Нет, капитан Викерс, позвольте мне, как старшему офицеру корабля, определить нашу тактику. Вам известно, что...

— Согласно Королевским предписаниям, вы обладаете полной властью, — прервал его Викерс. — Я только высказал вам свое мнение, а насчет служанки мне ничего не известно, кроме того, что она принесла мне отличную рекомендацию от своей последней хозяйки, некой миссис Крофтон. Мы были счастливы найти кого-нибудь, кто бы согласился сопровождать нас в таком путешествии.

— Понятно, — ответил Пайн, — но я повторяю: предположим, мы заявим этим негодяям, что их план, каков бы он ни был, раскрыт. Великолепно! Они разыграют невинность, а при первом же удобном случае начнут все сначала, и это будет для нас неожиданностью. Да мы и сейчас ничего не знаем о сути самого заговора, нам неизвестны даже имена его зачинщиков. Предлагаю усилить охрану и держать ее в состоянии готовности. Предоставим вашей служанке свободу действий, и если вспыхнет мятеж, мы его моментально подавим, всех бунтовщиков закуем в кандалы и передадим властям в Хобарт-Тауне. Сэр, я не жестокий человек, но надо принять меры предосторожности — ведь у нас на корабле особый груз — озверевшие люди.

— Но, мистер Пайн, вы учли возможность кровопролития? Я лично за более гуманный образ действий. Меры предосторожности — вы знаете...

— Капитан Викерс, а вы подумали о безопасности всего экипажа? — ответил ему Пайн, у которого была склонность несколько мрачновато, но всегда реалистически и трезво смотреть на вещи. — Неужели вы никогда ничего не слыхали о тех зверствах, которые происходят во время мятежей? Вы подумали об участии женщин, в том числе вашей жены и дочери?

Викерс вздрогнул.

— Поступайте, как вы считаете лучше. Вам виднее. Но только не проливайте понапрасну крови.

— Не беспокойтесь, сэр, — ответил врач. — Клянусь вам, я и сам не хочу никаких жертв. Но вы не знаете, что за народ эти арестанты, вернее, какими сделал их закон.

— Несчастные! — сказал Викерс и вздохнул. Как многие поборники дисциплины, он был, в сущности, мягкосердечный человек. — Надо проявить гуманность. Как-никак, они наши братья.

— Вы правы, — ответил доктор, — но если они захватят судно, гуманность вас не спасет. Разрешите мне действовать, сэр; только, прошу вас, никому ни звука. Одно случайно оброненное слово — и все мы пропали.

Викерс обещал молчать. За ужином он весело болтал с Фрером и Блантом на всякие посторонние темы: жене он написал коротенькую записочку, в которой просил ее ни в коем случае не выходить из каюты. Зная взбалмошный характер своей супруги, капитан тем не менее был твердо уверен, что она безоговорочно выполнит его требование, изложенное в столь категорических выражениях.

Согласно распорядку, смена караула на всех арестантских кораблях происходила каждые два часа. И в шесть часов вечера стража с кормы переходила на шканцы; там же в специальных козлах стояло убираемое на день оружие. Не доверяя Фреру, которого, как советовал Пайн, не посвящали в тайну, Викерс приказал солдатам, кроме тех, что в течение дня несли караул, оставаться на своих местах и при оружии; он запретил им поддерживать связь с верхней палубой, а у дверей арестантской поставил часовым своего слугу, старого солдата, на преданность которого мог всецело положиться. Затем он удвоил караул, самолично взял ключи от тюрьмы у сержанта, обычно хранящего их, и проверил, заряжена ли картечью гаубица на нижней палубе. Без четверти семь они с Пайном заняли посты у главного люка, решив ждать до утра.

Если бы в четверть седьмого кто-нибудь из любопытных заглянул в иллюминатор каюты капитана Бланта, он увидел бы несколько необычную картину. Галантный капитан сидел на постели, в руке он держал стакан с разбавленным ромом, а рядом с ним на стуле восседала смазливая служанка миссис Викерс. Капитан изрядно подвыпил. Его убеленные седины волосы были растрепаны, лицо побагровело, он моргал и подмигивал, как сова на солнце.

За обедом он несколько перебрал спиртного, предвкушая приближающееся свидание, и теперь прибегнул к бутылке с ромом в качестве дополнительного стимула, в то время как дама его сердца, проникнув в полуоткрытую дверь каюты, уговаривала капитана выпить еще.

— Придвинься поближе, Сара,— говорил он, икая.— Все идет как положено, только тебе, моя девочка, не надо быть такой — ик — гордой. Ведь я — простой моряк, м-м-орьяк, Сара. Я — капитан Финеас Б-Блант, командир «Мал-Мал-Малабара». Ты меня понимаешь?

Сара хихикнула, кокетливо вытянув ножку. Влюбленный Финеас пожирал ее глазами.

— Ты мне очень нравишься, Сара. Очаровательная плутовка... ик... Поцелуй меня!

Но Сара вскочила и подошла к двери.

— Куда это ты собралась? Сара, стой! — И он, шатаясь, пошел за ней, а ром, словно от качки, плескался в стакане.

Пробили склянки. Семь часов. Теперь или никогда!

Блант обнял ее за талию, продолжая икать, наклонился, чтобы сорвать обещанный поцелуй. Упав в его объятия, она вытащила из кармана флакончик и ловким движением вылила его содержимое в стакан капитана.

— Ты думаешь, что я пьян? — проговорил Блант.— Н-ни в одном глазу, моя цыпочка!

— Но вы непременно опьянеете, если будете так много пить. Ну, ладно, допейте этот стакан — и хватит, иначе я уйду!

Но чертики в ее глазах говорили обратное, и это не укрылось даже от охмелевшего Бланта. Придерживаясь за переборку, он с минуту побалансировал с посков на пятки, не спуская с нее восхищенного взгляда, затем посмотрел на стакан и, торжественно икнув три раза, проникнутый сознанием невыполненного долга, одним глотком осушил стакан.

Результат был почти мгновенный. Стакан выпал у него из рук, он пошатнулся в сторону женщины, стоявшей у двери, и, сделав полуоборот по ходу судна, рухнул на постель и засопел, как кит.

Постояв несколько минут, Сара Пэрфой погасила в каюте свет и затворила за собой дверь. Как и прошлой ночью, палуба была погружена в глубокий мрак. Горевший на баке фонарь раскачивался в такт движению корабля. Через открытый люк свет у дверей арестантской бросал на палубу слабый отблеск, а справа, в кают-компании, горел обычный ряд керосиновых ламп.

Она машинально поискала глазами Викерса, всегда сидевшего там в этот час, но помещение было пусто. «Оно и к лучшему», — подумала она. Закутавшись плотнее в свой темный плащ, Сара постучала в дверь каюты Фрера.

Но в ту же секунду какая-то страшная боль ударила ей в виски, и колени ее задрожали. Усилием воли она преодолела головокружение и выпрямилась. Нет, сейчас нельзя было поддаваться слабости!

Дверь открылась, и Морис Фрер увлек ее в каюту.

— Пришла-таки? — сказал он.

— Как видите. А что, если меня кто-нибудь видел?

— Чепуха! Кто мог тебя увидеть?

— Капитан Викерс. Доктор Пайн. Мало ли кто.

— Только не они. После ужина все ушли в каюту Пайна. Все складывается как нельзя лучше!

Ушли в каюту Пайна? Это сообщение было для нее неожиданным. Какие причины заставили их держаться вместе? Неужели они что-нибудь заподозрили?

— А что они там делают? — спросила она.

Но Морис Фрер был вовсе не расположен обсуждать возможные варианты.

— Откуда мне знать? Да черт с ними! Нам-то какое дело? Нам они не нужны — верно, моя милая?

Девушка словно к чему-то прислушивалась и не отвечала. Нервы ее были напряжены до крайности: ведь успех заговора зависел от ближайших пяти минут.

— Ну куда ты смотришь? Взгляни на меня... Какие у тебя глаза, а волосы какие!

В этот момент тишину разорвал мушкетный выстрел. Бунт начался.

Звук выстрела пробудил в офицере чувство долга. Он вскочил и, разомкнув обвивавшие его руки, хотел было кинуться к двери. Но для сообщницы арестантов наступил долгожданный момент. Она прильнула к Фреру, повисла на нем всей своей тяжестью. Ее длинные волосы касались его лица, горячее дыхание обжигало его щеки, платье сползло, обнажив круглое, гладкое плечо. Опыяненный и покоренный Морис Фрер уже готов был уступить, как вдруг краска сбежала с губ девушки, и они стали пепельно-серыми. Веки ее сомкнулись, и, выпустив его из своих объятий, она еле удержалась на ногах; прижав руки к груди, она громко застонала.

Мучившая ее два дня горячка, с которой она мужественно боролась, вдохновляемая важностью задуманного дела, сломила ее в этот решающий миг. Смертельно бледная, давясь от приступа тошноты, она прислонилась к переборке каюты.

Раздался второй выстрел, послышался лязг оружия, и Фрер, предоставив больную самой себе, ринулся на палубу.

Глава 10

ВОСЕМЬ СКЛЯНОК

В семь часов поднялась суматоха в арестантской. Весть об эпидемии тифа пробудила в сердцах заключенных тот извечный порыв к свободе, который, казалось, дремал в них в начале томительного путешествия. Теперь же, когда они очутились перед угрозой смерти, они лихорадочно стали искать пути и средства избежать ее, но эти пути были доступны только свободным людям.

— Как бы выбраться из этой дыры? — спрашивал каждый своего друга. — Нас тут заперли, как баранов, чтобы мы все передохли.

Мрачные, подавленные, арестанты вопрошающе поглядывали по сторонам, и время от времени какой-нибудь свирепый взор прорезал тьму, как молния прорезает толщу грозовой тучи. Трудно сказать, как эти люди почувствовали, что готовится заговор, который откроет двери их смрадной тюрьмы и принесет им свободу, как они почувствовали, что заговорщики находились среди них. Вся арестантская братия затаила свое зловонное дыхание, боясь одним неосторожным вздохом выдать сокровенную мечту. Эта мечта вызвала внезапное брожение умов, и людская масса — смесь преступности, невежества и невинности — пришла в движение. Родственные души находили друг друга, люди искали себе подобных, объединяясь так же легко и произвольно, как складываются сами по себе в геометрический узор частицы цветного стекла в калейдоскопе.

Когда пробило семь склянок, вся арестантская разделилась на три партии: «отчаянных», «трусливых» и «осторожных». Партии возникли путем естественным и произвольным. Зачинщики бунта, возглавляемые Габбетом, Вороном и Лентяем, находились ближе всех к двери; «трусливые» — мальчуганы, старики, бедолаги, осужденные на основании одних только косвенных улик, или деревенские простаки, которым из-за кражи репы с огорода предстояло вскоре стать настоящими ворами, находились в самом дальнем углу; они в страхе держались вместе. В центре арестантской были «осторожные», то есть все остальные, равно готовые бунтовать и капитулировать, наступать и отступать, помогать либо своим товарищам, либо тюремщикам, смотря по тому, в чью сторону повернется фортуна. «Отчаянных» было около тридцати человек, а посвященных в детали плана — человек десять.

Через полчаса еще раз отбили склянки, и когда замерли голоса часовых, передающих пароль на шканцах, Габбет, стоявший у двери, позвал Ворона.

— Ну, Джемми,— тихо сказал он,— начинай!

Те, что находились рядом с Верзилой, замерли, услышав эти слова, и тишина стала распространяться по арестантской как круги по воде — от двери до самых дальних пар.

— Джентльмены,— обратился Ворон к арестантам с присущей ему развязностью.— Я и мои друзья решили захватить корабль. Это мы делаем ради вас. Кто хочет присоединиться к нам, пусть скажет сразу, быть может, через полчаса такого случая уже не представится.

Он сделал паузу и окинул толпу наглым и самоуверенным взглядом. Кое-кто из «осторожных» подошел поближе, чтобы лучше услышать.

— Не бойтесь,— продолжал Ворон,— мы уже все подготовили. Там наши друзья, они откроют нам двери... От вас требуется лишь согласие...

— Хватит болтать! — сердито прервал его Верзила.— Приступай к делу! Скажи им, хотят они или нет, а корабль мы все равно захватим, и кто не с нами, того мы вышвырнем за борт. Вот и весь сказ!

Такая резкая постановка вопроса посеяла тревогу среди «трусливых» в дальнем углу арестантской. Смутный шепот пронесся по толпе, а кто-то рядом с Габбетом злобно и насмешливо захохотал. Этот смех отнюдь не успокоил боязливых.

— А как насчет солдат? — спросил кто-то из партии «осторожных».

— К чертям их собачьим! — вдохновенно воскликнул Лентяй.— Конечно, они могут нас перестрелять, но разве лучше сдохнуть от тифа?

Это замечание возымело действие, и тюрьма отозвалась одобрительным гулом.

— Давай продолжай, старина! — крикнул Габбету Джемми Ветч, в восторге потирая тонкие пальцы.— Они нас поняли! — Услышав чутким ухом лязг железа, он добавил: — Становимся у двери и сразу наваливаемся на стражу.

Прошло восемь склянок, сменный караул спускался с кормы. А в тюрьме у двери столпились арестанты и, затаив дыхание, напряженно ждали.

— Все — как договорено,— тихо пробормотал Габбет.— Откроется дверь, хватаем солдат, чтоб они и чих-

нуть не успели; втаскиваем их в тюрьму, забираем оружие — и делу конец.

— Странно, что-то уж очень тихо, — проговорил Ворон.

И тут они услышали голос Пайна. Он звучал, как всегда, спокойно, ровно.

— Майлс, стойди-ка от двери!

Ворон облегченно вздохнул. В этих словах не было ничего настораживающего. К тому же Майлс, как обещала Сара, помехой не будет.

Ключ звякнул и повернулся в замке, и самый храбрый из «осторожных» смекнул, что можно получить помилование, если, рискуя жизнью, вырваться вперед раньше других и предупредить стражу, но он подавил это желание, когда увидел, как арестанты отступили назад, чтобы дать дорогу главарям, и как ошетинился Верзила.

— *Пошли!* — крикнул Джемми Ветч, когда распахнулась обитая железом дубовая дверь, и Габбет, зарывав, словно дикий вепрь, выскочил из тюрьмы.

Мелькнувшая было в дверях красная полоска света исчезла, затененная массой тел. Вся толпа ринулась вперед, и в один миг пять, десять, двадцать самых отчаянных храбрецов были уже за дверью.

Казалось, что мощная волна, ударившая в каменную стену, пробила в ней брешь и устремилась в пробоину. Азарт борьбы захватил всех. Осторожность была забыта. Впереди в полутьме уже барахтались в рукопашной схватке люди, и те, что были в задних рядах, увидев Ворона на гребне людской волны, мощным патиском ответили на ободряющий призыв своего вожака.

Вдруг послышался страшный вой, будто зверь попал в капкан, поток людей застрял в дверях. Яркая вспышка прорезала полутьму, раздался стон, изменник часовой упал с простреленной грудью. Толпа нерешительно застыла в дверях, но сзади так пажимали, что передние подались вперед и часть людей была вытеснена наружу, тут тяжелая дверь взвизгнула на петлях, и болты задвинулись с грохотом.

Все это произошло почти одновременно с той ошеломляющей быстротой, с какой иногда происходят в жизни события, которые описывать во всех деталях так утомительно. Дверь тюрьмы мгновенно открылась и в следующий миг захлопнулась. Картина, представившаяся арестантам, промелькнула как в волшебном фонаре. Время, истекшее между двумя этими событиями, равнялось времени, необходимому для выстрела из мушкета.

Звук второго выстрела и чьи-то крики смешались с бряцанием оружия, и арестанты поняли, что на корабле поднята тревога. Что же будет с их товарищами, которые прорвались на палубу? Удается ли им одолеть стражу, или их снова водворят в тюрьму? Все это скоро станет известно, а пока они изнывали в горячей, душной темноте и ждали исхода. Внезапно шум прекратился, затем раздался какой-то странный и непонятный грохот.

* * *

Что же произошло?

Арестанты, выскочив из мрака на свет фонарей, словно обезумевшие, кинулись на палубу. Майлс, верный своему обещанию, не стрелял, но Викерс тут же выхватил у него ружье и, ринувшись в толпу, выстрелил вниз в арестантскую. Атака все-таки оказалась неожиданной, но он храбро встретил ее. Его выстрел преследовал двоякую цель: запугать людей в арестантской и остановить людской поток, преградив дорогу трупом. Получая удары и отбиваясь от толпы озверевших людей, разгневанный Викерс забыл о своем намерении не проливать кровь. Он целил в голову Джемини Ветча, но промахнулся и уложил наповал злополучного Майлса.

А тем временем Габбет и его товарищи добежали до трапа кают-компаний, но там в красном отсвете фонарей блеснули штыки удвоенного караула. Посмотрев в сторону люка, Верзила увидел, что оружие, которое он рассчитывал захватить, находилось под охраной десятка ружей, а за распахнутыми дверьми в переборке, идущей от бизани к корме, стояла остальная часть отряда с ружьями наготове. Не трудно было даже ему понять, что их дерзкий план провалился, что их кто-то предал. Издав отчаянный вопль, донесшийся до его товарищей в тюрьме, он кинулся назад к двери, но в этот момент Викерс выстрелил, и столпившиеся у входа люди шарахнулись в сторону. Пайн и двое солдат, воспользовавшись замешательством, закрыли дверь на болты.

Бунтовщики попали в ловушку.

Узкое пространство между арестантской и переборкой превратилось в поле сражения. Человек двадцать арестантов и десяток солдат схватились врукопашную. Дерущиеся сцепились так плотно, что и нападающие и атакуемые наносили удары наудачу. Габбет выхватил у какого-то солдата саблю, тряхнув косматой головой, позвал на

помощь Лентя и бросился вверх по трапу, решившись пробиться сквозь огонь караульных. Лентяй, следовавший за ним по пятам, напал на первого попавшегося солдата и попытался отнять у него саблю. Ему на помощь подоспел здоровый парень с бычьей шеей; он ударил солдата кулаком в лицо, и тот, оглушенный ударом, выпустил саблю из рук, но, вытащив пистолет, успел прострелить обидчику череп. Этот выстрел и заставил Мориса Фрера встрепетаться.

Выскочив на палубу, молодой лейтенант мгновенно понял по расстановке часовых, что его товарищи проявили большую осмотрительность, нежели он, и смогли обеспечить безопасность корабля. Кто это сделал — выяснять не было времени. Не успел он добежать до люка, как столкнулся с Габбетом, поднимавшимся по трапу. Неожиданно встретив противника, да к тому же так близко, Верзила не смог развернуться, чтобы нанести удар. Крепко выругавшись, он стиснул Фрера своими ручищами, и они оба скатились по трапу. Стража на шканцах не решилась стрелять по этому сплетению тел, катавшихся по палубе. Какое-то мгновение драгоценная жизнь лейтенанта висела на волоске.

Забрызганный кровью своего несчастного друга, Лентяй уже ступил на трап, но в эту секунду кто-то ударом приклада выбил из его рук саблю и грубо оттащил его назад. Упав на палубу, он увидел, как из толпы арестантов выскочил Ворон, еще минуту назад отбивавшийся от солдата, и как он, встав у трапа, поднял руки, словно защищаясь от удара. Внезапно все стихло: арестантов, прижатых к переборке, охватило какое-то оцепенение. Наступившая тишина ввергла в недоумение обитателей тюрьмы.

Однако такое состояние продолжалось недолго. Двое солдат, из тех, что вместе с Пайном остановили лавину арестантов, быстро подняли засов опускной двери, о которой уже говорилось в предыдущих главах, и трое солдат по сигналу Викерса выкатили заряженную гаубицу из ее мрачного укрытия, находившегося рядом с тем местом, где был проход между нарами, и, подняв смертоносное жерло на уровень отверстия в тюремной переборке, были готовы дать залп.

— Сдавайтесь! — крикнул Викерс, — в голосе его следов не осталось от пресловутой гуманности. — Сдавайтесь и называйте вожаков, иначе я вас всех разнесу на куски!

Голос его не дрогнул. Хотя он стоял вместе с Пайном у самого жерла пушки, мятежники поняли — а перед ли-

цом неизбежной опасности соображение работает быстро даже у самых тупых людей,— что, если они хоть на миг заколеблются, он свое слово сдержит.

Снова наступила томительная тишина, нарушаемая какой-то возней в тюрьме, словно к борту внезапно бросился крысиный выводок, застигнутый в бочке с мукой. То было шарканье ног арестантов, которые кинулись к своим нарам, стремясь уйти от угрожавшего им залпа картечи. Для двадцати отчаявшихся людей, дрожащих от страха перед жерлом гаубицы, это было убедительнее всяких слов. Все рухнуло — товарищи отказались их поддержать. Положение было отчаянным. Из длинного темного туннеля, откуда выкатили гаубицу, доносился приглушенный рокот, который иногда слышишь в морской раковине. Отверстие туннеля напоминало окно, за которым царил темнота. По обе стороны этого жуткого окна, прижатые друг к другу, стояли Пайн, Викерс и стражники. Перед ними лежал труп несчастного юнца, которого Сара Пэрфой довела до гибели. Рядом с ними, притиснутые к этой окровавленной растерзанной массе и отшатываясь от нее, замерли в ужасе двадцать озлобленных мятежников. Позади них из темноты в стороне от света из открытого люка жерло гаубицы угрожало смертью и разрушением; а за гаубицей угрюмо поблескивал ряд мушкетных стволов, освещенных фитилем, который держал верный слуга Викерса.

Люди, попавшие в ловушку, устремили взоры паверх, но там, у люка, уже выстроился караул, и некоторые члены экипажа с бравадой, свойственной морякам, поглядывали вниз на арестантов. Выхода не было.

— Даю вам минуту! — крикнул Викерс, зная, что в секунды было бы достаточно. — Одну минуту на размышление, или...

— Сдавайтесь, дружки, бога ради! — послышался голос какого-то несчастного из тюрьмы. — Неужто вы хотите нас всех погубить?

Джемми Ветч, благодаря странному свойству первых натур, понял, что товарищи ждут, чтобы он выступил как парламентар и крикнул:

— Мы сдаемся! Нечего ждать, пока нам вышибут мозги!

Подняв руки вверх, повинуясь указанию Викерса, он первым двинулся к арестантской.

— Принесите кандалы! — скомандовал Викерс, стараясь скорее покончить с неприятной ситуацией. И не успел последний бунтовщик пройти мимо все еще горящего фи-

тиля гаубицы, как стук молотков возвестил о том, что Ворона заковывали в цепи, которые были сняты с его стройных ног месяц назад, когда корабль проходил Бискайский залив.

Через минуту опускающаяся дверь закрылась, гаубицу с грохотом откатили обратно к креплениям, и тюрьма снова вздохнула.

* * *

Тем временем почти столь же волнующая сцена разыгралась на верхней палубе. Габбет, в порыве слепого бешенства, которому подвержены грубые от природы люди, и разъяренный провалом всей затеи, схватил за горло Фрера, решив свести счеты хотя бы с одним из своих врагов. Но, несмотря на свое упорство и преимущество в весе и силе, он нашел в молодом лейтенанте более опасного противника, чем ожидал.

Морис Фрер отнюдь не был трусом. Даже самые заклятые враги, звавшие его жестокостью и себялюбием, никогда не обвиняли его в отсутствии храбрости. В беспечные дни юности он славился как раз противоположным. Он был любителем многих видов спорта, гордился силой своих мускулов, и не раз в ночных трактирных пирушках, закапчивающихся скандалами, им же самим затеянными, опровергал ходячее выражение о том, что наглец всегда труслив. У него была хватка бульдога: дай ему только вцепиться зубами в противника — и он будет держать его до конца. Что касается физической силы, то это был второй Габбет, только с профессиональной выучкой призового борца; а в поединке двух людей, наделенных равным мужеством, знание приемов борьбы значит больше, чем сила.

Казалось, в происходящей сейчас борьбе такое знание не играло большой роли. Неискушенный наблюдатель мог бы подумать, что разъяренный Верзила, схвативший человека за горло и подмявший его под себя, легко окажется победителем. Ведь здесь, где не было ни места, ни времени для демонстрации приемов борьбы, все решала грубая сила.

Но если умение и опыт не прибавляют силы, они зато придают хладнокровие. И Морис Фрер, захваченный врасплох, не потерял присутствия духа. Хотя арестант навалился на него всей своей тяжестью, лишив его возможности ответного удара, Фрер, оказавшись на спине, обвился ногами вокруг бедер противника, а рукой захватил его за

ворот. Так они катались по палубе, а перепуганный часовой не решался выстрелить. Но вдруг корабль сильно качнуло, и Фрер подмял под себя Габбета. Напрягая все свои мускулы, лейтенант противился усилиям Габбета сбросить его, так что Габбет с таким же успехом мог бы биться о каменную стенку.

Глаза Верзила выступали из орбит, все его сухожилия напряглись до предела, но он не мог сбросить противника. А когда лейтенант почувствовал, что Габбет освобождает руку, чтобы нанести решающий удар, он резким движением поднял правое колено и ударил им Габбета в челюсть; тяжелая голова откинулась назад, и Фрер нанес второй удар по мускулистой шее. Верзила сделал усилие вывернуться и попытался встать на карачки, но был тотчас окружен матросами.

Тут началась и закончилась, быстрее чем можно описать, одна из гомеровских битв одного против двадцати — битва не менее героическая оттого, что Аякс был арестантом, а троянцы — обычными матросами. Отбросив от себя нападающих с той быстротой, с какой дикий кабан сбрасывает собак, вцепившихся в его щетинистые бока, бунтовщик вскочил на ноги и, размахивая над головой чьей-то саблей, заставил всех держаться на расстоянии. Четыре раза поднимали свои мушкеты солдаты, окружавшие люк, и четыре раза их удерживал страх ранить матросов, пытавшихся захватить обезумевшего Верзилу. Он кидался из стороны в сторону, волосы его были вздыблены, налитые кровью глаза горели яростью; своей огромной ладонью он хватал воздух, будто хотел во что-то вцепиться, и ревел, как раненый буйвол. Его холщовая рубаша, разодранная от плеча до бедра, обнажала игру громадных мышц. Кровь била из раны на лбу и, стекая струйками по лицу, смешивалась с пеной на губах и капала на волосатую грудь. Как только кто-нибудь из нападающих приближался к нему на расстояние удара саблей, Верзилу распирали новый приступ ярости. Порой нападающие налетали на него и повисали у него на руках, плечах и ногах, но, сбросив их, он снова стоял один среди толпы врагов с лицом, искаженным ненавистью и отчаянием. В этот момент он напоминал демона, нет, скорее всего, был похож на чудовищную гориллу из африканских дебрей.

Не обращая внимания на толпу, наседавшую на него, он сделал шаг к своему главному противнику, чтобы нанести ему смертельный удар. В его мозгу гнездилась мысль, что Сара Пэрфой предала их этому красавчику

офицеру, и потому вся его бешеная злоба обратилась против Мориса Фрера. Вид каторжника был настолько страшен, что когда он замахнулся саблей, Фрер, несмотря на всю свою отвагу, крепко зажмурился и отдал себя на волю судьбы.

Но в эту минуту корабль, который до сих пор тихо качался на сонных водах, вдруг резко накренился. Арестант, потеряв равновесие, покачнулся и упал. И, прежде чем он успел подняться, его обхватили десятки рук.

Почти одновременно власти одержали победу как на верхней, так и на нижней палубах. Бунт был подавлен.

Глава 11

ОТКРЫТИЯ И ПРИЗНАНИЯ

Все почувствовали этот толчок, и Пайн, который наблюдал за тем, как заковывали в кандалы последних мятежников, сразу разгадал причину.

— Слава богу! Наконец-то подул бриз! — воскликнул он.

И пока избитого, окровавленного и связанного Габбета стаскивали по трапу, доктор поспешил на палубу, чтобы посмотреть, как будет вспенивать воду «Малабар», гонимый бризом, делая пятнадцать узлов в час.

— Эй! Зарифить марсели! Убрать с марса вахтенных! Свернуть бом-брам-стенги! — командовал со шканцев Бест.

Среди всеобщей суматохи Морис Фрер давал краткий рапорт о происшедшем, стараясь обойти вопрос о собственном своем упущении.

Пайн нахмурил брови.

— Вы думаете, что служанка участвовала в заговоре?

— Нет, ни в коем случае! — вскричал Фрер, желавший увести следствие в сторону. — Разве она могла участвовать в заговоре? Заговор! Она ведь подхватила тиф.

И действительно, открыв дверь каюты, они нашли Сару Пэрфой лежащей там, где она упала четверть часа назад. Ни ружейные выстрелы, ни лязг сабель и крики на палубе не привели ее в сознание.

— Надо где-то еще устроить лазарет для тифозных, — сказал Пайн, недобрым взглядом окидывая неподвижную фигурку, расprostертую на полу. — Хотя, по-моему, она не в таком уж тяжелом состоянии, черт бы ее побрал! Сда-

ется мне, что это она заварила всю кашу. Ничего, скоро я во всем разберусь. Я предупредил этих парней: если к утру они не признаются, то по прибытии в Хобарт-Таун каждый получит по шесть дюжин плетей. У меня просто руки чешутся наказать их поскорее. Подержите-ка ей голову, Фрер, надо вынести ее отсюда, прежде чем явится Викерс. Какой же вы, ей-богу, дурень! Я знал, что на корабле с женщинами хлопот не оберешься! Удивляюсь, что миссис Викерс до сих пор сидит в своей каюте. Эй, осторожней в дверях! Ну, что вы на самом деле? Можно подумать, что вы ни разу в жизни не обнимали девушку! С чего это у вас такой перепуганный вид? Не бойтесь — я никому не скажу. Поторопитесь, пока не пришел этот маленький пастор. Священники болтливы, как старые девы.

Бормоча подобную ерунду, Пайн помог Фреру донести Сару Пэрфой до ее каюты.

— Ей-богу, она красивая девушка, — сказал он, оглядывая профессиональным взглядом врача ее неподвижно лежащую фигурку. — Не удивляюсь, что вы свалили дурака по ее милости. Между прочим, вы ведь могли заразиться. Но теперь, с божьей помощью, бриз выветрит с корабля всю заразу. А этот старый болван Блант туда же, как ему не стыдно, в его-то годы!

— Что вы хотите сказать? — поспешно спросил Фрер, услышав чьи-то приближающиеся шаги. — При чем тут Блант?

— А, не знаю, — отмахнулся Пайн. — Он тоже приударял за ней, как, впрочем, и многие другие.

— О да, как многие другие, — подхватил Фрер, притворяясь равнодушным.

— Она ведь строила глазки всем мужчинам на корабле, — и Пайн рассмеялся. — Я сам видел, как она однажды целовала солдата.

Морис Фрер вспыхнул. Опытный ловелас был одурачен и, быть может, высмеян. Он не сомневался в том, что покорила черноглазую служанку, а оказалось, что это она обвела его вокруг пальца и, вероятно, даже посмеялась над его ухаживаниями вместе со своим любовником-солдатом. Неприятно думать об этом, и все же, как ни странно, представив себе вероломство Сары, он не почувствовал к ней неприязни. Бывает такая любовь, если только ее можно назвать любовью, — которая расцветает от дурного обращения. Но тем не менее он выругался с чувством, похожим на негодование.

Викерс столкнулся с ним в дверях.

— У капитана Бланта тиф. Бест зашел в его каюту и услышал стоны. Пойдемте, надо посмотреть, что с ним.

Командир «Малабара» лежал на своей койке в неловой позе, как это бывает с людьми, спящими в одежде. Доктор наклонился над ним, потряс его за плечо, расстегнул воротничок.

— Он не болен, он пьян! Блант, проснитесь!

Но командир продолжал лежать неподвижно.

— Хм... да! — проговорил Пайн, нюхая разбитый стакан. — Что это? Какой-то странный запах. Ром? Нет, не ром. Господи, да это же опиум! Кто-то здорово над ним подшутил.

— Не может быть!

— Тем не менее это так. — И доктор хлопнул себя по бедру. — Все та же чертовка! Это она опоила его, как опоила бы всякого (Фрер бросил на него умоляющий взгляд)... всякого, кто клюнул бы на эту удочку. Доуз сказал правду, сэр. Она замешана в заговоре. Могу под присягой поклясться, что это так.

— Что вы говорите! Служанка моей жены? Чепуха!

— Чепуха! — повторил Фрер.

— Нет, далеко не чепуха. Убитый солдат, хм... как его там, Майлс, кажется. А впрочем, неважно. Теперь это уже не имеет никакого значения.

— До утра они все сознаются, — сказал Викерс, — тогда и посмотрим. — И он отправился в каюту своей жены.

Миссис Викерс открыла ему дверь. Все это время она просидела у койки дочери, прислушиваясь к стрельбе, безропотно ожидая возвращения мужа. Праздная, кокетливая и строптивая Джулия Викерс в критические минуты жизни проявляла стойкость и мужество, свойственное женщинам ее типа. Она зевала над книгой, если это не была чувствительная любовная история, она пыталась завлечь юнцов, годящихся ей в сыновья, папуская на себя смешную наивность, а при виде паука или лягушки взвизгивала, как девочка, и тем не менее она могла достойно перенести испытания, которые под силу только крепкому мужчине.

— Ну что, все окончилось благополучно? — спросила она.

— Да, слава богу, — сказал Викерс, останавливаясь в дверях. — Теперь все в порядке, хотя мы были на грани катастрофы. Как Сильвия?

Девочка лежала в постели. Ее светлые волосы разметались по подушке, маленькие ручонки беспокойно шевелились.

— Ей немножечко лучше, хотя она сильно бредила.

Алые губки раскрылись, и голубые глаза, блестящие ярче обычного, блуждали по стенам невидящим взглядом. Звук отцовского голоса пробудил ее сознание, и она зашептала молитву:

— Боже, спаси папу и маму и всех, кто на корабле. Боже, помоги мне стать хорошей девочкой, ради Христа. Аминь.

Слова безыскусной детской молитвы были так трогательны, что Джон Викерс, который десять минут назад готов был ради спасения корабля бестрепетно подписать самому себе смертный приговор, почувствовал, что глаза его наполняются слезами. Контраст был разительный. Среди пустынного океана, за сотни миль от суши, на охваченном тифом арестантском корабле, в окружении преступников, воров и убийц детский голосок невинно и доверчиво взывал к милости неба.

* * *

Спустя два часа, когда «Малабар», избежав грозившей ему катастрофы, резво рассекал морскую зыбь, мятежники через своего доверенного Джеймса Ветча передали командованию свои признания: «Мы просим прощения и надемся на помилование. Только страх перед тифом толкнул нас на бунт. Сообщников у нас не было ни в тюрьме, ни на воле. Еще мы хотим добавить, что зачинщиком мятежа был Руффус Доуз».

Такова была месть Габбета-Верзилы, который догадался, от кого исходили сведения, приведшие к провалу всего заговора.

Глава 12

ГАЗЕТНАЯ ЗАМЕТКА

Вырезка из «Хобарт-таунского курьера» от 12-го ноября 1827 года. «Судебное следствие по делу каторжников, замешанных в попытке захватить судно «Малабар», закончилось в прошлый вторник. Четверо зачинщиков: Доуз, Габбет, Ветч и Сандерс были приговорены к смерти. Но по милостивому решению его высокопревосходительства господина губернатора смертная казнь была заменена шестью годами каторжных работ в колонии Макуори-Харбор».

Книга вторая В МАКУОРИ-ХАРБОР. 1833

Глава 13 ЗЕМЛЯ ВАН-ДИМЕНА

Юго-восточное побережье Земли Ван-Димена, от пустынного Мьюстона до базальтовых скал Тасманийского мыса и от Тасманийского мыса до мыса Пиллар, а от мыса Пиллар до сурового и величественного залива Пиратов, напоминает сухарь, обгрызенный крысами. Постоянное воздействие океана, омывающего его с востока и запада, привело к тому, что полуостров откололся от Австралийского континента — как некогда остров Уайт от материка — и берега его приобрели неровную и извилистую форму.

Если вы посмотрите на карту, то причудливые островки и скалы, разбросанные между мысом Юго-Западным и Суон-Портом, напомнят вам замысловатые фигурки, которые получают из расплавленного свинца, вылитого в

воду. Если дать волю фантазии, то можно вообразить, что когда создавался Австралийский континент, какой-то гигант певзначай опрокинул тигель и выплеснул Землю Ван-Димена в океан.

Каботажное плавание здесь так же опасно, как и в Средиземном море. Когда судно проходит от мыса Бугенвилль к восточному берегу острова Марии между многочисленными рифами и отмелями, лежащими у скал Трех Пальцев, мореплавателю внезапно открывается Тасманийский полуостров, свисающий с материка как громадная двойная серьга. Пройдя его у мыса Пиллар через залив Бурь к острову Сторинг, корабль попадает в миниатюрную Адриатику. Между Хобарт-Тауном и Соррелом, Питтуотером и Деруэнтом находится часть суши очень странной формы: она напоминает итальянский сапог с загнутым кверху носком и отделена узким проливом, испещренным скалами, который идет вдоль западной части острова Бруни у подножья горы Рояль, этот опасный для судов пролив назван проливом Д'Антркасто. Со стороны южного входа в пролив Д'Антркасто корабль подстерегает целая гряда подводных скал, именуемых Актеонскими рифами, которые свидетельствуют о том, что некогда остров Бруни был соединен с берегами залива Решерш; а начиная с Южного мыса, вплоть до «челюстей» гавани Макуори, бурные водовороты, образованные подводными рифами, а также зубчатые вершины подводных скал, внезапно возникающих в море, заставляют моряка держаться подальше от берега.

Кажется, что природа, ревниво охраняющая красоты своего серебристого Деруэнта, сделала подступы к нему чрезвычайно опасными. Но если удастся благополучно провести судно через архипелаг пролива Д'Антркасто или по менее опасной восточной стороне залива Бурь, — путешествие по реке доставит огромное наслаждение. От одиноких, стоящих словно на страже скал Железного Котла до ласкающих глаз живописных берегов Нью-Норфолка река течет витками и извилинами и, сужаясь, вьется по глубоким расселинам между высоких обрывистых скал. Если протянуть прямую линию от истоков Деруэнта к северу, то она встретится с другой рекой, берущей свое начало в северной части острова, в то время как Деруэнт идет с юга. Сила волн здесь значительно слабее, вероятно растраченная на разрушение перешейка, который, как считают, две тысячи лет назад соединял Землю Ван-Димена с континентом. Бурные течения Южного океана, сталкиваясь в устье реки Теймар, разбивались о перешеек

и, размывая его, устремлялись к южному побережью Виктории, где образовали бухту, которую называли Порт-Филип. Если волны совсем обглодали южный берег Земли Ван-Димена, то от южного берега Виктории они отгрызли лишь один большой кусок суши. На этом месте образовался залив площадью в девятьсот квадратных миль с проливом между скалами шириной в две мили.

На расстоянии ста семидесяти миль к югу от Порт-Филипа лежит Земля Ван-Димена, прекрасная, богатая и плодородная, орошаемая благодатными ливнями. Курящиеся над вершиной Французовой горы, утесом Уайльда, высокими горными хребтами Веллингтона, Верблюжьей горой облака изливают плодоносные и благодатные дожди на защищенные горами долины. Горячий, иссушающий ветер — гроза и бич континента — не достигает этих полей и пастбищ. Прохладный южный бриз покрывает легкой рябью голубые воды Деруэнта, треплет занавески в открытых окнах города, ютящегося в широкой тени горы Веллингтона. Горячий ветер, рожденный в раскаленных песках в самом сердце большого Австралийского материка, проносится над выгоревшими, изнывающими от зноя равнинами, высушивая все реки, сжигая траву, пока он не долетит до вод большого южного залива, но, пролетая над проливами, он утрачивает силу и после долгого пути опускается в изнеможении у подножия уступчатых склонов Лонсестона.

Климат Земли Ван-Димена поистине райский. В Лонсестоне тепло, безветренно и влажно; Хобарт-Таун имеет среднюю температуру Смирны, так как он защищен от разрушительной силы прибоев островом Бруни с его архипелагом в проливе Д'Антркасто и в заливе Бурь, и местность между Хобарт-Тауном и Лонсестоном изобилует роскошными долинами, орошаемыми прозрачными и искрящимися ручьями. Однако на западном берегу, начиная от крутых скал мыса Грим до заросшего колючим кустарником мыса Сэнди и мрачного входа в бухту Макуори, враждебно встречающего суда, ландшафт представляет совершенно иную картину: на этом суровом скалистом берегу, начиная от острова Пирамид и лесистого одинокого мыса Роки-Пойнт до Большой Оленьей Головы и бурной гавани Порты-Дейви, все выглядит уныло и безотраднo. На этом мрачном побережье заканчивают свое странствие грозные буруны Южного океана, шторма, опустошившие мыс, воссоединяясь по дороге на восток с холодными ветрами, несущимися к северу из неведомых ледяных пу-

стынь Южного полюса, беспрепятственно обрушиваются на сосновые леса Хьюона и хлещут потоками дождей на мрачные склоны горы Дирекшен. Свирепые вихри, внезапные бури — бич для коренных жителей побережья. Навигация в этих местах опасна, а в 1833 году, в то время, которое мы описываем, когда дурная слава каторжного поселения достигла своего апогея, проход в гавань Макуори был доступен только в хорошую погоду. Берег усыпан обломками кораблей. Подводные рифы названы именами разбившихся о них судов. Воздух здесь холоден и влажен, эта почва рождает лишь колючие кустарники и ядовитые травы, а зловонные испарения болотистых топей словно липнут к мокрой, пропитанной влагой земле. Все вокруг дышит запустением; с лица природы не сходит мрачная тень.

Потерпевший крушение моряк, с трудом взбирающийся на вершину базальтовых скал, или каторжник в кандалах, волокущий свое бревно по краю обрыва, опускает свой взгляд на море тумана, из которого подобно островкам выплывают вершины гор; или сквозь пелену колючего ипея вглядывается в заросли и скалы, что простираются к подножью горы Хемскирк и горы Зиан, которые, как два сторожевых льва, несут вахту над всем побережьем.

Глава 14

ОТШЕЛЬНИК В ЧЕРТОВЫХ ВОРОТАХ

Чертовы Ворота образованы скалистой косой, которая спускается обрывом прямой к северной оконечности острова, а с восточной стороны касается мыса на материке возле устья Кинг-ривер. Посредине этих Ворот — островок, представляющий собой песчаную отмель, он является естественной преградой в узком входе в залив, что создает двойной водоворот, который делает это место непроходимым для судов даже в самую тихую погоду. Когда корабль минует Ворота, прикованный к его палубе арестант видит перед собой лысую коническую вершину Французовой горы, рассекающую туман на высоте пяти тысяч футов; затемненные нависшими скалами и тенью гигантских лесов, мрачные берега этого водного бассейна суживаются к устью реки Гордон. Бурный синева-лиловый поток, питаемый многочисленными ручейками, пробивающимися сквозь заросли гниющих растений, настолько ядовит, что

вода его не только непригодна для питья, но и уничтожает всю рыбу, которая в штормовую погоду заплывает сюда с моря. Легко себе представить, какой мощный прибой обрушивается на этот незащищенный берег во время свирепых штормов. И когда несколько дней дует северо-западный ветер, воды реки Гордон становятся солеными на двенадцать миль вверх от устья.

Административные здания каторжного селения размещались недалеко от устья этой суровой реки на острове, именуемом островом Сары. Хотя теперь это место пустынно, осталось только несколько прогнивших столбов и досок — немых свидетелей страшных сцен, которые уже никогда больше не повторятся, — но в 1833 году здесь было много разнообразных строений. На острове Филип, в северной стороне бухты, стояла небольшая ферма, где выращивали овощи для администрации, а на острове Сары были построены лесопилки, кузницы, доки, тюрьма, казармы, бараки и пристань. Отряд солдат, примерно человек шестьдесят, вместе с надзирателями, набранными из каторжан, и констеблями, держал в повиновении свыше трехсот пятидесяти каторжан. Эти жалкие, отчаявшиеся существа выполняли самую унижительную работу. В колонии не разрешено было иметь вьючных животных; в качестве тягловой силы использовали каторжан. Правда, около ста человек перевели за «хорошее поведение» на более легкие работы: одни подносили строительный лес к верфи, помогали сооружать корабли, другие валили деревья, таскали на своем горбу бревна к воде. Так как заросли кустарника были непроходимыми, то надо было сначала проложить дорогу длиной в добрую четверть мили; по ней катили очищенные от веток стволы, делали из них скат, и по нему самые толстые бревна спускали прямо в гавани. Из них сбивались плоты, лес перегонялся на склады или отправлялся в Хобарт-Таун.

Каторжники помещались на острове Сары в бараках, за которыми стояла двухэтажная тюрьма, «карцеры» которой наводили ужас на самых закоренелых преступников. Каждое утро они получали на завтрак порцию каши, воды и соли, затем под охраной отправлялись на лодках к месту лесоповала, где и работали до самой темноты, не получая пищи. Они валили лес, обтесывали стволы, стоя по пояс в воде. Многие из них были закованы в тяжелые кандалы. Тех, кто умирал, хоронили на маленьком клочке земли, названном «островом Голлидея» (по имени первого человека, здесь захороненного), и воткнутая в землю таб-

личка с нацарапанными на ней инициалами умершего была единственным памятником, которого удостоивался каждый.

Остров Сары, длинный и низменный, был расположен в юго-восточной части бухты. В центре его стоял дом коменданта, а между ним и тюрьмой — дом священника и бараки. Лазарет был на западном берегу, а рядом с ним два пенитенциария. Поселок был обнесен рядами высоких стен, которые придавали ему вид укрепленного города. Эти ограждения защищали поселок от грозных порывов ветра, которые со свистом проносились сквозь узкую и длинную бухту, словно сквозь замочную скважину, не раз срывая крыши с домов и унося лодочные причалы. Как бы бросая вызов самой природе, этот маленький городок, возникший на самой дальней окраине цивилизованного мира, вел непрерывную войну с ветрами и волнами.

Но тюрьма на острове Сары не была единственной тюрьмой в этой пустынной местности.

Недалеко от материка стояла скала, о которую в штормовую погоду разбивались волны. Вечером третьего декабря 1833 года, когда солнце садилось за верхушками деревьев на левом берегу бухты, на вершине утеса показался человек. На нем была грубая одежда каторжника, а ноги были скованы короткой железной цепью, продетой между двумя кольцами. К середине цепи был прикреплен кожаный ремень, расщепленный буквой «Т», верхняя часть которого охватывала его талию и подтягивала цепь, чтобы она не болталась и человек не спотыкался при ходьбе. Голова была непокрыта, распахнутая синяя полосатая рубашка открывала загорелую мускулистую шею. Он вышел из своего убежища, то есть пещеры, образованной в скале самой природой, а может быть — высеченной человеком, подкинул сосновое поленце в затухающий костер, горевший между двумя выщербленными камнями, а затем вернулся в свою пещеру и вынес оттуда железный котелок с водой; заглубевшими, натруженными руками он вырыл ямку в золе и поставил котелок на угли. Очевидно, пещера служила ему одновременно и жилищем и кладовой, а два выщербленных камня — очагом.

Закончив приготовления к ужину, он поднялся по тропинке на самую вершину утеса. Оковы вынуждали его идти короткими шажками, и во время ходьбы он вздрагивал от боли, словно железо обжигало его. Левая лодыжка, в кровь натертая кольцом от кандалов, была обмотана какой-то тряпичей или носовым платком.

Медленно, с мучительными усилиями он дошел до места и, бросившись на землю, огляделся. Днем на море было волнение, лучи заходящего солнца красными отсветами горели в бурливых и беспокойных водах залива. Справа от него лежал остров Сары; слева на горизонте простиралась тускло очерченная линия противоположного берега бухты, над которой возвышалась вершина Французовой горы. С восточной стороны над голыми холмами все еще висели облака — следы недавней бури. И тут он увидел след человека. Две лодки с каторжниками-гребцами тащили на буксире какой-то бриг.

Вид этого брига пробудил в сознании отшельника целый ворох воспоминаний, и, подперев рукой подбородок, он, не сводя глаз с приближающегося судна, глубоко задумался. Прошло больше часа, а он не шевельнулся. Корабль стал на якорь, лодки отошли от его бортов, солнце опустилось, и сумрак окутал залив. На побережье в каторжном поселении замерцали огоньки. Костерок догорал, остыла вода в железном котелке, но человек на утесе так и не двинулся с места. Вглядываясь в полумрак, в затененные очертания корабля, он лежал на голой скале своей одиночной тюрьмы так неподвижно, словно сам был высечен из скалы.

Этот отшельник был Руфус Доуз.

Глава 15

ВЕЧЕР В СВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Вечером третьего декабря в доме майора Викерса, коменданта колонии Макуори-Харбор, царило необычное веселье.

К ним с известиями неожиданно прибыл лейтенант Фрер, недавно назначенный комендантом острова Марии. Правительственная шхуна «Божья коровка» обычно приходила в колонию два раза в год. Все обитатели поселка всегда с нетерпением ожидали ее прибытия. Для каторжан каждый приход «Божьей коровки» означал прибытие новых людей, вести от старых дружков о событиях в мире, от которого они были отторгнуты. С прибытием шхуны даже скованные цепью, измученные тяжким трудом каторжники начинали чувствовать себя людьми, вновь уверяясь, что за их миром — окруженной мрачными лесами тюрьмой — существовал другой мир, где люди, такие же, как они, смеялись, курили, пили, отдыхали и были сво-

бодны. Когда приходила «Божья коровка», они узнавали волнующие их новости — не только подробности военных операций, о движении кораблей или же городские сплетни, но они узнавали также и о том, что касалось их непосредственно — что Том мостил дороги, Дик получил «билет»¹, Гарри совершил побег, а Джека повесили в тюрьме Хобарт-Тауна. Такие сведения были для них драгоценны, а новоприбывшие обо всем подобном были хорошо осведомлены. «Божья коровка» заменяла каторжникам все городские толки, театр, новости на бирже, последние известия. Она была их газетой, почтой, единственной отдушиной в их монотонном существовании, единственным звеном, соединяющим их собственное горе со счастьем других. Для коменданта и всех свободных поселенцев она тоже являлась желанной гостьей, ласточкой из внешнего мира. И не было на острове человека, у которого бы не щемило сердце, когда ее белые паруса исчезали за скалистым холмом.

Сейчас дело чрезвычайной важности радовало и волновало майора Викерса. Губернатор, звавшийся Артур, решил ликвидировать каторжную колонию Макуори. Власти были встревожены произошедшей здесь серией убийств и попыток к бегству, а кроме того, удаленность колонии от Хобарт-Тауна делала ее существование дорогим и неудобным. Поэтому губернатор выбрал новым местом каторжной колонии Тасманийский полуостров — «серьгу», о которой мы уже упоминали, и, назвав его в свою честь Порт-Артуром, послал лейтенанта Фрера к Викерсу с распоряжением перевезти туда каторжан из Макуори-Харбор.

Чтобы понять весь смысл и все значение этого приказа, выполнение которого было возложено на лейтенанта Фрера, мы должны рассмотреть условия жизни в каторжной колонии в тот период ее существования.

Девять лет тому назад полковник Артур, бывший губернатор Гондураса, прибыл сюда в самый критический момент. Его предшественник, полковник Соррел, был человеком неплохим, но бесхарактерным. Кроме того, он вел распутный образ жизни, и его офицеры, следуя примеру своего губернатора, не придерживались строгих нравственных правил. Никто не удивлялся, если офицер открыто брал в сожительницы арестантку. По слухам, такое соительство не только обеспечивало женщине безбедное существование, но и защищало ее от наказания, неизбеж-

---

¹ «Б и л е т» — досрочное освобождение.

ного в случае, если бы она самовольно выбрала себе любовника. Губернатор Артур твердо решил искоренить подобное распутство, однако в своем требовании строго следовать правилам приличия он, возможно, несколько перусердствовал. Человек честный, смелый и высоконравственный, он в то же время был скуп и холоден, и веселые проделки колонистов не встречали у него сочувствия. Помимо администрации, созданной губернатором Артуром, к колониальному обществу относились также свободные поселенцы и освобожденные «по билету», бывшие арестанты, таких, как ни странно, было довольно много. На второе ноября 1829 года в книгах числилось тридцать восемь помилованных и пятьдесят шесть условно помилованных, а число выпущенных «по билету» на двадцать шестое сентября того же года составляло семьсот сорок пять человек.

О некоторых сторонах быта этих людей невозможно говорить без удивления. По официальным свидетельствам многих почтенных лиц — государственных служащих, военных и вольных колонистов, распутство среди ссыльных поселенцев царило отчаянное. Основным пороком являлось пьянство. Даже детей встречали на улицах пьяными. По воскресеньям, пока шла церковная служба, у дверей кабаков стояли толпы мужчин и женщин, ожидавших окончания службы, чтобы снова предаться разгулу и бражничеству. Что касается положения заключенных, оно было просто неопишущим. Несмотря на суровые наказания за нелегальную продажу спиртного, оно проносилось даже в тюрьмы. Мужчины и женщины напивались вместе, и получить за бутылку бренди двадцать плетей еще считалось недорогой ценой. На женских фабриках-тюрьмах творились самые непристойные дела, а преступления, совершаемые в кандалных командах, а также в каторжных поселениях, были настолько отвратительны, что мы опускаем их описание. Все самые гнусные и чудовищные злодеяния, какие только мог придумать извращенный ум, совершались в этой несчастной стране бесстыдно и хладнокровно.

В 1826 году, когда в Хобарт-Тауне были выстроены новые бараки, каторжан поделили на семь категорий. Арестантам первой категории разрешалось почевать «на воле» и по субботам работать на себя; второй категории разрешалось лишь последнее; арестантов третьей категории отпускали только в субботу после полудня; четвертую и пятую категории составляли «трудные» и «буйные» — они работали в кандалах; к шестой категории относились «безнадежно неисправимые» — они работали в кандалах и со-

держались отдельно от других каторжан; седьмую категорию составляли подонки из подонков — убийцы, бандиты, грабители, которых нельзя было обуздать ни кандалами, ни кнутом. Они считались погибшими для общества, и их отправляли к Чертовым Воротам или на остров Марии. Чертовы Ворота являлись самым страшным местом каторги. Карательные меры были здесь настолько суровыми, а жизнь такой ужасной, что каторжники не выдерживали и шли на любой риск, чтобы только удрать отсюда. За один год здесь было зарегистрировано восемьдесят пять смертных случаев, только тридцать из них произошли естественным путем; из остальных — двадцать семь человек утонули в море, восемь погибли случайно, трое застрелены солдатами, двенадцать убиты своими собственными товарищами. В 1822 году из ста восьмидесяти двух каторжан сто шестьдесят девять получили в наказание общим числом две тысячи ударов плетью. За десять лет существования штрафной колонии из нее бежало сто двенадцать человек, из них шестьдесят два были найдены мертвыми. Каторжники кончали жизнь самоубийством, чтобы вырваться из этого ада, а если отдельным счастливым удавалось скрыться в зарослях колючего кустарника или где-нибудь в болотах, лежавших между тюрьмой и поселением, то они предпочитали лучше умереть, чем снова попасть в руки своих тюремщиков.

Морис Фрер сидел у потухшего камина, небрежно положив ногу на ногу, и с обычным равнодушным видом развлекал общество. Прошло уже шесть лет со времени его отъезда из Англии, он располнел и приобрел солидность. Волосы стали жестче, щеки — краснее, взгляд — суровей, но его манера вести себя оставалась той же. Возможно, теперь он более трезво смотрел на жизнь, говорил увереннее и безапелляционнее, как человек, привыкший повелевать, но все дурные качества его натуры проявлялись так же откровенно. Пять лет службы на острове Марии сделали его еще более грубым и самоуверенным — чем он отличался и ранее, придав к тому же уверенность в собственной значимости, и это первое, что бросалось в глаза в разговоре с ним. Каторжане его ненавидели — потому что он, как говорил сам, «не стеснялся в словах и зуботычинах», — но начальство считало его добросовестным и старательным офицером, хотя и слишком крутого нрава.

— Я полагаю, миссис Викерс, — сказал он, беря чашку чая из рук этой дамы, — что вы не будете сожалеть о том, что уезжаете отсюда, а? Передайте мне гренок, Викерс!

— О нет,— ответила бедная миссис Викерс, чья игривость несколько поумерилась за эти шесть лет.— Напротив, я буду очень рада. Это такое ужасное место! Конечно, для Джона долг превыше всего. А какой здесь ветер! Дорогой мистер Фрер, вы даже не представляете! Я хотела отправить Сильвию в Хобарт-Таун, но Джон не отпустил.

— Кстати, как поживает мисс Сильвия? — спросил Фрер тоном снисходительности, каким всегда говорят о детях подобные люди.

— К сожалению, неважно,— отозвался Викерс.— Она очень одинока. Здесь нет детей ее возраста, кроме дочери лощмана, но не с ней же дружить моей дочке. Я не хотел оставлять ее в городе, и потому мне самому приходится всему ее обучать.

— Хм, да... Но с вами, кажется, была гувернантка или бонна? — спросил Фрер, уставившись в свою чашку.— Эта барышня... Помните, как ее звали?

— Сара Пэрфой,— ответила миссис Викерс, погрустнев.— Ах, бедняжка. Печальная история.

— Да неужели? — Глаза Фрера блеснули.— Если вы помните, я вскоре уехал, после суда над бунтовщиками, и никаких подробностей не знаю.— Он говорил нарочито небрежно, однако ответа ждал с большим интересом.

— Печальная история,— повторила миссис Викерс.— Она оказалась женой этого несчастного Рекса и нанялась ко мне служанкой ради того, чтобы быть подле него. Как я ее ни просила, она ни за что никогда не хотела рассказать мне о своей жизни, бедняжка, хотя после всех этих ужасов, в которых обвинял ее доктор,— я всегда недолго любила этого человека,— я чуть не на коленях просила ее открыться мне. Вы сами знаете, как она самоотверженно ухаживала за Сильвией и бедным Джоном, когда они заболели тифом! Милейшее существо! Мне кажется, что она и прежде была гувернанткой.

Мистер Фрер вскинул брови, точно хотел сказать: «Гувернанткой? Удачное предположение. Чудесная догадка! Странно, как это раньше не приходило мне в голову!»

— Но вела она себя замечательно, я бы сказала, даже образцово. И все шесть месяцев, пока мы жили в Хобарт-Тауне, она занималась воспитанием Сильвии. Ведь правда, что она никак не могла помочь своему мужу? Скажите, ведь это так?

— Да, разумеется! — решительно сказал Фрер.— Я ведь и о нем кое-что слышал. Кажется, влип в какую-то историю, а? Можно мне еще полчашечки, пожалуйста.

— Прошу вас, вот сахар и молоко. Да, мисс Пэрфой или миссис Рекс, как ее звали по-настоящему, но полагаю, что Рекс тоже не настоящая его фамилия... Так вот, эта миссис Рекс получила наследство от старой тетки из Англии.

Мистер Фрер утвердительно тряхнул головой, что означало: «От старой тетки! Именно так. Этого можно было ожидать».

— И она ушла от меня, купила себе домик на Нью-Таун-Роуд, а Рекс был приписан к ней слугой.

— Тогда понятно, известная уловка! — сказал Фрер, слегка покраснев. — Ну, а дальше?

— А дальше? Бедняга пытался бежать, и она ему помогала, — бежать в Лонсестон, а оттуда на корабле прямо в Сидней. Но по дороге его поймали и снова отправили на каторжные работы в наши места. Она, правда, отделалась одним лишь штрафом, но эта история ее окончательно погубила.

— Погубила?

— Видите ли, здесь только немногие знали об ее связи с Рексом. Но когда дело получило такую огласку, то все друзья ее покинули. А тут еще этот ужасный суд и страшные показания доктора Пайна — хотите верьте, хотите нет, но в этом человеке всегда было для меня что-то очень неприятное! Так вот, все от нее отвернулось. Она очень просилась поехать со мной сюда, чтобы заниматься с Сильвией, но Джон решил, что это нужно ей лишь для того, чтобы находиться поближе к мужу, и отказал.

— И правильно поступил, — сказал Викерс, вставая с кресла. — Хотите покурить? Пойдемте на веранду. О, эта Сара не уговорится, пока не освободит своего негодяя.

— А он и вправду такой негодяй? — проговорил Фрер, открывая стеклянную дверь и выходя на песчаную дорожку в сад. — Миссис Викерс, прошу извинить мне мою неучтивость, но я раб своей трубки. Ха-ха! Она заменяет мне и жену и ребенка.

— Да, он страшный негодяй, — подтвердил Викерс. — С виду тихий и нелюдимый, но готов на любое злодеяние. Я считаю его одним из самых строптивых среди каторжан. Правда, есть еще два-три в том же роде, но этот, по-моему, самый ужасный.

— Почему вы их не порете? — спросил Фрер, раскуривая в полумраке свою трубку. — Кляпсуь дьяволом, со своих парней я спускаю шкуру за малейшее своеволие.

— Ну, знаете, — возразил Викерс, — сам-то я не боль-

шой сторонник плетки. Здесь до меня был некий Бартон, он беспощадно порол их, но добра из этого не вышло. Арестанты не раз пытались убить его. Вы помните, как повесили двенадцать человек? Не помните? А впрочем, вас здесь тогда не было...

— А как вы их наказываете?

— Зачинщиков порю, но это выходит не больше чем одна порка в неделю, и, как правило, больше пятидесяти плетей не даю. Помогает. Потом мы заковываем их в кандалы, сажаем в карцер, а иногда отправляем подальше.

— Куда?

— На остров Граммета. Это вроде одиночного заключения, крайняя мера за очень большие провинности. Если человек бунтует, мы сажаем смутьяна в лодку, даем на неделю провизии и отвозим его на остров. В скалах есть много пещер, там он держит еду и растягивает ее на целый месяц. Великолепное средство воздействия!

— Верно, хорошо придумано! — воскликнул Фрер. — Жаль, что на Марии нет такого местечка.

— Сейчас у меня там каторжник. Вы, конечно, его помните, по имени Доуз, — зачинщик бунта на «Малабаре». Страшный мерзавец. В первый год он просто буйствовал. Но Бартон его здорово порол, а Доуз смертельно боится плетки. И когда я приехал сюда, — господи, когда же это было? да, в двадцать девятом году, что ли? — он подал мне прошение, чтобы его отправили обратно в поселок, и еще написал, что к мятежу он непричастен и что его вообще ложно обвинили.

— Вот бестия!.. Можно спичку? Благодарю.

— Разумеется, я не отпустил его, но снял с него кандалы и отослал на сооружение «Морского ястреба». Вы это судно видели в доке, когда причаливали. Какое-то время он работал отлично. Но потом опять пытался бежать.

— Старые штучки! Ха-ха! Мне ли их не знать как облупленных, меня не проведешь! — воскликнул Фрер и пустил в воздух струйку дыма с весьма глубокомысленным видом.

— Мы поймали его и дали ему пятьдесят плетей. Заковали его в кандалы, отправили на лесоповал. Потом мы определили его матросом, но он надерзил боцману. Тогда снова перевели его на постройку плотов. Шесть недель назад он предпринял еще одну попытку бежать вместе с Габбетом, тем верзилой, который вас чуть не убил. Но кандалы ему натерли ногу, и нам удалось его поймать, а Габбет и еще трое с ним успели удрать.

— И вы их так и не поймали? — спросил Фрер, попы- хивая трубкой.

— Пока еще нет. Но их ждет та же участь, что и всех беглецов, — ответил Викерс и добавил с мрачной уверен- ностью: — из Макуори-Харбор еще ни одному человеку не удалось бежать.

Фрер рассмеялся.

— Да, хлебнут они горя, если не вернутся до конца этого месяца, не так ли?

— Еще бы! Они вернутся, и даже раньше, конечно, если выживут. Человек, затерянный в зарослях, обычно погибает.

— Когда вы будете готовы к отплытию? — спросил его Фрер.

— Когда вам будет угодно. Я не останусь здесь ни од- ной лишней минуты. Ужасная жизнь!

— Да неужели? — искренне удивился Фрер. — А мне она нравится. Правда, скучновато. На острове Марии вначале было тоже чертовски тоскливо, но ведь ко все- му привыкаешь. Зато, знаете, держать этих мерзавцев в ежовых рукавицах — это большое удовольствие. Любо смотреть, как при виде меня у них глаза загораются зло- бой.

И он хрипло расхохотался, словно гордясь той нена- вистью, которую внушал.

— А как мы будем переправляться? — осведомился Викерс. — У вас есть какие-либо инструкции?

— Нет, — сказал Фрер. — Все предоставлено на наше усмотрение. Губернатор сказал: «Подготовьте переезд, как сами считаете лучше, и переправьте их на полуостров». Он считает, что вы слишком далеко, а ему хочется, чтобы вы были поближе.

— Да, но перевозить сразу столько людей опасно.

— Ничуть. Загоните их в трюм, поставьте часовых, и ваши каторжане будут тише воды ниже травы.

— А как поступить с миссис Викерс и дочкой?

— Я уже об этом подумал. Вы будете сопровождать «Божью коровку» с каторжниками, а мне разрешите до- ставить миссис Викерс на «Морском ястребе».

— Пожалуй, так будет лучше. Действительно, это наи- лучший выход. Не хотелось бы, чтобы Сильвия попала на один корабль с преступниками, но в то же время мне не хочется с ней разлучаться.

— Прекрасно, — ответил ему Фрер, как всегда четко и самоуверенно, — я буду сопровождать «Божью коровку» с

ее живым грузом, а вы — своих женщин на «Морском ястребе».

— О, так не годится! — с важным видом произнес Викерс. *По Королевским предписаниям...*

— Знаю, — прервал его Фрер, — можете не цитировать: *«Командир должен нести личную ответственность за возложенное на него поручение...»* Хорошо, забудьте о моем предложении.

— Все дело в Сильвии, — пояснил Викерс.

— Ага, а вот и она! — воскликнул Фрер.

В этот момент дверь распахнулась, и маленькая фигурка в белом выбежала на широкую веранду.

— А вот и она, спросите-ка ее сами. Ну-с, мисс Сильвия, не хотите ли поздороваться со своим старым другом?

Златокудрая крошка с «Малабара» превратилась в прелестную девочку одиннадцати лет, и когда она стояла в своем простом белом платье на свету, ее необыкновенная красота поразила даже такого нечувствительного человека, как мистер Фрер. Голубые глаза ее были такими же лучистыми, а фигурка — стройной и гибкой, как тростинка. Пышные волосы как нимб обрамляли ее невинное личико, и каждый волосок точно светился золотом; так художники средневековья в мечтах своих представляли ангелов.

— Подойдите, поцелуйте меня, мисс Сильвия! — воскликнул Фрер. — Надеюсь, вы меня не забыли?

Но девочка, положив руку на колено отца, с очаровательной бесцеремонностью подростка оглядывала Фрера с головы до ног, а затем, тряхнув кудрями, спросила:

— Кто это, папа?

— Мистер Фрер, дорогая. Ты разве не помнишь мистера Фрера? Он играл с тобой в мячик на корабле, забавляя тебя, когда ты выздоравливала. И тебе не стыдно, Сильвия?

В упреке было столько нежности, что он совсем не прозвучал упреком.

— Я помню вас, — ответила Сильвия, вскинув головку. — Но тогда вы были гораздо приятнее. Сейчас вы мне совсем не нравитесь.

— Вы просто меня с кем-то спутали, — пробормотал Фрер, несколько обескураженный, пытаясь, однако, говорить неприпущенно. — Конечно, вы меня забыли. Ну, как меня зовут?

— Лейтенант Фрер. Это вы ударили того арестанта, который поднял мячик. Нет, вы мне не нравитесь.

— Прямодушная барышня, ничего не скажешь! Ха-ха! — проговорил Фрер, расхохотавшись. — Да, помню, помню, действительно ударил! Но какая у вас память!

— Это все тот арестант, папа, — продолжала девочка, не обращая внимания на замечание Фрера. — Его имя Руффус Доуз. С ним всегда случаются несчастья. Вот бедняга! Мне его очень жаль. Денни говорит, что он не в своем уме.

— А кто такой Денни? — спросил Фрер, рассмеявшись.

— Наш повар, — сказал Викерс, — я взял этого старика из лазарета. А ты, Сильвия, слишком много болтаешь с арестантами. Я уже не раз тебе это говорил.

— Но, папа, Денни ведь не арестант, он повар, — резонно сказала Сильвия, ничуть не смутившись. — Он такой умный. Он мне рассказывал о Лондоне — там сам лорд-мэр ездит в карете с зеркальными стеклами, всю работу там делают свободные люди. Он говорил, что звона кандалов там не услышишь. Я хочу в Лондон, папочка!

— Твой мистер Денни, видно, тоже хотел бы вернуться, — вставил Фрер.

— Этого он мне не говорил. Он сказал, что в Лондоне у него старенькая мама и он хочет ее повидать. Подумай, папа, у старого Денни тоже есть мать! Он сказал, что они встретятся с ней только на небесах. Это правда, папочка?

— Надеюсь, моя милая.

— Папа!

— Ну, что?

— А на небесах Денни тоже будет носить свою желтую куртку? Или там он будет свободным человеком?

Фрер расхохотался.

— А что здесь смешного, сэр? Дерзкий вы человек! — вспыхнула Сильвия. — Как вы смеете надо мной смеяться? На папином месте я бы привязала вас на полчаса к треугольнику¹. Фу, как вы плохо воспитаны! — И, покрасневшись от гнева, избалованная красotka выбежала из комнаты.

Викерс нахмурился, а Фрер принужденно расхохотался.

— Нет, это просто великолепно! Клянусь честью, великолепно! Маленькая злючка! Полчаса на треугольнике!.. Ха-ха-ха!

---

¹ Треугольник — приспособление для наказания плетью, состоит из трех шестов; к двум привязывались ноги наказываемого, а руки связывались наверху.

— Она необычная девочка,— сказал Викерс,— и разговаривает не так, как подобает девочке ее лет. Не обижайтесь на нее. Правда, она уже не ребенок, но далеко еще и не взрослая. К сожалению, воспитывать ее было некому. Да и чего можно ожидать от девочки, выросшей в каторжном поселении?

— Что вы, дорогой сэр, она прелестна! — воскликнул гость.— Ее наивность и непосредственность восхитительны!

— Конечно, ее необходимо будет отдать в хорошую школу в Сиднее, года так на три-четыре. Даст бог, я отошлю ее в Англию. Сердечко у нее доброе, только воспитания, к сожалению, не хватает.

В эту минуту на садовой тропинке показался человек, он отдал им честь.

— В чем дело, Троук?

— Один из беглецов вернулся, сэр.

— Какой из них?

— Габбет. Пришел сегодня вечером.

— Один?

— Да, сэр. Сказал, что остальные погибли.

— О чем вы? — с интересом спросил Фрер.

— Тот беглый, о котором я вам говорил, ваш старый приятель Габбет, вернулся.

— А долго он был в бегах?

— Почти полтора месяца, сэр,— ответил констебль, козыряя.

— Вот черт, как же это ему удалось? Хотел бы я взглянуть на него.

— Он там, возле бараков,— с готовностью сообщил Троук, констебль из арестантов «отличного поведения». — Если угодно, джентльмены, вы можете туда пройти.

— Хотите, Викерс?

— О, разумеется.

Глава 16

БЕГЛЕЦ

Баракы были совсем недалеко, всего в нескольких минутах ходьбы, и, миновав одну за другой деревянные изгороди, они дошли до длинного двухэтажного строения, оттуда послышались пронзительные вопли и звуки заливчат-

ской песни. Приклады мушкетов стукнули о сосновый настил, шум прекратился, наступила тишина, еще более злобующая, чем крики.

Пройдя сквозь двойной ряд надзирателей, оба офицера вошли в прихожую, где на деревянном топчане лежала какая-то бесформенная масса. Рядом на грубой табуретке сидел человек в серой арестантской одежде, которую вместо желтой робы носили арестанты «отличного поведения». Он держал между коленками миску с кашей и пытался засунуть ложку в рот лежащему на топчане.

— Он что, не хочет есть, Стив? — спросил Викерс.

Услышав голос коменданта, Стив встал.

— Не знаю, что на него накатило, сэр, — ответил Стив и указал пальцем на лоб. — У него в башке что-то пеладно. Ничего не могу с ним поделать.

— Габбет!

Сметливый Троук, чуткий к желаниям начальства, посадил его и принялся расталкивать.

Габбет — это был он — провел ручищей по лицу и, оставаясь в том положении, какое придал ему Троук, в изумлении уставился на посетителей.

— Что, Габбет, — сказал Викерс, — вернулся-таки? Когда же ты наконец образумишься? Где твои товарищи? Верзила молчал.

— Ты меня слышишь? Где остальные?

— Где остальные? — повторил Троук.

— Померли, — сказал Габбет.

— Все трое?

— Ага.

— А как же ты вернулся?

Габбет в красноречивом молчании выставил окровавленную ногу.

— Мы нашли его на мысе, сэр, — бойко пояснил Троук, — перевезли на лодке. Дали ему миску каши, но он не хочет есть.

— Ты голоден?

— Да.

— Тогда почему ты не ешь кашу?

Габбет скривил толстые губы.

— Уже получил свою порцию. Вам что, больше не к чему придаться, чтобы выпороть меня еще раз? Уф! Вот подлюги! Сколько дадите на этот раз, майор? Пятьдесят?

И он со смехом улегся на своем деревянном ложе.

— Вот шельма! — сказал Викерс и слабо усмехнулся. — Что можно поделать с таким типом?

— Я бы из него душу выколотил,— сказал Фрер,— если бы он посмел так говорить *со мной*.

Троук и все присутствовавшие тотчас же пропиклись уважением к новоприбывшему. Этот человек свое слово сдержит.

Верзила поднял огромную голову, посмотрел на говорившего, но не узнал его. Какой-то незнакомец — видно, не из здешних.

— Бейте меня, сударь, на здоровье,— сказал он.— Только дайте сперва малость табачку.

Фрер рассмеялся. Этот человек пришелся ему по душе своей грубой прямоотой и хладнокровием, и, покосившись на Викерса, он вынул из кармана своего кителя плитку табаку и, отломив кусочек, дал его беглецу. Габбет схватил его, как шавка хватает кость, и целиком засунул в рот.

— А сколько с ним было соучастников? — спросил Морис, глядя, как работают челюсти арестанта, словно наблюдал за каким-то диковинным зверем; и его представлении «арестант» и «соучастник» были понятия нераздельные, как «кожа» и «родинка».

— Трое, сэр.

— Трое, да?.. Дайте ему тридцать плетей, Викерс.

— А было бы со мной еще трое парней,— пробормотал Габбет, жуя табак,— то вам бы не видать меня.

— Что он сказал?

Но Троук не расслышал, и другой арестант «отличного поведения», слегка отшатнувшись от Габбета, сказал, что он не расслышал тоже. А сам преступник, громко чавкая, погрузился в какое-то беспокойное молчание, словно и не сказал ничего.

Сидя на досках и мрачно жуя табак, он представлял собой страшное зрелище. И не только из-за своего природного уродства, которое казалось еще страшней из-за грязных лохмотьев, едва прикрывающих тело. И не только из-за ввалившихся небритых щек, заячьей губы, в кровь ободранных ног и крайне истощенного тела. И не только потому, что когда он сидел, поджав под себя ногу и свесив с колен волосатую руку, трудно было себе представить, что это чудовище принадлежит к той же породе, что и хрупкие женщины и нежные дети. Но также потому, что его похожие на жернова медленно жующие челюсти, беспокойные пальцы и блуждающие, налитые кровью глаза таили память о чем-то более ужасном, чем страх перед голодной смертью,— воспоминание о трагедии, разыгравшейся в мрачных лесах, которые исторгли его из своих

глубин, и тень какого-то неведомого злодеяния, нависая над ним, отталкивала и отвращала, как отвращает смрад бойни.

— Пойдемте отсюда,— сказал Викерс.— Видно, придется мне его снова выпороть. До чего гадкое место! Не удивительно, что его прозвали Чертовы Ворота.

— Мой дорогой сэр, вы слишком мягкосердечны,— сказал ему Фрер,— подходя к ограде.— Со скотами надо обращаться как со скотами.

Хотя майор Викерс и привык к грубости, он все же вздохнул.

— Не мне критиковать пенитенциарную систему,— сказал он, не решаясь в своем благоговении перед дисциплиной высказать все, что думал,— но иногда мне кажется, что хорошим отношением можно было бы добиться большего, чем кандалами и плеткой.

— Старая песня! — усмехнулся его спутник.— Вспомните, они нам чуть не стоили жизни на «Малабаре». Нет, нет. Я-то уж вдоволь пасмотрелся на этих каторжников — хотя мои подопечные и не были такими своевольными, как ваши,— с ними есть только один способ обращения. Унижайте их, сэр. Пусть они *почувствуют*, кто они такие. Они здесь чтобы работать, сэр. Если они не хотят работать, бейте их, пока не захотят. Если даже они работают хорошо — полезно время от времени дать им почувствовать плетку, пусть помнят, что их ждет, если будут лениться.

Они уже подходили к веранде. Мягкий свет восходящей луны заливал раскинувшуюся под ними бухту, светлый лунный луч упал на вершину скалы Граммета.

— Да, это мнение большинства,— ответил ему Викерс.— Но вы только подумайте, какая у них жизнь. Боже праведный! — добавил он с внезапной горячностью, когда Фрер остановился, окидывая взглядом бухту.— Я не жестокий человек и, как мне помнится, зря никогда никого не наказывал, но с тех пор, как я здесь, десять арестантов утонули, бросившись в море вон с той скалы, они предпочли смерть своему жалкому существованию. Всего лишь три недели назад два арестанта из партии лесорубов, получив взбучку от надзирателя, простились с товарищами и, взявшись за руки, прыгнули с утеса в море. Страшно вспомнить!

— Нечего было им попадать на каторгу,— сухо ответил Фрер.— Они знали, что их ждет за такие дела. Так им и надо.

— Но представьте себе, что сюда попал невинный человек!

— Не представляю,— сказал Фрер, усмехнувшись.— Невинный человек — да как бы не так! Все они ни в чем не виновны, если верить их рассказам. Ого, что там за красный свет наверху?

— Костер на скале Граммета,— ответил Викерс, входя в дом,— его развел Доуз, тот человек, о котором я вам говорил. Заходите, выпьем-ка бренди с содовой и закроем дверь, чтобы не видеть этого места.

Глава 17

СИЛЬВИЯ

— Ну что ж, вы скоро от этого избавитесь,— сказал Фрер, когда они зашли в дом.— Будьте готовы к отплытию в конце месяца, а я доставлю миссис Викерс попозже.

— Что вы тут про меня говорите? — весело спросила миссис Викерс из другой комнаты.— Вы, мужчины, какие вы нехорошие, оставили меня в одиночестве!

— Мистер Фрер любезно предложил сопровождать тебя с Сильвией на «Морском ястребе». Мне, конечно, придется командовать на «Божьей коровке».

— Вы очень любезны, мистер Фрер, о, весьма любезны,— проговорила миссис Викерс и слегка покраснела, вспомнив, как она шесть лет тому назад флиртовала с неким лейтенантом.— Это так мило с вашей стороны. Правда, это чудесно, что Сильвия... Ты поедешь в Хобарт-Таун вместе с мистером Фрером и мамочкой?

— Простите меня, мистер Фрер,— сказала Сильвия, выходя из своего уголка.— Сожалею обо всем, что я вам наговорила. Вы простите меня?

Она стояла перед ним, молитвенно сложив ручки на черном шелковом фартучке (у Джулии Викерс были свои взгляды на то, как надо одевать дочь), ее золотые локоны рассыпались по плечам; слова девочки прозвучали так чопорно и старомодно, что Фрер едва не рассмеялся.

— Я не сержусь на вас, моя дорогая,— сказал он.— Я знаю, что вы пошутили.

— Нет, я говорила серьезно, вот почему мне так стыдно. Иногда я бываю очень непослушной девчонкой, вы даже не представляете себе какой,— добавила она с очаровательным кокетством,— особенно когда надо учить римскую историю. По-моему, римляне были куда трусливее карфагенян; правда, мистер Фрер?

Морис, несколько озадаченный этим вопросом, только спросил:

— А почему, собственно?

— Потому что мне они не нравятся, — ответила Сильвия с чисто женским презрением к логике. — У них всегда было так много солдат, правда, когда побеждали карфагеняне, они тоже поступали очень жестоко.

— Да неужели? — спросил Фрер.

— Еще бы, бог мой! Помните, как они отрезали веки бедному Регулу и скатили его с горы в бочке, утыканной гвоздями? Разве, по-вашему, это не жестоко, хотела бы я знать?

Фрер покачал рыжей головой и с видом знатока античности должен был согласиться, что этот поступок не свидетельствует о великодушии карфагенян.

— Да вы просто кладезь учености, мисс Сильвия, — шутливо сказал он, чувствуя, что эта самоуверенная девочка выбивает у него почву из-под ног. — Вы любите читать?

— Очень.

— А какие вы книги читаете?

— О, множество! «Поль и Виргиния», «Потерянный рай», и пьесы Шекспира, и «Робинзон Крузо», и «Проповеди Блэра», и «Тасманийский альманах», и «Книга о красоте», и «Том Джонс»...

— Читает все, что под руку попадется, — заметила миссис Викерс, кисло улынувшись — сама она, как Галлион¹, науками не интересовалась, — в нашей маленькой библиотеке выбор книг, естественно, ограничен, да я и не большая любительница чтения. Джон, милый, предложи мистеру Фреру еще стаканчик бренди с содовой. О, не извиняйтесь, вы же знаете, что я жена солдата. Сильвия, душечка, пожелай мистеру Фреру спокойной ночи и отправляйся спать.

— Спокойной ночи, мисс Сильвия, — сказал Фрер. — Вы меня не поцелуете на прощание?

— Нет!

— Сильвия, как это невежливо!

— Вовсе нет! — воскликнула Сильвия, недовольная тем, что ее познания в литературе не были оценены. — Это он поступает невежливо! Поцеловать! Да ни за что!

— Не поцелуете, моя красавица? — воскликнул Фрер

---

¹ Галлион (I в. н. э.) — римский проконсул в Ахайе. Когда к нему обратились, чтобы разрешить ученый спор, он ответил, что его это не интересует.

и, наклонившись, вдруг обнял девочку за талию.— Тогда я вас поцелую!

К его великому изумлению, Сильвия, получив непрощенный поцелуй, густо покраснела и, подняв кулачок, с размаху ударила Фрера по щеке.

Удар был столь неожиданным и боль настолько сильна, что Морис чуть было по привычке не выругался.

— Сильвия, *милая!* — воскликнула миссис Викерс, и в ее голосе прозвучал сердитый упрек.

Но Фрер расхохотался и, зажав обе ручки девочки в своей руке, стал целовать их, несмотря на ее сопротивление.

— Видите! Со мной шутки плохи! — торжествующе заявил он.

Викерс поднялся и с видимой досадой попытался увести девочку, но она, задыхаясь и плача от возмущения, сама выдернула руку и в беспомощной детской ярости стала отчаянно колотить своего мучителя.

— Гадкий! — выкрикнула она, и глаза ее сверкнули.— Пустите меня! Я ненавижу вас! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

— Извините ее, Фрер, — сказал Викерс, когда дверь за ней закрылась.— Надеюсь, она не сильно вас ударила?

— О нет! Мне даже нравится ее характер. Ха-ха! Только это на женщин и действует. Надо сразу показать им, что ты сильнее их.

Викерс поспешил переменить тему разговора, и вскоре это небольшое происшествие было забыто в потоке воспоминаний о прежних временах и планах на будущее. Но через час, когда Фрер проходил по коридору в свою спальню, путь ему преградила хрупкая, закутанная в шаль, фигура. Это был его маленький враг.

— Я ждала вас, мистер Фрер, — сказала она, — хочу попросить прощения. Нехорошо, что я вас ударила. Я плохая девочка. Не спорьте, это правда; и если я не исправлюсь, я никогда не попаду в рай.

С этими словами девочка достала из-под шали листок бумаги и протянула ему.

— Что это такое? — спросил он.— Ложитесь спать, моя дорогая, здесь вы простудитесь.

— Это мое письменное извинение; и я вовсе не простужусь, потому что на мне чулки. Если вы не примете, — добавила она, нахмурив бровки, — это не моя вина. Я вас ударила, но я извиняюсь. Не могу же я предложить вам дуэль, ведь я все-таки женщина.

Фрер с трудом сдержал смех и отвесил своей благовоспитанной противнице низкий поклон.

— Мисс Сильвия, я принимаю ваше извинение,— сказал он.

— Тогда нам больше не о чем говорить,— высокомерно ответила Сильвия.— Честь имею пожелать вам доброй ночи, сэр.

И крошка с неподражаемым достоинством закуталась в шаль и величественно прошла по коридору, словно она была самым рыцарем Амадисом Галльским.

Фрер, все еще давясь от смеха, придя в свою комнату, развернул сложенную бумажку и при свете сальной свечи прочел записку, написанную старательным детским почерком:

«Сэр, я вас ударила, и я приношу свое письменное извинение.

Ваша покорная слуга

Сильвия Викерс».

«Интересно, из какой книги она это вычитала? — сказал он себе.— Честное слово, девочка-то со страпностями. Да, неподходящая жизнь для ребенка в таком месте. Что верно, то верно».

Глава 18

ПРЫЖОК В ТЕМНОТУ

На второе или третье утро после прибытия «Божьей коровки» одинокий узник на скале Граммета заметил на берегу в поселке какую-то непонятную суматоху. Тюремные шлюпки, которые обычно каждое утро на рассвете, пересекая бухту, направлялись к подножию лесистых гор, уже несколько дней не показывались. Неожиданно прекратилось также строительство пирса, у западной оконечности поселка, и внезапно все арестанты были переброшены на «Морской ястреб», все еще лежащий на стапелях. Ежедневно солдатские команды сходили с «Божьей коровки» на берег и тоже принимали участие в какой-то таинственной операции. И Руфус, ежедневно совершая свою небольшую прогулку, тщетно пытался разгадать причину всей этой суматохи. Но, к несчастью, никто не мог ему ничего объяснить.

Две недели спустя, числа 15—20 декабря, он заметил еще одно странное явление. В то утро все островные шлюпки отправились на противоположную сторону бухты, и там весь день с холмов поднимался высокий столб дыма. На следующий день в воздух опять поднялся столб дыма, и только на четвертый день лодки вернулись, таща на буксире огромный плот. Плот быстро пришвартовался к борту «Божьей коровки», и стало видно, что он состоял из стропил и балок, которые были подняты на бриг и погружены в трюм.

Это заставило Руффуса Доуза задуматься. Что, если рубка леса была прекращена, потому что администрация придумала новый способ использования каторжного труда? Ему уже приходилось рубить лес, строить лодки, дубить кожу и шить обувь. Может быть, здесь начнутся какие-то новые работы? И, не успев удовлетворительно разрешить эту загадку, он, к своему удивлению, стал свидетелем еще одной лодочной экспедиции. Три лодки с командой ушли на другую сторону бухты и через день вернулись, с ними прибыло еще четыре человека, запас продовольствия, а также земледельческие орудия. Глядя на них, Руффус Доуз решил, что шлюпки заходили на остров Филипа, где были разбиты плантации, и привезли оттуда садовников вместе с плодами их труда. Очевидно, вся эта кутерьма была связана с появлением нового коменданта, прибывшего на «Божьей коровке». Зрение арестанта, обострившееся за время его полудикого существования, уже различало на берегу Мориса Фрера. Вероятно, все эти таинственные «новшества» совершались по его приказанию. Если первое предположение было правильным, то из него естественно следовало второе. Лейтенант Фрер будет еще более строгим комендантом, чем майор Викерс, жестокость властей уже дошла до предела; поэтому несчастный принял окончательное решение покончить с собой. Но прежде, чем мы возмутимся подобным греховным решением, постараемся представить себе, что пришлось вытерпеть бедному грешнику за шесть лет каторги.

Мы уже познакомились с жизнью на арестантском корабле; мы видели, через какое горнило мук прошел Руффус Доуз до того, как очутился на скалистом берегу у Чертовых Ворот. Но те страдания и пытки, которые он впоследствии перенес, были во сто крат хуже тех, что ему пришлось испытать на «Малабаре». В той тюрьме еще теплился луч света. Люди еще не окончательно озверели, еще не утратили ни чувства стыда, ни мужественности. И как

бы ни томились они в тюремном смраде в обществе себе подобных, какими бы тяжкими ни были их воспоминания о прошлом, о счастливых днях на свободе — будущее для них еще не определилось, впереди была еще надежда. Но в Макуори-Харбор уже не на что было надеяться. Сюда были выплеснуты все отбросы человечества — те, кто был осужден пожизненно. Бездна их мучений была так глубока, что просвета не было видно. И пока жизнь шла, она шла без всякой надежды. Одна только смерть могла своим ключом отомкнуть им двери этой островной тюрьмы.

Представьте себе хотя бы на минуту, что должен был выстрадать невинный человек, гордый, умеющий любить и уважать других, за одну неделю такого наказания? Мы, обыкновенные люди, в нашей повседневной жизни — гуляя, езда верхом, смеясь, женись и жена близких — даже представить себе не можем весь ужас, царивший там. Может быть, мы смутно осознаем, как прекрасна свобода, и нас отталкивает дурное общество; но это все. Конечно, мы понимаем, что если бы нас заковали в кандалы, растоптали бы наше достоинство, кормили бы как собак, обращались бы как со вьючным скотом, пинками и угрозами выгоняли бы ежедневно на работу, если бы мы жили рядом с подонками, цинично глумящимися над всеми понятиями приличия и человечности, вероятно, мы бы умерли или сошли бы с ума. Но мы не знаем и никогда не узнаем, какой невыносимо мучительной стала бы наша жизнь, если бы нам пришлось делить ее с теми существами, которые таскали бревна к берегам реки Гордон или, сквернословя, работали в кандалах в песчаных карьерах острова Сары. Никто не мог бы описать, на какое дно унижения попадает человек за одну лишь неделю такой жизни, какое он пачинает испытывать к себе отвращение. Если бы даже у него были силы писать, он не отважился бы на это. Подобно путнику, который, ища в пустыне человеческое лицо, вдруг подошел к луже крови и, увидев в ней свое отражение, в ужасе отшатнулся бы и убежал, — так бежал бы каторжник от мысли о собственном страшном падении. И эта пытка длилась целых шесть лет!

Не подозревая о том, что весь этот шум и суета на берегу вызваны приготовлениями к отплытию, которые должны были положить конец этому каторжному поселению, что «Божья коровка» пришла за каторжниками, Руфус Доуз решил свести последние счета с жизнью и сбросить ее тягостное ярмо. Шесть лет он валил деревья, таскал воду; шесть лет надеялся на чудо; шесть лет он жил в до-

лине смерти. Даже самому себе он не решился бы напомнить перенесенные им пытки. Да, муки притупили его чувства. Он помнил только одно: он осужден пожизненно. Его заветная мечта выйти на свободу разбилась в прах. Он старался как мог, чтобы хорошим поведением добиться помилования, но Ворон и Рекс его оклеветали. Вместо того чтобы заслужить доверие за то, что он помог предотвратить на «Малабаре» бунт, он заслужил лишь обвинение в подстрекательстве и был осужден, несмотря на то что утверждал свою непричастность к бунту. Его «предательство» — каким считали этот поступок все его товарищи — не помогло ему снискать доверие начальства, а лишь вызвало злобу и ненависть тех подопков, с которыми он жил. И в колонии у Чертовых Ворот он стал парией среди тех, кто считался париями в глазах всего света.

Трижды пытались каторжники убить его; но тогда он не думал о смерти и защищался. Надзиратель снова надел на него оковы, якобы за учиненную им драку. И все же его сила и мужество вызвали уважение каторжан, и они оставили его в покое. Сначала это пришлось ему по душе; но постепенно их холодное безразличие вызвало у него чувство досады, затем чувство боли и, наконец, стало просто невыносимым. Когда он греб тяжелыми веслами или работал по пояс в болотном иле, когда он шел «в цепочке» с товарищами, неся на спине сосновое бревно, он все ждал и надеялся, что с ним кто-нибудь заговорит. Он охотно брал на себя двойную тяжесть, чтобы только услышать приветливое слово; он был готов работать и день и ночь, чтобы получить от товарища одобрение. В полном своем одиночестве ему мучительно хотелось завязать дружбу хотя бы с убийцами или грабителями. Но затем в нем произошел перелом, и звуки их голосов стали ему ненавистны. Он стал молчалив и не отвечал, даже когда с ним заговаривали. Если бы не сковывающая их общая цепь, он бы съедал свой скудный ужин в одиночестве. Он слыл пелюдимым, опасным бунтовщиком. Старший надзиратель колонии Бартон пожалел его и взял к себе в садовники. Руфус смирился на недельку-другую. Но однажды утром, когда Бартон спустился в сад, его глазам представилось невиданное зрелище: несколько кустов были выдраны с корнем, клумбы начисто вытоптаны, а среди обломков садовых инструментов сидел садовник. За этот бессмысленный злодейский поступок Руфуса приказали выпороть. Когда его поставили к «треугольнику», он повел себя

как-то страшно: плакал, требовал, чтобы его отпустили, и, падая перед Бартоном на колени, умолял о прощении. Но Бартон и слушать его не захотел. После первого удара плеткой каторжник затих. И с той поры он еще более по-мрачнел, только изредка люди видели, как он, оставшись один, бросался на землю и плакал, словно ребенок. Все считали, что у него с головой неладно. Когда приехал Вилкерс, Доуз попросил коменданта отправить его обратно в Хобарт-Таун, но, разумеется, получил отказ; вместо этого его отправили в кандальную команду на строительство «Морского ястреба». Некоторое время спустя Руффус был освобожден от оков. Тогда он решил бежать, — спрятался на корабле, а вечером переплыл залив. Его поймали и снова жестоко высекли. В наказание он прошел все виды штрафных работ: гасил известь, таскал бревна, греб на шлюшках. Самые тяжелые и унижительные работы всегда доставались ему. Товарищи его избегали и несправедливо, надзиратели боялись, он был на плохом счету у начальства — Руффус Доуз очутился на самом дне, в крошечной тьме страданий, на которые добровольно себя обрек. Доведенный до отчаяния, он поддался настойчивым уговорам Габбета бежать вместе с тремя другими товарищами; но, как мы уже знаем, он был схвачен почти без промедления, так как хромал — его нога была натерта тяжелыми кандалами; и хотя Габбет убедил Руффуса в том, что побег сулил удачу, — причина его настойчивых уговоров выяснилась позднее, несчастный, не пробежав и ста ярдов, упал и тут же был схвачен двумя «добровольцами». Его неудача обеспечила другим беглецам их недолгую свободу. Тройка, довольный тем, что удалось поймать хотя бы одного, прекратил преследование, так как почва в этих местах была топкой, и погоня становилась опасной. Торжествуя, он доставил Руффуса в колонию как искупление за допущенную им небрежность, приведшую к потере четверых. Повторная попытка к бегству каралась одиночным заключением на скале Граммета.

Живя как отшельник среди мрачных скал, в плену собственных мыслей и сожалений, Доуз день за днем терял рассудок. Его мучили галлюцинации. Часами он лежал неподвижно, глядя на небо или на море; разговаривал с воображаемыми существами, вновь и вновь возвращался к последнему прощанию с матерью; призывал камни и скалы в свидетели своей невиновности и принесенной им жертвы. Его посещали призраки давних друзей, и все настоящее порой казалось ему сном. А когда он приходил в

себя, внутренний голос приказывал ему броситься со скалы в волны прибоя, чтобы раз и навсегда покончить с мучительными сновидениями.

Однако необычайная суматоха на берегу вывела его из состояния тяжкого полусна, пробудив в его помраченном уме еще больший страх перед жизнью. Ему показалось, что приближается нечто еще более страшное, грозившее умножить его страдания. Если бы он знал, что «Божья коровка» готовилась к выходу в море, что его вместе со всеми каторжниками отправят в Хобарт-Таун, он мог бы еще передумать. Но он ничего этого не знал, а только чувствовал, что бремя жизни невыносимо и что настал час от него избавиться.

Между тем все селение пребывало в состоянии лихорадочного возбуждения. Не прошло и трех недель, как Викерс объявил, что все уже готово к отплытию. С Фрером они порешили, что Викерс будет сопровождать «Божью коровку», а его жена и дочь останутся здесь и будут ждать, пока Фрер окончательно не завершит все работы — что он намеревался сделать как можно скорее, — а затем они отправятся в Хобарт-Таун на новом бриге, «Морском ястребе».

— Я оставляю вам охрану да еще с десятков каторжан на подмогу для всяких работ, — пообещал Викерс. — С таким числом людей нетрудно будет управлять бригом.

И Фрер, улыбнувшись миссис Викерс самодовольной улыбкой, ответил, что смог бы обойтись и пятью арестантами, ведь он знает, как заставить этих ленивых собак работать за десятерых.

Необходимо упомянуть еще об одном маленьком случае, произошедшем во время сборов. В северной части залива, неподалеку от острова Филипа, находился Угольный мыс, где с недавних пор работала партия каторжан. Эта партия, срочно отозванная Викерсом для оказания помощи в снятии лагеря, оставила после себя часть инструментов и поваленный лес. В одиннадцатом часу утра туда была отправлена шлюпка с командой. Все было собрано, а сосновые бревна связаны в плоты и скреплены канатами и цепями, так как в Хобарт-Тауне они шли по двадцати пяти шиллингов за бревно. С заходом солнца шлюпка отправилась обратно, ведя плот на буксире. Но в этой спешке, да еще при общем падении дисциплины, плот был связан кое-как. Шлюпка плыла против сильного течения, которое довершило допущенную каторжниками небрежность. Крепления быстро разболтались, хотя движение шлюпки туго

потягивало цепь, но когда гребцы позволили себе передышку, бревна стали распадаться. Пристав к борту корабля, Троук увидел, как огромное бревно, оторвавшись от других, исчезло в темноте. Бросив ему вслед негодующий взгляд, словно это был арестант-беглец, которого надо посадить на два дня в одиночку, Троук как будто бы услышал чей-то пронзительный крик с той стороны, куда унесло бревно. В другой раз он непременно бы прислушался, но сейчас все его внимание было сосредоточено на том, чтобы удержать шлюпку от напирających на ее корму бревен.

Это был крик Руфуса Доуза. Наблюдая со своего одинокого утеса за шлюпкой, прошедшей мимо него, он решил с каким-то мальчишеским легкомыслием, которому иногда поддается человек в минуты опасности, что, как только шлюпка скроется во мраке, он бросится в море.

А шлюпка медленно продвигалась вперед, таща за собой тяжелый груз, и каждый удар весел уносил ее все дальше от него. Теперь он видел только спину Трoука на корме, но потом и она исчезла. И, когда плот поднялся на гребень волны, Руфус Доуз бросился в море.

В тяжелых оковах он камнем пошел ко дну. Чтобы удержаться от искушения поплыть, он на секунду поднял руки над головой, надеясь поскорее утонуть. Но тут его пронзила острая боль удушья, а шок от холодной воды отрезвил его. Он сделал отчаянный рывок и, несмотря на тяжесть кандалов, на миг вынырнул на поверхность. Могучий инстинкт самосохранения подавил все остальные чувства. Придя в себя, он вдруг увидел какой-то черный силуэт, надвигавшийся прямо на него из темноты. Набежала волна, он поднырнул под нее и с ужасом почувствовал, что оковы тянут его вниз, а в это время над его головой проплывало бревно, оторвавшееся от плота, подмывая его своей жесткой, шершавой громадой. Опасность была рядом, и она прогнала все мысли о смерти. Отчаянно закричав — это был крик, который донесся до Трoука, — он вскинул руки, чтобы схватить чудовище, грозившее ему гибелью, но бревно прошло над ним, всей своей массой толкая его вглубь, и его рука, беспомощно скользнув по шершавому боку ствола, вдруг ощутила петлю каната, охватывающую бревно, и он судорожно в нее вцепился. Еще один миг — он вынырнул на поверхность и, крепко держась за петлю и сделав страшное усилие, вскарабкался на бревно.

На какую-то секунду он увидел огни кормовых иллюминаторов стоящих на якоре судов, и скала Граммета

уплыла куда-то влево, и он, обессиленный, почти бездыханный, весь в синяках, закрыл глаза, и дрейфующее бревно бесшумно и быстро понесло его в темноту.

* * *

На следующий день на рассвете Троук причалил к скале Граммета, но шлюпка там не нашел. На краю небольшого утеса валялась шапка узника, но сам узник бесследно исчез. Возвращаясь обратно, смекалистый Троук поразмыслил о происшедшем и в своем рапорте Викерсу не забыл упомянуть о том, что накануне вечером слышал, как кто-то кричал.

— Мне кажется, сэр, что он пытался переплыть залив,— сказал он.— Конечно, он утонул. В таких кандалах и пяти ярдов не проплывешь.

Викерс, запятый более важными делами, сразу же согласился с этим разумным доводом. Арестант погиб — либо сам наложив на себя руки, либо в результате несчастного случая. Возможно, что это было самоубийство или попытка бежать, а все поведение Руфуса Доуза делало последнее предположение более вероятным. Так или иначе, в живых его уже не было, Троук был прав, утверждая, что в кандалах ни один человек не смог бы переплыть залив. Час спустя, когда «Божья коровка» проходила мимо скалы Граммета, все, кто был на борту, не сомневались в том, что труп недавнего ее обитателя покоится под волнами на дне морском.

Глава 19

ПРОЩАНИЕ С МАКУОРИ-ХАРБОР

Если на «Божьей коровке» все считали Руфуса Доуза погибшим, то на острове Сары никто не знал о его бегстве. Что касается Мориса Фрера, то если бы он даже случайно и вспомнил об узнике на скале, он бы не усомнился, что тот вместе с другими каторжниками находится в трюме корабля, направляющегося к Хобарт-Тауну; и никому из восемнадцати человек на борту «Морского ястреба» и в голову не могло прийти, что шлюпка, посланная за Доузом, вернулась без него. Впрочем, каторжникам тоже было не до него. Фрер, желая показать свою расторопность и деловитость, прилагал все старания к тому, чтобы скорее покинуть остров, и десять узников, которыми он командовал, работали сверх сил; через неделю после ухода «Божь-

ей коровки» «Морской ястреб» был готов к отплытию. Миссис Викерс и ее дочь, понаблюдав со вполне понятным сожалением, как разрушают их старый дом, обосновались на бриге, где им отвели небольшую каюту, и вечером 11-го января лоцман Бейтс, заменявший капитана, сообщил команде, что лейтенант Фрер дал приказ сняться с якоря на рассвете.

С первыми лучами солнца бриг поднял паруса и при легком юго-западном бризе в три часа пополудни, благополучно пройдя Чертовы Ворота, бросил якорь. К несчастью, ветер изменил направление, подул порд-вест, что вызвало сильное волнение у рифа, и осмотрительный Бейтс, беспокоясь за миссис Викерс и девочку, повернул судно назад и, пройдя десять миль к заливу Веллингтона, в семь часов утра бросил там якорь. Наступило время прилива, и бриг сильно качало. Миссис Викерс не покидала своей каюты и послала Сильвию повидать лейтенанта Фрера. Сильвия пошла, но без всякого желания. Она питала к Фреру сильную неприязнь, подобную той, которую иногда безотчетно чувствуют дети, а после того памятного вечера, когда ее заставили перед ним извиниться, она с трудом могла соблюдать правила вежливости по отношению к нему. Напрасно Фрер заигрывал с ней, говорил ей комплименты, — Сильвия не поддавалась на лесть. «Вы мне не нравитесь, сэр, — однажды сказала она высокомерно. — Впрочем, вас это не должно смущать. Занимайтесь своими арестантами, а я сама найду чем заняться. Спасибо». — «О, хорошо! — ответил Фрер, — я вовсе не хочу вам мешать». И все же он чувствовал себя задетым.

Но в этот вечер молодая леди вела себя более мило. Отец ее был далеко, матери нездоровилось, девочке было как-то тоскливо, и наконец, уже совсем изнемогая от скуки, она, выполняя желание матери, вышла на палубу. Фрер разгуливал по палубе, куря свою трубку.

— Мистер Фрер, мама хочет, чтобы я с вами поговорила.

— Вот как! Отлично. Говорите, я слушаю.

— Да нет же! Это джентльмен должен развлекать даму. Развлекайте!

— Тогда давайте сядем и поговорим, — ответил ей Фрер, который пребывал в отличном настроении, так как успешно завершил свою миссию. — О чем же мы будем с вами говорить?

— Какой вы педогадливый! Откуда мне знать? Это уж ваше дело. Ну, расскажите мне сказку.

— Про Джека и горошину? — предложил Фрер.

— Про Джека? Ну его! Вот еще глупости! Придумайте что-нибудь сами.

Фрер рассмеялся.

— Я не умею, — сказал он. — В жизни не придумывал сказок.

— А вы придумайте, начинайте! Если вы не расскажете сказку, тогда я уйду.

Фрер потер лоб.

— Хм... Скажите, а вы читали... вы читали «Робинзона Крузо»?

Ничего более оригинального в голову ему не пришло.

— Конечно же читала, — ответила Сильвия, надув губки. — Читала ли я «Робинзона»? Да, читала. Его все читали.

— Ах, вот как? Ну, я просто не знал. Дайте тогда подумать.

И, крепко затянувшись трубкой, он стал рыться в своем литературном багаже. Сильвия сидела рядом, нетерпеливо ожидая, что он изречет, но он ничего не изрек, и, надувшись, она проговорила:

— Какой же вы несообразительный! Как я буду рада, когда папочка придет. Он знает столько всяких историй, почти столько же, сколько Денни.

— А Денни знает всякие истории?

— Денни! — воскликнула она с таким удивлением, как если бы речь шла о Вальтере Скотте. — Конечно знает. — И, посмотрев на него сбоку с забавным выражением превосходства, продолжала: — А вы никогда не слышали сказку про злого духа Бенши?

— Нет, не слыхал.

— А про Белую лошадь?

— Нет.

— Я так и знала. И про Подкидыша тоже не знаете? И про лесного гномика?

— Нет.

Сильвия поднялась с крышки люка, на которой устроилась, и окинула взглядом, полным презрения, этого дикаря, кутившего трубку.

— Мистер Фрер, вы полный невежда. Простите, если я вас обидела; я этого не хотела, но вы *крайне* необразованны, для своего возраста, разумеется.

Ее замечание рассердило Мориса Фрера.

— А вы просто дерзкая девчонка, Сильвия, — сказал он.

— Для вас, лейтенант Фрер, я мисс Викерс, впрочем, я пойду лучше побеседую с лоцманом Бейтсом.

Она немедленно выполнила свою угрозу, и Бейтс, который много лет занимался опасной профессией лоцмана, рассказал ей о водолазах и о коралловых рифах и, даже слегка привирая, о собственных приключениях в китайских морях. А Фрер опять занялся своей трубкой, немного досадуя, то ли на себя, то ли на дерзкую юную фею. Это прелестное создание совершенно очаровывало его какой-то неведомой силой.

Однако в тот вечер он ее больше не видел, а на следующее утро за завтраком она держалась с ним со странным высокомерием.

— Мистер Фрер, передайте мне апельсиновый джем. Благодарю вас. Когда же мы наконец будем готовы к отплытию?

— Не знаю, мисс, — ответил Бейтс. — Море возле рифа пока очень бурное, нынче мы с мистером Фрером сделали промер глубины, отправляться небезопасно.

— Что ж, — сказала Сильвия, — надеюсь, что мы обойдемся без кораблекрушения и нам не придется плыть много миль, чтобы спастись?

— Ха-ха! — засмеялся Фрер. — Не бойтесь! Я вам не дам утонуть.

Сильвия не обратила никакого внимания на его замечание.

— А вы, мистер Бейтс, вы умеете плавать? — спросила она.

— Да, мисс, конечно.

— Хорошо, тогда вы будете меня спасать, так как *вы* мне нравитесь. А мистер Фрер пусть спасает маму. Потом мы с вами поедem на необитаемый остров, вырастим там кокосовые орехи, посадим хлебные деревья... Ой, какие противные черствые сухари! Тогда я буду Робинзоном Крузо, а вы будете моим Пятницей. Мне бы хотелось пожить на необитаемом острове, конечно, если бы я знала, что там нет дикарей и вдоволь еды и питья.

— Да, это неплохо, милочка, но только такие острова не попадаются на каждом шагу.

— Ну, тогда, — решительно заявила Сильвия, — мы обойдемся без кораблекрушения. Правда, его не будет?

— Надеюсь, что нет, милочка.

— На всякий случай, Сильвия, положите про запас сухарики в карман, — ухмыльнувшись, предложил Фрер.

— Ах! Вы знаете, что я о вас думаю, сэр! Не возражайте, я не хочу с вами спорить.

— Не хотите? Вот это правильно.

— Мистер Фрер,— серьезным тоном проговорила Сильвия, задержавшись у двери в каюту матери.— Вы знаете, что я бы с вами сделала, если бы я была Ричардом Третьим?

— Понятия не имею,— ответил Фрер, спокойно доедая завтрак.— Что бы вы сделали?

— Я бы велела вам стоять у врат собора святого Павла в белом саване с зажженной свечой в руке, пока вы не отучитесь от своих привычек,— злой вы человек!

Даже серьезный мистер Бейтс не выдержал, представив себе Фрера у собора святого Павла, да еще в белом саване и со свечой в руке, и громко расхохотался.

— Занятная девчушка, сэр! Воспитывалась здесь, среди дикарей, а ведь такая добрая душа.

— Мистер Бейтс, скажите-ка лучше, когда мы снимемся с якоря? — спросил его Фрер, которого покорила веселость лодмана.

Почувствовав перемену в тоне своего начальника, Бейтс поспешил подладиться под его настроение:

— Надеюсь, к вечеру, сэр. Если волнение ослабнет, тогда я рискну, а пока что и думать нечего.

— Арестанты хотят выйти на берег постирать свою одежду,— продолжал Фрер.— Если нам придется торчать здесь до вечера, отпустите их на берег после обеда.

— Слушаюсь, сэр,— ответил Бейтс.

Послеобеденные часы прошли спокойно. Арестантов отпустили на берег, где они занялись стиркой. Их было десять человек: Джеймс Баркер, Джеймс Лесли, Джон Лайон, Бенджамен Рили, Уильям Чешир, Генри Ширс, Уильям Рассен, Джеймс Портер, Джон Фэйр и Джон Рекс. Этот мошенник поднялся на бриг последним. Все это время он вел себя немного лучше, а на работах перед отплытием «Божьей коровки» был даже весьма полезен. Его острый ум, его влияние на товарищей выделяли его из числа каторжан, и Викерс делал Рексу поблажки, которых тот был дотоле лишен. Однако Фрер, наблюдавший за погрузкой судна, видя его рвение, стал еще больше тиранить Рекса. Он все время подгонял его и придирался к нему. Он ругал его, называл лентяем, наглецом, грубияном. Командовал им: «Рекс, сюда! Рекс, сделай это! Рекс, сделай то!» И арестанты решили, что Фрер на Денди «имеет зуб». Перед отплытием «Божьей коровки» Рекс, ликуя,

что они скоро уйдут в море, осмелился огрызнуться на одну очень уж обидную придирку Фрера, и тот пожаловался на него Викерсу.

— Этот малый что-то слишком уж торопится с отплытием, — сказал он. — Пусть еще поработает, подождет «Морского ястреба», это его проучит.

Викерс дал согласие, и Джону Рексу приказали остаться, сказав, что с первой партией арестантов он не поедет. Его дружки сочли это распоряжение самодурством, но Рекс промолчал. Он только удвоил свое рвение, и Фрер, несмотря на все желание, не мог к нему прицепиться. Он воздал должное своему умению «укрощать» непокорных арестантов и указывал на Рекса, смиренного и молчаливого, как на образец благотворного воздействия суровых наказаний. Но арестантам, которые лучше знали Джона Рекса, его молчание казалось зловещим.

Однако в тот вечер 13-го января Рекс вернулся с остальными арестантами на корабль в довольно оживленном настроении, и Фрер, уставший от ожидания, решил взять вельбот, который привез арестантов с берега, и отправиться половить перед ужином рыбу; увидев, как Рекс смеялся со своими товарищами, Фрер снова поздравил себя с победой.

Время шло. Темнело, Бейтс прохаживался по палубе и все время высматривал, не покажется ли вельбот, так как уже можно было сниматься с якоря и ложиться на курс. На корабле все было спокойно. Миссис Викерс с дочкой находились у себя в каюте. Двое солдат охраняли палубу, а двое ушли на берег с Фрером, арестанты на баке пели песни. Подул благоприятный ветерок, и море успокоилось. Меньше чем через час «Морской ястреб» должен был спокойно выйти из бухты.

Глава 20

ВЛАДЫЧЕСТВО БЕЗЛЮДИЯ

Бревно, которое столь неожиданно принесло спасение Руфусу Доузу, плыло по течению, унося из залива потерявшего сознание человека. Измученный отчаянной борьбой за жизнь, каторжник неподвижно лежал, почти бездыханный, на шершавой поверхности бревна, приспосабливаясь к нему. Внезапно сильный толчок заставил его очнуться, и он увидел, что бревно запесло на песчаную отмель,

уходившую куда-то во мрак. С трудом поднявшись со своего неудобного ложа, он встал и, сделав несколько петвердых шагов по берегу, рухнул на землю и уснул.

Только на рассвете он сообразил, где находится. Бревно, пройдя с подветренной стороны остров Филипа, было выброшено волнами на южную оконечность Угольного мыса, где ярдах в трехстах от него он увидел разрушенные бараки каторжан-забойщиков. Какое-то время он лежал неподвижно, греясь в теплых лучах восходящего солнца, давая отдых натруженному, истерзанному телу. Ощущение покоя было столь блаженным, что подавляло все другие чувства. Ему даже не хотелось думать о том, почему эти бараки были покинуты. Если там никого нет — чего же лучше! Если же партия арестантов еще работает на угольных копях, тогда его тут же схватят и отвезут обратно на остров в его тюрьму. Но сейчас он так устал и был так измучен, что любой исход был ему безразличен, и он снова погрузился в сон.

В ту минуту, когда Доуз преклонил на твердую землю свою измученную голову, Троук докладывал Викиерсу о его исчезновении, а когда он спал, «Божья коровка», выходя из бухты, прошла мимо него на таком близком расстоянии, что любой пассажир на ее борту мог разглядеть в бинокль человека, лежащего на песке.

Было уже за полдень, когда он проснулся, и солнце нещадно палило. Одежда его совсем просохла и лишь на боку, которым он прижимался к земле, все еще оставалась сырой, и он встал, освеженный долгим сном. Он все еще не мог уяснить себе истинное свое положение. Ему удалось бежать, это было так, но, вероятно, его скоро схватят. Он хорошо знал истории многих побегов и понимал, что человек, очутившись в одиночестве на пустынном берегу, стоит перед дилеммой: либо умереть от голода, либо быть пойманным. Посмотрев на солнце, он удивился тому, что так долго находится на свободе. Затем внимание его снова привлекли бараки угольщиков, и он понял, что они безлюдны. Он был поражен, и его охватила дрожь от смутных предчувствий. Озираясь, он осторожно вошел в один из барачков, ожидая в любую минуту увидеть констебля или солдата с мушкетом. Вдруг он увидел в углу буханки хлеба и куски солонины, забытые накануне арестантами. Такая бесценная находка показалась ему небесным даром, и он бы не удивился, если бы все это богатство внезапно исчезло. Живи он в другом веке, он стал бы искать ангела, принесшего эти дары.

Утолив голод этой неожиданной находкой, несчастный беглец мало-помалу стал догадываться, что здесь произошло, в чем помог ему его арестантский опыт. Угольные шахты были заброшены. Новый комендант, очевидно, перевел каторжан на другие работы, и беглец мог пробыть еще несколько часов в безопасности. Но оставаться здесь дольше ему было нельзя. Отдыхать еще не время. Если он решил бежать, то надо немедленно отправляться в путь. Он посмотрел на мясо и хлеб, и слабый луч надежды озарил его смятенную душу. Теперь у него есть еда, дневной рацион шестерых каторжан. Разве нельзя, имея этот провиант, преодолеть заросли, лежащие между ним и свободой? От одной этой мысли у него забилося сильнее сердце. Конечно, это *возможно*. Только надо экономить еду; надо стараться пройти побольше, а съесть поменьше; надо растянуть ежедневную порцию пищи на три дня. В его распоряжении был дневной рацион шестерых, значит, одному человеку его должно хватить на шесть дней. Если он будет съедать в день одну треть этой порции, значит, у него будет еда на восемнадцать дней. Восемнадцать дней! А сколько можно пройти за восемнадцать дней? Он будет проходить по тридцать миль в день, даже по сорок миль, — а это составит шестьсот миль и даже больше. Нет, погоди; не надо слишком себя обнадеживать; дорога тяжелая: заросли местами непроходимы. Придется делать обходы, кружить по собственным следам, то есть терять драгоценное время. Он проявит благоразумие и положит себе проходить примерно по двадцати миль в день. Двадцать миль в день одолеть совсем не трудно.

Подняв с земли палочку, он снова стал подсчитывать па песке. Восемнадцать дней — по двадцать миль в день, это будет триста шестьдесят миль. Вполне достаточно, чтобы обрести свободу. Это ведь возможно! Только не торопиться! Надо быть осмотрительным и воздержанным. Воздержанность — это главное! А он и так уже съел слишком много. Руфус быстро вынул изо рта еще не прожеванный кусок мяса и положил его обратно к остальным запасам. При других обстоятельствах такой жест был бы неприятен окружающим, но в данном случае несчастный мог вызывать только жалость к себе.

Приняв решение, он должен был теперь избавиться от оков. Это ему удалось сделать быстрее, чем он предполагал. В бараке он отыскал железную кирку для отбивки угля и этой киркой с помощью камня выбил клепки. Коль-

ца были слишком крепкие, и «овалить»¹ их было немислимо, иначе он давно бы сбросил оковы. Уложив мясо и хлеб в мешок, засунув за пояс кирку, которая могла еще ему пригодиться как средство защиты, он отправился в путь.

У него было намерение обойти поселок стороной и выйти на побережье к обитаемым местам и, сочинив какую-нибудь историю о кораблекрушении или о том, что он сбился с пути, попросить помощи. О том, что он будет делать дальше, когда очутится на свободе, Руфус пока не задумывался. Ему казалось, что тогда наступит конец всем его трудностям. Только бы перейти простиравшуюся перед ним пустыню, а дальше все зависит от ловкости или удачливости его самого — сможет ли он не вызвать подозрений? Страх, что его сейчас схватят, подавлял все другие страхи, делая их ничтожными.

До рассвета следующего дня он уже прошел десять миль и, экономя запасы пищи, к вечеру четвертого дня прошел еще сорок. Выбившись из сил, с истертыми ногами, он прилег среди каких-то колючих зарослей и наконец понял, что погони нет. На следующий день он шел гораздо медленней. Буш был почти непроходим. Густые заросли, дикie джунгли преграждали ему путь, перед ним вырастали голые каменистые края. Он блуждал по оврагам, запутывался в чащах, застревал в болотах. Алчное соленое море, которое только что сияло справа от него, вдруг переместилось куда-то влево. Он сбился с пути, и надо было возвращаться обратно. Два дня продолжалось это бесцельное блуждание, а на третий перед ним вновь выросла скала, чья плоская вершина возвышалась над густыми кустарниковыми зарослями. Надо было либо перебраться через скалу, либо обойти ее кругом, и он решил обойти ее. У подножья скалы вилась тропинка. На ней кое-где попадались сломанные ветви, и несчастному, изнемогавшему под тяжестью своей поклажи, хотя и уменьшившейся, казалось, что кто-то уже проходил этой тропой. Тропинка заканчивалась прогалиной, в глубине которой маячил какой-то предмет. Руфус Доуз поспешил туда и наткнулся на мертвое тело. Одежду мертвеца трепал ветер.

В жутком безмолвии этого пустынного места ему вдруг почудилось, что кто-то окликнул его, и все кошмарные и фантастические истории об убийствах, когда-либо слышав-

---

¹ «Овалить» — выражение, ходовое в среде арестантов. Это означает согнуть круглое кольцо на щиколотке так, чтобы через него можно было вытащить ногу. (Примеч. автора.)

ные или прочитанные, вдруг словно обрели видимые очертания полуразложившегося трупа, облаченного в желтую арестантскую одежду. Мертвец лежал скорчившись, будто кто-то сильным ударом сшиб его с ног. Руфус нагнулся, побуждаемый настойчивым желанием убедиться в худшем, и увидел, что тело покойника было обезображено. Не хватало одной руки, а череп был пробит чем-то тяжелым. Первая мысль — что эта груда тряпья и костей — немое предостережение ему, свидетельствующее о безрассудности его поступка, что перед ним лежит труп умершего с голоду беглеца — тут же уступила место новому, еще более страшному подозрению. Он рассмотрел номер на грубой материи и понял, что то был номер одного из двух арестантов, бежавших вместе с Габбетом. Значит, здесь совершилось убийство. Убийство! А может быть, и не только убийство! Слава богу, что у него еще оставался небольшой запас провианта! Он повернулся и побежал, в страхе оглядываясь назад. В тени этой жуткой скалы он задыхался. Продираясь сквозь кусты и заросли, исцарапанный, окровавленный и почти обезумевший от страха, он добрался до горного края и осмотрелся. Над ним возвышались скалистые горы, а внизу расстилался буш. Справа от него виднелся белый конус Французовой горы, слева путь преграждали ему горные гряды. На востоке сверкало что-то, похожее на озеро. Гигантские сосны вздымали ввысь свои величественные вершины, картинно вырисовываясь на вечернем опаловом небе, а под ними простирались вдаль все те же непроходимые заросли, через которые так мучительно было пробираться. Верхушки деревьев образовывали сплошной шатер, и казалось, что если прыгнешь туда — не разобьешься. Он поднял глаза и увидел прямо перед собой узенькую полоску воды, похожую на длинный стальной меч, — это была та самая бухта, откуда он бежал. По темной воде залива двигалось темное пятно. Это «Морской ястреб» плыл к Чертовым Воротам. Казалось, стоило только бросить камень, и он долетит до палубы.

Руфус застонал от злобы и отчаяния. Очевидно, проблуждав последние три дня в буше, он шел по своим следам и вернулся на дорогу к поселку! Прошло уже больше половины намеченного им срока, а он и на тридцать миль не отошел от своей тюрьмы. Смерть выжидала, чтобы догнать его в этом диком безлюдье.

Судьба поиграла с ним, как кошка с мышью, и он тешил себя мыслью, будто он в безопасности. Теперь побег

был безнадежен. Он *никуда* и *никогда* не убежит отсюда! И несчастный поднял к небу свой горестный взор и увидел, как солнце опускалось за верхушкой высокой сосны на противоположном холме, и его малиновый луч упал в долину у его ног. Словно кровавый палец указывал ему на лежащий там труп, и Руфус Доуз, содрогнувшись при виде этого зловещего знаменья, отвернулся и поспешил углубиться в лес.

И снова четыре дня он бесцельно блуждал по бушу, потеряв всякую надежду дойти до своей цели. Но все же, пока оставались какие-то крохи еды, он старался держаться подальше от поселка. Не в силах бороться с приступами голода, он увеличил свою дневную порцию, и хотя солонина стала портиться от дождей и жары, он старался на нее не смотреть, так как испытывал неодолимое желание наестся досыта. Кусочки подгнившего мяса и черствого ржаного хлеба казались ему царскими яствами. Несколько раз он обдирал кору с верхушек чайных деревьев и рвал листочки с кустов мяты. Тонкий, ароматный вкус на какое-то время приглушал муки голода, но вызывал дикую жажду, и он утолял ее из ледяных горных источников. Если бы на его пути не так часто попадались источники, он давно бы уже умер. И наконец, на двенадцатый день после того, как он покинул Угольный мыс, он подошел к подножью горы Дирекшен у оконечности полуострова на западном берегу бухты. Все его мучительные блуждания свелись к тому, что он обошел поселок вокруг, а к ночи вышел на берег Березового залива, к причалу напротив острова Сары. Его запасы продовольствия иссякли уже два дня назад, и он озверел от голода. О самоубийстве он более не помышлял. Все его мысли были сосредоточены на одном: как раздобыть пищу. И он решил последовать печальному примеру многих других беглецов и сдать-ся властям: пусть его высекут, но накормят. Но когда он подошел к причалу, он увидел, что сторожевая будка пуста. Он посмотрел на здание тюрьмы и не заметил там никаких признаков жизни. Поселок обезлюдел.

Это открытие едва не лишило его рассудка. Все последние дни, казавшиеся ему вечностью, одно неистребимое желание поддерживало жизнь в его измученном, истерзанном теле — добраться до колонии, а теперь, когда он наконец достиг ее ценою чудовищных мук и страданий, поселок оказался пустым. Он ударил себя по щеке, желая убедиться, не сон ли это. Он отказывался верить своим глазам. Тогда он стал кричать, вопить, размахивая в воз-

духе порванной рубахой. Затем, устав от этого пристуна отчаяния, он спокойно сказал себе, что солнце припекло его непокрытую голову, вызвав помутнение рассудка, и что скоро он увидит знакомые шляпки. Но шляпки не приходили, тогда он стал убеждать себя в том, что ошибся, наверно, перед ним не остров Сары, а какой-то другой, похожий остров и что сейчас все разъяснится. Но очертания суровых гор, столь хорошо изученные им за эти шесть лет и столь же ненавистные, молчаливо утверждали обратное, а море, ластящееся к его ногам, растягивало свой тонкогубый алчущий рот в ехидной ухмылке.

Тот факт, что селение было покинуто, казался ему столь невероятным, что он не мог его осознать. Подобное чувство испытывал, вероятно, странник, вернувшийся наутро после блужданий в заколдованных горах к своим друзьям, когда увидел их окаменевшими.

Наконец страшная истина дошла до его сознания; он отшатнулся, а затем, с криками ярости и отчаяния, побрел к краю рифа, выступавшего над морем. Он был готов еще раз броситься в темную бездну, но, обедя бухту долгим прощальным взглядом, вдруг увидел на левой оконечности берега нечто поразительное. Тоненький голубой завиток дыма поднимался из-за скалы в западной части маленькой бухточки и повисал в неподвижном воздухе. Это был дым от костра!

Умиравший человек вновь ощутил прилив надежды. Сам господь послал ему знак с неба. Маленький столбик синеватого дыма казался ему таким же величественным, как израильтянам огненный столп, указующий путь к спасению. Значит, рядом с ним были люди! И он отвернулся от непасытной пучины и, собрав последний остаток сил, заковылял к костру.

Глава 21

ЗАХВАТ «МОРСКОГО ЯСТРЕБА»

Рыболовная экспедиция Фрера оказалась неудачной и потому затянулась. Его упрямство проявлялось даже в мелочах, и, несмотря на быстро сгущавшиеся сумерки австралийского вечера, он все еще медлил, не желая возвращаться с пустыми руками. Наконец с корабля прозвучал предупредительный сигнал: мистер Бейтс терял терпение. Нахмурившись, Фрер вытянул лески и приказал своим двум солдатам вести вельбот к кораблю.

«Морской ястреб» неподвижно лежал на воде, и на его голых мачтах по-прежнему не было парусов. Солдаты гребли, сидя к бригу спиной, и выстрел из мушкета ничуть их не встревожил. Стремясь скорее покинуть эту мрачную невольничью бухту, солдаты не сочувствовали рыболовным страстям Фрера и в течение получаса томительно ожидали сигнала к отплытию, который наконец прозвучал. Вдруг они заметили, что их суровый командир изменился в лице. Сидя у руля на корме лицом к «Морскому ястребу», Фрер увидел на палубе корабля необычную суматоху. На фальшборте то появлялись, то исчезали какие-то фигуры, а через разделявшую их полосу воды до них донесся неясный гул голосов. Затем прогремел второй выстрел — он раскатистым эхом пропелся по холмам, и что-то темное упало в воду с борта корабля. Фрер, охваченный тревогой и негодованием, вскочил на ноги и, зашленившись ладонью, стал вглядываться в происходившее на бриге. Солдаты последовали его примеру: они повернулись лицом к кораблю, бросили весла, и вельбот, потеряв управление, закачался на волнах, что было небезопасно. Наступила тревожная томительная пауза, и вдруг со злополучного брига раздался пронзительный крик. И он объяснил им все. Это был голос женщины, взывавшей о помощи. Арестанты захватили бриг. Прозвучали один за другим еще два выстрела, а затем все стихло.

— А ну, палегай! — крикнул Фрер, бледный от ярости, и солдаты, вмиг оценив весь ужас положения, погнали тяжелый вельбот с предельной быстротой, возможной для двух жалких пар весел.

* * *

Час обманчивого спокойствия перед отплытием усыпил бдительность Бейтса, он спустился вниз, чтоб сообщить своей маленькой подопечной о том, что они скоро отплывут в Хобарт-Таун, о котором она столько слышала. Воспользовавшись его отсутствием, солдат, свободный от вахты, пошел на бак послушать, как поют арестанты. Собралось их человек десять, они благодушно слушали песню, которую пели трое из них. Голоса были довольно приятные, и слова песни — ее часто распевали на баках brave моряки — были по душе солдату. Забыв, что палуба осталась без надзора, рядовой Граймс присел послушать.

И пока он слушал, погрузившись в приятные воспоминания, Джеймс Лесли, Уильям Чешир, Уильям Рассел,

Джон Фэйр, Джеймс Баркер проскользнули к люку и вышли на палубу.

Опередив других, Баркер подоспел к кормовому люку как раз в тот момент, когда часовой хотел продолжить свою прогулку. Накинувшись на него сзади, Баркер повалил его так, что тот не успел даже вскрикнуть. Растерявшись, часовой выпустил из рук мушкет, которым бы смог защититься от своего противника. Подскакивший к месту Фэйр схватил оружие и пригрозил часовому, что расшибет ему башку, если тот двинет хотя бы пальцем. Безоружный часовой уже больше не являлся помехой, и Чешир прыгнул в люк, взяв с оружейной стойки три мушкета и подал их Лесли и Рассену. Теперь в распоряжении мятежников было четыре мушкета. Баркер, оставив пленника под охраной Фэйра, побежал с мушкетом к трапу кают-компаний. А Рассен, хотя и безоружный, хорошо знал, что делать. Он вернулся на бак, прошмыгнув позади солдата, слушавшего песню, и тронул певца за плечо. Это был условный сигнал, и Джон Рекс, оборвав свою песню, со смехом показал кулак ошеломленному Граймсу.

— Ни звука! — воскликнул он. — Бриг наш.

И прежде чем Граймс успел опомниться, он был схвачен Лайоном и Райли и крепко связан.

— А ну, давай, ребята! Тащите арестованного вниз. Бьюсь об заклад, теперь корабль в наших руках!

Исполняя этот приказ, пленника с кляпом во рту сбросили в носовой трюм и люк плотно закрыли.

— Стой у люка, Портер, — снова приказал Рекс, — если кто-то из тех ребят вздумает подняться, двинь его как следует ганшпугом. А вы, Лесли и Рассен, марш к трапу кают-компаний! Лайон, следи за вельботом, если он подойдет слишком близко — стреляй!

В это мгновение и раздался первый мушкетный выстрел. Очевидно, это выстрелил Баркер с трапа у кают-компаний.

* * *

Когда мистер Бейтс спустился в кают-компанию, он увидел, что маленькая Сильвия, свернувшись калачиком на подушках, читала.

— Так вот, мисс, — сказал он, — скоро мы отправимся к вашему папаше.

Но вместо ответа Сильвия задала вопрос совершенно о другом.

— Мистер Бейтс,— спросила она, тряхнув кудряшками, упавшими ей на глаза,— что такое коракл?

— Как вы сказали? — переспросил Бейтс.

— Коракл. Ко-ракл,— сказала она, медленно произнося по слогам непонятное слово.— Я хочу знать, что это.

Бейтс, растерявшись, покачал головой.

— Никогда не слыхал, мисс,— сказал он, заглядывая в книгу.— Покажите, что там написано.

И Сильвия с самым серьезным видом прочла:

«Древние бритты мало чем отличались от варваров. Они раскрашивали свои тела вайдой»,— это такая синяя краска, мистер Бейтс. «И когда они двигались в своих легких кораклах, сделанных из шкур, натянутых на тонкий деревянный каркас, они, вероятно, были похожи на дикарей».

— Ого! — воскликнул мистер Бейтс, прослушав сей примечательный отрывок.— Как-то непонятно. Коракл... Как это? Коракл...— Тут его осенила блестящая мысль.— Так, наверное, это карета! Я видел такие в Гайд-Парке, в них еще сидели молодые денди.

— А кто такие «денди»? — спросила Сильвия, ухватившись за это новое слово.

— О, барчуки! Щеголи и бездельники, не знаете? — пояснил бедняга, снова загнанный в тупик.— Богатые молодчики, ну, словом, которые любят пускать пыль в глаза.

— Понимаю,— сказала Сильвия, грациозно махнув ручкой.— Аристократы и принцы и всякая знать. Точно. Так все же, что такое коракл?

— Хм...— буркнул сконфуженный Бейтс,— думаю, мисс, что это карета или что-то вроде фаэтона, как его там...

Ответ не удовлетворил Сильвию, и она снова уткнулась в книгу. Это был маленький дешевый томик — «История Англии для детей», и, нахмурив брови, она еще раз перечитала это место и вдруг звонко, по-детски, расхохоталась.

— Дорогой мистер Бейтс,— воскликнула она, победоносно размахивая книжкой,— какие же мы с вами дурачки! *Карета!* О, глупый вы человек! Это же челн!

— Челн? — сказал мистер Бейтс, восхищенный сообразительностью маленькой собеседницы.— Кто бы только мог подумать. Тогда почему они просто не называли эту штуку лодкой, и всем стало бы ясно? — И он уже был готов расхохотаться, но, подняв голову, увидел в проеме открытой двери фигуру Джеймса Баркера с мушкетом в руке.

— Эй! Это еще что такое? Что тебе падо, голубчик?

— Простите, что потревожил вас,— с ухмылкой проговорил каторжник,— по вам, мистер Бейтс, придется последовать за мной.

Бейтс сразу понял, что произошло нечто страшное, но он не растерялся и, схватив ближайшую диванную подушку, швырнул ее через всю каюту каторжнику прямо в лицо. Удар на какую-то секунду ослепил Баркера. Мушкет выстрелил в воздух, никого не задев, и, прежде чем Баркер успел опомниться, Бейтс вытолкнул его из каюты и с криком «Бунт!» запер дверь изнутри.

Звук выстрела поднял с постели миссис Викерс, и маленькая любительница истории Англии бросилась в объятия матери.

— Господи, мистер Бейтс, что случилось?

Вне себя от ярости, Бейтс крепко выругался, забыв, кто перед ним.

— Бунт, сударыня,— ответил он.— Ступайте в свою каюту и закройте дверь. Эти негодяи взбунтовались против нас!

У Джулии Викерс сжалось сердце. Неужели ей так и не суждено вырваться из этого страшного окружения?

— Идите в свою каюту,— повторил Бейтс,— и ничего не предпринимайте, пока я вам не скажу. Может, все обрзается. Слава богу, что со мной пистолеты, и я подам мистеру Фреру сигнал.

— Бунт! На палубу! — надсадно крикнул он, но в ответ прозвучал лишь грубый хохот, и у Бейтса на лбу выступил пот.

Отправив женщину с девочкой в их каюту, растерянный лоцман взвел курок пистолета и, выхватив саблю из стойки, прикрепленной к мачте, проходящей сквозь каюту, ударом ноги распахнул дверь и бросился к трапу у кают-компаний. Баркер отступил на палубу, и на какую-то секунду лоцману показалось, что путь свободен, но Лесли и Рассен дулами заряженных мушкетов втолкнули его обратно в каюту. Бейтс хотел было ударить Рассена саблей, но промахнулся и, видя бесполезность сопротивления, был вынужден отступить.

Тем временем Граймс и другой солдат, Джонс, освободились от веревок и, ободренные стрельбой, вселившей в них надежду на успех, вдвоем открыли передний люк. Охранявший люк Портер не отличался особой храбростью: долгие годы жесточайшего тюремного режима приучили его к повиновению, и он почти не сопротивлялся, и часовой Джонс, выхватив у него ганшпуг, бросился на корму

помочь лощману. Но он успел добежать лишь до шкафута и был сражен пулей Чешира, хладнокровного голубоглазого арестанта. Граймс споткнулся о тело убитого и отлетел в сторону, а Чешир, повернув мушкет прикладом вниз — было бы у мушкета второе дуло, Чешир выстрелил бы дважды, — спокойно стукнул его по голове и, оттащив тело несчастного Джонса к краю палубы, бросил за борт.

— Портер, недотепа! — крикнул он, еще не отдышавшись. — Давай сюда и помоги мне прикончить второго!

Портер опасливо приблизился, но в этот момент что-то отвлекло внимание Чешира, и жизнь бедного Граймса на этот раз была спасена.

Рекс, внутренне негодуя, что лощман неожиданно оказал сопротивление, бросился к световому люку и с силой распахнул его. Баркер, уже успевший перезарядить мушкет, выстрелил через люк. Пуля прошла дверь, расщепив дерево, и чуть не задела кудрявую головку бедняжки Сильвии. Девочка была на волосок от смерти, и из груди обезумевшей матери вырвался тот отчаянный крик, который благодаря открытому иллюминатору был услышан солдатами на вельботе.

Рекс, как истинный денди еще не утративший отвращения к напрасному кровопролитию, решил, что это был чей-то предсмертный крик и что пуля Баркера кого-то поразила насмерть.

— Негодяй, ты убил девочку! — вскричал он.

— Подумаешь, большое дело, — мрачно отозвался Баркер, — ей и так помирать, раньше или позже.

Рекс заглянул в световой люк и приказал Бейтсу сдаваться, — но Бейтс в ответ лишь вынул второй пистолет.

— Хотите убить нас? — спросил он, с отчаянием озираясь.

— Нет, нет! — слышались ответные голоса тех, кто не желал смерти бедного лощмана. — Что толку подливать масла в огонь? Пусть выходит, мы ему ничего не сделаем.

— Поднимайтесь на палубу, мистер Бейтс, — даю вам слово, что вас не тронут.

— Вы обещаете высадить супругу майора с дочкой на берег? — спросил Бейтс, храбро глядя в лица злодеев, уставившихся на него из люка.

— Обещаем.

— И вы их не тропете? — упрямо продолжал лощман, не обращая внимания на дула мушкетов.

— Да, да! Все будет в порядке! — ответил Рассел. — Нам нужна только свобода, и больше ничего.

Бейтс, еще не терявший надежды на возвращение вельбота, старался выиграть время.

— Тогда закройте люк, — сказал он, пытаясь придать своему голосу повелительный тон, — мне надо спросить даму.

На это Джон Рекс не пошел.

— Так вы сейчас ее и спросите, — сказал он.

Но мистеру Бейтсу спрашивать не пришлось. Дверь открылась, оттуда вышла испуганная миссис Викерс, держа за руку Сильвию.

— Соглашайтесь, мистер Бейтс, — сказала она. — Иного выхода у нас нет. Мы ничего не добьемся, если откажемся. Мы в их власти. Да поможет нам бог!

— Аминь, — прошептал Бейтс и громко добавил: — Мы согласны!

— Тогда кладите пистолеты на стол и выходите на палубу, — приказал Рекс, держа их под прицелом. — Никто вас не тронет.

Глава 22

МЕСТЬ ДЖОНА РЕКСА

Миссис Викерс, бледная и дрожащая от ужаса, но все же сохранявшая то необъяснимое мужество, о котором уже шла речь, быстро прошла под открытым люком, чтобы выйти на палубу. Сильвия держалась одной рукой за мать, а другой прижимала к груди «Историю Англии», которую в страхе забыла положить.

— Возьмите шаль, сударыня, или что-нибудь теплое, — сказал Бейтс, — и наденьте шляпку барышне.

Миссис Викерс бросила взгляд на открытый люк и, содрогнувшись, покачала головой. Мятежники переругивались на палубе, клеймя пустую трату времени, и все трое поспешили наверх.

— Кто теперь будет командовать бригам? — резко спросил Бейтс, когда они вышли на палубу.

— Я, — ответил Джон Рекс, — вместе с моими brave boys моледцами я берусь повести его вокруг света.

Это хвастливое утверждение пришлось по душе каторжанкам, и они приветствовали своего командира громкими криками «ура». Сильвия нахмурила бровки. Не меньше, чем страх, ее, выросшую возле тюрьмы, обуреало удивление при виде веселящихся каторжан — так удивилась бы светская леди, если бы ее лакей вдруг стал ци-

тировать стихи. Но умудренный жизненным опытом Бейтс смотрел на события по-иному. Дерзновенное намерение, о котором заявил Рекс, казалось ему чистейшим абсурдом. Как могут девять сбежавших каторжников под командой Денди повести бриг вокруг света! Что за вздор! Ведь никто из них и понятия не имеет, как управлять кораблем! Старый моряк представил себе, как «Морской ястреб» болтается в волнах Южного моря, а затем безнадежно застревает в антарктических льдах, и воображение его, хотя и не очень ясно, нарисовало картину печальной участи этой десятки заблудших людей. Даже если бы им удалось благополучно добраться до порта, все равно шансов на счастливый исход у них нет. Что они смогут рассказать о себе? Охваченный этими мыслями, честный моряк сделал последнюю попытку образумить мятежников и уговорить их вернуться в колонию.

— Дурачье! — воскликнул он. — Что вы задумали? Вам никогда не удастся бежать! Верните мне бриг, и я поклянусь на Библии, что не буду докладывать о вашем бунте и ни о ком не скажу ничего плохого.

Лесли и еще один арестант расхохотались в ответ на это нелепое предложение. Но Рекс, который заранее взвесь все шансы на успех, почувствовал, что в словах лоцмана есть смысл, поэтому он ответил ему серьезно.

— Уговаривать бесполезно, — сказал он, покачав все еще красивой головой. — Мы захватили бриг, и мы его не отдадим. Хотя я и не моряк, но я смогу повести корабль, и давайте оставим это. Нам нужна свобода во что бы то ни стало.

— А как вы поступите с нами? — спросил Бейтс.

— Бросим вас на берегу.

Бейтс побелел.

— Как, *здесь*?

— Да. Местечко не очень-то живописное, правда? И все же я не один год здесь прожил, — добавил он, ухмыльнувшись.

Бейтс промолчал. Да и что можно было ответить на это?

— Пошли! — крикнул Денди, стряхнув с себя минутную меланхолию. — Ну, живее! Спускайте четверку! Вы, миссис Викерс, пройдите в свою каюту и соберите все необходимое. Я должен высадить вас на берег, но я не имею намерения оставлять вас без вещей.

Бейтс с угрюмым восхищением слушал учтивую речь каторжника. Он бы даже под страхом смерти не выдавал из себя таких слов.

— А вы, маленькая леди,— продолжал Рекс,— идите вниз с мамой и ничего не бойтесь.

Сильвия вспыхнула от такой дерзости.

— Да кто вас боится-то! Если бы здесь были не одни женщины, вам бы никогда не захватить бриг. Посторонитесь, *арестант!*

Вся палуба грохнула от хохота, а бедная миссис Викерс застыла на месте, страшась последствий этой дерзкой выходки. Так разговаривать с отъявленным головорезом, в руках которого находится их судьба,— чистейшее безумие! Однако смелость девочки явилась залогом их безопасности. Рекс, вежливость которого была лишь показной, был задет за живое тем, что в храбрости его усомнились, но еще больше укололо его презрительно брошенное девочкой слово «арестант» (как здесь нередко называли каторжников), и он от злости прикусил губу. Была бы его воля, он пришиб бы на месте эту девчонку, но грубый смех товарищей отрезвил его. Общественное мнение существует даже в среде преступников, и Рекс не посмел обратить свой гнев на столь беспомощное создание. Подобно многим в его положении, он скрыл свою злобу под напускной веселостью. И, желая показать, что его вовсе не задела презрительная насмешка, он еще любезнее улыбнулся насмешнице.

— У вашей дочери, сударыня, характер ее отца,— с поклоном обратился он к миссис Викерс.

Бейтс слушал с открытым ртом, не веря ушам своим. Не может быть каторжник столь любезен! Такого еще не бывало. Уж не почудилось ли ему это? Он ясно понял одно— что сейчас Джон Рекс одержал над ним верх.

Когда миссис Викерс спустилась в каюту, лодка, в которой были Фрер и солдаты, подошла к бригу на расстояние ружейного выстрела, и Лесли, выполняя приказ, дал предупредительный выстрел в воздух, крикнув, чтобы они замедлили ход. Но Фрер, кипевший негодованием от такого поворота событий, решил без борьбы не сдаваться. Несмотря на предупреждение, он гнал вельбот прямо вперед, не спуская глаз с корабля. Сумерки сгустились, и невозможно было различить фигуры людей на палубе. Возбешенный лейтенант мог только догадываться о том, что там происходит. Внезапно из темноты послышался крик:

— Назад, сэр! Гребите назад! — Но тут же кто-то, очевидно, зажал рот кричавшему.

То был голос мистера Бейтса. Стоя у борта, он увидел, что Рекс и Фэйр притащили огромную железную болван-

ку, служившую баластом для брига, и поставили ее на наветренный борт. Их намерение было слишком явным, и честный Бейтс, как верный сторожевой пес, подал голос, чтобы предостеречь хозяина. Пылающий злобой Чешпир схватил его за горло, а Фрер, ни на что не обращая внимания, провел лодку вдоль самого борта под посом у Рекса, которому не терпелось отомстить.

Массивная железная болванка упала, задев планшир вельбота, и, поцарапав его, отбросила от корабля.

— Мерзавцы! — крикнул Фрер. — Утопить нас хотите?

— Да, — рассмеялся Рекс, — и еще дюжину таких, как вы! Бриг наш, не видите, что ли? Теперь *мы* ваши хозяева!

Фрер, бормоча ругательства, крикнул на пос, чтобы вельбот пришвартовали к кораблю, но удар отбросил вельбот назад, с корабля его уже нельзя было достать. Подняв голову, Фрер увидел свирепое лицо Чешпира и услышал, как щелкнул курок мушкета. Двое солдат, измученных долгой греблей, никак не старались удерживать вельбот, и, прежде чем улеглась волна, поднятая упавшей железной болванкой, палуба «Морского ястреба» окончательно погрузилась во мрак.

— Мерзавцы! — сквозь зубы процедил Фрер, в бессильной ярости ударив по скамье кулаком. — Их взяла. Что же они будут дальше делать?

Ответ был получен немедленно. Темный корпус брига осветился вспышкой огня, раздался выстрел, и пуля с чиркающим звуком разрезала воду на волосок от вельбота. Между темным силуэтом брига и поблескивающей водой показалось белое пятно, которое постепенно к ним приближалось.

— Пришвартовывайтесь! — крикнул с палубы чей-то голос. — Иначе вам хуже придется!

— Они хотят нас убить, — пробормотал Фрер. — Живей отгребай, ребята!

Но оба солдата, переглянувшись, повернули вельбот посом к кораблю и налегли на весла.

— Бесполезно, мистер Фрер, — сказал гребец, сидевший ближе к нему. — Теперь уж ничего не поделаешь, а они, даст бог, нас не тронут.

— Так вы заодно с ними, собаки! — заорал Фрер, побагровев от ярости. — Тоже бунтовать собрались?

— Да полно, сэр, — угрюмо проворчал солдат. — Сейчас не время горячиться, а что до бунта, так нам все равно, что вы, что они.

Такие слова из уст солдата, который всего несколько минут назад готов был отдать свою жизнь, выполняя приказ офицера, окончательно убедили Фрера в том, что сопротивление бесполезно. Власть случайная и упроченная лишь стечением обстоятельств выскользнула из его рук. Мушкетный выстрел призвал его в рядовые. Теперь он стал таким же, как все; более того, гораздо ниже других, потому что те держали в руках оружие и, значит, олицетворяли власть. И когда его взгляд упал на форменные нашивки, украшавшие рукав его кителя и уже утратившие всякое значение, он со стопом покорился судьбе.

Когда вельбот вплотную подошел к брига, четырехсельная шлюпка уже поджидала их на воде. В ней находились одиннадцать человек: Бейтс, у которого были связаны руки, а на лбу красовалась ссадина; Граймс, все еще оглушенный ударом; Рассен и Фэйр, сидевшие на веслах; Лайон, Рейли, Чешир и Лесли держали мушкеты наизготове. Джон Рекс занял место на корме, на коленях у него лежал заряженный мушкет, а за пояс был заткнут пистолет, отобранный у Бейтса. Белое пятно, которое увидели с вельбота, оказалось не чем иным, как большой белой шалью, укрывавшей плечи миссис Викерс и Сильвии.

Увидев женщин, Фрер облегченно вздохнул. Он боялся, что девочка могла пострадать. Рекс дал команду, и вельбот встал борт о борт со шлюпкой. Чешир и Лесли перешли на него, передав Рексу свои мушкеты, Лесли связал Фреру руки за спиной, как ранее Бейтсу. Фрер было воспротивился столь унижительной мере, но Чешир, приставив к его уху дуло мушкета, пригрозил размозжить ему череп, если тот еще пикнет; а Фрер, перехватив злобный взгляд Джона Рекса, вспомнил, как просто, одним лишь движением пальца, сводятся старые счеты, и умолк.

— Пожалуйте в нашу лодку, сэр, — с вежливой пропней проговорил Рекс. — Сожалею, что пришлось вас связать, но я должен заботиться не только о ваших удобствах, но также о нашей безопасности.

Фрер злобно нахмурился и, пеловко шагнув в четверку, оступился и упал. Связанный, он не мог встать без посторонней помощи, и Рассен, хрипло расхохотавшись, грубым рывком поднял его на ноги. Для Фрера в его теперешнем состоянии этот смех был более оскорбителен, чем его узы.

Несмотря на собственные невзгоды, бедная миссис Викерс своим женским инстинктом сразу же это почувствовала и попыталась утешить Фрера.

— Подлецы! — прошептала она, когда Фрера швырнули рядом с ней на сиденье. — Подвергать вас такому унижению!

Сильвия не проронила ни слова, только как-то отстранилась от лейтенанта. Возможно, что в ее детском воображении он представлялся рыцарем в ослепительных доспехах, спешащим им на помощь, или, по крайней мере, мужественным героем, который тут же уладит все распри простым ударом ганшпуга. Если она и мечтала об этом, то действительность рассеяла все надежды. Покрасневший, неловкий и связанный, Фрер отнюдь не походил на героя.

— А теперь, ребята, — сказал Рекс, к которому перешли полномочия поверженного Фрера, — мы даем вам выбор: либо вы остаетесь здесь, у Чертовых Ворот, либо уходите с нами!

Солдаты в нерешительности замялись. Уйти с мятежниками означало обречь себя на нелегкую жизнь, которая могла бы привести к виселице. Остаться же с пленниками означало бы, по их разумению, неизбежную смерть от голода на пустынном побережье. И как часто бывает в таких случаях, мелочь перетянула чашу весов.

Раненый Граймс, медленно приходящий в себя, смутно уловил смысл сказанного и, страхнув с себя бредовые видения, подал свой голос.

— Идите к ним, обормоты! — сказал он. — А нас, честных людей, оставьте здесь! Но вы за это заплатите своей шкурой!

Эта фраза напомнила солдатам о самом страшном параграфе дисциплинарного устава — о порке — и вызвала в уме парней, уже готовых сбросить с себя тяжкое ярмо службы, ряд мрачных воспоминаний. Жизнь солдата в каторжной колонии тоже была не из легких. Солдатам нередко урезывали пай, если это было нужно — отменяли положенный отпуск, а наказания за нарушения дисциплины были немедленными и суровыми. Отряды, набираемые для службы в каторжных колониях, состояли из людей далеко не лучших, так что у двух солдат был веский довод в пользу их решения.

— Думайте быстрее! — прикрикнул Рекс. — Не могу же я ждать всю ночь. Ветер крепчает, надо успеть пройти риф. Ну что, решили?

— Идем с вами! — ответил старший гребец и, отвернувшись, сплюнул в воду.

Каторжники встретили это решение веселыми возгласами, все бросились пожимать руки солдатам.

Затем Рекс вместе с Лайоном и Райли в качестве охраны перешли на вельбот и, освободив двух пленников от веревок, приказали им пересечь на шлюпку, заняв места Рассепа и Фэйра. На вельботе теперь оказалось семеро мятежников, Рекс у руля, Фэйр, Рассен и двое солдат на веслах, и четверо других стояли с мушкетами, держа под прицелом шлюпку. Долгие годы каторги воспитали у этих людей такой страх перед властями, что они продолжали бояться своих начальников, даже когда те были связаны и находились под прицелом четырех мушкетов.

— Не отставать! — крикнул Чешир, когда Фрер и Бейтс, подчиняясь приказу, стали грести к берегу. Так в мрачном молчании жалкая горстка пленников поплыла в сторону суши.

Была уже ночь, когда они достигли побережья. Луна за горизонтом чуть посеребрила ясное небо, и волны, мягко ударяясь о песок, переливались светом, который, казалось, зарождался от их собственного движения.

Выскочив из шлюпки, Фрер и Бейтс под дулами мушкетов помогли сойти женщинам и раненому Граймсу, а затем Рекс приказал Бейтсу и Фреру оттолкнуть шлюпку как можно дальше в море. Райли зацепил ее крюком, и вельбот повел шлюпку на буксире.

— Теперь, братцы, — воскликнул Чешир, и в голосе его звучало безудержное ликование, — крикнем трижды «ура» в честь старой Англии и свободы!

И дружный крик эхом отозвался в мрачных горах, свидетелях стольких страданий.

А для пятерых несчастных этот крик восторга прозвучал погребальным колоколом.

— Боже мой! — вбежав по колено в воду, воскликнул Бейтс, вслед отплывающей лодке. — Неужели вы оставите нас умирать с голоду?

И плеск весел с удаляющегося вельбота был единственным ему ответом.

Глава 23

ЗАТЕРЯННЫЕ У ЧЕРТОВЫХ ВОРОТ

Мы не будем описывать душевные муки наших героев в ту страшную ночь. Пожалуй, из всех пятерых миссис Викерс, наименее способная выдержать эти муки, каким-то шестым чувством, свойственным ее полу, подмала,

что их ожидает. Эта заурядная и недалекая женщина острее других ощутила весь ужас надвигающейся катастрофы. Она страдала вдвойне: как женщина и мать. Женское воображение рисовало ей все ужасы голодной смерти и собственной агонии, но еще мучительнее казались ей картины смерти ее ребенка. Отвергнув предложенный Бейтсом бушлат, а также отклонив не слишком настойчивые попытки Фрера оказать ей помощь, несчастная женщина удалилась под сень прибрежной скалы и, держа дочь на руках, предавалась своим гнетущим мыслям. Сильвия, уже оправившись от пережитых страхов, почти успокоилась; закутавшись в материнскую шаль, она крепко уснула. Для ее детской души все эти таинственные полночные приключения со стычками и мушкетами имели свою романтическую прелесть. Бейтс, Фрер и ее мать были рядом, значит, нечего было бояться. Кроме того, ее папа — божеество этого поселения — должен скоро вернуться и строго наказать дерзких каторжников, осмелившихся обидеть его жену и дочь. Засыпая, Сильвия неохотно призналась себе в том, что вдруг пожалела бунтовщиков, которым вся эта история грозила тяжкими последствиями. О, как же их высекут, когда вернется папа! А пока даже приятно поспать на свежем воздухе.

Честный Бейтс достал из кармана сухарь и великодушно предложил дать его женщинам, но миссис Викерс об этом и слышать не захотела.

— Мы должны все делить поровну, — сказала она, уверенная, что в подобных обстоятельствах ее муж проявил бы такую же твердость, и Фрера удивила сила ее воли. Человек, наделенный большей проницательностью, не удивился бы; если люди долго живут бок о бок и для одного из них наступает время испытаний, обычно побеждает влияние более сильного духом. У Фрера в кармане была коробка с трутом и кремнем, и он развел костер из сухих листьев и веток. Граймс заснул, а двое мужчин, сидя у огня, обсуждали возможности спасения. Ни один из них не хотел открыто признать, что их положение безнадежно. Они решили, что если бриг не отплывет этой ночью — а луна ярко освещала стоящий на якоре «Морской ястреб», — то каторжники вернутся и привезут им еду. Это предположение оправдалось: через час после рассвета они увидели направлявшийся к ним вельбот.

На бриге между бунтовщиками возник спор: следует ли им ссаливать немедленно или подождать. И Баркер, который раньше состоял в лоцманской команде и хорошо

знал все опасности рифа, категорически заявил, что он не рискнет провести бриг через Ворота до наступления утра. Поэтому они укрепили на корме шлюпку и установили строгую вахту на случай, если Бейте, при всей безнадёжности своего положения, сделает попытку отбить у них корабль. Вечером, после того как улеглось их возбуждение, мятежники стали задумываться над последствиями совершенного. И они вдруг почувствовали жалость к людям, брошенным на берегу. Вполне возможно, что «Морской ястреб» рано или поздно будет захвачен властями, и тогда их обвинят в бессмысленном убийстве пяти человек, как бы ни отпились они к возможности кровопролития, никто из них не мог хладнокровно и без угрызения совести ожидать гибели ни в чем не повинной дочери коменданта. И Джош Рекс, видя, как оборачивается дело, поторопился взять на себя акт милосердия. Сейчас, как и прежде, он держал своих головорезов в повиновении не столько тем, что подсказывал, куда идти, сколько тем, что всегда вел их тем путем, который соответствовал их стремлениям.

— Я предлагаю, — сказал он, — поделить с ними запасы провизии. Их пятеро, нас десять человек. Если мы отдадим им часть всех запасов, нас никто не сможет обвинить в их смерти.

— Дело говоришь, — согласился Портер, вспомнив похожую историю, — если нас зацапают, они скажут, что мы с ними поступили честно. Не стоит повторять историю с «Кипарисом», когда людей бросили помирать с голоду.

— Да-да, ты прав! — отозвался Баркер. — Когда Фергюсона вздернули в Хобарт-Тауне, я слышал, как старина Троук говорил, что если б тот не отказался привезти на берег жратву, он мог бы еще спасти свою шкуру.

Итак, побуждаемые корыстными интересами, а также чувством жалости и сострадания, они вынесли утром на палубу все запасы провианта и поделили их. Солдаты, которых мучила совесть, предлагали отдать оставшимся на берегу половину, но Баркер стал возражать:

— Если «Морской ястреб» не прибудет в порт, они там забеспокоятся и вышлют шхуну на поиски, — сказал он. — А еда нам самим пригодится, еще даже, может, не хватит, пока не дотянем до суши.

Столь резонное замечание было всеми одобрено. В бочонке оказалось около пятидесяти фунтов солонины, и треть этого запаса они погрузили в вельбот, добавив полмешка муки, немного чая, смешанного в мешочке с сахаром, железный котелок и кружку. Рекс, опасаясь пьян-

ства среди команды, спустил также в лодку один из двух небольших бочонков рома, хранившихся на корабле. Чешшир запротестовал и, наткнувшись на козу, которую они подобрали на острове Филипа, ухватил ее за ногу и бросил за борт, крикнув Рексу, чтобы он забирал ее с собой. Рекс втащил несчастное животное в лодку, и со всем этим смешанным грузом они направились к берегу. Бедная коза дрожала от холода и жалобно блеяла, а люди хохотали. Постороннему человеку могло бы показаться, что это возвращается с базара после удачных торгов веселая компания рыбаков или жителей побережья.

Причалив к берегу во время отлива, Рекс велел Бейтсу забрать груз: весь провиант, включая козу, был выгружен на берег под прицелом трех мушкетов, готовых отразить любую попытку захватить вельбот.

— Получайте! — крикнул Рекс. — Теперь уж вы не скажете, что мы проявили жестокость. Ведь мы честно разделили все наши запасы.

Неожиданно прибывшее подкрепление подняло дух пострадавших, и они почувствовали благодарность к мятежникам. После страшной мучительной ночи они были рады этим людям, все же пришедшим им на помощь.

— Ребята, — проговорил Бейтс, даже всхлипнув, — я этого не ожидал. Вы славные парни, знаю, что у вас самих на борту маловато провизии.

— Да, вы хорошие ребята, — подтвердил Фрер.

Рекс дерзко расхохотался.

— Заткнись, мерзавец! — крикнул он. Вся его напускная вежливость мигом слетела при одном лишь воспоминании о тех издевательствах, которым их подвергал Фрер. — Мы это делаем не для тебя. Поблагодари даму и девочку.

Джулия Викерс поспешила умолила вершителя судьбы ее дочери.

— Мы весьма вам признательны, — сказала она с достоинством, как мог бы сказать ее муж. — Если я когда-нибудь вернусь домой, я сделаю все, чтобы люди узнали о вашем добром поступке.

В ответ мошенник и жулик изящным жестом снял кожаную шапку. Уже более пяти лет ни одна дама с ним так не разговаривала, и на какую-то минуту он вновь почувствовал себя мистером Лайонелом Крофтоном, джентльменом, спортсменом. Сейчас, когда свобода и благополучие были уже у него в руках, к нему вернулось чувство собственного достоинства и он мог, не потупившись, встретить взгляд благородной дамы.

— Я искренне надеюсь, сударыня, — сказал он, — что вы в целостности и сохранности вернетесь домой. Смею ли я надеяться также, что вы пожелаете счастливого пути мне и моим товарищам?

Такой разговор восхитил даже Бейтса, и он рассмеялся.

— Ну и пройдоха же ты! — воскликнул он. — Ах, Джон Рекс, Джон Рекс! Ведь не для каторги ты родился на свет, человек!

Рекс усмехнулся.

— Прощайте, мистер Бейтс, да хранит вас бог!

— До свидания, — ответил Бейтс, приподняв фуражку. — Я... Я... черт побери, надеюсь, что дело у вас выгодно. Ведь свобода каждому дорога!

— Прощайте, арестантики! — крикнула Сильвия, махая платком. — Я тоже надеюсь, что вас не поймают!

Итак, вельбот отошел, и ему вслед летели приветственные возгласы, а женщины махали платочками.

Взволнованные чувствами, вызванными бескорыстным поступком Джона Рекса, изгнанники, казалось, совсем забыли о незавидном своем положении, всецело проникнувшись, как это было ни странно, тревогой за судьбу мятежников. Но по мере того, как удалялся вельбот, к ним возвращалось сознание безысходности. А когда он наконец совсем исчез, слившись с тенью брига, они вздрогнули, словно пробудившись от сна к жестокой реальности.

Они держали совет под председательством Фрера, после чего сложили всю провизию в котел. Солонину, муку и чай перенесли в пещеру неподалеку от берега, а Бейтса назначили экономом, вменив ему в обязанность, «не боясь полного беспристрастия», выдавать каждому его порцию. Козу привязали леской такой длины, чтобы животное могло свободно пасться. Бочонок рома с общего согласия спрятали в самом дальнем углу пещеры, а к его содержанию решили прибегать только лишь в случае крайней необходимости, как к лекарству. Воды у них было вдоволь — ярдах в ста от этого места из скалы бил родник. И они рассчитали, что при умеренном рационе запасы съестного можно растянуть примерно недели на четыре.

Затем, обзрев все свои ценности, они обнаружили еще три карманных ножа, моток бечевки, две трубки, пачку табаку, леску с крючками и большой складной нож, взятый Фрером, чтобы потрошить рыбу. Но, к своему ужасу, они увидели, что топора при них не было и заметить его тоже было нечем. У миссис Викерс оставалась ее шаль, у Бейтса — бушлат, а у Фрера и Граймса —

только то, что было на них. Условились, что каждый сохранит свои личные вещи, по удочки перешли в общее пользование.

Уладив все эти дела, они повесили над огнем котелок, наполненный родниковой водой, и вскоре каждый получил по кружке жидкого чая и кусочек сухаря, один лишь Граймс отказался от еды. Покончив с завтраком, Бейтс испек в золе пресную лепешку, а затем они снова стали совещаться относительно их будущего жилья.

Было совершенно очевидно, что спать под открытым небом невозможно. Стояла середина лета, и докучливых дождей не ожидалось, но дневная жара угнетала всех. Главное, необходимо было оборудовать какое-то пристанище для миссис Викерс с девочкой. Неподалеку от берега у утеса виднелся песчаный холм, на восточной стороне которого зеленел молодой лесок. У Фрера возникла мысль нарубить деревца и выстроить из них подобие хижинны. Однако они вскоре убедились в том, что их карманные ножи для этой цели совершенно непригодны; тогда, сделав зарубки на молодых деревьях, а затем переломив их, они смогли за несколько часов собрать достаточно веток, чтобы соорудить навес между двумя скалами — одной с пещерой внутри для хранения провизии, и другой, имеющей выступ размером ярдов в пять — там спали миссис Викерс и Сильвия; Фрер и Бейтс намерились расположиться у входа в кладовую, чтобы одновременно охранять и женщин и провиант. Граймсу предоставили соорудить себе жилище в том месте, где накануне ночью был разведен костер.

Когда они возвратились к обеду, вдохновленные своим планом, они застали бедную миссис Викерс в большой тревоге. Граймс, которого они освободили от работы из-за черепного ранения, ходил по берегу, что-то бормоча, и грозил кулаком воображаемому врагу. Подойдя к нему, они поняли, что удар повредил его мозг и он бредит. Фрер попытался его успокоить, но безуспешно; наконец, по совету Бейтса, его окунули в море. Холодная ванна его убила, приступ ярости прошел, и когда его уложили в тени ближайшей скалы, он впал в состояние полного изнеможения и вскоре уснул.

Бейтс разделил лепешку на равные части, и вместе с маленьким кусочком мяса она составила весь их обед. Миссис Викерс сообщила мужчинам, что заметила на борту брига какую-то суматоху: очевидно, арестанты сбрасывают за борт весь лишний груз, чтобы облегчить движение

судна. Бейтс согласился с ее предположением и добавил, что мятежники подняли стоп-анкер и, выбирая перлинь, постепенно разворачивают корабль по направлению к выходу из гавани. Не успели они закончить обед, как подул легкий бриз, «Морской ястреб», подняв перевернутый английский флаг, дал выстрел из мушкета — то ли на прощание, то ли на радостях — и, распустив паруса, исчез в западном направлении.

Миссис Викерс отошла вместе с Сильвией на несколько шагов и, прислонившись к шершавой каменной стене своего будущего жилья, горько заплакала. Бейтс и Фрер сделали вид, что им весело, хотя для каждого из них присутствие брига являлось как бы залогом их безопасности, и только сейчас они с особенной остротой ощутили свою оторванность от мира.

Однако надо было работать, а не предаваться бесполезной грусти, пример подал Бейтс, и все заработали так усердно, что к наступлению темноты собрали целую грудку ветвей и валежника, чтобы закончить жилище для миссис Викерс. Граймс все время мешал им работать, он набрасывался на них с горькими упреками, обвиняя их в предательстве, кричал, что его оставили на произвол бунтовщиков. Бейтс тоже жаловался, что у него болит рана на лбу и что его мучит головокружение. Время от времени он подставлял голову под родниковую струю, и это помогало ему держаться на ногах и завершить укладку крыши из веток, после чего он бросился на землю, сказав, что встать уже не может.

Фрер попробовал полечить его тем же методом, что и Граймса, но соленая вода только растравила рану и ухудшила его состояние. Миссис Викерс посоветовала развести немного спирту в воде и промыть рану, и они открыли бочонок рома.

Поужинали они лепешкой с чаем, а при свете ярко пылавшего костра их положение уже не казалось им столь безнадежным. Поставив кружку на плоский камень, миссис Викерс разливала чай, пытаясь сохранить степенный вид; это могло бы показаться смешным, если бы не вызывало щемящую жалость. Она пригладила волосы и кокетливо заколола на плече белую шаль; она даже посетовала Фреру, что не захватила с собой еще туалетов. Сильвия пребывала в отличном настроении и ни за что не хотела сознаться, как она голодна. Выпив чай, она принесла в котелке родниковой воды и освежила голову Бейтсу. Наутро мужчины решили пойти поискать какое-нибудь ме-

сто для рыбной ловли, чтобы дополнить свежей рыбой их ежедневный рацион.

Больше всего беспокоило их состояние бедняги Граймса. Бессмысленное бормотание сменялось у него приступом буйства, и Фрер не спускал с него глаз. Несчастный что-то долго и бессвязно говорил, вскрикивал и, наконец, свалился и уснул. Фрер помог Бейтсу дойти до пещеры, уложил его на охапку зеленых веток, а сам лег рядом, чтобы немного уснуть. Утомленный работой и тревожными днями, он крепко заснул, но под утро его разбудил странный шум.

Граймс, которого, видно, одолевал бред, пробрался сквозь кусты к пещере и в припадке буйного помешательства набросился на Бейтса. Что-то дико бормоча себе под нос, он схватил несчастного лощапа за горло, и между ними завязалась борьба. Бейтс, ослабевший от раны, был не в силах справиться с сумасшедшим; потянувшись за ножом, о котором уже упоминалось, он слабым голосом позвал Фрера на помощь. Фрер вскочил и тут же бросился к лощану, но было уже поздно. Вид пожара привел Граймса в иступление, он выхватил его у Бейтса и, прежде, чем Фрер успел остановить его руку, дважды всадил нож в грудь несчастного.

— Я пропал! — чуть слышно простонал Бейтс.

Вид крови, а также стоны жертвы отрезвили Граймса. Он растерянно посмотрел на окровавленный нож, бросил его, побежал к морю и со всего маху бросился в волны.

Фрер, потрясенный этой внезапной и страшной трагедией, с испугом смотрел ему вслед; он увидел, как над сверкающей в лучах утреннего солнца водной гладью простерлись две руки; между этими застывшими руками возникла черная точка — голова, а затем послышался отчаянный крик, и все исчезло, а море искрилось столь же безмятежно, как и прежде. Фрер в ужасе перевел взгляд на раненого Бейтса и, увидев между кромкой воды и брошенным на песке ножом какой-то предмет, понял причину этой внезапной вспышки ярости Граймса. У догоревшего костра валялся пустой бочонок, а рядом с ним — лоскут материи, которым Бейтс перевязывал голову. Очевидно, несчастный солдат, блуждая в беспамятстве, наткнулся на бочонок с ромом, выпил добрую часть его содержимого и обезумел от огненного напитка.

Фрер поспешил к Бейтсу и, приподняв его, попытался остановить кровь, хлынувшую из раны в груди. Очевидно, Бейтс лежал на левом боку, а Граймс, выхватив из его

правой руки пож, дважды поразил его в грудь справа. Бейтс был бледен и без сознания, и Фрер опасался, что рана окажется смертельной. Сорвав свой шейный платок, он тщился перевязать рану Бейтса, но полоска шелка была слишком узка. Шум разбудил миссис Викерс, и она, подавив ужас, поспешно оторвала широкий лоскут от своего платья и перевязала им рану. Фрер наклонил бочонок, надеясь извлечь оттуда хоть каплю рома, чтобы смочить губы умирающего, но бочонок был пуст. Граймс, напившись, опрокинул незакрытый бочонок, и ненасытный песок впитал в себя ром до последней капли. Сильвия принесла воду из родника, и миссис Викерс обмыла голову Бейтса, и это немного оживило его. Затем ей впервые в жизни пришлось подоить козу. Когда Бейтсу поднесли к губам кружку с молоком, он до дна осушил ее, но его тут же стошнило. Было ясно, что ранен он серьезно.

Завтракать никому не хотелось, но Фрер, человек менее чувствительный, чем женщины, все-таки съел свой кусок солонины с лепешкой. Не без чувства эгоистического удовлетворения он подумал о том, что после смерти Граймса порции еды увеличатся, а если за ним последует Бейтс, они увеличатся еще больше. Однако вслух свои мысли он не высказал и продолжал сидеть, держа на коленях голову раненого и отгоняя назойливых насекомых от его лица. И все же он надеялся, что лоцман не умрет, так как иначе вся забота о женщинах должна была пасть на него. Возможно, что такая же мысль волновала и миссис Викерс. Что касается Сильвии, то она не скрывала своей тревоги.

— Не умирайте, мистер Бейтс! О, пожалуйста, не умирайте! — умоляла она, стоя рядом с ним, однако не решаясь до него дотронуться. — Не оставляйте нас с мамой одних в этом ужасном месте!

Несчастный Бейтс, разумеется, ничего не ответил, но Фрер сильно нахмурился, а миссис Викерс с упреком сказала: «Сильвия!» — таким тоном, словно они все еще находились в их старом доме на далеком острове Сары.

В полдень Фрер пошел собрать хворост для костра, а когда вернулся, лоцман был уже при смерти. Миссис Викерс сказала Фреру, что Бейтс вот уже около часа лежит без движения и еле дышит. Жене майора приходилось видеть немало смертей, и она хорошо владела собой; но бедная маленькая Сильвия, сидя рядом с матерью, дрожала от страха. О насильственной смерти она имела лишь смутное представление. Когда опустилось солнце, Бейтс снова при-

шел в себя, но миссис Викерс и Фрер понимали, что это была лишь последняя вспышка догорающей свечи.

— Он умирает,— тихо проговорил Фрер, словно боясь разбудить угасающую душу Бейтса. Слезы беззвучно струились из глаз миссис Викерс, она приподняла голову честного лощмана и смочила его потрескавшиеся губы мокрым носовым платком. Судорога прошла по некогда сильному телу, и умирающий открыл глаза. Сначала он непонимающе смотрел на них, переводя взгляд то на Фрера, то на миссис Викерс, потом в глазах забрезжило сознание — он вспомнил все. Затем взгляд умирающего остановился на бледном личике испуганной Сильвии и вновь обратился к Фреру. Было ясно, о чем молил этот взгляд, и Фрер это понял.

— Да, я позабочусь о ней,— сказал Фрер. Бейтс улыбнулся и, увидев, что кровь из раны запачкала белую шаль миссис Викерс, с усилием отодвинулся. Негоже, если кровь простого человека, такого как он, запачкает шаль благородной дамы. Светская модница женским инстинктом сразу поняла его желание и осторожно прижала голову умирающего к своей груди. Перед лицом смерти эта женщина оставалась женщиной. На мгновение он затих; им показалось, что он скончался. Но вдруг Бейтс снова открыл глаза, и взгляд его устремился в сторону моря.

— Дайте мне еще раз посмотреть на него,— прошептал он и, когда они приподняли его голову, прислушался и сказал: — Слава богу, здесь оно тихое, но я слышу, как у рифа бушуют волны!

Голова его упала, и все было кончено.

Фрер принял мертвое тело из рук миссис Викерс, и Сильвия бросилась к матери.

— О, мама, мама,— вскричала она,— почему бог позволил ему умереть, когда нам он так нужен?

До наступления темноты Фрер перенес тело Бейтса в расщелину между скал и, накрыв лицо умершего курткой, сверху наложил камней. События развивались стремительно, и трудно было поверить, что со вчерашнего дня двое из пятерых людей, выброшенных в эту глушь, покинули их. И промелькнула мысль: кто следующий?

Миссис Викерс, усталая и измученная всеми переживаниями дня, рано ушла на покой. Сильвия, отказавшись разговаривать с Фрером, ушла вместе с матерью. Такое проявление необъяснимой неприязни со стороны девочки странным образом задевало Мориса. Он сердился на нее за то, что она не удостоивает его своим вниманием, и

вместе с тем никак не старался расположить ее к себе. С каким-то непонятным удовольствием он думал о том, что скоро ей придется смотреть на него как на своего единственного покровителя. Будь Сильвия немного постарше, молодой лейтенант вообразил бы, что он в нее влюблен.

Следующий день прошел уныло. Было жарко и душно, над горами повисла знойная дымка. Целое утро Фрер рыл могилу в песке для бедного Бейтса. Как человек практичный, думающий о своих нуждах, он снял с покойного ту одежду, которая могла пригодиться ему самому, и спрятал ее под камнем, не желая, чтобы миссис Викерс это увидела. К полудню могила была готова, он опустил в нее труп и обложил холмик камнями. Затем он отправился удить рыбу к выступу скалы, примеченному им накануне, но ничего не поймал. Проходя на обратном пути мимо могилы, он увидел, что миссис Викерс поставила в ее изголовье крест из двух связанных палочек.

После ужина, состоявшего, как обычно, из солонищы и пресной лепешки, Фрер зажег из экономии до половины набитую трубку и попытался заговорить с Сильвией.

— Почему вы не хотите дружить со мной, мисс? — спросил он.

— Потому что вы мне не нравитесь, — ответила Сильвия. — Я вас боюсь.

— Почему?

— Потому что вы — педобрый человек. Нет, я не говорю, что вы жестокий, но вы... О, так хочется, чтобы папа был здесь!

— Мало ли чего хочется, — сказал Фрер, аккуратно уминная указательным пальцем табак в трубке.

— Вот вам и доказательство! Разве это добрые слова? «Мало ли чего хочется!» Ах, если бы он был здесь!

— Это не со зла, — оправдывался Фрер. — Странная вы девочка.

— Бывает, что люди, — ответила Сильвия, — не чувствуют друг к другу симпатии. Я это вычитала из одной паниной книжки, вот и со мною так. Я не чувствую к вам симпатии. И тут ничего не поделаешь, правда?

— Чепуха это! — возразил Фрер. — Идите сюда, я расскажу вам сказку.

Миссис Викерс ушла к себе, и они остались вдвоем у костра, возле которого стоял котелок и лежала свежеевыпеченная лепешка. Поколебавшись, девочка подошла к нему, он поднял ее и посадил к себе на колени. Луна еще не взошла, и тени, отбрасываемые догорающим костром,

напоминали каких-то таинственных чудовищ. У Мориса Фрера появилось озорное желание напугать беззащитное создание.

— Однажды,— начал он,— в замке в дремучем лесу жил-был людоед с большими выпученными глазами.

— Вы глупый человек! — воскликнула Сильвия, пытаясь встать.— Опять вы хотите меня напугать!

— И этот людоед питался косточками маленьких девочек. Однажды маленькая девочка гуляла в лесу, и она услышала, как приближается людоед: топ! топ! топ!

— Мистер Фрер, пустите меня!

— Девочка страшно перепугалась и бросилась бежать. Она бежала, бежала, и вдруг она увидела...

Тут его собеседница пронзительно взвизгнула:

— А! А! Что это? — крикнула она, прижимаясь к своему учителю.

По другую сторону костра стоял человек. Он сделал нетвердый шаг вперед, упал на колени, протянув к ним руки и хрипло выговорил одно слово: «Еды!» Это был Руфус Доуз.

Звук человеческого голоса рассеял страх, охвативший девочку, и, когда отсвет костра упал на лохмотья желтой куртки, она сразу догадалась, кто это. Морис Фрер отнесся к пришельцу по-другому. Он увидел перед собой только новую опасность, еще один лишний рот, с которым придется делить скудные остатки пищи, и, схватив из костра горящую ветку, он сделал знак, чтобы каторжник не приближался. Руфус Доуз, озираясь по-волчьи, увидел возле котелка лепешку, и потянулся к ней, но Фрер ткнул его веткой в лицо.

— Назад! — крикнул он.— Лишней еды у нас нет!

С диким воплем, замахнувшись железной киркой, каторжник кинулся на врага, но девочка с быстротой молнии соскользнула с колен Фрера, схватила лепешку и сунула ее голодному в руки.

— Возьми, арестантик, поешь! — сказала она и, повернувшись к Фреру, метнула на него взгляд, исполненный такого удивления, негодования и гнева, что лейтенант покраснел и бросил горящую ветку.

Что касается Руфуса Доуса, то неожиданное видение золотоволосой девочки словно преобразило его. Выронив из рук лепешку, он провожал горящими глазами ее тоненькую фигурку, и когда она шагнула из светового круга в темноту, несчастный спрятал лицо в почерневших корявых ладонях и зарыдал.

«МИСТЕР» ДОУЗ

Резкий голос Мориса Фрера привел его в чувство.

— Что тебе надо? — спросил лейтенант.

Руфус Доуз поднял голову, посмотрел на стоящего перед ним человека и узнал его.

— Так это вы? — медленно проговорил он.

— А ты что, знаешь меня? — спросил Фрер, отступив на шаг. Каторжник не отвечал. Его минутное первое возбуждение улеглось, и муки голода возобновились: он жадно схватил лепешку и молча стал ее жевать.

— Эй ты, оглох, что ли? — снова окликнул его Фрер. — Кто ты такой?

— Я беглый каторжник. Утром вы можете сдать меня коменданту. Я держался сколько мог, но больше нет сил.

Его ответ поразил Фрера. Неужели этот человек не знал, что селение покинуто?

— Мне некому тебя сдать. Здесь нет никого, кроме меня и женщины с ребенком.

Руфус перестал жевать и уставился на него с изумлением.

— Да, всех каторжан отправили отсюда на бриге. Хочешь погулять на свободе — гуляй! Это твое дело. Я так же беспомощен, как и ты.

— А как вы-то здесь очутились?

Фрер рассмеялся горьким смехом. Давать объяснения каторжнику ему еще не приходилось! Какое унижение! Однако делать нечего.

— Арестанты устроили бунт и захватили бриг.

— Какой бриг?

— «Морской ястреб»!

Руфуса словно громом поразило: значит, он вновь потерял возможность спастись.

— Кто захватил бриг? — спросил он.

— Этот подлец и каналья Джон Рекс! — выкрикнул Фрер, вложив в эти слова всю свою ярость. — Чтоб этот проклятый бриг пошел ко дну или сгорел!

— Так бриг уже отошел?! — вскричал несчастный и схватился за голову в бессильном отчаянии.

— Да. Два дня назад. Мошенники оставили нас здесь умирать с голоду.

И тут Руфус Доуз расхохотался. Смех его был таким хриплым, что лейтенант содрогнулся.

— Мы будем умирать вместе, Морис Фрер,— сказал арестант.— И вам придется делить со мной вашу последнюю корку хлеба. И если я не вернусь домой, я, по крайней мере, смогу вам отомстить.

Зловещий вид голодного, одичавшего человека, который сидел у костра и, положив подбородок на колени, раскачивался из стороны в сторону, заставил Фрера испытать ощущение охотника, который вернулся к своему костру на стоянке и увидел там льва.

— Ты — падаль! — крикнул он, отшатнувшись.— Мстить мне — за что?

Друз повернулся к нему и хищно оскалился:

— Берегитесь! Дерзостей я не терплю! Падаль! Я не позволю унижать себя! А кто сделал меня падалью? Я родился свободным, свободным, как и вы. Почему меня загнали в одну клетку с дикими зверями и обрекли на вечную каторгу, которая хуже смерти? Отвечайте мне, Морис Фрер! Отвечайте!

— Не я издаю законы,— сказал Фрер,— почему ты меня обвиняешь?

— Потому что вы тот, кем я *был прежде*. Вы *свободны!* Вы можете делать все, что хотите: любить, работать, думать. Я же могу только *ненавидеть!* — И он умолк, словно потрясенный собственными словами, потом, тихо рассмеявшись, спросил: — Мистер Фрер, вам понравились признания арестанта? Однако теперь это не имеет значения. Теперь мы с вами равны, я не сдохну ни часом раньше вас, хотя вы и свободный человек!

Фреру показалось, что перед ним еще один безумец.

— Зачем умирать? Умереть всегда успеем,— сказал он, стараясь утихомирить своего собеседника.

— Вы рассуждаете как свободный человек. Но мы, каторжане, имеем одно преимущество перед вами, джентльменами. Вы боитесь смерти, а мы молим о ней. Смерть для нас — желанный исход! Сначала меня хотели повесить. Жалею, что раздумали. Боже мой, как я жалею об этом!

В его словах раскрылась такая бездна отчаяния, что Фрер был потрясен.

— Хорошо, пойді ляг, поспи,— сказал он.— Ты слишком взбудоражен, поговорим завтра утром.

— Эй, погодите! — резко окликнул его Руфус, и этот грубый окрик не вязался с горечью только что сказанных слов.— Кто здесь еще с вами?

— Жена и дочь коменданта.

— И никого больше?

— Никого.

— Несчастные! — воскликнул арестант. — Мне жаль их. — Затем, свернувшись, как пес перед огнем, он мгновенно заснул.

Морис Фрер глядел на тощую фигуру этого непрошеного гостя, растерянно соображая, что же делать дальше. С подобным характером тюремный опыт еще не сталкивал его, и он не знал, как поступить с этим отчаявшимся, озлобленным беглецом, который то угрожал ему, то плакал, а сейчас спал, подобно простому каторжнику, так что не верилось, что всего лишь минуту назад он взывал к небесам с такой красноречивой мольбой! Сначала Морис хотел броситься на спящего и связать его, но, внимательно оглядев его худое, но мускулистое тело, он отказался от этого опрометчивого, продиктованного страхом намерения. Тот же страх побудил его схватить складной нож, которым уже было совершено одно убийство. Запас провианта был скуден, а жизнь женщины и ребенка стоила, разумеется, дороже жизни безвестного бродяги. Но надо отдать должное Фреру — он тут же отбросил эту мысль.

«Подождем до утра, а там посмотрим, как он будет вести себя», — решил лейтенант. И, подойдя к зеленому ограждению, за которым, прижавшись друг к другу, притаились мать и дочь, он шепнул им, что будет всю ночь их охранять и что беглец крепко спит.

Когда наступило утро, он понял, что опасаться им нечего. Каторжник лежал в той же позе, и глаза его были закрыты. Его свирепая вспышка накануне ночью была, очевидно, вызвана сильным возбуждением от неожиданной встречи с людьми, а теперь он вряд ли был способен совершить какой-либо акт насилия. Фрер подошел к нему и потряс его за плечо.

— Прочь! Живым не дам! — крикнул несчастный, спросонья замахнувшись кулаком.

— Не бойся, — сказал Фрер, — никто тебя не тронет. Проснись!

Руфус Доуз осмотрелся бессмысленным взглядом, затем вспомнил все, что произошло, и с трудом встал на ноги.

— Мне показалось, будто меня зацапали, — сказал он. — Теперь вижу, что ошибся. Давайте завтракать, мистер Фрер. Я голоден.

— Придется подождать, — сказал Фрер, — кроме тебя, здесь есть еще люди.

Шатаясь от слабости, Руфус Доуз потер глаза рваным обшлагом.

— Люди или не люди, меня не касается. Я хочу есть. Фрер застыл на месте. Теперь или никогда! Надо сразу определить их будущие отношения. Еще ночью, держа нож под рукой, Фрер принял решение: каторжник будет получать с ними равную долю, и не больше. Если он это ему воспротивится, им придется помериться силами.

— Послушай, ты! — сказал он. — У нас самих пищи в обрез, не знаю, сможем ли мы продержаться до прихода помощи, если она вообще придет. Я отвечаю за эту женщину и ребенка. И ради них я требую справедливости. Мы разделим с тобой все — и последний кусок, и последнюю каплю, но, клянусь, больше других ты не получишь.

Затуманенным взором, точно пьяный, Доуз посмотрел на свои исхудалые руки.

— У меня нет сил, — проговорил он. — Вы можете делать со мной все, что хотите. — И в полном изнеможении он снова опустился на землю. — Пить, — жалобно простонал он, и рука его бессильно упала.

Фрер принес ему кружку воды. Руфус осушил ее до самого дна, улыбнулся и снова заснул. Миссис Викерс и Сильвия вышли из своего укрытия, и жена капитана сразу узнала пришельца.

— Это самый отчаянный из наших каторжников, — воскликнула она, вспомнив слова мужа. — Что же нам теперь делать?

— Он совершенно безопасен, — заметил лейтенант, не без любопытства поглядывая на отъявленного злодея. — Не сегодня-завтра он умрет.

Сильвия посмотрела на Фрера своим ясным детским взором.

— Дать ему умереть, — сказала она, — это все равно что убить его.

— Да, конечно, — поспешил согласиться Фрер. — Никто не желает ему смерти. Но как же нам быть? Он в таком состоянии...

— Я буду его выхаживать! — воскликнула она.

Впервые после бунта на корабле Фрер рассмеялся своим грубым смехом:

— Вы будете его выхаживать? Черт возьми, это неплохая шутка!

Слабая и впечатлительная девочка, почувствовав в его тоне насмешку, горько расплакалась.

— Вы злой человек! Зачем вы так говорите! Он болен, бедняжка... Он умрет... умрет, как мистер Бейтс! Мама, мама, уйдем отсюда!

Фрер крепко выругался и ушел. Он отправился в лесочек у скалы и сел на землю. Его одолевали странные, непонятные мысли, которые раньше не приходили ему в голову. Неприязнь девочки мучила его, и все же он испытывал удовольствие, дразня ее. Он понимал, что прошлой ночью вел себя недостойно, пытаясь испугать ее, и вполне заслужил ее упреки. Но если этот дикарь попытается оскорбить ее, он пожертвует жизнью для ее защиты. Его безотчетно злила эта ее жалость к непрошеному гостю. И разве справедливо было так истолковывать его слова? Он, конечно, напрасно позволил себе выругаться, а уходить от них так вызывающе было тем более ни к чему. Но сознание, что он поступил плохо, еще больше ожесточало Фрера. Его врожденное упрямство не позволяло признаться в своей неправоте даже самому себе. Он подошел к могиле Бейтса, на которой по-прежнему стоял крест. Вот еще одно свидетельство дурного отношения к нему, Фреру. «Она всегда предпочитала Бейтса. Теперь, после его смерти, она хочет перенести всю свою детскую привязанность на арестанта», — подумал Фрер. «Ну, что ж! — сказал он самому себе, с удовольствием вспоминая свои многочисленные победы в любовных делах. — Если бы ты, маленькая злючка, была женщиной, я бы тебя заставил полюбить меня!» И он рассмеялся над столь нелепой идеей. Он, кажется, становится мечтателем!

Когда он вернулся, Доуз лежал, растянувшись на груди веток, возле него сидела Сильвия.

— Ему лучше, — сказала миссис Викерс, не желая вспоминать об утренней сцене. — Садитесь, мистер Фрер, и поешьте.

— Тебе лучше? — отрывисто спросил Фрер больного.

К его удивлению, каторжник ответил очень вежливо:

— Вот соберусь с силами денька через два, сэр, и тогда смогу вам помочь.

— Помочь мне? В чем?

— Надо построить жилище для женщин. Тогда мы навеки останемся здесь и никогда не вернемся в бараки.

— Он немножко бредил сегодня, — пояснила миссис Викерс. — Бедняга, он, кажется, вполне приличный человек.

Арестант запел по-немецки какую-то песенку, отбивая такт рукой. Фрер посмотрел на него с любопытством.

— Хотел бы я знать, что за жизнь была у него. Бьюсь об заклад, что весьма необычная.

— Я спрошу у него, когда он поправится, — отвечала Сильвия, ласково улыбувшись Фреру. — И если вы будете вести себя хорошо, я вам расскажу.

Фрер принял это доказательство дружеского расположения.

— Иногда я бываю очень груб, правда? Не обращайтесь на это внимание, это просто привычка.

— Да, вы часто дерзите, — согласилась Сильвия — А сейчас давайте пожмем друг другу руки и будем дружить. Глупо ссориться, ведь нас всего четверо, верно?

Так Руфус Доуз был принят в их маленький круг.

Неделю спустя после той ночи, когда он увидел дым от костра, разведенного Фрером, арестант совсем окреп и стал незаменимым человеком. Недоверие, с каким его встретили, совершенно исчезло. Он уже не был отверженным, которого сторонились и в чьем присутствии перешептывались. Он перестал дерзить, угрожать и жаловаться на судьбу. И хотя порой им овладевали приступы глубокой меланхолии, характер у него был гораздо ровнее, чем у капризного, угрюмого и деспотичного Фрера. Руфус Доуз уже более не походил на того ожесточенного, измученного каторжника, который бросился в темные воды залива, чтобы избавиться от ненавистной жизни, который то проклинал отчаянно все на свете, то горько плакал в одиночестве среди лесных дебрей. Теперь он стал незаменимым членом маленького сообщества и к нему постепенно возвращались чувство независимости и уверенность. Перемена эта произошла благодаря Сильвии: оправившись от слабости, которая была следствием лишений, перенесенных им во время скитаний, Руфус Доуз впервые за шесть лет испытал на себе целительное действие человеческой доброты. Жизнь его обрела смысл, он стал кому-то нужен, и если бы он умер, нашлись бы те, кто горевал бы о нем. Нам трудно себе представить, как много это значило для него. К своему удивлению, он понял, что теперь его не презирали, а уважали: самый опыт каторжной жизни давал ему преимущество над остальными. Он был умудрен во всем, что касалось арестантского быта. Он знал, как поддерживать жизнь при самом скудном рационе пищи. Он умел валить деревья без помощи топора, печь хлеб без печки, строить надежное жилище без известки и кирпичей. Из опекаемого он превратился в советчика, а из советчика — в командира. В той полудикой жизни, какую вели эти четыре человека, его тюремные навыки оказались бесценными. Сила здесь была правом, а приоритет происхождения Мориса

Фрера уступил место приоритету опыта, которым обладал Руфус Доуз.

Время шло, псеякал скудный запас провианта, и влияние Доуза все возрастало. Если вставал вопрос о свойствах незнакомого растения, решающее слово было за Руфусом Доузом. Если надо было наловить рыбы, Руфус Доуз отправлялся на рыбную ловлю. Если миссис Викерс жаловалась на непрочность своего жилища, он сплетал из прутьев загородку, промазывал ее глиной, и получалась стена, противостоящая любым ветрам. Он делал чашки из сосновых наростов и миски из коры. Он работал больше всех. Ничто не останапливало и не обескураживало его. Когда миссис Викерс слегла от тревог и недоедания, Руфус Доуз набрал свежих листьев для ее ложа, подбодрил ее добрым словом и добровольно уступил ей половину своей порции мяса, чтобы она набралась сил. Миссис Викерс и Сильвия теперь величали его мистером Доузом.

Фрер наблюдал за всем этим с явным неудовольствием, дохотившим порой до ненависти. Однако он ничего не мог возразить, так как сам признавал, что в практических навыках он рядом с Доузом полное ничтожество. Он даже выполнял приказы этого беглого каторжника, так как было очевидно, что тот во многом разбирается лучше него. Сильвия стала относиться к Руфусу так же тепло, как она относилась к Бейтсу. Она обрела право на его дружбу, она выходила его, защитила. И если бы не она, Руфуса, может быть, не было бы в живых. Его привязанность к ней стала почти одержимостью. Девочка была его ангелом-хранителем, заступницей, его божеством. Она кормила его, когда он умирал от голода, она поверила в него, когда все другие смотрели на него с подозрением, и он готов был умереть за нее. И из-за любви к ней он ждал прихода корабля, который увез бы ее в царство свободы, а его — во мрак рабства.

Но шли дни за днями, а корабль все не появлялся. Каждый день они жадно вглядывались в морскую даль. Каждый день они надеялись, что вот-вот из-за утеса, закрывающего вид на бухту, покажется бушприт «Божьей коровки», спешащей им на помощь, — но, увы, напрасно! Состояние миссис Викерс все ухудшалось, а запас провианта таял. Руфус Доуз предложил Фреру уступить половину их рациона женщинам. Не оставалось сомнения в том, что если в ближайшие дни не подоспеет помощь, они умрут здесь от голода.

Фрер придумывал самые невероятные способы раздо-

быть пищу. Он предлагал переплыть устье, отправиться в заброшенное селение, поискать бочонки с сухарями, которые могли быть забыты в спешке. Он собирался расставить силки для чаек и голубей. Но все эти проекты оказывались неосуществимыми, и они с грустью следили за тем, как с каждым днем таяло содержимое заветного мешка с мукой. Тогда у них возникла мысль о возможности бегства. Что, если построить плот? Но как? Без гвоздей и веревок это невозможно! А что, если соорудить лодку? Нет, это еще сложнее. А если развести такой большой костер, чтобы его увидели с кораблей, как сигнал? Это, конечно, просто. Но нет никакой надежды на то, что какой-нибудь корабль зайдет в этот залив, надежно укрытый скалами. Значит, выход один — ждать, ждать тот корабль, который рано или поздно придет за ними, и они ждали, теряя силы день ото дня.

Как-то раз Сильвия, греясь на солнышке, читала свою любимую «Историю Англии», в испуге случайно захваченную ею в ночь мятежа на «Морском ястребе».

— Мистер Фрер,— вдруг спросила она,— что такое алхимик?

— Это человек, который делает золото,— рассеянно ответил Фрер.

— Вы знали хоть одного такого?

— Нет.

— А вы, мистер Доуз?

— Я знал человека, который считал себя алхимиком.

— Как? Человека, который делал золото?

— Да, можно так считать.

— А он вправду его делал? — настаивала Сильвия.

— Ну, не в буквальном смысле «делал». Но он так боготворил деньги, что был вроде алхимика.

— А что с ним случилось?

— Не знаю,— сказал Доуз, и голос его прозвучал так странно, что девочка перестала расспрашивать об этом.

— Значит, алхимия очень древнее искусство?

— Да, конечно.

— И древние бритты тоже его знали?

— Ну, эти-то еще не знали его...

Сильвия внезапно вскрикнула. Воспоминание о том вечере, когда она читала Бейтсу о древних бриттах, живо возникло перед ней, и хотя она много раз перечитывала место, привлекавшее тогда ее внимание, она до сих пор не понимала его значения. Быстро перелистав потрепанные страницы, она прочла вслух эти строки:

— «Древние бритты мало чем отличались от варваров. Они раскрашивали свои тела вайдой, и когда они двигались в своих легких кораклах, сделанных из шкур, натянутых на тонкий деревянный каркас, они, вероятно, были похожи на дикарей». Коракл! Так ведь это же челн! Мистер Доуз, разве мы не сможем сделать челн?

Глава 25

ЧТО ПОДСКАЗАЛИ ВОДОРΟΣЛИ

Вопрос Сильвии пробудил в сердцах изгнанников надежду. И Морис Фрер, как всегда со свойственной ему запальчивостью, заявил, что построить челн — плевое дело, удивительно, что эта мысль не пришла ему в голову раньше.

— Это так же просто, как дважды два — четыре! — воскликнул он. — Сильвия, вы нас спасли!

Но, рассмотрев этот план посерьезней, они поняли, что осуществить его не так уж просто. Смастерить челн из шкур — дело несложное. Но где взять шкуры? Шкура одной несчастной козы никак не могла послужить выполнению этой цели.

Сильвия, загоровшись надеждой, гордая, что это она подсказала путь к их спасению, не отрывала глаз от Руфуса Доуза, но в его опущенном взоре она не увидела ответного проблеска радости.

— Мистер Доуз, ведь мы сделаем челн, правда? — спросила она дрожащим голосом, боясь услышать его ответ.

Арестант только угрюмо сдвинул брови.

— Ну как, Доуз, неужели ты не можешь что-нибудь придумать? — обратился к нему Фрер, на секунду забыв о своей неприязни.

Подобное обращение очень польстило Руфусу Доузу. Надо было принять важное решение; и в эту минуту Фрер явно признал его превосходство в их маленьком сообществе.

— Не знаю, — ответил он. — Надо подумать, на первый взгляд кажется, что просто, однако...

Тут он умолк: что-то плывущее по воде привлекло его внимание. Это был клубок пузырчатых водорослей — прилив медленно гнал его к берегу. В другое время никто не обратил бы на это внимания, но сейчас плавающие водоросли подсказали Руфусу Доузу новую мысль.

— Надо попытаться, попробовать,— медленно проговорил он, голос его теперь звучал по-иному.— Мне кажется, что я уже знаю, с чего начать.

Остальные хранили почтительное молчание, ожидая продолжения.

— Каково примерно расстояние до того берега? — спросил он Фрера.

— До острова Сары?

— Нет, до Лоцманской стоянки.

— Около четырех миль.

Каторжник вздохнул.

— Теперь для меня это далеко, хотя раньше я бы доплыл. От такой жизни, как у нас, человек слабеет. Но ничего не поделаешь, придется...

— Что придется? — спросил Фрер.

— Зарезать козу.

Сильвия вскрикнула: она так полюбила свою бессловесную подружку.

— Зарезать Нэнни! О, мистер Доуз! Зачем?!

— Чтобы сделать для вас лодку,— сказал он.— Мне нужны шкуры, жилы и сало.

Несколько недель назад Морис Фрер лишь посмеялся бы над таким заявлением, но теперь он уже стал понимать, что этот беглый каторжник — не тот человек, над которым можно смеяться, и хотя он ненавидел Руфуса за превосходство над собой, но вынужден был с ним считаться.

— Однако с одной козы больше одной шкуры не спишь, правда? — как-то неуверенно спросил Фрер, словно он ожидал от Доуза иного ответа, как от волшебника, который мог сотворить чудо.

— А я собираюсь еще наловить коз.

— Где же это?

— На Лоцманской стоянке.

— А как ты туда попадешь?

— Переплыву на плоту. Ладно, сейчас не время задавать вопросы! Идите нарубите молодых деревьев и приступим к работе!

Лейтенант Фрер посмотрел на своего бывшего каторжника с изумлением, но, подчиняясь его практической сметке, он выполнил приказ. Еще до заката солнца тушка бедной Нэнни, кос-как разрезанная на куски, висела на ближайшем дереве; когда Фрер вернулся со связкой, он застал Руфуса Доуза за странным занятием: убив козу, он отрезал ей голову прямо под челюстями, а ноги в ко-

ленных суставах и вытащил внутренности через разрез, сделанный в нижней части живота; теперь он зашивал этот разрез. В результате получился пустой мешок, который он набил самой жесткой травой. Фрер также заметил, что сало животного было тщательно отделено, а внутренности положены в воду. Однако о дальнейших своих намерениях каторжник сообщить отказался.

— Это уж мое дело,— сказал он.— Оставьте меня в покое. Быть может, еще ничего и не выйдет.

Когда Сильвия стала теребить Фрера, приставая с расспросами, он сделал вид, что пока не хочет раскрывать их общие планы. Мысль о том, что каторжник от него что-то скрывает, была Фреру весьма неприятна.

На следующий день по указанию Руфуса Доуза Фрер парезал камыша, росшего в миле от их стоянки, и притащил его на спине. На это у него ушла добрая половина дня. Скучный рацион начал сказываться на его физическом состоянии, между тем как каторжник, закаленный тяжелой работой и привыкший к лишениям, теперь постепенно восстанавливал свои прежние силы.

— Для чего тебе камыш? — спросил Фрер, сбросив охапку наземь.

Командующий снисходительно ответил:

— Чтобы сделать плот.

— Из камыша?

Руфус повел широкими плечами.

— Однако, мистер Фрер, вы не очень-то догадливы. Я хочу добраться до Лоцманской стоянки и половить там коз. Сам я могу доплыть и на шкуре, но для коз понадобится тростниковый плот.

— Вот черт! А как же ты собираешься их ловить? — спросил Фрер, отирая пот со лба.

Каторжник сделал ему знак приблизиться. Подойдя, Фрер увидел, что Доуз очищает внутренности козы; затем он стал выворачивать кишки наизнанку. Он выворачивал их постепенно, точно мажкету, опуская отвернутую часть в воду. Под давлением воды выворачивался сам собой следующий кусочек; и так, окуная кишки в воду, он постепенно вывернул все. Потом он отскреб внутреннюю оболочку, так что осталась тонкая прозрачная трубочка, которую он туго скрутил и положил сушиться на солнце.

— Вот вам и петля для аркана,— сказал Доуз.— Я этому фокусу научился в колонии. Ну, а теперь подойдите сюда.

Следуя за ним, Фрер увидел разложенный между дву-

мя камнями костер, а рядом наполовину зарытый в землю котелок, полный гладкой гальки.

— Высыпьте гальку,— сказал Доуз.

Фрер повиновался: на дне котелка он увидел блестящий белый порошок, облепивший также и стенки.

— Что это? — спросил он.

— Соль.

— Как ты ее получил?

— Наполнил котелок морской водой, накалил на костре гальку и бросил в котелок. При желании можно было бы собрать пар в кусок материи и отжать пресную воду. Но у нас ее, слава богу, и так хватает.

— Ты и этому научился в колонии? — спросил изумленный Фрер.

Руфус Доуз горько рассмеялся.

— Вы думаете, я всю жизнь был в колонии? А дело здесь очень простое — обычное выпаривание.

Чувство восхищения, смешанное с досадой, охватило лейтенанта.

— Ну и парень же ты, Доуз! Кто ты такой, то есть кем же ты был раньше?

Лицо каторжника озарилось торжеством. Казалось, что какое-то ошеломляющее признание вот-вот сорвется с его уст. Но свет в его глазах мгновенно померк, и он оборвал себя, безнадежно махнув рукой:

— Я — каторжник. Неважно, кем я был. Матросом, кораблестроителем, мотом, бродягой — какая разница? Это все равно не изменит мою судьбу, верно?

— Ну, если мы благополучно выберемся отсюда,— сказал Фрер,— я буду просить о твоём помиловании.

— А, пустое! — ответил Доуз, хрипло рассмеявшись.— Сперва надо вернуться.

— Ты мне не веришь?

— Я не хочу принимать от вас никаких милостей,— сказал каторжник. И в тоне его прозвучала прежняя свирепость.— Давайте работать. Тащите ваш камыш и связывайте его леской.

Тут к ним подошла Сильвия.

— Добрый день, мистер Доуз! Все трудитесь? О, что это у вас в котелке?

Голос девочки оказывал на Руфуса Доуза магическое воздействие. Он весело улыбнулся.

— Это соль, мисс. Она поможет мне ловить коз.

— Ловить коз? Как так? Вы насыплете соли им на хвосты?

— Нет, зачем? Козы охотно лижут соль. Там, на Лоцманской стоянке, я поставлю для них ловушки, и соль будет служить приманкой. Когда они подойдут и начнут ею лакомиться, я постараюсь поймать их вот этим арканом. Теперь вы поняли?

— А как же вы туда доберетесь?

— Это вы увидите завтра.

Глава 26

ЧУДЕСНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ РАБОЧЕГО ДНЯ

На следующее утро Руфус Доуз поднялся с рассветом. Сперва он намотал кетгут на палку, а потом, подведя хрупкие плотники к небольшой скале, служившей ему причалом, взял рыболовную леску и длинную палку и начал что-то вычерчивать на песке. Это были контуры плоскодонной лодки в восемь футов длиной и три шириной. На небольшом расстоянии от корпуса он наметил восемь точек — по четыре с каждой стороны — и воткнул туда прутья лозняка. Затем он разбудил Фрера и показал ему свой чертеж.

— Срубите восемь сосновых кольев, — сказал он. — Если не сможете их срубить, то отожгите их, и в каждую из точек воткните такой кол рядом с прутьями. Затем соберите побольше ивовых прутьев. Раньше почи я не вернусь. А сейчас помогите мне с плотами.

Подойдя к пристани, Фрер наблюдал за тем, как Доуз, сняв с себя одежду, бросил ее на шкуру козы, набитую сухой травой, а сам растянулся на связках камыша и, работая руками, оттолкнулся от берега. Одежда осталась сухой, но камыши, придавленные тяжестью тела, погрузились в воду так, что на поверхности виднелась только его голова. В таком положении он добрался до середины потока, и отлив подхватил его и понес к выходу из бухты.

Фрер хмуро глядел ему вслед, но все же не мог подавить в себе чувство восхищения арестантом. Затем он отправился готовить завтрак. Теперь они получали только половинные порции — убитую козу Доуз запретил съедать, так как его экспедиция могла оказаться неудачной, и Фреру оставалось лишь размышлять о том, какое же все-таки счастье, что случай свел их с этим арестантом.

«Священники назвали бы это волей providения, — говорил он самому себе. — Не будь его, нам бы никогда до этого не додуматься! Если же ему удастся построить лод-

ку, то мы будем спасены. Ну и умен он, собака! Все-таки кто же он такой?»

Его опыт начальника подсказывал ему, насколько опасным может оказаться такой человек в колонии и как трудно будет ему обуздать этого умного парня. «Да, с ним надо держать ухо востро. Уж я порасскажу начальству о его сообразительности».

Тут он вспомнил вчерашний разговор.

«Я обещал похлопотать о его помиловании. Черта с два он его получит! Ишь какой гордый, не желает получать его из моих рук! Какими наглыми делает этих мошенников даже самое короткое пребывание на свободе! Подожди, вот вернешься в колонию, я тебе покажу твое место. Ведь стараешься ты ради себя, ради своего спасения, ну и моего, то есть нашего заодно». Тут ему в голову пришла еще одна во всех отношениях достойная его мысль: «А что, если забрать у него лодку, а его самого оставить на берегу?» Эта мысль показалась ему дьявольски остроумной, и он невольно расхохотался.

— Мистер Фрер, что с вами?

— Ах, это вы, Сильвия? Ха-ха-ха! Да так, я просто вспомнил кое-что забавное.

— Ну и хорошо, что вам весело. А где мистер Доуз? Ее вопрос раздосадовал Фрера.

— И вечно вы думаете об этом человеке. Только и слышно — Доуз, Доуз, Доуз... Он уехал.

— Как! — воскликнула она огорченно. — А мама хочет его видеть.

— Зачем? — резко спросил Фрер.

— Она больна.

— Но ведь Доуз не врач. Что с ней такое?

— Ей стало хуже со вчерашнего дня. Не знаю, что с ней.

Несколько встревоженный, Фрер направился к пещерке. Супруга коменданта пребывала в каком-то странном состоянии. Пещерка была достаточно высокой, но узенькой. Формой своей она напоминала треугольник, и две ее стороны были открыты ветрам, но изобретательный Руфус Доуз закрыл обе эти стороны плетенками из хвороста, промазал их глиной и на одной из них подвесил что-то вроде двери, сделанной из веток. Фрер толкнул эту дверь и вошел. Бедная женщина лежала на тростниковой подстилке, брошенной поверх веток, и слабо стонала. Все это время она тяжело переносила испытания, выпавшие на их долю, и ее болезненное состояние еще больше усугубилось

душевной тревогой. Вначале она еще как-то старалась бороться со своими недугами, но теперь они окончательно овладели ею, и она слегла.

— Подбодритесь, сударыня,— сказал Морис Фрер, пытаясь всем своим видом изобразить сочувствие.— Через денечек-другой все образуется.

— Ах, это вы? А я ведь посылала за мистером Доузом.

— Его здесь нет сейчас. А я строю лодку. Разве Сильвия вам не сказала об этом?

— Сказала, что лодку строит Доуз.

— Хм... Ну, если хотите, мы строим ее вместе. А вернется он только к ночи. Чем я могу вам помочь?

— Спасибо, ничем. Хотелось узнать, как продвигается работа. Если уж мне суждено ехать, то надо ехать как можно скорее. Спасибо, мистер Фрер, я вам очень признательна. Не очень подходящее место для приема гостей, не правда ли?

— Не волнуйтесь,— утешал ее Фрер,— через несколько дней вы будете в Хобарт-Тауне. Нас непременно подберет какой-нибудь корабль. Вам надо взбодриться. Выпейте чаю или съешьте что-нибудь.

— Благодарю вас. Мне так скверно, что я не могу ни есть, ни пить. Нет никаких сил...

Девочка расплакалась.

— Не плачь, дорогая. Еще немного, и я поправлюсь. О, скорее бы мистер Доуз вернулся!

Морис Фрер в негодовании покинул пещеру. Этот «мистер» Доуз, кажется, стал для них всем, а он, Фрер, и гроша ломаного не стоит! Ничего, дайте только время — увидите! Весь день он провел в тяжелой работе, выполняя распоряжения каторжника и измышляя тысячи планов мести ему. Он обвинит Доуза в насилии. Потребует, чтобы его, как беглого каторжника, снова упрятали в колонию. Он будет настаивать, чтобы с ним поступили согласно закону, и поскольку бегство с каторги карается смертной казнью, то он ее получит. Но все же, если им удастся благополучно вернуться домой, то исключительное мужество осужденного и все его подвиги могут склонить весы правосудия в его пользу. Мать с дочерью, конечно, выступят свидетельницами благородных поступков своего спасителя и будут умолять о его прощении. Да ведь и сам он знает, что каторжник полностью заслужил это прощение.

Подлый, низкий человек, сжигаемый ненавистью, вызванкой увязленным тщеславием и уколами непонятной

ревности, только и ждал случая, чтобы приписать себе все заслуги и честь их спасения и вырвать тем самым у осужденного, посмеявшего с ним соперничать, последнюю надежду на свободу.

Плывя по течению, Руффус Доуз двигался вдоль восточного побережья бухты до тех пор, пока не увидел на противоположном берегу Лощманскую стоянку. Было уже около семи. Он пристал к небольшой песчаной бухте, вытащил свой плот вместе с камышовыми связками и, развернув одежду, вынул лепешку. Немного поев и обсушившись на солнце, он завернул остатки завтрака и снова спустил плоты на воду. Лощманская стоянка все еще была на порядочном расстоянии от него, но он умышленно решил вторично пуститься в путь именно отсюда, так как место это было удобное. Попытайся он добраться кратчайшим путем — и течение вынесло бы его в море. А он был еще очень слаб и несколько раз чуть не упустил из рук свой камыш. Неуклюжая связка все время крутилась, как колесо, и раза два чуть совсем не ушла под воду. Наконец, запыхавшийся и измученный, он добрался до противоположного берега, полумилей ниже намеченного места причала, выволок на песок плоты, чтобы их не унес прилив, и отправился через гору к Лощманской стоянке.

Придя туда около полудня, он начал расставлять свои ловушки. Козы, шкурами которых он надеялся обтянуть челн, водились здесь в изобилии и даже не очень дичились — это обстоятельство сильно подбодрило его. Он тщательно исследовал следы животных и заметил, что все они сходятся на пути к водопою. С большим трудом он нарезал ветви кустарника, чтобы заградить подход к водопою, оставив незагражденным то место, где следы соединялись. Поближе к воде, меж следами, он разбросал соль, полученную им из морской воды простым выпариванием. Сюда должны были прийти козы, и здесь он стал расставлять свои западни. А сделал их он вот как: сначала взял несколько гибких стволов молодых деревьев, очистил их от листьев и сучков, затем вырыл в земле ряд ямок в фут глубиной. Он работал не только ножом, но и самодельным веслом, взятым для переправы через залив. К толстым концам стволов он леской прикрепил брусочек, который свободно болтался наподобие палочки, которую привязывает школьник к своему волчку. Воткнув концы прутьев в ямки, он тщательно засыпал их землей и плотно утоптал ее. Закрепленные этими «якорями» прутья так крепко сидели

в земле, что даже он сам не смог их выдернуть. На тонких концах их он сделал зарубки и прикрутил к ним привезенные с собой петли из кетгута. Затем он согнул прутья и тонкие концы с петлями закопал в землю, так же как и толстые. Это была самая трудная часть работы, так как надо было точно установить, какой напор могут выдержать упругие прутья, чтобы сразу не выскочить, и в то же время они должны были тут же поддаться, если слегка потянуть за петлю. После многих усилий и неудач был наконец найден нужный баланс, и Руфус Доуз, прикрыв ловушки ветвями и разровняв песок, отошел, чтобы издали наблюдать за результатами своих трудов.

Два часа спустя козы пришли на водопой. Их было пять и с ними два козленка; они спокойно бежали по тропинке к воде. Вскоре охотник увидел, что все его предосторожности оказались, можно сказать, излишними. Козел-вожак тут же попал в ловушку: петля обвила его шею, прут распрямился, и он повис в воздухе, брыкаясь и издавая смешное блеяние. Несмотря на то что выработанный им план являлся для них жизненно важным — Руфус Доуз не мог удержаться от смеха при виде пляшущего в воздухе козла. Остальные козы, испугавшись странного поведения вожака, опрометью кинулись прочь, и трое из них попались в ловушки. Решив закрепить свою победу, хотя три других ловушки еще пустовали, Доуз с ножом в руке бросился к старому козлу, но добежать не успел: едва петля из плохо просохшего кетгута распустилась, животное мгновенно обратилось в бегство, отчаянно мотая головой. Он погнался за другими козами, и ему удалось их поймать. Потеря одной петли ловушки мало что значила — оставалось еще три ловушки, и до заката солнца Руфус Доуз поймал еще четырех коз. Отвязав и тщательно по свернув кетгут, оказавший ему такую услугу, он подтащил коз к берегу и начал укладывать их на плоты. Тут он обнаружил, однако, что их вес был слишком велик, и вода, проникшая сквозь отверстия между стежками на шкуре, так намочила камыш, что плоты утратили плавучесть. Поэтому он был вынужден потратить два часа на перенабивку шкуры. Он набивал ее всем, что попадалось под руку. Это были валявшиеся на берегу легкие, похожие на хлопья или клочья сена водоросли, и они отлично заменили траву. Связав свои тростниковые плотики так, чтобы козья шкура оказалась посередине, он ухитрился смастерить что-то вроде примитивного каноэ, на котором тушки хорошо держались.

С самого утра он ничего не ел, и тяжелая работа вымотала все его силы. И все же, одержимый стремлением выполнить свою задачу, он отгонял от себя всякую мысль об отдыхе. Он упрямо волочил по песку натруженные ноги, надеясь непрерывным движением подавить усталость. Начался прилив, надо было скорее, с попутным течением, добраться до дальнего берега. Плыть от Лоцманской стоянки в мелководье было невозможно. Если бы он стал дожидаться отлива, ему пришлось бы провести на этом берегу еще один день, поэтому он не мог терять ни часа. Срезав длинный ствол молодого деревца, он прикрепил к одному его концу свой плавучий груз и таким способом подтащил его к месту, где берег резко обрывался над глубокой водой. Стояла ясная ночь, и взошедшая луна, огромная и низкая, бросала на воду дрожащую полосу серебра. На той стороне бухты все было затянуто дымкой, скрывавшей заливчик, из которого он отправился в путь утром. От костра изгнанников, спрятанного за скалой, в воздухе реял только красноватый отсвет. За рифом гремел океанский прибой, биясь о скалы с хриплым и угрожающим рокотом. Усиливающийся прилив покрывал воду рябью и плескался о песчаный берег с монотонной и предательской мелодичностью.

Руфус дотронулся до ледяной воды и отдернул руку. Была минута, когда он решил дожидаться утренних лучей, которые осветят это красивое, но изменчивое море, однако тут же мысль о беспомощной девочке, которая ждет и высматривает его на берегу, придала ему новые силы, и, устремив глаза на красный отсвет над темной грядой деревьев, показывавший, где находились люди, он толкнул плот перед собой в море.

Камыши хорошо держали груз, но сила течения засасывала его под воду, и поначалу он опасался, что вынужден будет лишиться своей поклажи. Однако его мускулы, закалившиеся, как сталь, в горниле каторжной работы, вынесли это страшное напряжение; задышавшись, с разрывающейся грудью и одеревеневшими пальцами, он все же не сдавался, пока плот, выбравшись из прибрежных волн, не поплыл спокойно по серебряной дорожке, ведущей к их стоянке. Передохнув несколько минут, он напряг все мускулы и повел свое необычное каноэ к берегу, толкая его и подгребая веслом в направлении невидимого костра. И наконец, когда онемевшие члены уже отказывались подчиняться его воле и плот поплыл по течению, он вдруг почувствовал под ногами дно. Открыв глаза, зажму-

ренные в последнем усилии, он увидел себя в безопасности под щербатым утесом, заслонявшим костер. Казалось, что волны, которым надоело преследовать пловца, с презрением и досадой выбросили его на побережье у пристани его надежд. Оглянувшись назад, он только сейчас понял, какой страшной опасности избежал, и содрогнулся. Но тут же его охватил восторг торжества.

И зачем ему было так долго ждать, если бегство столь доступно?

Вытащив коз за самую высокую линию прилива, он обошел утес и направился к костру. Воспоминание о той ночи, когда он впервые приблизился к нему, всплыло перед его глазами и взволновало его. Да, сейчас он был уже другим человеком, не похожим на прежнего! Пробираясь по песку, он увидел колья, белеющие при свете месяца. Да, пришлось начальнику попотеть, выполняя приказ каторжника. Ведь только он один знает, как спастись. Он, Руфус Доуз, забитый, униженный каторжник, один может вернуть эти три человеческие существа в мир цивилизации. Если он откажется им помочь, они навсегда останутся в этой тюрьме, где он сам так долго страдал. А сейчас все изменилось — он стал их тюремщиком и господином.

И прежде, чем одинокий хранитель огня услышал его шаги, он уже стоял у костра, молча протягивая руки к языкам пламени. Он чувствовал то же, что чувствовал бы на его месте Фрер — презрение к человеку, оставшемуся вне опасности.

Фрер вздрогнул, увидев его.

— Это ты? Ну как, удалось? — воскликнул он.

Руфус Доуз кивнул.

— Неужели ты отловил коз?

— Там у скалы лежат четыре козы. К завтраку будет мясо.

На звук его голоса девочка прибежала из хижины.

— О, мистер Доуз! Вот радость! А мы с мамой уже начали беспокоиться!

Доуз схватил ее на руки и, весело рассмеявшись, поднял высоко над головой.

— Скажите, Сильвия, — спросил он, держа ее на вытянутых руках, с которых капала вода, — что вы для меня сделаете, если я привезу вас с мамой домой?

— Дадим вам полное прощение, и папа сделает вас своим слугой, — ответила Сильвия.

Фрер расхохотался, а Доуз, чувствуя комок в горле, опустил девочку на землю и отошел.

Да, это было все, на что он мог надеяться. Вся его находчивость, все его мужество, пренебрежение опасностями, которым он подвергал себя ради них, будут вознаграждены лишьнисходительным покровительством такого великого человека, каким являлся мистер Викерс. Его сердце, разрывающееся от любви и самоотречения, преисполненное светлых надежд на будущее, получит на все свои раны только этот благословенный елей. Он совершил подвиг доблести и отваги, и в награду за это люди, которых он спас, сделают его своим слугой. Чего же еще может ждать каторжник?

Сильвия, почувствовав, какую глубокую рану она нанесла ему своими необдуманными словами, подбежала к нему.

— Мистер Доуз, помните, что я всегда буду любить вас.

Но каторжник, уже очнувшись после минутного восторга, отстранил ее от себя и тут же устало и безжизненно растянулся под сенью скалы.

Глава 27

ЧЕЛН

Утром Руфус Доуз встал раньше других и принялся за работу, ни словом не обмолвившись о вчерашней сцене. Он уже освеживал одну из коз и стал показывать Фреру, как разделать вторую.

— Начинайте рубить от огузка до холки и затем от грудки до колен,— говорил он.— Мне нужно, чтобы шкуры по мере возможности были квадратными.

Они работали не покладая рук и до завтрака уже успели снять шкуры со всех четырех коз, вынуть внутренности, промыть их и приготовить кишки к растяжке. Поджарив на костре часть мяса, они устроили маленькое пиршество. Поскольку миссис Викерс чувствовала себя по-прежнему плохо, Доуз навестил ее. С Сильвией был восстановлен мир, и он вышел из хижины, держа девочку за руку. Фрер рубил мясо длинными полосками для вяленья на солнце; увидев их, он обозлился. Их дружба разжигала его дикую зависть и ревность. Однако он ничем не выказал недовольства своему врагу, так как тот пока являлся единственным хранителем секрета сооружения спасительной лодки. Но уже к полудню Фрер узнал этот секрет, оказавшийся весьма простым.

Доуз выбрал две самые стройные и суживающиеся сверху сосенки, из тех, что накануне срезал Фрер, и туго связал их комлями кнаружи. Получилась как бы соединенная внакрой балка длиной в двенадцать футов. Отступя на два фута с каждого конца, он стал делать надрезы и загигать концы вверх, затем он укрепил их в этом положении ремнями из сырых шкур. В результате у него получился остов лодки, у которой нос, киль и корма были сделаны из цельного куска дерева. Поставив свое сооружение между двумя кольями, он взял еще четыре шеста и, сделав на них зарубки, привязал их крест-накрест к килю. Они образовали кницы. Затем он взял еще четыре молодых деревца, тоже согнул их на концах и положил в днище лодки. Два как поперечные перекладины и два как планширы. Места пересечений он крепко связал ремнями и леской. Когда сооружение было закончено, он вынул колья-стойки, и перед ними на земле лежал остов лодки длиной в восемь футов и шириною в три.

Фрер, чьи руки были в мозолях и ссадинах, хотел было устроить себе небольшой отдых, но Доуз не желал даже слышать об этом, хотя устал не меньше его.

— Надо закончить работу, иначе высохнут шкуры.

— Я больше не могу,— мрачно заявил Фрер.— Еле держусь на ногах. Это у тебя, видно, железные мускулы, а у меня таких нет.

— Потому что меня заставляли работать, когда я валялся с ног. Удивительно, как плетка поднимает дух человека. Хочешь, чтобы не было больно? Работай! Так нам всегда говорили.

— А что еще делать?

— Обтягивать лодку. Растопить сало и сшить эти шкуры. По две. Понятно? Затем каждую пару пришить друг к другу шейками. Кетгута у нас много, вон там.

— Не кричи на меня, я тебе не собака! — внезапно вскинулся Фрер.— Повежливее, слышишь?

Но Руфус уже занялся пригонкой и обтесыванием молодых сосенок и ничего не ответил. Возможно, он считал ниже своего достоинства возражать уставшему лейтенанту.

Примерно за час до заката шкуры были готовы, и Руфус Доуз, успевший за это время оплести прутьями ребра каркаса, натянул на них шкуры мехом внутрь. По краям этого покрытия на равном расстоянии друг от друга он прорезал отверстия, пропустив через них ремни из скрученной кожи, затем все это притянул к верхнему настилу лодки. Остался еще один, завершающий штрих. Зачерп-

нув котелком растопленный жир, он тщательно промазал им все швы на сшитых шкурах. Лодка, перевернутая кверху дном, напоминала не то гигантскую скорлупу грецкого ореха, покрытую рыжей вонючей шкурой, не то скальп с головы какого-то великана.

— Все! — торжествующе воскликнул Руфус Доуз. — Теперь двенадцать часов на солнце, чтобы шкуры подсогли и натянулись, и наш челн поплывет, как утка!

Весь следующий день ушел на мелкие приготовления. Они уложили вяленое козье мясо в лодку так, чтобы оно занимало как можно меньше места, наполнили водой бочонок из-под рома; из внутренностей животных сделали бурдюки. Наполнив их водой, Руфус Доуз заткнул горлышки деревянной затычкой, туго перекрутил их и завязал. Сняв с деревьев кору так, что куски сохраняли цилиндрическую форму, он сшил сбоку каждый цилиндр, приделал к нему донышко из той же коры и законопатил швы камедью и сосновой смолой. Получилось четыре вполне сносных ведра. Оставалась еще одна козья шкура, из нее решили сделать парус.

— Течение здесь очень сильное, — сказал Доуз, — а на таких веслах далеко не уйдешь. Но если подует бриз — мы спасены.

Поставить мачту на таком хрупком, похожем на корзину суденышке было невозможно. Но и здесь выход был найден. От носа до кормы протянули два шеста и закрепили их, между ними поставили мачту, туго привязав ее сыromятными ремнями, закрепив ее также леской, протянутой от носа к корме. Днище лодки было выложено корой и получилось весьма прочным. К вечеру четвертого дня все приготовления были закончены, и было решено наутро пуститься в путь.

— Мы пойдем вдоль берега до Рифа, — сказал Руфус Доуз, — а там подождем спада прилива. Больше пока ничего сделать нельзя.

Сильвия, сидевшая на камне поодаль от мужчин, позвала их. Свежее мясо восстановило ее силы, и вместе с надеждой на спасение к ней вернулась ее детская шаловливость. Маленькая проказница нацепила себе на голову венок из водорослей и, взяв в руку длинную, украшенную пучком листьев ветку, изображавшую скипетр, преобразилась в героиню какой-то своей книжки.

— Я королева острова, — весело сказала она, — а вы мои верные подданные. Скажите, сэр Эгламур, готов ли корабль?

— Да, ваше величество,— ответил несчастный Доуз.

— Тогда мы его осмотрим. Ну, ведите меня туда! Мне неудобно просить вас, как Пятницу, падать передо мной ниц. А вы, мистер Фрер, вы не играете?

— Конечно, играю! — ответил Фрер, не в силах устоять перед очаровательной сердитой гримаской, сопровождавшейся этими словами.— А что я должен делать?

— Вы должны идти с другой стороны и держаться очень почтительно. Ну, это же игра,— добавила она, видя, что задевает самолюбие Фрера.— Так вот, королева направляется к берегу в сопровождении своих нимф! Не смейтесь, мистер Фрер. Конечно, вы на нимфу совсем не похожи, но тут уж ничего не поделаешь!

Подобным смешным манером они прошествовали по песку к морю.

— Так вот он, челн! — воскликнула королева, в изумлении забыв о своем королевском достоинстве.— Мистер Доуз, вы настоящий волшебник!

Руфус грустно усмехнулся.

— Это все очень просто,— сказал он.

— По-твоему, просто?! — воскликнул Фрер, подавленный общей радости и потому утративший частицу своей угрюмости.— Нет, с этим я не согласен. Да это же настоящее кораблестроение, да еще какое! Без дураков. Такой тяжелый труд.

— Да,— подтвердила Сильвия,— тяжелый труд доброго мистера Доуза! — И чертя королевским скипетром на песке буквы и слова, она запела сочиненную ей песенку:

Добрый мистер Доуз!
Добрый мистер Доуз!
Мы признать готовы —
Это все построил
Добрый мистер Доуз!

Морис не смог удержаться от насмешки и пропел:

Марджери Доу устроилась в доме —
Кровать продала и спит на соломе!

— Нет, это совсем не то! Я хочу, чтобы был добрый мистер Доуз! — упрямо повторяла Сильвия.— Для меня он добрый мистер Доуз! Ведь это же так? А у вас дурной характер, сэр. Я больше с вами не играю!

И с этими словами она зашагала прочь по песчаному берегу.

— Зачем вы обижаете девочку? — спросил его Руфус Доуз. — Вы очень грубы с ней.

Но к Фреру вернулась его самоуверенность. Теперь, когда лодка была готова и спасение близко, он решил вновь занять позицию командира, предназначенную ему его общественным положением.

— Послушаешь ее — так можно подумать, будто лодки до нас никто никогда не строил, — сказал он. — Будто это не бельевая корзина, а трехпалубник моего дядюшки! Смешно, ей-богу! — добавил он и хрипло расхохотался. — Должно быть, у меня врожденный талант к кораблестроению. Ведь если бы старый пегодай не умер, я бы сам тогда стал кораблестроителем.

При слове «умер» Руфус Доуз повернулся к нему спиной и занялся креплением шкур. Если бы Фрер увидел его лицо, он бы поразился его внезапной бледности.

— Да, — продолжал лейтенант, как бы разговаривая с самим собой, — недурно потерять столько денег, а?

— Каких денег? — спросил каторжник, не поворачивая головы.

— Каких! Эх, парень, я ведь должен был получить в наследство четверть миллиона, но старый скряга, который собирался мне его оставить, умер, не успев изменить завещания в мою пользу, и все досталось шалопаю сынку, который уж много лет где-то бродяжничает. Вот какие вещи случаются на белом свете.

Руфус Доуз, стоявший к нему спиной, на секунду задохнулся от изумления. Овладев собой, он хрипло проговорил:

— Везучий парень этот сынок!

— Черта с два, везучий! — вскричал Фрер и выругался. — Да, ему здорово повезло, куда уж лучше. Он сторел на «Гидаспе» и даже не узнал о том, какое богатство ему привалило. Но денежки заграбастала его мамаша. Я же не увидел из них ни шиллинга.

И, видимо, недовольный собой за то, что распустил язык в ущерб своему достоинству, он направился к костру, размышляя, несомненно, о разнице между Морисом Фрером, обладателем четверти миллиона, вращающимся в высшем обществе, имеющим экипажи, охотничьих собак и бойцовых петухов, и Морисом Фрером — нищим лейтенантом, брошенным на пустынном побережье Макуори-Харбор, строящим лодку под началом беглого каторжника.

Руфус Доуз также погрузился в раздумье. Он прислонился к планширу их пресловутой лодки. Глаза его были

прикованы к морю, переливающимся золотом в лучах заката, но они явно не видели ничего перед собой. Потрясенный неожиданно полученной вестью о своем богатстве, он дал волю воображению, и, вырвавшись из-под власти рассудка, оно вернуло его в те самые места, которые он тщетно старался забыть. Глядя на сверкающую гавань и безбрежное море на горизонте, он видел старый особняк в Хэмпстеде с его угрюмым и таким хорошо знакомым садом. Ему рисовались картины удачного избавления от опасности и возвращения с каторги, так долго державшей его в своих цепях. Вот он возвращается на родину, сочиняет какую-нибудь правдоподобную историю о своих странствиях и становится обладателем состояния, принадлежащего ему по закону. Он начинает жить заново — богатым, свободным и уважаемым человеком в мире, так жестоко изгнавшем его. Он видит милое бледное лицо матери, свет уютного домашнего очага. Его встретили со слезами радости и горячей любви, и он входит в дом, как воскресший из мертвых... Новая, яркая жизнь открылась перед ним, и он забылся в созерцании собственного счастья.

Он был так погружен в свои мечты, что даже не услышал легких детских шагов. Сильвия принесла матери радостную весть о том, что каторжник построил лодку, и миссис Викерс, пересилив свою слабость, ковыляла следом за ней к берегу, опираясь на руку Мориса Фрера.

— Мистер Доуз! Мама идет посмотреть челн! — крикнула девочка, но слова не дошли до его сознания.

Девочка повторила их, однако застывшая у планшера фигура не сдвинулась с места.

— Мистер Доуз! — громко крикнула Сильвия и потянула его за рукав.

От этого прикосновения он очнулся и, опустив глаза, увидел обращенное к нему хорошенькое личико. Едва сознавая, что делает, весь еще во власти своих грез, свободный, богатый и уважаемый, он схватил маленькое создание в объятия, как если бы она была его дочерью, и крепко расцеловал. Сильвия ничего не сказала, но Фрер, по-своему оценивший этот поступок и сделавший свой собственный вывод, был поражен такой дерзостью. Лейтенант считал, что уже занял свой прежний служебный пост, и, держа миссис Викерс под руку, закричал на Руфуса так, как если бы это происходило в его ведомстве на острове Марии.

— Ах ты, наглец! — воскликнул он. — Да как ты смеешь?! Помни свое место, несчастный!

Эта фраза вернула Руфуса Доуза к действительности. Да, его местом было и есть — место каторжника. Как смеет он проявлять нежность к дочери своего начальника? Однако после всего, что он для них сделал и мог еще сделать, такой приговор показался ему жестокостью. Он посмотрел на этих людей, разглядывавших построенную им лодку. На щеках бедной женщины он увидел румянец надежды, а в непреклонном взгляде Мориса Фрера — властность, и тут он понял: вот какой результат всех его усилий! Он сам добровольно отдал себя в рабство. Пока спасение казалось невозможным, с ним считались и его уважали. Теперь же, когда он сделал все для их избавления, он снова превратился для них во вьючное животное. В этом заброшенном диком месте его величали мистером Доузом, он был их спасителем; в цивилизованном мире он снова станет Руфусом Доузом, преступником, арестантом, беглым каторжником. Он молча стоял, предоставляя Фреру распространяться о превосходных качествах маленького суденышка. А затем, почувствовав сдержанность в сказанных миссис Викерс словах благодарности и приписав это проявленной им по отношению к Сильвии вольности, он повернулся и так же молча скрылся за деревьями.

— Чудной он какой-то, — проговорил Фрер, поймав взгляд миссис Викерс, провожавшей глазами удаляющуюся фигуру. — Вечно в дурном настроении.

— Бедняга! Но к нам он был добр, — ответила миссис Викерс. Даже она, почувствовав перемену обстоятельств, поняла, что по необъяснимой причине все ее слепое доверие к каторжнику, пробудившему ее надежды и спасшему их жизни, превратилось теперь в снисходительную жалость, не имевшую ничего общего с уважением и любовью.

— Пойдемте ужинать, — сказал Фрер. — Надеюсь, это будет наш последний ужин здесь! Тот субъект придет потом, когда перестанет дуться.

Но Доуз не возвращался. Миссис Викерс и Сильвия, немного посетовав на это, вскоре погрузились в свои заботы и почти забыли о нем. С поразительной наивностью они смотрели на предстоящее им рискованное испытание как на победу, ими уже выигранную. Им казалось, что чудесное обладание лодкой само по себе уже исключало все опасности морского путешествия. Что же касается Мориса Фрера, то он радовался тому, что арестант не путается у него под ногами. Как был бы он счастлив, если бы тот навсегда убрался с дороги...

СЛОВА НА ПЕСКЕ

Скрывшись с глаз неблагодарных людей, которых он так благодетельствовал, Руфус Доуз бросился на землю в порыве гнева и отчаяния. Впервые за шесть лет он вырвался из тупика человеконенавистничества, уже привычного его душе. И вот награда за все! Он сдерживал свой вспыльчивый нрав, чтобы не обидеть их. Он отгонял горькие воспоминания о прежних унижениях, чтобы они не бросали зловещую тень на судьбу златокудрой девочки, которая так странно сплелась с его судьбой. Он подавил в себе душевные муки, чтобы не причинять боль своим доброжелателям. Он отказался от планов мести, хотя месть была бы такой желанной. Все эти годы он ждал случая, чтобы отомстить своим мучителям. И теперь, когда неожиданный поворот событий дал ему эту возможность, он не нанес удара своему врагу. Он рисковал жизнью, преодолевая враждебные чувства, шел наперекор своему характеру. Но как только его изобретательность, ум и отвага открыли им путь к спасению, наградой ему явились презрительные взгляды и новые унижения. Истина, открывшаяся ему в ту минуту, когда его душа ликовала от ошеломляющей вести о том, что на родине его ожидало богатство, заставила его в бешенстве стиснуть зубы.

Связанный самыми чистыми и священными узами — любовью к матери, он обрек себя на гражданскую смерть, не желая покупать жизнь и свободу ценой разоблачения тайны, которая опозорила бы любимое им кроткое существо. Благодаря случайному стечению обстоятельств судьба поддержала этот обман. Его кузен Фрер не узнал его. «Гидасп», на борту которого молодой Ричард Дивайн якобы отплыл из Англии, погиб со всеми людьми. И не осталось ни единого звена, которое бы связывало Руфуса Доуза, каторжника, с Ричардом Дивайном, пропавшим наследником огромного состояния покойного кораблестроителя.

О, если бы только знать! Если бы там, в мрачной тюрьме, весь во власти сомнений и страхов, придавленный немолимой логикой обстоятельств, он бы узнал, что сэр Ричард умер, не успев отомстить ему, его жертва была бы ненужной. Суд вынес приговор некоему матросу «без роду без племени», который отказался сообщить судье что-либо о своем прошлом и даже не призвал ни одного свидетеля в свою защиту. Теперь ему стало ясно, что если бы он на-

стаивал на своей невинности, сохранив в тайне имя убийцы, суд мог бы его оправдать. Судьи справедливы, но общественное мнение — великая сила, и вполне возможно, что сын миллионера Ричард Дивайн избежал бы кары, обрушившейся на Руфуса Доуза, безвестного матроса. Но там, в тюрьме, обуреваемый отчаянием и страхом, балансируя между жизнью и смертью во имя любви, мог ли он допустить столь нелепую мысль, что окажется единственным наследником отца, лишившего его наследства? Если бы он только знал это, вся его жизнь пошла бы по-другому. А узнал он все только сейчас — увы, слишком поздно.

Он то лежал распростертый на песке, то начинал бесцельно бродить между низкорослыми деревцами, белеющими под мерцавшей в тумане луной, или садился, согнувшись, как некогда в тюрьме, обхватив голову руками и слегка покачиваясь, в мучительных раздумьях о своей горькой участи. На что ему теперь это наследство? Беглый каторжник, чьи руки огрубели от рабского труда, а спина покрыта рубцами от плетей, никогда не будет принят в хорошем обществе. Если он даже потребует признания своего имени и своих прав — чего он этим добьется? Ведь он преступник, осужденный законом, отнявшим у него его имя и права. Если он откроется Фреру, сказав, что он его пропавший кузен, тот поднимет его на смех. Если он публично заявит о своем происхождении и своей непричастности к преступлению, он рассмешит всю колонию, а надзиратель постарается перевести его на более тяжелые работы. Даже если он будет без конца рассказывать всем эту невероятную историю и заставит в нее поверить — что это ему даст?

Допустим, что в Англии — после стольких лет — узнают, что некий убийца и каторжник, много лет проработавший в кандалной команде в колонии Макуори-Харбор, чей «послужной список» являет собой длинный перечень нарушений дисциплины и наказаний, заявляет, что он наследник крупного состояния и претендует на то, чтобы лишить достойных людей Англии их ранга и положения, как общество воспримет подобное дерзкое заявление? Вряд ли оно пожелает освободить преступника от оков и предоставить ему почетное место, которое занимал его покойный отец. Подобное известие будет воспринято как катастрофа, как стремление очернить безупречную репутацию всеми уважаемого человека, как оскорбление ничем не запятнанного имени. Даже если все будет ему благоприятствовать и он вернется к матери, которая успела уже при-

мириться с потерей сына, он в лучшем случае станет для нее вечным олицетворением позора, не менее страшного, чем тот, которого она так опасалась.

Но успех был почти невозможен. Он не смог бы даже в воспоминаниях снова пройти свой запутанный тернистый путь. И разве его изрубцованные плечи служат доказательством того, что он некогда был джентльменом и что он невиновен? Разве рассказы о чудовищных жестокостях, совершаемых в Макуори-Харбор, распахнули бы перед ним двери домов именитых людей, разве посадили бы его на почетное место вместе с другими важными гостями? Разве, заговорив на арестантском жаргоне, сопровождая свои слова непристойными жестами, он мог надеяться быть принятым как достойный собеседник в обществе благонаправленных женщин и невинных детей? Предположим, что ему удастся добиться своего оправдания, сохранив в тайне имя убийцы, все равно никакие сокровища мира не вернут ему ту благословенную невинность, которая некогда была его достоянием. Никакие богатства не возвратят человеку его достоинство, выбитое из него плетьюми, и не сотрут из памяти воспоминания о тяжких унижениях.

Несколько часов продолжалась эта пытка. Он места себе не находил. Иногда он вскрикивал, словно от боли, а потом долго лежал в каком-то оцепенении, словно измученный физическим страданием. Помышлять о свободе, о восстановлении чести — безнадежно. Он должен молчать и тянуть ту самую лямку, на которую его обрекла судьба. Он вернется в колонию. По закону он беглый каторжник, и он получит должное наказание. Возможно, смертную казнь ему отменят в награду за спасение девочки. Если это произойдет, он может считать себя счастливым. Счастливым! А что, если он не вернется в колонию, а скроется в делях и там умрет? Лучше смерть, чем такая судьба. Впрочем, зачем ему умирать? Он смог поймать коз, теперь он будет ловить рыбу. Он выстроит себе хижину. Быть может, в заброшенном поселке найдутся остатки зерна, и он посеет его и соберет урожай. Построил же он лодку, соорудил печку, огородил хижину. Конечно, он сможет прожить один, как вольный дикарь. Один! Ведь все эти чудеса он проделал один! Разве не качается вниз у берега лодка, которую он построил? И почему ему не бежать в этой лодке, оставив на произвол судьбы жалких людшек, которые отплатили ему такой черной неблагодарностью?

Мысль промелькнула у него в мозгу, как будто кто-то нашептал это ему на ухо. Лодка всего в двадцати шагах от него, он уйдет по течению, и через полчаса его никто не догонит. Выбравшись за риф, он отправится на запад в надежде встретить китобойное судно. В ближайшие дни его, несомненно, подберет какой-нибудь корабль, а запаса воды и пищи у него на это время хватит. Моряки поверят любой истории о кораблекрушении... И тут он остановился: как же он забыл, что его могут выдать его лохмотья! Застонав от отчаяния, он хотел было приподняться с земли. Пальцы его уперлись во что-то мягкое. Он лежал у камней, сложенных горкой около низкорослых кустов, и предмет, к которому он прикоснулся, виднелся из-под камней. Он вытащил его. Это была рубаша бедняги Бейтса. Дрожащими руками он разбросал камни и отыскивал остальную одежду. Казалось, она была специально оставлена здесь для него. Само небо посылало ему то, в чем он так нуждался.

Ночь прошла в раздумьях, и первые лучи зари осветили небо. Он поднялся, бледный, измученный, и, страшась своих помыслов, побежал к лодке. И пока он бежал, внутренний голос подбадривал его: «Твоя жизнь важнее их жизни. Они умрут, но своей неблагодарностью они заслужили смерть. Ты убежишь из этого ада и прильнешь к любящему материнскому сердцу, которое скорбит по тебе. Ты сможешь сделать больше добра, чем спасая жизнь тем, кто тебя презирает. К тому же они могут и не погибнуть. За ними пришлют корабль. Подумай, что ждет тебя, беглого каторжника, если ты вернешься вместе с ними?!»

Он уже был в трех футах от лодки, как вдруг остановился и замер, глядя на песок с таким ужасом, как будто увидел на нем письмена, предсказавшие судьбу Вальтасара. Эти слова накануне вечером написала Сильвия, но когда солнце, внезапно поднявшееся над морем, осветило их своими красными лучами, ему показалось, что они только сейчас возникли у его ног.

ДОБРЫЙ МИСТЕР ДОУЗ

Добрый мистер Доуз! Какой страшный укор таился для него в этой простой фразе! Эти шестнадцать букв были вне мира трусости, подлости и жестокости. Он услышал голос девочки, которая выхаживала его во время болезни, а теперь звала, умоляя спасти ее жизнь. На мгновение она возникла между ним и лодкой, такой же, как тогда, когда она протягивала ему лепешку в ночь его прихода к костру.

Шатаясь, он пошел к пещере и, схватив за руку спящего Фрера, сильно потряс его.

— Проснитесь! — кричал он. — Вставайте! Надо отплывать отсюда!

Вскочив спросонья, Фрер с тупым изумлением смотрел на бледное лицо и палитые кровью глаза несчастного каторжника.

— Что с тобой? — спросил он. — Тебя напугало привидение?

Услышав его голос, Руфус Доуз тяжело вздохнул и закрыл лицо руками.

— Вставайте, Сильвия! — крикнул Фрер. — Пора вставать! Я уже готов к отплытию.

Жертва была принесена. Каторжник отвернулся, и две больших блестящих слезы скатились по его обветренному лицу и упали на песок.

Глава 29

В МОРЕ

Через час после восхода солнца хрупкий челн — последняя надежда четверых людей — медленно плыл по течению к выходу из гавани. Спущенный на воду, он сперва чуть не затонул от перегрузки, и большую часть вяленого мяса пришлось оставить на берегу. Можно вообразить себе, как было трудно отказаться от такого богатства, ведь каждый кусок означал для них лишний час жизни. Но иного выхода не было, и, как сказал Фрер, надо было все поставить на карту. Они должны были выйти из бухты во что бы то ни стало.

К вечеру они достигли Чертовых Ворот и там остановились — Доуз боялся идти дальше и предложил переждать, пока не спадет прилив. И только около десяти часов вечера он решился пересечь коварную отмель. Ночь была прекрасная, море спокойное. Казалось, само провидение прониклось к ним жалостью, и хрупкое суденышко готово было миновать это злостастное место. Была минута, когда над ними взвилась могучая волна, которая чуть не опрокинула жалкое сооружение, сплетенное из веток и покрытое шкурами. Все же Руфус Доуз продолжал вести лодку к морю, а Фрер своей шляпой вычерпывал из нее воду. Наконец-то им удалось выйти в глубокие воды. Тут их постигла непоправимая беда, — за борт смыло два вед-

ра, сделанные Руфусом из коры; они забыли их укрепить, и вместе с ними ушла пятая часть их скудного запаса пресной воды. Но перед лицом угрожавших им опасностей эта потеря показалась им пустячной, и когда, промокшие и озябшие, они вышли в открытое море, они возблагодарили судьбу, которая столь чудесным образом их пощадила.

Продвигались они медленно, работая самодельными веслами. Поутру подул легкий северо-западный бриз, и, подняв свой кожаный парус, они медленно пошли вдоль побережья. Мужчины условились, что будут по очереди нести вахту, и Фрер вторично проявил свою власть, поручив первую вахту Руфусу Доузу.

— Я устал и должен немного поспать, — заявил он.

Руфус Доуз ничего не ответил. Две эти ночи он глаз не сомкнул, вся основная работа лежала на нем, но напряжение последних дней настолько притупило его чувства, что он не ощущал ни усталости, ни боли.

Фрер проспал почти до самого вечера; когда он проснулся, лодку все еще сильно качало, миссис Викерс и Сильвии было дурно. «Странно, неужели все цивилизованные люди должны непременно страдать от морской болезни?» Хмуро наблюдая за большими зелеными валами, вздымавшимися между ним и горизонтом, он не переставал удивляться тому, как развивались события. Из книги его жизни была вырвана еще одна большая страница. Кажется, целая вечность прошла с тех пор, как он был обречен на бездействие и пассивное созерцание моря и берега. Но в то утро, когда они покинули место своей стоянки, он сосчитал зазубринки на палке-календаре и был поражен, что их оказалось только двадцать две. Вынув нож, он сделал еще две засечки на планшете лодки — их стало двадцать четыре. Мятеж произошел 13-го января, значит, сегодня было 6-е февраля.

«За это время, — прикинул он. — «Божья коровка» могла бы уже вернуться».

Он не знал, что «Божья коровка» вынуждена была переждать шторм в Порт-Дэви и там застряла на целых семнадцать дней.

Когда ветер затих, они снова взялись за весла и гребли всю ночь, но почти совсем не продвинулись. Руфус Доуз посоветовал пристать к берегу и дожждаться бриза. Но подойдя к длинному ряду базальтовых скал, как бы внезапно выросших из моря, они увидели, с какой неистовостью разбивались волны о подковообразный риф длиной

в шесть или семь миль. Им не оставалось ничего другого, как снова двинуться в путь вдоль побережья.

Так они плыли в течение двух дней, не увидев ни одного паруса, а на третий день с юго-востока подул сильный ветер, отогнавший их назад на тридцать миль. Суденышко стало протекать, и приходилось беспрерывно вычерпывать воду. Еще одно печальное обстоятельство: прохудился бочонок из-под рома, в котором была большая часть пресной воды, и он был уже наполовину пуст. Пришлось законопатить его, вырезав трещину и заткнув дыру тряпкой.

— Хорошо еще, что мы не в тропиках, — проговорил Фрер.

Бедная миссис Викерс, до костей прозябшая от резких порывов ветра, лежала на дне лодки, закутанная в промокшую шаль, и была не в силах что-либо сказать. Но разве могла удушливая тишина тропиков превзойти угрюмость этого пустынного моря?

Положение всех четверых было теперь поистине отчаянным. Миссис Викерс совершенно обессилела, и было очевидно, что, если не подоспеет помощь, она не перенесет этого длительного путешествия по морю. Девочка чувствовала себя несколько лучше. Руфус Доуз надел на нее свою шерстяную рубашку и украдкой от Фрера делился с ней своей порцией мяса. Ночью он держал ее на руках, днем она жалась к нему в поисках опоры и защиты. Рядом с ним девочка чувствовала себя в безопасности. Они почти не разговаривали, но когда Руфус Доуз ощущал тепло ее маленькой ручки, лежащей в его руке, или чувствовал тяжесть ее головы на своем плече, он почти забывал про терзающий его холод и голодные спазмы в желудке.

Прошло еще два дня, а парус так и не появлялся на горизонте. На десятый день после отплытия из Макуори-Харбор у них кончилась провизия. Соленая вода испортила козье мясо и подмочила хлеб, который превратился в отвратительное месиво. Море все еще было беспокойное, и ветер дул теперь с севера со все возрастающей яростью. Длинная низкая линия берега, простиравшаяся с левого борта, по временам подергивалась синим туманом. Вода была грязного цвета, облака угрожали дождем.

Несчастное суденышко, которому они вверили свою жизнь, протекало в четырех местах. Если бы оно попало в один из штормов, часто бушевавших возле этого скалистого побережья, оно не выдержало бы и часа борьбы. Двое мужчин, усталые, голодные и иззябшие, почти с на-

деждой думали о быстром конце. Вдобавок ко всем их невзгодам у Сильвии началась лихорадка. Ее бросало то в жар, то в холод, и она то стонала, то бредила. Руфус Доуз держал ее на руках и с отчаянием в сердце смотрел на ее страдания, которые не мог облегчить. Неужели после всех перенесенных ею испытаний ей суждено умереть?

Так прошли еще день и еще ночь, и на одиннадцатое утро чудом уцелевшая лодка все еще болталась на волнах того же пустынного моря.

Вдруг Доуз вскрикнул и, схватившись за шкот, повернул неуклюжее суденышко в обратную сторону.

— Парус! Парус! — кричал он. — Разве вы не видите?

Фрер жадно шарил взглядом по мрачной пелене воды.

— Дурак, нет никакого паруса! Ты что, смеешься над нами?

Лодка, оторвавшись от линии берега, шла теперь почти прямо на юг, устремляясь в великий Южный океан. Фрер попытался вырвать руль из рук арестанта и вернуть лодку на прежний курс.

— Ты с ума сошел? — крикнул он, замирая от страха. — Ты же гонишь нас в открытое море!

— Сядьте на место! — угрожающе бросил Доуз, вглядываясь в серую даль. — Говорю вам, я вижу парус!

Огонь, горевший в глазах каторжника, испугал Фрера, и он хмуро занял свое место.

— Делай как знаешь, сумасшедший! — сказал он. — Так мне и надо за то, что пустился в море в этой чертовой скорлупке!

Какая разница, где потонуть — в открытом океане или в виду берега?

Длинный день уже подходил к концу, а парус так и не появился. К вечеру ветер еще посвежел, и лодка, неловко подпрыгивая на длинных мутных волнах, качалась, как будто опьянев от набравшейся в нее воды. В одном месте возле носа вода свободно втекала и вытекала обратно, как из прорванного бурдюка. Берег постепенно исчез, и громадный океан — безбрежный, бушующий, грозный — со свистом вздымал вокруг них свои валы. Продержаться до утра казалось немыслимым.

Но Руфус Доуз, с девочкой на руках, не отрывая глаз от какого-то лишь ему одному видимого предмета, вел трепещущее суденышко в черную пустоту ночи и моря. Для Фрера, мрачно сидевшего на передней банке, вид этой угрюмой фигуры с развевающимися по ветру волосами и

неподвижно устремленным вперед взором казался чем-то ужасным и сверхъестественным. Ему даже подумалось, что лишения и тревоги поразили рассудок несчастного каторжника.

С дрожью размышляя о своей участи, Фрер — как ему показалось, на мгновение — погрузился в сон и тут же был разбужен чьим-то окликом. Он вскочил, колени у него тряслись, волосы встали дыбом. Уже светало, и отблеск зари, как длинная бледно-шафрановая лента, лежал на воде слева по борту. Между этой полосой света и носом лодки мелькнуло белое пятно.

— Парус! Парус! — закричал Руфус Доуз. Дикий блеск сверкал в его глазах, а голос как-то странно дрожал. — Ведь я же говорил вам, что вижу парус!

Фрер, совершенно сбитый с толку, с колотящимся сердцем стал вглядываться в даль, и там опять мелькнуло белое пятно... На секунду он почувствовал себя почти в безопасности, но тут же его снова охватило отчаяние, еще более горькое, чем прежде: с такого расстояния на корабле не заметят их челн.

— Они не увидят нас! — вскричал он. — Доуз! Доуз! Ты слышишь? Нас не увидят!

Руфус Доуз вздрогнул, словно очнувшись от забытья, привязал шкот к шесту у планшира лодки. Он положил спящую девочку рядом с матерью и, отодрав кусок коры, подвинулся к носу лодки.

— Вот это они уж наверняка увидят! Отдирайте планки. Вот так! Кладите их на нос. Теперь отрубите конец ствола! Дайте сюда этот сухой прут. А бог с ней, с лодкой. Она теперь нам не нужна. Отдирай кожу снаружи! Видите, дерево под ней сухое! Быстро, как вы копаетесь...

— Что ты делаешь? — в ужасе вскричал Фрер, когда каторжник отодрал все сухое дерево и, сложив его кучкой, перенес к носу челна.

— Развожу костер. Смотрите!

Фрер начал понимать.

— У меня осталось три спички, — сказал он, шаря дрожащими пальцами в кармане. — Я завернул их в листок из книги, чтобы они не отсырели.

Слово «книга» вызвало новый порыв вдохновения. Руфус Доуз схватил «Историю Англии», которая уже оказала им такую большую услугу, вырвал из середины самые сухие страницы и аккуратно подложил их под кучку щепок.

— Ну, давайте, осторожнее!

Спичка чиркнула и зажглась. Бумага, сперва упрямо пожегившись, загорелась, и Фрер стал раздувать это маленькое пламя, после чего занялась и кора. Он бросал в костер все, что могло воспламениться. Затлели шкуры, и огромный столб черного дыма поднялся над морем.

— Сильвия! — воскликнул Руфус Доуз. — Сильвия, радость моя! Вы спасены!

Она открыла синие глаза, посмотрела на него, но, как видно, не узнала. Бред все еще владел ею, и в час спасения девочка не узнала того, кто ее спас. Потрясенный этим последним жестоким ударом судьбы, Руфус Доуз безмолвно сел на корму, держа на руках девочку. Фрер, разжигая огонь, радовался, что наступил долгожданный момент. Мать на грани смерти, а дочь без сознания — кто же засвидетельствует героический поступок ненавистного каторжника? Никто, кроме Мориса Фрера, а Морис Фрер как комендант колонии обязан предать «беглого» в руки правосудия.

Корабль, изменив курс, подходил к этому необычному костру, пылавшему среди океана. Вся передняя часть лодки горела как факел, и более часа лодка не могла продержаться на воде. Горстка людей в ней оставалась неподвижной. Миссис Викерс лежала без сознания, не ведая о приближающейся помощи.

Корабль — это был бриг, шедший под американским флагом, — приблизился к ним на расстояние голоса. Фрер уже различал фигуры на палубе. Перейдя на корму, он грубо пнул Доуза сапогом.

— Иди вперед! — приказал он. — И дай мне девочку!

Руфус Доуз очнулся, поднял голову и, взглянув на приближающийся корабль, понял свой долг. С тихим смехом, полным невыразимой горечи, он переложил ношу, которую так нежно хранил, на руки лейтенанта, а сам пошел к горящему носу лодки.

* * *

Бриг был уже совсем близко. Его большие сумрачные паруса высоко вздымались, бросая тень на море. Мокрые палубы блестели в лучах утреннего солнца. Любопытные бородатые лица с удивлением глядели с его бортов на горящую лодку и людей, изнемогших в борьбе со смертью в этом пустынном и бурном океане.

Фрер с Сильвией на руках ждал брига.

Книга третья В ПОРТ-АРТУРЕ. 1838

Глава 30 ТРУЖЕНИК В ВЕРТОГРАДЕ

«Общество в Хобарт-Тауне в нынешнем, 1838 году нашей эры, мой дорогой патрон, состоит из очень любопытных элементов» — так говорилось в красноречивом письме, которое преподобный мистер Микин, только что назначенный капеллан, семь дней назад приехавший на Землю Вап-Димена, нес на почту, чтобы доставить удовольствие своему патрону в Англии. Изящно семена по жаркой улице, лежащей между синей рекой и лиловой горной грядой, почтенный джентльмен бросал время от времени кроткие взгляды на встречаемых и при этом с особой приятностью вспоминал только что написанную им фразу. Его толкали безукоризненно одетые офицеры гарнизона. Он

же со сладкой улыбкой кланялся нарядным дамам, шаркался от дурно пахнущих лохмотьев арестантов, выпущенных «по билету», или торопливо переходил улицу, стараясь не попасть под тележки, которые неожиданно с грохотом возникали из-за угла, — их катили арестанты в серой одежде, и его не оставляло чувство, что окружающее его общество, безусловно, состоит из любопытных элементов. То проходил, высокомерно задрав голову, недавно прибывший правительственный чиновник, — он на секунду расслабился, чтобы томно улыбнуться капеллану, которого почитал сам губернатор сэр Джон Франклин. То развязно шагал, словно бросая дерзкий вызов солидным и респектабельным горожанам, бывший каторжник, разжиревший на барышах от торговли ромом. Все население, высыпавшее на улицу в этот солнечный декабрьский вечер, нелепо выглядело в глазах щеголеватого священника, на днях приехавшего из Лондона и впервые в своей гладкой и легкой жизни ощутившего отсутствие социальных ширм, за которыми лондонская цивилизация скрывает слабости и пороки человеческой натуры. Одетый в новое черное священническое облачение самого модного покроя, франтоватые ботинки и перчатки светло-сиреневого цвета, преподобный Микин, чье белое шелковое пальто свидетельствовало, что его обладатель еще не освободился от чувствительности к солнцу и жаре, изящно просеменил к почтовой конторе и отправил свое письмо. Когда он повернулся, он увидел перед собой двух дам.

— О, мистер Микин!

Мистер Микин элегантно приподнял свою шляпу над головой, и она какое-то мгновение парила в воздухе, словно галантный черный дрозд.

— Миссис Джелико! Миссис Протерик! Дорогие леди, вот неожиданная радость! Разрешите спросить, куда же вы направляетесь в такой чудесный день? Разумеется, грешно в такую погоду сидеть дома. Ах, какой климат! Но — след змия, дорогая миссис Протерик, след змия — для ищущих спасения...

— Для вас приезд в колонию наверно тяжкое испытание, — сочувственно заметила миссис Джелико.

Микин улыбнулся, как мученик, покорный судьбе.

— Божий промысел, дорогие леди, божий промысел... Я только бедный труженик в вертограде господнем, терпеливо сносящий зной и тяготы дня.

Но весь его вид — и безупречный галстук, и легкое пальто, и щеголеватые ботинки, и даже самодовольная

христианнейшая улыбка — был до такой степени непохож на «бедного труженика в вертограде господнем, терпеливо сносящего зной и тяготы дня», что взглянувшая на него миссис Джелико, жена правоверного инспектора тюремных складов, на секунду почувствовала себя еретичкой.

— Конечно, я охотнее остался бы в Англии, — продолжал мистер Микин, поглаживая одним сиреневым пальцем кончик другого и красиво приподняв брови в смиренном желании отвергнуть похвалы своему самоотречению, — но я чувствовал, что мой долг — не отказываться от предложения, которое мне соизволил сделать по своей доброте его милость господин епископ. Здесь благодатное поле деятельности, милые дамы, для христианского пастора. Они вызывают ко мне, леди, эти овцы Христовы — эти заблудшие и отверженные овцы нашей церкви.

Миссис Джелико игриво тряхнула яркими лентами чепца и с дружеской улыбкой посмотрела на мистера Микина.

— Вы не знаете этих каторжан, — сказала она с веселым безразличием, словно речь шла о скотине. — Ужасные твари. А что до прислуги — боже мой, я ее меняю каждую неделю! Когда вы пробудете здесь подольше, вы их лучше узнаете, мистер Микин!

— Да, иногда они просто невыносимы! — сказала миссис Протерик, вдова бывшего начальника тюрьмы, и ее выцветшие щеки вспыхнули благородным негодованием. — Терпеливее меня не бывает на свете, но признаюсь, что эти тупые и порочные создания способны и ангела вывести из себя.

— У каждого из нас свой крест, дорогие леди, у каждого свой крест! — учтиво произнес мистер Микин. — Дал бы нам бог силы, чтобы нести его! Желаю вам всего доброго.

— Но ведь нам с вами по пути, — сказала миссис Джелико. — Мы можем погулять вместе.

— О, превосходно! Мне нужно нанести визит майору Викерсу.

— А я живу недалеко от них, — вставила миссис Протерик. — Она очаровательное создание, правда?

— Кто? — спросил мистер Микин, идя рядом.

— Сильвия. Вы еще не знаете ее? Она прелестная девушка!

— Я встречал мистера Викерса только в губернаторском доме, — сказал Микин. — Я еще не имел удовольствия видеть его дочь.

— Да, печальная история, — заметила миссис Джелико. — Это было бы очень романтично, если бы не было так печально. Я говорю о его жене, бедной миссис Вилкерс.

— Да? А что же с ней? — спросил Микин, отвешивая какому-то встречному небрежный поклон. — Она больна?

— Она умерла, бедняжка, — ответила веселая миссис Джелико, вздохнув всей грудью. — Неужели вы не слышали эту историю, мистер Микин?

— Дорогие мои леди, я всего неделю прожил в Хобарт-Тауне и ничего еще не слышал.

— Я говорю о бунте, знаете, об этом бунте в Макуори-Харбор. Арестанты захватили корабль и высадили миссис Вилкерс и Сильвию на какой-то пустынный остров. С ними был капитан Фрер. Они пережили страшные дни и чуть не погибли. Дело кончилось тем, что капитан Фрер смастерил лодку и их подобрал какой-то корабль. Но бедная миссис Вилкерс прожила всего несколько часов после спасения, а Сильвия, ей было тогда двенадцать лет, долго лежала в горячке, и думали, что она не выживет.

— Какой ужас! Но она выздоровела?

— О да, теперь она вполне окрепла, но потеряла память.

— Память?

— Да, да, — вмешалась миссис Протерик, желавшая тоже сказать свое слово. — Она ничего не помнит об этих трех-четыре недели, которые они провели на безлюдном берегу, у нее сохранились лишь какие-то туманные обрывки воспоминаний...

— И слава богу! — прервала ее миссис Джелико, решившая не уступать своей почетной трибуны. — Кому же нужно, чтобы она помнила об этих ужасах? По словам капитана Фрера, это был просто кошмар!

— Скажите пожалуйста! — отозвался мистер Микин, прикасаясь батистовым платочком к кончику носа.

— Да, да! Какой-то «беглый» — так мы именуем сбежавших каторжников, мистер Микин, — случайно оказался там, и он пристал к ним и вдобавок еще потребовал, чтобы они с ним делились провизией, — вот нахал! Капитан Фрер глаз с него не спускал, боялся, что он их убьет. Даже в лодке он хотел выбросить их в море и скрыться. Это был, говорят, самый закоренелый преступник в Макуори-Харбор. Послушали бы вы, как капитан Фрер рассказывает эту историю!

— А где он сейчас? — с интересом осведомился мистер Микин.

— Капитан Фрер?

— Нет, каторжник.

— О, господи, откуда я знаю? Думаю, что в Порт-Артуре. Его судили за побег и повесили бы, если бы не заступничество капитана Фрера.

— Ну и ну! Какая странная история, — сказал мистер Микин. — Значит, юная леди ничего об этом не знает?

— Знает лишь то, что ей, бедняжке, рассказали. Между прочим, она обручена с капитаном Фрером.

— Да неужели? С тем, кто ее спас! Просто необычайно! Настоящий роман!

— Правда? Все так говорят. А ведь капитан Фрер намного старше ее.

— Но ее детская привязанность переросла в любовь к своему спасителю, — мечтательно заключил Микин, впадая в лирический тон. — Это ведь так прекрасно. Напоминает — гм! — сказку о дубе и плюще, дорогие леди. Ах, какие же чудесные проблески света встречаются порой в нашей грешной человеческой природе! Кажется, это казетка их дома?

* * *

Проворный слуга из арестантов — когда-то он был известным карманником — оставил священника отдыхать в уютной гостиной, из окон которой, несмотря на спущенные шторы, виднелся солнечный уголок сада, местами затененный деревьями, а сам отправился разыскивать мисс Викерс. Майора не было дома — очевидно, обязанности старшего смотрителя колонии иногда вынуждали его покидать домашний очаг. Мисс Сильвия Викерс была в саду, и ее позвали к гостю. Преподобный Микин, отерев свой вспотевший лоб и одернув белоснежные манжеты, откинулся на мягкой софе, наслаждаясь элегантной обстановкой и прохладным воздухом. Не располагая более подходящими для данного случая образами, он сравнил прелестную гостиную с ее мягкими диванами, ослепительно яркими цветами и открытым пианино с гостиной в доме какого-нибудь вест-индского плантатора, изысканная роскошь, прохлада и уют которой контрастируют с изнурительной жарой, убожеством и варварством за пределами этого жилища. Он пришел в такой восторг от этого сравнения, — у него вообще была склонность испытывать удовольствие от собствен-

ных мыслей,— что даже принялся сочинять начало нового письма епископу и набрасывать в уме описание оазиса в своем пустынном вертограде. Но голоса в саду отвлекли его от этого занятия, и ему показалось, что кто-то близко от него плачет, громко всхлипывая. Выйдя и неслышно ступая по широкой веранде, он увидел на лужайке двоих — старика и молоденькую девушку. Старик плакал.

— Ей-богу, это истинная правда, мисс. Я только сегодня утром вернулся. О, господи! Ну не жестоко ли сыграть такую шутку со старым человеком?

Это был седой старик в серой суконной куртке каторжника. Он стоял, придерживаясь рукой со вспухшими венами за цоколь, на котором стоял цветочный вазон.

— Но ты же сам виноват, Денни,— мы тебя предупреждали,— мягко сказала девушка.

— Да, знаю, что предупреждали. Но кто бы мог подумать, мисс? Это уж во второй раз она так меня подводит.

— Сколько это продолжалось на этот раз, Денни?

— Шесть месяцев, мисс. Она сказала, что я пьяница, что я бил ее. Бил ее! Боже мой! — он вытянул перед собой дрожащие руки. — И они, конечно, поверили ей. Сегодня я прихожу домой и вижу, что в домике все разворочено, а сама она ушла с капитаном корабля и, — извините меня, мисс, — хлещет с ним виски в «Георге Четвертом». Ну, разве не жестоко так поступать со стариком?

И он снова принялся всхлипывать.

Девушка вздохнула.

— Здесь я ничем не могу помочь тебе, Денни. Но ты сможешь работать у нас в саду, как и прежде. Я поговорю с майором, когда он вернется.

Денни поднял полные слез глаза, чтобы поблагодарить ее, но увидел мистера Микина и вытянулся, отдавая честь. Мисс Викерс обернулась, и мистер Микин, кланяясь и извиняясь, про себя отметил, что юпой леди на вид лет семнадцать, что у нее большие ясные глаза, густые светлые волосы, а рука, в которой она держала небольшую книжку, белая и маленькая.

— Мисс Викерс, я полагаю? Мое имя Микин — преподабный Артур Микин.

— Здравствуйте, мистер Микин,— сказала Сильвия, протягивая руку и глядя ему в глаза. — Папа скоро вернется.

— Но его очаровательная дочь может вполне заметить его.

— Я не люблю лести, мистер Микин, — прервала его Сильвия с подкупающей прямоотой, которая так хорошо сочеталась с ее открытым и ясным взглядом, — во всяком случае, такого рода лести; пожалуйста, оставим это. Конечно, молодые девушки любят лести. И вы это знаете, верно?

Эта неожиданная атака сбила с толку мистера Микина, и в ответ он только отвесил поклон и улыбнулся молодой леди, проявившей такую откровенность.

— Пойди на кухню, Денни, и попроси, чтобы тебе дали табак. Скажи, что это я тебя послала. Не желаете ли пройти в комнату, мистер Микин?

— Какой странный джентльмен. Кто он? Должно быть, ваш старый верный слуга?

— Да, старый слуга из каторжан, — сказала Сильвия. — Он много лет проработал у папы. Недавно с ним, беднягой, опять случилось несчастье.

— Какое несчастье? — переспросил мистер Микин, когда Сильвия сняла шляпку.

— Да, не повезло — его могут опять отправить «на дорогу», как это здесь называют. Он женился на свободной женщине гораздо моложе его. Она заставляет его пить, а потом сажает в тюрьму за неповиновение.

— За неповиновение? Простите, правильно ли я вас понял, дорогая леди?

— Правильно. За неповиновение. Дело в том, что он приписан к ней слугой, — сказала Сильвия, как будто речь шла о самых обычных вещах. — И если он плохо себя ведет, она отсылает его обратно в дорожную команду.

Преподобный мистер Микин широко раскрыл свои кроткие глаза.

— Какая удивительная аномалия! Вот теперь, дорогая мисс Викерс, я вижу, что действительно попал к антиподам.

— Да, здешнее общество сильно отличается от английского. Большинство приезжих так считает, — спокойно ответила Сильвия.

— Но чтобы жена сажала в тюрьму мужа! Боже мой!

— Она даже может потребовать, чтобы его выпороли. Денни уже порол. Вообще его жена плохая женщина. Он глупо сделал, что женился на ней. Но что поделаешь с влюбленным стариком, мистер Микин?

Благочестивый лоб мистера Микина побагровел, а благородная кровь его прилила к пальцам. Как может молодая леди рассуждать столь откровенным образом! Ужас-

но! Даже читая с алтаря «Десять заповедей», он всегда пытался смягчить один непристойный запрет, чтобы произносимые им слова не оскорбляли нежный слух паствы женского пола. Помолчав с минуту, чтобы поразмыслить о странной власти, данной «свободным» женам в Хобарт-Тауне, он поспешил отойти от опасной темы:

— Вы что-то читаете?

— «Поль и Виргиния». Я это раньше читала по-английски.

— Ах, вы читаете и по-французски, моя дорогая леди?

— Немного читаю. Несколько месяцев я занималась с учителем, но папе пришлось снова отослать его в тюрьму. Он украл серебряную кружку из столовой.

— Учитель французского языка! Украл...

— Да, но он был сослан на каторгу. Очень умный человек. Он писал для «Лондонского журнала». Я читала его произведения. Некоторые из них весьма примечательны.

— А за что же он был сослан? — спросил мистер Микин, чувствуя, что его «вертоград» оказался значительно обширнее, чем он предполагал.

— Кажется, он отравил свою племянницу, а впрочем, я забыла подробности. Но он вел себя как джентльмен, хотя — боже мой, какой же он был пьяница!

Мистер Микин, все более удивляясь странностям этого края, где прекрасные молодые леди толкуют об отравлениях и порках как о незначительных пустяках, жены засаживают в тюрьму своих мужей, а убийцы преподают французский язык, молча старался надушить воздух ароматом своего батистового платка.

— Вы, верно, недавно приехали сюда, мистер Микин? — сказала Сильвия, выждав паузу.

— Да, всего неделю назад. И признаюсь, что я поражен. Чудесный климат, но, как я только что сказал миссис Джелико, след змия — всюду след змия, моя дорогая юная леди!

— Но если Англия отправляет сюда всех своих преступников, то поневоле наткнешься на след змия. Колония в этом не виновата.

— О да, конечно, — поспешил оправдаться Микин. — Но это немало изумляет.

— Ну что ж, вам, джентльменам, следует исправить положение. Я не знаю, что представляют собой каторжные поселения, но здесь, в городе, у каторжан мало шансов стать хорошими людьми.

— Раз в неделю они присутствуют на богослужениях в церкви, где им читают Священное писание, — важно возразил мистер Микин с таким видом, словно хотел воскликнуть: «Если уж это не помогает им исправиться, то что же может помочь?»

— Да, конечно, — согласилась Сильвия. — Но ведь службу они посещают только по воскресеньям. А знаете, лучше не будем говорить об этом, мистер Микин, — добавила она, отбрасывая со лба выбившийся из прически золотой локон. — Папа считает, что мне не пристало рассуждать об этих вещах, потому что все здесь делается, как он говорит, согласно Королевским предписаниям.

— Весьма достойное замечание вашего батюшки, — согласился мистер Микин. Он почувствовал большое облегчение, когда дверь открылась и вошли Викерс и Фрер.

Волосы Викерса блестели сединой, но Фрер в свои тридцать лет выглядел так же молодо, как в двадцать.

— Золотко мое, Сильвия, — начал Викерс. — Случилось необычайное происшествие! — Он осекся, заметив вдруг присутствие взволнованного Микина.

— Ты знаком с мистером Микином, папа? — спросила Сильвия. — Мистер Микин — капитан Фрер.

— Я имел удовольствие встречаться с ним, — ответил Викерс. — Рад видеть вас, сэр. Садитесь, пожалуйста.

Мистер Микин увидел, как Сильвия мимоходом поцеловала обоих джентльменов, причем, как ни странно, поцелуй, данный ею отцу, был гораздо теплее того, которым она одарила своего суженого.

— Теплая погодка, мистер Микин, — сказал Фрер. — Сильвия, дорогая, надеюсь, ты не выходила в такую жару? Как? Ты была на улице? Милая, но ведь я просил тебя...

— Да сегодня совсем не жарко, — ответила Сильвия тоном капризного ребенка. — Все это чепуха! Я не сахарная, не растаю. Не надо опускать шторы. — И тут же, словно досадуя на себя за свой каприз, она добавила: — Ты так заботлив, Морис, — и ласково протянула руку офицеру.

— Очень душно на дворе, капитан Фрер, — подтвердил Микин. — На приезжего это действует раздражающе.

— Выпейте стакан вина, — сказал Фрер, будто он уже был хозяином дома. — В такой день необходимо чем-нибудь подкрепиться.

— Ну конечно, конечно, — поспешил вставить Викерс. — Стаканчик вина, Сильвия, лучше хересу. Я на-

деюсь, мистер Микин, она не мучила вас своими странными рассуждениями?

— О нет, нет, нисколько, — отозвался Микин, чувствуя, что на очаровательную леди здесь смотрят как на существо, к которому неприменимы общие мерки. — Мы чудесно провели время, мой дорогой майор, просто чудесно!

— Это хорошо, — сказал Викерс. — Она слишком прямодушна, моя девочка, и посторонние люди ее иногда не понимают. Правда, малышка?

Малышка весело тряхнула головой.

— Не знаю, — сказала она. — Что же во мне непонятного? Но ведь ты хотел нам рассказать что-то интересное, папочка. Что случилось, дорогой?

— Чрезвычайное происшествие, — ответил Викерс, и взгляд его помрачнел. — Они поймали тех негодяев.

— Что?! Нет, не может быть! — И Сильвия повернула к нему встревоженное личико.

Для этих людей негодьями были только бунтовщики с «Морского ястреба».

— Четверо из них находятся здесь, в порту, на борту «Леди Джейн» — Рекс, Баркер, Ширс и Лесли. Это самая потрясающая история, какую я когда-либо слышал. Эти парни попали в Китай и выдали себя за потерпевших кораблекрушение. Торговцы в Кантоне провели подписку, собрали для них деньги и отправили их в Лондон. Вот там-то их и опознал старый Пайн — бывший судовой врач на корабле.

Покраснев от волнения, Сильвия опустилась на ближайший стул.

— А где остальные?

— Двоих казнили в Англии. Шестеро сбежали, а этих привезли сюда, чтобы судить.

— О каком преступлении вы говорите, дорогой сэр? — спросил Микин, разглядывая херес с видом святого, соблюдающего пост.

— О пиратском захвате брига пять лет тому назад, — ответил Викерс. — Эти мерзавцы высадили мою бедную жену с дочерью на необитаемую землю и оставили их умирать голодной смертью. Если бы не Фрер — благослови его бог! — они, конечно, погибли бы. Бунтовщики застрелили лоцмана и одного из солдат... но это длинная история, ее сразу не расскажешь.

— Я уже слышал о ней, — сказал Микин, посасывая херес, который принес ему слуга-арестант. — А так же о вашем благородном поведении, капитан Фрер.

— О, пустяки,— сказал Фрер, краснея.— Нам всем пришлось нелегко. Малышка, ты выпьешь стаканчик вина?

— Нет,— сказала Сильвия.— Я не хочу вина.

Она смотрела на полоску солнечного света, проникавшего сквозь шторы, как будто эта яркая полоска могла пролить свет на прошлые события.

— В чем дело? — спросил Фрер, наклоняясь к ней.

— Я пыталась вспомнить, но не могу. У меня в голове все перепуталось. Помню только широкий берег, огромное море и двоих людей, один из которых — ты, дорогой,— нес меня на руках.

— Боже мой! — прошептал мистер Микин.

— Она была совсем маленькая,— поспешно пояснил Викерс, как будто не желая признать, что причиной забывчивости является болезнь.

— О нет, мне было уже двенадцать лет,— сказала Сильвия,— я была вовсе не маленькая. Думаю, что лихо-радка превратила меня в дурочку.

Фрер, с беспокойством взглянув на нее, заерзал на своем месте.

— Ну полно, перестань, не думай об этом! — сказал он.

— Морис! А что случилось с тем, другим человеком? — вдруг спросила она.

— Каким другим человеком?

— Ну с тем, который был с нами. Тот, другой, ты же знаешь.

— Бедняга Бейтс?

— Нет, не Бейтс. Каторжник. Как его звали?

— Ах, каторжник! — процедил Фрер с таким видом, будто и он забыл обо всем.— Но ты же знаешь, солнышко, его сослали в Порт-Артур.

— А! И он все еще там? — проговорила Сильвия, вздрогнув.

— Наверно,— сказал Фрер, нахмурившись.

— Между прочим,— заметил Викерс,— этого человека придется вызвать в суд. Нам нужно опознать негодяев.

— А разве мы с вами не можем это сделать без него? — с тревогой в голосе осведомился Фрер.

— Боюсь, что нет. Я не решусь под присягой опознать человека через пять лет.

— Да неужели?! — воскликнул Фрер.— А я присягну в любую минуту. Мне достаточно только раз увидеть человека — и я его запомню на всю жизнь.

— И все-таки лучше привезти несколько арестантов, которые были в то время в Макуори-Харбор,— заключил Викерс, желая поскорее закончить спор.— Уж теперь-то я не допущу, чтобы преступники выскользнули у меня из рук.

— Скажите, а в Порт-Артуре есть еще старики? — осведомился Микин.

— Да, «вечники»,— ответил Викерс.— Осужденные по приговору колониального суда. Закоренелые преступники. Теперь Порт-Артур занял место Макуори-Харбор. Какое волнение поднимется среди них, когда шхуна придет туда в понедельник!

— Волнение? Да неужели? Как интересно! А зачем туда пойдет шхуна? — спросил Микин.

— Чтобы привезти свидетелей, дорогой сэр. Большинство тамошних каторжников приговорены пожизненно, и путешествие в Хобарт-Таун будет для них праздником.

— Стало быть, они никогда не покидают этого места? — полюбопытствовал Микин, покусывая сухарик.— Это ужасно!

— Никогда, разве только в случае смерти,— со смехом ответил Фрер.— И тогда их хоронят на острове. О, это чудесное местечко! Вам надо бы съездить туда со мной и посмотреть, мистер Микин. Там очень живописно, уверяю вас.

— Дорогой Морис,— сказала Сильвия и отошла к пианино, как бы желая выразить протест против того направления, которое принял разговор,— как ты можешь так говорить?

— Мне бы очень хотелось увидеть это место,— сказал Микин, все еще грызя сухарик,— так как сэр Джон что-то говорил о должности капеллана в Порт-Артуре, а климат там, насколько я понимаю, вполне терпимый.

Вошел слуга и, передав майору какую-то официальную бумагу, окинул взглядом элегантного священника. Морис снова рассмеялся.

— О, климат замечательный,— сказал он.— И притом там совершенно нечего делать. Место для вас весьма подходящее. Это наша небольшая колония. Все скандалы, происходящие на Земле Ван-Димена, замышляются в Порт-Артуре.

Тон этого салонного разговора никак не соответствовал его теме — острову-кладбищу и людям, осужденным на пожизненную каторгу. Возможно, что так думала Сильвия,

которая вдруг взяла несколько громких аккордов, что и вынудило собеседников из вежливости замолчать. Разговор оборвался, и мистер Микин почувствовал, что настало время прощаться.

— До свиданья, дорогая мисс Викерс, — сказал он, вскоре вставая и подходя к ней со сладчайшей обворожительной улыбкой. — Благодарю вас за прекрасную музыку. Вы сыграли мою любимую пьесу. Она была также любимой пьесой дорогой леди Джейн и епископа. Пожалуйста, извините меня, капитан Фрер, но это невероятное происшествие — поимка преступников — причина того, что я решился коснуться столь деликатной темы. Какое наслаждение созерцать вас вместе с драгоценной юной леди! Спасенная и спаситель, дорогой майор, вы, конечно, помните, что «никто как храбрец и никто как храбрец и только храбрец достоин красавицы». Итак — приятного вам вечера.

Викерсу это очень польстило — он всегда чувствовал расположение к любому, кто хвалил его дочь.

— Конечно, мое приглашение несколько преждевременно, — сказал он Микину, — однако если у вас не будет ничего лучшего — приходите к нам обедать на рождество! У нас обычно собирается небольшое общество.

— Я буду в восторге, — ответил Микин, — в восторге, уверяю вас. Это так приятно — встретить в этой прелестной колонии людей одного с вами воспитания и одних с вами вкусов. Родные души находят друг друга — не правда ли, мисс Викерс? Да, конечно, я приду к вам! А пока еще раз — доброго вам вечера!

Когда дверь закрылась, Сильвия расхохоталась.

— Какой смешной человек! — сказала она. — Как он противен с его перчатками и зонтиком, с его прической и духами! Вообразить только, что этот жеманный олух будет указывать мне путь в царствие небесное! Нет, я бы предпочла старого мистера Боуэса, хотя он слеп как крот и злит всех тем, что «прячет свои козыри», как ты выражаешься.

— Дорогая моя Сильвия, — серьезно ответил Викерс, — мистер Микин священник, ты это знаешь.

— Знаю, — парировала Сильвия, — но ведь священник может разговаривать по-человечески, правда? Почему они посылают сюда таких типов? Уверена, что он гораздо больше пригодился бы на родине. О, кстати, папочка, бедный Денни опять вернулся. Я разрешила ему пойти на кухню. Ведь ты не возражаешь?

— Ах ты, моя проказница, опять ты зазываешь в дом бродяг,— сказал Викерс, целуя ее.— Придется мне, видно, оставить его. Что он еще натворил?

— Жена посадила его в тюрьму за пьянство,— ответила Сильвия.— Хороша жена! И для чего только люди жепятся?

— Спроси Мориса,— улыбаясь, заметил отец.

Сильвия отвернулась и тряхнула головой.

— А что он знает об этом? Морис, ты настоящий медведь! И если бы ты не спас мне жизнь, я бы никогда тебя не полюбила. Ну ладно, можешь поцеловать меня.— И голос ее стал мягче.— Вся эта история с каторжником опять все во мне всколыхнула. И если бы я не любила тебя, дорогой, ты бы по праву назвал меня неблагодарной.

Морис Фрер сильно покраснел и поцеловал ее, а затем смущенно отошел к окну. Человек в серой одежде копался в саду и тихо посвистывал.

— Не так уж им плохо живется,— пробормотал Фрер.

— О чем ты? — спросила Сильвия запальчиво.

— О том, что я недостойн тебя! — вскричал Фрер.— Я... Я...

— Ты должен думать прежде всего о моем счастье, Морис,— ответила девушка.— Ведь ты же спас мне жизнь, не так ли? И я была бы просто дрянью, если бы не любила тебя! Не надо меня целовать,— добавила она, отстраняя его.— О, стало уже прохладно, пойдем-ка, папочка, погуляем в саду. А Морис пусть поразмыслит о своих недостатках.

Морис, несколько обескураженный, посмотрел вслед удаляющейся паре.

«Она всегда предпочитает мне отца,— пробормотал он.— Да и любит ли она меня на самом деле, или это только выражение благодарности?»

Все пять лет, что он ухаживал за Сильвией, он часто задавал себе этот вопрос, но ответа найти не мог.

Глава 31

О ЧЕМ ПРОСИЛА САРА ПЭРФОЙ

Вечер прошел так же, как и сотни других вечеров, и, выкурив трубку у бараков, капитан Фрер вернулся домой. Он жил в коттедже на Нью-Таун-Роуд с тех пор, как был назначен помощником полицейского судьи. Эту должность

он получил в награду за свои подвиги во время бунта на «Морском ястребе». Капитан Морис Фрер поднялся высоко по служебной лестнице. Живя в Хобарт-Тауне, он занял видное положение в обществе и получил ряд постов, дававшихся в 1834 году офицерам гарнизона. Он был начальником тюрьмы в Бриджуотере, а когда ему дали чин капитана, его перевели в Ботвелл помощником полицейского судьи. Дело о захвате «Морского ястреба» вызвало много шума, и было решено, что первая же почетная вакансия будет предоставлена отважному спасителю дочери майора Викерса.

Майор Викерс тоже процветал. Он всегда был человеком бережливым и, скопив деньги, купил землю по сходной цене. «Система приписок»¹ позволила ему за грошовую плату использовать труд каторжан, и, следуя здешнему обычаю, он обзавелся рогатым скотом и овцами. Он продал свой офицерский патент и стал теперь сравнительно богатым человеком, владевшим прекрасными земельными угодьями и домом. Он был на хорошем счету у губернатора. Должность старшего смотрителя обязывала его принимать деятельное участие в местном управлении, и потому он был всегда на виду. Майор Викерс против своей воли превратился в колониста и силою обстоятельств стал одним из влиятельных людей в колонии на Земле Ван-Димена.

Дочь его считалась завидной партией. Многие прапорщики и лейтенанты, проклинавшие свою тяжкую жизнь в военных казармах, сыновья овцеводов, живущих на фермах в горах, энергичные клерки из администрации завидовали удаче Мориса Фрера. Некоторые даже поговаривали, что красавица дочь блюстителя Королевских предписаний слишком хороша для грубого краснолицего Фрера, которого влекло к низшим слоям общества и который отличался властным, даже свирепым характером. Никто не отрицал, однако, что капитан Фрер — достойный офицер. Говорили даже, что благодаря своим вкусам и привычкам он знает больше о хитрых уловках каторжан, чем кто-либо другой на острове, и даже поговаривали о том, что он переедвался и смешивался с арестантами, получившими пропуск, или «приписанными» слугами, чтобы изучить их секреты и тайный язык. Когда он был начальником тюрьмы в Бриджуотере, он любил ругать кандалников на их собственном отвратительном языке и удивлять новичков

---

¹ Система найма каторжан поселенцами.

доскональными сведениями об их прошлом. Каторжане ненавидели его и в то же время раболепствовали перед ним, так как при всей грубости и жестокости он умел неожиданно быть снисходительным, и тогда он негласно разрешал им отлучаться из бараков без пропусков. Однако, как говорили арестанты, «с капитаном надо было ухо держать востро», ибо, выпив и пошутив с ними, он вдруг исчезал в боковую дверь при первом же появлении констеблей, как кабацкий оракул, перед которым только что лебезила хозяйка, и на следующее утро он так безжалостно наказывал пойманных нарушителей, будто сам никогда в жизни не переступал порога кабака. Начальство называло это «рвением», а подчиненные — «предательством». А он в душе посмеивался над теми и другими.

— Чего с этими подлецами церемониться? — говорил он не раз.

Когда приблизилось время его свадьбы, он несколько умерил свои донжуанские аппетиты, стараясь вести себя так, чтобы знакомые забыли о громких скандалах, связанных с его любовными похождениями, хотя раньше их огласка его ничуть не трогала. Когда он был комендантом острова Мариш, а также в первые два года по возвращении из злополучной экспедиции в Макуори-Харбор он не боялся общественного мнения и не пытался обуздать свои пороки. Но когда в нем зародилось и окрепло страстное чувство к чистой молодой девушке, смотревшей на него как на спасителя, он решил скрыть от нее темные страницы своей жизни в колонии и никогда больше не вспоминать о них. Он ни в чем не раскаивался, и ничто в них его не отвращало. Он просто пришел к выводу, что когда человек женится, он должен положить конец некоторым экстравагантным холостяцким привычкам. Он «перебесился», как все молодые люди. Возможно даже, что, подобно многим юнцам, он хватил в этом лишку, но его отнюдь не преследовали призраки его прошлого. Но он был слишком прозаичен и не допускал существования призраков. Сильвия, с ее добродетелями и чистотой, была настолько выше его, что, глядя на нее, он напрочь забыл о низких и грязных созданиях, с которыми был близок, и смотрел на свои прежние грехи, искупленные влечением к светлому юному существу, как на зло, совершенное в прошлом, зло, за последствия которого он не отвечает.

Однако сейчас одно из таких «последствий» оказалось совсем вблизи от него. Его слуга-арестант, который сле-

дил за домом в отсутствие хозяина, тотчас по его возвращении подал ему письмо, адрес на котором был написан женской рукой.

— Кто принес это? — спросил Фрер, поспешно разрывая конверт.

— Грум, сэр. Он сказал, что какой-то джентльмен в «Георге Четвертом» хочет вас видеть.

Фрер усмехнулся, восхищаясь умом женщины, придумавшей такую версию, и тут же нахмурился, ознакомившись с содержанием письма.

— Можешь больше не ждать меня, — сказал он. — Я уйду.

Сменив форменную фуражку на мягкую шляпу и выбрав трость из богатой коллекции тростей, стоявшей в углу, он снова собрался в путь.

«Чего она еще хочет?» — сердито думал он, шагая по залитой лунным светом дороге.

Но под раздражением скрывалось обидное сознание, что чего бы она ни потребовала, она имеет на это право.

«Георг Четвертый» помещался в длинном низком строении на Элизабет-стрит. Фасад его был выкрашен в тусклый темно-красный цвет, по узенькие окна, пышные красные шторы и удобная мебель как бы имитировали веселость и уют старого английского дома. Группа людей у входа мгновенно растаяла, как только появился капитан Фрер, так как было уже больше одиннадцати часов, а все пешеходы, попадавшие на улице позже восьми, обязаны были предъявить пропуск или объяснить, по какому делу они идут. Констебли из арестантов не слишком церемонились при выполнении своих обязанностей, а вид Фрера в летнем костюме из легкой синей шерсти очень напоминал этих констеблей в их форменной одежде.

Толкнув боковую дверь уверенным жестом завсегда, Фрер вошел в дом и направился к стеклянной двери в конце узкого коридора. На его стук появилась белолицая, рябая ирландская девушка, которая сразу узнала посетителя и сделала ему почтительный реверанс. Она провела его наверх, в просторную, красиво обставленную комнату с тремя окнами, выходящими на улицу. На полу лежал мягкий ковер, свечи ярко горели, и поднос с ужином, стоявший на столе между окнами, выглядел очень аппетитно. Когда он вошел, к его ногам с лаем кинулся маленький терьер. Очевидно, Фрер не был здесь частым гостем. Шорох шелкового платья выдал присутствие в ком-

нате женщины, и Фрер, обогнув изголовье оттоманки, оказался лицом к лицу с Сарой Пэрфой.

— Спасибо, что пришел,— сказала она.— Садись, пожалуйста.

Это были первые слова, ознаменовавшие их встречу, и Фрер сел, повинаясь движению ее пухлой руки, украшенной сверкающими кольцами.

Одиннадцать лет, прошедших с тех пор, когда мы в последний раз видели эту женщину, пощадили ее. Ножки Сары были по-прежнему малы и изящны и руки сохранили свою белизну. Густые, волнистые, как прежде, волосы обрамляли ее лицо, а глаза не утратили своего опасного блеска. Однако фигура ее несколько отяжелела, и очертания белой руки, видневшейся сквозь прозрачный рукав, вызскательный художник захотел бы облагородить. Но самая заметная перемена произошла в ее лице. Овал его утратил свою хрупкую чистоту, делавшую его прелестным, щеки стали толще, кое-где на них обозначились тоненькие красные прожилки — признак того, что кровь с трудом пульсирует в венах — первый предвестник увядания женской красоты. Вместе с полнотой фигуры, столь свойственной чувственным женщинам среднего возраста, в ее манерах и речи появился неприятный налет вульгарности, всегда являющийся следствием нравственной распушенности.

Морис Фрер заговорил первым. Ему хотелось как можно быстрее закончить свой визит.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил он.

Сара Пэрфой рассмеялась, но смех этот прозвучал так неестественно, что Фрер удивленно покосился на нее.

— Я прошу, чтобы ты оказал мне услугу — очень большую услугу. Если это, конечно, не будет в ущерб тебе.

— Что ты имеешь в виду? — резко оборвал ее Фрер и сердито сжал губы. — Услугу? А вот это все? — И он стукнул кулаком по дивану, на котором сидел. — Тебе этого мало? Весь этот дом с мебелью — разве это не услуга? Чего ты еще хочешь?

К его изумлению, женщина вдруг разразилась слезами. Некоторое время он молча смотрел на нее, не желая поддаваться этой дешевой уловке, но затем почувствовал необходимость что-то сказать.

— Ты опять стала пить? — спросил он. — Что с тобой? Скажи, чего ты хочешь, и давай покончим с этим. Дернуло же меня прийти сюда неизвестно зачем!

Сара выпрямилась и сердито смахнула слезы.

— Я больна, разве ты не видишь, дуралей? — сказала она. — Эти вести меня расстроили. А если я и выпила, то что здесь плохого? Тебя это не касается.

— Разумеется, — ответил он, — это твое дело. Если тебе правится глушить бредни, пей на здоровье!

— Конечно, ведь не ты за это платишь! — отпаривала она, и было ясно, что ссорятся они не впервые.

— Ну ладно, — грубо оборвал ее Фрер. — Говори, что тебе нужно. Не могу же я торчать здесь всю ночь.

Она вдруг встала и подошла к нему.

— Морис, ты когда-то был очень влюблен в меня.

— Это было давно.

— Не так уж давно.

— Прекрати! — крикнул он, вырывая свою руку из вцепившихся в нее пальцев. — Чего там ворошить прошлое! Все это было до того, как ты стала пить, ругаться и вообще вести себя как сумасшедшая.

— Ну что ж, голубчик мой, — сказала она, и ее пылающий взгляд не вязался с мягкостью тона. — Я же и пострадала за это сама, разве не так? Разве не ты выгнал меня на улицу? Разве не ты меня бил хлыстом, как собаку? Не ты ли упрятал меня в тюрьму? Трудновато с тобой бороться, Морис.

Ему польстило признание его упорства, на это и рассчитывала ловкая женщина,

Он улыбнулся.

— Ладно, Сара, что было, то прошло. В общем, ты неплохо устроилась. — Он окинул взглядом нарядную комнату. — Чего же ты еще хочешь?

— Сегодня утром прибыл корабль.

— Ну и что?

— Ты-то знаешь, кто был на его борту, Морис.

Морис громко расхохотался и стукнул себя кулаком по ладони.

— Так вот в чем дело! Какой же я болван, что раньше не догадался! Хочешь повидать его?

Она подошла вплотную к нему и решительно сжала его руку.

— Я хочу спасти ему жизнь!

— Ишь какая добрая! Спасти ему жизнь! Это невозможно.

— Для тебя это возможно.

— Чтобы я спас жизнь Джону Рексу? — воскликнул Фрер. — Нет, ты совсем помешалась!

— Он единственный человек, Морис, который любит меня, единственный, кто обо мне думает. Он ничего плохого не сделал. Он только хотел получить свободу — но это же так естественно, правда? Ты можешь спасти его, если захочешь. Я прошу только сохранить ему жизнь. Тебе ведь это ничего не стоит, верно? Какой-то жалкий арестант. Кому нужна его смерть? Пусть он живет, Морис!

Морис рассмеялся.

— А при чем тут я?

— Ты главный свидетель против него. Если ты скажешь, что он обошелся с вами по-человечески — а ведь это так и было, ты отлично знаешь, что будь другой на его месте, он просто бросил бы вас умирать с голоду, — если ты это скажешь, они его не повесят.

— Ты думаешь? Мои слова ничего не изменят.

— О, Морис, будь милосердным!

Она склонилась к нему, пытаясь удержать его руку, но он ее отдернул.

— Нашлась умица! Пресишь меня помочь твоему любовнику — негодяю, который, и глазом не моргнув, оставил меня умирать на том проклятом берегу, — сказал он, с отвращением вспомнив, какому унижению он подвергся пять лет назад. — Спасти его! Да провались он к черту, знать его не хочу!

— Нет, Морис, ты должен его спасти, — проговорила она, с трудом сдерживая рыдание. — Ну что тебе стоит? Меня ты больше не любишь. Ты меня избил и выгнал из дому, хотя я ничего дурного тебе не сделала. А этот человек был моим мужем еще до того, как мы с тобой встретились. Он зла тебе не причинил и никогда не причинит. Если ты его спасешь, он будет благословлять тебя всю жизнь!

Фрер нетерпеливо вскинул голову.

— Мне не нужны его благословения. Пусть болтается в петле! Кому он нужен?

Она продолжала настаивать, простирая к нему свои белоснежные руки, слезы лились из ее глаз, она даже бросилась на колени, хватаясь за его сюртук и умоляя его сумбурными, горячими словами. В ее дикой, суровой красоте и отчаянии было что-то от покинутой Ариадны, от молящей Медеи. Она походила на кого угодно, только не на себя — распущенную, полубезумную женщину, вымаливающую пощаду для каторжника-мужа.

Морис Фрер оттолкнул ее с проклятием.

— Встань! — в ярости крикнул он. — Встань и прекрати молоть вздор. Говорю тебе, твой Рекс уже почти мертвец и ни черта я для него делать не стану!

После такого отпора чувства, дотоле сдерживаемые, наконец прорвались. Вскочив на ноги и откинув упавшие на лицо волосы, она вылила на него целый поток оскорблений:

— Ты! А кто ты такой, что смеешь так со мной разговаривать? Ты и мизинца его не стоишь! Он смелый человек, настоящий мужчина, а не трус вроде тебя. Да, ты — трус, трус, трус! Ты храбрец только против беззащитных людей и слабых женщин. Ты избивал меня до спячков, подлец! А разве ты посмел бы когда-нибудь поднять руку на человека, не связанного и не скованного цепями? О, я знаю тебя! Я видела, как ты измывался над арестантом у треугольника. Мне так хотелось, чтобы тот бедняга каким-то чудом порвал свои узы и убил тебя! Потому что ты, Морис Фрер, этого заслуживаешь. Помяни мое слово, час расплаты настанет и для тебя! Люди — из плоти и крови, а плоть и кровь вопиют против тебя, вопиют о муках, которым ты их подвергал.

— Ладно, хватит, — оборвал ее Фрер, бледнея. — Перестань беситься!

— Я знаю тебя, злобный негодяй! Не зря я была твоей любовницей — прости меня, господи! Я достаточно хорошо тебя изучила. Я видела все твое невежество и хитрость, знала твоих друзей, которые бражничали вместе с тобой, ели твой хлеб, пили твое вино и смеялись над тобой. Они называли тебя собакой, но собаки умнее тебя, и собачье сердце привязчиво и помнит добро. О, господи! И такие мерзавцы, как ты, управляют нами. Такие звери, как ты, держат в своих руках судьбы людей! Ты говоришь, что его повесят? Ну, так и я буду висеть рядом с ним. И да простит мне бог мое преступление — я убью тебя собственными руками!

Фрер съезжился под этим потоком ярости; услышав, как она выкрикнула свою последнюю угрозу, он резким движением хотел схватить ее, но Сара сама кинулась на него со смелостью отчаяния.

— Ну, ударь меня! Нет, не посмеешь! Я презираю тебя! Позови сюда своих собутыльников, которые изучают дорогу в ад в этом проклятом доме, и пусть они посмотрят, как ты бьешь меня. Позови их! Ведь они старые твои друзья. Все знают капитана Мориса Фрера!

— Сара!

— Ты помнишь Люси Барнес — бедную маленькую Люси Барнес, которая украла всего на шесть пенсов коленкору? Она сейчас внизу. Узнал бы ты ее, если бы увидел? Это уже не девочка, какой она была, когда ее прислали сюда на «перевоспитание» и когда лейтенанту Фреру понадобилась новая служанка с фабрики. Позови ее, позови! Спроси о ней любого из этих зверей, которых ты порешишь и заковываешь в кандалы. Тебе о ней все расскажут — и не только о ней, а и о многих других загубленных душах, попавших в лапы какого-нибудь пьяного скота, укравшего фунт стерлингов, чтобы потешить сатану. Боже всевышний, неужели ты не покароешь этого человека?!

Фрер задрожал. Он часто бывал свидетелем бурных взрывов ярости у этой женщины, но еще никогда не видел ее такой взбешенной. Это испугало его.

— Ради бога, Сара, успокойся. Чего ты хочешь? Что ты затеяла?

— Я пойду к этой девушке, на которой ты хочешь жениться, и расскажу ей все, что знаю о тебе. Я видела ее на улице — она отворачивалась, проходя мимо меня, и подбирала подол своего муслинового платья, когда его касались мои шелка. Она презирает меня — меня, которая ее нячила, которая слушала ее детские молитвы, — прости меня, господь! — и я знаю, что она думает о таких женщинах, как я. Она хорошая, добродетельная и холодная. Она содрогнется, узнав о тебе то, что знаю я. Она возненавидит тебя! А я скажу ей все, да, все! Ты хочешь быть порядочным, примерным супругом? Подожди, пока я не расскажу ей свою историю и не пошлю к ней других женщин, которые ей тоже кое-что расскажут. Ты убиваешь мою любовь — я задушу и уничтожу твою!

Фрер схватил ее за кисти рук и силой заставил опуститься на колени.

— Не смей произносить ее имени, — хрипло сказал он, — иначе тебе не поздоровится. Я понимаю твои намерения — не такой уж я дурак, как ты думаешь! Берегись! Мужчины убивают таких, как ты, и теперь я вижу, как их до этого доводят.

Несколько минут они оба молчали. Наконец Фрер отпустил ее руки и отошел в сторону.

— Я сделаю то, что ты просишь, но при одном условии.

— Каком?

— Чтобы ты отсюда уехала.

— Куда?

— Куда хочешь — чем дальше, тем лучше. Я заплачу за билет до Сиднея; останешься ли ты там или поедешь дальше — твоё дело.

Она немного успокоилась, видя, что он сдаётся.

— А как же этот дом, Морис?

— Ты не должна за него?

— Нет.

— Ну, так оставь его. Меня это уже не касается. Уезжай.

— Можно мне повидать его?

— Нет.

— О, Морис!

— Ты увидишь его на скамье подсудимых. — Фрер было рассмеялся, но, увидев, как блеснули её глаза, тут же оборвал смех. — Ну ладно, ладно, я не хотел тебя оскорблять.

— Ты меня не оскорбил. Говори.

— Послушай, — упрямо продолжал он, — если ты уедешь и обещаешь никогда не появляться и не впутываться в мои дела, я сделаю то, что ты просишь.

— А именно? — спросила она, не в силах удержать торжествующую улыбку.

— Я не скажу всего, что знаю об этом человеке. Я скажу, что он отнесся ко мне по-дружески. Я сделаю все, чтобы спасти его жизнь.

— Ты можешь спасти её, если захочешь.

— Хорошо, попробую. Даю слово, что попробую.

— И я должна тебе верить? — спросила она с сомнением. И тут же добавила тоном слезной мольбы, казавшейся странной после вспышки столь бурной ярости: — Ты ведь не обманешь меня, Морис?

— Нет. Зачем мне тебя обманывать? Ты сдержишь свое обещание, а я свое. Договорились?

— Да.

Он пристально посмотрел на нее, затем круто повернулся и пошел к двери. Но она снова окликнула его. Отлично зная Фрера, она чувствовала, что он сдержит свое слово, но, будучи женщиной, не могла напоследок удержаться от насмешки.

— В нашей сделке нет такого условия, которое помешало бы мне устроить ему побег, — сказала она с улыбкой.

— Побег? Он уже больше не убежит, за это я ручаюсь. В Порт-Артуре на него паденут двойные кандалы, и никуда он не убежит.

В ответ на ее улыбку его мрачное лицо прояснилось.

— Спокойной ночи, Сара,— сказал он.

Она протянула ему руку, как будто между ними ничего не произошло.

— Спокойной ночи, капитан Фрер. Значит, договор заключен?

— Заключен.

— Тебе далеко идти до дому. Хочешь глоток бренди?

— Отчего бы нет? — сказал он, подходя к столу и наливая себе в стакан.— Желаю тебе счастливого пути!

Сара Пэрфой рассмеялась.

— Странные существа люди,— сказала она.— Кто бы подумал, что мы только что невесть какими словами называли друг друга. Да, я становлюсь ведьмой, если меня разозлить,— верно, Морис?

— Помни свое обещание,— сказал он с угрозой, направляясь к двери,— ты должна отплыть на первом же корабле.

— Не бойся, уеду.

Выйдя на прохладную улицу и глядя на тихие звезды и мирно спящее море, чей покой он не мог разделить, Фрер попытался отбросить страх и волнение, все еще владевшие им. Эта встреча испугала его, потому что заставила задуматься. Казалось жестоким, что в ту пору, когда он открывал новую страницу своей жизни, старая грязь просочилась на чистый лист, и прошлое, которое он упорно старался забыть, вдруг так грубо напомнило о себе.

Глава 32

ИСТОРИЯ ДВУХ СТЕРВЯТНИКОВ

Листая предыдущие страницы, читатель, несомненно, задал себе вопрос: «Что их связывало между собой—Джона Рекса и Сару Пэрфой?»

В 1825 году в Сент-Гелье, Джерси, жил часовщик по имени Урбан Пэрфой. Этот трудолюбивый ремесленник скопил немного денег — достаточно, чтобы дать своей внучке образование несколько лучше обычного для тех времен. В шестнадцать лет Сара Пэрфой была легкомысленна, настойчива и развита не по годам. У нее были большие темные глаза. Свой пол она презирала, но восхищалась молодыми и красивыми представителями другого. Соседи считали, что она держится чересчур высокомерно, неподобающе своему положению в обществе. Дед называл

ее красавицей, говорил, что она очень похожа на его бедную любимую дочь. Сара была низкого мнения о своих женских чарах, но высокого мнения о своем уме. Девушкой она была жизнерадостной, чувственной, мало склонной к религиозным сантиментам. Нравственные добродетели она не слишком чтит, так как не придавала им значения. Зато она преклонялась перед храбростью и отвагой. Испытывая отвращение к своей унылой и однообразной жизни, Сара часто шла наперекор общепринятым условностям. Она приобрела известность своим пристрастием к эксцентрическим туалетам и была счастлива, когда люди превратно истолковывали ее поведение. Сара принадлежала к числу тех девушек, о которых женщины говорят: «Жаль, что у нее нет матери», — а мужчины: «Жаль, что у нее нет мужа», — сами же эти девушки думают об одном: «Когда же у меня будет любовник?»

Недостатка в претендентах на такую роль среди офицеров, квартирующих в Форт-Рояль и в Форт-Генри, не ощущалось, но поскольку женское население острова было свободно и многочисленно, то при таком разнообразном выборе Сара оставалась незамеченной. Хотя она и обожала офицеров, все же первым ее любовником стал человек штатский. Гуляя однажды вдоль обрыва над морем, она встретила молодого человека. Роста он был высокого, хорош собой и красиво одет. Звали его Лемуан — он был сыном весьма состоятельного человека, живущего в этих местах, он приехал из Лондона, чтобы отдохнуть и повидать друзей. Его внешность произвела впечатление на Сару, и она оглянулась, чтобы посмотреть ему вслед. Видимо, Сара ему тоже понравилась, он также оглянулся и пошел следом за ней. Сказал что-то насчет погоды, голос его показался ей божественным. И так завязался разговор: о здешних красотах, об уединенных прогулках и скучной жизни в Сент-Гелье. «Часто ли вы гуляете здесь?» — «Иногда». — «Будете ли вы здесь завтра?» — «Возможно». Господин Лемуан приподнял шляпу и пошел обедать, очень довольный собой.

Они встретились на следующий день и еще через день. Лемуан не был джентльменом, но он жил среди джентльменов и усвоил кое-что из их манер. Он считал, что добродетель — пустая условность, что свет больше уважает людей богатых и могущественных, нежели честных бедняков. Сара охотно согласилась с подобными взглядами. Ее дед был честным бедняком, и никто его не уважал — по крайней мере так, как ей бы хотелось. Вдобавок к живо-

сти ума, Лемуан был красив и имел деньги — однажды он показал ей целую пригоршню банкнотов. Он рассказывал ей о Лондоне и важных дамах, намекнул, что они далеко не всегда добродетельны. По его уклончивости можно было заключить, что именно он был причиной их падения. Сара несколько не удивилась этому. Будь она важной леди, она вела бы себя так же. Итак, она начала кокетничать с этим обольстительным молодым человеком и намекнула ему, что слишком хорошо знает людей, чтобы придавать цену добродетели. Он принял ее игру за невинность и решил, что одержал победу. Тем более что девушка была красива и, будучи прилично одетой, выглядела бы достаточно хорошо. На пути их любви было только одно препятствие — франтоватый распутник был беден. В Лондоне он жил не по средствам, и отец не намеревался увеличить сумму, выдаваемую ему на жизнь.

Саре Пэрфой он нравился больше других молодых людей, но в каждой сделке имеются две стороны. Саре хотелось уехать в Лондон. Напрасно ее возлюбленный вздыхал и клялся в любви. Пока он не давал ей обещания увезти ее в Лондон, она оставалась столь же целомудренной, как девственница Диана. Чем больше она упорствовала, тем сильнее разгоралась его страсть, которая росла пропорционально ее сопротивлению, и в конце концов он занял двести фунтов у доверенного клерка своего отца (Лемуаны были купцами) и выполнил ее желание, взяв ее в Лондон. Но ни с той, ни с другой стороны настоящей любви не было — движущей пружиной всего этого романа было тщеславие. Лемуан терпеть не мог поражения, и Сара рассчиталась за путешествие в Англию и выход в свет тем, что стала его любовницей.

Не будем описывать ее жизнь в эту пору. Достаточно сказать одно: она убедилась в том, что порок не всегда ведет к счастью и даже в этом мире не всегда вознаграждается по достоинству. Насытившись и разочаровавшись во всем, она вскоре устала от такой жизни и стремилась бежать от ее утомительных развлечений. И тут она влюбилась.

Предметом ее любви стал некто Лайонел Крофтон. Это был высокий, красивый, хорошо сложенный человек с вкрадчивыми манерами. Черты его лица были отмечены красотой, наиболее примечательным в его внешности были глаза — угольно-черные, как и волосы. Он был широкоплеч, крепок, его руки, ноги были изящные, но сильные. Красивая голова округлой формы, необычайно маленьке

уши были плотно прижаты к голове. Вот в этого-то человека, который был только на четыре года старше ее, Сара в свои семнадцать лет влюбилась до безумия, несмотря на то, что он хотя и отвечал ей взаимностью, но не выносил никаких капризов, обладал неукротимым нравом, находившим выход в ругани и даже побоях. У него не было никакой профессии или занятия, и, обладая приятными манерами, он был еще менее джентльменом, чем Лемуан. Однако Сару влекло к нему неодолимое чувство, одно из тех, что составляют смысл жизни для женщин ее типа, и она была ему предана. Тронутый ее привязанностью и оценив ее ум, а также отсутствие строгих моральных устоев, он признался ей, кто он такой: мошенник, подделыватель бумаг и вор по имени Джон Рекс. Когда она услышала об этом, ее охватил какой-то мрачный восторг. Он рассказал ей о своих проделках, ловких трюках, побегах и преступлениях, и, поняв, что этот молодой человек годами обманывает и грабит мир, который обманул и отверг ее, она всем сердцем потянулась к нему. «Я рада, что мы встретились, — сказала она. — Один ум хорошо, а два лучше. Мы будем работать вместе».

Джон Рекс, известный в кругу друзей под кличкой Денди Джек, считался сыном человека, много лет прослужившего у лорда Беллазиса в должности лакея. Тот оставил службу у этого развратного аристократа, успев обзавестись порядочной суммой денег и женой. Джон Рекс учился в одной из лучших школ в округе и в шестнадцать лет получил, благодаря связи между матерью и бывшим господином отца, должность клерка в старинном банковском доме. Рекс-старший привык не стесняясь рассуждать о «джентльменах» и о «высшем обществе». Миссис Рекс страстно любила своего сына и внушала ему желание блистать в аристократических кругах. Он был умный малый без каких бы то ни было нравственных правил: он лгал не краснея и охотно воровал, когда считал, что это пройдет безнаказанно. Он был осторожен, хитер, тщеславец, не лишен фантазии и безрассуден. У него было тонкое чутье, изобретательность и гибкий ум, а представление о нравственности почти отсутствовало. Он увидел, что его товарищи клерки лишены того палета «джентльменства», которое так ценила его мать, и поэтому он презирал их. Ему хотелось пойти в армию — он был атлетически сложен и любил состязания в физической силе. Быть целыми днями прикованным к конторскому столу казалось ему невыносимым. Но Джон Рекс-старший велел ему «терпеть и

ждать, что будет дальше». Он так и делал, но в ожидании стал шляться по ночам, попал в дурную компанию и подделал имя одного из клиентов банка на чеке в двадцать фунтов. Неловкая подделка была тут же обнаружена. Подобные мошенничества со стороны клерков раскрываются легко, но, к сожалению, они не улучшают репутации банковских домов, и старинная фирма решила не преследовать виновника, а просто уволить его. Бывший лакей, некогда не любивший своего названного сына, сначала хотел выдворить его из дома, но потом, вняв просьбам жены, согласился устроить многообещающего мальчика в мануфактурный магазин на Сити-Роуд.

Эта служба оказалась для него неподходящей, и Джон Рекс собирался бросить ее. Жил он дома, сохраняя свое жалованье — тридцать шиллингов в неделю — как карманные деньги. Хотя он ловко орудовал кием и часто выигрывал суммы, значительные для человека его ранга, расходы его все же превышали доходы. Заняв деньги где только мог, он снова оказался в затруднительном положении. Недавний урок, однако, крепко засел у него в памяти, и он решил во всем признаться своей снисходительной матери и в будущем быть более расчетливым в тратах. Как раз в это время подвернулся тот «счастливый случай», который губит так много жизней. Умер старший приказчик магазина, и господина Баффети и К^о на несколько дней назначили обходительного Рекса его заместителем.

Старшие приказчики располагают большей самостоятельностью, нежели другие продавцы, и на третий день вечером Рекс пришел домой с мошком кружев в кармане. К сожалению, его долг превышал стоимость кружев, и он был вынужден украсть вторично. На сей раз его поймали. Один из приказчиков застиг его в тот миг, когда он прятал рулон шелка, чтобы потом вынести его из магазина; когда, к его изумлению, приятель крикнул: «Чур, пополам!», Рекс изобразил благородное негодование, но тут же понял, что притворяться бесполезно: его коллега был слишком хитер, чтобы поверить ему.

— Я видел, как вы его брали, сэр, — сказал он, — и если вы со мной не поделитесь, я скажу старому Баффети.

Довод был неоспоримым, и пришлось поделиться. Так они стали друзьями, и партнер помогал Рексу выносить товар из магазина и свел его со скупщиком краденного. Этот скупщик, вопреки всем канонам романтического вымысла, был не евреем, а ортодоксальным христианином. Он имел магазин подержанной одежды на Сити-Роуд,

по поговаривали, что в Лондоне у него было несколько лавок.

Мистер Бликс покупал краденое добро примерно за треть его стоимости; он был поражен изысканным видом Рекса.

— А я-то думал, что вы джентльмен, — сказал он.

Такие слова из уст бывшего человека являлись высокой похвалой. Ободренные успехом, Рекс и его сообщник украли еще несколько ценных вещей. Джон Рекс расплатился с долгами и снова почувствовал себя «джентльменом». Как раз в то время, когда он пребывал в состоянии полной безмятежности, Баффети обнаружил пропажу товаров. Ничего не зная об истории с банковским чеком, он не заподозрил Рекса — как можно, такой джентльмен! — по стал следить за его сообщником, человеком неотесанным и к тому же излишне бойким. Хозяин вызвал его к себе, но сообщник Рекса упорно отвергал все обвинения, и старик Баффети, человек, не чуждый милосердия и могущий легко примириться с потерей пятидесяти фунтов, дал ему отсрочку до следующего утра, когда тот должен был явиться с повинной и рассказать, куда подевались товары. Старик также намекнул, что в противном случае он обратится к констеблю, у которого есть свои методы убеждения. Приказчик со слезами на глазах прибежал к Рексу и поведал ему, что все пропало. Сам он не хочет признаваться, ибо это означало бы выдать Рекса, но если он не сознается, его самого предадут суду. Бежать было невозможно, так как ни у того, ни у другого не было денег. Оказавшись в затруднительном положении, Рекс вспомнил о комплименте Бликса, и ему захотелось стать достойным его. Если придется отступить, то он раньше дотла опустошит владения противника. Его уход должен быть подобен исходу израильтян — он уничтожит Египет.

Старшему приказчику полагались среди дня свободные полчаса для ленча. Джон Рекс использовал эти полчаса, чтобы нанять кеб и поехать к Бликсу. Этот достойный человек принял его сердечно, так как понял, что Рекс задумал большое дело, и тот быстро обрисовал ему план операции. Двери склада при магазине запирались на пружинный замок. Он останется там после закрытия и по условленному сигналу откроет дверь. Легкий экипаж или кеб останется ждать в переулке позади магазина, и три человека будут иметь вдосталь времени, чтобы нагрузить экипаж ценными товарами. Знает ли Бликс трех надежных людей? Единственный глаз Бликса заблестел. Да, он зна-

ет таких. В половине одиннадцатого они должны быть здесь. Это все? Нет. Джон Рекс не желал «проворачивать задаром» такое великолепное дельце. Добыча стоила по меньшей мере пять тысяч фунтов, и он потребовал от Бликса сто фунтов наличными в ту минуту, когда кеб остановится у его дверей. Бликс сперва решительно отказал: пусть лучше будет устроен дележ, покупать кота и мешке он не намерен. Рекс, однако, твердо стоял на своем — это был его единственный шанс. В конце концов ему были обещаны восемьдесят фунтов.

В ту же ночь случилось достопамятное событие, вошедшее в анналы Боу-стрит под названием «Великий шелковый грабеж», а через два дня после этого Джон Рекс и его сообщник, сидя за вкусным обедом в Бирмингеме, читали в лондонской газете малодостоверный отчет о случившемся.

Джон Рекс, решивший расстаться со скучной респектабельностью, простился со своим домом и начал осуществлять пожелания своей матери. Он все еще был по-своему «джентльменом». Пока не были истрачены восемьдесят фунтов, он жил роскошно, когда же они иссякли, утвердился в новой профессии — то была профессия мошенника. Наделенный красивой внешностью, остроумием и развязными манерами, он добавил к этим природным качествам блестящее искусство биллиардиста, ловкость рук карточного шулера и полезное знание житейского правила, гласящего: «Ты либо охотник, либо добыча».

Джон Рекс не принадлежал к числу мелких плутов. Врожденные способности и благоприобретенные навыки спасали его от грубых промахов. Он понимал, что для того, чтобы успешно надувать людей, нужно обладать не просто изобретательностью, а изобретательностью в превосходной степени. Если думать, что ты немного умнее большинства окружающих, тебя самого когда-нибудь обведут вокруг пальца. А оказаться хоть раз жертвой надувательства для мошенника — гибель. Более того, изучая историю раскрытых преступлений, Джон Рекс обнаружил, что за всеми этими грабежами, жульничествами и плутнями всегда скрывается какой-нибудь счастливчик, который извлекает выгоду из глупости своих сообщников. Это подало ему одну идею. Что, если он будет пользоваться не только собственными талантами, чтобы грабить своих ближних, но также и талантами других? В среде преступников тоже есть свои ранги. Он положил себе всегда быть на самом верху. Так зачем же пренебрегать хорошими

парнями, стоящими ниже? Его специальность — мошенничество, биллиард, карточная игра, добывание денег и товаров, но он никогда не рискнет делать больше двух-трех «операций» в год. А другие грабят дома, взламывают сейфы, крадут браслеты, бриллианты, часы и зарабатывают за одну ночь больше, чем он за шесть месяцев. Правда, их ремесло более опасно. Но тогда возникает вопрос: почему оно опасно? Да потому, что эти люди просто олухи! Они достаточно смелы и хитры на свой примитивный лад, но они пасуют перед сторуким, как Бриарей, и дремлющим, как Аргус, законом. Они хорошо выполняют черную работу: взламывают замки, вышибают двери и дурачат констеблей, но в тонких вопросах тактики нападения и бегства они, к сожалению, совсем не разбираются. Отлично. Тогда эти люди будут его руками, а он — их головой. Он будет разрабатывать планы грабежей, они — осуществлять их.

Действуя в различных сферах и никогда не отказывая в помощи товарищу, попавшему в беду, Джон Рекс за несколько лет стал в прямом смысле этого слова главарем шайки преступников. Водя дружбу со степенными клерками и с легкомысленными беспечными повесами из среднего класса, он узнавал подробности о плохо охраняемых домах и лавках с непрочными запорами, после чего направлял молодчиков из окружения Бликса на самую опасную работу. Под разными именами и в разных обличьях он проникал в высшие слои «солидного общества», где звери обращаются в птиц, а волки — в ягнят. — Богатые и влиятельные прожигатели жизни приглашали его в свои дома. И немало разорившихся богачей с удовольствием, а чаще с сожалением вспоминали мистера Антони Крофтон-бери, капитана Джеймса Крейвена и мистера Лайонела Крофтона. У Рекса было два качества, бесценных для человека его профессии, — осторожность и самообладание. Достигнув успеха, то есть добившись комиссионных от Бликса, шулерским способом обыграв дурачка вроде Лемуана или заполучив набор драгоценностей, посланных его «жене» в Глостершир, он на время исчезал. Он любил комфорт и наслаждался ощущением безопасности и респектабельности.

Так жил он три года до того, как встретил Сару Пэрфой, и намеревался так же жить дальше. С этой женщиной, своей сообщницей, он надеялся обмануть закон. Она была ловушкой для его «голубков». Сара была шикарно одета и изображала из себя леди, которая заказывала в

Лондоне вещи для своего мужа, находящегося в Кентерберри, при этом уплачивалась половина их стоимости («как ей позволяла доверенность»), и там, где не столь красивая и умная женщина потерпела бы фиаско, она оставалась в выигрыше. Рекс уже предвидел возможность нажать состояние и надеялся, что при известном благоразумии он может продолжать играть выгодную роль «джентльмена», пока она ему не надоест. Но что поделаешь? Человек слаб! Однажды он допустил промах, и закон, который он так успешно водил за нос, обличил его наипростейшим способом.

Под именем мистера и миссис Скиннер Джон Рекс и Сара Пэрфой жили в тихой квартирке где-то в Блумсбери. Их домохозяйка была почтенная, но бедная женщина, и сын ее работал в полиции. Этот сын был порядочный болтун, и как-то вечером за ужином он рассказал матери о готовящемся полицейском налете на притон фальшивомонетчиков на Олд-стрит-Роуд. Мать, которой всю ночь снились разные ужасы, пришла на следующий день в гостиную к миссис Скиннер и под величайшим секретом поведала ей, на какое опасное дело отправляется ее сын. Джон Рекс был в это время с лордом Беллазисом на голубиных состязаниях, и когда он вернулся к девяти часам вечера, Сара передала ему все, что слышала.

Дом № 4 на Банк-Плейс, Олд-стрит-Роуд, был резиденцией человека по имени Грин, который уже довольно долгое время занимался доходным, но опасным ремеслом подлога. Этот человек был одним из самых дерзких преступников в шайке, казначеем и главарем которой был Бликс, и его пребывание на свободе было существенно важным для жизни всей шайки.

Получив столь тревожное известие, Рекс наскоро пообедал и, обдумав план действий, решил, что нужно предупредить Грина о грозящей опасности. Судьба самого Грина его, в сущности, не тревожила, однако негоже не протянуть товарищу руку помощи, а кроме того, Грин, попав под арест, мог слишком много выболтать. Но как это сделать? Если отправиться к Бликсу и просить его послать весточку Грину, то можно опоздать. Нет, он пойдет к Грину сам!

Он пошел в тот же вечер и был схвачен. Когда Сара узнала об этом, она стала действовать быстро и энергично. Она собрала все свои деньги и драгоценности, заплатила хозяйке за квартиру, пошла на свидание к Рексу и наняла ему адвоката. Арестованный Бликс не терял надежды,

но Грин, которому угрожала виселица, признался, что Рекс был его сообщником, и сурово настроенный судья приговорил Джона Рекса к семи годам ссылки в колонию.

Сара Пэрфой дала себе клятву, что последует за ним. Она готова была поехать пассажиром, иммигранткой, кем угодно — но тут ей попалось на глаза объявление миссис Викерс, искавшей горничную, и она нацелилась к ней. Случилось так, что Рекс попал на «Малабар», и Сара, узнав об этом за неделю до отплытия, задумала дерзкий план мятежа, чтобы спасти своего любовника. Мы знаем исход этого плана и последующую историю бегства мошенника из Макуорри-Харбор.

Глава 33

«ЗЛОДЕЙ ДОУЗ»

Мятежников с «Морского ястреба» давно считали умершими: история их отчаянной попытки к бегству почти стерлась из памяти людей. Теперь, когда их так неожиданно поймали, все принялись толковать об их необычной судьбе. По слухам, они были королями на каких-то туземных островах, возглавляли шайки свирепых пиратов, были почтенными гражданами на Яве, купцами в Сингапуре и мошенниками в Гоакоинге. Их приключения легли в основу многих пьес, идущих на лондонских подмостках, а щекий популярный романист взялся написать книгу об их удивительных приключениях.

Говорили также, что глава заговора Джон Рекс происходит из знатной семьи и что сам сэр Джон Франклин получил даже какие-то особые сведения о нем. Но Рексу, несомненно, предстояло болтаться в петле, потому что даже самые ярые поклонники его отваги и ловкости не могли не признать, что он совершил преступление, караемое по закону смертной казнью. Разумеется, королевский обвинитель сделает все, чтобы его осудили. И без того битком набитая тюрьма Хобарт-Таупа пополнилась еще полудюжиной пожизненно осужденных, которых привезли из Порт-Артура для опознания беглецов. Среди привезенных был и «злодей Доуз».

Это известие дало свежую пищу для всякого рода слухов и домыслов. Вспомнили, что «злодей Доуз» и сам беглый каторжник, которого поймал и доставил в тюрьму лейтенант Фрер. Смертную казнь ему тогда заменили по-

жизненной каторгой, приняв во внимание то обстоятельство, что Доуз помог капитану Фреру построить чудесную лодку, на которой спаслись потерпевшие бедствие люди, обреченные на голодную смерть. Вспомнили также, каким угрюмым Доуз был на своем процессе, состоявшемся пять лет назад, и как он рассмеялся, когда услышал об отмене смертной казни. «Хобарт-Таун газетт» поместила краткую биографию этого страшного преступника, где рассказывалось о его участии в заговоре на борту арестантского корабля, о том, как он дважды бежал из Макуори-Харбор, как его неоднократно пороли за грубость и неповиновение властям и как теперь в Порт-Артуре его заковали в двойные кандалы после двух безуспешных попыток к бегству. Газета полагала, что если этот человек уже был осужден за грабеж на большой дороге, то было бы разумней сразу отправить его на виселицу вместе с другими подлецами, дабы они и впредь не оскверняли землю своими новыми преступлениями. «Какую пользу обществу,— патетически восклицала газета,— принес этот негодяй за последние одиннадцать лет?» И все, конечно, согласилось с тем, что пользы от него не было ни малейшей.

Мисс Сильвия Викерс тоже была уделена доля общественного внимания. Ее романтическое спасение, героем которого являлся отважный Фрер, который вскоре, по старинному обычаю, получит ее руку в награду за свою преданность, принесло ей славу, почти не уступающую дурной славе преступника Доуза и его сообщника, мошенника Джона Рекса. Говорили также, что Сильвия должна будет дать показания на суде вместе со своим женихом как единственные оставшиеся в живых свидетели захвата «Морского ястреба». Говорили также, что ее будущий муж решительно возражает, чтобы она выступала свидетельницей на суде, ибо (новая романтическая подробность!) перенесенные страдания вызвали у нее сильное расстройство памяти, и о тех событиях прошлого у нее сохранились лишь самые туманные воспоминания.

В результате всех этих слухов зал суда в день разбирательства дела был переполнен; по мере выяснения новых подробностей истории двойного побега возбуждение публики росло. Оно достигло своего апогея, когда в зал ввели четырех арестантов, закованных в тяжелые кандалы. Даже для жителей Хобарта, города каторжан, это явилось сенсацией: тут же стали заключаться пари, какую линию защиты изберут обвиняемые. Сначала думали, что они отдадут себя на милость суда и постараются списать

симпатию публики самой необычностью своих историй. Но поведение главного обвиняемого, Джона Рекса, вскоре опровергло это предположение. Его спокойный и в то же время вызывающий тон показывал, что он либо готов примириться с судьбой, либо намерен бросить в лицо обвинителям такой довод, который, несомненно, избавит его от высшей меры наказания. Услышав чтение обвинительного акта, где говорилось, что ему вменяется в вину «пиратский способ захвата брига «Морской ястреб», он лишь слегка усмехнулся.

Эта усмешка оскорбила религиозные чувства мистера Микина, входившего в состав суда.

— У него вид настоящего зверя, — сказал Микин Сильвии, вернувшись в перерыве между допросом свидетелей в маленькую комнату, где Сильвия с отцом ожидали вызова в зал. — Он смотрит на всех словно тигр.

— Несчастный человек! — ответила Сильвия, содрогнувшись.

— Несчастный? Милая барышня, уж не жалеете ли вы его?

— Да, жалею, — ответила Сильвия, сжав руки, точно от боли. — Я их всех жалею, бедняг.

— Очаровательная чувствительность! — сказал Микин, бросив взгляд на Викерса. — Сердце истинной женщины, дорогой майор.

Майор нетерпеливо постукивал пальцами — его раздражала пустая болтовня, особенно сейчас, когда Сильвия была в таком нервном состоянии.

— Поди сюда, малышка, — сказал он, — и загляни в эту дверь. Отсюда ты всех их увидишь, и если никого из них не узнаешь, то нет смысла появляться тебе в свидетельской ложе. Конечно, если будет нужно, тогда ты пойдешь.

Скамья подсудимых помещалась на возвышении как раз против двери комнатки, где находились отец с дочерью, и над головами сидящих в зале маячили четыре человека в оковах — позади каждого стоял вооруженный солдат. Девушка никогда раньше не присутствовала на церемонии судебного разбирательства, где подсудимому грозил смертный приговор, и молчаливая торжественность старинного ритуала произвела на нее незабываемое впечатление, как и на всякого, кто увидел бы это впервые. Атмосфера в зале была гнетуще-тяжелой. Зловеще позвякивали цепи арестованных. Грозная сила судьи, тюремщиков, солдат и констеблей, действующих сообща, чтобы покарать этих четырех человек, казалась жестоко-неумоли-

мой. Знакомые лица сидящих в зале представлялись ей искаженными в злобе. Даже лицо ее нареченного, напряженно следившего за показаниями свидетелей, казалось ей зверским и кровожадным. Ее взгляд, поспешно следуя за указательным пальцем отца, обратился к скамье подсудимых. Двое из обвиняемых смотрели в зал с угрюмым равнодушием; третий нервно жевал какую-то веточку или соломинку, и рука его беспокойно цеплялась за перила; четвертый, нахмурясь, не отрывал глаз от свидетельской ложи, которая ей не была видна. Лица этих четырех были ей незнакомы.

— Нет, папа,— сказала она, вздохнув с облегчением,— я никого из них не знаю.

В этот момент со свидетельского места раздался чей-то голос, услышав его, она вдруг побледнела и остановилась у двери. Суд, по-видимому, тоже заволновался, по залу пробежал шепот, и кто-то властно крикнул: «Тише!»

Всем известный преступник Руффус Доуз, отчаянный головорез из Порт-Артура, «дикий зверь», которого газета считала недостойным жизни на земле, только что вошел в свидетельскую ложу. Это был тридцатилетний человек в расцвете сил, прямой, могучий торс которого не могла скрыть тесная желтая куртка, человек с сильными, загорелыми, нервными руками, с горящими черными глазами, жадно устремленными на судей.

Даже тяжесть двойных кандалов, свисающих с ремня, охватывавшего его мощные бедра, не нарушала стройности его фигуры, свидетельствующей о прекрасно развитой мускулатуре. Обращенные к нему хмурые лица, очевидно, не внушали ему уважения, ибо он ни на йоту не смягчил резкого и презрительного тона, каким он произнес свое имя:

— Руффус Доуз, арестант.

— Уйдем отсюда, деточка,— сказал Викерс, встревоженно увидев, как побледнела дочь, как загорелись ее глаза.

— Погоди,— нетерпеливо сказала она, прислушиваясь к голосу невидимого ей человека.— Руффус Доуз! О, я где-то слышала это имя.

— Вы арестант из каторжного селения в Порт-Артуре?

— Да.

— Осуждены пожизненно?

— Пожизненно.

Сильвия повернулась к отцу. В глазах ее застыл немой вопрос.

— О, папа! Кто это? Я знаю это имя! Я знаю этот голос!

— Это человек, что был с тобой в лодке, дорогая,— мрачно ответил Викерс.— Каторжник.

Яркий огонек погас в ее глазах, и в них появилось выражение разочарования и боли.

— А я думала, что это хороший человек,— проговорила она, стоя в дверях.— Голос у него добрый...

Она вздрогнула и закрыла руками глаза.

— Ну полно, полно,— сказал Викерс, успокаивая ее.— Не бойся, малышка — теперь он тебя не обидит.

— Ха, ха! Еще бы! — вставил Микин с наигранной удалью.— Теперь этот негодяй сидит под крепкими замками.

В зале продолжался допрос.

— Узнаете ли вы людей на скамье подсудимых?

— Да.

— Назовите их.

— Джон Рекс, Генри Ширс, Джеймс Лесли и... и... я не уверен, знаю ли я четвертого.

— Вы не уверены... Допустим. Скажите, можете ли вы дать под присягой показания по поводу первых трех?

— Да.

— Вы хорошо их помните?

— Мы проработали три года в кандалной команде в колонии Макуори-Харбор.

Услышав об этом страшном знакомстве, Сильвия тихо вскрикнула и прижалась к отцу.

— О, папа, уведи меня отсюда! Мне кажется, что я сейчас припоминаю что-то ужасное!

Среди глубокой тишины жалобный голос девушки прозвучал во всем зале, и головы присутствовавших повернулись к двери. Во время всеобщего замешательства никто не заметил, как изменилось лицо Руфуса Доуза. Он густо покраснел, на лбу выступили большие капли пота, а взгляд черных глаз, загоревшись, устремился туда, откуда раздался крик: он словно пытался проникнуть сквозь злощастную деревянную перегородку, отделявшую его от женщины, голос которой он слышал. Морис Фрер вскочил со своего места и, протолкнувшись через ряды зрителей, подошел к Викерсу.

— Это еще что такое? — резко спросил он Викерса.— Зачем вы привели ее сюда? Я же вам говорил, ей здесь нечего делать!

— Я считал это своим долгом, сэр,— с достоинством ответил ему Викерс.

— Что напугало ее? Что она увидела? Что она услышала? — продолжал настойчиво спрашивать Фрер, сильно побледнев.— Сильвия! Сильвия!

При звуке его голоса она открыла глаза.

— Уведи меня домой, папа. Мне очень плохо... О, эти мысли!

— Что она хочет сказать? — вскричал Фрер, в тревоге переводя взгляд с девушки на ее отца.

— Этот пегодай Доуз напугал ее,— сказал Микин.— Она что-то вспомнила, бедное дитя. Ну, ну, успокойтесь, мисс Викерс. Он вас не тронет! Он под надежной охраной.

— Он напугал ее?

— Да, он напугал меня, Моррис,— слабым голосом ответила Сильвия.— Мне больше не нужно здесь оставаться, правда, дорогой?

— Конечно,— успокоил ее Фрер, и тень сошла с его лица.— Извините меня, майор, я очень взволновался. Уведите ее домой сейчас. Такого рода зрелища не для нее.

И он вернулся на свое место, отирая лоб и тяжело дыша, как человек, только что избежавший опасности.

Руфус Доуз застыл на месте, пока не увидел Фрера, входившего в зал.

— Кто она такая? — спросил он тихим, хриплым голосом у констебля, стоявшего за его спиной.

— Это мисс Викерс,— коротко ответил тот, бросив эти слова арестанту, как бросают кость злой собаке.

— Мисс Викерс...— повторил Доуз, все еще страдальчески глядя в дверной проем.— А мне сказали, что она умерла!

Констебль презрительно фыркнул на это глупое утверждение, словно говоря: «Раз ты все знаешь, скотина, чего же ты спрашиваешь?», и затем, видя, что тот жадно ждет ответа, добавил:

— Это ты так думал, что она умерла. Ты, видно, старался, чтоб так и случилось.

Арестант вскинул руки в гнев и отчаянии, как будто собирался схватить говорившего и задушить, хотя со всех сторон ему угрожали мушкеты, но тут же, с трудом сдержавшись, повернулся к судье:

— Ваша честь! Джентльмены! Я прошу меня выслушать,

Это громкое восклицание, повышенный топ заставили всех, смотревших на дверь, откуда вышел Фрер, вновь обернуться к Доузу. Многим показалось, что «злодея Доуза» уже нет в свидетельской ложе, а вместо преступника, который только что стоял там с дерзким и вызывающим видом, был бледный как мел, взволнованный человек, с мольбой наклонившийся вперед. Одной рукой он ухватился за перила, чтобы не упасть, а другую протянул к судейскому столу.

— Ваша честь, произошла чудовищная ошибка. Позвольте мне все рассказать о себе. Я и раньше все объяснил в своих письмах из Порт-Артура, но комендант не отправил ни одного письма. Видно, таково уж правило, и я не жалуюсь. Но меня, ваша честь, несправедливо снова унекли на каторгу. Ведь это я построил лодку, ваша честь. Это я спас жену и дочку майора. Я сделал все. Но этот подлый человек так ненавидел меня, что меня оклеветал и не дал мне выйти на свободу. До сих пор никто правды не знал, ведь мне сказали, что мисс Викерс умерла...

Это пылкое и неожиданное признание так поразило судей, что никто не прервал Руфуса.

— Да, сэр, я был приговорен к смерти за побег, но они помиловали меня, потому что я помог им спастись. Да, я спас их! Да, я построил лодку! Пусть она сама подтвердит это. Я выхаживал ее, когда она болела. Носил ее на руках. Голодал ради нее. И она привязалась ко мне, сэр. Честное слово! Она называла меня «добрый мистер Доуз».

В зале кто-то расхохотался, но на него тотчас же зашикали.

Судья спросил клерка:

— Он имеет в виду мисс Викерс?

В этот момент Руфус Доуз посмотрел в зал и увидел Мориса Фрера, который не сводил с него глаз, полных животного страха.

— Смотрите, вот он, капитан Фрер, трус и лжец! Заставьте его, джентльмены, занять свидетельское место и допросите его. Я уверен, что она опровергнет его показания! О боже, а я-то все эти годы думал, что ее уже нет на свете!

Судья огласил дополнительные сведения, представленные ему клерком:

— Мисс Викерс действительно была тяжело больна, сейчас в суде она упала без чувств. Об арестах, который

был вместе с ней в лодке, у нее сохранились самые неприятные воспоминания: он всегда внушал ей ужас и отвращение. Поэтому и здесь одного его вида оказалось достаточно, чтобы она потеряла сознание. Арестант — неисправимый лгун и мошенник, а рассказанная им история уже опровергнута капитаном Фрером.

Судья, человек по натуре склонный к участливости, по своему опыту знал, что к показаниям арестантов надо относиться с осторожностью; он сказал все, что ему надлежало сказать, и трагедия пятилетней давности завершилась следующим диалогом:

Судья. Здесь не место для обвинений капитана Фрера, а также не место для обсуждения якобы несправедливого приговора. Если к вам отнеслись несправедливо, обращайтесь к властям, они могут передать дело на пересмотр.

Руфус Доуз. Я уже подавал жалобы, ваша честь. Я писал письма губернатору, но все мои просьбы оставались неотосланными. Потом мне сказали, что мисс Викерс умерла, а меня отправили на угольные копи, куда вообще не доходят никакие вести.

Судья. Я больше слушать вас не могу. Мистер Мэнглс, есть еще вопросы к свидетелю?

Поскольку у мистера Мэнглса вопросов не оказалось, вызвали свидетеля Мэттью Габбета, и Руфус Доуз, все еще порываясь что-то сказать, был уведен под гул и выкрики в зале.

* * *

Судебное заседание продолжалось без каких-либо происшествий. Сильвию больше не вызывали. Когда капитан Фрер занял свидетельское место, он благожелательно отозвался о Джоне Рексе, чем удивил своих врагов.

— Он мог оставить нас умирать голодной смертью, мог даже убить нас. Мы находились всецело в его власти. Запас провизии на бриге был невелик, и я считаю, что, поделившись с нами, он, для человека в его положении, проявил большое великодушие.

Это свидетельство склонило суд в пользу Рекса, так как капитан Фрер слыл непримиримым врагом непокорных каторжан, и все поняли, что только лишь чувство справедливости побудило его так высоко отзываться о Рексе.

Кроме того, Рекс искусно построил свою защиту. Он признался, что виновен в побеге, но считал, что дальней-

шим своим поведением он заслужил право ходатайствовать о смягчении наказания. У него была одна цель — выйти на свободу, и, добившись желаемого, он честно прожил почти все эти три года, что может легко доказать. Он был обвинен в пиратском захвате «Морского ястреба», но он утверждал, что этот бриг, построенный руками каторжан в Макуори-Харбор, еще не был запесен в списки судов и потому нельзя считать, что он был «пиратски захвачен» в юридическом смысле слова.

Суд согласился с этим доводом, несомненно находясь под воздействием показаний капитана Фрера. Приняв во внимание, что прошло уже пять лет со времени бунта и что двое главных виновников (Чешир и Баркер) уже казнены в Англии, суд приговорил Рекса и трех его сообщников к пожизненной каторге в колонии.

Глава 34

ДОБРЫЙ АНГЕЛ МОРИСА ФРЕРА

Довольный тем, что труды его не пропали даром, Фрер отправился успокаивать девушку, ради которой он, вопреки своему желанию, помог Рексу избежать виселицы. По дороге какой-то человек, учтиво приподняв шляпу, попросил разрешения на секунду задержать его. Это был человек лет пятидесяти с красным испитым лицом, в его походке и манерах проскальзывало нечто, изобличавшее моряка.

— Ну, Блаит? — спросил Фрер с нетерпеливым видом человека, ожидающего плохих вестей. — Ну как там дела?

— Все в порядке, сэр, — сказал Блаит. — Сегодня утром она опять вернулась на корабль.

— Вернулась? — воскликнул Фрер. — А я и не знал, что она сходила на берег. Где же она была?

Он говорил властно, самоуверенно, и Блаит — теперь уже не похожий на себя прежнего — как будто даже побаивался его. Суд над бунтовщиками «Малабара» погубил карьеру Финеаса Блаита. Как Блаит ни оправдывался, он не мог скрыть того факта, что Пайн застал его пьяным в каюте, в то время когда он должен был находиться на своем посту, и власти не могли, или не хотели, пройти мимо столь вопиющего нарушения военного устава. Поэтому капитан Блаит, у которого, разумеется, имелась собственная версия всей этой истории, был лишен чести сопровождать арестантов его величества в колонии его вели-

чества в Новом Южном Уэльсе и на Земле Ван-Димсна и вместо этого отправился с китобойной экспедицией в южные моря. Однако власть, которую приобрела над ним Сара Пэрфой, безвозвратно погубила его. Казалось, она отравила его душу, как обычно отравляют умные и злые женщины души тупоголовых сластолюбцев. Блант постепенно опускался все ниже и ниже. Он стал пьяницей, и все считали, что он имеет «зуб против начальства». Капитан Фрер, использовавший его иногда для своих личных нужд, сделался как бы его патроном и устроил его капитаном торговой шхуны, возившей товары из Сиднея. Получив в свое распоряжение шхуну — не без некоторого сопротивления со стороны ее владельца, жителя Хобарт-Тауна, — Блант дал обет воздержания сроком на двенадцать месяцев, но не выдержал и в результате совсем опустился. Однако он остался верным приспешником Фрера, надеясь с его помощью получить «правительственную должность», что было мечтой всех морских капитанов, служивших в то время в колониях.

— Она выходила на берег повидаться с другом, сэр, — сказал Блант, смущенно моргая.

— С каким другом?

— С этим... с арестантом, сэр.

— И что же, она его видела?

— Да, но я подумал, что следует сказать вам об этом, сэр, — пробормотал Блант.

— И правильно поступили, — сказал Фрер. — Вам надо отплывать немедленно. Откладывайте нет смысла.

— Как вам угодно, сэр. Я могу отплыть завтра утром или сегодня вечером — как скажете.

— Сегодня вечером, — сказал Фрер, отвернувшись. — И как можно раньше.

— В Сиднее есть одна вакансия, которую я ждал, — с беспокойством начал Блант. — Если бы вы могли помочь...

— Как помочь?

— Получить должность капитана на правительственном корабле, сэр.

— Тогда бросьте пить, — сказал Фрер, — а я подумаю, что тут можно сделать. И проследите, чтобы эта женщина не болтала.

Они обменялись многозначительными взглядами, и Блант расплылся в подобострастной улыбке.

— Постараюсь, сэр.

— Советую вам сдерживать слово, — заметил патрон и без дальнейших церемоний направился своим путем.

Фрер застал Викерса в саду и прежде всего попросил его не говорить с дочерью о «деле».

— Вы же сегодня видели, что ей было плохо. Ради всего святого, Викерс, смотрите, чтобы она снова не заболела.

— Мой дорогой сэр,—ответил ему Викерс,—я даже намеком не упомяну об этом. Ей весь день после этого нездоровилось. Нервы совсем распались. Зайдите и взгляните на нее.

Фрер вошел в дом и стал утешать взволнованную девушку, искренне тронутый ее страданиями.

— Все уже в полном порядке, малышка,—сказал он ей.— Не думай больше об этом. Выбрось все из головы, дорогая.

— Это было глупо, Морис, я знаю, но я ничего не могла с собой поделать. Звук его... его голоса вызвал во мне мучительную жалость к кому-то или к чему-то. Я не могу это объяснить, но мне казалось, что я вот-вот вспомню какую-то ужасную несправедливость, услышу какие-то страшные откровения и они заставят меня отвернуться от тех, кого я должна любить больше всего. Ты меня понимаешь?

— Да, понимаю,—проговорил Фрер,—но это все чепуха, уверяю тебя.

— Конечно,—подхватила она, словно возвращаясь к старой детской привычке сразу отбрасывать все трудные вопросы.— Конечно чепуха! Но ведь нам приходят в голову подобные мысли? Мне кажется, что я раздваиваюсь, что я раньше жила какой-то другой жизнью, похожей на сон...

— Экая ты романтическая девчушка,—сказал Фрер, смутно понимая, что она хочет выразить этими словами.— Какая же у тебя могла быть жизнь во сне?

— Ну разумеется, ее не было, глупенький. Но в мыслях она возможна. Знаешь, мне снятся иногда страшные вещи. Я падаю в какие-то пропасти или водопады, кто-то заталкивает меня в пещеру в огромной скале... Это страшные сны!

— И все от несварения желудка,—пояснил Фрер.— К тому же ты мало двигаешься. Тебе нельзя так много читать. Сделай-ка хорошую прогулку миль так на пять.

— И в этих снах,—продолжала Сильвия, не обратив внимания на его слова,—есть еще одна странность. Ты всегда в них присутствуешь, Морис.

— Что ж, это хорошо,—сказал Морис.

— Да, но в моих снах ты всегда какой-то хмурый, сердитый, все кому-то угрожаешь, не такой, как на самом деле, не добрый, и я боюсь тебя.

— Ну, так это же только сон, мое золотко.

— Да, но...— замаялась она, крутя пуговицу его сюртука.

— Но что?

— Сегодня в суде ты выглядел точно так же, Морис, вот почему я так глупо расстроилась...

— Дорогая моя, успокойся! Ну-ну, не плачь.

Но она разразилась отчаянными рыданиями, сотрясавшими в его объятиях ее хрупкую фигурку.

— О, Морис, я злая, нехорошая! Я не знаю, чего я хочу. Иногда мне кажется, что я не люблю тебя так, как должна любить — как человека, который спас меня от смерти, выходил.

— Перестань, не надо об этом,— хрипло проговорил Фрер.

Она понемногу успокоилась и подняла к нему заплаканное лицо.

— Скажи мне, Морис,— в те страшные дни, когда ты нянчился со мной, как с ребенком, отдавал мне последний кусок хлеба, думал ли ты, что мы когда-нибудь поженимся?

— Н-не знаю,— сказал Морис.— А что?

— Нет, ты думал! Я не из тщеславия так говорю — иначе ты бы не был таким добрым, нежным и преданным.

— Вздор, малышка,— сказал он, упорно пряча от нее глаза.

— Нет, вовсе не вздор. Я иногда бываю такая капризная! Это папа меня избаловал. А ты всегда ко мне очень внимателен, подчас меня это даже сердит, но ведь ты такой, потому что любишь меня?

— Конечно,— ответил Морис, и глаза его вдруг увлажнились.

— Ну, вот видишь, потому я и злюсь на себя за то, что не люблю тебя так, как должна. Мне хочется, чтобы ты любил все, что люблю я: книги, музыку, картины — словом, мой мир. Иногда я забываю, что ты — мужчина, а я девушка, забываю, как благородно ты поступал, Морис, как беззаветно рисковал своей жизнью, чтобы спасти меня. Но что с тобой, голубчик?

Он внезапно отстранил ее от себя и подошел к окну, глядя на бухту за террасами сада, спящую в мягком ве-

чернем свете. Шхуна, доставившая свидетелей из Порт-Артура, стояла вдали от берега, и желтый флаг на ее мачте слегка колыбался под дуновением прохладного бриза. Вид этого флага, видимо, рассердил его, так как он, издав нетерпеливое восклицание, отошел от окна.

— Морис! — вскричала Сильвия. — Я тебя обидела?

— Нет, нет, несколько, — ответил он с видом человека, которого поймали в минуту слабости. — Я... я... просто мне неприятно, когда ты признаешься в том, что не любишь меня.

— О боже, прости меня, дорогой. Я не хотела тебя обидеть. Иногда я говорю то, чего не думаю. Разве я могла бы не любить тебя после твоего подвига?

И, подавшись какой-то дикой прихоти, он внезапно спросил:

— А если бы я не совершил этого «подвига», ты бы меня не любила?

Взор ее, устремленный на него с нежностью и тревогой, — ибо она раскаивалась, что причинила ему боль, — после этих слов погас.

— Что за вопрос? Не знаю. Думаю, что любила бы. Но зачем думать об этом, Морис? Я знаю, что ты для меня сделал, и этого достаточно. Как я могу сказать, что было бы, если бы все произошло совсем иначе? Ты ведь тоже мог бы полюбить другую?

Если на миг в его жестком сердце проснулось раскаяние, то неуверенность, прозвучавшая в ее ответе, его рассеяла.

— Это верно, — сказал он и обнял ее.

Весело рассмеявшись, она снова посмотрела ему в глаза.

— Какие мы с тобой глупые. К чему все эти домыслы? Разве можно изменить прошлое? У нас есть будущее, милый, я выйду за тебя замуж, и мы должны будем любить друг друга всю жизнь, ну, как герои в романах.

Искушение причинить зло часто посещало Мориса Фрера, и его эгоистическая натура охотно поддавалась ему, но сейчас он воздержался. Перед ним была прелестная и невинная девушка, чьи грустные глаза как бы призывали завоевать ее. Каких только надежд не возлагал он на ее любовь! Каких только прекрасных решений не принимал, полагаясь на ее чистоту и то доброе начало, которое она внесет и в его жизнь! Да, она сказала правду — прошлое вернуть нельзя, а будущее было перед ним.

С лицемерием эгоиста, обманывающего даже самого себя, он прижал ее головку к своему сердцу, гордясь собственной добродетелью.

— Спасибо, моя радость! Ты — мой добрый ангел.

Девушка вздохнула.

— Я буду твоим добрым ангелом, милый, если ты решишь,

Глава 35

МИСТЕР МИКИН ПРИНОСИТ УТЕШЕНИЕ

На следующий день, когда мистер Микин оказал честь Рексу, посетив его, тот признался ему, что «волею провидения» он спасен от смерти обязан доброту капитана Фрера.

— Я надеюсь, что это послужит вам предостережением, — проговорил мистер Микин, — и что вы постараетесь остаток своей жизни, сохраненной милостью провидения, посвятить искуплению ваших прежних грехов.

— Разумеется, сэр, — ответил Джон Рекс, очень точно оценивший священника, — и с вашей стороны это так любезно, что вы снизошли до разговора с таким пропащим человеком, как я.

— Нисколько, — вежливо ответил Микин, — это мой долг. Я пастор и проповедник Евангелия.

— Ах, сэр, если бы я в свои юные годы следовал заветам Евангелия, я бы тогда не попал в такую беду.

— О да, конечно не попали бы, несчастный человек! Но милосердие божие безгранично — совершенно безгранично, и оно изливается на всех нас — и на вас и на меня.

Он произнес это таким тоном, каким говорят обычно «Ну, как вам это понравится?».

— Вспомните о раскаявшемся разбойнике, Рекс, о раскаявшемся разбойнике.

— Да, я уже вспомнил, сэр.

— Читайте Библию, Рекс, и молитесь, чтобы господь дал вам силы переносить наказание.

— Я буду молиться, сэр. Я очень нуждаюсь в силе — и физической и духовной, так как администрация плохо обеспечивает мое существование.

— Я попрошу начальство, чтобы вам увеличили ваш ежедневный рацион, — спсходительно обещал Микин. — А вы тем временем освежите в памяти подробности ваших приключений, о которых вы говорили, и расскажете

их мне, когда я навещу вас в следующий раз. Такая необыкновенная история не должна остаться безвестной!

— Весьма благодарен, сэр. Непременно исполню вашу просьбу. Ах, как же я был легкомыслен, когда находился в положении джентльмена, мистер Микин! — О своем прошлом этот ловкий негодяй всегда разливался благочестивым соловьем. — Как мог я пасть так низко? Да, я наказан по заслугам, сэр.

— То, что тайно творит провидение, всегда справедливо, — заметил Микин, как хорошо воспитанный человек, который предпочитал говорить о всевышнем в туманных выражениях. — Я рад, что вы осознали свои заблуждения. Желаю вам всего наилучшего.

— Всего наилучшего, и да благословит вас небо, сэр, — с наигранной набожностью проговорил Рекс, чтобы доставить удовольствие своим товарищам. И мистер Микин грациозно засеменил прочь, убежденный, что плодотворно потрудился в своем вертограде и что каторжник Рекс поистине замечательная личность.

«Я переешлю его рассказ епископу, — подумал он. — Это его позабавит. Здесь можно услышать много невероятных историй, надо только уметь находить их».

Когда эта мысль пришла ему в голову, его взгляд упал на «злодея Доуза» — ему в ожидании шхуны, идущей в Порт-Артур, было разрешено «поразвлечься» долблением камней. Арестантский барак, который посетил мистер Микин, было длинное и низкое, покрытое железной крышей строение, оба конца которого упирались в стены тюрьмы. С одной стороны были камеры, с другой — у наружной стены под навесом — сидели каторжники в тяжелых кандалах. Два констебля с заряженными карабинами ходили взад и вперед по свободному пространству в середине, и еще один наблюдал из сторожевой будки возле основной стены. Каждые полчаса констебль проходил мимо каторжников и проверял кандалы. Превосходная система одиночного заключения, доводящая, как правило, до безумия за двенадцать месяцев, была еще неизвестна в Хобарт-Тауне, и сорок каторжников, закованных в тяжелые кандалы, имели удовольствие лицезреть друг друга ежедневно в течение шести часов.

Остальные обитатели тюрьмы в дневное время были заняты на строительстве или на других работах, но эти сорок человек считались слишком опасными, чтобы их выпускать за пределы тюремного двора, и потому их держали в оковах. Они сидели в трех футах один от другого,

образуя два длинных ряда, и между вытянутыми ногами каждого лежала груда камней, которые они лениво разбивали. Этот двойной ряд угрюмых дятлов, стучавших по гнилой и трухлявой древесине тюремной дисциплины, имел весьма жалкий и нелепый вид. Казалось вопиюще абсурдным заковать в кандалы сорок крепких мужчин, да еще приставить к ним охрану с единственной целью, чтобы они накололи тачку щебня. Они бросали друг на друга злобные взгляды и приветствовали пастора ворчанием и негромкой руганью. У них принято было кричать в тот момент, когда молот ударял о камень, и среди таких восклицаний, якобы вызванных рвением, звучала, как водится, грубая ругань. Посетитель, наделенный воображением, глядя на два ряда машущих вразброд молотов, мог бы сравнить этот барак вместе с навесом с большим пианино, по клавишам которого бьет как попало невидимая рука.

Руфус Доуз сидел последним в ряду, спиной к камерам, лицом к тюремной стене. Его место было ближе всех к дежурному констеблю, и предназначалось оно для арестантов, бывших на самом дурном счету. Многие из его товарищей завидовали этому печальному отличию.

— Ну-с, Доуз,— сказал мистер Микин, измеряя взглядом расстояние между собой и арестантом, как измеряют цепь бешеной собаки.— Как вы себя сегодня чувствуете?

Доуз только нахмурился, и его молчание мистер Микин счел за уверение, будто он чувствует себя хорошо.

— Боюсь, Доуз,— с упреком продолжал пастор,— что вы нанесли себе только вред вашей выходкой в суде. Мне кажется, что вы возбудили против себя общественное мнение.

Доуз неторопливо устанавливал среди мелких камней большой кусок медного колчедана и ничего не ответил.

— Вам не хватает кротости, Доуз. Боюсь, что вы не раскаиваетесь в своих преступлениях против закона.

На это закованный в кандалы человек ответил только страшным ударом молота. Камень разбился на мелкие осколки, пастор отскочил.

— Вы негодай, сэр! Разве вы не слышите, что я разговариваю с вами?

— Слышу,— сказал Доуз, беря другой камень.

— Тогда извольте слушать меня почтительно, сэр,— продолжал Микин, розовея от праведного гнева,— у вас впереди целый день, чтобы разбивать эти камни.

— Да, целый день,— согласился Руфус Доуз, бросив

на священника исподлбья упрямый взгляд.— И еще много дней впереди. Уф! — И он снова ударил молотом.

— Я пришел, чтобы утешить вас, да, чтобы утешить,— сказал Микин, возмущенный презрением, с которым были встречены его исполненные доброжелательства слова.— Я хотел дать вам хороший совет.

Обида, прозвучавшая в напыщенных словах пастора, казалось, пробудила чувство юмора, еще сохранившееся в душе каторжника, несмотря на оковы и унижения, которым он подвергался; слабая улыбка мелькнула на его губах.

— Извините, сэр,— сказал он.— Пожалуйста, продолжайте.

— Я намеревался сказать вам, голубчик, что вы причинили себе большой вред, обвиняя капитана Фрера, и напрасно упомянули имя мисс Викерс.

Болезненная складка прорезала лоб арестанта, и он с трудом удержал готовые прорваться возражения.

— А разве не будет проведено расследование? — спросил он наконец.— Ведь все, что я сказал,— это правда, сущая правда, да поможет мне бог!

— Не кощунствуйте, сэр,— торжественно прервал его Микин.— Не кощунствуйте, несчастный. Не добавляйте к греху лжи еще больший грех — употребление всуе имени господа нашего. Он не допустит, чтобы обвинили невинного. Запомните, Доуз,— господь этого не допустит. А расследования никакого не будет.

— Но разве они не попросят ее рассказать все, как было? — спросил Доуз, и голос его дрогнул.— Ведь мне сказали, что мисс Викерс даст показания. Ее обязательно должны допросить!

— Я, может быть, не имею права,— спокойно сказал Микин, почувствовав, как задрожал голос арестанта, какое отчаяние и ярость прозвучали в нем,— говорить о намерениях властей, но я могу сказать вам, что никто не будет мисс Викерс ни о чем допрашивать. А вас двадцать четвертого числа отправят обратно в Порт-Артур, и вы там останетесь.

Стон вырвался из груди Руфуса Доуза. Этот стон был полон такой муки, что взволновал даже невозмутимого мистера Микина.

— Но, голубчик, таков закон. Тут уж ничего не поделаешь. Не надо вам было нарушать законы.

— Да будет проклят ваш закон! — крикнул Доуз.— Это гнусный закон! Это... Извините меня.

И он снова принялся долбить камни со смехом, который в своей горькой безнадежности был страшнее любого порыва ярости. Это был смех человека, отчаявшегося добиться внимания и сочувствия людей.

— Ну, что вы, что вы,— забормотал Микин и, смущенный, прибегнул к заученным в Лондоне шаблонным фразам: — Вам не на что жаловаться. Вы нарушили закон, и вы должны пострадать за это. Цивилизованное общество выработало свои законы, а если вы их нарушаете, вы несете за это наказание. Вы же неглупый человек, Доуз,— тем более обидно, что вы этого не понимаете.

Не удостоив его ответом, Руффс Доуз окинул тюремный двор мрачным взглядом, как бы вопрошавшим, действительно ли цивилизованное общество развивается в полном согласии со справедливостью, если эта цивилизация создала такие места, как этот тюремный обнесенный каменной стеной и охраняемый солдатами барак, заполнив его озверевшими существами в человеческом облике, обреченными провести лучшие годы жизни за колкой щебня?

— Вы ведь не отрицаете этого? — настаивал недалекий пастор. — Ответьте мне, Доуз!

— Не пристало мне спорить с вами, сэр,— ответил Доуз с равнодушием, воспитанным долгими годами страданий. В тоне его было столько же презрения, сколько почтительности, так что неопытный Микин так и не понял, настаивал ли он преступника на путь истинный или тот нагло издевается над ним.

— Я осужден пожизненно,— добавил каторжник,— и не могу смотреть на вещи так же, как вы.

Такого рода соображение, видимо, показалось мистеру Микину неожиданным, ибо щеки его вспыхнули. Конечно, для осужденного пожизненно все может выглядеть в ином свете... Но тут прозвучал полуденный колокол, началась проверка, что заставило священника прекратить диспут и приберечь свои утешения для более подходящего времени.

Громко брядая цепями, все сорок человек поднялись и встали каждый перед своей грудой камней. Копстебль обошел их, с обычным равнодушием проверяя ножные кандалы и бесцеремонно задирая жесткие, с пуговицами на отворотах штанины (скроенные на манер мексиканских «кальцонерос», чтобы оковы могли ловчее охватывать лодыжки). Копстебль проверял надежность оков — не появилось ли чего-либо подозрительного со времени последнего осмотра. Каждый арестант, пройдя осмотр, отдавал честь

и, широко расставляя ноги, занимал свое место в двойном ряду. Мистер Микин не был знатоком лошадей, но вся эта сцена чем-то напомнила ему, как кузнец проверяет у них подковы.

«Нет, такое обращение с людьми — сущее варварство, — подумал он в порыве искреннего сочувствия. — Не удивляюсь, что тот несчастный застонал... Но, боже, уже час дня, а я обещал к двум быть на завтраке у майора Вилкеса! Как быстро летит время!»

Глава 36

ИДИЛЛИЯ РУФУСА ДОУЗА

В полдень, в то время, пока мистер Микин переваривал завтрак и болтал с Сильвией о всяческих пустяках, Руфус Доуз начал обдумывать отчаянный план. Когда он узнал, что ему отказано в расследовании, на которое он возлагал столько надежд, ему стала вдвойне тяжела и мучительна та броня сдержанности, в которую он сам себя заковал. Пять долгих лет он ждал счастливого случая, чтобы попасть в Хобарт-Таун, где смог бы изобличить клеветника и негодяя Мориса Фрера. И когда он чудом получил возможность открыто выступить в суде, ему не дали высказаться до конца. Рухнули все его надежды. Спокойствие, с каким он нес свой крест, сменилось бешеным гневом. Вместо одного врага у него оказалось двадцать. Все — судья, присяжные, тюремщики, священник, — все они сговорились причинить ему зло и отказать в правосудии. И ни в ком не было ни чести, ни совести. Весь мир был его врагом, кроме одной женщины.

Безрадостное убожество жизни каторжника в Порт-Артуре было озарено, как звездой, одним светлым воспоминанием. В минуты самого горького отчаяния он лелеял одну чистую и благородную мысль — мысль о девочке, которую он спас и которая любила его. Когда на китобойном судне, взявшем его на борт с горящей лодки, он почувствовал, что моряки, поверив лживым рассказам Фрера, отшатнулись от угрюмого преступника, он черпал силы для молчания в мыслях о страдающем ребенке. Когда несчастная миссис Вилкес, не приходя в сознание, умерла у него на глазах и вместе с ней погибла главная свидетельница его героического поступка, мысль о том, что девочка жива, облегчала его печаль о собственной судьбе. Когда

Фрер выдал его властям, как беглеца, беззащитно приписав себе сооружение лодки, Руфус не сомневался в том, что Сильвия осудит подлый поступок Фрера, и потому молчал. Он был уверен, что *она* из благодарности попросит о его помиловании, ибо считал, что просить ему самому унижительно. Так велико было его презрение к трусу и хвастуну, который, воспользовавшись своей кратковременной властью, пагло лжесвидетельствовал против него, что, услышав приговор о пожизненной каторге, он из гордости умолчал о своем поступке, решив подождать выздоровления Сильвии, веруя в восстановление справедливости и воздаяние за все свои муки. Но когда в Порт-Артуре день шел за днем, не принося ни весточки утешенья, ни тени надежды на оправдание, он впал в отчаяние, предчувствуя что-то неладное. И тут он узнал от новой партии каторжан, что дочь коменданта все еще больна и находится при смерти. Потом до него дошли слухи, что они с отцом уехали из колонии, и все надежды на помилование рухнули. Это известие явилось для него страшным ударом. Сначала он было припнулся горько упрекать ее в жестокосердии. Но чувство глубокой любви к ней, не покидавшее его, несмотря на все муки, которые ожесточили его душу, побудили Руфуса даже тогда искать для нее оправдание. Она была больна. Она находилась среди друзей, которые ее любили, а его презирали. Может быть, она и пыталась все объяснить, вступиться за него, но ее словами пренебрегли, как детским лепетом. Она освободила бы его, если бы это было в ее власти! Затем он стал писать прошения, в отчаянии требовал встречи с комендантом, надоедал тюремщикам и надзирателям своей историей, сетовал на жестокую несправедливость, жертвой которой он стал. Писал губернатору письма одно за другим с обличениями капитана Фрера — письма по назначению не отсылались.

Начальству, сперва доброжелательно относившемуся к нему из-за постигших его необычайных испытаний, надоело выслушивать его злонамеренную ложь, и Руфуса стали отправлять на самые тяжкие, изнурительные работы. Его угрюмость принимали за вероломство, нетерпеливые взрывы гнева против судьбы — за свирепость, молчаливое терпение — за опасное коварство. В Порт-Артуре он стал тем же, чем был в Макуори-Харбор — человеком, отмеченным клеймом. Отчаявшись получить желанную свободу честным путем и страшась на всю жизнь остаться в цепях, он дважды пытался бежать, но бегство отсюда было еще более безнадежным, чем в Чертовых Воротах. Полу-

остров Порт-Артур отлично охранялся, тюрьма была окружена кольцом сигнальных постов, шлюпки с вооруженными командами стерегли выходы из каждой бухты, а поперек узкого перешейка, соединяющего полуостров с материком, был выставлен кордон из солдат, усиленный сторожевыми собаками.

Его, разумеется, оба раза поймали, высекли и крепче заковали в кандалы. После второй попытки бежать его отправили на угольные копи, где каторжники жили под землей, работали полуголыми и возили по рельсам в вагонетках приезжающих инспекторов, если столь высокие лица удостаивали их своим посещением. В тот день, когда его туда отправляли, он узнал, что Сильвия умерла, и последняя его надежда исчезла.

Тогда он создал себе новую религию. Он стал поклоняться умершей. К живым он питал только ненависть и злобу, к мертвой — любовь и нежность. Вместо светлых видений, посещавших его в навсегда минувшей юности, у него теперь осталось только одно — мысль о ребенке, который его любил. Вместо того чтобы вызывать в памяти картины жизни в домашнем кругу и образы людей, которые в те годы считали его достойным любви и уважения, он вызывал один лишь образ, светлый и незапятнанный; он витал перед ним в кишащей чудовищами пропасти, в которую он упал. Перед ним был образ этой невинной девочки — она то доверчиво прижимала головку к его груди, то весело смеялась над ним; с ней были связаны все воображаемые картины любви и счастья. Утратив всякую надежду на то, чтобы вернуть свое доброе имя и место в жизни, он рисовал себе спокойный уголок где-нибудь на краю света, — домик, утопущий в густом саду в маленьком немецком городке, или отдаленный коттедж на британском побережье, где он и снявшийся ему в мечтах ребенок могли бы счастливо жить вместе, питая друг к другу привязанность более чистой, чем любовь мужчины и женщины. Он представлял себе, как стал бы учить ее, черпая знания из того необычного запаса, каким его наделила полная превратностей жизнь, как он называл бы ей свое настоящее имя и, может быть, сумел бы ради нее добиться почета и богатства. Но нет, — думал он, — она не нуждается ни в том, ни в другом, она предпочла бы тихую скромную жизнь и стремилась бы приносить пользу людям, свершая добрые дела любви и милосердия. Он видел ее в своем воображении читающей книгу у приветливо потрескивающего камина, гуляющей по лесу в летнее время

или отдыхающей на берегу дремотного полуденного моря. Он ощущал в своих мечтах ее нежные руки, обвивавшиеся вокруг его шеи, ее невинные поцелуи на своих губах, он слышал ее звонкий смех и видел ее, летящую к нему навстречу с развевающимися на ветру кудрями цвета солнечных лучей. Зная, что она мертва, и понимая, что не оскорбляет ее светлой памяти тем, что мысленно соединяет ее судьбу со своей, с отверженным, повидавшим в жизни столько зла, он любил думать о ней как о живой и строить для себя и для нее планы будущего счастья. И в гулкой темноте шахты, и при ослепляющем свете полуденного солнца, когда он тащил нагруженную вагонетку, он всегда видел ее рядом с собой и ее спокойные глаза с любовью смотрели на него, как тогда, давно, в челноке. Она почему-то не становилась старше и никогда не стремилась уйти от него. Только когда ему делалось невыносимо тяжело и он начинал бранить и проклинать все на свете или когда он на время присоединялся к омерзительному веселью своих товарищей, маленькая фигурка исчезала. Так в своих мечтах он нашел для себя горестное утешение и в этом мире грез обрел спасение от унижений и ужасов жизни. Он стал равнодушен к страданиям, и только где-то на дне этого равнодушия таилась неистребимая ненависть к человеку, который навлек на него эти муки, и твердая решимость при первой же возможности показать его истинное лицо — лицо лжегероя. Таково было его состояние духа, когда он готовился изобличить Фрера на суде, но, узнав, что Сильвия жива, он потерял самообладание, и его приготовленная речь вылилась в страстный поток жалоб и брани, который, никого не убедив, дал Фреру лишний козырь, в котором тот нуждался. Все решили, что арестант Доуз — коварный и ловкий негодяй, единственной целью которого было получить короткую передышку от наказания, которое он заслужил. Нет, он не мог с этим смириться. Разве не чудовищно, думал он, не заслушать свидетеля, готового дать показания в его пользу! Разве не постыдно обречь его на прежнюю участь и не позволить ей вымолвить хотя бы слово в его защиту? Но он разрушит их планы! Он уже придумал, как он совершит побег; когда он вырвется из оков, он бросится к ее ногам и будет умолять ее сказать правду и тем самым спасти его. Его любовь и доверие к ней стали еще сильнее, после того как он создал в мечтах свой кумир. Он был убежден, что она спасет его, как он когда-то спас ее. «Если бы она знала, что я жив, она пришла бы ко мне, — думал

он. — Я уверен, что пришла бы. А вдруг ей сказали, что я умер?»

Размышляя ночью в своей одиночной камере — эту печальную привилегию одиночества он получил в наказание, — он чуть не заплакал при мысли о жестоком обмане, жертвой которого она оказалась. «Ей сказали, что я умер, чтобы она постаралась забыть меня. Но она не могла забыть! Я думал о ней все эти долгие годы, должна же она хоть когда-нибудь вспомнить меня! Пять лет! Теперь она уже взрослая женщина. Мое дитя превратилось в женщину! Нет, она все такая же ребячливая, славная и нежная. Как же она будет убиваться, когда узнает о моих страданиях! О, моя милая, милая, ты жива!» И, пугливо озираясь в темноте, точно боясь, что его и здесь увидят, он вытаскивал из-за пазухи маленький сверток и осторожно пощупал его огрубевшими, заскорузлыми пальцами, потом благоговейно поднес к губам и замечтался над ним, улыбаясь, словно это был заветный талисман, который открывал ему двери к свободе.

Глава 37

ПОБЕГ

Через несколько дней после этого — 23 декабря — Морис Фрер был встревожен ошеломляющим известием. «Злодей Доуз» бежал из тюрьмы!

Как раз в тот день капитан Фрер проверял тюрьму, и ему показалось, что молоты никогда еще не работали так быстро и кандалы не бренчали так весело, как в это его посещение.

— Мечтают о рождественском отдыхе, собаки! — сказал он караульному. — Думают, что получают рождественский пудинг, каналы!

Арестант, находившийся поблизости, подобострастно захихикал, как хихикают арестанты и школьники, услышав шутку начальства. Все люди в тюрьме казались довольными и спокойными. Боле того, Фрер, находясь в веселом расположении духа, посмеялся над злосчастной судьбой Руфуса Доуза.

— Шхуна отплывает завтра, приятель, — сказал он ему, — и ты свое рождество проведешь в угольной шахте!

Он поздравил себя с тем, что Руфус Доуз в ответ только прикоснулся к шапке и продолжал молча раскалывать камни. Конечно же, двойные кандалы и каторжные рабо-

ты — прекрасное средство, чтобы сломить дух человека! Поэтому, когда к вечеру этого дня он получил невероятное донесение о том, что Руфус Доуз умудрился сбить с себя кандалы, вскарабкаться среди бела дня на тюремную стену, прорваться через заслон на Макуори-стрит и оказаться сейчас, видимо, в надежном укрытии где-то в горах, он был настолько поражен, что почти лишился дара речи.

— Вот дьявольщина! Как же он мог бежать, Дженкинс? — спросил Фрер, входя во двор тюрьмы.

— Разрази меня бог, не могу вам точно сказать, сэр, — ответил Дженкинс. — Мы и мигнуть не успели, как он уже был за стеной. Скотт выстрелил, но промахнулся, потом я услышал выстрел часового, и тот промахнулся.

— Промахнулся! — передразнил Фрер. — Хорошенькие вы стрелки, как я посмотрю! Вы бы, верно, и в стог сена не попали с двадцати ярдов, а? Да ведь парень был под самым дулом твоего карабина!

Провинившийся солдат, печально и неподвижно созерцавший лежащие на земле кандалы, пробормотал что-то насчет солнца, которое било в глаза.

— Прямо не знаю, как это вышло, сэр. Я не должен был промахнуться. Думаю, что я даже его задел, когда он перелезал через стену.

Человек, незнакомый с обычаями этого места, мог бы подумать, что речь идет о голубиных состязаниях.

— Давай рассказывай все, как было, — приказал Фрер и злобно выругался.

— Ваша честь, я только на секунду отвернулся, — сказал тюремщик, — как Скотт вдруг крикнул «Эй!». Я поглядел и увидел: кандалы Доуза на земле, а сам он уже влез вон на ту грудку камней. Два арестанта вскочили, я решил, что они с ним заодно, прицелился, как положено по инструкции, и крикнул, что, если они сделают хоть шаг, я буду стрелять. Потом я услышал выстрел Скотта, и все вроде ахнули. А когда я оглянулся, он уже исчез.

— И никто больше не двинулся с места?

— Никто, сэр. Сначала я оторопел и было подумал, что они все в этом замешаны, но Партон и Хэйнс подбежали на помощь, а следом пришел мистер Шорт; мы проверили их кандалы.

— Все было в порядке?

— В порядке, ваша честь. Они поклялись, что никто ничего не знал. В обед у Доуза кандалы тоже были в порядке.

Фрер наклонился и осмотрел сброшенные кандалы.

— Черта с два в порядке! — сказал он. — Если ты так выполняешь свои обязанности, то чем раньше тебя выгонят отсюда, тем лучше. Ну-ка, смотри!

Два кольца были покорежены, одно подпилено, другое надломлено и погнуто, будто от сильного удара.

— Не знаю, где он взял пилку? — удивился тюремщик Шорт.

— Не знаешь? Вы здесь никогда ни черта не знаете, пока не случится беда. Мне бы к вам сюда только на месяц! Я бы вас научил службе! Не знаете — а вот *это* валяется на дворе! Удивляюсь, как же у вас все каторжники еще не гуляют на свободе и не сидят за обедом у губернатора!

Под словом «*это*» Фрер подразумевал кусок глазированной фарфоровой посуды, который его зоркий глаз углядел возле кандалов.

— Я бы вот этим перепилил самые крепкие ваши железки. Ручаюсь, он так и сделал, да и многие другие сумели бы. Вам, мистер Шорт, пожить бы со мной на острове Сары. «Не знаете!» Тогда бы узнали!

— Простите, капитан Фрер, это несчастный случай, — сказал Шорт, — теперь уж ничего не поделаешь.

— Несчастный случай! — рявкнул Фрер. — Это не оправдание — несчастный случай! И какого дьявола вы позволили арестанту перелезть через стену?! Мне это непонятно!

— Он вскочил на груды камней, — пояснил Скотт, — и мне показалось, что он прыгнет на крышу барака. Я выстрелил в него, а он перекинул ноги через стену и был таков.

Фрер измерил взглядом расстояние, и его на миг охватило невольное чувство восхищения, сам он был весьма неплохим атлетом.

— Вот это прыжок, черт возьми! — сказал он. И, невольно вспомнив зло, которое он причинил бежавшему арестанту, добавил: — Такой отчаянный головорез не остановится и перед убийством, если на него поднажмут. В какую сторону он бежал?

— Прямо на Макуори-стрит, а потом свернул в горы. На улице было несколько человек. Мистер Мэйс из отеля «Звезда» пытался остановить его, но он его отшвырнул с такой силой, что бедняга так и покатился. Он сказал, что парень мчался быстрее оленя.

— Если сегодня до ночи его не поймает, объявим вознаграждение, — сказал Фрер, отвернувшись. — И надо ус-

лечь охрану. Такого рода штучки заразительны. — И с этими словами он направился к баракам.

Справа и слева, со всех сторон по всему городку неслись сигналы тревоги, и патруль с громким топотом шагнул по дороге в Нью-Норфолк, торопясь отыскать след беглеца. Однако наступила ночь, а тот все еще был на свободе, и патрульные, усталые и приунывшие, вернулись ни с чем и порешили, что беглец, вероятно, залег в какой-нибудь расщелине сиреневых гор, возвышающихся над городом, и вскоре сдастся сам, чтобы не умереть голодной смертью.

Тем временем остров, как положено, известили, и так безупречно была сигнальная система, придуманная губернатором Артуром — зачинателем всех реформ этого каторжного поселения, что до полудня следующего дня все сигнальные посты на побережье уже знали, что № 8942 и т. д. и т. п., осужденный пожизненно, незаконным образом оказался на свободе. Это известие, впоследствии подкрепленное заметкой в газете под названием «Дерзкий побег», было услышано и далеко за пределами острова, но мир не был обеспокоен тем, что королевская шхуна «Мэри Джейн» отплыла в Порт-Артур без Руфуса Доуза на борту.

Зато двое или трое людей сильно встревожились. Майор Викерс весьма негодовал на то, что его хваленая система замков и решеток оказалась столь легко преодолимой, несмотря на ее безусловную надежность; столь же сильно огорчились господа Дженкинс, Скотт и К^о, временно отстраненные от должности и находившиеся под угрозой окончательного увольнения. Мистер Микин был страшно напуган тем, что опасное чудовище бродит на свободе где-то невдалеке от его священной персоны. Сильвия проявляла признаки сильного беспокойства, тем более опасного, что она тщательно старалась его скрыть, а капитан Морис Фрер впал в отчаянную, безумную тревогу. Он поскакал прямо от бараков и до наступления полной темноты прочесывал окрестности по обеим сторонам дороги, ведущей на север. Чуть занялась заря, он был уже снова в горах вместе с собакой-ищейкой, он обследовал дикие заросли, лощины, ущелья, пока не обессилел вконец. Он объявил об удвоении награды за поимку и сам допросил ряд подозрительных лиц. Было известно, что он проводил инспекцию тюрьмы за несколько часов до побега, и его неутомимость в поисках была приписана его служебному рвению и досаде.

— Наш дорогой друг чувствует, что его репутация поставлена на карту,— сказал Сильвии за рождественским обедом будущий капеллан Порт-Артура.— Он так гордится своим знанием этих несчастных, и ему неприятно, что один из них перехитрил его.

Однако, несмотря на принятые меры, обнаружить Доуза не удалось. Толстый хозяин отеля «Звезда» был последним, кто видел его. Промчавшаяся мимо фигура в желтой одежде, казалось, совершенно растворилась в теплом летнем дне, словно канув в непроглядную почную тьму.

Глава 38

ПИСЬМО ДЖОНА РЕКСА К ОTCY

«Небольшое общество», которое майор Викерс упомянул в беседе с мистером Микином, неожиданно оказалось довольно большим. Вместо тихого обеда в кругу домочадцев, а также жениха дочери и священника, как это было задумано, в дом к майору Викерсу прибыли две дамы — миссис Протерик и миссис Джелико, а также мистер Мак-Наб из гарнизона и мистер Паунс из администрации. Его скромный рождественский обед превратился в званый вечер.

Разговор вертелся вокруг волновавшей всех темы.

— О Доузе нет известий? — спросил мистер Паунс.

— Пока еще нет,— сухо ответил Фрер.— Но недолго ему придется погулять на свободе. Я отправил в горы больше десятка солдат.

— Полагаю, что каторжнику удрать от властей трудно? Не так ли? — осведомился Микин.

— О, нам вовсе не обязательно его ловить,— ответил Фрер,— если вы это имеете в виду. Он просто подохнет с голоду. Времена бродяжничества и грабежей в буше уже миновали, и теперь беглецам там нечем поживиться.

— Да, конечно,— подтвердил мистер Паунс, с жадностью поглощая суп.— Можно сказать, что этот остров специально избран провидением для каторжных поселений; несмотря на прекрасный климат, здесь очень мало растений, пригодных для поддержания жизни.

— Мое мнение,— сказал мистер Мак-Наб, обращаясь к Сильвии,— что, когда бог создавал Землю Ван-Димена, о дисциплине каторжников он не думал.

— Я с вами вполне согласна,— отозвалась Сильвия.

— Не знаю,— вмешалась миссис Протерик.— Мой бедный мистер Протерик часто говаривал, что этот остров так восхитительно бесплоден, как будто рука всевышнего предназначила его для постройки каторжных бараков на побережье.

— Да, Порт-Артур таков, что лучше не придумаешь, даже если бы он был создан специально для этой цели,— сказал Фрер.— От Тэнби до Святой Елены здесь нет ни клочка земли, где человек мог бы найти что-нибудь для пропитания. А западное побережье еще хуже. Клянусь вам, сэр, что в старые времена, насколько я помню...

— Между прочим,— прервал его Микин,— я могу кое-что показать вам. Признание Рекса! Я нарочно захватил его с собой.

— Признание Рекса?

— Да, отчет о его злоключениях после того, как он покинул Макуори-Харбор. Я собираюсь послать его епископу.

— О, мне хотелось бы взглянуть на него,— сказала Сильвия, покраснев.— История этих несчастных людей меня очень интересует.

— Это запретная тема, малышка.

— Нет, папа, далеко уже не запретная. Теперь это не волнует меня так, как раньше. Дайте мне прочитать, мистер Микин!

— Сплошное вранье, должно быть,— сказал Фрер, нахмурившись.— Этот мерзавец Рекс не мог бы сказать правду даже ради спасения своей жизни.

— Вы неправильно судите о нем, капитан Фрер,— возразил Микин.— Не все каторжане так погрязли в пороке, как Руфус Доуз. Мне кажется, что Рекс искренне раскаивается, и он написал очень трогательное письмо своему отцу.

— Письмо? — воскликнул Викерс.— Вы же знаете, что, согласно Королевским предписаниям, запрещается отсылать письма арестантов без предварительного контроля администрации.

— Я знаю это, майор, и именно поэтому принес его с собой, чтобы вы могли сами прочесть его. Как мне кажется, оно проникнуто духом подлинного благочестия.

— Дайте-ка взглянуть на него,— сказал Фрер.

— Вот оно,— сказал Микин, вытаскивая конверт.— И когда вы его распечатаете, я попрошу у дам разрешения прочесть его вслух. Оно чрезвычайно интересно.

Леди Протерик и леди Джелико обменялись изумленными взглядами. Как можно даже помыслить о том, чтобы письмо каторжника представляло интерес! Сразу видно, что мистер Микин новый человек в этих местах.

Фрер, вертя конверт в руках, прочел адрес: «Мистеру Бликсу для Джона Рекса-старшего, Бишопсгейт-стрит, 38, Лондон».

— А почему он не мог написать прямо своему отцу? — спросил Фрер. — Кто такой этот Бликс?

— Я слышал, что это почтенный купец, в конторе которого злосчастный Рекс провел дни своей юности. Он, как вы знаете, имеет неплохое образование.

— Образованные арестанты всегда самые опасные, — заметил Викерс. — Джеймс, принесите еще вина. Вообще-то мы здесь не произносим тостов, но поскольку сегодня сочельник... За здоровье ее величества королевы!

— Правильно! — подхватил Морис. — За здоровье ее величества!

После этого верноподданнического тоста, восторженно поддержанного всеми, Викерс предложил выпить «за здоровье его превосходительства сэра Джона Франклина», что также было принято с должным почтением.

— А теперь поздравляю всех с рождеством и желаю счастливого Нового года, — сказал Фрер, все еще держа письмо в руке. — И да благословит нас бог.

— Аминь! — благоговейно отозвался Микин. — Будем надеяться на божью волю. А сейчас, леди, вернемся к письму. Признание я прочту вам после. — И, распечатав конверт, этот труженик, на ниве господней с радостьюзирающий на ростки брошенных им в землю зерен, начал чтение:

«Хобарт-Таун, 27 декабря 1838 года.

Дорогой отец!

Среди всех случайностей, перемен и превратностей моей пестрой жизни передо мной ни разу не стояла задача столь мучительная для моих смятенных чувств, как нынешняя — а именно, обращение к Вам из моей опоясанной морем тюрьмы, этого печального места, на прибрежном песке которого я стою, как символ жизненного краха, гонимый враждебными ветрами судьбы в пределы мрачного отчаяния, в водоворот страдания и горя».

— Поэтично! — сказал Фрер.

«...Я похож на гигантское дерево, выдержавшее немало суровых бурь и вьюг, но теперь — увы! — превратив-

шееся в засохший ствол, у которого обрублены все зеленые и нежные ветви. Хотя я близюсь к среднему возрасту, я не занимаю почетной должности, внушающей людям доверие и уважение. Нет! Вскоре я облачусь в одеяние падших и буду носить на себе клеймо позора: «П. А.», что означает — «Порт-Артур, пристанище преступников».

— Бедный человек! — вздохнула Сильвия.

— Трогательно, не правда ли? — сказал Микин и продолжал: — «Мне разрывает сердце и ранит душу мысль, что я низринут к отбросам общества и кинут в их среду. Мое нынешнее состояние и образ жизни прекрасно и точно отражены в 102-м псалме, в стихах от 4-го до 12-го включительно, которые, дорогой мой отец, я прошу Вас прочесть прежде, чем Вы продолжите чтение этого письма».

— Стоп! — сказал Фрер, вынимая записную книжку. — Что это за псалом? Прочтите-ка еще раз цифры.

Микин послушно перечел, и Фрер усмехнулся.

— Продолжайте, — сказал он. — Я потом объясню вам кое-что в этом письме.

— «О мой дорогой отец, избегайте, прошу Вас, чтения нечестивых книг. Сосредоточьте разум свой на святых помыслах и возвеличьте душу свою, проштудировав стих 2 псалма 73-го. Но я не теряю надежду и в этом своем бедственном положении. Псалом 35, стих 18 «Ибо милосерден господь бог наш и склоняет свой слух к жалобам».

— Экий богохульный пес! — вскричал Викерс. — Неужели вы верите всему этому, Микин?

Священник посмотрел на него с кротким упреком.

— Подождите, сэр, пока я не кончу чтение. «Дух предвзятости очень высок даже в тюрьме на Земле Вандимена. К сожалению, должен сказать, что разнузданная пресса в угоду представителям власти часто жестоко оскорбляет нас, а между тем, если говорить без предубеждения, все благонамеренные люди питают должное уважение к начальству. Правда, некоторые ненавидят и презируют его и стараются внушить это нам, но я рад вам сообщить, что они не преуспевают в подобных попытках. Тем не менее прошу Вас, не читайте колониальные газеты. В них столько брани и клеветы».

— Это касается вас, Фрер, — сказал Викерс с улыбкой. — Вы помните, что писалось о вашем присутствии на скачках?

— Да, конечно, — сказал Фрер. — Ловкая бестия! Продолжайте, пожалуйста, мистер Микин.

— «Я знаю, что Вы часто слышите сообщения коварных и злонамеренных ненавистников правительства и его чиновников о якобы грубой тирании и жестокости здешних тюремщиков по отношению к арестантам. Скажу откровенно, что это далеко не такое страшное место, каким его изображают ретивые писаки. Суровые телесные наказания, тяжелые кандалы, правда, иногда применяются, но чрезвычайно редко. Обычно же дело ограничивается условными наказаниями, предусмотренными законом за мелкие нарушения дисциплины. Насколько я могу судить, плеть никогда не пускается в ход незаслуженно».

— В его случае, я в этом не сомневаюсь,— заметил Фрер, раскалывая орех.

— «Тексты из Священного писания, цитируемые нашим капелланом, оказали на меня очень утешительное воздействие, и я искренне ему благодарен, ибо после моей необдуманной попытки вырваться на свободу я должен быть особенно признателен за всякое проявление ко мне милосердия. Смерть — страшная смерть тела и души — вот что должно было стать моей участью! Но, благодаря милосердию всемогущего, я был избавлен от нее и предался раскаянию — Евангелие от Иоанна, III. Теперь я испытываю муки. Капеллан, благочестивый джентльмен, говорит мне, что воровство никогда не доводит до добра. «Копите сокровища на небесах,— говорит он,— там их не уничтожит ни моль, ни ржавчина». Да, я уверен, что честность превыше всего, и я не соглашусь даже за тысячу фунтов вернуться на стезю злодеяний — псалом 38, стих 14. Когда я думаю о счастливых днях, проведенных мною с добрым мистером Бликсом в старом доме в Блю Анкор-Ярд, и размышляю о том, что с тех пор я так легкомысленно погряз во грехах, что крал часы, кольца, запонки, драгоценности и прочие товары, став обычным дюжинным вором, я дрожу от угрызений совести и предаюсь молитве — псалом 5. О, какие же мы все грешники! Позвольте мне надеяться, что теперь, когда я, по милости божьей, укрыт от искушений, я буду надежно защищен от этой опасности и что когда-нибудь я, с благословения господина Иисуса Христа, найду новый путь и заслужу отпущение своих грехов. Бывает иногда замысел и в безумии, но от безумия греха нет бегства. Таковы, дорогой отец, мои помыслы и надежды на все оставшиеся годы моей жизни на земле — псалом 100, стих 64. Я обязан своей жизнью и здоровьем капитану Морису Фреру, который был так добр, что рассказал о моем поведении на «Морском ястребе», когда мы

с Ширсом, Баркером и другими захватили этот корабль. Молитесь за капитана Фрера, дорогой отец. Он хороший человек, и хотя его общественный долг тягостен для него, но, как деятель и слуга общества, он не может позволить своим личным чувствам, будь то милосердие или месть, становиться между ним и его долгом».

— Какой мерзавец! — прошипел Фрер, побагровев до корней волос.

— «Напомните о моей любви Саре, маленькому Уильяму и всем друзьям, кто еще сохранил память обо мне, и пожелайте им, чтобы мой пример послужил им предостережением и чтобы они никогда не становились на ложный путь. Чистая совесть дороже золота, и никакие деньги не вознаградят за страдания, которые влечет за собой содеянное преступление. Увижу ли я Вас когда-нибудь, дорогой отец? Это более чем сомнительно, так как я приговорен пожизненно, и мы сможем увидеться, только если правительство изменит свои намерения в отношении меня и даст мне возможность тяжким трудом заслужить свободу.

Да пребудет над Вами благословение божие, дорогой отец, и да будете вы омыты чистой кровью агнца, как просит об этом творца в своих молитвах

Ваш несчастный сын

Джон Рекс.

Р. S. Даже если Ваши грехи краснее пламени, они станут белее снега!»

— Это все? — спросил Фрер.

— Все, сэр, и это очень трогательное письмо.

— Безусловно, — сказал Фрер. — Теперь дайте-ка мне его на минутку, мистер Микин.

Он взял листки и, сверясь с номерами текста, помеченными им в записной книжке, нахмурил брови и начал размышлять над кощунственным и лицемерным произведением мистера Джона Рекса.

— Так я и думал, — сказал он наконец. — Эти тексты упущены не зря. Старый трюк, но проделан хитро.

— Что вы хотите сказать? — спросил Микин.

— Все очень просто! — воскликнул Фрер, радуясь собственной пронизательности. — Это драгоценное произведение содержит весьма важные сведения для мистера Бликса, кем бы он там ни был. Вернее всего, он скупщик краденого. Возьмите письмо и карандаш и начните с самого начала. Псалом сто второй, с четвертого по двенадцатый стих включительно, так? Очень хорошо. Значит, всего девять

стихов, правильно. Теперь подчеркните девять слов, считая со второго, за вторым следует отсылка — «Я не теряю надежду» и т. д. Понятно?

— Да,— сказал удивленный Микин, видя, что все головы наклонились над столом.

— Далее он упоминает восемнадцатый стих из тридцать пятого псалма, верно? Отсчитайте после цитаты восемнадцать слов, потом подчеркните следующие пять. Сделали?

— Одну секунду... шестнадцать, семнадцать, восемнадцать... «Представителям власти!»

— Считайте и подчеркивайте таким же образом дальше, пока не дойдете до слова «тексты». Викерс, я попрошу вас передать мне кларет.

— Да,— сказал Микин после паузы.— Вот оно: «Тексты из Священного писания, цитируемые нашим капелланом»... Но, мистер Фрер...

— Теперь подождите немножко,— прервал его Фрер.— Где следующая отсылка? «Евангелие от Иоанна», глава третья. Ага! Подчеркните вот эти слова. А вот новая цитата. Сколько в ней слов?

— «Копите сокровища на небесах, там их не уничтожит ни моль, ни ржавчина»,— сказал несколько шокированный Микин.— Двенадцать слов.

— Отсчитайте двенадцать слов, двенадцатое подчеркните... Эта игра мне знакома.

— Тысяча фунтов,— сказал Микин.— Да...

— Теперь дальше. Тридцать восьмой псалом, четырнадцатый стих. Отсчитайте четырнадцать слов, а далее восемь подчеркните... Куда мы подошли?

— Псалом пятый.

— Подчеркните каждое пятое слово. Продолжайте, сэр, продолжайте. Ну, конечно, «замысел»... «бегства». Псалом сотый означает конец сообщения. Какой там стих, шестьдесят четвертый? Понятно! Отсчитайте семьдесят четыре слова и одно подчеркните. Все.

Наступила пауза, пока Микин считал слова. Письмо действительно оказалось интересным!

Мистер Микин начал читать, причем лицо его постепенно багровело.

— «Я не теряю надежду и в этом своем положении. В тюрьме Земли Ван-Димена представителей власти арестанты ненавидят и презирают... Читайте колониальные газеты... сообщения о грубой тирании и жестокости здешних тюремщиков по отношению к арестантам... суровые

телесные наказания... за мелкие нарушения... Тысяча фунтов... в старом доме в Блю Анкор-Ярд... кольца, запонки, драгоценности... укрыты... надежно, и я найду... замысел... бегства... для... мести!»

— Ну, что? — сказал Морис, с торжествующей усмешкой оглядывая всех. — Что вы об этом думаете?

— Замечательно! — изрек мистер Паунс.

— Как вы до этого додумались, Фрер?

— Ну, это пустяки, — сказал Фрер так, чтобы все поняли, насколько это было трудно. — Я изучил множество подобных посланий, это еще корявое по сравнению с другими. Но зато благочестивое, правда, мистер Микин?

Микин поднялся в негодовании.

— Это весьма бестактно с вашей стороны, капитан Фрер. Не сомневаюсь, что это шутка. Но разрешите мне сказать, что я не терплю шуток в таких делах. Письмо этого несчастного к престарелому отцу не должно быть предметом бессердечных насмешек. Я лично этого не понимаю. Он доверил мне это письмо, как облеченному священным саном христианского пастора...

— Вот-вот. Эти парни издеваются над священниками и, извините меня, под прикрытием вашего «священного сана» проделывают всевозможные штуки. Как этот пес, наверно, хихикал про себя, передавая вам это письмо!

— Капитан Фрер, — сказал мистер Микин, от гнева меняясь в цвете, как хамелеон, — я убежден, что ваше толкование неправильно. Разве сумел бы этот несчастный составить столь изобретательную криптограмму?

— То есть сварганить эту липу? — переспросил Фрер, незаметно для себя переходя на тюремный жаргон. — Я вам объясню. Вероятно, у него была Библия, когда он писал это?

— Разумеется, капитан Фрер, я разрешил ему читать Священное писание. Я считал бы несовместимым со своей миссией запретить ему это.

— Безусловно. Вот на этом-то вы, пасторы, и попадаетесь. Если бы вы со своей миссией заткнулись и пошире открыли глаза...

— Морис! Дорогой мой Морис!

— Прошу прощения, Микин, — неуклюже извинился Фрер. — Все дело в том, что я знаю этих ребят как облупленных. Я жил среди них, я плавал с ними на корабле, не раз болтал и выпивал с ними; изучил все их трюки, мне хорошо известно, на что они способны. Библия — единственная книга, которую им дают; все их познания из Биб-

лии. Какой же другой книгой они могли бы воспользоваться для своих дьявольских заговоров, хитростей и всяческих уловок. Только Библией, которую капеллан сам дал им в руки в качестве наставления! — И Морис тоже поднялся, всем своим видом выражая негодование, не без примеси бахвальства.

— Бог мой, это поистине ужасно, — воскликнул Микин, единственным грехом которого, по существу, была самоуверенность. — Поистине ужасно!

— Но, к несчастью, это так, — изрек Паунс. — Это маслины? Благодарю вас.

— Ей-богу, — не выдержал прямой и праведный Мак-Наб, — по-моему, как там ее?.. пенитенциарная система совсем не годится для перевоспитания людей!

— Мистер Мак-Наб, — оборвал его Викерс, не менее прямой и правдивый, однако связанный по рукам и ногам жесткими правилами службы. — Прошу вас передать мне портвейн.

И таким образом опасный диспут о тюремной дисциплине был благоразумно прерван в самом начале. Однако Сильвия, движимая то ли любопытством, то ли желанием утешить пастора, взяла «Признание Джона Рекса», оставленное возле его бокала с вином, и унесла с собой, чтобы прочесть.

— Ничего, ничего, мистер Микин, — сказал Викерс, когда дверь за дамами затворилась. — Налейте себе еще, пожалуйста. Я очень сожалею, что это письмо оказалось таким странным, но уверяю вас, вы можете положиться на Фрера. Он знает каторжников лучше, чем кто-либо на острове.

— Я вижу, капитан Фрер, что вы посвятили много времени изучению преступного мира, — сказал Микин,

— Именно так, дорогой сэр, я знаю все их уловки и ухищрения. Я вам скажу свое правило. Его придумал какой-то француз, но это не важно: «Разделяй и властвуй». То есть заставь всех этих собак следить друг за другом!

— О! — воскликнул Микин.

— Это единственный путь. Да, мой дорогой сэр, если бы арестанты были все заодно, как мы с вами, то нам не удалось бы удержать в руках этот остров даже с неделю. У них никто никому не доверяет, даже своему ближайшему соседу, потому-то все их заговоры и мятежи терпят крах.

— О да, конечно! — сказал бедный Микин.

— А как же иначе? Скажу вам больше, сэр. Будь моя

воля, я бы поставил дело так: как только арестант скажет слово соседу справа, сосед слева тут же доносит мне на него. Я бы награждал доносчиков и сделал бы этих негодяев своими собственными тюремщиками. Ха-ха!

— Но, капитан Фрер, такой способ, хотя и полезный в известном смысле, мог бы принести много вреда. Он поощрял бы худшие свойства человеческой натуры, и без того порочной, и мы погрязли бы во лжи и тиранстве. В этом я убежден.

— Вот подождите немного! — воскликнул Фрер. — Возможно, на днях у меня будет случай испробовать этот способ. Ух, эти каторжники! Клянусь вам, сэр, так только и можно обращаться с ними: давать им табачок, когда они ведут себя хорошо, и сечь их, когда не подчиняются!

— Это ужасно! — сказал священник и содрогнулся. — Вы говорите о них так, как будто они дикие звери.

— А они звери и есть, — спокойно сказал Морис Фрер.

Глава 39

СКИТАНИЯ

МЯТЕЖНИКОВ С «МОРСКОГО ЯСТРЕБА»

На краю большого пышного сада у низкой ограды, тянувшейся вдоль дороги, стояла старая скамья. Ветви давно посаженных здесь английских деревьев нависли над оградой, и сквозь их шумящую листву поблескивала серебром струившаяся поблизости река. Сидя лицом к ней и спиной к дому, Сильвия развернула рукопись, взятую у Микина, и принялась читать. Рукопись была написана твердым, размашистым почерком и озаглавлена так:

ПОВЕСТЬ

о страданиях и злоключениях некоторых из десяти осужденных, захвативших бриг «Морской ястреб» в Макуори-Харбор на Земле Ван-Димена, рассказанная одним из осужденных за вышеназванное преступление в тюрьме Хобарт-Тауна.

Прочитав это высокопарное заглавие, Сильвия на минуту задумалась. Перед ней была история бунта, самого большого события ее детства, и ей казалось, что, если эта история изложена правдиво, она сможет понять нечто странное и страшное, что уже много лет омрачало ее память. Желая и боясь продолжить чтение, она держала в

руке полураскрытую тетрадь, как в детстве ручку от двери темной комнаты, куда ей хотелось и страшно было войти. Но она тут же преодолела всю робость.

«Когда был получен приказ из Главного управления о ликвидации каторжной колонии в Макуори-Харбор, комендант (майор Викерс) и большинство арестантов отбыли, оставив позади бриг, построенный в Макуори-Харбор, который должен был отплыть вслед за ними под командованием капитана Мориса Фрера. На борту брига находился мистер Бейтс, лоцман колонии, а также четверо солдат и десять арестантов, составлявших команду брига. На борту были также жена и дочь коменданта».

«Как странно читать это», — подумала девушка.

«12 января 1834 года мы отплыли и к вечеру благополучно бросили якорь у Чертовых Ворот. Но в это время задул северо-западный бриз, у Рифа поднялось сильное волнение, и мистер Бейтс отвел корабль назад, в бухту Веллингтона. Там мы оставались весь следующий день, и после полудня капитан Фрер, взяв двух солдат и вельбот, отправился на рыбную ловлю. На бриге оставались только мистер Бейтс и двое солдат, и Уильям Чешир предложил захватить корабль. Сначала я был против, так как не хотел рисковать жизнью. Но Чешир и другие, зная, что я знаком с навигацией (в свои прежние счастливые дни я часто бывал в плаваниях), угрозами заставили меня присоединиться к ним. Мы собрались на баке, затянули песню, и один из солдат, подошедший послушать, был нами схвачен. После этого Лайон и Райли обезвредили часового. Вынужденный таким образом участвовать в заговоре, которому я поначалу не слишком сочувствовал, я вдруг ощутил, как сердце мое забилося при мысли о свободе. Теперь я готов был пожертвовать чем угодно ради того, чтобы ее получить. Обезумевший от отчаянных надежд и вдохновленный ими, я с этой минуты принял на себя командование над моими злополучными товарищами, и мне думается, что хотя я и виновен в глазах закона, но заслуга моя в том, что я удержал их от насилия, к которому их, к несчастью, приучило невежество».

— Бедный юноша! — прошептала Сильвия, обманутая сладкоречивым стилем Рекса. — По-моему, он не так уж виноват.

«Бейтс был внизу, в каюте, и когда Чешир предложил ему сдаться, он начал храбро защищаться. Баркер выстрелил в него через световой люк, но я, испугавшись за жизнь жены и дочери коменданта, толкнул его мушкет, и пуля

попала в карниз кормовых иллюминаторов. В то же время солдаты, которых мы оставили связанными на баке, взломали крышку люка и вышли на палубу. Чешир выстрелил в одного из них, а второго ударил прикладом. Раненый зашатался, а так как бриг в это время качнуло на волнах подступающего прилива, солдат потерял равновесие и упал за борт. Это, благодарение богу, была единственная жертва мятежа.

Бейтс, увидев, что мы завладели палубой, сдался, получив от нас обещание, что семья коменданта будет высажена на берег невредимой. Я приказал ему собрать все, что может понадобиться, и приготовился спустить на воду шлюпку. Когда она соскользнула со шлюпбалки, у борта появился капитан Фрер на своем вельботе и сделал смелую попытку пришвартоваться к кораблю, но вельбот пронесло мимо. Теперь я уже был полон решимости отвоевать свободу, и другие тоже хотели довести дело до конца. Я окликнул вельбот и пригрозил, что буду стрелять, если его команда не сдастся. Капитан Фрер отказался и снова хотел пришвартоваться и пытался взять нас на abordаж, но оба солдата на вельботе присоединились к нам и помешали ему выполнить свое намерение. Спустив арестованных нами людей в шлюпку, мы посадили туда же и капитана Фрера, а сами сели в вельбот и приказали Фреру и Бейтсу грести к берегу. После мы, взяв шлюпку на буксир, вернулись на бриг и всю ночь несли бдительную вахту, боясь, что они попытаются захватить корабль.

На рассвете все собрались на палубе и держали совет, как разделить провиант. Чешир был за то, чтобы оставить пленников умирать голодной смертью, но Лесли, Ширс и я потребовали разделить запасы провизии поровну. После долгих и яростных споров гуманность одержала верх, и провиант был погружен на вельбот и доставлен на берег. Получив груз, Бейтс сказал: «Ребята, я не ожидал от вас такого доброго отношения — вы ведь отдали нам половину очень скудного запаса провизии, бывшего на борту. Когда я думаю о вашем предприятии, мне оно кажется очень рискованным: плыть на корабле, имеющем течь, да еще без единого опытного моряка, более чем опасно. Надеюсь, что бог сжалятся над вами и убережет вас от гибели, когда вы встретитесь со множеством опасностей в бурном океане!» Миссис Викерс также сказала, что я был добр к ней. Она еще добавила, что желает мне всего хорошего и что когда она вернется в Хобарт-Таун, она будет просить о моем помиловании. Прощаясь, они махали нам

платками и желали нам доброго пути за гуманное отношение к ним.

Позавтракав, мы начали сбрасывать за борт лишний груз из трюма, и это заняло все время до обеда. После обеда мы забросили маленький стоп-анкер с канатом в сто морских саженей, потом подняли основной якорь, и, так как прилив уже спадал, начали подтягиваться по верповому канату, и так с помощью верпа и каната передвигались вперед и добрались наконец до двух островков под названиями Кэп и Боннет. Тогда мы всем скопом принялись раскачивать бриг, а вельбот тянул его на буксире после того, как мы подняли верповый якорь. Таким путем мы благополучно провели бриг через Риф. Вскоре задул легкий бриз с юго-запада, и мы, дав выстрел из мушкета, чтобы оповестить оставшихся на берегу о том, что мы в безопасности, подняли паруса и вышли в океан».

Дочитав до этого места, Сильвия остановилась, мучительно стараясь что-то вспомнить. Она помнила выстрел из мушкета и то, что ее мать плакала над ней. Но дальше все застилал туман. Воспоминания скользили в ее мозгу как тени, и она тщетно пыталась их уловить. Однако чтение этой странной истории будоражило ее нервы. Несмотря на лицемерную выпренность слога и притворное благочестие автора, было видно, что кроме некоторого искажения фактов в свою пользу, а также с целью превознести смелость тюремщиков, во власти которых он находился, рассказчик не стремился приукрасить свое повествование нагромождением выдуманных опасностей. История отчаянного плана, задуманного и выполненного пять лет тому назад, была рассказана с суровой простотой и, неся на себе печать правдивости, в то же время побуждала воображение читателя дополнить рассказ пропущенными ужасными деталями. И это вызывало к мятежникам большее сочувствие, чем если бы то было подробное описание всех их злоключений. Ясность и простота рассказа придавали ему огромную силу воздействия, и девушка чувствовала, что сердце ее бьется быстрее, а поэтический ум стремится воспроизвести ужасную картину, набросанную скудными словами каторжника. Она видела перед собой все это — спящее море, жгучее солнце, медленнодвигающийся корабль и жалкую кучку людей, брошенных на берегу. Она слышала... Что это? Что за шорох в кустах позади скамейки?.. Птичка! Боже, как разыгрались нервы!

«Избавившись таким образом, как мы полагали, от тюремной жизни, мы весело шутили, советуясь, куда нам

держат путь дальше. Я намеревался добраться до островов в Южных морях и, покинув бриг, просить пристанища у туземцев, выдавая себя за потерпевших бедствия моряков, в надежде на то, что попутный корабль рано или поздно подберет нас. С этой целью я назначил Джеймса Лесли, опытного моряка, своим старшим помощником и приготовился отплыть от Березовой Скалы с теми немногими навигационными приборами, которые у нас имелись. Подтянув вельбот к борту, мы связали его вместе со шлюпкой и пустили дрейфовать по воле волн. После этого я отделил «сухопутных» от моряков, и в восемь часов вечера мы взяли курс на юго-восток, поставив свою первую вахту. Через час с юго-запада налетел сильный шторм. Меня и других из «сухопутных» сильно укачало, и Лесли стало трудно управлять бригом, так как при шторме нужно было иметь двух человек у руля. Утром, с трудом выбравшись на палубу, я убедился, что ветер несколько утих, но, спустившись вниз, обнаружил, что в трюме скопилось много воды. Лесли взялся за насосы, но работал лишь один из них — у правого борта. С этого времени на корабле было только два дела — откачивать воду и стоять у руля. Шторм продолжался два дня и одну ночь. Бриг шел при сильно зарифленных¹ марселях, так как мы боялись убавлять паруса, чтобы нас не настигло посланное в погоню судно — так велик был наш страх перед тюрьмой.

16 января, в полдень, я снова заставил себя выйти на палубу и, произведя необходимые наблюдения, изменил курс брига на юго-восток, чтобы пройти южнее Новой Зеландии, в стороне от обычного пути кораблей, в надежде, что, если нам хватит провианта, мы сможем добраться до южноамериканского побережья и попасть к христианам. Затем я был вынужден снова спуститься в каюту и неделю пролежал на своей койке, борясь со смертью. Временами я даже раскаивался в своем решении, так как Фэйр все время тормозил меня, говоря, что люди недовольны взятым курсом. 21-го вспыхнул бунт под предводительством Лайона, который утверждал, что мы направляемся в Тихий океан, где неминуемо должны погибнуть. Этот путаник, ничего не смыслящий в мореходстве, настаивал на том, чтобы повернуть к югу, думая, что мы прошли севернее островов Тонга, и требовал, чтобы мы высадились на берег и искали прибежища у туземцев. Лесли тщетно до-

---

¹ Зарифить — маневр для сокращения парусов сообразно силе ветра.

казывал, что, взяв курс на юг, мы наткнемся на ледяные поля. Баркер, служивший на китобойном судне, стремился убедить бунтовщиков, что температура воздуха в этих широтах высокая и нам не грозит подобная ошибка. После долгой перебранки Лайон кинулся к рулю, но Рассен, вытащив один из пистолетов, отобранных у мистера Бейтса, застрелил его, после чего остальные вернулись к исполнению своих обязанностей. Мне казалось, что это ужасное убийство нужно было совершить для безопасности корабля; и если бы это произошло на судне, управляемом свободными людьми, поступок Рассена был бы одобрен всеми как суровая, но необходимая мера.

Эти беспорядки вынудили меня подняться на палубу, где я обратился к команде с краткой речью и убедил людей, что смогу выполнить все, что я им обещал, хотя сердце мое в это мгновение замирало от неуверенности, и я мечтал увидеть вдали хоть малейший признак, указывающий на близость суши. Поддерживаемый под руки Лесли и Баркером, я произвел измерения и изменил курс на северо-восток. Бриг шел со скоростью одиннадцать узлов в час под зарифленными марселями и при усиленно работающих насосах. Так мы шли до 31 января, когда налетевший среди ясного неба шквал чуть не оказался роковым для всех находившихся на борту.

Лесли допустил грубую ошибку: выровняв бриг из опасного крена (судно лежало на боку), он отдал команду свернуть фок-марсель, убрать брам-реп, свернуть нижний прямой парус и взять один риф на грот-марселе, оставив судно нестись по воле ветра под фоком и грот-марселем с одним рифом. Вследствие этого течь усилилась до такой степени, что я отчаялся добраться до суши на этом бриге и молил всевышнего скорее послать нам помощь. Шторм продолжался девять дней и ночей, и люди были совершенно измучены. Один из двух солдат, которых заставили выловить два обломка бушприта, был смыт с палубы и утонул. Провиант подходил к концу, но когда на девятый день шторм утих, мы поспешили сложить все оставшиеся съестные припасы в шлюпку. Море было еще очень бурное, и нам пришлось много потрудиться, пока удалось спустить ее на воду. Одни занимались шлюпкой, другие задраивали люки на бриге. Переодевшись в костюмы капитана Фрера и лоцмана, мы на закате покинули свой корабль, уже наполовину погружившийся в воду.

Ночью ветер стал свежее, и наша шлюпка, которую правильнее было бы назвать баркасом, так как она была

оснащена мачтой и бушпритом, оказалась очень неустойчивой и зачерпывала воду попеременно то одним, то другим бортом. Тогда мы решили посадить четверых на кормовые банки спиной к ветру, чтобы волны меньше захлестывали лодку. Этого одного было достаточно, чтобы довести до изнурения самых сильных людей. День, однако, несколько вознаградил нас за эту ужасную ночь. Берег был не далее чем в десяти милях от нас. Приблизившись к нему настолько, чтобы это не угрожало нашей безопасности, мы под попутным ветром прошли вдоль побережья, надеясь достигнуть какой-нибудь гавани. В половине третьего мы нашли бухту, очень странную с виду, у входа в которую высились две скалы, похожие на пирамиды. Ширс, Рассен и Фэйр высадились в надежде добыть пресную воду, в которой мы очень нуждались. Они вскоре вернулись и сказали, что нашли индейскую хижину, в которой находятся какие-то грубые глиняные сосуды. Опасаясь какой-нибудь неожиданности, мы всю ночь держались подальше от берега, а рано утром, войдя в бухту, убили тюленя. Это было первое свежее мясо, которое мне довелось попробовать за четыре года. Казалось странным есть его при таких обстоятельствах. Мы поджарили ласты, сердце и печенку на завтрак, отдав часть нашей поживы коту, которого захватили с собой с брига,— мне было жаль оставить его на погибель. После завтрака мы подняли якорь, а через полчаса подул свежий бриз, который понес нас со скоростью семи узлов в час от залива к заливу, в одном из которых мы рассчитывали пайти обитателей. Идя вдоль побережья, мы на закате услышали мычанье бычка, и Джон Баркер, которого по причине его жестокости я считал не способным проявлять чувствительность, вдруг расплакался.

Через два часа мы заметили большие костры на берегу, мы встали на якорь, вытравив трос на 19 морских саженьей. В эту ночь мы не спали. Утром мы подгрести поближе к берегу и закрепили шлюпку в морских тростниках. Как только тамошние жители увидели нас, они все высыпали на берег. Я раздал им иголки и нитки, и одна из женщин, крикнув «Вальдивия!»¹, показала на узкую полосу суши к югу от нас и подняла три пальца, добавив «лигос!», что, очевидно, означало три мили, и мы впоследствии обнаружили, что она очень правильно сообщила нам расстояние.

---

¹ В а л ь д и в и я — приморский город на юге Чили.

Около трех часов мы обошли с наветренной стороны место, указанное женщиной, и с подветренного борта увидели флагшток и батарею из двенадцати пушек. Здесь я разделил между своими людьми сумму в шесть фунтов десять шиллингов, которую нашел в каюте капитана Фрера, и по справедливости распределил одежду. У нас было также двое часов; одни я отдал Лесли, а другие оставил себе. Мы решили сказать, что мы часть экипажа брига «Джулия», направлявшегося в Китай и потерпевшего кораблекрушение в Южных морях. Высадившись на батарею, мы были очень вежливо встречены испанцами, которые оказали нам самый радушный прием, хотя мы ни слова не понимали из того, что они нам говорили. На следующее утро было решено, что Лесли, Баркер, Ширс и Рассен заплатят за каноэ, которое доставит их в городок, расположенный в девяти милях вверх по реке, и утром 6 марта они распрощались с нами. 9 марта прибыло судно под командованием лейтенанта с приказом доставить нас в город, и мы вошли на борт под конвоем солдат. В тот же вечер мы с некоторым трепетом вступили в пределы городка. Я опасался, что испанцы пронюхали о том, кто мы такие, и не ошибся, — нас выдал уцелевший солдат. Этот парень, таким образом, оказался дважды предателем — сначала он предал своего офицера, а потом своих товарищей.

Мы были немедленно отправлены в тюрьму, где мы нашли своих четырех спутников. Кое-кто из них хотел выкрутиться, нагло повторяя историю о кораблекрушении, но, зная, какими неизбежно путаными будут наши показания, если нас допросят поодиночке, я убедил их в том, что наиболее безопасным будет открытое признание. 14 марта привели к «интенданте», то есть губернатору, который сказал нам, что освободит нас при условии, что мы поселимся в черте города. Услышав это, я очень обрадовался и только попросил губернатора от имени своих товарищей, чтобы нас не выдавали английским властям: «Уж тогда лучше расстреляйте нас на главной площади». На глаза губернатора навернулись слезы, и он сказал: «Не думайте, несчастные, что я намерен действовать против вас. Только не делайте никаких попыток к бегству, и я буду вашим другом. Если какой-нибудь корабль потребует вас выдать, вы увидите, что я сдержу свое слово. Все, о чем я хочу вас предупредить, — это чтобы вы воздерживались от спиртного, которым здесь сильно злоупотребляют, и чтобы вы по возможности выплати-

ли правительству деньги, которые отпускались на ваше питание, пока вы отбывали заключение».

На следующий день мы все получили работу по спуску на воду судна водоизмещением в триста тонн, и мои люди проявили такое рвение, что, как заявил владелец судна, он не променял бы нас на тридцать своих соотечественников. Это очень понравилось губернатору, который присутствовал там вместе со всеми обитателями города и большим оркестром, поскольку судно простояло на стапелях почти три года. После того как оно было спущено, моряки из числа моих товарищей помогли оснастить его, за что получали по 15 долларов в месяц, не считая кормежки. Что касается меня, я очень скоро нашел работу на верфи и, честным трудом зарабатывая свой хлеб и пользуясь всеми радостями свободы, почти забыл о печальных превратностях судьбы, которые выпали на мою долю. Подумать только, что я, враждавший в среде джентльменов и ученых, должен был чувствовать себя счастливым оттого, что днем работаю на кораблестроительной верфи, а ночью сплю на связке шкур! Но это уже частные вопросы, и их не стоит касаться.

На этой же верфи вместе со мной работал выдавший нас солдат. Однажды он упал с большой высоты, и его сочли мертвым, на самом же деле он умер лишь несколько часов спустя в страшных мучениях, и я увидел в этом карающую руку провидения. Так сравнительно счастливо и спокойно текли дни до 20 мая 1836 года, когда старый губернатор ушел в отставку, к огорчению всех жителей Вальдивии, а «Ахиллес», вооруженный военный бриг, привез нам нового губернатора. Одной из первых акций этого джентльмена была продажа нашей лодки, пришвартованной позади губернаторского дома. Этот поступок показался мне признаком его недобрых намерений, и, боясь, что губернатор снова отправит нас в заточение, я решил бежать из этого места. Поделившись своими планами с Баркером, Лесли, Рейли, Ширсом и Рассеном, я предложил губернатору построить для него красивый вельбот, взяв на себя все кузнечные работы. Губернатор согласился, и немногим больше чем за две недели мы сколотили четырехвесельный вельбот, способный выдержать сильное волнение и даже шторм. Мы оснастили его парусами и снабдили запасом провианта, воспользовавшись именем губернатора, и 4 июля, в субботнюю ночь, мы отплыли на нем из Вальдивии, выйдя из устья реки вскоре после захода солнца. Не знаю, решил ли губернатор, возмущен-

ный нашей выходкой, не преследовать нас, или — что вернее — наше отсутствие было обнаружено не раньше понедельника, когда догнать нас было уже невозможно; мы вышли в море без всяких приключений, взяв правильный курс, направились к островам Тонга, как договорились заранее.

Но тут счастье, сопутствовавшее нам до сих пор, казалось, покинуло нас. После того как мы четыре дня еле-еле ползли вперед при знойной погоде, наступил мертвый штиль, продолжавшийся сорок восемь часов, и мы лежали, как бревно, на водной поверхности. Три дня мы проболтались среди океана под палящими лучами солнца, без воды и провизии. На четвертый день, когда мы задумали бросить жребий и решить, кто из нас должен умереть, чтобы остались в живых остальные, нас подобрал клипер, нагруженный опиумом, который возвращался в Кантон. Капитан-американец очень любезно обошелся с нами, а по прибытии в Кантон британские купцы, жившие в этом городе, провели подписку, и мы получили возможность бесплатно вернуться в Англию. Рассен, однако, пристрастился к пьянству и начал много болтать, что навлекло на нас подозрение. Консул сперва поверил моей вымышленной истории о кораблекрушении, но я назвал себя Уилсоном, забыв, что на секстанте, оставшемся на лодке, выгравировано имя капитана Бейтса. Эти два обстоятельства вызвали у консула сомнения и побудили его распорядиться, чтобы по прибытии в Англию мы были доставлены в полицейский суд округа Темзы. В сущности, против нас не было никаких улик, и мы могли бы счастливо отделаться, если бы доктор Пайн, служивший судовым врачом на «Малабаре», находясь в суде, не опознал меня и не показал под присягой, кто я такой. Мы были взяты под стражу, и, в дополнение к остальным уликам, мистер Кэпоп, тюремщик из Хобарт-Тауна, который тоже почему-то оказался в Лондоне, опознал нас всех. Наша история была предана гласности. Баркер и Лесли дали показания против Рассена, он был осужден за убийство Лайона и казнен. После этого нас посадили в трюм «Левнафапа», где мы оставались до тех пор, пока не были переведены на «Леди Джейн», которая направлялась с арестантами на Землю Вал-Димена. Нас судили в колонии, по месту совершения преступления, за пиратский захват брига «Морской ястреб», и мы прибыли сюда 15 декабря 1838 года.

Дочитав с бьющимся сердцем эту удивительную повесть, Сильвия опустила рукопись на колени и задумалась.

История этой отчаянной борьбы за свободу наполнила ее сердце смутным ужасом. До сих пор она ни разу не задумывалась над тем, среди каких людей она жила. Угрюмые создания, которые работали в кандалах или гребли на лодках, чьи лица несли одинаковую печать безразличия, очевидно, были совсем непохожи на Джона Рекса и его товарищей. Воображение рисовало ей путешествие на тонущем бриге, тяжкий труд в Южной Америке, полуночное бегство, отчаянную греблю, нескончаемые муки голода и то душевное бессилие и горечь, которые они, несомненно, испытывали в тюрьме после ареста. Разумеется, каторга должна была быть невыносимой для этих людей, если они решились подвергнуть себя любым опасностям, лишь бы избежать ее. Конечно же, каторжник Джон Рекс, который в одиночку, обессиленный болезнью, подавил мятеж и повел корабль по бушующему океану, обладает качествами, которым можно найти лучшее применение, чем работа в каменоломнях. Было ли, в конце концов, правильным мнение Мориса Фрера? Неужели эти чудовища — каторжники — наделены сверхъестественной выдержкой только для того, чтобы их умирляли и укрощали с помощью жестоких, бесчеловечных наказаний — кандалов и плетей? И в быстро наступающих сумерках ее фантазия все более разыгрывалась. Она с дрожью подумала, до какого чудовищного зла могут дойти такие люди, если им представится случай отомстить своим тюремщикам. Может быть, под маской угодничества и страха, которую она привыкла видеть на лицах арестантов, скрываются мужество и отчаяние настолько же сильные, как те, что поддерживали дух десяти несчастных беглецов, болтавшихся в Тихом океане? Морис говорил ей, что у этих людей есть свои тайные сигналы, свой тюремный язык. Она только что видела образец ловкости, с которой этот самый Рекс, все еще мечтающий о побеге, сумел послать тайное сообщение своим друзьям прямо под носом у тюремщиков. Что, если весь этот остров — тлеющий вулкан мятежа и убийства, а все каторжники — сплошные заговорщики, связанные друг с другом, как братья масоны, общностью отвратительных преступлений и страдания? Ужасно! Но это может быть так.

О, как странны пути цивилизации, если такой чудесный уголок земли понадобилось превратить в место каторги для чудовищ, которых эта цивилизация породила и вскормила! Она поглядела вокруг, и вся красота ландшафта словно вдруг померкла. Пышная листва, окутанная ту-

мапной дымкой сумерек, показалась ей страшной и коварной. Река словно замедлила свое течение, наполнившись кровью и слезами. Деревья как будто скрывали прячущиеся за ними тени жестокости и злобы. Даже еле шепчущий ветерок таил в себе вздохи и угрозы мести. Подавленная чувством одиночества, она поспешно собрала листки рукописи и повернула к дому, и в этот момент, словно вызванный из-под земли силой ее страха, какой-то человек в лохмотьях преградил ей дорогу.

Взволнованной девушке он показался воплощением того неведомого зла, которое ее страшило. Она узнала желтую одежду и увидела руки, которые стремительно потянулись к ней, словно желая ее схватить. Ей мгновенно вспомнилась история, которая три дня тому назад взбудоражила весь городок. Перед ней был отпетый головорез Порт-Артура, беглый бунтовщик и убийца, протянувший к ней раскованные руки, чтобы схватить ее и подчинить своей воле.

— Сильвия! Это вы! О, наконец-то! Я бежал, чтобы прийти к вам и просить... Неужели вы меня не узнаете?

Она в ужасе отступила, прижав руки к груди, не в состоянии произнести ни слова.

— Я — Руфус Доуз! — проговорил он, ища в ее лице благодарную улыбку признания, которая так и не появилась. — Руфус Доуз! — повторил он.

Вино уже было выпито, и, сидя на широкой веранде, мужчины слушали плоские рассуждения священника, когда вдруг из сада до них донесся крик.

— Что там такое? — спросил Викерс.

Фрер вскочил и стал всматриваться в глубину сада. Он увидел вдали две смутные фигуры, как ему показалось, боровшиеся друг с другом. Одного взгляда было достаточно, чтобы он, чертыхнувшись, перепрыгивая через клумбы, бросился к незнакомцу.

Увидев его, Руфус Доуз не побежал, так как чувствовал себя под защитой девушки, которая была обязана ему жизнью, он отпустил ее руку и схватил край ее платья.

— О, помоги мне, Морис, помоги! — вскрикнула Сильвия.

На лице Доуза показалось выражение ужаса и недоумения. Три дня несчастный старался сохранить свою жизнь и свободу, чтобы увидеться с единственным созданием, которое, как он думал, еще питает к нему привязанность. Осуществив свой беспримерный побег на глазах у всей тюремной стражи, он, рискуя быть пойманным, до-

брался до места, где жила девушка — предмет его дум и чаяний, надеясь услышать от нее слова сочувствия и благодарности. Но она не только не захотела выслушать его, но отшатнулась от него, как от зачумленного, а узнав его имя, позвала его смертельного врага, чтобы тот схватил его. Какая чудовищная неблагодарность! Значит, и та, которую он кормил и выхаживал, ради которой отказался от возможности, заработанной столь тяжким трудом, выйти на свободу и вернуть состояние, ребенок, о котором он мечтал во сне и наяву, девочка, образ которой боготворил, — и она тоже против него! Стало быть, нет на земле справедливости, нет бога! Он вынул из ее платье и, не обращая внимания на приближающийся топот и крики, молча стоял, дрожа с головы до ног. В следующее мгновение на него набросились Фрер и Мак-Наб и повалили на землю. Хотя и очень ослабевший от голода, он одним легким движением сбросил их, и, несмотря на то что в доме уже поднялась тревога и к месту событий бежали слуги, он мог бы еще скрыться от преследователей и спастись. Однако, судя по всему, он был неспособен бежать; на его бледном лице выступили большие капли пота, он дышал тяжело и прерывисто, и было похоже, что он вот-вот заплачет. На секунду черты его исказились конвульсивной гримасой. Казалось, что он готов обрушиться на голову девушки, рыдавшей на отцовском плече, страшное проклятие. Но он не издал ни звука, а только засунул за пазуху руку и с жестом ужаса и отвращения что-то отбросил от себя. Затем с глубоким вздохом он протянул руки и позволил себя связать.

Когда его уводили, его молчаливая скорбь так проникла в душу, что каждый инстинктивно отвернулся, чтобы никто не подумал, будто другой торжествует, глумясь и радуясь своей победе.

Глава 40

РЕЛИКВИЯ ИЗ МАКУОРИ-ХАРБОР

— Ты должен спасти его от нового наказания, — сказала на другой день Сильвия Фреру. — Я не хотела выдать этого несчастного человека, просто я немного разволновалась, читая историю того каторжника.

— Не надо было читать подобной чепухи, — сказал Фрер. — Да и зачем? Не думаю, чтобы там было хоть слово правды.

— Но там все правда! Я убеждена в этом. О, Морис, они ужасные люди. Я думала, что знаю все о каторжниках, но у меня и в мыслях не было, что среди них могут оказаться такие, как эти.

— И слава богу, что ты знаешь очень мало,— сказал Морис.— Слуги, которые живут здесь у вас, совсем непохожи на Рекса и его братию.

— О, Морис, я так устала от этого места! Это, может быть, нехорошо по отношению к папе и другим, но я мечтаю оказаться где угодно, лишь бы не видеть больше цепей и желтой одежды. Не знаю даже, почему мне так хочется этого...

— Мы ведь поедem в Сидней,— сказал Фрер.— Там не так много каторжан. Мы давно с тобой решили туда поехать.

— И провести там наш медовый месяц,— простодушно подтвердила Сильвия.— Но мы с тобой еще не обвенчаны.

— За этим дело не станет,— сказал Морис.

— Ах, я не о том! Я хочу поговорить с тобой о бедном Доузе. Не думаю, чтобы он хотел как-то обидеть меня. Сейчас мне кажется, что он пришел попросить еды или еще чего-то, а я испугалась. Они ведь не повесят его, Морис, нет?

— Нет,— сказал Морис.— Я утром говорил с твоим отцом. Если бы его стали судить, тебе, возможно, пришлось бы дать показания, поэтому мы решили отправить его обратно в Порт-Артур и заковать в тяжелые кандалы. Сегодня мы еще раз приговорили его к пожизненному заключению. Это уже третий по счету приговор.

— А что он сказал?

— Ничего. Я сразу же отправил его на шхуну. Сейчас она уже, наверно, миновала устье реки.

— Морис, не знаю почему, но этот человек меня как-то тревожит.

— Правда? — спросил Морис.

— Я словно боюсь его, как будто я что-то знаю о нем, а между тем я ничего не знаю.

— Это не очень ясно,— сказал Морис и как-то принужденно рассмеялся.— Но давай больше не говорить о нем. Мы скоро будем далеко от Порт-Артура и всех его обитателей.

— Морис,— сказала она ласково,— я люблю тебя, дорогой! Ты ведь всегда защитишь меня от этих людей, правда?

Морис поцеловал ее.

— Ты еще не справились со своими страхами, Сильвия, — сказал он. — Я вижу, что мне придется очень заботиться о моей жене.

— Конечно, — согласилась Сильвия.

Затем последовала нежная сцена: Морис горячо обнимал девушку, а она только терпела его прикосновения.

Вдруг взгляд ее упал на какой-то предмет.

— Что это такое? Вон там, на земле около источника?

Они были вблизи того места, где накануне был схвачен Доуз. Здесь через сад протекал небольшой ручей, и тритон, сделанный руками каторжников, дул в свой рог среди нагромождения камней. Возле источника лежал крошечный мешочек. Фрер поднял его. Материя была желтой, захватанной, и мешочек явно был шит мужскими руками.

— Что-то вроде игольника, — сказал Фрер.

— Дай-ка мне посмотреть. Какая странная штука! И тоже из желтой материи. Должно быть, это вещь какого-нибудь каторжника. О, Морис, — конечно, того самого, который был здесь вчера вечером!

— Ну да, — сказал Морис, вертя в руках мешочек. — Может быть, и его. Даже наверняка — его.

— Я помню, он что-то бросил на землю. Может быть, как раз это? — сказала Сильвия, с любопытством заглядывая через его плечо. Фрер, слегка нахмурившись, разорвал ткань таинственного мешочка. Под нею оказался второй слой — из серой материи, какую послали арестанты «хорошего поведения». Под этим вторым слоем ткани хранился грязный и выцветший лоскуток из мериносовой шерсти в три квадратных дюйма. Когда-то он, по-видимому, был синего цвета.

— Ого! — сказал Фрер. — Что же это может быть?

— Это кусочек платя, — сказала Сильвия.

То был талисман Руфуса Доуза — лоскут от того платя, которое она послала в Макуори-Харбор, — лоскут, который он пять лет хранил и берег, как священную реликвию.

Фрер бросил лоскуток в воду, и ручей понес его.

— Зачем ты это сделал? — воскликнула девушка, почувствовав вдруг непонятный укол совести. Лоскут, зацепившись за водоросли, на секунду задержался на поверхности воды. Почти в тот же миг, одновременно поднимая взгляд, они увидели сквозь просвет между деревьями шху-

ну, уносившую Руффуса Доуза обратно в его темницу. Шхупа проскользнула мимо и исчезла. Когда они снова взглянули на странную реликвию отъявленного преступника из Порт-Артура, она тоже исчезла...

Глава 41

В ПОРТ-АРТУРЕ

Шхупа, доставившая обратно беглого каторжника Руффуса Доуза, подошла к каменному молу Порт-Артура, и ее встретил обычный лязг железа и стук молотов. На холмах над эспланадой возвышался мрачный фасад солдатских барачных корпусов, под ними был длинный ряд тюремных мастерских и дубильных ям. Слева находился дом коменданта, весьма внушительный, благодаря его уступам с амбразурами и часовому у входа. На молу, обращенному к лиловеющему вдаль «Острову мертвых», позвякивая цепями, под дулами мушкетов тюремной стражи, трудились люди в разноцветной одежде.

Руффус Доуз видел эту панораму тысячи раз, он выучил и прекрасные восходы солнца, и блеск воды, и покрытые лесом горы. Он знал это все — от ненавистного выжженного солнцем мола внизу до сигнального поста, утонувшего в цветущих деревьях и простирающего к безоблачному небу свои стройные мачты. Для него не было очарования ни в изумительной синеве моря, ни в мягких тенях гор, ни в мирном журчании волн, ласково льнущих к белой груди озаренного солнцем, сияющего берега. Он сидел, понурил голову, обхватив руками колени, и не хотел даже поднять глаза, пока его не растолкали.

— Эй, Доуз! — крикнул надзиратель Троук, остановив свою команду из прикованных друг к другу одетых в желтое каторжан. — Значит, опять вернулся? Рад тебя видеть, Доуз. А нам-то казалось, прошла вечность с тех пор, как мы лишились твоего общества!

Услышав эту шутку, команда расхохоталась, и кандалы зазвенели громче обычного. По опыту все знали, что не смеяться над остротами Троука означало попасть в немилость.

— Спускайся, Доуз! Я представлю тебя твоим старым друзьям. Они тебе очень обрадуются, верно, ребята? А мы-то уж боялись, что совсем потеряли тебя! Мы думали, что ты навсегда от нас улизнул. Экая досада, мальчи-

ки, что в Хобарт-Тауне ему не оказали должного внимания! Ничего, голубчик, зато теперь мы с тебя глаз не будем спускать. Больше ты отсюда не удерешь...

— Прекратите, Троук! — раздался чей-то голос. — Вы опять за свое? Оставьте человека в покое!

По распоряжению из Хобарт-Тауна опасного преступника стали приковывать к последнему человеку в общей цепи, соединяя ножные кандалы обоих особым звеном, которое в случае необходимости можно было снимать; Доуз, казалось, ничего не сознавал и был безучастен к происходящему.

Услышав полные благожелательности слова, он поднял глаза и увидел своего защитника — высокого худощавого человека в темном поношенном одеянии. Вокруг его шеи был повязан черный платок. Лицо его было незнакомо Доузу.

— Прошу прощения, мистер Норт, — сказал Троук, мгновенно сбавив тон и перестав задиаться. — Я не заметил вас, ваше преподобие.

«Священник!» — разочарованно подумал Доуз и снова опустил глаза.

— Я знаю, — холодно ответил Норт. — Если бы заметили, вы бы тотчас стали сама любезность. Не трудитесь лгать — это бесполезно.

Доуз опять взглянул на него. Какой-то странный священник...

— Как ваше имя, друг мой? — вдруг спросил мистер Норт, перехватив его взгляд.

Руфус Доуз хотел было огрызнуться, но резкий и властный тон сразу же разбудил в нем вторую натуру арестанта — человека-автомата, и он, сам того не желая, покорно ответил:

— Руфус Доуз.

— Вот как! — сказал Норт, глядя на него с любопытством и как бы соболезнующе. — Это, значит, тот самый человек? Я думал, что его отправят на угольную шахту.

— Так и есть, — сказал Троук. — Но мы пошлем его туда через неделю-другую, а покамест он будет работать у меня в кандалной команде.

— Вот как! — повторил мистер Норт. — Дайте-ка мне ваш нож, Троук.

И на глазах у всех странный священник вынул из продранного кармана плитку табака и отрезал ножом мистера Троука кусок «жвачки». Руфус Доуз почувствовал то, чего не ощущал уже три дня, — интерес к происходящему.

Он смотрел на пастора с искренним удивлением. Мистер Норт, очевидно неправильно истолковав его пристальный взгляд, протянул ему остаток плитки.

Вся команда дрогнула и наклонилась вперед, предвкушая бескорыстное удовольствие полюбоваться тем, как другой человек будет жевать табак. Троук молча осклабился, что, несомненно, предвещало неприятности благодетельствованному арестанту.

— Возьмите,— сказал мистер Норт, протягивая большой кусок, на который зарилось столько жадных глаз. Руфус Доуз взял табак, с минуту смотрел на него жадным взглядом и вдруг, ко всеобщему изумлению, с проклятием швырнул на землю.

— Не нужен мне ваш табак,— сказал он.— Оставьте его себе.

Почтительный гул раздался в толпе изумленных каторжников, а глаза Троука загорелись возмущением уязвленного тюремщика.

— Эй ты, неблагодарная собака! — крикнул он и замахнулся палкой.

Мистер Норт поднял руку.

— Ну, хватит, Троук,— сказал он.— Я знаю, как вы уважаете мой духовный сан. Ведите людей дальше.

— Марш вперед! — скомандовал Троук, бормоча про себя ругательства, и Доуз почувствовал, как звено, только что приклепанное к его кандалам, дернуло его. Он успел отвыкнуть от работы в кандалной связке, и внезапный рывок чуть не заставил его потерять равновесие. Он ухватился за соседа и, подняв взгляд, встретился с парой черных глаз, по выражению которых было видно, что тот узнал его. Его соседом был Джон Рекс. Мистер Норт, наблюдавший за ними, был поражен сходством этих двух людей. Их рост, глаза, волосы, даже черты лица были удивительно похожи. Несмотря на различие фамилий, они могли быть родственниками.

«Может быть, они даже братья,— подумал он.— Эх, бедняги! Однако я еще не встречал арестанта, который отказался бы от табака». И он посмотрел на землю, ища взглядом отвергнутое угощение. Но тщетно: Джон Рекс, чью душу не тяготили никакие глупые сантименты, поднял его и сунул себе в рот.

Так Руфус Доуз был возвращен к прежней жизни. Он вошел в тюрьму и понял, что чувство ненависти к людям, которое она в нем воспитала, возросло по меньшей мере во сто крат. Ему казалось, что он ослеплен внезапным про-

буждением, что поток света, хлынувший в его дремлющую душу, ослепил глаза, привыкшие к обманчивым сумеркам. Сначала он был не в силах понять всю глубину своего несчастья. Он знал только одно: дитя его мечты живо и содрогнулось от ужаса, увидев его, и то единственное в жизни, что он любил и во что верил, обмануло его, и вся надежда на справедливость и милосердие исчезла навсегда, а с ней исчезли и красота земли, и небесный свет, и он, лишенный всего этого, приговорен продолжать жить. Он погрузился в работу, не обращая внимания на шутки Троука, на тяжесть кандалов, на смех или стоны, то и дело раздававшиеся вокруг. Его великолепная мускулатура облегчала ему муки, и напрасно любезный Троук старался сломить его дух. Он не жаловался, не смеялся и не плакал. Его «дружок» Рекс делал попытки заговорить с ним, но безуспешно. Среди одного из занимательных рассказов Рекса о лондонских развлечениях Руффус Доуз вдруг устал и тяжело вздохнул. «У этого парня что-то на уме,— подумал Рекс, любивший все подмечать и читать в чужих душах.— У него есть какая-то тайна, которая его тяготит».

Но напрасно Рекс пробовал проникнуть в эту тайну. На все хитроумные расспросы Рекса о прошлом Доуз отвечал молчанием. Рекс пустил в ход все свое искусство, призвал на помощь все свои таланты и красноречие (а он обладал ими в немалой мере), чтобы очаровать этого человека и завоевать его доверие. Но Доуз относился к его заигрываниям с полным равнодушием, продолжая хранить угрюмое молчание. Уязвленный этим безразличием, Джон Рекс попытался применить к нему те приемы изощренного мучительства, которые позволяли Габбету, Ветчу и другим вожакам утверждать свое превосходство над более смиренными товарищами. Но скоро он прекратил и эти попытки.

— Я дольше тебя пробыл в этом аду,— сказал ему Руффус Доуз,— и знаю штучки почище. Так что прекрати.

Рекс пренебрег этим предостережением. И однажды, когда он снова принялся за свое, Руффус схватил его за горло и задушил бы, если бы Троук не отогнал разгневанного каторжника своей излюбленной дубинкой. Рекс всегда уважал в людях смелость, и поэтому у него хватило мужества открыто признаться, что он сам вызвал нападение. Но и этот самоотверженный поступок не возымел никакого действия на упрямого Доуза. Тот только рассмеялся.

Тогда Рекс решил, что Доуз замышляет побег. Он сам не раз подумывал об этом, так же как Габбет и Ветч, но

они не доверяли друг другу подобных мыслей. Это было бы слишком рискованно. «А ведь он был бы хорошим товарищем в таком деле», — подумал Рекс и твердо решил привлечь в союзники этого опасного и молчаливого человека.

Однажды Доуз задал Рексу вопрос, на который тот ему ответил.

— Кто такой Норт?

— Капеллан. Он здесь всего с неделю. Скоро пришлют другого. Норт уезжает в Сидней. Он не в чести у епископа.

— Откуда ты знаешь?

— Догадался, — ответил Рекс с улыбкой. Он носит цветную одежду, курит и не бормочет тексты из Писания. А епископ одевается в черное, ненавидит табак и цитирует Библию, как ходячий справочник. Норта послали сюда на месяц, чтобы «нагреть перинку» для этого осла Микина. Отсюда следует, что епископ терпеть не может Норта.

Джемми Ветч, ближайший сосед Рекса, перевалив на Габбета всю тяжесть своей ноши, громко выразил восхищение сообразительностью Рекса. «Ну чем наш Денди не умница!» — воскликнул он.

— Только не вздумай разыгрывать из себя кающегося грешника. Норт на этот номер не клюнет. погоди, явится бесподобный Микин — вот этого «святого мужа» ты сможешь обвести даже вокруг мизинца!

— Заткнитесь вы там! — рявкнул надзиратель. — Хотите, чтобы я доложил о вас?

Так проходили дни, и Доуз уже едва ли не мечтал об угольных шахтах. Каждый выход из тюремного поселка Порт-Артура был для этих несчастных «приятным путешествием» — переменой обстановки, тем же, чем в наши дни является поездка в Куинслифф или на океанский пляж.

Глава 42

ДВОРЕЦКИЙ КОМЕНДАНТА

Уже две недели находился Руфус Доуз в колонии, когда в кандальную связку приковали новичка. Это был молодой человек лет двадцати, белокурый, худой и хрупкого сложения. Звали его Керкленд; он принадлежал к разряду так называемых «образованных» арестантов. Он служил клерком в банке и был сослан за растрату, хотя мно-

гие очень сомневались в его вине. Комендант, капитан Берджес, взял его в дом дворецким, и на него смотрели как на «счастливого». Он, конечно, и был счастливым и оставался бы им, если бы не произошел неожиданный случай. Капитан Берджес, холостяк «старого закала», не скрывал своего пристрастия к брани и зуботычинам и в отборных выражениях ругал арестантов. Керкленд принадлежал к методистской семье и отличался благочестием, неуместным в здешних условиях. Потоки брани, лившиеся из уст Берджеса, заставляли его содрогаться, и однажды он забылся до того, что зажал уши, слушая своего хозяина.

— Ах ты, ублюдок! — рявкнул Берджес. — Так-то ты, сукин сын, ведешь себя? Я тебя живо отучу от этого! — И он, не долго думая, отправил его в кандальную связку за «неподчинение».

Каторжники, не любившие арестантов-белоручек, встретили его с недоверием. Троук, видимо, желая подвергнуть испытанию человеческую натуру, приковал его рядом с Габбетом. День прошел как обычно, и Керкленд почувствовал некоторое облегчение.

Работа была тяжелая и люди вокруг грубые, но, несмотря на боль в спине и мозоли на руках, он считал, что в конце концов ничего ужасного с ним не произошло. Когда прозвучал колокол — сигнал кончать работу — и связку расковали, Руфус Доуз, который молча шел в свою одиночную камеру, увидел, что Троук собирается поместить новичка иначе: вместо одиночной камеры он отправил его в общий барак.

— Мне идти туда с ними? — спросил бывший клерк, в ужасе отпрянув от жутких лиц, сомкнувшихся вокруг него.

— А ты как думал? Ну, шевелись! — приказал Троук. — Комендант говорит, что одна почка там смоеет с тебя весь крахмал.

— Но, мистер Троук...

— Заткни глотку! — сказал Троук, выругавшись, и нетерпеливо хлестнул парня плеткой. — Не препираться же мне тут с тобой до утра. Заходи!

И Керкленд, двадцатидвухлетний отпрыск благочестивых методистов, проследовал в барак.

Об этом бараче у Руфуса Доуза сохранились самые мрачные воспоминания, и он вздохнул. Очутившись в своей одиночке, он устыдился своей слабости и постарался изгнать этот вздох из памяти.

«А чем он, собственно, лучше остальных?» — подумал Руффус и лег, чтобы забыться, оставшись наедине со своим горем.

На рассвете следующего дня Норт, который наряду с другими причудами, не одобряемыми епископом, имел привычку бродить по тюрьме в непредусмотренные часы, был привлечен шумом у двери арестантского барака.

— Что случилось? — спросил он.

— Наказанный арестант бунтует, ваше преподобие, — отвечал стражник. — Хочет выйти.

— Мистер Норт! Мистер Норт! О, ради бога, мистер Норт, выпустите меня отсюда!

К решетке прильнул Керкленд — он был смертельно бледен, шерстяная фуфайка разорвана на груди, а глаза широко раскрыты от ужаса.

— Как, это вы, Керкленд? — вскричал Норт, ничего не знавший о мести коменданта. — Почему вы здесь?

Но Керкленд мог отвечать только воплями и колотить по решетке белыми кулаками, по которым струился пот.

— О, мистер Норт! Ради всего святого, мистер Норт!

— Выпустите его! — сказал Норт стражнику.

— Не могу, сэр, — только по приказу коменданта.

— Но я вам приказываю! — крикнул возмущенный Норт.

— Очень сожалею, ваше преподобие, но ведь ваше преподобие знает, что я не смею этого сделать.

— Мистер Норт! — вопил Керкленд. — Неужели вы хотите, чтобы я погиб здесь? Мистер Норт! О, вы, служители Христа, все вы волки в овечьей шкуре, бог осудит вас за это! Да, да, мистер Норт!

— Выпустите его! — снова крикнул Норт, топнув ногой.

— Нельзя, — возразил тюремщик. — Не имею права. Даже если он будет умирать — не выпущу!

Норт кинулся к коменданту, и, как только он повернулся спиной, стражник Хэйлс отпер дверь и ворвался в барак.

— Вот получи! — взревел он, ударив Керкленда по голове ключами. Керкленд упал и потерял сознание. — С вами, чертовыми аристократами, хлопот не оберешься! Лежи, не шевелись!

Комендант, разбуженный священником, сказал, что Керкленд может отлично переночевать в бараке и что

Норт напрасно будит человека среди ночи из-за того, что какой-то арестант поднял вой.

— Но, любезный мой сэр,— запротестовал Норт, с трудом сдерживая желание переступить границы вежливости в обращении к своему начальнику,— вы же знаете, с какими людьми его поместили в бараке. Несчастный мальчик, чего только он не вытерпел.

— Он дерзкий молокосос! — крикнул Берджес.— Таких надо учить! Я сожалею, мистер Норт, что вы потрудились прийти сюда, но, может быть, вы все-таки дадите мне выспаться?

Норт вернулся в тюрьму расстроенный и нашел на посту Хэйлса. В бараке царила тишина.

— Ну, что там с Керклендом? — спросил он.

— Докричался до того, что уснул, ваше преподобие,— сказал Хэйлс, и в тоне его прозвучала отеческая заботливость.— Бедный паренек! Трудно здесь таким молоденьким, как он, сэр.

* * *

Утром Руфус Доуз, занявший свое место среди кандалников, был поражен изменившимся видом Керкленда. На зеленовато-бледном лице каторжника застыло выражение растерянности и ужаса.

— А ну, подбодрись немного! — сказал ему Доуз, почувствовав минутную жалость.— Не надо унывать, от этого мало толку.

— Что они со мной сделают, если я попытаюсь бежать? — прошептал Керкленд.

— Убьют,— ответил Доуз, удивленный наивностью вопроса.

— И слава богу! — сказал Керкленд.

— Ну, ну,— вмешался один из каторжан.— Что это с тобой, мисс Нэнси?

Керкленд задрожал, и бледное лицо его вспыхнуло.

— Господи! Зачем жить такому падшему человеку, как я?

— Перестань! — крикнул Троук.— Номер сорок четыре, если ты не замолчишь, я покажу тебе где раки зимуют. Марш!

В тот день команда перетаскивала к берегу тяжелые бревна, и Руфус Доуз заметил, что Керкленд выдохся за долго до окончания работы.

— Они убьют тебя, мальчуган! — бросил он новичку, и в тоне его было сочувствие. — Как ты угодил в такой переплет?

— А вы когда-нибудь бывали там, в общем бараке? — спросил Керкленд.

Руфус Доуз кивнул.

— И комендант знает, что там творится?

— Думаю, что да. Но ему на это наплевать.

— То есть как — наплевать? Слушайте, вы верите в бога?

— Нет, — сказал Доуз, — здесь не верю. Держись крепче на погах, парень! Если ты упадешь, мы свалимся на тебя, и тогда тебе крышка.

И не успел он это сказать, как Керкленд, опустив бревно, бросился на землю. Еще секунда, и вся команда была бы на нем и раздавила бы его, если бы Габбет не протянул закованную руку и не спас от смерти незадачливого самоубийцу.

— Держись за меня, мисс Нэнси, — сказал Верзила. — Я сильный, могу тащить и за двоих.

Эти слова и тон, каким они были сказаны, вызвали у Керкленда отвращение, и он, оттолкнув руку каторжника, вскрикнул и, подхватив свои кандалы, кинулся к воде.

— Стой, дурак! Мальчишка! — заорал Троук, поднимая карабин, но Керкленд продолжал бежать к причалу. И в этот момент из-за груды камней появилась фигура мистера Норта. Когда Керкленд хотел вскочить на мостки, он оступился и попал в объятия капеллана.

— Ах ты, змееныш! Ты еще за это заплатишься! — крикнул Троук. — Ты у меня запомнишь этот день!

— О, мистер Норт, зачем вы меня остановили? — стонал Керкленд. — Лучше умереть, чем провести еще одну ночь в этом месте!

— Тебе за это всыпят горячих, парень, — сказал ему Габбет, когда привели бывшего клерка. — Теперь береги свою драгоценную шкуру!

Керкленд только тяжело дышал и озирался, ища мистера Норта, но того не было видно. В этот день прибывал новый капеллан, и его предшественник обязан был присутствовать на встрече.

По возвращении в тюрьму Троук доложил Берджесу о Керкленде, и комендант, спешивший на обед в честь нового капеллана, быстро решил вопрос.

— Хотел сбежать, а? Ничего, отучим. Пятьдесят плетей. Скажите Маклиvenu, чтобы был готов; нет, погодите,

я сам скажу ему. Я усмирю этого дьяволенка, будь он не-
ладен.

— Слушаюсь, сэр,— отозвался Троук.— До свидания, сэр.

— Постойте, Троук,— подберите там подходящего парня. Того, что был прошлый раз, самого стоило привязать. Его удары не убили бы даже блоху.

— Да их не заставишь лупить друг друга, ваша милость,— пожаловался Троук.— Не хотят они, и все тут.

— Ничего, захотят,— утешил его Берджес.— А иначе я дознаюсь, почему они отказываются. Я не хочу заставлять своих людей сечь этих мерзавцев. Если и на этот раз тот, кого вы назначите, не станет выполнять своих обязанностей, привяжите его тоже и дайте ему двадцать пять плетей. Я сам буду там утром, если смогу.

— Слушаюсь, ваша честь,— отчеканил Троук.

Керкленда перевели в одиночку, и Троук, расставаясь с ним, пожелал ему спокойной ночи и сообщил, что утром он получит свои «пятьдесят».

— А сечь тебя будет Доуз,— добавил он.— Он у меня одип из самых толковых ребят, уж он-то тебя не пощадит, можешь быть уверен.

Глава 43

БОЛЕЗНЬ МИСТЕРА НОРТА

— Вы скоро узнаете, какое это ужасное место, мистер Микин,— сказал Норт своему преемнику, когда они шли на обед к коменданту.— Я совершенно подавлен всем, что увидел.

— А я думал, что у вас здесь рай,— сказал Микин.— Капитан Фрер говорил мне, что природа здесь восхитительная.

— Это верно,— согласился Норт, искоса глянув на собеседника,— но арестанты отнюдь не восхитительны.

— Бедные заблудшие души,— промолвил Микин.— Разумеется, вы правы. Но взгляните, какие лунные блики дремлют на этом берегу! Ах, какая красота!

— Да, души, оставленные и людьми и богом,— задумчиво произнес Норт.

— Нет, мистер Норт, провидение никогда не покидает даже самых недостойных сынов своих. Я никогда не встречал еще праведника, забытого богом, или семья его, моля-

щими о подавании насущном. В долине смерти господь всегда с нами. Если не он сам, так слуги его. Взгляните-ка, мистер Норт, как живописно расположен дом коменданта!

Мистер Норт тяжело вздохнул.

— Вы еще очень мало пробыли здесь в колонии, мистер Микин. И — простите мою вольность — я сомневаюсь в том, что вы хорошо знаете нашу карательную систему.

— Но она великолепна! Просто великолепна! — сказал Микин. — Правда, кое-что, замеченное мною в Хобарт-Тауне, мне не особенно понравилось, — например, частое употребление непристойных выражений, — но в целом я был в восторге от Системы! Она так продумана, так совершенна...

Норт поджал губы.

— Да, она хорошо продумана, — сказал он. — Пожалуй, даже слишком хорошо. Но в спорах об этом я всегда остаюсь в меньшинстве. Поэтому давайте лучше переменим тему.

— Пожалуйста, — ответил Микин. Он слышал от епископа, что мистер Норт человек недостойного поведения, что он курит глиняные трубки, что его видели даже пьющим пиво из оловянной кружки и слышали, как он говорил, будто белые шейные платки вообще можно не носить.

Обед проходил весьма оживленно. Берджес, желавший произвести благоприятное впечатление на капеллана, которого так хвалил епископ, на время воздержался от циничных высказываний и был достаточно вежлив.

— Мы покажемся вам грубоватыми, мистер Микин, — сказал он, — но вы увидите, что мы люди дружные и, если надо, все являемся по первому зову. У нас здесь свое особое маленькое королевство.

— Как королевство пигмеев у Беранже? — спросил Микин с улыбкой.

Капитан Берджес никогда не слышал о Беранже, но улыбнулся так, как будто знал наизусть все его стихи.

— Или как остров Санчо Пансы, — сказал Норт. — Вы помните, как там осуществлялось правосудие?

— В данный момент не могу припомнить, сэр, — с достоинством отвечал Берджес. Мысль о том, что преподобный мистер Норт над ним подшучивает, просто угнетала его. — Прошу вас, налейте себе еще вина.

— Спасибо, не могу, — сказал Норт, наполняя свой стакан водой. — У меня болит голова.

Он вел себя так неловко, что все за столом замолчали, недоумевая, что могло смутить мистера Норта и почему он

барабанит пальцами по столу и смотрит куда угодно, только не на графин.

Микин, всегда чувствовавший себя одинаково свободно, заговорил первым.

— У вас бывает много посетителей, капитан Берджес?

— Очень мало. Иногда приезжают люди от губернатора, и я показываю им наш городок. Но как правило, мы встречаемся только друг с другом.

— Я спросил потому, что мои друзья хотели сюда приехать,— сказал Микин.

— А кто они такие?

— Вы знаете капитана Фрера?

— Фрера? Еще бы.— Берджес рассмеялся, и смех этот был похож на смех Морриса Фрера.— Я служил вместе с ним на острове Сары. Стало быть, он ваш друг?

— Я имел удовольствие встречаться с ним в обществе. Он только что женился, вы знаете об этом?

— Да неужели? — удивился Берджес.— Но я, кажется, что-то об этом слышал.

— Мисс Викерс — очаровательная девушка. Они едут в Сидней, у капитана Фрера там дела, а по дороге он заедет в Порт-Артур.

— Странная идея для свадебного путешествия,— сказал Норт.

— Капитана Фрера глубоко интересует все, что касается тюремной дисциплины,— продолжал Микин, не обращая внимания на комментарий.— Он хочет, чтобы и миссис Фрер увидела это место.

— Разумеется, нельзя покидать колонию, не повидав Порт-Артура,— сказал Берджес.— Здесь есть на что посмотреть.

— Так думает и капитан Фрер. Романтическая история, капитан Берджес. Он ведь, знаете ли, спас ей жизнь.

— Да, занятное происшествие этот мятеж! — сказал Берджес.— Эти бунтари здесь у нас.

— Я присутствовал на суде в Хобарт-Тауне,— сказал Микин.— Их главарь, Джон Рекс, передал мне свое признание, и я отослал его епископу.

— Рекс крупный негодяй,— вставил Норт.— Опасный, ловкий, хладнокровный преступник.

— Зачем так говорить! — сурово возразил Микин.— Я не согласен с вами.— Все почему-то против этого несчастного человека. Капитан Фрер хотел убедить меня, что в его письме есть какой-то скрытый смысл, но я в это не верю. Мне кажется, что он искренне раскаивается в своих

проступках. Если мое знание человеческой природы чего-то стоит, то это заблудший, но отнюдь не лицемерный человек.

— Будем надеяться, что так,— сказал Норт.— Лично я ему не доверился бы.

— Ну, его-то нечего опасаться,— весело подхватил Берджес.— Если он начнет бунтовать, мы дадим ему пару горяченьких!

— Я считаю, что строгость необходима,— заявил Микин,— хотя порка — это, конечно, жестокое наказание.

— Наказание не слишком жестокое для ожесточенных людей,— ответил Берджес и засмеялся, довольный тем, что ему в первый раз в жизни удалось сказать что-то вроде каламбура.

Но в этот миг всеобщее внимание было привлечено странным поведением мистера Норты. Он встал и, не извинившись, распахнул окно, словно ему не хватало воздуха.

— Эй, Норт, в чем дело? — окликнул его Берджес.

— Ничего,— сказал Норт, с усилием взяв себя в руки.— Это спазм. Со мной иногда бывает.

— Выпейте бренди,— посоветовал комендант.

— Нет, нет, это пройдет. Я сказал — нет. Ну, если вы так настаиваете...— И, взяв предложенный ему стакан, плеснул туда перазбавленного бренди и одним глотком осушил огненный напиток.

Преподобный Микин в ужасе уставился на своего собрата. Он не привык видеть священников, которые носят черные воротнички, курят глиняные трубки, жуют табак и стаканами глушат чистый спирт.

— Ха! — выдохнул Норт, как-то дико озираясь.— Вот теперь мне лучше.

— Пойдемте-ка на веранду,— пригласил его Берджес,— там все-таки прохладнее.

Они вышли на веранду, откуда виднелись огни тюрьмы и слышался плеск прибоя. Преподобный Норт, казалось, вполне оправился на свежем воздухе, и оживленный разговор продолжался.

Из темноты к ним приблизилась низкорослая фигура с короткой сигарой во рту. Это был доктор Макливен; несчастный случай с констеблем в бухте Норфолк, потребовавший срочной врачебной помощи, помешал ему присутствовать на обеде.

— Ну, как там Форрест? — окликнул его Берджес.— Знакомьтесь — мистер Микин, мистер Макливен.

— Умер,— сказал Макливен.— Рад видеть вас, мистер Микин.

— Черт побери — еще один из моих надежнейших людей! — прорычал Берджес.— Макливен, выпейте стакачик вина.

Но Макливен очень устал и торопился домой.

— Мне тоже надо подумать об отдыхе,— сказал Микин.— Путешествие — хотя и очень приятное — утомило меня.

— Тогда пойдемте,— пригласил его Норт.— Нам с вами по пути, доктор.

— Неужели даже не пригубите бренди перед уходом? — удивился Берджес.— Ну, в таком случае я пошлю за вами утром, мистер Микин. Спокойной ночи, Макливен. Задержитесь на минутку, мне надо вам кое-что сказать.

И не успели священники дойти до середины крутой тропинки, ведущей от дома коменданта к коттеджам доктора и капеллана, как к ним присоединился Макливен.

— Завтра еще одна порка,— буркнул он.— И, должно быть, опять на рассвете.

— Кого же на этот раз он будет пороть?

— Да этого своего молодого дворецкого.

— Что? Керкленда? — вскричал Норт.— Да неужели он велел высечь Керкленда?!

— Да. За неповиновение,— сказал Макливен.— Пятьдесят плетей.

— Ну, это нужно отменить! — горячился встревоженный Норт.— Он этого не выдержит. Я говорю вам, Макливен, он умрет!

— Быть может, вы позволите мне об этом судить,— возразил Макливен, с достоинством распрямляя свое тщедушное тело.

— Дорогой мой сэр,— начал Норт, понимая необходимость примириться с врачом,— вы уже давно его не видели. Сегодня утром он пытался утопиться.

Микин несколько встревожился, но доктор Макливен успокоил его.

— Такого рода глупости надо пресекать,— сказал он.— Другим это будет уроком. Я удивляюсь, что Берджес не дал ему сто плетей.

— Керкленда посадили в «длинный барак»,— сказал Норт.— Вы знаете, что это за местечко. Клянусь небом, меня ужаснули его страдания и позор.

— Ладно, завтра мы поместим его в лазарет на неделю,— сказал Макливен,— это его подбодрит.

— Если Берджес устроит ему порку, я сообщу об этом губернатору! — с горячностью воскликнул Норт. — В этом «длинном бараке» черт знает что творится. Безобразие!

— Если парню есть на что жаловаться, пусть жалуется. Без доказательств мы не можем ничего предпринять.

— Вы говорите — жаловаться! Это значит рисковать своей жизнью. Кроме того, он не тот человек, чтобы жаловаться. Поручаетесь ли вы за его жизнь в случае жалобы? Он скорее покончит с собой, чем расскажет, какие постыдные вещи там происходят.

— Все это чистые домыслы, — заявил Макливен. — Мы не можем по одному подозрению выпороть всю камеру. Лично я ничем помочь не могу. Он сам накликнул на себя беду, пусть сам и расплачивается.

— Я пойду сейчас к Берджесу, — сказал Норт. — Проходите в калитку, мистер Микин, ваша комната справа. Я скоро вернусь.

— Пожалуйста, не спешите, — вежливо ответил Микин. — Не забудьте, что вы идете просить о милосердии. Перед этим все прочие дела отступают. Значит, мой сак-вож уже в комнате?

— Да, да. Позовите слугу, если вам что-нибудь понадобится. Он спит в задних комнатах. — И с этими словами Норт стал торопливо подниматься по тропинке.

— Чувствительный джентльмен, — сказал Микин доктору, когда шаги Норта затихли вдалеке.

Макливен озабоченно покачал головой.

— С ним что-то неладно, но я не пойму, что именно. У него иногда бывают странные приступы. Может быть, это рак желудка? Трудно что-нибудь сказать.

— Рак желудка? Боже мой, какой ужас! — сказал Микин. — Ах, доктор, у каждого из нас свой крест, не правда ли? Как чудесно пахнет трава! По-моему, это прекрасное место, я предвкушаю большое удовольствие от пребывания здесь. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сэр. Надеюсь, что вы удобно устроитесь.

— Да, и будем надеяться, что бедный мистер Норт преуспее в своей миссии милосердия, — сказал Микин, закрывая маленькую калитку. — Да поможет ему бог спасти несчастного Керкленда. Еще раз спокойной ночи!

Когда Норт, запыхавшись, вбежал в дом, капитан Берджес закрывал окно веранды.

— Капитан Берджес, я слышал от Макливена, что вы собираетесь высечь Керкленда.

— Ну и что, сэр? — осведомился Берджес.

— Я пришел просить вас не делать этого, сэр. Юноша и без того был тяжело наказан. Сегодня этот несчастный пытался покончить с собой.

— Вот за это мы его и выпорем. Я покажу своим арестантам, как покушаться на самоубийство!

— Но он не вынесет порки, сэр. Он слишком слаб!

— Это дело Макливена.

— Капитан Берджес, — запротестовал Норт, — уверяю вас, что он не заслужил наказания. Я видел его. Его душевное состояние внушает жалость.

— Послушайте, мистер Норт. Я не вмешиваюсь в то, что вы делаете с душами арестантов, не вмешивайтесь и вы в то, что делаю я с их телами.

— Капитан Берджес, вы не имеете права издеваться над моей миссией священника!

— Тогда не лезьте в мои дела, сэр.

— Вы настаиваете на том, чтобы этого парнишку высекли?

— Я отдал свой приказ, сэр.

— В таком случае, капитан Берджес, — крикнул Норт, и бледное лицо его налилось краской, — кровь этого человека падет на вашу голову! Я служитель божий, сэр, и я запрещаю вам совершать преступление.

— Сэр, вы мне дерзите! — взорвался Берджес. — Вы уволены с государственной службы. У вас здесь нет и не было никакой власти. И клянусь вам, что если вы будете вмешиваться в вопросы дисциплины, я закую вас в кандалы, и вы будете их носить до тех пор, пока вас не вывезут с этого острова!

Это, конечно, было только угрозой со стороны коменданта. Норт отлично знал, что Берджес никогда не осмелится так поступить, но оскорбление обожгло его, как удар хлыста. Он сделал шаг к коменданту, словно желая схватить его за горло, но, вовремя удержавшись, остановился со стиснутыми кулаками. Глаза его горели, он весь словно ошестинился.

Они молча смотрели друг на друга, и Берджес первый опустил глаза.

— Вы жалкий богохульник, — сказал Норт, — и я говорю вам, что вы не выпорете этого мальчишку.

Берджес, побелев от ярости, позвонил в колокольчик, и на веранде появился слуга из арестантов.

— Покажи дорогу мистеру Норту, — сказал он, — а потом ступай в бараки и скажи Троуку, чтобы он всыпал

завтра Керкленду сто плетей. Я покажу вам, кто здесь хозяин, мой любезный.

— Я сообщу об этом властям,— ответил потрясенный Норт.— Это убийство.

— Пусть власти идут ко всем... и вы тоже! — заорал Берджес.— Убирайтесь вон!

И наместник бога в Порт-Артуре захлопнул дверь.

Норт возвращался домой в сильном волнении.

«Они не станут пороть этого мальчика,— думал он.— Если понадобится, я прикрою его собственным телом! Я сообщу властям. Я сам повидаюсь с сэром Джоном Франклином. Я освещу лучом света эту пещеру ужасов».

Он дошел до своего коттеджа и зажег лампу в маленькой гостиной. Все было тихо, только из соседней комнаты доносился благородный храп мистера Микина. Норт взял книгу с полки и попытался читать, но буквы сливались у него перед глазами.

— Лучше бы мне не пить этого бренди,— проворчал он.— Я сделал большую глупость.

Потом он принялся мерить шагами комнату, то и дело бросаясь на диван, пробуя читать или молиться. «О боже, дай мне силы! Помогите мне! Я борюсь, но я слаб. О боже, обрати на меня взор свой!»

Глядя на то, как он ворочается на диване — бледный, нахмуренный, с пересохшими губами, и слушая его стоны и молитвы, можно было подумать, что он страдает от какой-то страшной болезни. Он снова открыл свою книгу и заставил себя читать, но глаза его все время обращались к буфету. Там скрывалось что-то, что его притягивало. Наконец он встал, прошел в кухню и нашел пакет с красным перцем. Он размешал чайную ложку перца в кружке воды и выпил. Это дало ему некоторое облегчение. «Я должен сохранить ясную голову к завтрашнему дню! Жизнь этого паренька зависит от этого. Микин тоже кое-что заподозрит. Я сейчас лягу».

Он ушел в свою спальню и бросился на постель, но тут же снова стал метаться из стороны в сторону. Напрасно он повторял тексты из Священного писания и строки стихов; напрасно считал воображаемых овец или прислушивался к тиканью несуществующих часов. Сон не приходил к нему. Он словно переживал кризис болезни, уже много дней исподволь набравшей силу.

— Надо выпить капельку,— сказал он,— и мука прекратится.

Он дважды останавливался на пути к гостиной, и дважды сила, подавлявшая его волю, влекла его дальше. Наконец он дошел и, открыв буфет, вынул то, что искал. Это была бутылка бренди.

Когда он почувствовал ее в своей руке, вся сдержанность его мгновенно исчезла. Он поднес ее к губам и начал жадно пить. Потом, устыдившись того, что сделал, он сузил бутылку обратно и пошел в свою комнату. Но уснуть он все равно не смог. Вкус напитка сводил его с ума, напоминая о себе. Он видел в темноте бутылку бренди — какое вульгарное и страшное видение! Он видел, как сверкает янтарная влага. Он слышал, как она журчит, выливаясь из горлышка. Он вдыхал острый аромат спирта. Он представлял себе бутылку, стоящую в углу буфета, и себя, хватающего ее и умиряющего пламя, которое горит у него внутри. Он плакал, молился, боролся с желанием, как с приступом безумия. Он говорил себе, что жизнь другого человека зависит от его усилий, что поддаться роковой страсти недостойно разумного существа, а тем более образованного человека, что это деградация духа, отвратительная, животная потребность. Он твердил себе, что это всегда унижительно, а сейчас бесчестно; что порок, недостойный любого человека, вдвойне греховен, когда им страдает пастор, служитель божий. Все было тщетно. В разгар этого спора с самим собой он обнаружил, что стоит перед буфетом и прикладывает бутылку к губам жестом и смешным и страшным.

У него не было рака. Его болезнь была много хуже. Преподобный Джеймс Норт — джентльмен, ученый, христианин и священник — был тем, что называется «запойный пьяница».

Глава 44

СТО ПЛЕТЕЙ

Утреннее солнце, яркое и горячее, освещало странное зрелище. На каменном дворе стояла маленькая группа людей — Троук, Бердвес, Макливен, Керкленд и Руфус Доуз.

Три деревянные стойки в семь футов высотой были скреплены в форме треугольника. Конструкция эта походила на те козлы, на которых цыгане подвешивают свои котелки над костром. К этой конструкции были привязан Керкленд. Его ноги были прикреплены ремнями к основа-

нию треугольника, а поднятые над головой кисти рук — к вершине. Спина его белела под лучами солнца. Пока его привязывали, он не произнес ни слова. Он только вздрогнул, когда Троук грубо сорвал с него рубашку.

— Ну, арестант, — сказал он Доузу, — делай свое дело.

Руфус Доуз перевел взгляд с трех окружавших его су-ровых людей на белую спину Керкленда, и лицо его залила краска. До сих пор от него еще ни разу не требовали, чтобы он порол арестантов, хотя самого его секли довольно часто.

— Неужели вы хотите, чтобы я высек его, сэр? — спросил он коменданта.

— Берите плетку, сэр! — скомандовал удивленный Берджес. — Что это еще за разговоры?

Руфус Доуз поднял тяжелую плеть и пропустил сквозь пальцы ее узловатые ремешки.

— Давай, Доуз, — прошептал Керкленд, не поворачивая головы. — Не все ли равно, ты или другой.

— Что он там молет? — спросил Берджес.

— Просит бить полегче, сэр, — поторопился солгать Троук. — Все они просят.

— Ах, полегче? Ну, мы за этим присмотрим. Давай действуй, парень, и гляди в оба, а то я тебя привяжу и дам тебе тоже пятьдесят, это уж верней верного.

— Начинай, Доуз, — повторил Керкленд. — Я на тебя не в обиде.

Руфус Доуз взмахнул плетью, покрутил ее над головой и нанес удар по нежной белой коже.

— Р-раз! — крикнул Троук.

На белой коже сразу появились шесть красных полос. Керкленд подавил крик. Ему показалось, что он разрублен пополам.

Руфус Доуз пропустил узловатые пальцы между спутавшимися ремешками и ударил снова. На этот раз удар подействовал сильнее, и кровь каплями проступила на коже.

Мальчик не издал ни звука, но Макливен увидел, что его пальцы крепко уцепились за стойку и мускулы рук задрожали.

— Два!

— Вот так-то лучше, — проворчал Берджес.

Третий удар прозвучал так, как будто били по куску сырого мяса, и красное стало багровым.

— О боже! — слабо простонал Керкленд и закусил губу.

Порка продолжалась в молчании, пока не было нанесено десять ударов, и тогда Керкленд издал вопль, похожий на ржанье раненой лошади.

— О! Капитан Берджес... Доуз! Мистер Троук! О боже мой... Пощадите! Ой, ой, ой! Доктор! Мистер Норт! Ой! Ой!

— Десять! — провозгласил Троук, бесстрастно продолжая счет, пока не дошел до двадцати.

Спина юноши, вздувшись бугром, теперь походила на спелый персик, который своенравный ребенок расковырял булавкой. Отвернувшись от кровавого зрелища, Доуз дважды пропустил ремешки между пальцев. Они уже начинали слипаться.

— Давай! — кивнул ему Берджес.

И Троук снова крикнул:

— Раз!

Разбуженный утренними лучами, струившимися из окна, мистер Норт открыл налитые кровью глаза, потер лоб дрожащей рукой и, вдруг очнувшись и вспомнив об обещанной им помощи, вскочил с постели. На деревянном туалетном столике он увидел пустую бутылку из-под бренди и сразу понял, что с ним произошло. Трясущимися руками он плеснул воды на свою раскалывающуюся от боли голову и разгладил смятую одежду. Ночная попойка возымела обычные последствия. Мозг его горел, руки были горячие и сухие, язык прилипал к небу. Он содрогнулся, увидев в зеркальце свое бледное лицо и красные глаза, и торопливо проверил дверь. У него, очевидно, хватило соображения с вечера запереть ее, и его состояния никто не заметил. Прокравшись в гостиную, он посмотрел на часы: они показывали половину седьмого. Порка была назначена на половину шестого. Если какой-нибудь случай не задержал ее, он, безусловно, опоздал. Мучимый тревогой и угрызениями совести, он торопливо прошел мимо комнаты, где спал Микки, и отправился в тюрьму. Когда он вошел во двор, Троук крикнул: «Десять!» Керкленд только что получил свой пятидесятый удар.

— Остановитесь! — крикнул Норт. — Капитан Берджес, я прошу вас прекратить порку.

— Вы опоздали, мистер Норт, — ответил Берджес. — Наказание уже почти окончено.

— Давай! — снова крикнул Троук; и во время следующих шести ударов Норт стоял рядом, грызя ногти и скрежеща зубами.

Керкленд уже перестал кричать и только стонал. Его спина походила на кровавую губку, и в перерывах между

ударами распухшее тело вздрагивало, дергалось, как у только что забитого вола. Вдруг Макливен увидел, что голова арестанта упала на плечо.

— Развяжите его! Развяжите! — крикнул он, и Троук послушно ослабил ремни.

— Плесните на него водой! — приказал Берджес. — Он притворяется.

Ведро воды заставило Керкленда открыть глаза.

— Так я и думал, — сказал Берджес. — Привяжите его опять.

— Не смейте! Ведь вы же христиане! — вскричал Норт.

И тут у него неожиданно оказался союзник. Руфус Доуз отбросил плеть, с которой капала кровь.

— Я больше бить не буду, — сказал он.

— Что?! — взревел Берджес, придя в бешенство от такой наглости.

— Я больше его пороть не буду. Наймите еще кого-нибудь на вашу кровавую работу. А я не могу.

— Связать его! — заорал Берджес. На губах его выступила пена. — А вы, констебль, приведите кого-нибудь и дайте ему свежую плеть. Я закачу тебе, негодяй, пятьдесят плетей этого хлюпика и еще пятьдесят сверх того. А он пусть любит себя на тебя, пока прохлаждает спину.

Взглянув на Норта, Руфус Доуз молча стащил с себя рубашку и ухватился за стойки, широко раздвинув руки. Его спина была не белой и гладкой, как у Керкленда, а твердой, покрытой шрамами. Его секли не в первый раз.

Троук вернулся вместе с Габбетом. Габбет ухмылялся — он любил пороть. Он хвастался даже, что может засечь человека насмерть, так, чтобы плетка касалась лишь места величиной с ладонь. Левой рукой он действовал не хуже, чем правой, а если ему попадался «любимчик», он стегал крест-накрест.

Руфус Доуз твердо уперся ногами в землю, вцепился в стойки и сделал вдох.

Макливен разостлал куртки обоих каторжников в стороне и, положив на них Керкленда, приготовился наблюдать за продолжением утренних развлечений. Он негромко ворчал себе под нос, потому что ему хотелось скорее позавтракать, а когда комендант устраивал порку, трудно было сказать, когда она кончится.

Руфус Доуз молча выдержал двадцать пять плетей, и тогда Габбет начал бить крест-накрест. Так продолжалось до пятидесятого удара, и Норт почувствовал восхищение перед мужеством Доуза.

«Если бы не проклятое бренди,— горько упрекал он себя,— я мог бы избавить их от всего этого!»

После сотого удара Верзила сделал паузу, ожидая, что ему прикажут бросить плеть, но Берджес твердо решил «сломить дух» арестанта.

— Я заставлю тебя заговорить, собака, даже если для этого придется вырвать твое сердце! — крикнул он. — Продолжай, каторжник!

Во время последующих двадцати ударов Доуз молчал, но наконец страдание исторгло из его вздымающейся груди дикий вопль. Но этот вопль не был мольбой о пощаде, как у Керкленда. Заговорив наконец, несчастный человек дал волю своей жгучей ненависти, разразившись потоком проклятий. Он призывал все силы ада обрушиться на голову Берджеса, Троука и Норта. Он обзывал всех солдат тиранами, а всех священников — ханжами. Он кощунствовал против бога и спасителя. Переменяя свои крики непристойностями и богохульством, он взывал к земле, чтобы она расступилась и поглотила его мучителей, к небу, чтобы оно обрушило на них огненный дождь, и к аду, чтобы он разверзся и принял их в свое пекло. Казалось, каждый удар плети пробуждал в нем новый взрыв звериной ярости. Он словно потерял человеческий облик. Он бесновался с пеной у рта и так натягивал связывающие его ремни, что крепкие стойки начали шататься. Он извивался и корчился на треугольнике и пытался плюнуть в лицо Берджеса, который ухмылялся, глядя на его муки. Норт, заткнув уши, прижался к стене, пораженный ужасом. Ему казалось, что кругом бушуют все страсти ада. Он охотно убежал бы, но оставался прикованным к месту, словно его околдовали какие-то страшные чары.

И среди всего этого, когда особенно резко свистнула плеть, особенно раскатисто расхохотался Берджес и мученик у треугольника огласил воздух страшным воплем, Норт увидел, что Керкленд смотрит на него как будто с улыбкой. Но была ли это улыбка? Капеллан бросился к нему и вскрикнул так громко, что все обернулись.

— Эй ты! — крикнул Троук, приблизившись к кучке одежды. — Мальчишка-то испустил дух!

Керкленд был мертв.

— Развяжите его! — крикнул Берджес, ошеломленный этим несчастным событием, и Габбет неохотно развязал ремни, связывавшие Руфуса Доуза. Два констебля мгновенно встали по бокам арестанта, зная, что иногда люди после пытки решаются на отчаянные поступки. Ру-

фус, однако, замолчал после последнего удара и только пробормотал, вытаскивая свою рубашку из-под тела Керкленда: «Умер!» В голосе его послышалось что-то вроде зависти. Затем, накинув рубашку на окровавленные плечи, он пошел с гордо поднятой головой по направлению к тюрьме.

— Силен, а? — сказал один констебль другому, когда они осторожно втокнули его в пустую камеру, где он должен был ждать конвойных из лазарета. Тело Керкленда было убрано в молчании, и Берджес заметно побледнел, увидев угрозу в глазах Норта.

— Я не виноват, мистер Норт, — сказал он. — Я не знал, что у этого парня дырявое сердце.

Норт с отвращением отвернулся, и Берджес вместе с Макливленом отправились домой.

— Странно, что он так вдруг очоурился, — сказал комендант.

— Может, у него была какая-то скрытая болезнь, — предположил врач.

— Например, болезнь сердца, — подсказал Берджес.

— Я сделаю вскрытие и посмотрю.

— Зайдите ко мне, Макливен, и пропустите стаканчик. Я что-то скверно себя чувствую, — проговорил Берджес. И они направились к дому, провожаемые почтительными поклонами. Мистер Норт, мучимый совестью и воспоминанием о том, что считал последствием своего легкомыслия, медленно и с опущенной головой, словно готовясь выполнить тяжелую задачу, пошел навестить оставшегося в живых арестанта, он нашел его стоящим на коленях в глубокой задумчивости.

— Руфус Доуз!

Услышав тихий голос, Руфус поднял глаза, но, узнав посетителя, досадливо махнул рукой.

— Не говорите со мной, — сказал он и добавил проклятие, от которого у Норта пошли мурашки по коже. — Я же сказал вам, что я о вас думаю — вы ханжа, который спокойно смотрит, как рубят на куски человека, а потом лопочет благочестивые назидания.

Норт стоял посреди камеры, опутив руки и понутив голову.

— Вы правы, — ответил он тихо. — Я должен вам казаться лицемером. Разве я служитель Христа? Скорее — неразумная скотина! Я пришел не для того, чтобы лопотать назидания. Я пришел просить у вас прощения. Я мог спасти вас от наказания, спасти этого бедного мальчика

от смерти. Видит бог, я хотел спасти его! Но во мне есть порок. Я пьяница, я поддался искушению и опоздал. Я пришел к вам, как грешник к грешнику, и прошу вас простить меня.— И Норт внезапно опустился на колени рядом с арестантом, взял его окровавленные руки в свои и воскликнул: — Прости меня, брат мой!

Руфус Доуз, онемевший от изумления, устремил сердитый взгляд на человека, склонившегося к его ногам, и луч божественной жалости проник в его сумрачную душу. Он увидел перед собой человека более несчастного, чем он сам, и в его ожесточенном сердце зародилось сочувствие к этому заблудшему брату.

— Значит, в этом аду все-таки есть хоть один человек,— сказал он, и два несчастных существа обменялись рукопожатием. Норт встал и, отвернувшись, быстро вышел из камеры. Руфус Доуз посмотрел на свою руку, которую пожал его странный посетитель,— на ней что-то блеснуло. Это была слеза. И эта слеза сломила его; когда конвойные вошли, чтобы увести непокорного арестанта, он стоял в углу на коленях и рыдал, как ребенок.

Глава 45

МИСТЕР НОРТ БЬЕТСЯ ГОЛОВОЙ О СТЕНУ

На следующее утро преподобный мистер Норт отплыл на шхуне в Хобарт-Таун. События предыдущего дня привели к полному разрыву отношений между капелланом и комендантом. Берджес знал, что Норт намерен сообщить губернатору о смерти Керкленда, и догадывался, что он не преминет рассказать о ней таким людям, которые с готовностью будут распространять эту новость по городу.

«Неладно получилось с мальчишкой,— признавался он самому себе.— Если бы он не умер, никому до него и дела не было бы!»

Это была печальная истина. Норт, со своей стороны, утешался надеждой, что смерть арестанта под плетями вызовет негодование и повлечет за собой расследование.

«Правда должна выплыть наружу, если они только начнут расследование»,— думал он.

Простодушный, доверчивый Норт! Четыре года он был правительственным капелланом и все еще не знал, какими методами пользуются власти, «расследуя» такого рода дела. Искалеченное тело Керкленда съедят черви, прежде

чем высохнут чернила на последнем протоколе этого расследования.

Однако мучимый досадой Берджес все же решил опередить священника. Он пошлет рапорт о несчастном случае с тем же кораблем, который увезет его врага, и его версия первой дойдет до ушей губернатора.

Проходя вечером того дня, когда состоялась порка, мимо деревянного барака, где лежало тело Керкленда, Микин увидел Троука, несущего полные ведра с водой какого-то подозрительно темного цвета, и услышал плеск воды, доносившийся из барака.

— Что там такое? — спросил он.

— Доктор вскрывал арестанта, которого сегодня утром порол, сэр, — сказал Троук, — и мы здесь прибираем.

Микину стало не по себе, и он пошел дальше. Он уже слышал, что злополучный Керкленд страдал, сам того не ведая, болезнью сердца и, к несчастью, умер, не получив до конца положенного ему наказания. Обязанностью священника была забота о душе Керкленда, и ему не было никакого дела до его неприглядной, истерзанной плоти, а потому он отправился прогуляться на пирс, чтобы избавиться от подступившей к горлу тошноты. На пирсе он увидел Норта, беседующего с католическим капелланом отцом Флаэрти. Микин был приучен смотреть на католиков с тем же чувством, с каким пастух смотрит на волков, поэтому он прошел мимо, поклонившись издали. Они говорили, по-видимому, о произошедшем утром событии, так как он услышал, как отец Флаэрти сказал, пожимая плечами:

— Он не был моим прихожанином, мистер Норт, и правительство не разрешило бы мне вмешиваться в дела, касающиеся каторжников-протестантов.

«Значит, тот несчастный был протестантом, — подумал Микин. — По крайней мере, его бессмертная душа не страдает от веры в пагубные ереси римской церкви». И он прошел, стараясь держаться от добродушного Дениса Флаэрти, сына торговца маслом в Килдреме, на порядочном расстоянии, из страха, что тот может внезапно наброситься на него и силой обратить в свою ересь с помощью пезуитских доводов и медоточивых речей, что, как известно, столь свойственно этим изощренным проповедникам католической веры. Что же касается Норта, он с сожалением расстался с Флаэрти. Он провел с ним много приятных часов и знал его как добросовестного, недалекого, однако

веселого, любящего хорошую шутку человека; тот не был ни чревоугодником, ни пьяницей, но любил и поесть и выпить в должное время дня, а также и во время постов, предписанных религией для умерщвления плоти.

«Этот человек мог бы выполнять долг пастыря в обычном приходе, где люди живут хорошо и если грешат — то немного, но он не способен бороться с сатаной там, куда его заслало британское правительство, — с грустной иронией думал Норт, пока красоты Порт-Артура застигались дымкой за кормой быстро скользящей шхуны. — Да поможет бог этим несчастным преступникам, потому что ни пастор, ни патер этого сделать не могут».

Он был прав. Этот пьяница и самоистязатель Норт был наделен способностью творить добро, которой ни Микин, ни Флаэрти ни в коей мере не обладали. Они были не только бездарны и самодовольны; они просто не могли понять тех мук, что раздирают глубины души каждого грешника и злодея. Они могли долбить скалу самым острым евангельским долотом машинного производства, изготовленным с одобрения великих проповедников всех веков, но вода раскаяния никогда не хлынет из этой скалы. У них не было той хрупкой лозы, которая одна могла бы совершить чудо. У них не было ни сочувствия к людям, ни знаний, ни общечеловеческого опыта. Тот, кто хочет тронуть сердца людей, должен сам носить в груди израненное сердце. Миссионеры всех времен были великими грешниками до того, как заслужили священное право исцелять и озарять счастьем чужие души. Их слабость давала им силу, из их собственных мук раскаяния рождалось знание, делавшее их властелинами и спасителями своих ближних.

Корона милосердия — это терновый венец.

По приезде Норт отправился сразу в дом майора Викерса.

— Я приношу вам жалобу, сэр, — сказал он, — и хотел бы формально изложить ее. Одного из заключенных Порт-Артура засекли насмерть. Я был свидетелем этой экзекуции.

Викерс наклонил голову.

— Очень серьезное обвинение, мистер Норт. Я, разумеется, должен выслушать его с уважением, поскольку оно исходит от вас, но я надеюсь, что вы продумали и приняли во внимание все обстоятельства этого дела. Я всегда считал, что капитан Берджес в высшей степени гуманный человек.

Норт покачал головой. Он не собирается обвинять Берджеса. Пусть факты говорят сами за себя.

— Я прошу только произвести расследование, — сказал он.

— Да, мой дорогой сэр, я понимаю. Вы поступаете правильно, если считаете, что была допущена несправедливость. Но учли ли вы, какие издержки, затяжки, бесконечные хлопоты и, в конечном итоге, разочарование может принести нам такое расследование?

— Ни хлопоты, ни издержки, ни разочарование не должны стоять на пути гуманности и справедливости! — воскликнул Норт.

— Ну, разумеется. Но будет ли восстановлена справедливость? Уверены ли вы, что сможете привести доказательства? Имейте в виду, я не приму на веру ни одного слова против капитана Берджеса, которого я всегда ценил как достойного и усердного офицера. Но допустим даже, что ваше обвинение обоснованно. Можете ли вы доказать это?

— Да, если свидетели скажут правду.

— А кто они?

— Я сам, доктор Макливен, констебль и двое арестантов, одного из которых тоже выпороли. Он-то, я думаю, скажет правду. За второго я не ручаюсь.

— Очень хорошо. Значит, пока у вас есть только один арестант и доктор Макливен. Потому что, если тут была нечистая игра, констебль не станет обвинять власти. Кроме того, доктор не согласен с вами.

— Как? — вскричал Норт.

— А так. Видите, дорогой сэр, как важно не торопиться в делах такого рода. Я лично думаю — извините меня за откровенность, — что доброта сбила вас с толку. Капитан Берджес прислал мне рапорт об этом происшествии. Он пишет, что этот человек за свою бессовестную наглость и неподчинение приказу получил в наказание сотню плетей, что доктор присутствовал при наказании и арестант, получив пятьдесят шесть ударов, был по его распоряжению отвязан и некоторое время спустя был найден мертвым; врач сделал вскрытие и установил у него болезнь сердца.

Норт вздрогнул.

— Вскрытие? Я даже не слышал об этом.

— Вот медицинское свидетельство, — сказал Викерс, протягивая бумагу. — К нему приложены копия показаний констебля и письмо коменданта.

Ошеломленный Норт взял бумаги и медленно прочел их. Они были достаточно убедительны. Причиной смерти была признана аневризма аорты, и доктор честно признавался, что если бы он знал, что покойный страдал этим заболеванием, он не разрешил бы давать ему больше двадцати пяти плетей.

— Я думаю, что Макливен человек порядочный, — сказал Норт с сомнением в голосе. — Он не посмел бы выдать ложное свидетельство. Однако обстоятельства дела — ужасающее положение арестантов, страшная история этого мальчика и...

— Мистер Норт, я не могу обсуждать эти вопросы. Мое положение обязывает меня по мере сил выполнять требования закона, а не ставить их под сомнение.

Услышав этот упрек, Норт склонил голову. Он почувствовал, что по логике формальной справедливости он этот упрек заслужил.

— Я не могу сказать вам ничего больше, сэр. Боюсь, что я оказался беспомощен в этом деле, как и во многих других. Я вижу, что все свидетельствует против меня. Но мой долг — сопротивляться несправедливости, насколько хватает сил, и я буду сопротивляться.

Викерс ответил чопорным поклоном и пожелал ему всего наилучшего. Человек, облеченный властью, как бы он ни был добр и справедлив в частной жизни, выступая в качестве официального лица, всегда питает естественную неприязнь к недовольным, слишком настойчиво и по любому поводу требующим тщательного расследования.

Уходя в подавленном настроении, Норт встретил в коридоре красивую молодую девушку. Это была Сильвия, пришедшая навестить отца. Он приподнял шляпу и посмотрел ей вслед. Он догадался, что это дочь человека, с которым он только что говорил, и жена капитана Фрера, о котором он столько слышал. Норт с его мрачным и беспокойным умом был склонен к странным фантазиям. Ему показалось, что за ясной синевой глаз, скользнувших на секунду по его лицу, таится тень будущей печали, причиной которой, странным образом, суждено было стать также и ему. Он смотрел вслед девичьей фигурке, пока она не скрылась. И долго после того, как исчезло это грациозное видение в туго обтянувшем талию костюме, изящных туфельках и белых перчатках, как бы излучающее солнечный свет и веселье, он все еще хранил в памяти ее синие глаза и облако золотых волос.

КАПИТАН И МИССИС ФРЕР

Сильвия стала женой Мориса Фрера. Свадьба их была волнующим событием для всей каторжной колонии, так как Морис Фрер, хотя и обуреваемый тайным стыдом при мысли о шумном вступлении в брак, несовместимым с характером такого рода людей, все же понимал, как полезна для него эта связь с богатой семьей, и поэтому счел неловким требовать отмены свадебной церемонии. Посему, как здесь и полагалось, их вступление в брачный союз было отмечено пышным балом и ужином. После этого жених и невеста в солнечный полдень отправились в ближайшее из поселений, подчиненных майору Викерсу. Было решено, что они вернутся через две недели и морем поедут в Сидней.

Майор Викерс, хотя и чувствовал привязанность к человеку, которого считал спасителем своей дочери, вовсе не собирался позволять ему жить на деньги Сильвии. Он выделил в качестве приданого для Сильвии и ее детей десять тысяч фунтов, но предупредил Фрера, что тот должен обходиться деньгами, заработанными собственным трудом. Жених и невеста долго советовались между собой и наконец порешили, что капитан поступит на гражданскую службу в Сиднее, продав свой офицерский патент. Это была идея самого Фрера. Он никогда не любил военную службу и, кроме того, наделал долгов на порядочную сумму. Продав свой патент, он мог сразу расплатиться с долгами и выдвинуть свою кандидатуру на любой выгодный пост при колониальном правительстве, какой ему могли бы обеспечить заслуги тестя и собственная его репутация строгого начальника, державшего каторжан в ежовых рукавицах.

Викерс охотно оставил бы дочь при себе, но он согласился с этим планом, признав правильными доводы зятя, утверждавшего, что Сильвия получит много радостей, окунувшись в светскую жизнь в Сиднее.

— Ты сможешь приезжать и навещать нас, когда мы устроимся, папочка, — сказала Сильвия с гордостью молодой замужней женщины, — и мы будем тоже наезжать к тебе. Хобарт-Таун очень красивое место, но я хочу увидеть мир!

— Тебе бы надо поехать в Лондон, малышка, — сказал Морис. — Его стоит посмотреть. Верно, сэр?

— О, Лондон! — вскричала Сильвия, хлокая в ладоши. — Вестминстерское аббатство, Тауэр, Сент-Джеймский дворец, Гайд-парк, Флит-стрит! «Сэр, — сказал доктор Джонсон, — давайте совершим прогулку по Флит-стрит!» — помнишь это место в книге мистера Крокера, Морис? Нет, не помнишь, я знаю, ты только посмотрел картинки и тут же начал читать репортаж Пирса Игена о финальном поединке между Бобом Гейнором и Недом Нилом или что-то в этом роде.

— Маленькие девочки не должны вмешиваться в разговоры старших, — сказал Морис, засмеявшись и покраснев. — Тебе незачем читать мои книги.

— Почему? — спросила она, и ее веселость вдруг как-то сникла. — Муж и жена не должны иметь секретов друг от друга. Кроме того, я хочу, чтобы ты читал мои книги. А я буду вслух читать тебе Шелли.

— Не надо, дорогая, — простодушно ответил Морис. — Я не понимаю его.

Эта маленькая сцена разыгралась за обеденным столом в коттедже Фрера в Нью-Тауне, куда майор был приглашен для обсуждения планов на будущее.

— Я не хочу ехать в Порт-Артур, — в тот же вечер сказала новобрачная. — Морис, зачем нам туда ехать?

— Видишь ли, — ответил Морис, — мне хотелось бы взглянуть на это местечко. Ты же знаешь, что я должен быть знаком со всеми формами поддержания дисциплины среди каторжан.

— Возможно, от нас потребуют доклада по поводу смерти одного арестанта, — сказал Викерс. — Капеллан — человек беспокойный, хоть и вполне благонамеренный — подал петицию по этому делу. Ты мог бы не хуже любого другого заняться им, Морис.

— Конечно. И таким путем мы сэкономим на дорожных расходах, — согласился Морис.

— Там ужасная тоска! — воскликнула Сильвия.

— Это самое красивое место на острове, моя дорогая. Я как-то провел несколько дней там и был совершенно очарован.

«Удивительно, — подумал Викерс, — как много они переняли друг у друга. Сильвия стала менее щепетильна в выборе выражений, Фрер же, наоборот, стал тщательней подбирать слова. Кто же из молодых одержит верх?»

— Да, но там сторожевые собаки, акулы и все такое прочее... О, Морис, разве не сыты мы по горло этими каторжниками?

— Сыты? Да, я намерен ими кормиться всю жизнь,— сказал Морис как нечто само собою разумеющееся.

Сильвия вздохнула.

— Сыграй нам что-нибудь, дорогая,— предложил ее отец.

И девушка, усевшись за рояль, стала играть и выводить трели и рулады своим чистым юным голоском. Вскоре вопрос о Порт-Артуре исчез в волнах мелодий, и больше в этот вечер о нем не упоминалось. Когда же Сильвия снова об этом заговорила, она встретила твердый отпор супруга. Он хотел ехать туда, и он поедет. Однажды убедив себя в том, как ему выгодно поступить, Морис с животным упрямством настаивал на своем, невзирая на чье-либо сопротивление. И жена, устроив мужу первую сцену, в конце концов сдалась. Это была первая размолвка в их короткой совместной жизни, и Сильвия поторопилась загладить свою вину.

В лучах любви,— а Морис вначале искренне любил ее, любовь, подавляя его дурные качества, внушила ему, как внушает всем нам, ту печность и самоотречение, которые являются признаком всякой любви, кроме плотской,— все страхи и сомнения Сильвии постепенно рассеялись, как рассеивается туман под утренним солнцем. Она была молоденькой девушкой с пылким воображением, с честными и благородными стремлениями; однако на ее ребячливую натуру наложила свой отпечаток мрачная тень нервного потрясения, перенесенного ею в детстве. Брак сделал ее женщиной, развив в ней чувство гордости человеком, которому она по своей воле всецело себя отдала. Но постепенно именно это чувство превратилось для нее в источник тревоги. Став его женой и уверовав в свою способность полюбить его, она начала бояться, как бы он не совершил чего-либо такого, что может погасить ее любовь к нему. В двух или трех случаях она призналась себе, что муж ее больший эгоист, чем она думала. Он не требовал от нее особых жертв — будь это так, она, подобно всем женщинам ее склада, охотно приносила бы их, получая от этого только радость,— но он временами пытался вселить в нее пренебрежение к чужим чувствам, которое было так свойственно его натуре. Он любил ее — иногда даже чересчур страстно,— но он не привык ни в чем поступаться своими желаниями, особенно в тех якобы мелочах, во внимании к которым всегда сказывается подлиная самоотверженность любящего человека. Если ей хотелось читать в то время, когда он задумал прогуляться,

он добродушно отнимал у нее книгу, считая, что прогулка с ним для нее приятнее любого другого занятия. Если же она звала его на прогулку, когда он решил отдохнуть, он, смеясь, уверял ее, что его лень достаточное основание для того, чтобы она посидела с ним дома. Он не старался даже скрывать скуку, когда она читала ему вслух свои любимые книги. Если ему хотелось спать, когда она играла или пела, он, ничуть не смущаясь, засыпал. Когда она заговаривала о вещах, которые его не интересовали, он бесцеремонно менял тему разговора. Он не стал бы намеренно обижать ее, но ему казалось естественным зевать от скуки, засыпать, когда он уставал, и говорить только о том, что интересовало его самого. Если бы кто-нибудь обвинил его в себялюбии, он бы очень удивился.

И вот однажды Сильвия сделала открытие, что она ведет двойную жизнь: одна ее жизнь — жизнь тела, другая — жизнь духа, и что в этой последней мужу ее нет места. Это встревожило ее, но она тут же с улыбкой прогнала сомнение.

«Разве можно ожидать от Мориса, чтобы он проявлял интерес ко всем моим глупым прихотям?» — подумала она. И, хотя ее смущала мысль, что эти «прихоти» и «фантазии» вовсе не глупости, а самая лучшая, самая светлая часть ее души, она мужественно преодолела свое беспокойство.

«Мысли мужчин отличаются от наших, — думала Сильвия. — У них есть свои дела и общественные обязанности, о которых женщины ничего не знают. Я должна создавать ему уют, а не досаждать своими дурацкими капризами».

Что касается Мориса, то он иногда очень огорчался тем, что не понимает свою жену. Ее характер был для него загадкой; ее душа не поддавалась исследованию с помощью плоских мерил обыденной жизни. Он знал ее ребенком, любил еще с тех давних пор и пошел на подлое и жестокое преступление, чтобы завладеть ею. Но, заполучив ее, он ни на йоту не приблизился к разгадке ее тайны. Она принадлежала ему полностью, так он, по крайней мере, думал. Ее золотые волосы были отрадой для его пальцев, ее губы принимали его ласки, а взор ее источал любовь для него одного. И все же бывали минуты, когда губы ее оставались холодными под его поцелуями, а глаза выражали презрение к проявлениям его грубой страсти. Он замечал, что, разговаривая с ним, она впадает в задумчивость. Но ведь и он засыпал, слушая ее чтение. Однако она, пробуждаясь от своего раздумья, краснела, стыдясь

своей рассеянности, чего он никогда не делал. Он был не такой человек, чтобы долго размышлять о таких материях; выкурив несколько трубок и задумчиво потерев лоб, он попросту выкинул это из головы. И действительно: как мог он раскрыть душевную тайну женщины, которая вся оставалась для него загадкой? Было странно, что этот ребенок, день за днем выраставший на его глазах, стал молодой женщиной, маленькие секреты которой он только теперь обнаружил. Он заметил родинку на ее шее и вспомнил, что видел ее и раньше, когда она была девочкой, но не замечал. Теперь эта родинка стала чудесным открытием. Он ежедневно удивлялся тому, какое сокровище ему досталось. Он восхищался изяществом ее платьев и украшений, тонкостью ее вкуса. От ее одежды словно исходил аромат святости.

Все объяснялось тем, что любовнику Сары Пэрфой нечасто приходилось иметь дело с порядочными женщинами, и лишь сейчас он открыл для себя, каким изысканным украшением служит женщинам скромность.

Глава 47

В ЛАЗАРЕТЕ

Лазарет в Порт-Артуре был далеко не веселым местом, но измученному и обессилевшему Доузу он показался раем. Там, несмотря на грубое и презрительное обращение тюремщиков, он ощущал какое-то внимание к себе. Там он, по крайней мере, был избавлен от вынужденного общения с людьми ему ненавистными, вызывавшими его отвращение, но до уровня которых он день за днем опускался, сознавая это с отчаянием и болью. До сих пор, все эти долгие годы, когда он был растоптан и унижен, он хранил воспоминание о своей любви, во имя которой принес себя в жертву, и эта любовь поддерживала его, не позволяла опуститься на самое дно. Но теперь в нем что-то сломалось. Он убедил себя в том, что безнадежно потерял для милосердия и любви, брошен в пропасть, куда не проникает даже глаз божий. Этот поворот произошел в его душе после памятной сцены в саду, когда она сама предала его в руки тюремщиков. Теперь отчаяние и ярость всецело завладели им: «Она меня не узнала, она презирает меня — отщепенца; разве что-нибудь изменится, если я стану таким же, как все?» Под влиянием подобных раз-

мышлений, повинаясь приказу Берджеса, он взял в руки плеть.

Несчастный Керкленд только промолвил:

— Не все ли равно — ты или другой.

Действительно, кому нужны здесь его гуманные понятия о чести и совести?..

Нанося удары, он краснел от стыда. Однако он переоценил свою способность чинить зло; и когда он бросил плеть и подставил свою спину для порки, он почувствовал дикую радость — теперь он искупит свою вину собственной кровью. Когда же, истерзанный физической пыткой, он рухнул на колени в своей камере, то сожалел лишь об одном: как не сдержал он свои бессильные стенания, почему не прикусил язык, прежде чем изрыгнуть проклятия и сквернословить, и не из-за того, что сквернословить — грех, а из-за того, что он дал повод своим мучителям позлорадствовать над его муками и страданиями. Когда Норт посетил его, Руфус, мучительно страдая, оттолкнул своего утешителя — ведь тот не только видел, как его пороли, но и слышал, как он кричал. Уверенность в себе и сила воли, которые поддерживали его во все эти годы тяжелых испытаний, покинули его в тот момент, когда он в них более всего нуждался. Он, человек, который, не дрогнув, смотрел в лицо и виселице, и пустыне, и морской пучине, расписался в собственной несостоятельности под этой физической пыткой. Его пороли и прежде, но он держался и лишь втайне плакал от унижения, а теперь он впервые ощутил всю тяжесть наказания плетью, когда физические муки заставляют истерзанную душу, донныне защищавшуюся маской равнодушия, признать себя побежденной.

Не так давно один кандальник, будучи не в силах сносить «особые милости», которыми осыпал его Берджес, убил своего товарища, работавшего рядом с ним, и, дотащив труп до ближайшей кандальной команды, сам сознался в своем преступлении; его приговорили к смерти, и перед казнью он благодарил бога за то, что наконец нашел путь к избавлению от тяжких страданий, хотя такому «избавлению» могли бы позавидовать разве только его товарищи. Это кровавое злодеяние заставило Доуза ужаснуться. Как и другие кандальники, он осудил убийцу, трусливо избегнувшего кары, которой человеку или дьяволу угодно было его предать, но теперь ему стали понятны мотивы этого преступления, и он почувствовал к убийце одну лишь жалость. Он лежал без сна в полутем-

ной палате лазарета, ночная тишина наполнилась дыханием больных каторжан, спина его горела под пропитанными мазью тряпками, и он мысленно дал себе страшную клятву, что скорее умрет, чем позволит своим врагам еще раз глумиться над ним. Придя к такому решению, он гневно отринул от себя понятия чести и достоинства, жалкие клочки которых он еще недавно хранил в своей душе, и вспомнил о странном человеке, который снизошел до него, пожал ему руку и назвал братом. Он заплакал тогда скупыми слезами от этого неожиданного привета, с которым обратился к нему человек, которого он считал таким же черствым, как и других. И тогда священник признался ему в своей слабости именно в то мгновение, когда его собственная слабость пересилила стыд.

Успокоенный короткой передышкой, какую дало ему пребывание в лазарете, он постепенно обратился к мысли о религии. Он читал о мучениках, терпевших невыносимые страдания, которых поддерживала вера в бога и загробную жизнь. В своей безрассудной юности он высмеивал священников, а также обряды богослужения. Теперь же, испытывая все большую ненависть к человечеству, он стал презирать догму, учившую людей любить друг друга. «Бог есть любовь, братья мои», — провозглашал капеллан по воскресеньям, в остальные дни щелкал кнут надзирателя и свистела плеть. Что за смысл в этих проповедях, если в жизни никто им не следует? Куда как легко «духовному наставнику» внушать арестантам, что не следует предаваться дурным страстям и что нужно со всей кротостью сносить наказания. Как мудр и правилен его совет: «Положись на бога», но, как говорил один закоренелый пьянчуга, «бог чертовски далеко от Порт-Артура».

Руффус Доуз про себя усмехнулся, слушая наставления священника о том, что лгать и воровать грешно, обращенные к людям таким, как он, изстрадавшим в жизни самое страшное. Он считал, что все священники — либо дураки, либо обманщики, а всякая религия — издевательство и ложь. Но теперь, когда в миг тяжелого и мучительного испытания его собственные силы ему изменили, он начал подумывать о том, что религия — это не только притчи и изречения, о которых столько спорят, но и нечто животворное и укрепляющее. Дух его был сломлен, тело ослабело, пошатнулась вера в собственную волю. Ему хотелось обрести хоть какую-то опору, и он, как и все в подобных случаях, потянулся душой к Неведомому. Если бы только подле него оказался христианский священник, безразлич-

но какого толка, или просто верующий человек, который мог шепнуть несчастному слова утешения и милосердия, освободить его душу от мрака и отчаяния, исторгнуть у него признание в своих заблуждениях, упрямстве и опрометчивости, осветить бы страждущую душу обещанием бессмертия и справедливости, он мог бы спастись от своей судьбы. Но такого человека рядом с ним не было. Он попросил позвать к нему капеллана.

Норт в это время сражался с департаментом, ведавшим делами каторжников, добываясь возмездия за смерть Керкланда, и, став жертвой «чернильных душ», отсылавших его из одного места в другое, встречал то холодность, то чопорное презрение. Руфус Доуз, прождав его целое утро, уже устыдился своей просьбы, но тут в его камеру почтительно проводили врачевателя душ мистера Микина.

Глава 48

УТЕШЕНИЯ РЕЛИГИИ

— Ну что, друг мой,— вкрадчиво сказал Микин,— вы, кажется, хотели видеть меня?

— Я просил позвать капеллана,— буркнул Доуз, все больше злясь на себя за свой порыв.

— Я и есть капеллан,— с достоинством ответил Микин, как будто желая сказать: «Я вам не Норт в гороховом пиджаке, то и дело прикладывающийся к бутылке, а добропорядочный священник, друг самого епископа!»

— Я думал, что мистер Норт...

— Мистер Норт уехал, сэр,— сухо ответил Микин,— но я выслушаю вас. Констебль, не уходите, подождите меня за дверями.

Руфус Доуз подвинулся на деревянной скамье и, прислонив к стене камеры еще саднящую спину, горько усмехнулся.

— Можете не бояться, сэр, я вам ничего не сделаю,— сказал он.— Мне просто хотелось поговорить.

— Читаете ли вы Библию, Доуз? — спросил Микин.— Думаю, что вам полезнее будет почитать Библию, чем «просто поговорить». Смиряйте себя молитвой.

— Библию я читал,— сказал Доуз, продолжая сидеть откинувшись и наблюдая за посетителем.

— Но смирило ли это гордыню вашу? Понимаете ли вы бесконечное милосердие господя, который жалеет даже самых отъявленных грешников?

Арестант сделал нетерпеливое движение. Значит, ему снова предстоит слушать набившие оскомину тошнотворные и пустые слова о благонравии. Он просил хлеба, а ему, как всегда, подали камень.

— Мистер Микин, а вы верите, что бог существует?

— Заблудшая душа! Хотите оскорбить духовного наставника таким вопросом?

— Если бог существует, то он должен обрушить страшную кару на голову тех, кто так издевается здесь над людьми.

— Арестант! Я не желаю слушать ваши кощунственные речи! Не добавляйте богохульство к прочим вашим грехам. Боюсь, что при вашем нынешнем состоянии наша беседа более чем бесполезна. Я отмечу в вашей Библии места, которые хорошо бы вам прочитать теперь и выучить наизусть. Хэйлс, запирайте дверь!

И «духовный врачеватель» с поклоном удалился.

У Руфуса Доуза защемило сердце. Значит, Норт уехал! Единственный человек, у которого было что-то живое в душе, покинул его. Единственный человек, который решился пожать его мозолистую и окровавленную руку, уехал. Повернувшись, он увидел сквозь открытое и неза решеченное окно суровые дали Порт-Артура — особенности его местоположения делали решетки излишними — изумительную по своей красоте бухту, гладкую как стекло и сверкающую в лучах вечернего солнца, длинный мол, а на нем партии кандалейников, каждая из которых была одета в свой цвет. Он услышал за тихим рокотом волн и шорохом деревьев беспрестанное звяканье цепей и стук молотов. Неужели он будет навсегда похоронен в этом выбеленном солнцем склепе, скрытом от глаз людей и самого господа бога?

Появление Хэйлса прервало его размышления.

— Вот тебе книга, — сказал тот, ухмыляясь. — Ее прислал пастор.

Руфус Доуз взял Библию и, положив ее на колено, заглянул в страницы, заложённые полосками бумаги. Таких страниц было три или четыре, на них около двадцати отмеченных текстов.

— Пастор сказал, что придет завтра и выслушает тебя, и велел не пачкать книгу.

— «Не пачкать книгу»! И он «выслушает» меня! Должно быть, Микин спутал меня с учеником приходской школы.

Полная неспособность капеллана понять его показа-

лась Руфусу смешной и нелепой. Он стал просматривать отмеченные тексты: благочестивый Микин в своей непроходимой тупости выбрал те места, где пророк Исайя обрушивает проклятия на головы своих врагов, забывших веру, где апостолы и евангелисты грозят божьей карой идолопоклонникам. И эти тщательно отобранные тексты были преподнесены Доузу в качестве утешения! И эти слова, в которые Микин верил, грубо вырванные из общего текста, а потому лишенные как поэзии, так и смысла, невежественной рукой капеллана были брошены в лицо страдающему грешнику. Несчастный, искавший в Библии мира и утешения находил в ней только обещания «адских мук», пророчества о «негаснущем огне», «кипящей сере» и «бездонной пропасти», из которой «дым его мучений» будет подниматься к небу во веки вечные. Перед его глазами не предстал образ кроткого спасителя с рукой, простертой, чтобы утешить, со взглядом, полным неизбывной жалости,— спасителя, который умирает на кресте, чтобы даровать грешникам надежду и научить их человеколюбию. Почтенный фарисей, посланный к нему, чтобы рассказать о том, как человечество искупило первородный грех любовью, в действительности проповедовал только тот жестокий закон, чья варварская сила послала на Голгофу Иисуса из Назарета.

Обескураженный столь неожиданным крахом его надежд и упований, он уронил книгу на пол. «Неужели в этой жизни и в будущей меня не ждет ничего, кроме мук?» — дрожа, простонал он и глянул на свою правую руку, и ему почудилось будто это не его рука, будто отмечена она неким отличием. «Он так бы не поступил! Он не обрушил бы на меня эти свирепые кары, эти угрозы ада и смерти. Он пазвал меня братом!» И, обуреваемый жалостью к себе и любовью к человеку, обратившему к нему слова приветия, он, раскачиваясь из стороны в сторону, ласкал и гладил руку, которую оросила слеза капеллана.

На следующее утро Микин застал своего ученика еще более угрюмым, чем прежде.

— Ну как, изучили эти тексты, мой милый? — весело спросил он, стараясь не сердиться на грубияна, которого он пытался приобщить к религии. Руфус Доуз указал ногой на Библию, со вчерашнего дня валявшуюся на полу.

— Не изучили? Почему же?

— Я не хочу учить такие слова. Лучше забыть их раз и навсегда.

— Забыть их! Голубчик, да ведь я...

Охваченный внезапным гневом, Руффус Доуз вскочил и, указав Микину на дверь жестом, исполненным достоинства, неожиданным для человека, закованного в цепи и растоптанного, воскликнул:

— Что вы знаете о чувствах таких, как я! Возьмите вашу книгу и убирайтесь. Я хотел видеть другого священника, а не вас. Уходите!

Микин, хотя и старался придать своей персоне ореол святости, вдруг почувствовал, что вся его кротость исчезла вместе с прочими его добродетелями. Они стояли друг против друга, как два обычных человека, и хлипкий проповедник, спасовав перед мужественным гневом грешного каторжника, поднял свою Библию и пятясь вышел из камеры.

— Этот Доуз очень наглый тип, — сказал Берджесу оскорбленный капеллан. — Сегодня он дерзко говорил со мной, я бы даже сказал — свирепо.

— Вот как? — удивился Берджес. — Видно, он слишком долго отдыхал. Завтра я пошлю его на работу.

— Это хорошо, — сказал Микин, — ему полезно заняться чем-нибудь.

Глава 49

ЕСТЕСТВЕННАЯ ТЮРЬМА

«Заняться» в Порт-Артуре можно было земледельческими работами, работой на верфи, кожевенным делом. Вместе с другими кандалниками Доуз перетаскивал бревна из лесу и сваливал их в гавани. Это было нелегко: давление бревна на плечо, как подсчитал один смысленный любитель математики, равнялось в среднем 125 фунтам. Кандалники были одеты в желтые куртки, и для устрашения остальных на видных местах их одежды было проштамповано «Преступник».

Вот как он жил. В летнее время он вставал в половине шестого утра и работал до шести вечера, на завтрак ему отводили три четверти часа и час на обед. Раз в неделю он получал чистую рубашку и раз в две недели — свежие носки. Если он заболел, он мог доложить об этом лекарю. Если он хотел написать письмо, он должен был испросить позволение коменданта и послать письмо незапечатанным через этого наместника господня, который имел право по своему усмотрению задержать письмо.

Даже если приказ казался арестанту несправедливым, он был «обязан немедленно его выполнить, но затем он мог, если считал это нужным, подать жалобу коменданту». При подаче жалобы на офицера или констебля арестанту было строжайше предписано «соблюдать почтительность в словах и выражениях». Каторжник отвечал только за целостность своих цепей, в остальном он полностью зависел от воли надзирателей. Надзиратели могли в любое время появиться в камере и устроить обыск, за свои действия они отвечали только перед комендантом, а комендант — перед губернатором, то есть, иначе говоря, ни перед кем, кроме бога и собственной совести. Юрисдикция коменданта распространялась на весь Тасманийский полуостров с его островами и водами в радиусе трех миль; правда, комендант был обязан посылать отчеты в административное управление, но, в сущности, он пользовался неограниченной властью.

Позволим себе вкратце описать местоположение этой каторжной колонии. Тасманийский полуостров, как мы уже говорили, имеет форму серьги с двойной подвеской. Нижняя часть ее, большая по величине, изрезана заливами. Южная ее оконечность омывается заливом Мэйнгон, обрамленным с восточной и западной стороны похожими на органические трубы скалами мыса Рауль и гигантского мыса Пиллар.

Рукав залива Мэйнгон, так называемый Длинный залив, прорезает в северном направлении гряду скалистых гор; и на западном берегу рукава и была расположена колония. Перед ней — островок, где хоронили умерших, названный Островом Мертвых. Но прежде чем узреть красоты этой арестантской Голгофы, каторжник проплывал мимо серых скал; на них возвышались белые строения, в которых кипела жизнь. Это был Остров Мальчиков — место заключения детей от восьми до двадцати лет. Удивительно, что многие честные люди говорили о том, как неблагодарны эти юные каторжники, как они не умеют ценить те блага, которые им предоставило правительство!

От материковой оконечности Длинного залива, сквозь почти неприступные заросли, на север, к заливу Норфолк, шла проложенная каторжниками рельсовая железная дорога. В устье залива находился Лесной остров, на котором была устроена сигнальная станция, где постоянно дежурила шлюпка с вооруженной охраной. К северу от этого острова находился мыс Одинокое Дерево — самая южная оконечность подвески, и море несло свои волны, сужаясь к во-

стоку, пока не ударялось о каменистый берег Орлиного перешейка. Этот перешеек шириной всего лишь в четыреста пятьдесят ярдов омывался с восточной стороны голубыми водами Залива пиратов, то есть Южного океана. Скалистые берега перешейка являли собой ужасное зрелище: беснующийся океан выдолбил в них пещеры самых причудливых форм, в которых гулко звучал вечный рокот стонущих валов. В одном месте океан пробился в толщу скалистого берега на двести футов, и в штормовую погоду соленые брызги вздымались по вертикальному колодцу более чем на пятьсот футов вверх. Это место называлось Чертовой Дырой. Верхняя подвеска серьги, полуостров Лесничего, соединялась с материком другим перешейком — Ист-Бэй. Полуостров Лесничего представлял собой почти непроходимые заросли, простиравшиеся до самого обрыва базальтовых скал.

Орлиный перешеек был как бы воротами тюрьмы, которые держали «на запоре». На узкой полоске земли стояло караульное помещение, где солдаты из казарм, расположенных на материке, несли неусыпную вахту. На мостках по обе стороны мола были привязаны сторожевые собаки. Начальнику караульного поста вменялось в обязанность «уделять особое внимание кормлению этих незаменимых животных и уходу за ними и докладывать коменданту, если какая-либо из собак становилась непригодной к службе». Следует добавить, что в заливе водились акулы.

К западу от Орлиного перешейка и Лесного острова находились ужасные угольные копи. Шестьдесят «штрафных» работали там под строгой охраной. У этих шахт помещался самый северный и самый надежный из всей системы сигнальных постов, который делал побег практически невозможным. Дикий, гористый ландшафт полуострова был весьма удобен для сигнальных устройств. На вершине горы, вздымавшейся над сторожевой башней колонии, рос гигантский эвкалипт, на вершине которого была установлена сигнальная мачта. Этот пост держал связь с двумя отделениями тюрьмы — на Орлином перешейке и на угольных шахтах, посылая сигналы по всему полуострову. Таким образом, сигналы шли к горе Артура, от горы Артура — к мысу Одинокого Дерева, оттуда к горе Связи, от горы Связи — к угольным шахтам. На другой стороне сигналы передавались из поселения на Сигнальную гору, оттуда на Лесной остров, затем на Орлиный перешеек. Если с угольных копей бежал преступник, можно было поднять по тревоге стражу на Орлином перешейке, и весь

остров, менее чем через двадцать минут, уже знал о побеге. Благодаря таким природным преимуществам, а также изобретательности начальства, тюрьма эта считалась самой надежной в мире. Полковник Артур рапортовал английскому правительству, что место, носящее его имя, было «естественной тюрьмой». Почтенный блюститель дисциплины, вероятно, считал эту любезную предусмотрительность всевышнего данью уважения к его достоинствам, ибо таким образом провидение способствовало выполнению знаменитого «Дисциплинарного устава каторги».

Глава 50

ВИЗИТ ИНСПЕКЦИИ

Однажды после полудня недремлющие сигнальщики передали весть, которая привела все селение в состояние лихорадочного возбуждения. Капитан Фрер, прибывший из главного управления с приказом провести следствие о смерти Керкленда, возможно, посетит и их, и это обязывает стражу «естественной тюрьмы» представить своих грешников в наилучшем виде. Берджес находился в приподнятом настроении оттого, что вести следствие и докладывать о его деятельности будет человек, столь родствен- ный ему по духу.

— Все это пустая формальность, старина, — успокоил Фрер своего старого приятеля. — Этот поп заварил кашу, но они хотят заткнуть ему рот.

— Я счастлив показать вам и вашей супруге наш поселок, — отвечал Берджес. — Постараюсь сделать ваше пребывание как можно более приятным, хотя боюсь, что миссис Фрер не найдет здесь ничего интересного.

— Откровенно говоря, капитан Берджес, я с большим удовольствием направились бы прямо в Сидней, — сказала Сильвия. — Но мужу надо было заехать сюда, и я, разумеется, не могла его оставить.

— Общество у нас здесь небольшое, — вставил Микин, бывший в числе встречающих. — Миссис Датчетт, жена одного нашего чиновника — единственная дама, живущая здесь, и я надеюсь иметь удовольствие познакомить вас с ней сегодня вечером в доме коменданта. Мистер Мак-Наб, которого вы знаете, командует охраной на перешейке и не может приехать, иначе вы бы обязательно с ним познакомились.

— Я хочу устроить вечеринку,— сказал Берджес,— но боюсь, что она будет не столь удачной, как мне бы хотелось.

— Эх вы, старый холостяк! — засмеялся Фрер.— Женитесь бы, вот как я.

— Как вы — это было бы нелегкой задачей,— сказал Берджес с поклоном.

Сильвия принужденно улыбнулась комплименту, сделанному в присутствии двух десятков арестантов, тащивших в гору разные сундучки и свертки и также ухмылявшихся неуклюжей любезности коменданта.

Оставшись наедине с мужем, Сильвия сказала:

— Морис, мне не нравится капитан Берджес. Это он заporол насмерть того несчастного юношу. Похоже, что он на это способен.

— Вздор! — раздраженно бросил Морис.— Он неплохой человек. К тому же есть свидетельство врача, я его видел. Все это просто выдумки. Вообще я не могу понять твоего глупого сочувствия арестантам.

— А по-твоему, они никогда не заслуживают сочувствия?

— Конечно, нет,— ведь это шайка лгунов и негодяев! Ты вечно хнычешь над ними. Мне это не нравится, и я тебе уже говорил об этом.

Сильвия ничего не ответила. Морис частенько позволял себе подобные грубые выходки, и она поняла, что лучше встречать их молчанием. Но ее молчание отнюдь не означало безразличия; его упреки бывали несправедливы, а тонкие чувства женщины ничто не задевает больше, чем несправедливость.

Берджес устроил обед, и «общество» Порт-Артура явилось в полном составе. Отец Флаэрти, Микин, доктор Макливен и мистер и миссис Датчетт были в числе приглашенных; столовая сверкала хрусталем и пестрела цветами.

— У меня работает человек, по профессии садовник, и я стараюсь использовать его умение,— сказал Берджес Сильвии за обедом.

— Здесь есть также профессиональный художник,— сказал Макливен с некоторой гордостью.— Вон висит его картина «Шильонский узник». Хорошая работа, правда?

— Завтра я покажу вам свою коллекцию всяких любопытных предметов,— предложил Берджес.— Вот эти кольца для салфеток тоже сделаны арестантом,

— Неужели! — отозвался Фрер, поднимая изящно выточенную вещицу. — Великолепно!

— Это работа Рекса, — вставил Микин. — У него хорошо получаются подобные пустячки. Он выточил мне разрезной ножик — настоящее произведение искусства.

— Миссис Фрер, завтра или послезавтра мы поедем на перешеек, — обратился к ней Берджес, — и вы увидите Чертову Дыру. Прелюбопытное место.

— А далеко это? — спросила Сильвия.

— Не очень. Туда мы поедем поездом.

— Поездом?

— Не удивляйтесь! Завтра вы все увидите. Вы, дамы из Хобарт-Таупа, не представляете себе, на что мы здесь способны.

— Ну, а как насчет этого дела с Керклендом? — осведомился Фрер. — Я полагаю, мы посидим с вами полчасика завтра утром и просмотрим показания.

— В любое время, когда вам будет угодно, — ответил Берджес.

— Я не собираюсь поднимать из этого шум, — сказал Фрер, как бы извиняясь (обед ему понравился). — Но мне нужно послать начальству «полный, правдивый и подробный отчет». Вы сами это понимаете.

— Разумеется! — воскликнул Берджес весело и дружелюбно. — Все правильно. Я хочу, чтобы миссис Фрер увидела Остров Мальчиков.

— Это там, где живут мальчики? — спросила Сильвия.

— Вот именно. Их там около трехсот. Мы отправимся туда завтра, и вы, миссис Фрер, увидите, как с ними обращаются.

— Лучше не падо, — запротестовала Сильвия. — Я... я не интересуюсь такими вещами, хотя и должна бы. Я их боюсь.

— Ерунда! — сказал Фрер, нахмурясь. — Мы конечно поедем, Берджес.

Следующие два дня были посвящены осмотрам. Сильвию повели в лазарет и в мастерские, показали ей сигнальную систему, и Морис даже запирали ее в темный карцер. Ее муж и Берджес смотрели на арестантов как на прирученных животных, с которыми они могли сделать что угодно и чья врожденная свирепость была укрощена высшим разумом начальников. Им доставляло явное удовольствие демонстрировать молодой хорошенькой женщине все эти затворы и решетки. Морис всюду совал свой нос, расспра-

шивал арестантов, шутил с тюремщиками и даже от широты душевной угощал табаком больных.

В таких бесконечных занятиях они постепенно добрались до Острова Мальчиков, где им был приготовлен завтрак. Но в это утро там произошел несчастный случай, и все обитатели острова были взволнованы, хотя и старались это скрыть. Один двенадцатилетний воришка по имени Питер Браун бросился в воду с высокой скалы и утонул на глазах констеблей. Такие случаи происходили в последнее время довольно часто, и Берджес был взбешен тем, что несчастье произошло именно в это утро. Если бы он мог каким-нибудь чудом воскресить бедного маленького Питера Брауна, он задал бы ему изрядную порку за столь безответственный поступок.

— Надо же было такому случиться как раз сегодня, как это неудачно! — шепнул он Фреру, когда они стояли в камере перед трупом ребенка.

— Ну что ж, тут уж ничего не поделаешь, — сказал Фрер, пахмурившись и глядя в лицо покойного, губы которого словно улыбались ему. — Я знаю этих маленьких дьяволят. Они способны сделать это просто назло. А какой у него был характер?

— Очень скверный. Джонсон, дай мне книгу!

Джонсон принес книгу, и они увидели перечень проступков Питера Брауна, записанных безукоризненным почерком, и рапорты о наказаниях, которым его подвергали, очень изящно оформленные, с росчерками, сделанными красными чернилами.

«20 ноября. Нарушение порядка, двенадцать плетей. 24 ноября. Дерзость по отношению к служащему лазарета — сокращение порций пищи. 4 декабря — кража шапки у арестанта, двенадцать плетей. 15 декабря — убежал с переклички — два дня карцера. 23 декабря — дерзость и неповиновение, два дня карцера. 8 января — дерзость и неповиновение, двенадцать плетей. 20 января — дерзость и неповиновение, двенадцать плетей. 22 февраля — дерзость и неповиновение, двенадцать плетей. 6 марта — дерзость и неповиновение, двадцать плетей».

— Это было последнее? — спросил Фрер.

— Да, сэр, — ответил Джонсон.

— И после этого он — гм... — покончил с собой?

— Точно так, сэр. Именно так и было.

Точно так! Великолепная система морить голодом и избивать двенадцатилетнего ребенка, пока он не покончит с собой. Так именно и было...

После завтрака обход продолжался. Все выглядело восхитительно. Большая классная комната, где люди, подобные Микину, распинались о том, как Христос любил маленьких детей. За классной комнатой были карцеры, в коридорах находились констебли, затем шел маленький дворик, где дети получали свои «двадцать плетей». Сильвия содрогнулась, увидев их лица в выстроившейся шеренге. Начиная от флегматичного девятнадцатилетнего парня с хмелевых плантаций Кента до маленького хитрого десятилетнего цыганенка с лондонских улиц, все разновидности и ступени юношеских пороков были представлены этими подростками, которые либо злобно усмехались, либо строили притворные благочестивые мины. «Да придут ко мне малые сии, и не препятствуйте им, ибо их есть царствие небесное!» Так говорил, по словам учеников его, основатель нашей религии! И для «малых сих» множество почтенных джентльменов вместе с верноподданной палатой общин в парламенте совместными усилиями создали царствие адово.

После того как фарс был разыгран снова, и дети вставали и садились, и пели гимн, и ответили на вопрос, сколько будет дважды пять, и повторили, что «веруют во единого отца вседержителя, творца неба и земли», гости осмотрели мастерские и церковь и побывали всюду, кроме камеры, где на деревянной скамье лежало застывшее тело Питера Брауна с глазами, устремленными к тюремному потолку, отделявшему его от неба.

Возле этой камеры с Сильвией произошло маленькое приключение. Микин где-то замешкался. Берджеса вызвали по служебному делу, и Фрер ушел с ним, оставив свою жену отдыхать на скамейке над морем. Отдыхая там, она вдруг почувствовала чье-то присутствие и, повернув голову, увидела маленького мальчика, который стоял с шапкой в одной руке и молотком в другой. Вид этого мальчика, одетого в серую форму, которая была ему велика, и державшего в исхудалой ручонке молоток, который был слишком тяжел для него, внушал жалость.

— Что тебе, миленький? — спросила Сильвия.

— Мы подумали, что вы его видели, мэм, — сказал мальчик, широко раскрыв синие глаза, ибо непривычная приветливость обращения его удивила.

— Его? Кого его?

— Шутника Брауна, мэм, того, кто прыгнул сегодня утром. Мы с Билли знали его, мэм. Это наш товарищ, нам хотелось узнать, счастливое ли у него лицо.

— О чем ты говоришь, детка? — спросила она, и непонятный ужас проник в ее сердце. И тут же, почувствовав жалость к маленькому существу, Сильвия притянула его к себе и, повинуясь женскому инстинкту, поцеловала в лоб. Он взглянул на нее с радостным изумлением.

— О!

Сильвия поцеловала его еще раз.

— Разве никто никогда не целовал тебя, бедняжка?

— Мама целовала, — ответил он. — Но она ведь осталась дома. О, мэм, — внезапно покраснев, пробормотал мальчик. — Могу я привести сюда Билли?

Ободренный улыбкой на ее добром юном лице, он заглянул за выступ скалы и вывел оттуда еще одного малыша в серой форме с молотком в руках.

— Это Билли, мэм, — сказал он. — У Билли совсем не было мамы. Поцелуйте Билли.

Молодая женщина почувствовала, что слезы подступили к ее глазам.

— Бедные ребятишки! — воскликнула она. И, забыв, что она дама, одетая в шелк и кружева, упала на колени и, плача, заключила в объятия обоих несчастных мальчиков...

— В чем дело, Сильвия? — спросил Фрер, вернувшись. — Ты плакала?

— Нет, ничего, Морис. Расскажу тебе потом.

Когда они остались одни в этот вечер, она рассказала ему о мальчиках, и он рассмеялся.

— Хитрые маленькие плуты! — сказал он и привел такое множество примеров зловердных проделок этих юных преступников, что его жена против своей воли почти убедилась в его правоте.

* * *

К несчастью, когда Сильвия ушла, Томми и Билли решили привести в исполнение план, который уже несколько недель зрел в их головенках.

— Сейчас я могу это сделать, — сказал Том. — У меня хватит силы!

— А это очень больно, Томми? — спросил Билли, который не чувствовал себя таким храбрым.

— Пустяки, меньше чем от порки.

— Я боюсь! О, Том, там так глубоко... Не оставляй меня, Том!

Старший из мальчиков снял платок, повязанный вокруг шеи, и привязал свою левую руку к правой руке товарища.

— Теперь я не смогу тебя оставить.

— А что говорила эта леди, которая нас целовала, Томми?

— «Боже, сжался над двумя маленькими сиротами», — сказал Томми.

— Давай повторим это, Том!

И оба ребенка встали на колени над пропастью, подняв связанные руки, посмотрели на небо и сбивчиво пролепетали:

— Боже, сжался над нами, двумя сиротами!

Потом они поцеловались и прыгнули в море.

* * *

Известие, переданное по сигнальной системе, застигло коменданта за обедом, и он, разволновавшись, проболтался о нем.

— Это те два несчастных, которых я видела сегодня утром! — вскричала Сильвия. — О, Морис, эти несчастные дети были доведены до самоубийства!

— Этим поступком они обрекли свои души геенне огной! — набожно возгласил Микин.

— Мистер Микин, как вы можете так говорить? Бедные маленькие создания! О, это ужасно! Морис, увези меня отсюда! — И она разразилась горькими рыданиями.

— Ничем не могу помочь, мэм, — пристыженно ответил Берджес. — Это не моя вина.

— Это первы... — пояснил Фрер, уводя жену. — Вы должны ее извинить. Пойди и полежи, дорогая.

— Я больше не могу здесь оставаться, — сказала она. — Давай завтра уедем.

— Мы не можем уехать завтра.

— Нет, нет, уедем! Я настаиваю, Морис. Если ты любишь меня, увези меня сейчас же!

— Ну ладно, — сказал Морис, тронутый ее скорбью. — Попытаюсь.

Он вернулся к столу.

— Берджес, — обратился он к коменданту. — Это происшествие очень расстроило мою жену, и она хочет немедленно уехать. А я, как вы знаете, должен побывать на перешейке. Когда это можно сделать?

— Ну что ж, — прикинул Берджес. — Если ветер продержится, бриг может зайти в Бухту Пиратов и взять вас на борт. Вы проведете в бараках только одну ночь.

— Это, я думаю, будет самое лучшее, — сказал Фрер. — Мы отправимся завтра, и если вы мне дадите перо и чернила, я вам буду очень обязан.

— Надеюсь, вы удовлетворены? — спросил Берджес.

— О, вполне, — ответил Фрер. — Но все-таки я рекомендовал бы вам усилить надзор на Острове Мальчиков. Не годится, чтобы эти молодые негодяи таким способом проskalзывали у нас между пальцев.

Вскоре после этого разговора аккуратно написанный отчет о событиях, в которых значились имена Уильяма Томкинса и Томаса Гроува, был подшит в папки. Макливен провел расследование, и больше никто об этом не беспокоился. Да и к чему? Тюрьмы Лондона были забиты такими мальчуганами, как Томми и Билли.

* * *

Сильвия провела все оставшиеся дни путешествия как в кошмарном сне. Происшествие с детьми потрясло ее, и ей хотелось как можно скорее покинуть место, где все о них напоминало. Даже Орлиный перешеек с его служебными собаками и «естественным покрытием» не заинтересовал ее. Любезности Мак-Наба докучали ей. Она содрогалась, глядя на кипящую пучину Чертовой Дыры, и вздрагивала от страха, когда «поезд» коменданта грохотал по опасным рельсам, огибающим пропасть по дороге в Лонг-Бэй. «Поезд» состоял из нескольких низких вагончиков, которые арестанты толкали и втаскивали на крутые подъемы, а когда вагончики стремительно летели вниз под уклон, они тормозили их ход. Сильвии казалось унижительным то, что ее везут люди, и она вздрагивала, когда щелкал кнут, и арестанты, как лошади, начинали тянуть сильнее под его ударами. Кроме того, лицо одного из «рабочих лошадей» показалось ей с детства знакомым, ей смутно мерещилось, что лишь недавно оно перестало посещать ее сны. Это лицо, как ей мнилось, смотрело на нее с ненавистью и презрением, и она почувствовала облегчение, когда во время полуденного привала этот человек получил приказ отделиться от остальных и вместе с четырьмя другими каторжниками был скован в отдельную связку и отправлен обратно в бараки. Увидев эту пятёрку, Фрер, сказал:

— Ей-богу, малышка, это же наши старые друзья — Рекс, Доуз и остальные! Им не позволяют следовать с нами до конца, ведь они такие отчаянные головорезы, что могут попытаться удрать.

Теперь Сильвия поняла: то было лицо Доуза. Когда она поглядела ему вслед, он внезапно как-то странно вскинул руки над головой, и это ее испугало. На миг она была потрясена каким-то воспоминанием, вызвавшим в ней жалость. Провожая глазами группу, она старалась вспомнить, где и когда Руфус Доуз — преступник, из когтей которого ее вырвал муж, — мог внушить ей чувство жалости, но ее затуманенная память отказывалась воспроизвести этот случай, и когда вагончики прошли поворот и группа исчезла из виду, она со вздохом очнулась от своей задумчивости.

— Морис, — прошептала она, — почему при виде этого человека мне всегда становится грустно?

Морис нахмурился и, глядя ее по голове, попросил забыть этого человека, это место и все ее страхи.

— Я напрасно настаивал, чтобы ты поехала со мной, — сказал он.

На следующее утро они стояли на палубе корабля, идущего в Сидней, и «естественная тюрьма» уже еле виднелась сквозь дымку тумана.

— Ты еще недостаточно окрепла, — ласково проговорил Фрер.

* * *

— Доуз, ты любишь эту девушку! — сказал ему Джон Рекс. — Теперь ты увидел ее женой другого, а тебя самого впрягли, как скотину, чтобы везти его в гору, а он держал ее в своих объятиях. Сейчас, когда ты все это понял и пережил, может быть, ты пойдешь с нами.

Руфус Доуз нетерпеливо передернул плечом, и лицо его исказилось болью.

— Подумай лучше, — продолжал Рекс. — Другим путем ты никогда не выберешься отсюда. Будь же мужчиной — присоединяйся к нам!

— Ни за что!

— Ведь это все, что тебе остается. Почему ты отказываешься? Ты что — собираешься провести здесь остаток жизни?

— Я не прошу сочувствия ни у тебя, ни у кого другого. Но к вам я не присоединюсь...

Рекс пожал плечами.

— Если ты думаешь, что «расследование» чем-то поможет — ты здорово ошибаешься, — сказал он, уходя. — Увидишь, что Фрер уже нашел способ его прекратить!

И он был прав. О расследовании больше не было никаких толков, и только через шесть месяцев, находясь в Параматте, Норт получил официальное письмо, на которое было потрачено изрядное количество бумаги и сургуча. Письмо это извещало его о том, что «главный инспектор Департамента по делам каторжников считает излишним дальнейшее расследование по вопросу обстоятельств гибели арестанта, означенного на полях», и что джентльмен, поставивший внизу свою абсолютно неразборчивую подпись, «имеет честь оставаться его покорным слугой».

Глава 51

НИТИ СХОДЯТСЯ

Все надежды, которые Морис возлагал на поездку в Сидней, полностью сбылись. Его легендарное избавление от смерти в Макуори-Харбор, его брак с дочерью такого уважаемого колониста, как майор Викерс, и его репутация «укротителя каторжан» сделали его весьма заметной персоной. Он получил вакантную должность судьи, и слава о его твердости и хорошем знании каторжан распространилась еще шире. Арестанты называли его «чертовым Фрером» и клялись отомстить ему, а он только посмеивался над этими угрозами.

Вот пример того, как обращался он со своей «паствой», обрисовывающий его характер и смелость. Дважды в неделю обычно он посещал тюрьму возле Гайд-Парка. Всем посетителям тюрьмы, разумеется, вручалось оружие, и два пистолета, заткнутые у Фрера за пояс, привлекали много жадных взглядов. Как легко было бы какому-нибудь парню выхватить пистолет и пустить пулю в ненавидимое улыбающееся лицо знаменитого «поборника дисциплины»! Фрер, однако, был безрассуден и никогда не прятал оружия. Он расхаживал по тюремному двору, засунув руки в карманы охотничьей куртки, а смертоносные игрушки торчали словно напоказ, соблазняя смельчака рискнуть овладеть ими.

Однажды пойманный им беглый арестант по имени Кэванаг, открыто поклявшийся на суде убить Фрера,

бросился к нему, когда тот проходил через двор, и выхватил у него из-за пояса пистолет. Все арестанты затаили дыхание, а сопровождающий Фрера солдат, услышав щелканье взведенного курка, инстинктивно отвернулся, чтобы уберечь глаза от выстрела. Но Кэванаг не выстрелил. В тот момент, когда его палец уже лежал на спуске, он поднял глаза и встретился с властным взглядом Фрера. Одна секунда — и магнетизм мог рассеяться. Одно движение пальца — и враг его упал бы мертвым. Можно было нажать на спуск, но Кэванаг упустил мгновение. Храбрость Фрера приковала арестанта к месту. Он начал нервно поигрывать оружием, а остальные узники не сводили с него глаз. Фрер стоял, не вынимая рук из карманов.

— Отличный пистолет, Джек, — проговорил он.

По бледному лицу Кэванага катился пот; вдруг он расхохотался — громко, с облегчением — и сунул взведенный пистолет обратно за пояс судьи.

Фрер медленно вынул одну руку из кармана, взял оружие и прицелился в нападавшего.

Кэванаг упал на колени.

— Пощадите, капитан Фрер!

Фрер посмотрел на дрожащего арестанта, поставил спуск на предохранитель и засмеялся жестоким презрительным смехом.

— Встань, собака, — сказал он. — Не тебе со мной тягаться. Хаукинс, приведи его завтра утром — мы дадим ему двадцать пять.

Когда он уходил, несчастные узники провожали его восторженными возгласами — так велико восхищение людей перед могуществом власти.

* * *

По прибытии в Сидней этот деятельный чиновник прежде всего стал наводить справки о Саре Пэрфой. К своему удивлению, он узнал, что она была владелицей большого экспортного торгового дома на Питт-стрит, уютного коттеджа на участке земли возле самой бухты и, по слухам, довольно солидного вклада на банковском счету. Он напрасно ломал голову, стараясь разгадать тайну этих приобретений. Когда брошенная им любовница покидала Землю Ван-Димена, она отнюдь не была богатой — по крайней мере, так она его уверяла, — и весь уклад ее жизни подтверждал эти слова. Откуда же взялось это неожиданное богатство? И почему она таким образом распоряди-

лась своим капиталом? Он пытался разузнать что-нибудь через банки, но потерпел неудачу. Банки Сиднея в те дни частенько занимались темными делами.

— Миссис Пэрфой явилась к нам вполне кредитоспособной, — с улыбкой сказал ему директор.

— Но откуда же у нее деньги? — спросил судья. — Неожиданное приобретение состояния всегда подозрительно. Эта женщина была хорошо известна в Хобарт-Тауне и, уезжая оттуда, не имела ни гроша.

— Дорогой капитан Фрер, — ответил хитрый банкир (его отец был одним из строителей «Ромового Госпиталя»), — не в правилах нашего банка копаться в биографиях клиентов. Уверяю вас, все векселя были действительными, иначе бы мы их не приняли к оплате. До свидания.

— Векселя! — Фрер находил только одно объяснение: Сара получила доходы от каких-то мошеннических проделок Рекса. Письмо Рекса к отцу с упоминанием в нем некой денежной суммы «в старом доме в Блю Анкор-Ярд» промелькнуло в его памяти. Может быть, Сара, получив деньги от адресата этого письма, присвоила их? Но зачем было вкладывать их в торговый дом? Он всегда с подозрением относился к этой женщине и никогда не мог разгадать ее, теперь же его подозрительность вдвойне увеличилась. Убежденный в том, что затевается какая-то махинация, он решил использовать свое положение судьи, чтобы раскрыть эту тайну и вынести ее на свет божий. Человека, которому было адресовано письмо Рекса, звали Бликс. Фрер стал выяснять, знает ли кто-нибудь из подведомственных ему арестантов этого Бликса. Ведя свои расспросы в пужном направлении, он скоро получил ответ. Бликс был лондонский скупщик краденого, известный по меньшей мере дюжине мошенников из Сиднея. Говорили, что он несметно богат и многократно бывал под судом, но каждый раз обвинение приходилось снимать. Таким образом, Фрер мало что уяснил для себя; через несколько месяцев произошел инцидент, еще более сбивший его с толку, когда Блант пришел требовать плату за путешествие Сары Пэрфой.

— Тут еще эта шхуна прямо напрашивается, если можно так выразиться, сэр, — начал Блант, когда за ним закрылась дверь кабинета.

— Какая шхуна?

— «Франклин».

«Франклин» было судно в триста двадцать тонн водоизмещением, курсировавшее между Норфолком и Сид-

неем, как когда-то курсировал «Морской ястреб» между Макуори-Харбор и Хобарт-Тауном.

— Боюсь, что не выйдет, Блант,— сказал Фрер.— Это одно из лучших назначений, и я не очень-то заинтересован, чтобы его получили вы. Кроме того,— добавил он, критически оглядывая фигуру моряка,— для такой работы вы уже староваты.

Финеас Блант расправил плечи и открыл рот, полный здоровых белых зубов.

— Меня еще хватит лет этак на двадцать, сэр,— сказал он.— Мой отец плавал на торговом судне в Индию, когда ему было семьдесят пять. Я, слава богу, достаточно крепок; только вот иногда пропущу рюмочку рому, других пороков у меня нет. Да ведь я не тороплю вас, капитан, могу подождать месячишку. Я хотел только напомнить вам, вот и все.

— Что ж, если не торопитесь... А куда вы сейчас направляетесь?

Блант заерзал на стуле под взглядом блюстителя.

— Да так, наклевывается работенка.

— Рад за вас. А что за работа?

— На китобойном судне,— ответил Блант, чье беспокойство увеличилось.

— Ах, вот как! Ваша старая профессия. И кто же вас нанимает?

В тоне Фрера не было и тени подозрительности, и Блант при желании мог бы легко увильнуть от ответа, но он ответил на вопрос Фрера как человек, ожидавший такого разговора, будто кто-то уже заранее его к нему подготовил.

— Миссис Пэрфой.

— Что?! — вскричал Фрер, не веря своим ушам.

— Она приобрела два корабля, сэр, и она берет меня шкипером на один из них. Будем «пахать море» и время от времени бросать гарпун.

Фрер уставился на Бланта. Инстинкт судьи подсказывал ему, что в этом кроется какой-то тайный план. Но здравый смысл, который так часто нас подводит, находил естественным, что Сара использует китобойные суда, чтобы увеличить свои доходы. Если она вполне законно стала хозяйкой торгового флота, то нет ничего странного в том, что она приобрела два китобойных судна. В Сиднее были люди отнюдь не чета ей, которые имели по полдюжине таких кораблей.

— И когда же вы отправляетесь? — спросил Фрер.

— Со дня на день жду приказа, — ответил Блант с явным облегчением. — Я зашел к вам просто на всякий случай — а вдруг еще что-нибудь подвернется.

Фрер молча играл перочинным ножом. Нож с резким стуком падал на стол между его пальцами. После некоторого молчания он спросил:

— А откуда у нее деньги?

— Почему мне знать? — с искренним недоумением ответил Блант. — Понятия не имею. Говорит, что скопила. А в общем, это меня не касается.

— Вы действительно ничего об этом не знаете? — спросил Фрер, закиная злость.

— Я? Ничего.

— Если тут пахнет жареным — так пусть она лучше держит нос по ветру! — вскричал Фрер. От волнения он стал употреблять жаргонные словечки арестантов. — Она меня знает. Скажи ей, что она у меня на прицеле. Пусть помнит уговор! Если она выкинет какой-нибудь фортель, пусть пеняет на себя!

Фрер с такой силой и злостью бросил нож, что задел палец и разрезал его до кости.

— Я ей скажу, — ответил Блант, отирая пот со лба. — Уверен, однако, что вас она не предаст. Я загляну к вам, когда вернусь, сэр.

Выйдя на улицу, Блант облегченно вздохнул.

— Опасная игра, не дай бог, — пробормотал он, живо припомнив, каким бывал Фрер в ярости. — Но есть только одна женщина на свете, ради которой я, как дурак, готов в нее играть.

Морис Фрер, обуреваемый подозрениями, велел полюдни оседлать коня и поехал взглянуть на коттедж, который купила владелица торговых складов Пэрфой. Он увидел невысокое белое здание, расположенное в четырех милях от города, на дальнем краю косы, омываемой глубокими водами гавани. Между проезжей дорогой и домом раскинулся ухоженный сад, в нем Фрер увидел человека, копавшего землю.

— Здесь живет миссис Пэрфой? — спросил он, открывая чугунную калитку.

Человек кивнул, недоверчиво взглядываясь в посетителя.

— Она дома?

— Ее нет.

— А вы уверены?

— Если не верите, пройдите в дом, — сказал садовник не очень учтиво, как мог бы ответить вольный человек.

Фрер ввел лошадь в ворота и прошел в конец широкой, аккуратно выметенной подъездной аллеи. Лакей в ливрее, вышедший на его звонок, сказал ему, что миссис Пэрфой уехала в город, и захлопнул дверь перед его носом. Фрер, еще более изумленный такими проявлениями независимости, постоял в негодовании, склонаясь к тому, чтобы проникнуть в дом силой. Взглянув через просвет между деревьями, он увидел матчи брига, стоявшего у мыса, и понял, что расположение дома удобно как для мореплавания, так и для сухопутных путешествий. Существовал ли какой-то особый расчет при выборе места для постройки дома, или оно было выбрано случайно? Его охватила тревога, но он постарался унять ее.

До сих пор Сара держала свое обещание. Она начала новую, более достойную жизнь, так зачем же искать зло там, где его нет?

Блант, очевидно, не врал. Женщины типа Сары Пэрфой в конце концов добиваются благосостояния и начинают вести, хотя бы внешне, добродетельную жизнь. Вероятно, подлинным владельцем дома, сада, прогулочной яхты и торговых складов является какой-нибудь богатый купец, и в этом случае у Фрера нет никаких причин для беспокойства.

«Укротитель каторжан» явно недооценивал способности Джона Рекса. С той минуты, как Рекс услышал приговор к пожизненной ссылке, он твердо решил бежать и направил всю силу своего изворотливого и отнюдь не щепетильного ума на измышление лучшего способа для достижения этой цели. Первой задачей его было достать деньги. Сначала он надеялся заполучить их посредством письма к Бликсу, но, узнав от Микина о судьбе этого письма, он решил достать их менее приятным способом — через Сару Пэрфой.

Характерной чертой жестокой натуры этого человека была неблагодарность, и хотя Сара любила его, последовала за ним на каторгу и сделала целью своей жизни его освобождение, он не питал к ней ни малейшей привязанности. Его привлекала ее красота, когда он был Лайоном Крофтоном и вращался в темных кругах ночного Лондона. Ее таланты и ее преданность являлись для него второстепенными качествами — их можно было использовать; положенные на чашу весов рядом с пресыщенной любовной страстью, они не весили ничего. В течение две-

надцати лет, миновавших с той поры, когда собственное дерзкое легкомыслие отдало его в руки правосудия в доме фальшивомонетчика Грина, он ни разу не пожалел о ней. Конечно, ему самому пришлось много перенести, и вся прежняя жизнь для него как бы исчезла. Но услышав, по возвращении в Хобарт-Таун, что Сара Пэрфой все еще находится в этом городе, он обрадовался, зная, что найдет в ней союзницу, готовую ради него пойти на все, что она уже доказала на борту «Малабара». Однако он был и огорчен, так как был уверен, что в награду за свои услуги она потребует от него любви, которая давным-давно угасла. И тем не менее он решил использовать ее. Потом он найдет способ от нее избавиться, если она ему надоест.

Его притворная пажобность немало помогла ему. Хотя Фрер и расшифровал тайный смысл письма, все же Рекс завоевал доверие Микина, сочинив для ушей этого достойного человека невероятную и печальную историю. Он был, по его словам, сыном англиканского священника, чье имя он, из почтения к духовному сану отца, никогда не произнесет. Сослали его за подлог, которого он не совершал. Сара Пэрфой была его женой — заблудшей, потерянной, но все же любимой женой. Будучи невинной и доверчивой девочкой, она решилась в память обета, данного ею перед алтарем, последовать за своим мужем в место его ссылки и для этого нанялась в служанки к миссис Викерс. Но увы! Лихорадка приковала ее мужа к постели, и Морис Фрер, этот злодей и распутник, воспользовался беззащитностью его жены и обесчестил ее. Рекс туманно намекнул на то, как облеченный властью соблазнитель надругался над женой больного и беспомощного человека. Он так напугал бедного Микина, что если бы речь шла не о делах давно минувших, тот считал бы своим долгом пересмотреть свое отношение к веселому зятю майора Викерса.

— Я не желаю ему зла, сэр,— сказал Рекс.— Вначале я питал к нему злые чувства, была даже минута, когда я мог бы убить его, но когда он оказался в моих руках, я, как вы знаете, не нанес ему удара. Нет, сэр,— я не в силах совершить убийство!

— Это очень похвально,— сказал Микин,— весьма похвально.

— Бог сам накажет его в свое время,— продолжал Рекс.— Но больше всего я печалюсь о бедной женщине. Я слышал, что она в Сиднее, ведет добродетельную жизнь, и сердце мое обливается кровью при мысли о ней.

Вздох был так тяжек, что мог бы принести ему славу на подмостках.

— Мой дорогой друг, вы знаете, где она живет? — спросил его Микин.

— Знаю, сэр.

— Вы можете написать ей письмо.

Рекс для виду поколебался, как бы борясь с самим собой, а затем решительно сказал:

— Нет, мистер Микин, я не стану писать.

— Но почему же?

— Вы же знаете порядки, сэр, — комендант читает все письма. Как я могу написать моей бедной Саре то, что прочтут чужие глаза?

Говоря это, он исподтишка следил за пастором.

— Да, вы правы, — сказал Микин, подумав.

— Вот то-то и оно, сэр, — вздохнул Рекс и опустил голову на грудь.

На следующий день Микин, краснея от сознания, что он нарушает правила, сказал своему подопечному:

— Если вы обещаете мне не писать ничего такого, что не пропустил бы комендант, я перешлю письмо вашей жене.

— Благослови вас бог, сэр, — сказал Рекс.

Он потратил два дня на сочинение послания, в котором должен был изложить Саре Пэрфой план действий. Письмо это было образцом композиции особого рода. Все было изложено предельно четко и кратко. Не было пропущено ни одной нужной детали и не содержалось ни одной лишней строки, которая могла бы Сару озадачить. Он принес Микину письмо незапечатанным. Капеллан посмотрел на него с интересом и с некоторым подозрением.

— Даете ли вы мне слово, что здесь нет ничего, что не должен знать комендант?

Джон Рекс был смелый человек, но при виде того, как опасное письмо задержалось в руке священника, он почувствовал, что у него подгибаются колени. Однако, хорошо зная человеческую натуру, он не отступился от своего дерзкого плана.

— Прочтите его, сэр, — сказал он как бы с упреком и отвернулся. — Вы джентльмен, и я могу вам довериться.

— Чужих писем я не читаю, Рекс, — возразил Микин, легко попавшись в ловушку.

Послание было запечатано, и Джон Рекс с облегчением вздохнул — будто кто-то отбросил горящую спичку от бочки с порохом.

Через месяц мистер Микин получил письмо от «Сары Рекс», написанное изящным почерком и коротко сообщавшее о том, что она много слышала о его доброте и что прилагаемую записку она просит передать ее мужу, а если это противоречит тюремным правилам, то прислать ее обратно непрочитанной. Разумеется, Микин отдал ее Рексу, который на следующее утро принес ему это трогательное и благочестивое произведение и заклинал прощсть его. Микин прочитал, и если раньше у него были какие-то смутные подозрения, то теперь он был полностью обезоружен. Ну, мог ли он представить себе, что набожное письмо Сары дополнялось вкладышем, предназначенным только для Джона Рекса, который, прочтя его дважды самым внимательным образом, оценил его важность тем, что съел его.

План побега был, в сущности, очень прост. Сара Пэрфой должна была получить от Бликса хранившиеся у него деньги и вложить их в любое предприятие, которое позволит ей приобрести корабль, курсирующий вдоль южного побережья Земли Ван-Димена, не возбуждая ни в ком подозрений. Побег должен был совершиться в зимние месяцы, по возможности в июне или июле. Командовать кораблем должен верный человек, который будет делать частые стоянки на юго-восточном побережье и все время проявлять осторожность. Самому Рексу без посторонней помощи надлежало прорваться через кордоны собак и стражи. «Это отчаянный план,— писал Рекс,— но он не так дик, как кажется. Я обдумал дюжину других и все их отбросил. Это единственный путь. Продумай его хорошенько. У меня есть еще один план, и очень простой, если только нам вовремя окажут помощь. Все зависит от надежности капитана. Ты наверняка знаешь надежных людей. Я пережду восемнадцать месяцев, чтоб дать тебе время все подготовить».

Эти восемнадцать месяцев были теперь на исходе, и срок совершить отчаянную попытку приближался. Верный своей жестокой философии, Джон Рекс уже наметил козлов отпущения, которые в силу различных причин должны были помочь ему спастись.

Он обнаружил, что из двадцати человек кандалной партии восемь уже решились на побег. Это были Габбет, Ветч, Боденхэм, Корнелиус, Гринхилл, Сандерс, по прозвищу Лентяй, Кокс и Траверс. Главными подстрекателями были Ветч и Габбет. Они в почтительных выражениях пригласили Денди присоединиться к ним. Подозри-

тельный от природы Джон Рекс был неприятно поражен непонятной навязчивостью Верзилы и сначала отказывался, но потом сделал вид, будто принял их планы. Он решил, что станет убеждать броситься навстречу судьбе, а сам воспользуется суматохой, которую вызовет их отсутствие, чтобы обеспечить свой собственный побег. «Пока весь остров будет искать этих остолопов, я смогу улизнуть незамеченным», — думал он. Однако ему хотелось иметь сообщника. Сильный и смелый сообщник, который в случае опасности сможет сдерживать или сбить с толку преследователей, был бы весьма полезен. Таким товарищем-жертвой он выбрал Руфуса Доуза.

Уговаривая Доуза бежать вместе с ними, Рекс, как это явствует, действовал вначале из чисто эгоистического расчета, но постепенно упорство, с которым тот отвергал его подходы, пробудило в Рексе нечто вроде дружеского расположения. Будучи отличным знатоком людей, негодяй увидел, что под грубой оболочкой, под которой несчастный человек скрывал свои страдания, таится сердце, верное в дружбе, и пламенный, неустрашимый дух. Была еще одна причина: Руфуса Доуза окружала какая-то тайна, и Рекс, любивший читать в чужих сердцах, стремился ее разгадать.

— Неужели у тебя нет друзей, которых ты хотел бы увидеть? — спросил он однажды вечером, когда Доуз был более чем обычно глух к его доводам.

— Нет, — угрюмо ответил Доуз. — Все мои друзья для меня умерли.

— Все? — переспросил Рекс. — У каждого из нас есть кто-то, кого хочется видеть.

Руфус Доуз тихо, невесело засмеялся.

— Мне лучше оставаться здесь.

— Значит, ты доволен этой собачьей жизнью?

— Отстань! — сказал Доуз. — Мое решение твердо.

— Что ты говоришь! — вскричал Рекс. — Соберись с духом, надо рискнуть! Это дело непременно выгорит — я обдумывал его восемнадцать месяцев. Неудачи не будет!

— А кто с тобой? — спросил Руфус, не подымая глаз.

Джон Рекс назвал восьмерых, и Доуз поднял голову.

— Нет, я не побегу. Меня уже дважды за это судили, и в третий раз я под суд не пойду. И тебе бы не советовал пытаться.

— Почему?

— Габбет убегал дважды, — сказал Руфус Доуз, содрогнувшись при воспоминании о страшном трупе в за-

литой солнцем долине у Чертовых Ворот.— Другие тоже бежали с ним, но он каждый раз возвращался один.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Денди, неприятно удивленный серьезностью, с какой говорил его собеседник.

— А сам ты не догадываешься, куда делись все?

— Умерли, вероятно, — ответил Рекс, ненатурально усмехнувшись.

— Умерли, но как? У них не было с собой пищи. Так что же ел этот негодяй все шесть недель?

Джон Рекс поблел и ничего не ответил. Он вспомнил мрачные слухи относительно того, почему Габбет выжил. Но ведь он-то не собирался путешествовать в его обществе, так что ему нечего бояться.

— Тогда отправимся вдвоем, — сказал он наконец. — Попробуем счастья вдвоем.

— Нет. Я уже все решил. Я остаюсь здесь.

— Ты никогда не докажешь, что невиновен.

— А как это доказать, как? — раздраженно вскричал Руфус. — Есть преступления, которые остаются нераскрытыми, и это одно из них.

— Поступай как знаешь, — сказал Рекс, поднимаясь и делая вид, что ему надоело спорить. — Хлеб частного сыщика — нелегкий хлеб. Раньше мне приходилось этим заниматься. Была там одна непонятная история с сыном кораблестроителя, и я четыре месяца пытался распутать ее, но в конце концов потерял ниточку.

— А что за история? Чей это сын?

Джон Рекс сделал паузу, изумленный живым интересом, с которым был задан этот вопрос, а затем поспешил воспользоваться возможностью продолжить разговор.

— История странная. Отец — сэр Ричард Дивайн, старый скряга — видная фигура в те времена. А сын его был шалопаем.

Руфус Доуз закусил губу, чтобы не выдать своего волнения. Вот уже второй раз в его присутствии произносилось имя его отца.

— Я, кажется, что-то слышал об этом, — сказал он голосом, который ему самому показался странно спокойным.

— Любопытная история, — сказал Рекс, погружаясь в воспоминания. — Среди прочих дел я занимался немого частным сыском. Однажды ко мне пришел старый дженгльмен. Сын его находился за границей, где, по слухам, прожигал жизнь, а отец хотел узнать кое-какие подробности.

— И что же, тебе удалось получить сведения?

— Очень небольшие. Я гонялся за ним из Парижа в Брюссель, из Брюсселя в Антверпен, а оттуда снова в Париж. И там я его потерял. Печальный результат долгих и дорогих поисков! Мне достался только саквояж с кучей писем от его матери. Я отправил кораблестроителю все добытые мною сведения, думаю, что это убило его, так как вскоре он умер.

— А что произошло с сыном?

— Старик оставил ему большое состояние, а он покинул Европу и отплыл в Индию. По пути он сгорел вместе с экипажем «Гидаспа». Между прочим, Фрер — его двоюродный брат.

— Вот как?

— Экая досада, спокойно вспомнить не могу, — продолжал Рекс, вновь ощутив себя прежним авантюристом. — Какой глупейший провал! Ведь были же у меня возможности! Сколько дней и ночей я провел в поисках Ричарда Дивайна и ни разу не встретился с ним с глазу на глаз. Старик дал мне его портрет, рассказав все подробности о его детстве, и я чуть ли не три месяца носил на груди этот медальон из слоновой кости да еще вытаскивал его каждые полчаса, чтобы освежить в памяти. Клянусь, если бы этот молодой джентльмен хоть капельку походил на свой портрет, я под присягой опознал бы его, даже если бы встретил его в Тимбукту!

— Ты думаешь, что узнал бы его и сейчас? — тихо спросил Руфус Доуз, отворачиваясь от собеседника.

Возможно, тон говорившего разбудил что-то в памяти Рекса, а может быть, это был странный контраст между волнением, прорывавшимся в его голосе, и незначительностью темы разговора, но в мозгу бывшего сыщика возник один из тех невольных синтезов, которые всегда нас удивляют потом. Блудный сын — сходство с портретом — да это тайна жизни Доуза! Таковы были звенья гальванической цепи. Рекс сомкнул эту цепь — и электрическая вспышка в мозгу подсказала ему: «Это он!»

Надзиратель Троук, подойдя к ним, положил руку на плечо Рекса.

— Доуз, — сказал он, — тебя ищут во дворе. — И, заметив свою ошибку, добавил с усмешкой: — Черт бы вас побрал, вы так похожи друг на друга, что я вас не различаю.

Руфус Доуз отошел с мрачным видом, а злое лицо

Джона Рекса побледнело, и странная надежда заставила забиться его сердце. «А ведь Троек прав. Мы очень похожи. Я больше не стану подговаривать его к бегству»,

Глава 52

ПРОРЫВ СКВОЗЬ КОРДОН

«Красотка Мэри» — самая безобразная и вопиющая посудина из всех, когда-либо качавшихся на волнах под резкими южными ветрами — уже около трех недель стояла у мыса Сервил. Капитан Блант начинал скучать. Он рьяно демонстрировал свои усилия в поисках устричных банок, но все было безрезультатно. Напрасно он садился в шлюпку и обследовал все заливчики и бухточки между рифом Ипполита и островом Шаутена. Напрасно он подводил «Красотку Мэри» почти к самым зубчатым утесам и высаживался на побережье. Напрасно в своем стремлении угодить миссис Пэрфой он лазал по скалам и проводил долгие одинокие часы, обшаривая бухту Блэкмана. Но так и не нашел ни одной устрицы.

— Если еще три-четыре дня я ничего не найду, — сказал он своему помощнику, — я вернусь обратно.

* * *

В то самое утро, когда капитан Блант принял это решение, вахтенный на сигнальной горе увидел, что две лопасти сигнальной мачты в поселке пришли в движение.

У сигнальной мачты были три вращающиеся лопасти, расположенные одна над другой. Верхняя означала единицы и делала шесть движений — от единицы до шести. Средняя обозначала десятки — от десяти до шестидесяти, а нижняя — сотни, от ста до шестисот.

Верхняя и нижняя лопасти повернулись и показали «306». Вверх по мачте взбежал шарик, означавший тысячу. Цифры «1306» расшифровывались как «Бежали арестанты».

— Слушай-ка, Гарри, — сказал Джонс, сигнальщик. — Произошел побег!

Мачта сигнализировала снова: «1411».

— «Они вооружены», — перевел Джонс. — Пойди сюда, Гарри! Надо действовать.

Но часовской Гарри не ответил, и, взглянув вниз, Джонс увидел в пролете дверей какую-то темную фигуру. Хвале-

ная сигнальная система на этот раз явно осрамилась — беглецы появились одновременно с сигналом! Сигнальщик кинулся к своему карабину, но пришелец уже успел схватить его.

— Не поднимай шума, Джонс, — сказал он. — Нас тут восемь человек. Сделай одолжение, займись своими сигналами.

Джонс узнал голос. Это был Джон Рекс.

— Ну, отвечай им, что ж ты? — холодно продолжал Рекс. — Капитан Берджес торопится.

Лопастни сигнальной мачты снова задвигались с комическим рвением.

Джонс взял в руки веревки и, заглядывая в открытый сигнальный справочник, хотел сообщить, что сигнал принят, но Рекс остановил его.

— Передай им другой сигнал: «Ничего не видели! Сигнал послан на Орлиный перешеек».

Джонс медлил в нерешительности, не зная, как поступить. Он сам был из арестантов и боялся неизбежной порки за передачу ложных сведений.

— Если они узнают... — начал он.

Рекс щелкнул затвором карабина с выражением решительности в черных глазах, и Джонс, неоднократно проявлявший себя храбрецом, сразу отбросил свои сомнения и начал энергично передавать сигналы. Снизу послышалось бормотанье и звяканье металла.

— Чего мы тут торчим, Денди?

— Все в порядке. Снимайте кандалы, после потолкуем, ребята. Я тут сыплю соль на хвост старому Берджесу.

Грубая шутка была встречена восторженным ревом, и Джонс, выглянув из своего окошечка, увидел в сумеречном свете на площадке внизу группу людей, которые стаскивали с себя кандалы, разбивая их молотком, взятым из сторожевого помещения. Двое, уже освободившиеся, плескали ведрами воду на кучу поленьев, приготовленных для сигнального костра. Неподалеку от них лежал связанный часовой.

— Теперь, — сказал вожак этой компании незваных гостей, — давай сигнал на Лесной остров. — Джонс нехотя повиновался. — Сообщай: «Побег на шахтах! Наблюдайте за пунктом 1—3. Передайте сигнал на Орлиный перешеек!» Ну, давай, быстро!

Джонс сразу понял смысл этого маневра — отвлечь внимание от перешейка — и с усмешкой выполнил приказ.

— А ты, Джон Рекс, парень не промах, — сказал он.

Рекс ответил на комплимент тем, что снял со взвода затвор карабина.

— Протяни-ка руки! Эй, Джемми Ветч! — крикнул он.

— Слушаю! — отозвался Ворон.

— Поднимись сюда и свяжи нашего друга Джонса. Габбет! Ты достал топоры?

— Там только один, — ответил Габбет, ругнувшись.

— Тащи его и все, что попадется из одежды. Ну что, Ветч? Связал его? Тогда пошли дальше!

И через пять минут после того, как ничего не подозревавший часовой был молча схвачен двумя людьми, вынырнувшими из тени стросний, сигнальный пункт опустел.

Берджес бучевал в поселке. Девять человек захватили вельбот и скрылись за полчаса до сигнала тревоги — какая неслыханная дерзость! Куда смотрел надзиратель Троук?!

А надзиратель Троук был через восемь часов найден в кустах обезоруженным, связанным и с кляпом во рту — все произошло не по его вине. Откуда мог он знать, что по условному сигналу Рекса девять человек, которых он взял в Бухту Стюарта, нападут на него и, прежде чем он успеет выхватить пистолет, скрутят его, как дышленка? Самый ненадежный из этой партии, Руфус Доуз, добровольно взялся вколачивать сваи, и Троук не ожидал никакого подвоха. Разве мог он догадаться, что существует заговор и что Руфус Доуз единственный из всех, кто отказался примкнуть к заговорщикам?

Констебли, верховые и пешие, были разосланы на поиски в простиравшийся вокруг поселка буш. Берджес, приняв ответ с сигнальной горы о том, что сигнал тревоги получен с Орлиного перешейка, поверил ему и дал себе слово поймать всю шайку через несколько часов. Отдав распоряжение занять посты, он отправился обедать. Его слуги из арестантов только что унесли суп, когда плоды изобретательности Джона Рекса стали очевидны. Пост на сигнальной горе молчал.

— Быть может, эти дураки не видят? — сказал Берджес. — Зажгите огни и оседлайте мою лошадь.

Загорелись сторожевые огни. В Маунт-Артуре, на коммуникациях и в шахтах все благополучно, на западе горизонт был чист, но на сигнальной горе не появилось ответного света. Берджес в бешенстве затопал ногами.

— Подготовьте экипаж моей шлюпки и передайте шахтам, чтобы те дали сигнал на Лесной остров.

Когда он стоял на пирсе, запыхавшийся вестник принес ответ: «Экипаж шлюпки отправлен на пункт 1—3. Пять человек, согласно приказу, отосланы с Орлиного перешейка».

И тут Берджес все понял. Эти парни нарочно выманили стражу с Орлиного перешейка.

— Эй, пропустите меня! — крикнул он. И шлюпка, ринувшись в темноту, понеслась в Лонг-Бэй.

— Во всяком случае, я ненамного отстал от них, — сказал комендант.

Между Орлиным перешейком и сигнальной горой беглецов подстерегали другие опасности. Вдоль изрезанного побережья Порт-Бэнча размещались четыре полицейских поста. Эти посты — простые хижины на сигнальной дистанции друг от друга — были на самом берегу, и, чтобы обойти их стороной, понадобилось бы пробираться через кустарники. Хотя Джону Рексу очень не хотелось терять время, он понимал, что попытка прорваться через заслон четырех постов была бы равносильна самоубийству. Спасение беглецов зависело от того, успеют ли они достигнуть перешейка, пока в тамошней охране отсутствует часть солдат, отозванная Рексом на южный берег, и прежде чем туда поступит сигнал тревоги из восточной части полуострова. Учитывая все это, Рекс повел своих людей затылок в затылок, затем, сойдя с дороги возле бухты Норфолк, они направились прямо к перешейку.

Ночью поднялся сильный западный ветер и небо грозило дождем. Стояла непроглядная тьма, и беглецы ориентировались только по глухому рокоту моря, волны которого разбивались о побережье. Если бы не буря, разгравшаяся на западе, у них не было бы и этого ориентира.

Ворон шел впереди как вожак, неся мушкет, отнятый у часового. За ним следовал Габбет с топором, а далее остальные шесть, распределив между собой кой-какой провиант, добытый на сигнальной горе. Последним шел Джон Рекс с карабином и пистолетами Троука. Условились, что в случае нападения они разбегутся в разные стороны. В таком отчаянном предприятии разобщенность была преимуществом. По временам слева проблескивали огоньки полицейских постов, и, продвигаясь вперед, они с каждым шагом все яснее слышали шум морских валов, за которыми их ждала свобода или смерть.

После двух часов мучительного пути Джемми Ветч остановился и шепотом подозвал к себе товарищей. Они находились на песчаной возвышенности. Слева виднелся

черный силуэт — хижина полицейского поста. Справа туманная белая полоска — океан. Прямо перед ними высился ряд фонарей, и между ними бегали и сустились с трудом различные темные тела. Джемми Ветч указал на них тощим пальцем: «Собаки!»

Инстинктивно все съежились и присели, боясь, как бы их не заметили двое часовых, отчетливо видимые при красном свете сторожевого костра.

— Ну-с, мальчики,— сказал Габбет,— что же нам делать?

Тут одна из цепных собак издала протяжный хриплый вой, и вся свора залилась громким лаем. Джон Рекс, самый смелый из беглецов, содрогнулся.

— Они учуяли нас,— сказал он.— Надо уходить.

Габбет плюнул на ладонь и покрепче ухватился за топорщце.

— Правильно,— сказал он.— Получай этой ночью от меня зарубочку на память.

На противоположном берегу замелькали огни, и беглецы слышали торопливый топот погони.

— Бежим к правой стороне причала! — свирепо шепнул Рекс.— Кажется, я вижу там лодку. Это наш единственный шанс. Здесь прорваться мы не сможем. Все готово? Ну, давайте — не отставать!

Габбет быстро опередил остальных беглецов фута на три. На сторожевом посту было одиннадцать собак, две из них были привязаны на самом причале, так близко одна от другой, что их морды почти соприкасались. Верзила кинулся туда и ударом топора рассек череп одной собаки. В эту минуту другой пес вцепился ему в ляжку. С криком бешенства и боли Габбет упал, подмяв под себя собаку.

— Огонь! — заорал Мак-Наб откуда-то из-за цепочки фонарей.

Собака повалила Габбета, и пуля, предназначенная для него, попала в челюсть Траверсу. Несчастный арестант рухнул как вергилиевский Дарес, выплевывая кровь и зубы, выкрикивая проклятия.

Габбет железной рукой схватил собаку за горло и заставил ее разжать челюсти. Несмотря на то что собака изрядно его поранила, он схватил топор и бросился на ближайшего солдата. Но Джемми Ветч опередил его, угрожающе зарывчав. Он выстрелил, и пуля пронзила грудь часового. Остальные беглецы ринулись через прорванный кордон к вельботу.

— Идиоты! — крикнул им Рекс. — Даром потратили выстрел! Поглядите налево!

Берджес, которого поспешно подвезли по рельсовой дороге его люди, успел освободить на сигнальной горе связанную стражу и, взяв лодку с Лесного острова, подгребал со свежей командой к перешейку. Подкрепление было уже в десяти ярдах от причала.

* * *

Ворон, увидев опасность, прыгнул в воду и в отчаянии ухватился за лодку Мак-Наба.

— Все в лодку, спасайтесь! — крикнул он.

Новая ружейная очередь охранников — и вода вокруг беглецов закипела фонтанчиками. Но пули, выпущенные наугад в темноте, не попали в цель. Габбет, прыгнув в лодку, схватил весло.

— Кокс, Боденхэм, Гринхилл! Толкайте скорей! Прыгай, Том, прыгай!

И в минуту, когда Берджес выскочил на берег, Корнелиуса уже втащили на борт и вельбот с беглецами уже отошел.

Видя это, Мак-Наб кинулся на помощь коменданту.

— Перетащите лодку через риф, ребята! — закричал он. — Ну, живее! Вот так!

И, поднятая двенадцатью сильными руками, лодка Берджеса была перетянута через перешеек.

— У нас в запасе еще пять минут, — спокойно сказал Ветч, пока комендант занимал свое место на корме. — Гребите поживее, деточки, и мы их оставим с носом.

Солдаты на перешейке снова выстрелили наугад, но вспышки их выстрелов только осветили лодку преследователей в ста ярдах позади беглецов, которые уже выплыли в Бухту пиратов.

И только тогда арестанты заметили, что Джона Рекса не было с ними.

Глава 53

НОЧЬЮ

Джон Рекс осуществил первую часть своего плана.

В минуту, когда он увидел лодку Берджеса у песчаной косы, он предупредил Ветча криком и снова скрылся в темноте. Он ринулся к берегу недалеко от перешейка.

Его последней надеждой было то, что внимание стражи будет сосредоточено на лодке с беглецами, а он тем временем под покровом темноты и пользуясь общей суматохой сумеет вплавь добраться до полуострова. Это было не особенно трудно, и он рассчитывал на свои силы. Только бы доплыть до полуострова — дальнейший план его был уже разработан. Но подул сильный западный ветер, у перешейка начался прилив; значит, нужно было двигаться дальше к югу, где течение не было бы для него помехой, а, наоборот, помогло бы ему. Он снова помчался по дюнам, уже в другом направлении, в несколько прыжков достиг твердого песчаного берега и остановился, прислушиваясь. Он услышал за собой топот. Его преследовали! Шаги затихли, и чей-то голос крикнул: «Сдавайся!»

Это был Мак-Наб, который, заметив отступление Рекса, отважно последовал за ним. Джон Рекс вытащил из-за пазухи пистолет Троука и ждал.

— Сдавайся! — снова раздался голос, и шаги приблизились.

Рекс поднял пистолет, чтобы выстрелить, и в эту секунду вспышка молнии высветила на бледной поверхности сурового океана две лодки. Та, которая шла сзади, находилась всего лишь в нескольких ярдах от него. Люди походили на мертвецов. В отдалении возвышался мыс Сервиль, а под ним шумела жадная пучина океана. Но вся эта картина сразу же исчезла, сгинула во тьме, прежде чем он успел взглядеться в нее. Он был так потрясен, что промахнулся. С проклятием отбросив оружие, он побежал дальше по тропинке. Мак-Наб следовал за ним.

Тропинка была хорошо утоптана стражниками, и Рексу легко было бежать. Как все люди, привыкшие подолгу находиться в темноте, он приобрел кошачью способность распознавать препятствия не столько зрением, сколько обострившимся осязанием. Его ноги приспособились к неровностям почвы, руки цеплялись за ветви. Голова его инстинктивно пригибалась, чтобы уклониться от дерева на его пути. Его преследователь не был столь же ловок. Джон Рекс дважды мысленно рассмеялся, слыша пыхтение и треск, сопровождавшие падение Мак-Наба, — там в ложбинке протекал ручей, который Рекс легко перешел, и, услышав позади себя всплеск, он громко расхохотался. Тропа теперь пошла в гору, и Рекс удвоил усилия, надеясь благодаря своему физическому превосходству оторваться от преследователя. Он одолел подъем, помедлил,

прислушался. Треск ветвей за ним прекратился, и он остался в одиночестве.

Он уже добрался до вершины скалы. Огни перешейка отсюда не были видны. Внизу расстилалось море. Резкие порывы соленого ветра налетали из черной пустоты. Ветер сдувал гребни валов, разбивавшихся внизу, и они, крутясь, исчезали в ночи, как пятна света, поглощаемые густевшим мраком. С северной стороны бухты слышался хриплый рев прибоя, налетавшего на отвесные утесы полуострова Леспичего. Внизу под ногами раздавались пугающие крики и свистки, прерываемые выстрелами, похожими на удары грома. Где же он находится? Измученный и задыхающийся, он забрался в колючий кустарник и стал прислушиваться. Внезапно с тропинки до него донесся собачий лай. Он вскочил в диком страхе.

Засунув руку за пазуху, он стал искать второй пистолет. О боже! Он выронил его! В темноте Рекс пошарил вокруг себя в поисках палки или камня, который мог бы послужить ему оружием, но ничего не нашел. Пальцы цеплялись за колючий кустарник и жесткую траву. Пот катился по его лицу. Глазами, едва не вылезавшими от напряжения из орбит, он вглядывался в темноту, словно желая одной силой взгляда прогнать страшное видение. Звук повторился и, проникая сквозь шум ветра и воды, приблизился к нему. Он услышал голос, подбадривающий собаку, но ветер отнес этот голос прежде, чем он успел различить слова. Вероятно, на помощь Мак-Набу прибыли солдаты. Тогда его наверняка схватят. В отчаянии он чуть не дал себе зарок покаяться, если избегнет опасности. Собака, продираясь через густой кустарник, издала резкий вой и замолкла.

С наступлением темноты ветер усилился. Буря, штурмуя гулкие небеса, протянула между молниями и морем непроницаемую завесу из черных туч. Казалось, стоит ухватиться за нее — и можно задернуть завесу еще плотнее. Беснующиеся белые гребни были скрыты от глаз, и даже молния, казалось, не могла прорезать эту плотную черноту. Большая теплая капля дождя упала на вытянутую руку Рекса, и высоко над головой гневно гроыхнул гром. Крики, которые он только что слышал, прекратились. Ветер, подобно гигантской птице, ударявшей своими мощными крыльями о скалы, обрушивался на землю и сотрясал ее. Рекс обернулся в сторону океана; какая-то высокая туманная фигура словно кивнула и позвала его из темноты. Он на секунду отчетливо увидел ее, но она

со страшным криком злобы и отчаяния погрузилась в воду и пропала. Сходя с ума от неведомого ужаса, затравленный человек отпрянул, чтобы встретиться с опасностью близкой и реальной.

На него со свирепым рычанием бросилась собака. Джон Рекс упал на спину, но, собрав все силы, схватил собаку за горло и оторвал от себя. Она завyla и осталась лежать на месте. А над ней снова вырос белый туманный столб. Странно, что Мак-Наб и солдат не воспользовались своим преимуществом. Смелей! Может быть, он еще одолеет их! Ему повезло, что он так легко отделался от собаки. С пробудившейся надеждой он кинулся вперед, но снова под его ногами вырос туманный столб, дыша ледяным предостережением, почти касаясь лица и мешая ему двигаться. Ужас следовал за ним по пятам. Еще несколько шагов, и он достигнет вершины утеса. Перед ним во мраке ревели море. Столб пропал, но порыв ветра донес до него такую дьявольскую сумятицу криков, хохота и торжествующих проклятий, что Джон Рекс в испуге остановился. Слишком поздно! Казалось, земля разверзлась под его ногами. Он падал, тщетно хватаясь за камни, кусты и траву. Завеса из туч поднялась, и при свете молний, летавших над океаном, Джон Рекс нашел объяснение своим страхам, которое было еще кошмарнее их самих. Тропинка привела к той части скалы, где море выдолбило нечто вроде туннеля, известного как Чертова Дыра.

Уже падая в пропасть, Рекс углядел дерево, росшее на краю, и уцепился за него. Высоко над его головой возвышалась гигантская арка утеса. За этой аркой он увидел на огромном расстоянии от себя беснующийся бледный океан. Под ним была пропасть, где меж черных камней пенилась мутная вода. Внезапно дно пропасти словно начало подниматься к нему навстречу, или, точнее, черная глотка бездны оторвала кипящую воду, готовую поглотить его. Была ли это игра расстроенного воображения, или он на самом деле увидел на гребне вздувшейся волны обезображенный труп собаки?

Пропасть, в которую угодил Джон Рекс, имела форму огромной перевернутой воронки. Боками этой воронки были зубчатые скалы, на выступах которых кое-где лежала земля и рос чахлый кустарник. Скучная растительность покрывала лишь верх пропасти, а нижняя ее часть была всегда мокрой от пенных брызг. Счастливый случай — или провидение, как сказали бы мы, если бы среди нас оказался Микин, — остановил падение каторжника.

При тихой погоде он мог бы считать себя здесь в безопасности, но сейчас, увидев при вспышке молнии в десяти футах над своей головой скалу, с которой стекала вода, он тотчас же — ибо ужас обострил все его чувства — понял, что первая же большая волна накроет это место.

Ревущий водяной вихрь, поднявшись с чудовищной быстротой, подхватил Рекса и потянул его вверх. Он судорожно обеими руками обхватил дерево. Если он выдержит этот напор стихии, может быть, тогда он уцелеет, может быть, он выживет в этом душном потоке! Ему почудилось, будто ноги его грубо схвачены рукою исполина. В ушах гудела вода. Еще секунда, и слабеющие кисти рук выпустили бы дерево. Но водяной вихрь, словно морское чудовище, внезапно испугавшееся своей жертвы, с хриплым оглушительным ревом вдруг отступил, оставив Рекса, окровавленного и задыхающегося, но живого. Нет, второй такой атаки ему не выдержать. В отчаянии он разжал онемевшие пальцы, готовый покориться судьбе, и в эту минуту увидел на каменной стене зловещий красный отсвет, в котором качалась взад и вперед гигантская тень человека. Он поднял глаза: в пучину медленно опускался на веревке горящий куст. Это Мак-Наб, пользуясь спадом воды, исследовал отвесные стены Чертовой Дыры.

Слабый проблеск надежды вдруг озарил душу Рекса. Еще секунда, и свет упадет на его фигуру, прилипшую к скале подобно моллюску, и его обнаружат. Так или иначе, он будет найден. Но зато если они быстро спустят веревку, он сможет ухватиться за нее и спастись. Ужас перед чудовищной стихией, бушующей под ним, одолел его, — очевидно, придется сдаться. Медленное отступление воды, втягиваемой в зев пропасти, уже кончилось, и он знал, что следующий грозный удар океанского пульса уничтожит его своей пенной атакой. Гигантский факел неторопливо опускался, и Рекс был готов крикнуть что было мочи, заглушая рев ветра и воды, как вдруг странное явление заставило его прикусить язык.

У противоположного края пропасти, футах в шести от него, струился ручеек; освещаемый горящими ветками, он поблескивал плавленным золотом, пробиваясь в темноту, словно змея из норы. Над ним было темное, недоступное свету факела место, и сердце Джона Рекса дрогнуло в приливе последней отчаянной надежды. Он понял, что совсем рядом с ним есть извилистая расщелина, образованная в скале неустанной работой моря. Возможно, эта расщелина появилась в незапамятные времена в резуль-

тате сотрясения земной коры, поднявшего гору над уровнем океана. Похоже на то, что вода не захлестывает это чудесное убежище.

Наделенный той мудростью, которую человек, поставленный в менее отчаянное положение, назвал бы безумием, Джон Рекс громко крикнул своим преследователям:

— Веревку! Веревку!

Звук его голоса, отраженный стенками огромной воронки, отозвался тысячекратным эхом и долетел до слуха находившихся наверху людей.

— Он жив! — вскричал Мак-Наб, заглядывая в пропасть. — Я вижу его! Посмотри-ка!

Солдат обвил вокруг дерева, за которое сам держался, конец веревки из бычьей кожи, и начал раскачивать ее, чтобы горящий куст достиг выступа, где находился отчаянный арестант. Из пропасти послышался стон, заглушаемый шумом новой свирепой волны и бешеного водяного вихря.

— Господи, помилуй несчастного парня! — пробормотал набожный молодой шотландец.

В глубине пропасти закипела белая пена, и стон утонул во все усиливающемся реве. Джон Рекс, следя за горящим маятником, который, раскачиваясь, все более приближался к нему, в последний раз с безмолвной мольбой взглянул на черное небо, шепча молитву. Разгоревшееся от покачивания пламя бросило малиновый отблеск на его нахмуренное лицо, на котором, как только он схватился за веревку, мелькнула торжествующая усмешка.

— Ослабьте веревку, ослабьте веревку! — крикнул он и затем, притянув к себе пылающий куст, стал топтать пламя ногами.

Солдат прижался спиной к дереву и крепко зажал в руках веревку, отворачивая голову от пламени, бушующего в глубине пропасти.

— Держите крепче, ваша честь, — сказал он Мак-Набу. — Сейчас начнется!

Рев перешел в оглушительный грохот, грохот в вой, и вместе с порывом ветра и брызг кипящее море кинулось вверх на него. Джон Рекс, не сумевший потушить огонь, обвил руку веревкой и за один миг до того, как поднимающаяся вода залила его площадку, изо всех сил оттолкнулся ногами от нее и перелетел через пропасть. Он уже схватился за край скалы и ринулся вперед, как вдруг страшный удар волны сбил его с ног. Мак-Наб и солдат почувствовали, как внезапно дернулась веревка, и уви-

дели огонь, летящий над бездной. И тут бешенство воды перешло в торжествующий рокот, напряжение спало, свет погас, и когда водяной столб рухнул вниз, на конце веревки не висело ничего, кроме промокшего и почерневшего древесного сучка. Среди страшного шума и грома полил запоздалый дождь, и свет в прорыве между облаками вдруг приоткрыл им на невероятной глубине волнующуюся пелену океана. Высоко над ними во весь рост встали блестящие зубчатые утесы, а у их ног зияла черная бездна Чертовой Дыры. Она была пуста.

Они молча вытащили бесполезную веревку. Зажгли еще одно сухое деревце и опустили его вниз, но оно не показало им ничего.

— Боже, упокой его бедную душу! — сказал, содрогнувшись, Мак-Наб. — Он теперь уже не в наших руках.

Глава 54

БЕГСТВО

Габбет, руководимый Вороном, решил пришвартовать захваченную лодку к южной оконечности мыса Сервиль. Те, кто внимательно читал описание топографии каторжного селения полковника Артура, поймут, что только крайнее отчаяние могло толкнуть людей на столь отчаянную и безнадежную попытку.

Отвесные утесы предвещали неминуемую гибель всем, кто попытался бы причалить к ним. Но Ворон, который когда-то работал на постройке пирса на перешейке, помнил, что у южной оконечности мыса была полоска песчаного берега, на которую при удаче можно безопасно высадиться. С решительностью, которая сделала бы честь и жожаку его Рексу, он сразу определил, что в их отчаянном положении это единственный выход, и поэтому, стиснув зубы, схватил рулевое весло и направил лодку к огромной скале, образующей северный рог Бухты пиратов.

Если не считать слабого свечения пенистых волн, темнота была полной, и Берджес продолжал преследование почти наугад. Яркая вспышка молнии, которая спасла жизнь Мак-Набу, помешав Рексу попасть в цель, внезапно озарила вельбот, балансирующий на гребне огромного вала, несущего его к скалистой стене, которая от внезапного яркого света казалась особенно громадной и близкой. И в следующее мгновение лодка Берджеса взлетела на быстро движущийся вал, и он увидел, как беснующеся

море разверзает бездонные пучины, в которых могло бы поместиться тело Левиафана. На дне одной из этих водяных пропастей мелькнула лодка беглецов, похожая со своими растопыренными веслами на шестиногое насекомое, попавшее в чернильную лужу. Огромный утес, все морщины и выступы которого были видны так ясно, как будто он был от них на расстоянии ярда, казалось, выпрыгнул из глубины навстречу борющемуся за жизнь насекомому, чтобы бросить ему спасительную соломинку — узкую ленточку суши. Еще один миг — и бурная вода, унося с собой шестиногую кроху, растеклась по этому кусочку суши. От страшного удара грома, последовавшего за молнией, утес словно накренился над океаном, и по нему прокатился вал, а лодка нырнула в пучину, и всю эту фантазмагорию поглотил бушующий мрак океана.

Берджес — волосы на голове его встали дыбом от ужаса — кричал, отдавая гребцам команду, но с таким же успехом он мог бы отдавать приказы обрушившейся лавине. Ветер относил его голос в сторону. Оскалившаяся волна вырвала весло из его рук. Несмотря на отчаянные усилия солдат, лодка закрутилась на вершине водяной горы, как листок в ручье, и новая вспышка молнии осветила им нечто вроде группы кукол, барахтающихся в пене прибоя, и несущуюся прямо на них вверх дном похожую на ореховую скорлупку лодку. В эту секунду они были убеждены, что их тоже постигнет участь злополучных арестантов, но Берджесу удалось выровнять лодку, и, напуганный опасностью, которой они едва избежали, он отдал приказ возвращаться. Когда гребцы повернули лодку к манящим огонькам перешейка, черное пятно, качавшееся на гребне, поднырнуло под ее корму и затем было унесено волной в море. Они услышали крик и поняли, что это кричал один из беглецов разбитого вельбота, уцепившийся за весло.

— Один в живых остался, — сказал Берджес, перевязывая два часа спустя вывихнутую руку. — Да теперь и он уже попал на закуску рыбам!

* * *

Но он ошибался. Судьба уготовила для группы беглецов более жестокую смерть, чем смерть в морской пучине. Вспышки молнии, а также и «везение, которое в конце концов приводит преступников к гибели, помогли Ветчу причалить, и вся компания, несмотря на раны и ушибы,

выбралась на верхнюю полосу берега. Они потеряли только одного Кокса. Он был загребным, и, неловкий от природы, стал помехой на пути Ворона, который, торопясь спасти собственную шкуру, оттолкнул его и, наступив на его расprostертое тело, выскочил на берег. Кокс, стремясь за что-нибудь удержаться, схватил весло, и через секунду его вместе с перевернутым вельботом унесло подводным течением. Он пронесся мимо единственной надежды на спасение — сторожевой лодки с быстротой, которая не позволяла ему уцепиться за нее, и не успел еще несчастный увалень осознать свое положение, как он уже был избавлен от петли — участи, которую ему так часто в шутку предрекали товарищи. Будучи сильным физически, он не выпускал из рук весло и даже, отстегнув свой кожаный пояс, туго привязал себя к веслу. В подобном виде и без сознания его заметил на следующее утро в нескольких милях от мыса Сервиль рулевой с «Красотки Мэри». Блант спустил шлюпку и взял его на борт, в нелепой надежде, что этот покойник может оказаться любовником Сары Пэрфой. Почти перерезанный надвое поясом, задушенный соленой водой, заledenевший от холода и вдобавок с двумя переломанными ребрами, этот человек, ставший жертвой эгоизма Ветча, еще дышал и смог выдержать «усердное попечение» Бланта еще в течение целых двух часов. За это время он успел сообщить, что его зовут Кокс, что он бежал из Порт-Артура с восемью другими заключенными, что Джон Рекс был их главарем, что остальные все утонули, а Рекс, по его мнению, был снова схвачен. Сообщив Бланту все эти подробности, он сказал, что ему трудно дышать, проклинал Джемми Ветча, каторгу, море и умер не раскаявшись.

Блант выкурил три трубки, затем перевел курс «Красотки Мэри» на два румба к востоку и устремился к побережью. Возможно, что человек, которого он искал, на свободе и ждет его. Раз попытка к бегству осуществилась, — теперь его долг не отступать, пока не исчезнет последняя надежда. «Пройдусь-ка я еще разок вдоль побережья», — решил он про себя.

Весь день «Красотка Мэри» медленно шла вдоль берега под легким бризом, но Блант ничего не обнаружил. Бросить якорь у мыса Сервиль было бы безумием, ибо на сторожевом пункте, несомненно, была объявлена тревога, и потому с наступлением ночи Блант встал на якорь неподалеку от входа в Бухту пиратов. Он гулял по палубе, проклиная бессмысленность всей этой затей.

Вдруг неожиданное явление в южной части бухты привлекло его внимание. Это был огонь, исходящий из недр горы. Блант начал всматриваться.

— Ты видишь там что-нибудь, Джем? — спросил он рулевого.

Джем, житель Сиднея, никогда не бывавший в этих местах, коротко ответил:

— Маяк.

Блант спустился в каюту и вынул свои карты. Маяк там не значился. Но стоял знак в виде якоря и примечание: «Здесь находится чудесная пещера». Чудесная пещера? Лучше было бы сказать: «Здесь находится чудесная печь для обжигания извести». Вот это, пожалуй, соответствовало действительности.

Блант подозвал своего помощника, Уильяма Стэплса, преданного Саре телом и душой ради ее денег. Стэплс некоторое время всматривался в пламя, то вспыхивающее, то угасающее, а затем сказал:

— Это костер! Замедлите ход и спустите четверку! — Голос его задрожал от алчности. — Ну, старик, это и есть птица в тысячу фунтов, которую мы ищем.

«Красотка Мэри» укоротила паруса, и Блант со Стэплсом сели в шлюпку.

— Едете за устрицами, сэр? — с усмешкой спросил один из матросов, когда Блант бросил на корму узел.

Стэплс притворился, что не понимает. Цель путешествия уже стала ясна команде, тщательно подобранной Блантом. На борту не было людей, которые могли бы выдать их. Однако Рекс настоял на принятии таких мер, которые исключали самую возможность предательства.

— Что у вас в узле, старина? — спросил Стэплс, когда они отплыли от корабля.

— Одежда, — ответил Блант. — Если это он, не везти же его отсюда в его канареечной куртке. Он оставит ливрею ее величества на дне морском и поднимется на борт как потерпевший крушение моряк.

— Ловко придумано. Держу пари, что это выдумка самой мадам.

— Ага.

— Она-то уж знает, что делает!

Оба приятеля рассмеялись несколько сардонически, и их смех пронесся над поверхностью темно-фиолетовой воды.

— Осторожнее, друг, — сказал Блант, когда они приблизились к берегу. — Там на перешейке у них у всех

ушки на макушке, и если эти проклятые псы начнут тявкать, шлюпку спустят мгновенно. Счастье еще, что ветер от берега.

Стэплс опустил весло и прислушался. Ночь была безлунная, и корабль уже пропал из виду. Они приближались к мысу с юго-востока, и охраняемый стражей перешеек скрывался за утесом. На юго-западной стороне скалы, где-то в средней части ее, была арка, из которой вырывался красный мерцающий свет, падающий на след шлюпки в море. Свет был неровный, колеблющийся. Он то вспыхивал, создавая яркое свечение в самом сердце горы, то погасал. Гигантское отверстие этой печи время от времени заслонялось очертаниями темной фигуры. Она то наклонялась, то поднималась, словно подбрасывая топливо в огонь. Можно было подумать, что неожиданно приоткрывалась дверь в кузницу Вулкана, где герой легенд кует оружие для какого-нибудь полубога.

Блант побледнел.

— Это не простой смертный, — прошептал он. — Давай повернем!

— А что скажет мадам? — возразил дерзкий Стэплс, который за деньги готов был броситься в адово пекло.

Напоминание о предмете его страсти возымело свое действие, и Блант направил шлюпку вперед.

Глава 55

РАБОТА МОРЯ

Подъем воды спас жизнь Джона Рекса. В момент, когда его ударило волной, он стоял на четвереньках у входа в глубокую пещеру. Поток, стремящийся вверх и разливающийся вширь, занес его вовнутрь. Несколько секунд он крутился в потоке, пока его не засосало в расщелину между двумя громадными камнями над еще более ужасающей пропастью. К счастью для его жизни, за которую он так яростно боролся, именно свирепость прибывающей воды помогла ему удержаться и не быть смытым отступившей волной. Он слышал, как вода за его спиной с ревом, повторенным многократным эхо, ринулась обратно в бездну, но два камня, между которыми его прибило, являлись как бы волнорезами для ворвавшегося потока и удержали его на месте. Еще несколько секунд — и вода ушла из пещеры.

Все еще не чувствуя себя в безопасности, Джон Рекс попытался выбраться из-за камней. От первого же движения он громко вскрикнул. Левая рука, которой он цеплялся за веревку, бессильно повисла. Стиснутая в расщелине, она мгновенно потеряла чувствительность. На секунду несчастный опустился в отчаянии на мокрый неровный камень. Но злое журчание внизу предупредило его о приближающемся потоке, и, собрав все силы, он стал карабкаться вверх. Едва не теряя сознание от боли и усталости, он все-таки полз все выше и выше. Он слышал ужасающий шум воды, который становился все громче. Он видел, как темнота сгущалась по мере того, как водяной смерч закрывал отверстие пещеры. Он чувствовал, как соленые брызги жалют его лицо и как гневный прилив лижет руку, повисшую на выступе. Но вода не достигла его. Наконец-то он был вне опасности! И как только он это понял, глаза его закрылись, и вся смелость и энергия, которые поддерживали его так долго, покинули впавшее в оцепенение тело.

* * *

Когда он очнулся, пещера была наполнена мягким светом зари. Подняв глаза, он увидел высоко над головой верхушку скалы, окрашенную солнечными лучами в радужные цвета. По правую руку его было отверстие входа в пещеру, по левую — страшная пропасть, со дна которой доносился мягкий плеск волн. Он поднялся и распрямил затекшие члены. Несмотря на пораненное плечо, он был вынужден двигаться. Он еще не знал, замечен ли сверху его маневр и нет ли другого входа в его убежище, откуда мог бы появиться Мак-Наб. Кроме того, он промок и был голоден. Чтобы сохранить жизнь, отвоеванную у моря, надо добыть огонь и пищу. Сначала он исследовал расщелину, через которую попал сюда. Она имела форму неправильного треугольника, основание которого было выщерблено волнами, проникавшими сюда во время таких штормов, какой бушевал прошедшей ночью.

Джон Рекс не посмел близко подползти к краю обрыва, из опасения, как бы не проскользнуть через мокрое и скользкое отверстие и не сорваться в Чертову Дыру. Вытягивая шею, он видел в ста футах под ним пенящуюся темную воду, которая шумела, брызгала, взрывалась и рвалась вперед, словно жаждала нового шторма, чтобы

добраться до человека, избегнувшего ее яростных нападков. Спуститься вниз по отвесу скалы было невозможно. Он вернулся в пещеру и начал ее изучать.

Два камня-близнеца, к которым его прибило, являлись как бы колоннами, поддерживающими крышу над этим водостоком. За ними лежала большая серая тень пустоты, едва освещенная преломленным светом со дна пропасти. В глубине этой серой тени дрожал какой-то сумрачный луч, бросавший мерцающие отблески на заросли морских водорослей. Несмотря на свое отчаянное положение, он мог по достоинству оценить то чудо природы, с которым он таким странным образом столкнулся. Огромный утес, что издали выглядел массивной горой, оказался всего лишь конусом, пустым внутри, размытым на тысячи расщелин за те века, в течение которых он подвергался действию моря. По сравнению с этой чудовищной бездной Чертова Дыра являлась лишь небольшим углублением. С трудом спускаясь по крутому склону, Рекс очутился на краю каменной галереи, выступающей над водой; стены ее были покрыты плесенью, увешаны бахромой водорослей и носили другие признаки частого затопления. Сейчас должен наступить отлив. Цепляясь за грубые, похожие на корни, водоросли, свисавшие с вечно влажных стен, он прополз вокруг выступа галереи и сразу попал из сумерек на дневной свет. В стене этого изъеденного, напоминающего соты утеса было широкое отверстие. Над ним простиралось безоблачное небо. Свежий бриз коснулся щеки Рекса, в шестидесяти футах под ним морщилось складками море во всю свою ленивую ширь, сверкая мириадами мелких волн под яркими лучами утреннего солнца. Ни одна тень недавнего шторма не омрачала гармонии этой картины, не было следа человеческого присутствия, ничто не указывало на мрачное соседство тюрьмы. Из своего убежища он видел только бирюзовое небо, улыбающееся сапфировому морю.

Однако эта беспечная улыбка природы явилась для беглеца новым источником тревоги: его преследователи — Мак-Наб и Берджес — воспользуются благоприятной погодой, чтобы тщательно обыскать Чертову Дыру и ее окрестности и удостовериться в печальной судьбе своего недавнего арестанта. Он отполз от отверстия и приготовился спуститься еще ниже по каменистой тропинке. Солнце оживило и подбодрило его, и какой-то инстинкт подсказывал ему, что утес, напоминающий в своей верхней части соты, должен непременно иметь расщелину у своего

основания, через которую во время отлива можно обратиться на каменистый берег. Пока он спускался, становилось темнее, и дважды он чуть не повернул обратно из страха угодить в пропасть. Ему казалось также, что заросшая водорослями тропа, по которой он полз, может сделать петлю и увести его снова в недра горы. Терзаемый голодом и сознанием того, что через несколько часов новый прилив зальет подземные проходы и отрежет ему путь к отступлению, он все же продолжал упрямо двигаться вперед.

Он спустился футов на девяносто, прихотливый и извилистый путь его освещался лишь отсветом солнца, падавшим на стены галереи. Вдруг снизу словно в награду ему прорвался солнечный луч. Распутав два огромных клубка водорослей, как занавесой преградивших тропинку, Рекс оказался в середине узкого каменного ущелья, через которое море всасывалось в Чертову Дыру.

На огромной высоте висела арка утеса. За ней виднелся зубчатый край круглого отверстия в которое он упал. Он напрасно искал глазами воронку, давшую ему приют — ее не было видно. У его ног проходила трещина, такая узкая, что, казалось, он мог перескочить через нее. По этой трещине, как по каналу, бежал быстрый черный поток длиной в пятьдесят ярдов и устремлялся на высоту в восемь футов, под арку, где разбивался о зазубренные камни, блестевшие под солнцем на дне круглого отверстия в верхней скале. Увидев это, отважный арестант содрогнулся. Он понял, что место, на котором он стоял, во время сильного прилива заливается водой и что узкая трещина мигом оборачивается тогда подводной каменной трубой, длиной в сорок футов, выбрасывающей вверх огромные валы Южного океана.

Узкая полоска у подошвы скалы была гладкой, как стол. Тут и там зияли огромные, похожие на сковороды дыры с чистой водой, оставленной уходящим приливом. В трещинах камня жили маленькие белые крабы, и Джон Рекс, к своей радости, заметил изрядное число мидий, мясо которых, хотя и постное и едкое на вкус, было вполне пригодно для его пустого желудка. Прилепившись к плоской поверхности камней, там и сям виднелись засохшие моллюски, но он не стал их есть, так как они были чересчур солоны; мясистые, толщиной в человеческий палец моллюски большого размера, жившие в продолговатых, острых, как бритва, раковинах, оказались более съедобными, и он набрал себе достаточно пищи на обед.

Поев и погревшись на солнце, он начал исследовать утес, у подошвы которого он так неожиданно очутился. Скалистый и обветренный, утес выставял свою мощную грудь навстречу ветрам и воде, прочно держась на широком пьедестале, уходя в подводную глубину, возможно, на то же расстояние, что и в высоту.

Опутанный водорослями, прикижшими к его телу, утес казался каким-то чудовищем из глубин, титаном, обреченным вечно и молча встречать ярость этого свирепого и безлюдного моря. Но этот неподвижный и безмолвный седой великан древности таил в себе жажду мщения. Стоя на широкой, опоясанной морем площадке, на которую не ступала ни одна нога человеческая, кроме его собственной, арестант увидел в углублении одного из гигантских, высушенных солнцем камней обломок мачты какого-то корабля. Облепленный ракушками и обвитый океанскими водорослями, так что гниющие канаты уже нельзя было отличить от покрывавшей их растительности, этот обломок мачты, некогда сделанной руками человека, как бы свидетельствовал торжество природы над людской изобретательностью. Старый утес, подтачиваемый снизу неумолимым морем, атакуемый сверху яростным ветром в вечном единоборстве с волнами, катящими свои валы от ледяных гор Южного полюса для того, чтобы бросить их на его железную грудь, стискивал добычу, вырванную из пасти всепожирающего моря. Можно было вообразить себе картину: обреченный корабль с командой обезумевших матросов разбился об утес и пошел ко дну, а слепой и глухой гигант схватил выброшенный волнами обломок и с диким торжеством прижимает его к груди.

Глядя на эту реликвию забытой катастрофы, Рекс испытывал естественную эгоистическую радость. «Вот и топливо для костра!» — подумал он и стал отдиравать щепки и деревянные обломки и сбрасывать их вниз. Солнце и шторма превратили дерево в трут, который должен был гореть на славу.

Разбив трухлявое дерево своим подкованным железом каблуком, Рекс отобрал столько, сколько ему было нужно, и, сделав мешок из своей рубахи, то есть связав рукава с воротником, поспешил в пещеру с запасом топлива. Он дважды проделал это путешествие, — приносил дерево и сбрасывал его на пол галереи. Он было собрался проделать его и в третий раз, но чуткое ухо его вдруг уловило плеск весел. Едва он успел опустить занавес из водорослей, закрывающий вход в пещеру, как выступ сбognула

шлюпка, идущая с перешейка. На корме сидел Берджес; он, казалось, давал сигналы кому-то на вершине утеса. Рекс усмехнулся за своим прикрытием, разгадав маневр противника. Мак-Наб и его солдаты должны были искать наверху, а комендант исследовать залив внизу. Шлюпка шла прямо к проходу, и на секунду неустрашимое сердце Рекса дрогнуло при мысли, не знают ли его преследователи о существовании пещеры?

Но это казалось маловероятным. Он продолжал сидеть в засаде, и лодка прошла совсем рядом с ним, мягко скользнув в пролив. Он заметил, что обычно румяное лицо Берджеса было бледно и что левый рукав его был разрезан, обнаруживая повязку на руке. Значит, произошла какая-то схватка, и возможно, что его отчаянные дружки уже пойманы.

Он внутренне порадовался своей изобретательности и здравому смыслу. Лодка, появившись из-под арки, была уже в центре Чертовой Дыры и, изо всех сил удерживаемая гребцами, не двигалась с места. Джон Рекс видел, как Берджес осмотрел скалы и выступы и дал сигнал Мак-Набу, а затем приказал повернуть шлюпку к побережью, и Рекс свободно вздохнул.

Он с таким напряжением следил за этой опасной и трудной операцией, что не заметил того, что произошло в пещере. Если час тому назад вода схлынула, обнажив длинный риф из неровных черных камней и образовав как бы естественную лестницу, по которой он и спустился, то теперь все это было покрыто водой. Начался прилив, и море, втянутое в более глубокий туннель в той части утеса, которая была под водой, теперь выталкивалось под своды его пещеры с быстротой, угрожавшей затопить вход. Ноги Рекса уже промокли от налетавших волн, и когда он повернулся, чтобы бросить последний взгляд на шлюпку, он увидел зеленый вал, поднимавшийся к отверстию. Почти застилая дневной свет, он величественно отплывал, иначе шлюпка будет раздавлена, как орех. Комендант прекратил поиски трупа бывшего арестанта и поторопился выйти в открытое море. Шлюпку качнуло на гигантской волне. Джон Рекс, выйдя на галерею, с радостным удовлетворением увидел, как спина его обманутого тюремщика исчезает за спасительным выступом. Последние усилия преследователей оказались напрасными, и еще через час единственный проход к убежищу арестанта скрылся под волнами беспующего моря.

Преследователи, убедившись в том, что он погиб, прекратили поиски. Пока что все идет хорошо. Теперь надо сделать последнюю отчаянную попытку — бежать из страшной пещеры, ставшей одновременно его убежищем и его тюрьмой. Сложив в кучу обломки дерева и разведя костер, после того как многократные усилия добыть огонь с помощью кремня и кольца от цепи, висевшей на его лодыжке, увенчались успехом, он грел свои окованные члены у его веселого пламени и размышлял о том, как действовать дальше. Пока он был в безопасности, а съедобных моллюсков на этой скале хватало бы на много дней, но долго оставаться здесь нельзя. У него не было пресной воды. Правда, после холодной ванны он не ощущал в ней особой потребности, но соленые и едкие мидии уже начали пробуждать в нем пестерпимую жажду, которую ничем было утолить. Не позднее чем через сорок восемь часов он должен быть на пути к полуострову.

Он вспомнил о маленьком потоке, в котором его чуть не искупали злключения предыдущей ночи, и преисполнился надеждой под покровом темноты обойти риф и достигнуть ручейка незамеченным. Но это было только началом его дерзновенного плана. Ему предстояло еще прорвать цепь собак и стражи, чтобы добраться до полуострова, а там ждать спасительного корабля. Он создавал, что шансов на это у него очень мало. Если Габбет и другие пойманы, как он надеялся, — путь для него будет сравнительно свободен. Но если они скрылись... Он слишком хорошо знал Берджеса и был уверен, что тот не откажется от погоны, пока есть хоть малейшая надежда поймать беглецов. Если все сложится так, как он хотел, придется продержаться, пока Блант его не найдет; а вдруг Блант вернулся обратно после долгого и тщетного ожидания?

Когда наступила ночь и пламя костра стало бросать причудливые тени, которые кивали ему из углов огромной пещеры, а снизу доносилось невнятное бормотание бездонных пропастей, Рексом овладел ужас одиночества. Неужели это спасительное убежище станет его склепом? Неужели ему, человеку, которого считают чудовищем, суждена чудовищная смерть — быть замурованным в этой страшной морской скале? Он попытался прогнать эти мрачные мысли, обдумывая план действий, но тщетно. Напрасно он пытался представить себе пока еще туманный, но твердо избранный путь к заветной цели — получить состояние исчезнувшего сына богатого кораблестроителя, выдав себя за него. Ум его, смущенный предчувствиями

грядущих катастроф, не мог целиком предаться спокойному обдумыванию плана. Когда он воображал себе, как ему удастся обмануть ревнивую любовь женщины, которая спасала его, как он попадет в Англию, переодетый иностранцем, потерпевшим крушение, и потом предъявит свои права на состояние Ричарда Дивайпа в качестве его единственного наследника, перед ним возникали кошмарные, пугающие видения, призраки смерти, с которыми он должен был бороться в одиночку в этой мрачной пещере.

Он подбрасывал топливо в костер, чтобы яркий свет помог рассеять эти видения, которые, казалось, затаились во всех углах и окружили его плотным кольцом. Ему страшно было оглянуться — чудилось, что какой-то бесформенный морской полип с длинными щупальцами и прожорливым, студенистым разинутым ртом может выскользнуть из любой расщелины вниз и броситься на него в темноте. Его живое воображение, возбужденное до крайности потрясениями прошлой ночи, превращало каждую тень на мокрой стене в огромного морского паука, холодного и липкого, готового ринуться на него, чтобы, сжав его сильными волосатыми лапами, высосать его леденющую от ужаса кровь. Каждый всплеск воды вниз, каждый вздох изменчивого и мрачного моря казались предвестниками появления какого-нибудь чудовища. Страх, вызываемый шумом разбивающихся и втягиваемых обратно морем волн, принимал в его воображении материальную оболочку. Все твари, какие могли родиться от слизи и соли, выползали из щелей и глазели на него при свете костра. Красные отсветы костра становились живыми существами, излучавшими свой собственный фосфоресцирующий свет. Наросты, образовавшиеся от сырости на стенах за целые тысячелетия, отделялись и соскальзывали с них, чтобы высунуть на свет свои грибообразные морды. Отблески огня, окрасившие малиновым цветом бока пещеры, казалось, привлекали бесконечное число пузыристых бесформенных теней, тянувшихся к нему. Бесшумно сползали туда и сюда бескровные и полые создания. Из скал выползали странного вида ракообразные. Вся тайная невидимая жизнь океана словно пробудилась, поднялась и наступала на него. Он подошел к краю пропасти, и свет от поднятой вверх горячей головешки в его руке, словно свет факела, озарил на воде что-то вроде круглого холмика, оплетенного шелковистыми водорослями и похожего на голову утопленника. Он кинулся ко входу в галерею, и

ть его приняла форму мстительного фантома, чьи поднятые руки угрожали и требовали.

Натуралист, исследователь или потерпевший крушение моряк не нашли бы ничего страшного в этих естественных проявлениях жизни австралийского океана. Но печистая совесть арестанта, так долго им подавляемая, вдруг заговорила теперь, когда он остался наедине с природой и ночью. Ожесточенный ум, который так долго поддерживал его, попал теперь под власть воображения — бессознательной религии души. Если когда-либо он был близок к раскаянию, то именно в это мгновение. Призраки прошлых преступлений грызли его, и, прикрыв глаза руками, он, содрогаясь, опустился на колени. Головешка, выпавшая из его рук, шлепнулась в воду и с шипением погасла. И, словно этот звук вызвал какого-то духа, таившегося внизу, по пещере пронесся шепот: «Джон Рекс!»

Волосы поднялись дыбом на голове арестанта, и он припал к земле.

— Джон Рекс!

Это был человеческий голос!

Голос друга или врага? Об этом он не задумывался.

— Я здесь! Здесь! — закричал он и бросился к отверстию пещеры.

* * *

Добравшись до подножия утеса, Блант и Стэплс оказались в полной темноте, потому что свет таинственного костра, служивший им до сих пор путеводной нитью, исчез. Хотя ночь была тихой и океан спокойным, прилив с молчаливой, но опасной силой устремлялся к водовороту у Чертовой Дыры, и Блант, инстинктивно чувствуя, что лодку влечет навстречу какой-то неизвестной опасности, старался держаться в стороне от скал, сопротивляясь течению. Внезапная вспышка огня, как от горящего факела, появилась над ними, чертя сумасшедшие круги, ринулась вниз в темноту и упала в воду кусочком сгоревшего дерева. Конечно, никто, кроме затравленного погоней человека, не мог скрываться в таком убежище!

Отчаянно взволнованный, Блант решил пойти на риск.

— Джон Рекс! — крикнул он, рупором приложив ладони ко рту.

Свет снова вспыхнул в расщелине горы, и высоко над ними появилась странная фигура, державшая в руках пылающую головешку, высвечивающую лицо, до того искаженное страхом, что оно казалось почти печеловеческим.

— Я здесь! Я здесь!

— Бедняга, видно, сошел с ума, — пробормотал про себя Уилл Стэплс, а затем громко крикнул: — Это мы, друзья!

Через несколько секунд все разъяснилось. В присутствии людей все ужасы, мучившие Джона Рекса, рассеялись — к нему вернулось его обычное хладнокровие преступника. Встав на колени на каменистом выступе, он начал переговоры.

— Сейчас невозможно спуститься, — сказал он. — Прилив затопил единственный путь из пещеры.

— Пускайся вплавь, — посоветовал Стэплс.

— Невозможно, — ответил Рекс, содрогаясь при мысли о страшном водовороте.

— Тогда что же делать? По отвесной стене тоже не спустишься...

— Придется подождать до утра, — хладнокровно ответил Рекс. — В семь часов будет отлив. Пришлете шлюпку в шесть или около шести. Уровень воды снизится, и тогда я смогу выйти отсюда.

— А как же охрана?

— Не бойтесь! У них своих дел по горло — надо сторожить перешеек и гоняться за моими товарищами. Сюда они не заявятся. Кроме того, я ведь умер.

— Умер?!

— Для них — да. Они в этом уверены. Мне это, пожалуй, на руку. Если они не увидят ваш корабль или шлюпку — вы в безопасности.

— Я не хочу рисковать, — сказал Блант. — Если нас поймают — я получу пожизненное.

— А если меня поймают — крышка! — с угрюмым смехом оборвал его Рекс. — Действуйте осторожно, и тогда все будет в порядке. Никто не ищет крыс в конуре терьера, а вдоль бухты до мыса Пиллар нет ни одного сторожевого поста. Уберите свое судно, чтоб его никто не увидел с перешейка, пошлите шлюпку в бухту Десент, и дело в шляпе.

— Ладно, — сказал Блант, — попытаюсь.

— Хотите остаться здесь до утра? Учтите, здесь довольно безлюдно! — сказал Рекс, явно выщучивая свои недавние страхи.

Уилл Стэплс засмеялся.

— Ты смелый парень! Мы вернемся на рассвете.

— Вы взяли с собой одежду, как я просил?

— Да, взяли.

— Тогда спокойной ночи. Я потушу костер, чтобы его не увидел кто-нибудь не столь дружелюбный, как вы.

— Спокойной ночи.

Когда они вернулись на корабль, Стэплс сказал:

— Ведь он ни словом не обмолвился о мадам.

— Да, ни слова о ней не сказал. Неблагодарная собака! — согласился Блант и с горячностью добавил: — Вот они, женщины: готовы пойти в огонь и воду ради мужчины, который плюет на них, и смеются над тем, кто рискует головой, чтобы ублажить их. Жалею, что вообще ввязался в это дело.

«Хуже нет, чем старый дурак», — подумал Стэплс, глядя сквозь темноту туда, где раньше был огонь костра. Но этой мысли он не высказал вслух.

* * *

В восемь часов следующего утра «Красотка Мэри» на всех парусах вышла в открытое море. Рыбная ловля шкипера закончилась. Он подобрал потерпевшего крушение моряка, который с рассветом был доставлен на борт и уже завтракал в каюте. Матросы подмигивали друг другу, когда отошавший моряк, одетый в отличный костюм, не пострадавший во время катастрофы, поднимался по боковому трапу. Но никто из них не посмел опровергнуть заявление шкипера.

— Куда мы направляемся? — спросил Джон Рекс, с огромным наслаждением затягиваясь из трубки Стэплса. — Я всецело в ваших руках, почтенный Блант!

— У меня приказ крейсировать в китобойных районах, пока не встречу моего товарища и не возьму его на борт, — угрюмо ответил Блант. — Корабль отвезет вас обратно в Сидней. У меня провианта на двенадцать месяцев.

— Ну и отлично! — воскликнул Рекс, хлопнув своего спасителя по спине. — Мне так или иначе надо попасть в Сидней, и так как филистимляне посрамлены, я могу, с тем же успехом, до окончания веков оставаться в Иерихоне. Не удивляйтесь моему знанию Священного писания, мистер Стэплс, — добавил он, наслаждаясь комфортом и чувствуя себя в безопасности среди подкупленных Сарой друзей. — Уверю вас, что я получил наилучшее религиозное воспитание, и благодаря моему достойному пастору и учителю я имею сейчас приятную возможность спокойно курить ваш препротивный табак!

ДОЛИНА СМЕРТНЫХ ТЕНЕЙ

Только когда они успели добраться до безопасного места, беглецы обнаружили потерю еще одного товарища. Они остановились на берегу бухты, чтобы выжать и подсушить свою мокрую одежду, когда Габбет, пересчитав оставшихся в живых, недосчитался загребного.

— А где Кокс?

— Этот дурень упал за борт, — коротко ответил Ворон, — у него в черепашке никогда не хватало ума, чтобы удерживать ее на плечах.

Габбет нахмурился.

— Вот уже троих нет, — сказал он таким тоном, будто ему нанесли личное оскорбление.

Они собрали все имеющиеся средства защиты. У Сандерса и Гринхилла оказались ножи. Габбет все еще держал за поясом топор. Ворон бросил свой мушкет на перешейке, Боденхэм и Корнелиус были безоружны.

— Давайте посмотрим наши запасы, — предложил Ворон.

В единственном мешке с провизией лежал кусок солины, два карава хлеба и немного сырого картофеля. Провиант на сигнальной станции был довольно скуден.

— Этого нам не хватит, — уныло заметил Ворон. — А как по-твоему, Габбет?

— Должно хватить, — беззаботно отозвался Верзила.

Осмотрев провиант, все шестеро пошли по берегу и сделали привал под укрытием скалы. Боденхэм хотел разжечь костер, но Ветч — он, с молчаливого согласия, был избран вожаком — запретил это, так как огонь мог их выдать.

— Пусть думают, что мы утонули, тогда уж они не станут нас больше искать, — сказал он.

Так они провели эту первую ночь — без огня, сбившись в тесную кучку.

* * *

Утро наступило ясное и светлое, и, впервые за десять лет почувствовав себя на свободе, они поняли, что их мучения только начались.

— Куда нам идти? Что будем делать? — спросил Боденхэм, окидывая взглядом колючие заросли, простираю-

цнеся до пустынного моря.— Габбет, ты убежал раньше,— скажи, что делать?

— Отыщем какую-нибудь лачугу поселенца, проживимся его запасами и, быть может, одеждой,— ответил Габбет.— Пойдем вдоль берега.

— Берегом опасно,— сказал осторожный Ворон.— Уж лучше перемахнуть через те песчаные холмы, а там скрыться в зарослях. Наверняка у них на перешейке есть подзорная труба, и нас тут же приметят.

— И то верно,— отозвался Боденхэм.— До пих рукой подать. Я мог бы камень пулнуть в их караулку. Прощай, проклятущее местечко,— добавил он, злобно погрозив кулаком тюрьме.— Теперь уж не увидимся до самого Судного дня!

Ворон разделил провизию; беглецы брели весь день через колючие заросли, разрывая в клочья одежду, царапая руки в кровь, стирая ноги. Они падали от усталости. Убедившись, что за ними погони нет, они развели костер и уснули.

На второй день они дошли до песчаной косы, выступавшей в море, и поняли, что забрели слишком далеко на восток, и теперь надо берегом возвращаться обратно к перешейку у Восточной бухты. Пришлось снова тащиться через заросли. Ночью они доели последние крохи хлеба.

На третий день в полдень, после трудного перехода, они подошли к высокому холму, именуемому теперь Коллиз Маунт, и увидели перед собой верхнее кольцо серьги — Восточную бухту. Справа от них были скалы, а в голубой дали виднелся всем ненавистный остров Марии.

— Надо идти к востоку,— сказал Гринхилл,— а иначе попадем к поселенцам, они нас задержат.

Пройдя перешеек, они углубились в заросли и, затянув потуже пояса, сделали привал у ближних холмов.

Четвертый день ознаменовался болезнью Боденхэма, который был плохим ходоком и, отставая, задерживал всех частыми окликами. Габбет пригрозил ему, что, если он будет мешкать, его ожидают папастии намного страшнее стертых ног. По счастью, в этот вечер Гринхилл увидел хижину какого-то поселенца; не доверяя дружелюбию ее хозяина, они дождались утра, когда тот ушел, и послали Ветча. Ветч, который втайне радовался тому, что благодаря его совету все они избежали кровопролития, вернулся, согнувшись под тяжестью мешка с мукой.

— Возьми-ка ты лучше муку и песи ее,— сказал он Габбету.— А топор отдай мне.

Габбет, смерив взглядом его тщедушную фигуру, муку все же взял, но топор отдал своему другу Сандерсу. В этот день они осторожно пробирались между морем и холмами и сделали привал у ручья. После долгих поисков Ветчу удалось собрать пригоршню ягод. Половина горсти была съедена сразу, вторая оставлена впрок.

На следующий день они подошли к морю, и, по мере того как они двигались к северу, остров Марии исчезал из виду, а с ним и опасность быть замеченными в подзорную трубу. Вечером, разделившись на две партии, они добрались до привала. В перерывах между голодными спазмами каждый думал: неужели мое лицо так же ужасно, как у остальных, а глаза так же налиты кровью?

На седьмой день Боденхэм отказался идти — так сильно у него болели ноги, и Гринхилл, с жадностью взглянув на ягоды, посоветовал ему отстать. Тот был очень слаб и потому доверился словам товарища, к полудню следующего дня отстав от группы. Заметив его отсутствие, Габбет отправился на поиски и появился через час, толкая перед собой несчастного ударами и пинками, как овцу, загоняемую в овчарню. Гринхилл пробурчал что-то о лишнем рте, но Верзила бросил на него такой устрашающий взгляд, что тот замолчал. Ворон вспомнил, что Гринхилл уже сопровождал Габбета в прежнем побеге, и почувствовал себя не в своей тарелке. Он намекнул о своих сомнениях Сандерсу, но тот только рассмеялся. Было очевидно, что между тремя существует какое-то соглашение.

Был девятый день их свободы; солнце, поднявшись над песчаными дюнами, поросшими колючим кустарником, озарило шестерых изголодавшихся людей, проклинающих бога и все же боящихся смерти. Вокруг них простирался бесплодный, лишенный тени, неприютный буш. Над ними нависало безжалостное небо. Вдалеке синело равнодушное море. Должно было произойти нечто страшное. Эта серая пустыня и серое небо словно таили в себе чудовищные тайны.

Ветч предположил, что Устричная бухта находится недалеко, к востоку от них, — линия побережья очень обманчива, — и, хотя это отклоняло их от курса, они решили двинуться в этом направлении. Проковыляв миль пять, к бухте они не приблизились и, полумертвые от голода и усталости, в отчаянии опустили на землю. Ворону показалось, что глаза Габбета сверкают совсем по-волчьи. А Гринхилл во время какого-то невеселого разговора вдруг сказал:

— Я так слаб, что мог бы съесть кусочек человеческого мяса.

На десятый день Боденхэм опять отказался сдвинуться с места, и другие, тоже едва державшиеся на ногах, сели в кружок вокруг него. Гринхилл, глядя на распростертого товарища, медленно произнес:

— Я уже видел, ребята, это, и вкусом оно напоминает свинину.

Услышав, как его одичавший товарищ выразил то, о чем втайне думали все, Ворон закричал:

— Это же убийство! Да и кто будет это есть?

— Не беспокойся! — с усмешкой ответил Габбет. — Только мы все должны приложить к этому руку.

Габбет, Сандерс и Гринхилл отошли в сторонку; затем Сандерс, подойдя к Ворону, сказал:

— Он засекал людей до смерти. Теперь пусть получает.

— Ну так и Габбет тоже порол! — содрогнувшись, возразил Ворон.

— Да, но у Боденхэма ноги больные, — пояснил Сандерс, — а бросать его просто так глупо.

Около трех часов утра Ворон услышал, как кто-то крикнул: «Господи!» — и проснулся в холодном поту.

Той ночью до мяса никто, кроме Габбета и Гринхилла, не дотронулся, но эти двое развели костер, бросили на горящие угли какие-то страшные куски и съели их, не дав им даже поджариться. Утром обезображенный труп был поделен между всеми.

В этот день шли молча, и на полуденном привале Корнелиус взялся нести котелок, сказав, что после обеда он почувствовал прилив сил. Ветч дал ему котелок, и через полчаса после этого Корнелиус исчез. Габбет и Гринхилл отправились его искать, но вернулись ни с чем, проклиная все на свете.

— Сдохнет, как собака, в зарослях, — сказал Гринхилл.

Но проникательный Ворон понял, что Корнелиус просто предпочел такую смерть той, что была ему уготована позже.

Двенадцатое утро было сырым и туманным; Ветч, видя, что провиант истощился, стремился ободрить людей, рассказывая истории о людях, которым удалось выйти из более опасных положений. Он понимал, что он самый слабый из всех оставшихся, и не без мрачного юмора находил утешение в том, что он и самый худой.

В полдень они подошли к речонке и до ночи искали

брод, но их поиски не увенчались успехом. На следующий день Габбет и Ворон переплыли речонку, и Ворон велел Габбету срубить длинное молодое деревце и перебросить его через речонку, чтобы и остальные, ухватившись за него, могли переправиться на другой берег.

— Без меня вам бы туго пришлось,— сказал Ворон с мрачной ухмылкой.

Теперь им нечем было развести огонь, так как во время переправы у Гринхилла отсырело огниво. Верзила Габбет злобно помахивал топором, чтобы согреться, а Ворон, улучив момент, шепнул Габбету, что Гринхилл — крупный мужчина.

На четырнадцатый день беглецы уже и ползти не могли. Теперь самым слабым оказался Гринхилл. Увидев, что Габбет и Сандерс отошли в сторону и стали о чем-то шептаться, Гринхилл подполз к Ворону и жалобно проскулил:

— Ради всего святого, Джемми, не давай им убить меня!

— Ничем не могу тебе помочь,— ответил Ворон, в страхе озираясь.— Вспомни беднягу Боденхэма.

— Но он-то был невиновен. А я... Если они убьют меня, я попаду в ад — на мне кровь Тома Боденхэма.

Он стал кататься по земле, охваченный безысходным ужасом. Габбет велел Ветчу собрать дров для костра. Уходя, Ветч видел, как Гринхилл цеплялся за худые колени Габбета, а Сандерс крикнул ему вслед:

— Сейчас услышишь, Джем!

Впечатлительный Ворон заткнул уши, и все же он услышал глухой удар и стон. А когда он вернулся, Габбет уже надевал башмаки убитого, которые были лучше его собственных.

— Останемся здесь на денек, отдохнем,— сказал он.— Теперь у нас есть провиант.

* * *

Прошло еще два дня, и трое беглецов снова отправились в путь, с подозрением поглядывая друг на друга. На третий день, шестнадцатый с начала их рокового путешествия, оставшиеся части трупа уже оказались непригодными для еды. И каждый смотрел на заострившиеся от голода лица товарищей и думал: «Кто следующий?»

— Мы должны умереть все вместе,— быстро сказал Сандерс,— прежде чем случится еще одно мокрое дельце.

Ворон оценил ужасную ситуацию и, когда Верзила не мог их слышать, сказал Сандерсу:

— Пойдем с тобой вместе, уйдем от него. Ты видишь, что за человек этот Габбет. Когда он захочет есть, он убьет родного отца.

Они направились в заросли, но Верзила обернулся и кинулся за ними. Ворон увернулся в сторону, а Габбет стукнул Сандерса топором по лбу. Удар был не очень сильным.

— На помощь, Джем! На помощь! — крикнул Сандерс, напрягая все свои силы, выхватил топор из рук Габбета и швырнул его Ворону.

— Держи топор, Джемми! — крикнул он. — Довольно убийств!

И трое продолжали свой путь сквозь цепкий кустарник, а когда стемнело, Ворон подозвал к себе Габбета, и голос его звучал как-то странно:

— Пусть он умрет.

— Он или ты, — засмеялся Габбет. — Отдай топор.

— Не дам! — сказал Ворон, и на осунувшемся хитром лице появилось выражение непреклонной решимости. — Топор останется у меня. Отойди! Ты будешь его держать, а я уж прикончу.

Видя, что они приближаются, Сандерс понял, что ему пришел конец, и стал умолять их дать ему полчаса, чтобы помолиться.

Они вняли его просьбе; несчастный опустил на колени и, как ребенок, сложил руки. Его широкое глупое лицо дергалось от обуревавших его чувств. Толстые потрескавшиеся губы страдальчески шевелились. Он качал головой из стороны в сторону, но мысли его, затравленные страхом, путались.

— Я не могу вспомнить слова молитвы, Джем!

— И не надо, — проворчал Ворон и взмахнул топором. — Не умирать же нам с голоду из-за тебя!

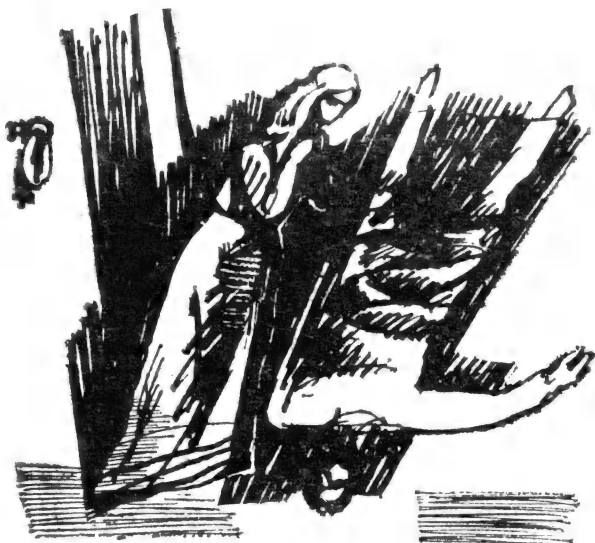
Прошло еще четыре дня, и двое оставшихся в живых участники этой ужасной эпопеи стали следить друг за другом. Верзила с глазами, горящими ненавистью и голодом, словно часовой на посту, следил за Ветчем, а тот, наслаждаясь своим умственным превосходством, стискивал в руках роковой топор. Уже два дня они молчали. Два дня каждый обещал себе, что, как только другой уснет, он будет убит. Ворон понял дьявольский план Габбета, завлекшего в ловушку пятерых, чья смерть должна была помочь ему выжить, и был настороже. Габбет жаждал выхватить топор у попутчика, раз и навсегда покончить с ним счеты. Днем они шли вместе, выискивая поводы, чтобы

оказаться за спиной у другого. Ночью притворялись дремлющими, но каждый, приподняв голову, встречал пристальный, бессонный взгляд товарища. Ворон чувствовал, что силы изменяют ему и мозг одолевает страшная усталость. Бормочущий, жестикулирующий, пускающий слюни Верзила был на грани безумия, — удастся ли ему найти удобную минуту, броситься на Ворона, и, выхватив запятнанный кровью топор, нанести ему смертельный удар? Или он заснет и сам станет жертвой? Бедняга Ворон! Бессонница — ужасная привилегия сумасшедших!

На пятый день Ворон подполз к дереву, снял с себя пояс и сделал петлю. Он повесится! Он забросил конец пояса на сучок, но прирожденная трусость заставила его остановиться. Габбет приблизился. Ворон попытался скрыться в зарослях. Напрасно: ненасытный Верзила, беснующийся от голода и охваченный безумием, не спускал глаз с хитрого соперника. Ворон хотел побежать, но колени его подкосились. Топор, на котором было столько крови, казался ему тяжелым, как свинец. Он бросит его! Нет, он не смеет! Опять наступает почь. Он должен отдохнуть, или он сойдет с ума. Ноги отказываются ему повиноваться. Веки слипаются. Он спит на ходу. Не приснились ли ему все эти ужасы? Где он — в Порт-Артуре? Или он проснется на койке в ночлежке, где спал мальчиком? Что это — шериф идет будить его, чтобы вернуть к мучительной жизни? Нет, еще рано — конечно, еще слишком рано. Он спит, а Верзила, неловко ступая на цыпочках, подходит к нему и с дикой радостью выхватывает спрятанный топор.

* * *

На северо-восточном побережье Земли Ван-Димена есть место, пазванное мысом Святой Елены. Какой-то шкипер, нуждавшийся в пресной воде, высадился там со своей командой и на берегу ручья увидел истощенного человека в желтых, запятнанных кровью лохмотьях, несшего на спине топор и узел. Когда матросы приблизились, он сделал им знак подойти и, развязав свой узел, с большой церемонностью предложил поделиться с ними его содержимым. Придя в ужас от того, что показал им сумасшедший, они схватили его и связали. В Хобарт-Тауне он был опознан как один оставшийся в живых из девяти каторжан, бежавших из «естественной тюрьмы» полковника Артура.

Книга четвертая НА ОСТРОВЕ НОРФОЛК. 1846

Глава 57

ИЗ ДНЕВНИКА ПРЕПОДОБНОГО ДЖЕЙМСА НОРТА

Батхерст, 11 февраля 1846 г.

Перелистывая страницы моего дневника, чтобы записать в нем счастливый случай, только что произошедший со мною, я поразился, до какой степени одинокой была моя жизнь за последние семь лет.

Возможно ли, чтоб мне, Джеймсу Норту, любимцу всего колледжа, поэту, обладателю наград и прочее, была бы по праву жизнь в этой унылой дыре, где я, подобно животному, только ем и пью, зная, что завтра все равно умирать? Да, так оно и было. Мой мир, мир, с которым когда-

то я связывал столько мечтаний, оказался вот здесь. Моя слава, которая, казалось, должна была долететь до края земли, дошла только до ближайших каторжных поселений. Мои друзья овцеводы считают меня «добрым проповедником» — спасибо и на том.

И все же теперь, когда мне предстоит уехать отсюда, я должен признаться, что эта уединенная жизнь не лишена была своей прелести. Со мной были мои книги и мои мысли, хотя последние оказывались иногда мрачными собеседниками. Я боролся со своим привычным грехом, и зачастую не без успеха. Какой грустный вывод. «Зачастую» — *«Но все же»* — эти слова подобны мрачному тюремщику, который выпускает на свободу опасного преступника. Однако я дал клятву, что в своем дневнике не буду себя обманывать, и я ее сдержу. Никаких недомолвок, никакого спискождения к моим грехам. Этот дневник — мой исповедник, и перед ним я обнажаю свою душу.

Удивительно, какое наслаждение я испытываю, записывая здесь черным по белому свои душевные муки и тайные желания, о которых не решаюсь говорить. Очевидно, по той же причине убийцы исповедуются своим собакам и кошкам, а люди, чью душу гнетет какая-то тяжесть, думают вслух. По этой же причине царица, жена Мидаса, могла только шепотом доверить тростникам тайну об уродстве своего мужа. Для всех окружающих — я служитель господа, набожный, серьезный и мягкий в обращении. А в душе — кто я? Подлый, трусливый, слабовольный грешник, каким меня знает мой дневник... Бесенок! Я готов разорвать тебя на клочки!.. И когда-нибудь я изничтожу тебя! А пока я буду держать тебя взаперти, чтобы ты не выдал моих тайн. О нет, старый друг, добрый мой товарищ, прости меня, прости! Ты для меня и жена и духовник. Я поверяю твоим холодным сипеватым страницам — за сколько бишь я купил тебя в Параматте, негодник? — все происшедшее со мною, томления и укоры совести, которые я не доверил бы ничьим ушам, даже если бы напел человека, столь же верного, как ты. Говорят, что ни один человек не осмелится *записывать* все свои мысли и поступки; они испепелили бы бумагу. Но твои страницы ровны и гладки, толстый негодник! Наши соседи католики хорошо знают человеческую природу. Человеку *необходимо* исповедоваться. Читаешь о преступниках, которые годами носили в душе своей тайны, но, не выдержав, наконец выбалтывали их. Я, заточенный здесь, без друзей, без

сочувствия, без писем, не могу замкнуть свою душу и без конца ворошить свои мысли. Они рвутся наружу, и поэтому я прошепчу их тебе:

...Кто ты, таинственная власть,
Что селится в душе без позволения
И создает второе «я» — творенье,
Перед которым ниц должны мы пасть? ¹

Кто же это? Совесть? У каждого человека своя совесть. Мой друг, зубастый, словно акула, людоед, которого Стэплс привез на своем китобойном судне в Сидней, наверное, почувствовал бы сильные угрызения совести, если бы отказался от участия в пиршествах, освященных обычаями его предков. Искра божия? Но разве не учит наша доктрина, что божество восседает в небесных далях среди ангельских песнопений, предоставив бедному человечеству искупить его проклятие? Но я не верю в это, хотя это и проповедую. Кто-то должен нести утешение несчастному человечеству. У духовенства есть своя «святая ложь». Христос говорит притчами. Так, может быть, это разум, видящий, как плохо согласуются наши действия и наши устремления? Разве тот дьявольский разум, что глумится над нашими слабостями, не есть порождение нашего мозга? Или это безумие? Пожалуй, ибо мало кто не становится безумным, хотя бы на один час из двенадцати часов бдения. Если считать безумием несовпадение вашего мнения о самых простых вещах с мнением большинства людей, то либо я безумец, либо слишком мудр. И вывести окончательное заключение невозможно. Джеймс Норт, вспомни свою беспутную молодость, свое грехопадение и свое очищение, вернись на землю. Обстоятельства сделали тебя таким, какой ты есть, и они решат твою судьбу без твоего вмешательства. Какая удобная теория!

Но если истолковать мой бред именно таким образом и предположить, что человек — раб обстоятельств (мнение, с которым я готов согласиться, хотя и не желаю в этом признаться), то что же вызвало к жизни те силы, которые помогли Джеймсу Норту достойно выполнять свой пасторский долг?

---

¹ Перевод стихов Т. Сикорской.

Хобарт-Таун, 12 января.

«Дорогой Порт!

Весьма рад сообщить вам, что, если вам будет угодно, вы можете получить место протестантского капеллана на острове Норфолк. Власти как будто не поладили с тамошним капелланом, и когда у меня спросили совета, я тотчас же рекомендовал вас на эту должность. Жалованье невелико, но у вас будет дом и все, что положено. Место это, несомненно, лучше Батхерста и считается беспроигрышным билетом в нашей клерикальной лотерее.

Они собираются провести расследование всех местных дел. Бедный старый Пратт; он, как вы знаете, отправился туда по настойчивой просьбе администрации. Судя по всему, он был слишком снисходителен к преступникам, и, как нам сообщили, дела на острове находятся в запущенном состоянии. Сэр Эрдли подыскивает строгого начальника, который бы держал колонию в ежовых рукавицах.

Но пока место капеллана остается вакантным, и я подумал о вас».

Я должен поразмыслить над этим лестным предложением.

19 февраля.

Я даю согласие. Возможно, что моя пасторская деятельность среди этих несчастных и станет моим искуплением. Власти еще обо мне услышат, хотя следствие по тому делу в Порт-Артуре и было прекращено. Кстати, появился фараон, который не знает Иосифа¹. Совершенно ясно, что назойливый пастор, писавший жалобы о том, что людей там запарывают до смерти, теперь забыт, как забыты и те несчастные! Как много призраков витает над мрачным безлюдием этого пустынного побережья! Бедный Берджес ушел путем всякой плоти. Интересно, посещает ли его дух те места, где он совершил столько злодеяний? Я написал «бедный Берджес».

Странно, как мы жалеем человека, ушедшего из этой жизни. Чувство вражды исчезает, когда полученные раны становятся лишь воспоминанием. Если бы человек написал мне, сам факт, что он жив, явился бы достаточным

---

¹ Иосиф (библ.) был продан в рабство в Египет. Фараон сделал его своим советником.

основанием для моей ненависти к нему. Если бы я нанес рану *ему*, я возненавидел бы его еще больше. Быть может, потому я временами так сильно ненавижу себя как своего самого злейшего врага, которому я нанес пезаживающую рану. Есть такие насилия над собственной природой, которые пельзя прощать! Не Тацит ли сказал: «Ненависть к самым близким не стареет». Но я снова отклоняюсь от главного.

* * *

27 февраля, 11.30 вечера.

Ферма «Девяти ручьев». Я люблю точность в именах, датах и т. п. Точность — это добродетель. Значит, буду как можно более точным. Ферма находится в девяти милях от Батхерста. На ней около четырех тысяч голов скота. Люди живут в довольстве, но без изысканности. Еды, выпивки и чтива всегда достаточно. Фамилия хозяйки — Карр. Это хорошо сохранившаяся женщина лет тридцати пяти, и умная — но не в возвышенном, а в самом житейском смысле этого слова. Однако мне не хотелось бы быть ее мужем. Женщинам такой ум, как у нее, ни к чему, конечно, если они хотят быть женщинами, а не похотливыми чудовищами. Миссис Карр отнюдь не леди, хотя могла бы ею быть. По-моему, она нехороший человек. Возможно, она еще раньше владела факторией. Эту женщину окружает какая-то тайна, так как мне говорили, что раньше она называлась миссис Пэрфой и была вдовой капитана китобойного судна, затем вышла замуж за одного из приписанных к ней слуг, который бросил ее через пять лет, тотчас после того, как получил свободу. Несколько слов, сказанных ею за обедом, заставили меня задуматься. Она получила какие-то английские газеты и, объясняя, почему она так озабочена, сердито сказала: «Мне кажется, я кое-что узнала о своем муже». Не хотел бы я оказаться на месте Карра, если она действительно что-то о нем узнала! Думаю, что она не из тех, кто спокойно сносит обиды. Но, в конце концов, какое мне до этого дело? За обедом меня уговорили выпить вина больше, чем следовало. Исповедник, ты слышишь меня? Но я не позволю себе преступить черту. Ты усмехаешься, мой толстый приятель! Я тоже, но завтра меня загрызет совесть.

3 марта.

Сейчас я в местечке Джеррилэнг, у меня болит голова и ноет сердце. Тот, кто освобождает себя от уз разума, тот предается всяческим искушениям.

20 марта.

Сидней. Заходил к капитану Фреру. Семнадцать дней я не раскрывал тебя, мой любимый и ненавистный спутник. Я совсем было решил пикогда больше не открывать тебя! Перечитывать — это значит вспоминать все, что так хочется забыть, но не читать тебя — значит забыть все то, о чем я обязан помнить за все грехи свои.

Последнюю неделю я стал совсем другим человеком. Я уже не такой угрюмый, разочарованный и едкий, я стал добродушным и вполне поладил с судьбой. Странно, что волею случая мне пришлось провести неделю под одной крышей с тем существом, чей светлый образ меня так долго преследовал. Встреча на улице, знакомство, приглашение — и дело сделано.

Странная вещь эти случайности, от которых зависит наша судьба. Я не думал, что когда-нибудь увижу вновь это юное, веселое лицо, к которому я почувствовал такое необъяснимое влечение — но оно опять каждый день улыбается мне! Капитан Фрер должен быть счастлив. Но в этом доме есть какая-то мрачная тайна. Лицо молодой женщины, по натуре такой любящей и жизнерадостной, дважды за сегодняшний день омрачалось облачком печали. Он выглядит человеком решительным и грубым, этот образцовый тюремный надзиратель. Его арестанты, несчастные люди, несомненно, чувствуют его тяжелую руку. Не подходит он вам, крошка Сильвия, с вашим оригинальным умом и причудливой красотой, — и вместе с тем это был брак по любви.

21 марта.

С тех пор, как я здесь, я каждый вечер читаю молитвы в семейном кругу — моя черная пасторская сутана и белый воротничок дают мне на это право, но каждый раз, произнося слова молитвы, я чувствую себя виноватым. Я все думаю, что сказала бы эта маленькая леди с таким

набожным взглядом, узнав о том, что я несчастный лицемер, проповедующий то, чего не соблюдаю, и призывающий других верить в чудеса, в которые не верю сам? Я — трус, потому что не снимаю маску святоши и не показываю скрытое под ней лицо вольнодумца. И все же разве я трус? Я убеждаю себя, что молчу только во имя славы божьей. Если вдруг узнают, что пастор — отступник, то его разоблачение принесет больше вреда, чем обман. Представьте себе, к примеру, эту доверчивую женщину. Она бы содрогнулась при одной мысли о таком грехе, хотя грешила не она, а другой человек. «А кто соблазнит одного из малых сих, то лучше ему надеть жернов на шею и бросить в море». Однако правда есть правда, и ее надо говорить — не так ли, мой коварный наставник, напоминающий мне, как часто я лгу? Наверно, у нашего достойного епископа среди его большой армии чернорясников есть и такие, вроде меня, которые не могут заставить свой разум поверить в чудеса, противоречащие опыту всего человечества, законам природы, а также и физики.

* * *

22 марта.

В жизни этого далеко не романтического капитана Фрера было немало романтических приключений, о которых он очень любит распространяться. Будто в юности он надеялся получить большое наследство от дяди, который поссорился со своим сыном. Но дядя умер в тот день, когда собирался изменить свое завещание, а сын его исчез, и все считали, что он утонул. Вдова, однако, упорно отказывается верить слухам о гибели молодого человека; имея от наследства пожизненный доход, она никого к нему не подпускает. Вследствие этого мой бедный хозяин был вынужден приехать сюда и довольствоваться своим жалованьем, а три года назад, когда он надеялся, что смерть его тетки даст ему право, как ближайшему родственнику, претендовать хотя бы на часть этого состояния, к ней вернулся ее давно пропавший без вести сын, который и был признан своей матерью и опекунами и законным образом введен в права наследства.

Другая романтическая история связана с браком Фрера. Сегодня после обеда он рассказал мне, как его жена, еще будучи девочкой, попала в кораблекрушение и как он спас ей жизнь, вырвав ее из рук беглого каторжника —

одного из тех чудовищ, которых порождает наша чудовищная система. «Вот так мы и полюбили друг друга», — сказал он, с самодовольным видом осушив бокал вина.

«Весьма благоприятный случай», — сказал я. В ответ он только кивнул. По-моему, мозгов ему явно не хватает.

Попробую вкратце описать этот прелестный дом и его обитателей.

Длинное, невысокое белое строение, окруженное цветущим садом. Широкие окна выходят на лужайку. Всегда прекрасное и вечно изменчивое море плещется вблизи. Вечер. Мы с миссис Фрер беседуем о теориях социальных реформ, о картинных галереях, о закатах и о новых книгах. Слышится шум колес по гравию. Это судья возвращается домой после работы. Мы слышим, как он быстро поднимается по ступенькам, но продолжаем наш разговор (наверное, было время, когда жена бросалась ему навстречу). Он входит, холодно целует жену и сразу прерывает ход наших мыслей: «Ну и жара сегодня. Ах, мистер Норт, неужели письмо из главного управления все еще не пришло? Ты знаешь, Сильвия, я встретил в городе миссис Голлайтли, и она спросила меня о тебе. Скоро состоится бал в резиденции губернатора. Мы с тобой получили приглашение». Затем он уходит, и слышно, как он бранится, потому что вода недостаточно горяча или что Доукинс, его слуга из арестантов, плохо почистил его брюки. Мы продолжаем нашу беседу, но он возвращается — голодный и сердитый, правда, с расчесанными бакенбардами.

«Обедать? Ого! Я готов! Норт, ведите миссис Фрер к столу». Затем следует: «Норт, глоточек хересу? Сильвия, суп опять пересолен. Ты сегодня гуляла? Не гуляла?» Судья хмурит брови, и я знаю, что он говорит про себя: «Конечно, опять читала какой-нибудь дрянной романчик?» Однако он ухмыляется и милостиво сообщает, что полиция поймала известного бушрейнджера Билли Какаду.

После обеда мы с этим усмирителем каторжан беседуем — о собаках и лошадях, о бойцовых петухах, об арестантах и несчастных случаях на море и на суше. Я вспоминаю былые состязания в колледже и пытаюсь не отстать от него в рассказах о спорте. Какие же мы лицемеры! Все это время я мечтаю перейти в гостиную миссис Фрер и закончить свой разбор творчества нового поэта, мистера Теннисона. Фрер не читает Теннисона, как, впрочем, и других. Перейдя в гостиную, мы с миссис Фрер болтаем до ужина (он тоже ужинает с нами). Она — прекрасная собеседница, а я, когда бываю в ударе, тоже

умею поговорить — ты это должен признать, мой приятель. Ее лицо оживляется, она слушает с интересом, что редко бывает. В ее обществе я чувствую себя спокойно и умиротворенно. Скромная изысканность этого дома после волон и Батхерста подобна прохладной тени от большой скалы в выжженной пустыне.

Миссис Фрер около двадцати пяти лет. Ростом она скорее ниже среднего, с хрупкой девичьей фигуркой. Сходство с девушкой ей придают ее золотистые волосы и голубые глаза. Однако, присмотревшись поближе, ты видишь, что лицо ее потеряло ту нежную округлость, которую оно, вероятно, имело в юности. Ее единственный ребенок умер при рождении. У нее впалые щеки, а в глазах грусть, что свидетельствует либо о телесных страданиях, либо о душевной скорби. На худеньком лице глаза кажутся еще больше, а лоб еще более высоким. У нее белые, болезненно тонкие руки. Должно быть, когда-то они были круглыми и крепкими. Губы у нее всегда ярко-красные, словно в лихорадке.

Кажется, что капитан Фрер поглотил всю жизненную силу своей жены (кто-то привел в качестве примера историю Луция Клавдия Гермиппа, дожившего до глубокой старости, ибо его поддерживало дыхание молодых девушек. Кажется, это упоминает Бертон, который цитирует все на свете). По мере того как миссис Фрер теряла силы и молодость, ее супруг обретал здоровье и бодрость. Хотя судье по меньшей мере сорок лет, ему не дашь больше тридцати. Лицо у него красноватое, глаза блестящие, голос твердый и зычный. Вероятно, он обладает незаурядной силой и, я бы сказал, звериной отвагой, а также зверским аппетитом. Нервы у него крепкие, как струны рояля. С виду это высокий, широкоплечий, плотный человек с рыжими бакенбардами и рыжими волосами, уже тронутыми сединой. Держится он вызывающе, нагло и высокомерно. Говорит только о собаках, лошадях, бойцовых петухах и арестантах. Что за странная чета!

* * *

30 марта.

Получено письмо с Земли Ван-Димена. «Там у них опять «заварушка», — сказал Фрер, прибегая к своим обычным словечкам. Кажется, главный инспектор по делам арестантов поручил некоему мистеру Паунсу съез-

дять на остров Норфолк и составить рапорт о положении тамошних дел. Мне придется поехать вместе с ним; все инструкции я получу от инспектора. Я известил об этом Фрера, и он написал Паунсу, чтобы тот по дороге заехал к ним. С этих пор мы ни о чем другом не толкуем, а только лишь о нарушениях тюремного режима. Фрер на этом деле собаку съел, он изводит меня своими рассказами о всяческих уловках каторжников, а также их злонамеренности. Он прославился как отличный знаток их нравов. Гнусная премудрость! Слуги в доме ненавидят его, но безропотно ему подчиняются. По моим наблюдениям, закоренелые преступники — как все дикие звери — боятся человека, который раз и навсегда подчинил их себе. Я бы не удивился, если бы власти Земли Ван-Димена назначили Фрера главным начальником всей каторги. Я не хочу, чтобы его назначили, но думаю, что это неизбежно.

* * *

4 апреля.

До сегодняшнего дня не случилось ничего, достойного описания. Ел, пил и спал. Несмотря на мои сорок семь лет, я стал себя чувствовать почти так же, как тот Джеймс Норт, что слыл силачом и получил золотую медаль. Ах, какой напиток вода! «*Fons Bandusioe splendidior vitreo!*»¹ Она лучше, чем все ваши великолепные вина, господин Гораций! Сомневаюсь, чтобы ваше прославленное вино времен консула Манлия могло состязаться с нею!

Но возвращаюсь к достопримечательным фактам. Сегодня я узнал две вещи, которые меня удивили. Первое, это то, что арестант, покушавшийся на жизнь миссис Фрер, и есть тот несчастный, которого я в силу своей роковой слабости не смог защитить от наказания плетью в Порт-Артуре и чье лицо до сих пор иногда встает передо мной немой укором. Второе — это то, что миссис Карр оказалась старой знакомой Фрера. Об этом я узнал несколько неожиданно. Однажды вечером, после того как миссис Фрер удалилась на покой, мы с Фрером разговорились об умных женщинах. Я высказал свою теорию о том, что глубокий ум у женщин губительно влияет на их женственность. «То, что в мужчине называется желанием,—

---

¹ «Бандузийский прекрасный зеркальный источник!» (лат.) (Гораций, «Оды», III, 13.1).

сказал я,— женщина превращает в каприз, как рассудок она заменяет интуицией, почтение — преданностью, страсть — любовью. Женщина задевает всякий раз более низкую струну, но звук получается резче. Мужчину отличает сила разума, женщину — глубина чувства. Женщина, обладающая мужским умом, — явление ненормальное».

Я видел, что он почти не понимал меня, но в общем и целом со мной согласился. «Я знал только одну женщину, обладающую, как говорится, действительно острым умом, — сказал он, — но она была обыкновенная потаскуха».

— Из чего следует, что умная женщина должна быть непременно падшей? — возразил я.

— Ну, эта была дрянь порядочная — прошла огонь, воду и медные трубы. Острая, как иголка, сэр, и непреклонная, как скала. И все же занятная штука.

По выражению его лица я понял, что у него с этой особой были связаны какие-то неприятные воспоминания, и я полюбопытствовал услышать продолжение.

— Она живет где-то в этих краях, — продолжил он. — Мне сказали, что она вышла замуж за своего слугу, бывшего арестанта, по имени Карр. Я не видел ее много лет и не представляю, как она выглядит теперь, но в те дни, когда я ее знал, она была именно такой, какой вы ее описали. (Надо заметить, что я ровно ничего не описывал!) Она прибыла на том же корабле вместе с нами в качестве служанки моей тещи.

У меня чуть не сорвалось с языка, что я встречал ее раньше, но что-то заставило меня промолчать. В жизни таких людей, как капитан Фрер, есть события, которых лучше не касаться. Думаю, что это было одно из них, потому что, как только вошла его жена, он сразу переменял тему разговора. Можно ли допустить, что двое этих людей — «гроза арестантов» и жена бывшего арестанта — были в молодости больше чем просто друзьями? Вполне вероятно! Он из тех мужчин, которые не могут обойтись без плотской любви. (Недурно я отзываюсь о своем хозяине!) А ловкая черноглазая женщина — достойный предмет увлечения. Возможно, из-за этой истории всегда так печальна и миссис Фрер? Почему я неотвязно думаю об этом? Мне кажется, что я не только совершаю насилие над собой, но оскорбляю ее, когда пишу о своих подозрениях. Если бы я занялся самобичеванием, я надел бы сейчас власяницу и вериги. «Лишь постом и молитвой изгоняются мысли сии».

7 апреля.

Прибыл мистер Паунс — его распирает сознание важности своей миссии. Он прохаживается с видом министра накануне получения Ордена Подвязки, полный надежд, сомнений, страхов и самодовольства, несмотря на неопределенность положения. А я, как наивная школьница, гляжу во все глаза на этого напыщенного служаку, хотя — видит бог — я отлично понимаю всю важность стоящей перед ним задачи. Но человек должен давать отдых голове, а себе — разрядку. Я вспоминаю, как некий арестант в Хобарт-Тауне, дважды приговоренный к смерти и дважды помилованный, вскопил и издал яростный крик, услышав наконец свой смертный приговор. Мне он сказал потом, что, если бы он так не закричал, он бы, наверное, сошел с ума.

* * *

10 апреля.

Вчера вечером у нас был парадный обед. Разговор за столом шел исключительно об арестантах. Я никогда не видел миссис Фрер в худшем состоянии. Она была молчалива, рассеянна и печальна. После обеда она сказала мне, что ненавидит самое слово «арестант», так оно связано с ее детскими воспоминаниями.

«Я жила среди них всю свою жизнь,— сказала она,— по от этого мне отнюдь не легче. Знаете, мистер Норт, иногда у меня бывают страшные фантазии, которые мне кажутся далекими воспоминаниями. Я боюсь снова очутиться среди арестантов. Я уверена, что они причинят мне зло».

Конечно, я засмеялся, но это не помогло. Она тверда в своем убеждении и смотрит на меня глазами, полными ужаса. Этот ужас, написанный на ее лице, меня озадачивает.

«У вас расстроены нервы,— сказал я.— Вам нужен отдых».

«Да, мои нервы пошаливают,— ответила она с присущей ей искренностью.— У меня предчувствие, что свершится какое-то зло».

Мы немного посидели молча, а потом она вдруг вскинула на меня свои большие глаза и спокойно спросила:

— Мистер Норт, какой смертью я умру?

Вопрос показался мне отзвуком моих собственных мыслей — у меня какая-то дурацкая тяга к физиогностике, — и я вздрогнул.

В самом деле, — какая смерть ее ждет? Какую смерть можно встретить с широко открытыми глазами, с полуоткрытым ртом и сдвинув брови, как бы желая удержать быстро тающее мужество? Разумеется, не мирскую смерть. Я призвал на помощь свою черную сутану. Я сказал:

«Моя дорогая леди, вам не следует думать о таких вещах. Вы знаете, что смерть — это сон. Зачем же предполагать кошмары?»

Она вздохнула, словно очнувшись от минутного оцепенения. Удержавшись от подступающих слез, она овладела собой и перевела разговор на другую тему, затем, найдя предлог, подошла к пианино и заиграла бурный вальс. Думаю, что эта неестественная веселость кончилась истерическим припадком. Потом я услышал, как муж предложил ей нюхательную соль. Он такой человек, который посоветовал бы нюхательную соль и пиффи, если бы та обратилась к нему за советом.

* * *

26 апреля.

Все сборы закончены, и завтра мы отправляемся. Мистер Паунс с трудом сохраняет свое достоинство. Он, кажется, боится пошевелинуться, чтобы каким-нибудь движением невзначай не растопить лед своей официальности. Узнав, что я и есть «тот самый капеллан», он воздержался от более короткого знакомства со мной. Мое самолюбие задето, но мое терпение не будет подвергаться испытанию. *Вопрос*: что предпочло бы большинство: оставаться неизвестным людям, облеченным властью, или же изнывать от скуки в их обществе? Джеймс Норт отказывается отвечать на этот вопрос.

Я простился со своими друзьями и, вспоминая о приятных часах, проведенных с ними, загрустил. Вряд ли эти часы повторятся в будущем. Я чувствую себя бродягой, допущенным на неделю к уютному домашнему камельку, а затем снова выброшенным на сырые и ветреные улицы, которые кажутся ему теперь еще более холодными, чем прежде. Как бишь звучат эти строчки, которые я написал в ее альбом?

...Так пьяница, обрюзгший от вина,
Бредущий под дождем неверными шагами,
Вдруг видит свет, что льется из окна,
И приникает к освещенной раме.
С минуту он глядит на тихий, мирный быт
И, тяжело вздохнув, уходит в ночь, в ненастье,
Чтоб не нарушил вдруг его печальный вид
Чужой любви, спокойствия и счастья.

Да, вот эти строчки. В них больше правды, чем ей могло показаться. И все-таки — с чего это я расчувствовался? Можно подумать: «Что за нытик этот Норт!»

* * *

Итак, все кончено. Теперь — на остров Норфолк, в мое чистилище!

Глава 58

ПРОПАВШИЙ НАСЛЕДНИК

Пропавший сын Ричарда Дивайна вернулся в Англию и заявил свои права на имя и состояние отца. Иначе говоря, Джон Рекс успешно выполнил свой дерзкий замысел, присвоив права одного из своих собратьев по каторге.

Покуривая сигару в своей холостяцкой квартире или размышляя о предстоящих скачках, Джон Рекс не переставал удивляться, с какой непонятной легкостью он осуществил свой, казалось бы, немыслимый план. После прибытия в Сидней на корабле, посланном Сарой для его спасения, он вновь почувствовал себя подневольным человеком, связанным узами не менее ненавистными, чем те, от которых он избавился, — узами вынужденного брака с нелюбимой женщиной. Смерть одного из приписанных к ней слуг-арестантов, удачно совпавшая с возвращением Рекса, позволила Саре Пэрфой поселить беглого каторжника в комнате слуги. В числе странных обычаев, сложившихся волею обстоятельств в ту пору в Новом Южном Уэльсе, были довольно-таки частые браки между слугами из арестантов и свободными поселенцами. Поэтому, когда пронесся слух, что миссис Пэрфой, вдова капитана с китобойного судна, вышла замуж за мистера Джона Карра,

своего кладовщика, высланного за растрату и еще не отбывшего последних двух лет своего срока, никто не выразил удивления. А когда год спустя Джон Карр вдруг расцвел на глазах у всех как «expiée»¹, обладающий прекрасной женой, солидным состоянием, вокруг него стало увиваться множество людей, которые могли бы сделать его жизнь в Австралии весьма приятной. Но Джон Рекс не собирался задерживаться здесь более, чем это требовала необходимость, он неустанно искал возможность удрать из этой второй тюрьмы. Долгое время все его старания были безуспешны. Как бы сильно Сара Пэрфой ни любила этого негодяя, она не стеснялась говорить ему, что она купила его и считает его своей собственностью. Он знал, что если он попытается высвободиться из брачных пут, женщина, столь многим рисковавшая ради его спасения, не поколеблется отдать его в руки властей, сообщив им о том, что преждевременная смерть Джона Карра позволила ей дать имя и работу Джону Рексу, беглому каторжнику. Когда-то он еще надеялся, что Сара, будучи его женой, не станет давать против него показания и потому она ему не опасна. Но она пригрозила ему, напоминая, что стоит ей только сказать одно слово Бланту — и этого будет вполне достаточно.

— Я знаю, Джон, что ты меня больше не любишь, — сказала она с каким-то зловещим спокойствием. — Но твоя жизнь в моих руках, и если ты меня бросишь, я отправлю тебя на виселицу.

Напрасно он злился и бесновался в своем тайном стремлении освободиться от нее. Он был связан по рукам и ногам. Сара распоряжалась всеми деньгами, и, благодаря ее предприимчивости, а также уму, эта сумма более чем удвоилась. Она была всемогуща, и ему оставалось ждать либо ее смерти, либо какого-нибудь счастливого случая, который избавит его от нее, и тогда, пользуясь свободой, он сможет осуществить свой хитроумный план, который он так долго вынашивал. «Вот отделаюсь от нее, — думал он, разъезжая по ферме, номинальным владельцем которой он являлся, — дальше все будет просто. Я вернусь в Англию, сочиню какую-нибудь подходящую историю о кораблекрушении, и моя ненаглядная матушка, с которой я был так долго в разлуке, примет меня с распростертыми объятиями, и Ричард Дивайн получит все, что ему причитается».

---

¹ Expiée (фр., юр.) — каторжник, чей срок истекает.

Но избавиться от нее было не так-то просто. Дважды он пытался удрать из своего плена и дважды был водворен обратно.

— Я купила тебя, Джон,— смеясь, говорила его со-общница,— и ты от меня не уйдешь. Неужели тебе мало всех этих удобств? Когда-то ты довольствовался меньшим. И я не так уж безобразна и отвратительна.

— Я тоскую по родине,— отвечал Джон Карр,— давай уедем в Англию, Сара.

Она громко забарабанила своими крепкими белыми пальцами по столу.

— Уехать в Англию? О нет, нет. Я знаю, что ты этого хочешь. Там ты почувствуешь себя господином. Заберешь мои денежки, а меняпустишь по миру. Я знаю тебя, Джек. Мы останемся здесь, голубчик. Здесь, где я смогу отдать тебя в руки первому полицейскому, если ты будешь плохо со мной обращаться.

— Чертовка!

— О, ты можешь оскорблять меня. Оскорбляй, сколько душе твоей угодно, Джек. Побей меня, если хочешь, но только не оставляй меня, иначе тебе худо придется.

— Ты странная женщина! — воскликнул он, невольно восхищаясь ею.

— Потому что люблю такого подлеца? Не знаю, быть может, я и люблю тебя за то, что ты подлец. Добродетельный человек надоел бы такой женщине, как я.

— Жалею, что я не остался в Порт-Артуре, честное слово! Уж лучше бы мне остаться, чем тянуть эту лямку здесь.

— Тогда отправляйся обратно! Скажи только слово!

Так препирались они без конца — она, наслаждаясь властью над человеком, который так долго ею помыкал, а он, теша себя надеждой, что недалек тот день, который принесет ему свободу и крупное состояние. И вот однажды представился такой счастливый случай. Жена его была больна, и неблагодарный мошенник, выкрыв у нее пятьсот фунтов и захватив двух лошадей, добрался до Сиднея, а там купил билет на корабль, отправлявшийся в Рио.

Вывавшись из неволи, Джон Рекс с большой осторожностью продолжал вести игру, в которой делал самую крупную ставку. Он отправился на континент, неделями жил в городах, где некогда мог обитать Ричард Дивайн, знакомясь с их улицами, а также с их старожилками, собирая по ниточкам сведения, чтобы потуже затянуть спле-

тенную им сеть. Но таких нитей оказалось немного: молодой повеса был слишком беден и непримечателен, так что в памяти людей он по себе следа не оставил. Но Рекс хорошо знал, какие необъяснимые совпадения могут вдруг изобличить самозванца. Случайно появится какой-нибудь старый товарищ или же компаньон исчезнувшего наследника и задаст всего лишь один пустяковый, но каверзный вопрос, который разорвет всю тонкую паутину его обмана с такой же легкостью, с какой меч Саладина рассек плывущий по воде шелк. Он не мог упустить ни единой мельчайшей подробности. Искусно и ловко он склеивал по кусочкам свою биографию, чтобы обмануть несчастную мать и стать обладателем одного из самых крупных состояний в Англии.

Вот история, которую он придумал. Он спасся с горящего «Гидаспа», и его подобрал в море корабль, направлявшийся в Рио. Не ведая о смерти сэра Ричарда и побуждаемый гордостью, которая, как известно, всегда была отличительной чертой его характера, он решил не возвращаться домой, пока судьба не одарит его богатством, равным, по крайней мере, тому, которого он лишился. В Испанской Америке он безуспешно пытался скопить такое богатство. Будучи иностранцем, путешественником, коммерсантом и моряком, он трудился четырнадцать лет, но потерпел неудачу. Растратив все свои силы, он наконец вернулся домой с покаянием, мечтая найти на английской земле уголок, где сложить свои бренные кости. Рассказ был вполне правдоподобен, и все его нюансы были тщательно продуманы. Можно было не опасаться, что штурман с захваченного «Морского ястреба», живший в Чили и разводивший скот в долинах Каррум-Плейс, вдруг оказался бы человеком, который не умеет ездить верхом или не знает морского дела и испанских обычаев. Хитроумный Рекс возводил свой план, основываясь на слабостях человеческой природы.

Завещание, согласно которому молодой Ричард Дивайн являлся наследником, было подписано в 1807 году, когда его составитель испытывал первые радости отцовства. По условиям завещания, леди Дивайн назначались проценты — три тысячи фунтов в год — от имущества мужа, которое передавалось в руки двух опекунов до тех пор, пока ее старший сын не достигнет двадцатипятилетнего возраста, или до его кончины. В любом из этих случаев имущество подвергается реализации, и леди Дивайн получает сумму в сто тысяч фунтов, которая, будучи вло-

жена на ее имя в консоли — так это было предусмотрено сэром Ричардом, — полностью возместит ей потерю процентных денег. Остальное имущество безраздельно наследуется его сыном, а в случае его смерти — его детьми или ближайшими родственниками. Опекунами были назначены отец леди Дивайн, полковник Уоттон Уэйд, и поверенный сэра Ричарда, мистер Сайлас Квейд, из фирмы «Перкис и Квейд» в Тэвис-Ин. Перед смертью полковник Уэйд, получив согласие Квейда, передал права опекунства своему сыну — Фрэнсису Уэйду. Но после кончины мистера Квейда фирма «Перкис и Квейд» (представляемая со стороны Квейда его племянником, чьи деловые качества были воспитаны Лондоном), отказалась от дальнейшей ответственности, и Фрэнсис Уэйд, с согласия леди Дивайн, продолжал оставаться единственным опекуном. Сестра сэра Ричарда и ее муж, Антонн Фрер из Бристоля, давно уже умерли, и, как мы знаем, их сын Морис Фрер, удовлетворившись наконец участью, посланной ему судьбой, перестал интересоваться делами своего дяди. Поэтому Джон Рэкс, вернувшийся под видом Ричарда, должен был убедить в своих правах только двоих — своего «дядюшку», Фрэнсиса Уэйда, и свою «мать» — леди Дивайн.

Это оказалось проще простого. Фрэнсис Уэйд, почтенный джентльмен, вечно пекся о своем здоровье и непави-дел всякого рода дела. У него было честолюбивое желание приобрести репутацию человека с изысканным вкусом. Владелец небольшого и независимого дохода, он после смерти отца безвыездно жил в Норт-Энде, превратив его в миниатюрный Строберри-Хилл¹. Когда, по настойчивой просьбе сестры, он взял на себя ответственность за ведение ее дел, он вложил весь текущий капитал в трехпроцентные бумаги и с удовольствием наблюдал за тем, как росли его дивиденды. Леди Дивайн так и не оправилась от удара, нанесенного ей накануне внезапной кончины сэра Ричарда: твердо веря, что сын ее жив, она считала себя лишь его попечительницей и была готова тотчас же по его возвращении ввести его в права наследства. Брат и сестра жили уединенно и четверть своего дохода тратили на благотворительность и всякого рода старинные безделицы. Оба с восторгом встретили возвращение скитальца. Для леди Дивайн это означало исполнение мечты всей ее жизни, ставшей частью ее самой. Для Фрэнсиса Уэйда это

---

¹ Строберри-Хилл — замок в предместье Лондона, известный собранием картин и произведений старины.

явилось освобождением от ответственности за чужой капитал, что всегда тяготило его простую натуру.

— Дорогой дядюшка, я отнюдь не собираюсь вмешиваться в ваши распоряжения,— сказал Джон Рекс во время их первого свидания.— Это было бы черной неблагодарностью с моей стороны. Мои потребности невелики, их так легко удовлетворить. На днях я увижусь с вашими адвокатами и все улажу.

— Повидайся с ними как можно скорее, Ричард, повидай их немедленно. Ты знаешь, что я плохой делец, но я надеюсь, что ты найдешь все в полном порядке.

Однако Ричард со дня на день откладывал этот визит. Тесного общения с адвокатами он не желал. Но он твердо решил, как ему надо действовать. Он будет брать деньги у матери лишь на все необходимые расходы, а когда она умрет, он заявит свои права.

— Любезная матушка, суровая жизнь отучила меня от гостиных,— сказал он.— Не надо поднимать шума из-за моего возвращения. Дайте мне какой-нибудь уголок, где я смогу курить свою трубку, и я буду счастлив.

Леди Дивайн, преисполненная любви и нежной жалости — чувств, неведомых натуре Рекса,— согласилась, и в «мистере Ричарде» вскоре стали видеть мученика, попавшего в водоворот случайностей, человека, страдающего от собственного несовершенства, а потому и нуждающегося в снисхождении. Итак, вернувшись домой, блудный сын получил в свое распоряжение апартаменты, слуг и собственный счет в банке и принялся вволю пить, курить и развлекаться.

Пять или шесть месяцев он чувствовал себя как в раю. Потом эта жизнь стала ему надоедать. Бремя лицемерия — тяжелое бремя, а Рекс был вынужден постоянно носить его. Леди Дивайн требовала, чтобы он отдавал ей все свое свободное время. Она смотрела ему в рот, заставляла его в сотый раз рассказывать историю своих странствий. Она не переставала целовать его, плакать над ним и благодарить его за ту «жертву», которую он ей принес.

— Мы обещали друг другу никогда больше не говорить об этом,— сказала однажды несчастная леди,— но если любовь, которой я жила все эти годы, может хоть немного вознаградить тебя за то зло, которое я тебе причинила...

— Полно, полно, дорогая мама,— прервал ее Джон Рекс, совершенно не понимая, о чем она толкует,— давай больше никогда не говорить об этом.

Леди Дивайн немного поплакала, а потом ушла, оставив человека, выдававшего себя за ее сына, в полном недоумении и даже некотором испуге. Между леди Дивайн и ее сыном существовала какая-то тайна, которую он не мог постичь. Мать больше не упоминала об этом, а Рекс день ото дня становился все смелее и наконец решил забыть все свои страхи.

На первых порах своего ложного существования он был робок и осторожен. Затем успокаивающее влияние комфорта, почета и уверенность в собственной безнаказанности — все это несколько его облагородило. Он начал чувствовать себя таким, каким он был в те времена, когда именовался Лайонелом Крофтоном. То, что его неусыпно оберегала любящая женщина, что она день и ночь осыпала его ласками и называла «сыночком»; то, что на него с восхищением смотрели крестьяне и с завистью — почтенные господа; что ему все и во всем уступали — это было ново и приятно. Люди так хорошо к нему относились, что у него иногда даже появлялось искушение признаться во всем и предать себя в руки тех, кого он обманул. Но нет, — думал он, — это было бы безрассудством. Никто бы ничего от этого не выиграл, а он опять обрек бы себя на несчастье. Настоящий Ричард Дивайн был погребен в пучинах каторги, где захлебывался в волнах человеческих страданий. Джон Рекс утешал себя тем, что присвоил имя человека, которого уже не было в живых, который никогда не сможет вернуться и уличить его, ибо мертвые не воскресают. Так успокаивая себя, он со временем становился все наглее, и его истинная натура все явственнее проявляла свою неприглядную сущность. Он жестоко обращался со слугами, был безжалостен к собакам и лошадям, часто беспричинно груб и не щадил домочадцев. Вначале леди Дивайн, как большинство чувствительных женщин, щедро расточала свою любовь человеку, которого считала своим сыном, несправедливо обойденным судьбой. Но его грубые замашки, себялюбие и распущенность постепенно пробудили в ней отвращение. Сначала бедняжка боролась с собой, стараясь преодолеть инстинктивную неприязнь к нему, убеждая себя, что растущая в ее сердце ненависть к несчастному сыну — почти преступление. Но наконец она была вынуждена сдаться.

В течение первого года Ричард вел себя вполне пристойно, но по мере того как круг его знакомых расширялся, а самоуверенность возрастала, он начинал то и

дело забывать ту роль, которую вознамерился играть. Однажды он отправился погулять с каким-то веселым другом, который считал за высокую честь принимать у себя за столом человека столь богатого. Ричард выпил гораздо больше положенного и явился домой пьяным до омерзения. Я говорю «до омерзения», потому что некоторые люди обладают искусством, пьянея, становиться веселыми и тем смягчать неприятное впечатление от своих выходок. Однако для Джона Рекса напиться лишь означало стать самим собой, то есть грубым и жестоким. Фрэнсиса Уэйда не было дома, а леди Дивайн уже удалилась ко сну, когда шарабан привез «мистера Ричарда». Почтенный дворецкий, открыв дверь, получил удар в грудь и приказание: «Бренди!» Обругав грума и отправив его ко всем чертям, Ричард, спотыкаясь, проследовал в столовую, где уже царил полумрак, однако слуги ожидали прибытия хозяина. Ричард крикнул: «Свечей!» Свечи тут же были принесены, и Ричард потехи ради стал забавляться тем, что капал на ковер растаявшим стеарином. «А сейчас у нас будет люминация!» — воскликнул он и, влезая грязными сапогами на дорогие кресла, царапая подошвами полированный стол, попытался прилепить свечи к серебряным канделябрам, которыми изысканный вкус Фрэнсиса Уэйда украсил столовую.

— Вы ломаете стол, сэр, — сказал слуга.

— И черт с ним! — рявкнул Рекс. — К-куплю другой. К-какое тебе дело до стола?

— О, разумеется, сэр! — ответил слуга.

— О, разумеется! П-почему разумеется? Что ты под этим разумеешь?

— Ничего, сэр, — ответил слуга.

— Если бы у меня был кнут, я б-бы тебя... ик... ик... Где бренди?

— Здесь, мистер Ричард.

— На-ка, выпей! Отличный бренди! Приведи слуг, и мы устроим танцы. Ты умеешь танцевать, Томкинс?

— Что вы, мистер Ричард.

— Вот тогда ты сейчас у меня и попляшешь, Томкинс. Когда-нибудь ты у меня ох как попляшешь! Эй, сюда! Живо! Мэри! Сюзанна! Жанет! Уильям! Гей! Живо!

И он принялся вопить и сквернословить.

— Не пора ли вам в постель, мистер Ричард? — осмелился спросить кто-то из слуг.

— Н-нет! — яростно взревел бывший каторжник. — Не войду! Я слишком долго ложился спать засветло! Мы

сделаем ллюминацию! Я здесь хозяин. Все это мое. Я — Ричард Дивайн. Правильно говорю, Томкинс, подлюга?

— О-о! Да-да, мистер Ричард.

— Вер-р-но, и запомни ты это! Я тебе не картина, что-бы глазеть на меня, глиняная ты башка! Я джентльмен! Джентльмен, который видел мир и знает всему цену. Я еще на многое способен. Вот погоди, Томкинс, как померет старушенция, тогда ты узнаешь меня!

Снова ругань и грозные пьяные посулы о том, что он еще натворит, когда получит наследство.

— Гони бренди! — Бац! Бутылка с грохотом летит в камин. — Зажги свет в гостиных! Мы будем танцевать! Я пьян! Ну и что? Если бы ты повидал то же, что и я, и ты был бы рад надрызгаться!

И, обращаясь к своему отражению в зеркале:

— Я кажусь дураком? Не такой уж я дурак, раз я здесь. А, ты еще смеешься, мерзавец? — Кулак с силой бьет по зеркалу. — Я тебе посмеюсь! Давайте музыку! А где старая леди? Тащите ее сюда, мы потанцуем.

— Леди Дивайн почивает, мистер Ричард! — в ужасе воскликнул Томкинс, загораживая вход на верхний этаж.

— Ну так мы вытащим ее из кровати! — проревел Рекс, кидаясь к двери.

Томкинс попытался удержать его, но он был мгновенно отброшен в шкафчик с редким фарфором, и пьяный дебошир устремился к лестнице. Слуги схватили его. Он бранился, отбивался, словно в него вселился демон. Хлопают двери, зажигают свечи, прибегают испуганные служанки с криками: «Уж не пожар ли? Где, что гасить?» Весь дом в суматохе. Возникшая среди этого хаоса леди Дивайн становится свидетельницей всей сцены. Увидев ее, Рекс разразился потоком непристойностей. В смятении и страхе она удаляется, а буйный, озверевший, растерзанный и окровавленный Рекс, изрыгающий проклятия, водворен наконец в собственные апартаменты. Грум, чье лицо сильно пострадало от кулаков Рекса, дал на прощание чувствительный пипок своему распростертому на полу господину.

На другой день леди Дивайн отказалась принять сына, хотя он послал к ней со слугой извинения.

— Боюсь, я немного перебрал вчера, — пожаловался он Томкинсу.

— Это верно, сэр.

— Мне становится плохо даже от капли вина, Томкинс. Неужели я вел себя непристойно?

— Вы немного буйствовали, сэр.

— Возьми соверен, Томкинс. Я чего-нибудь наболтал?

— Вы очень браились, мистер Ричард. Джентльмены так выражаются только в... трактирах.

«Ну и болвап же я! — подумал Рекс, одеваясь. — Так можно все погубить, если не быть осмотнительней». И он был прав. Он действительно вел себя так, чтобы все погубить. Однако ему удалось загладить неприятное впечатление, деньги заставили слугу замолчать, а принесенные извинения успокоили леди Дивайн, и по прошествии некоторого времени она его простила.

— Дорогая матушка, я все никак не могу свыкнуться с английскими обычаями, — сказал Рекс. — Иногда я чувствую себя не в своей тарелке в вашем тихом доме. Я хотел бы попутешествовать, если вы сообразоволяете дать мне немного денег.

Леди Дивайн согласилась с чувством облегчения, за которое внутренне себя упрекала, и Джон Рекс отправился в Париж, снабженный деньгами и рекомендательными письмами.

Окупувшись в мир излишеств и разгула, Ричард уже не мог остановиться. В юности он не страдал пороком пьянства, и, будучи трезвенником, он эту свою добродетель, как, впрочем, и другие, использовал для преступных целей. Одинокaя жизнь в австралийском буше пристрастила его к спиртному. И теперь, располагая крупными деньгами, он намеревался спустить их, как привык делать это в дни юности. Он забыл, что со времени его смерти и похорон мир отнюдь не изменился. Бывший Лайонел Крофтон мог встретить кого-то из своих прежних дружков, с которыми водил когда-то дружбу. Многие из них были живы-здоровы и процветали. Так, например, мистер Лемуан женился на достойной женщине, уроженке его родного острова Джерси, и давно грозился лишить наследства склонного к беспутству племянника.

Но мистер Лемуан не стал бы признавать Лайонела Крофтона, игрока и шулера, ни под его настоящим именем, ни под именем Ричарда Дивайна и разве что в силу несчастной случайности обнаружил бы обман.

Посему бедный Лайонел Крофтон тихо покоится в могиле, а новоявленный Ричард Дивайн, вверив тайну своей раздобревшей фигуре и густой бороде, мог успешно заводить знакомства с бывшими друзьями Лайонела Крофто-

на. В Париже и Лондоне было много людей, готовых свести хотя бы шапочное знакомство с джентльменом, у которого водятся денюжки. О приключениях Ричарда перешептывались в будуарах и клубах. И его история передавалась по-разному. Все знали, что у леди Дивайн был сын, которого считали умершим и который внезапно вернулся, немало поразив тем семью. Об истории его возвращения ходили самые различные толки.

Фрэнсис Уэйд хотя и был личностью заметной в Лондоне, но не входил в блистательный круг, принявший недавно его племянника. В Англии есть много новоиспеченных богачей, состояние которых не меньше оставленного старым кораблестроителем, но эти люди неизвестны в узком мире, включающем в себя всех, «кого стоит знать». Среди людей своего круга, торговцев редкостями, художников, антикваров, коллекционеров старины и литераторов Фрэнсис Уэйд был известен как меценат и знаток искусства. Для банкиров и адвокатов он был человеком с независимым состоянием, но так как он никогда не вмешивался в политику, не бывал в светском обществе, не заключал пари и не занимался торговыми операциями, то в некоторых довольно широких слоях общества он был мало кому знаком. Почтенные ростовщики потребовали бы о нем «исчерпывающих сведений», прежде чем учесть его векселя. Завсегдатаи клубов редко встречались с ним, и имя его было известно разве что только старым сплетникам, которые знали решительно всех и с незапамятных времен. Поэтому «воскрешение» Ричарда Дивайна — человека неотесанного, но с неограниченными средствами — произвело в основном впечатление на тот сомнительный круг мужчин и женщин, что именуется «полусветом». Они стали наводить справки о его прошлом и, не получив удовлетворительных сведений, принялись сочинять о нем небылицы. Все сошлось на одном — что он был паршивой овцой, хоть его деньгами нельзя было пренебрегать, и что, видно, потому семья постаралась от него отделаться.

Приятный с полным доверием, Ричард Дивайн вошел в лучшую часть «дурного общества» и не имел недостатка в «дружках», которые охотно помогали ему тратить деньги. Он швырял ими направо и налево, и Фрэнсис Уэйд наконец встревожился частыми требованиями больших сумм и просил племянника скорее произвести с ним все расчеты. Но Ричард Дивайн был неуловим — его нельзя было поймать ни в Париже, ни в Гамбурге, ни даже в

Лондоне, и вообще нигде, — словом, нельзя было заставить его заняться делами, и Фрэнсис Уэйд начал всерьез беспокоиться. Почтенный джентльмен даже заболел от тревоги, вызванной беспутным поведением племянника. «Я прошу, дорогой Ричард, известить меня о том, что делать», — писал он. «Милый дядюшка, поступайте так, как сочтете наилучшим», — отвечал племянник.

«Позволишь ли ты Перкису и Квейду заняться твоими делами?» — спрашивал озабоченный Фрэнсис.

«Не ненавижу адвокатов, — отвечал Ричард. — Но поступайте так, как находите нужным».

Мистер Уэйд начал раскаиваться в том, что с самого начала так легковерно согласился вести денежные дела племянника. Не то чтобы он не питал подозрений в отношении личности Рекса, просто он помнил, что Дик всегда был бесшабашным юнцом. Ровное течение жизни этого любителя редкостей было нарушено. Он поблудил, глаза ввалились. Он похудел, жаловался на плохое пищеварение. Он даже потерял интерес к фарфору. Одним словом, мистер Уэйд впал в отчаяние и усомнился в способности выполнить свою миссию в жизни. Леди Элинор заметила, что ее брат изменился. Он стал угрюмым, капризным, раздражительным. По секрету она обратилась к домашнему врачу, но тот только пожал плечами.

— Нет никакой опасности, — сказал он, — если он будет вести размеренный образ жизни, он проживет много лет. Но помните, что отец его скончался от сердечной болезни.

После их разговора леди Элинор написала длинное письмо Ричарду, находившемуся в Париже. Она известила его о мнении доктора и попросила немедленно вернуться. Ричард ответил, что его задерживает дело чрезвычайной важности — улучшение породы лошадей, но что 14-го числа он будет у себя на Кларджес-стрит (он давно уже приобрел себе городской дом), и тогда он «займется всеми делами». «Дорогая матушка, — писал Ричард, — недавно я проиграл крупную сумму, и произведение окончательного расчета весьма для меня кстати». Дело в том, что уже три года Джон Рекс без всяких помех тратил деньги, сейчас же он решил, что наступил момент для осуществления *grand coup*¹, чтобы полностью заграбастать состояние, ради которого он вел всю игру.

---

¹ Решительный удар (*фр.*).

ИЗ ДНЕВНИКА
ПРЕПОДОБНОГО ДЖЕЙМСА ПОРТА*12 мая.*

Сегодня я прибыл на остров Норфолк и познакомился со своим новым местожительством, находящимся в тысяче ста милях от Сиднея. Остров представляет собой большую скалу в тропических водах и является весьма подходящим местом для ссылки. Он простирается примерно на семь миль в длину и четыре в ширину. Главной достопримечательностью острова является стройная норфолкская сопка, возвышающаяся на сто футов над окружающим ландшафтом. Природа этой местности первобытна и красива. Она напоминает мне природу романтических островов в Тихом океане, с такой любовью описанных старыми географами. Лимонные, лаймовые деревья, гуавы, апельсины, виноград, инжир, бананы, персики, гранаты, ананасы — все это произрастает здесь в изобилии. Климат в это время года сырой и жаркий. Подход к Кингстауну — так здесь именуется скопление бараков и хижин — весьма затруднен. Длинный, низкий риф, возможно, прежде являвшийся частью скалистых островов Непин и Филипп, простирающихся к востоку и западу от поселка, загораживает бухту и мешает кораблям причаливать к берегу. Пересев в шлюпки, мы отыскивали узкий пролив между рифами, в то время как корабль наш держался на сигнальной дистанции. Волны порой окатывают стену, обрамляющую мощную дорогу, что ведет к баракам. Местные порядки вызывают во мне ужас. Здесь, по-видимому, отсутствует всякое представление о дисциплине. По пути к дому коменданта мы прошли мимо какого-то полуразвалившегося строения, возле которого арестанты мололи маис. При виде нас они стали свистеть, улюлюкать, выкрикивать всякие непристойности. Находившиеся рядом надзиратели не сделали ни малейшей попытки прекратить это безобразие.

14 мая.

Я сажусь писать с такой неохотой, словно речь пойдет о путешествии по клоаке.

Прежде всего о бараках для арестантов. Они занимают площадь около трех акров и обнесены высокой стеной. Между этой стеной и морем проложена дорога. Бараки

трехэтажные, вмещают в себя семьсот девяносто человек. (Замечу, что население острова составляет более двух тысяч душ.) В бараках двадцать две камеры. Каждая камера уходит в глубину здания, занимая площадь в восемнадцать футов, и представляет собой нечто вроде трубы, по которой гуляет горячий или холодный воздух. Когда камера заполнена, люди стараются располагаться поближе к окнам. В самой большой камере размещается сто человек, а в самой маленькой — пятнадцать. Арестанты спят в подвесных койках, напоминающих гамаки, вплотную прижатые друг к другу, как койки на кораблях, с проходом посередине. В каждой камере имеется свой надзиратель. Его избирают сами арестанты, и, как правило, это человек самой дурной репутации. Он должен следить за порядком, чего он никогда и не пытается делать. Каждый вечер после шести часов его запирают вместе с арестантами, из камеры уносится фонарь, и все остается в темноте вплоть до рассвета. Не исключена возможность, что арестанты могли бы ночью учинить над ним расправу, если бы надзиратель им чем-нибудь насолил.

Строения выходят на Барачную площадь, где шатаются праздные арестанты. Сюда же выходят окна больничной палаты, и арестанты постоянно переговариваются с больными. Лазарет представляет собой низкое каменное строение, вмещающее двадцать человек, обращенное своим фасадом к бухте. Я приложил руку к стене, и моя ладонь стала влажной. Один арестант, страдающий язвой, объяснил мне, что влажность эта — следствие прилива, когда вода подступает к самому зданию.

На острове две тюрьмы — старая и новая. Старая тюрьма находится возле моря, неподалеку от причала. Снаружи у дверей стоит виселица. Я коснулся ее, проходя в тюрьму. Это адское сооружение первым возникает перед глазами прибывшего сюда арестанта. Новая тюрьма, недавно построенная, имеет форму пятиугольника; в ней восемнадцать радиально расположенных камер; проект всей конструкции был одобрен каким-то мудрецом в Англии, который, вероятно, счел, что отсутствие у человека возможности общения с ему подобными не должно доводить его до сумасшествия. В старой тюрьме сидят двадцать четыре арестанта, закованных в тяжелые цепи, все они ждут суда особой комиссии из Хобарт-Тауна. Некоторые из этих бедолаг совершили преступления вскорости после заседания предыдущей комиссии и потому уже просидели в тюрьме около года.

В шесть часов переключка. Перед переключкой я прочел молитвы. Меня поразило, что присутствовала только часть арестантов, в то время как другие бродили по двору, свистели, пели и отпускали шуточки. Переключка — чистый фарс. Она должна проводиться во дворе, после чего арестантам надлежит под надзором пройти в свои бараки. Не тут-то было! Они беспорядочно кинулись в бараки и повалились на койки, кто одетый, кто раздетый. И лишь тогда помощник надзирателя начал переключку. Если на каждое названное имя кто-то откликнулся надзирателю, считается, что все в порядке. После этого фонарь уносится, но около восьми часов его приносят на несколько минут, когда в барак впускаются арестанты отличного поведения, которым разрешено появляться позже, а затем все остаются предоставленными самим себе до утра. Так как мне слишком известны нравы каторжан, сердце мое сжалось, когда я вообразил себя на месте только что прибывших, брошенных в это вонючее логово, обреченных страдать здесь с шести часов вечера до самой зари.

15 мая.

Между высокими стенами, примыкающими к арестантским баракам, находится место, называемое Двором Отбросов. Это арестантская столовая. Она покрыта двухскатной крышей, под которой располагаются столы и скамейки. Столовая рассчитана на шестьсот человек, но так как сюда всегда набивается семьсот, то тем, кто послабее, приходится сидеть на земле. Более беспорядочного зрелища, чем это место в обеденные часы, я никогда не видел. Рядом помещаются кухни, где люди сами готовят себе пищу. Снаружи у кухонной двери лежит топливо, костры разводят на земле где попало. Арестанты рассаживаются вокруг них, жарят свои куски свинины, выпекают маисовые лепешки, болтают, курят.

Двор Отбросов — своего рода Эльзас¹, где находят убежище преследуемые преступники. Не думаю, чтобы даже самый смелый констебль решился бы заглянуть сюда, чтобы отыскать кого-либо среди семисот человек. Если бы он и вошел сюда, живым бы ему не выбраться.

---

¹ Эльзасом в XVI—XVII вв. на воровском жаргоне назывался квартал в Лондоне, где находились воровские притоны.

16 мая.

У меня состоялся разговор с помощником надзирателя по имени Хэнки. Он сообщил мне, что здесь отбывают свой срок около сорока самых злостных преступников, которые составляют так называемое «Кольцо». Члены этого «Кольца» связаны клятвой поддерживать друг друга и мстить за своих товарищей, подвергшихся наказанию. Хэнки привел два случая, когда арестанты, прибывшие из Англии, отказались участвовать в преступлении, задуманном «Кольцом», и донесли об этом коменданту. Наутро их нашли задушенными на своих койках. Провели расследование, но никто из девяноста человек этой камеры не сказал ни слова.

Я страшусь своей миссии. Смогу ли я проповедовать нравственность и благочестие таким людям? Удастся ли мне спасти хотя бы наименее ожесточенных?

17 мая.

Сегодня я побывал в камерах и вернулся в отчаянии. Положение намного хуже, чем я предполагал. Оно не поддается никакому описанию. Прибывшие из Англии арестанты — истории некоторых весьма трогательны — подвергаются оскорблениям и насмешкам со стороны закоренелых преступников, являющихся отребьем Порт-Артура и острова Какаду. Они шутя совершают самые гнусные злодеяния. Среди арестантов есть и такие, которые в открытую поносят начальство, сквернословят и устраивают такое, рядом с чем и Бедлам показался бы тихим местечком.

Здесь есть и арестанты, которые убивали своих товарищей и еще похваляются этим. И с ними вместе помещают английского батрака, взбунтовавшегося рабочего или какую-нибудь жертву лжесвидетельства или судебной ошибки. Здесь же китайцы из Гонконга, аборигены из Новой Голландии, чернокожие жители Вест-Индии и Малайи, греки, кафры, дезертиры из армии, умственно неполноценные люди, сумасшедшие, свинокрады и мелкие карманники. Кажется, что это страшное место вобрало в себя все, что ни есть самого уродливого и омерзительного в человеческой природе. Царящие здесь разнузданность, непокорность, грязь и отчаяние приводят на ум общепринятые представления об аде.

Сегодня я официально приступил к отправлению своих обязанностей религиозного наставника в колонии.

Утром произошел случай, раскрывший мне опасную сущность «Кольца». Я сопровождал мистера Паунса во Двор Отбросов; войдя туда, мы заметили в толпе, окружавшей кухню, человека, который при виде нас нарочно закурил. Старший констебль острова — мой старый приятель Троук из Порт-Артура, — заметив, что это привлекло внимание Паунса, указал на этого человека своему помощнику. Помощник, Джекоб Гимблет, приблизился к курящему и попросил его отдать трубку. Арестант засунул руки в карманы и с презрительной миной отошел к тому углу, где собиралось «Кольцо».

— Уведите негодяя в тюрьму! — крикнул Троук.

Никто не двинулся с места, а человек, стоящий у ворот, ведущих через плотницкую мастерскую к баракам, посоветовал нам удалиться, так как арестанты нипочем не позволят увести курильщика. Однако Паунс, проявив неожиданную для меня решимость, настоял на том, чтобы столь дерзкое нарушение правил не осталось безнаказанным. Троук по его требованию протиснулся сквозь толпу и направился к месту, где укрылся нарушитель.

Двор жужжал как потревоженный улей, и я было подумал, что сейчас все на нас кинутся. Но вскорости появился арестант, не конвоируемый, а, скорее, сопровождаемый старшим констеблем острова. Он приблизился к незадачливому помощнику констебля, стоявшему рядом со мной, и спросил:

— За что вы приказали отправить меня в тюрьму?

Помощник что-то ответил и посоветовал ему спокойно следовать куда приказано, как вдруг арестант поднял кулак и одним ударом свалил его на землю.

— Уходите, джентльмены, — сказал Троук. — Они уже вынимают похи.

Мы направились к воротам, а толпа прихлынула, как море, окружив двух констеблей. Я опасался убийства, но через несколько минут из толпы вышли Троук и Гимблет, достаточно запыленные, но невредимые, а между ними шел провинившийся. Проходя мимо меня, он с мрачным видом поднял руку, то ли для того, чтобы поправить свою соломенную шляпу, то ли чтобы запоздало принести извинения. Я никогда не был свидетелем более нарочитого, ничем не вызванного нарушения порядка. У «старых

псов», как пазывают бывалых каторжников, вошло в привычку ругательски ругать начальство, что обычно пропускается начальством мимо ушей, но я никогда раньше не видел, чтобы человек ни с того ни с сего ударил констебля. Думаю, что он это сделал из чистого бахвальства. Троук назвал мне этого человека — Руфус Доуз, добавив, что он главарь «Кольца» и считается самым неисправимым арестантом на острове. Чтобы призвать его к порядку, Троук должен был прибегнуть к его языку, но в присутствии полномочного представителя его превосходительства он не осмелился это сделать.

Арестант оказался тем самым человеком, которого я обидел в Порт-Артуре.

Семь лет «строного режима», по-видимому, не исправили его характер. Он «вечник» — и обречен до конца своих дней прозябать в этом месте! Троук говорит, что он был грозой Порт-Артура и что его прислали сюда после «чистки» преступников. Он находится здесь уже четыре года. Несчастный!

24 мая.

После молитвы я повестил Доуза. Он заключен в старую тюрьму, в одну камеру с семью арестантами. По моей просьбе он вышел и встал, прислонясь к дверному косяку. Он очень изменился с тех пор, как я его видел. Семь лет назад это был крепкий, прямой, красивый мужчина. Теперь же он превратился в мрачного, угрюмого, сутулившегося бедолагу. У него седые волосы, хотя ему не более сорока лет, его фигура утратила пропорциональность частей, которая некогда делала его стройным и подвижным. Его лицо тоже стало похожим на лица других арестантов — а они все безобразно похожи друг на друга! — и если бы не черные глаза и особая манера сжимать губы, я не узнал бы его. Насколько же порок, вошедший в привычку, и преступная среда огрубляют «образ и подобие божье»! Я говорил очень мало, так как другие арестанты прислушивались, как мне показалось, им не терпелось стать свидетелями моего смущения. Очевидно, Руфус Доуз привык отвечать дерзостью на поучения моего предшественника. Я беседовал с ним всего лишь несколько минут, сказав, как глупо сопротивляться власти, которая сильнее его. Он не отвечал, и только когда я напомнил ему о нашей давней встрече, он выказал подобие чувства, — передернул плечом не то от боли, не то гневно, и, кажется,

хотел что-то сказать, но, бросив взгляд на собравшихся в углу, снова погрузился в молчание. Мне надо во что бы то ни стало побеседовать с ним наедине. Ничего не добьешься от человека, постоянно запертого с семьей другими, если те дьяволы почище его самого.

Я послал за Хэвки, чтобы расспросить его о состоянии камер. Он ответил, что тюрьма забита сверх меры. «Одиночное заключение» — фикция. Шесть человек, приговоренных к одиночному заключению, сидят в маленькой клетушке. Клетушка зовется «женским монастырем». Когда я вошел туда, все шесть человек лежали обнаженные до пояса, пот ручьями катился по их нагим телам. Противно даже писать о подобных вещах.

26 июня.

Паунс отплыл на «Леди Франклин» в Хобарт-Таун; по слухам, что нам пришлют нового коменданта. Капитаном на «Леди Франклин» служит старик Блант, протеже Фрера, к которому я проникся необъяснимой антипатией.

Сегодня утром видел Руффуса Доуза. Он по-прежнему мрачен и хмур. Отношение к нему прескверное. Он то и дело получает наказания. Я узнал, что он и еще другой арестант, Иствуд, по кличке Джекки-Джекки, кичатся тем, что являются вожаками «Кольца», и не скрывают, что жизнь им опротивела. Может ли быть, что незаслуженная порка, которой подвергли его в Порт-Артуре, вкупе с другими бесчисленными издевательствами, искалечила его душу? Вполне возможно.

О, Джеймс Норт, вспомни о своем собственном преступлении и моли небо, чтобы оно помогло тебе спасти хотя бы одну заблудшую душу, чтобы ты смог оправдаться в день Страшного суда!

30 июня.

Сегодня после полудня я решил отдохнуть и пошел прогуляться к горе Маунт-Пит. Остров лежал у моих ног, — и как об этом сказал любимый поэт миссис Фрер: «Словно дивный остров рая в синеве лежит, сияя». У Софокла в «Филоктете» тоже есть что-то похожее, но я не могу этого припомнить. Кстати, я измерил одну сосну — двадцать три фута в обхвате! Я шел вдоль небольшого ручья, бегущего с гор, пробивающего свой извилистый

путь сквозь густые заросли ползучих цветущих растений. Ручеек достигает прелестной долины, окруженной высокими деревьями, ветви которых оплетают пышные виноградные лозы, образуя зеленый свод. Здесь же развалины старой хижины, в которой некогда обитали первые поселенцы. Лимоны, пижир и гуавы стоят сплошной стеной, а кустарники и тростники перевиты выюнками с их пурпурными и малиновыми цветами.

Я присел там покурить. Прежний обитатель этих комнат, очевидно, читал по-французски, так как в поисках книги, — а я никогда не хожу на прогулку без книги, — я нашел томик Бальзака и захватил его с собой. Это оказались сочинения из «Сцен частной жизни», и я наткнулся на рассказ «Мнимая любовница». Реально представляя Париж, созданный его воображением, где Маркас выступает политиком, Нусинген — банкиром, Гобсек — ростовщиком, а Вотрен — кандидатом на ссылку в местечко, подобное этому, Бальзак знакомит меня с неким поляком по имени Паз, который, будучи влюбленным в жену своего друга, отдает себя безраздельно заботам о ней и ее счастье, а также о благополучии ее супруга. А супруг — игрок и мот. Паз уверяет женщину в том, что в их домашних финансовых затруднениях повинен не муж ее, а он, Паз, который якобы вымогал у ее мужа деньги. Однако она ему не верит, и Паз, чтобы рассеять все сомнения, прикидывается влюбленным в цирковую наездницу. Наконец жена начинает просить обожаемого супруга:

— Избавься от своего неумного друга! Гони его прочь! Он мот, игрок и пьяница!

В конце концов Паз умирает, и лишь после его смерти дама узнает истинную ему цену. История эта плохо кончается.

Бальзак был слишком большим художником, чтобы позволить себе завершить ее счастливым финалом. В реальной жизни занавес никогда не опускается на счастливом исходе драмы. Игра продолжается вечно.

Я думал об этом рассказе весь вечер. Человек, который любит жену своего друга и жертвует собой во имя ее счастья, скрывая от нее сумасбродства мужа! Разумеется, никто, кроме Бальзака, не набрел бы на такой сюжет. «Человек, который возлюбил жену ближнего своего»... О, Асмодей, я умолкаю! Я так давно не беседовал с тобой, что краснею от робости и не могу признаться во всем, что таится в моем сердце. И никогда не признаюсь в этом. Стало быть, на сегодня довольно.

ИЗ ДНЕВНИКА ПРЕПОДОБНОГО ДЖЕЙМСА ПОРТА

24 августа.

С 30 июня в моем дневнике появилась только одна запись — о прибытии к нам нового коменданта, как я и ожидал, им оказался капитан Морис Фрер.

Перемены, которые здесь произошли, настолько велики, что просто не поддаются описанию. Капитан Фрер оправдал наихудшие мои ожидания. Он жесток, мстителен и властолюбив. Его знание тюрьмы и арестантов дает ему преимущество перед Берджесом, в остальном же он очень похож на этого свирепого зверя. Его единственная забота — держать арестантов в узде. Пока на острове все спокойно, ему наплевать — живы они или мертвы.

«Я послан сюда, чтобы навести порядок,— сказал он мне через несколько дней по прибытии.— И я этого добьюсь!»

Должен признаться, что он этого добился, внушив, однако, такую к себе ненависть, что когда-нибудь пожалеет о своем успехе. Он создал три полицейских отряда. Один несет охрану на плантациях, другой — в мастерских и общественных зданиях, а третий — сыскная полиция. На острове двести человек солдат. Их командир, капитан Мак-Наб, действуя по распоряжению Фрера, загружает арестантов непосильной работой. Все поводы дисциплины теперь туго натянуты. Вместо беспорядка, который я здесь застал, Фрер установил жесточайшие строгости. Если офицер даст арестанту хотя бы понюшку табаку, он будет немедленно выдворен с острова. Росший здесь дикий табак был вырван с корнями и уничтожен, чтобы арестантам не досталось ни одного листочка. Отменено право получения котелка с горячей водой после возвращения партии с работ. Пастухам, сторожам и всем другим арестантам, живущим в Лонгридже или Каскадах (поселки арестантов-англичан), запрещено держать попугаев или других каких-либо птиц. Плетение арестантами соломенных шляп в часы досуга также запрещено. Поселки, где живут арестанты-«старожилы», обнесены заграждениями — частокколами, выходить за пределы которых запрещается, исключение делается лишь для тех, кто следует на работы. Два дня тому назад негр Джоб Додд уронил свою куртку

за частокол и перемахнул через него, чтобы ее поднять. За это его жестоко выпороли. Наказания плеткой стали возмутительно часты. Я не раз видел место, где арестанты стояли у треугольника, залитого кровью так, будто кровь вылили из ведра и она образовывала лужу, которая растекалась в разных направлениях ручейками в два-три фута длиной. Допустим, что к преступникам должны применяться суровые меры, но почему весь остров находится в положении унижительного порабощения? Нет ни малейшей возможности протестовать. Люди безропотно идут на работу и, вернувшись, уползают на свои койки, как побитые собаки в конуру. Тюрьма и одиночные (!) камеры битком набиты арестантами, каждый день выносятся все новые приговоры за все новые преступления. Здесь все считается преступлением, кроме того, что ты дышишь.

Метод, с помощью которого капитан Фрер терроризирует остров, выявляет суть этого человека. Он заставляет всех шпионить за всеми, умиряет наиболее дерзких жестокостью, превышающей их собственную, и, предоставляя отпетым негодяям в качестве поощрения почетные должности, приказывает им выискивать случаи, подлежащие наказанию. Всякое предательство награждается. Полицейские из арестантов могут обыскивать своих товарищей где угодно и когда угодно. Эти обыски часто производятся самым разнузданным, грубым и бесцеремонным образом. Если же арестант сопротивляется обыску, то обыскивающий может избить его своей дубинкой. Всюду господствует инквизиторская бдительность и слепая жестокость, и жизни сотен арестантов превратились в сплошную агонию страха и самоунижения.

— Не могу поверить,— сказал я однажды капитану Фреру, в первые дни «новых порядков»,— что арестанты, которых вы назначили констеблями, будут выполнять свои обязанности.

— И еще как будут! — ответил он. — Если они станут потакать арестантам, я их высеку, и они это знают. А если они будут делать, что я им приказываю, их так возненавидят арестанты, что они будут рады и отца родного засечь у треугольника, лишь бы я не отправил их обратно в общие камеры.

— Вы обращаетесь с ними как с рабами, которые сторожат диких зверей. Они должны бить зверей, чтобы их самих не били.

— Правильно,— сказал он и хрипло рассмеялся. — Если я хоть раз их выпорю, они будут делать все, что при-

кажут, лишь бы снова не попасть в клетку, вы меня понимаете?

Страшно подумать, что такая логика присуща человеку, который имеет не только жену и друзей, но и врагов. Эта логика надзирателя в камере пыток. Я уже более не могу выносить это место. Я перестаю верить в общественные благодеяния. Эта логика изымает из уголовного кодекса все благородное и достойное уважения. Здесь властвуют жестокость, унижение и бесчеловечность.

26 августа.

Сегодня опять видел Руфуса Доуза. Он ведет себя как обычно — дерзко и вызывающе. Он погружен в бездну самоуничтожения и явно испытывает радость от своего падения. Это состояние мне хорошо знакомо...

Он работает в кандалной партии, в которую помощником надзирателя назначен Хэнки. Слепой арестант Муни, которого отправили в лазарет, сообщил мне, что арестанты собирались убить Хэнки, но Доуз, к которому Хэнки относился по-доброму, помешал убийству. При встрече с Хэнки я рассказал ему об этом и спросил, знал ли он что-нибудь о заговоре. Он ответил мне — «нет», и сам весь задрожал от страха. «Майор Пратт обещал перевести меня в другую партию, — сказал он. — Я ожидал, что дело может дойти до этого». Я поинтересовался, почему Доуз его защищает, и он, поколебавшись, объяснил мне, взяв с меня слово, что я ничего не скажу коменданту. Как-то утром на прошлой неделе Хэнки ходил в дом капитана Фрера с рапортом от Троука и на обратном пути сорвал цветок в его саду. Доуз попросил у него этот цветок в обмен на двухдневную порцию пищи. Хэнки, человек по натуре не злой, отдал цветок арестанту. «Когда он его взял, на его глаза навернулись слезы», — добавил Хэнки.

Ведь можно же найти ключ к сердцу этого человека, каким бы закоренелым преступником он ни казался.

28 августа.

Вчера Хэнки убили. До этого он просил, чтобы его убрали из этой партии, но Фрер отказал. «Я не позволю моим людям малодушничать, — сказал он. — Если арестанты пригрозили убить вас, я вас продержу там еще месяц назло им».

Эти слова стали известны, и вчера арестанты напали на несчастного тюремщика и лопатами раскроили ему череп. Зачинщик кричал: «Поделом тебе! А если твой начальник не побережется, он на днях получит то же самое!» Арестанты были заняты постройкой мола и работали по грудь в воде. Хэнки упал после первого удара и уже больше не шевелился.

Я пришел к арестантам этой партии, и Доуз сказал мне:

— Все произошло по вине Фрера. Ему следовало бы отпустить Хэнки.

— Удивляюсь, почему же вы не вмешались? — спросил я.

— Я сделал все, что мог, — ответил он. — Жизнь человека здесь ничего не стоит.

Этот случай напугал надзирателей, и они подали коменданту петицию, подписав ее вкруговую: они просили убрать их с постов.

То, что сделал Фрер с этой петицией, тоже свойственно его характеру и вызывает во мне как восхищение, так и отвращение. Он появился в тюрьме, зашел во двор, запер за собой ворота и сказал:

— Вот эту петицию я получил от моих надзирателей. Они боятся, что вы их убьете, как вы убили Хэнки. Ну что ж, если хотите убивать — так убейте меня! Вот я здесь, перед вами. Ну, кто-нибудь, выходите!

Все это было сказано вызывающе-презрительным тоном, но никто не сдвинулся с места. Я видел двенадцать пар глаз, горящих ненавистью, но бульдожья смелость этого человека впускала здесь почтение. Было бы очень просто убить его тут же на месте, тем более что смерть его уже давно была предрешена ими. Но никто и пальцем не шевельнул. Единственный человек, который подался вперед, был Руфус Доуз, но он тут же остановился.

Фрер проявил отчаянную храбрость — я не считал его на это способным, — он подошел к Доузу, самому свирепому из всех арестантов, и легко пробежал пальцами по его бокам, как это делают констебли, обыскивая человека. Доуз, с его свирепым нравом, побагровел от этой наглости, и я подумал, что он сейчас его ударит. Но он не ударил. Тогда Фрер, безоружный, придвинувшись к нему вплотную, спросил:

— Ну, как поживаешь, Доуз? Не подумываешь ли опять удрать? Быть может, ты соорудил себе еще несколько лодок?

— Дьявол! — вот и все, что вымолвил скованный человек. Но в голосе его послышалась такая угроза, что все похолодели.

— Правильно, ты в этом еще убедишься! — со смехом ответил Фрер и, повернувшись ко мне, добавил тем же издевательским тоном:

— Вот вам кающийся грешник, мистер Норт, — попробуйте на нем свое искусство!

Я опедел от этой дерзости, но лицо мое, очевидно, выразило отвращение, потому что он слегка покраснел и, когда мы уходили со двора, даже попытался оправдаться, говоря, что нет смысла читать проповеди камням и что такие закоренелые преступники, как Доуз, абсолютно безнадешны.

— Я этого мерзавца знаю давно, — сказал он. — Он приехал вместе со мной на корабле из Англии и хотел поднать на борту мятеж. Это он чуть не убил мою жену. С него ни разу не снимали кандалы, он носит их уже восемнадцать лет, не считая тех дней, когда был в бегах. У него три пожизненных приговора, очевидно, он так и умрет в кандалах.

Да, это, по-видимому, страшный преступник, и тем не менее я чувствую к нему какую-то необъяснимую симпатию.

Глава 61

МИСТЕР РИЧАРД ДИВАЙН ПОЛУЧАЕТ УДАР

Городской дом Ричарда Дивайна находился в Лондоне на Кларджес-стрит. Сей скромный особняк не был его единственным владением. У Джона Рекса были вкусы, требовавшие больших расходов. Он не был ни стрелком, ни охотником, поэтому и не вкладывал свои капиталы ни в лицензии на охоту в шотландских болотах, ни в охотничьи угодья в Лейстершире. Но его конюшни были предметом восхищения всего Лондона. Ему принадлежала почти вся деревня возле Донкастера, где разводили породу скаковых лошадей; он держал яхту в Коусе и, помимо особняка в Париже, арендовал виллу в Бромптоне. Он был членом нескольких привилегированных клубов и мог бы жить как принц в любом из них, если бы захотел. Но постоянный страх, что его разоблачат, не рассеявшийся за целых три года полного попустительства и бесконтроль-

ной свободы, вынудил его предпочесть жизнь в собственном доме, где он мог собирать общество по своему выбору. Дом на Кларджес-стрит был обставлен в соответствии со вкусом его владельца. На стенах висели картины с изображением лошадей, в библиотеке хранились отчеты о скачках, а также романчики с описанием спортивной жизни. Утром 20 апреля 1846 года Фрэнсис Уэйд ожидал появления своего племянника, со вздохом вспоминая благословенную атмосферу изысканности и покоя, царившую у него дома в Нортэнде.

Ричард вышел к нему в халате. После трех лет бесшабашной жизни и пьянства он утратил атлетическую стройность и красоту. Ему уже было за сорок, и внезапное прекращение тяжелого физического труда, к которому он привык, будучи каторжником, а впоследствии овцеводом, способствовало развитию его природной склонности к полноте. Из статного, представительного человека он превратился в толстяка. Щеки его покраснели от неумеренного употребления крепких напитков, бунтовавших в его крови. Руки его распухли, движения утратили былую уверенность. В бакенбардах проступала седина. Глаза его, все еще блестящие и черные, окружала густая сеть морщинок, которые называют «гусиными лапками». Он преждевременно облысел — верный признак телесных излишеств. Заговорил он с наигранным добродушием, слишком уж бойко, чтобы преодолеть смущение:

— О, мой дорогой дядя! Ха-ха! Присаживайтесь! Счастливы вас видеть. Вы уже позавтракали? О да, конечно, позавтракали. Я что-то очень поздно лег вчера. Уверен, что вы не откажетесь! Стаканчик вина? Не желаете? Тогда присядьте и расскажите, что нового в Хэмпстеде.

— Благодарствую, Ричард, — сухо отвечал старый джентльмен. — Мне надо серьезно поговорить с тобой. Каковы твои планы относительно имения? Эта неопределенность меня тяготит. Либо ты освободишь меня от опекунства, либо последуешь моим советам.

— Дело в том, что я... — начал Ричард, и на лице его появилось неприятное выражение, — дело в том, что, если говорить напрямик — а вам лучше узнать правду сейчас, — мне очень нужны деньги.

— Тебе нужны деньги? — в ужасе вскричал мистер Уэйд. — Я знаю от Перкиса, что имение приносит тебе двадцать тысяч фунтов в год.

— Может быть, так и было лет пять назад, но игра на скачках, тотализатор, пари да и другие развлечения,

относительно которых не советую вам проявлять любопытство, изрядно уменьшили эту сумму.

Он говорил вызывающе дерзко и грубо. Видно, от успехов он совсем обнаглел. Его «дендизм» был напускным. Бедность и необходимость изворачиваться заставляли его играть роль «джентльмена», а теперь, когда нужда миновала, его природная грубость вышла наружу. Мистер Уэйд с отвращением взял щепотку табаку.

— Я не желаю слушать о твоих дебошах, — сказал он. — Наше имя и так уже достаточно опозорено.

— «Кто сел черту на спину, тот свалится ему под брюхо!» — резко отпарировал Ричард. — Мой старик загребал деньги еще более грязными путями, чем я их трачу. Клянусь, что такого прожженного негодяя и скряги свет не видывал.

Фрэнсис Уэйд встал.

— Ты не смеешь оскорблять память отца, Ричард! Он оставил тебе все.

— Да, по по чистой случайности. Он не хотел мне ничего оставлять. Если бы не его смерть, то все досталось бы этому прохвосту Фреру, по которому виселица плачет. Между прочим, — добавил он другим тоном, — вы что-нибудь слышали о Морисе?

— Уже много лет ничего не слышал, — ответил Уэйд. — Он, кажется, в Сиднее, служит в Департаменте по делам ссыльных.

— Да неужели?! — воскликнул Рекс, невольно вздрогнув. — Надеюсь, он там и останется. Однако вернемся к делу. Я решил все продать.

— Все продать?!

— И клянусь, что сделаю это. Продам дом в Хэмпстед-е и прочее.

— Как? Нортэнд?! — вскричал потрясенный Фрэнсис Уэйд. — Да ведь там резьба Гринлинга Гиббонса, лучшая в Англии!

— Ничего не поделаешь, — усмехнулся Ричард и позвонил в колокольчик. — Мне нужны деньги во чтобы то ни стало. Смитерс, подайте завтрак. Я собираюсь ехать.

У Фрэнсиса Уэйда от изумления перехватило дыхание. Все его воспитание, традиции и привычки воспротивились этому плану. Он скорее бы согласился продать собор святого Павла, чем место, где он хранил свои сокровища искусства — монеты, кофейные чашки, картины и манускрипты.

— Ричард, наверно, ты шутишь? — спросил он, задыхаясь.

— Я говорю всерьез.

— Да, но кто купит все это?

— О, таких людей много. Я разделю землю на участки для строительства. Кстати, говорят, что собираются проложить подземное сообщение с конечной станцией в Сент-Джонс-Вуде, и тогда сад будет перерезан. Вы точно помните, что вы завтракали? Тогда извините меня — я поем.

— Нет, Ричард, ты пошутил! Ты никогда этого не сделаешь!

— Я собираюсь прокатиться в Америку, — сказал Ричард, разбивая яйцо. — Европа мне осточертела. И потом, зачем все это мне нужно? Ваша «семейная традиция», «родовое поместье» — вздор все это! Теперь, дорогой дядюшка, нужны только деньги. Вот что! Наличные денежки! Звонкая монета.

— И что ты намерен сделать?

— Выкупить пожизненную долю матери, как предусмотрено завещанием, затем продать имение и отправиться путешествовать, — сказал Ричард, уплетая тушеную куропатку.

— Ты удивляешь меня, Ричард. Ты меня поражаешь! Конечно, ты волен поступать как тебе заблагорассудится. Но такое внезапное решение... Старый дом — разрозненные участки — вазы, монеты, картины... Я просто теряюсь! Ну, что ж, это твое имущество, и я... я пожелаю тебе приятно провести день!

«Как захочу, так и сделаю, — говорил себе Рекс, заканчивая завтрак. — Пусть он продает с аукциона свои безделушки и отправляется за границу, в Германию или в Иерусалим, куда пожелает. По мне, чем дальше укатит — тем лучше. А я продам имение — и в путь-дорогу. Путешествие в Америку полезно для моего здоровья».

Стук в дверь заставил его вздрогнуть.

— Войдите! Черт возьми, как расшатались нервы. В чем дело? Письма? Давайте их мне. Смитерс, какого дьявола ты не поставил на стол бренди?

Он жадно опрокинул стаканчик бренди и стал вскрывать корреспонденцию.

— Невежа! — пробормотал Смитерс за дверь. — Не может слова сказать по-человечески. Да, сэр, — отозвался он, услышав призывный рев хозяина.

— Когда пришло это письмо? — спросил Ричард, протягивая конверт со множеством штемпелей.

— Вчера вечером, сэр. Оно адресовано в Хэмпстед, сэр, и было доставлено сюда с почтой. — И поймав гневный взгляд черных глаз хозяина, он добавил: — Надеюсь, ничего плохого, сэр?

— Ничего, кроме того, что ты дурак и осел! — взорвался побелевший от злости Ричард. — Надо было тотчас же передать мне это письмо! Неужели ты не видишь, что здесь написано «Срочное»? Ты что — не умеешь читать? Букв не знаешь? Ладно, хватит вранья. Иди!

Оставшись один, Ричард стал быстро мерить шагами комнату, отирая пот со лба, затем выпил коньяку и, наконец, уселся и стал перечитывать письмо. Оно было кратким, но весьма деловым.

*Гостиница «Джордж», Плимут.
17 апреля 1846 г.*

Дорогой Джек!

Как видишь, я тебя разыскала. Каким образом — пока не имеет значения. Мне все о тебе известно, и если мистер Ричард Дивайн не примет свою супругу как подобает, он будет арестован полицией. Телеграфируй, голубчик, на имя миссис Ричард Дивайн по вышеуказанному адресу.

Как всегда твоя

Сара.

На конверте значился адрес:

«Мистеру Ричарду Дивайну, эсквайру. Нортэнд-Хаус, Хэмпстед».

Удар был неожиданный и жестокий. Нелегко было, находясь на самом гребне волны успеха и счастья, вдруг снова оказаться ввергнутым в прежнюю неволю. Он не обольщался ласковым тоном письма, ибо слишком хорошо знал женщину, с которой ему предстояло встретиться. Минуту за минутой он в тихом бешенстве молча разглядывал письмо — в таких случаях мужчины обычно молчат, — однако мысли его были достаточно красноречивы.

«Опять эта женщина на моем пути! И именно сейчас, когда я поздравил себя с полной свободой! Как она меня разыскала? Бесполезно строить догадки. Что же мне делать? Удирать от нее — глупо, она все равно поймает меня. К тому же у меня нет наличных. По счету у Мастерамана

я перерасходовал две тысячи фунтов. Если уж бежать, так надо сейчас, сегодня же. При всем моем богатстве мне вряд ли удастся сразу же получить больше пяти тысяч. Понадобится день или два. Сорок восемь часов — и у меня будут двадцать тысяч фунтов. Но этого слишком долго ждать. Черт бы побрал эту женщину! Уж я-то ее знаю! А как же все-таки она меня разыскала?! Да, плохи дела! Но как будто она не намерена причинять мне особых неприятностей. Какое счастье, что я не женился вторично! Может, удастся пойти на мировую, а там видно будет? Все-таки она была мне верным другом. Бедняжка Салли! Если бы не она, я бы сгнил на этом чертовом Орлином перешейке. В общем-то, баба она неплохая, смазливая. С ней можно договориться. Так или иначе, придется все продать и уехать... Да, могло быть и похуже!.. Сколько же стоит это имение? Вероятно, не меньше трехсот тысяч фунтов. Недурно, чтобы начать новую жизнь в Америке. Только бы от нее избавиться! А сейчас надо подыграть ей. О, будь она трижды проклята! (*Звонит.*) Смитерс! (*Появляется Смитерс.*) Принесите мне телеграфный бланк и приведите кеб. Стойте! Упакуйте мой саквояж, я уезжаю на день-другой. (*Про себя.*) Лучше уж самому к ней поехать. (*Вслух.*) Да, еще мне нужен путеводитель. (*Про себя.*) Будь она проклята, эта чертовка!

Глава 62

БОЛЕЗНЬ КАПЕЛЛАНА

Дом коменданта на острове Норфолк был комфортабелен и хорошо обставлен, и все отвратительные приметы каторжного поселения старательно из него изгонялись. Но это не уменьшило отвращения, с которым Сильвия относилась к этому последнему и самому страшному во всей колонии олицетворению каторжного режима, хотя она и имела несчастье жить здесь. Ее окружали страдания, она слышала крики боли несчастных жертв. Она не могла без содрогания выглянуть из окна своей комнаты. Она боялась наступления вечера, когда ее супруг возвращался домой, потому что он мог в любую минуту заговорить о новом жестоком наказании. Утром она опасалась спросить его, куда он идет, чтобы не услышать убийственный ответ, что он отправляется на очередную экзекуцию.

— Зачем мы только с тобой сюда приехали, Морис? — жалобно сказала однажды она, когда он поделился с ней каким-то чрезвычайным событием в колонии. — Эти несчастные когда-нибудь тебя искалечат.

— Чушь! Никто не посмеет! — возражал ее супруг. — Я могу померяться силами с самым дюжим из них; посмотрю, осмелится ли он поднять на меня руку.

— Не понимаю, как ты можешь испытывать удовольствие от жестокости и горя. Мне боязно даже подумать об этом.

— У нас разные вкусы, моя дорогая, — бывало, отвечал он ей. — Куда ты, Дженкинс!.. Запропастился, черт бы тебя побрал, Дженкинс!

Вошел слуга из арестантов.

— Где книга записей о нарушениях?! Я приказал тебе всегда держать ее наготове! Почему ты не выполняешь моих приказаний, бездельник? Ты, наверно, трепал языком на кухне или...

— Осмелюсь доложить, сэр!

— Не возражать! Давай сюда книгу.

Открыв ее, он, водя пальцем по страницам, принялся комментировать записи о нарушениях дисциплины, за которые он завтра должен был вынести наказание.

— Мир-а-Сикх, курил трубку — хитрый индус!.. Бенджамен Пеллет, прятал в кармане сало. Майлс Бирн, еле тащился за всеми. Что ж, придется его подстегнуть! Томас Твист, курил и жег огонь. В. Барнес — не явился на перекличку; объяснение нарушителя — он в это время мылся. (Уж я его умою!) Джон Гетби, дерзость и неповиновение. Джон Ричард, не явился на перекличку и надерзил. Джеймс Хопкинс, грубил и сквернословил. Руфус Доуз нагло держал себя и отказался выйти на работу. Ага, попался! За тобой надо присматривать!.. Ты ведь любимчик этого пастора. Но я сломя твой дух, не будь я Фрером... Сильвия!

— Да, Морис?

— Твой друг Доуз делает честь своим воспитателям.

— Что ты хочешь сказать?

— Что он чертов мерзавец и сукин сын... Ну, он у меня дождется!

— Морис, я просила тебя не употреблять таких выражений. Ты знаешь, я этого не переносу.

Холод и грусть были в ее словах — она понимала всю тщетность упреков, но тем не менее не могла удержаться от них.

— Еще чего! Миледи не выносит, когда ее муж называет вещи своими именами. Скажите, какие телячьи нежности!

— Я не хотела тебя обидеть,— устало сказала она.— Ради бога, не будем ссориться.

Он ушел, сердито хлопнув дверью, а она продолжала сидеть, опустив усталые веки, тоскливо разглядывая узор на ковре. Вдруг она услышала чьи-то шаги, подняла глаза и увидела Норта. И вмиг лицо ее просияло.

— О, мистер Норт! Так неожиданно! Какими судьбами? Сегодня я вас не ждала. Вы, конечно, пообедаете с нами?

Не дожидаясь ответа, она позвонила в колокольчик.

— Мистер Норт обедает с нами. Поставьте для него прибор. А вы принесли мне книгу, которую я искала?

— Вот она,— сказал Норт, вручая ей томик «Графа Монте-Кристо». — Я вам завидую.

Она с жадностью схватила книгу и, пробежав глазами страницы, вопросительно взглянула на заглавный лист.

— Эта книга принадлежала моему предшественнику,— сказал Норт, как бы отвечая на ее мысленный вопрос.— Вероятно, он был любителем французской литературы. Я нашел у него много французских романов.

— Я полагала, что священники французских романов не читают,— с улыбкой сказала Сильвия.

— Французские романы бывают разные,— возразил Норт.— Но глупцы путают хорошие романы с плохими. У меня был почтенный друг в Сиднее, он упрекал меня за чтение Рабле, а когда я спросил его, читал ли он сам Рабле, он ответил, что скорее отрежет себе руку, чем прикоснется к этой книжке. Недурной судья литературных достоинств книги!

— А эта книга хорошая?

— Это роман, и, по-моему, прекрасно написанный. В нем дается образ моряка, которого в тюрьме паставляет священник, и моряк, освободившись, возвращается в общество полноценным джентльменом и осуществляет задуманную им месть; образ великолепный.

— Нет, нет, не рассказывайте,— засмеялась она и тут же с женской непоследовательностью добавила: — Ну, а дальше, в чем там суть?

— Суть в том, что человек этот был невиновен и несправедливо осужден; каким-то чудом он вырвался из своего заточения, стал владельцем несметного богатства, перед которым, как говорит доктор Джонсон, «меркнут

мечты скопидома», и отдал всю свою жизнь и все свое состоянье делу возмездия.

— Ну и как — удалось?

— Удалось. Он отомстил всем врагам, кроме одного.

— И кто ж это был?

— Женщина. Жена его злейшего врага, и он пощадил ее, потому что любил.

Сильвия отвернулась.

— Должно быть, интересная книга, — холодно проговорила она.

Наступило неловкое молчание, и каждый боялся его нарушить. Норт закусил губу, точно сожалея о том, что сказал. Миссис Фрер постукивала туфелькой по полу и, наконец, подняв глаза и встретив взгляд священника, прикованный к ее лицу, поспешно встала и вышла навстречу своему супругу.

— Конечно, вы пообедаете с нами! — сказал Фрер, который, хотя и недолюбливал священника, был рад всякому, кто помог бы ему скоротать вечер.

— Я зашел, чтобы передать миссис Фрер книгу.

— Вот как! Слишком уж она много читает; вечно посится со своими романами. Разве можно целые дни проводить над печатными страницами, не так ли, Норт? Вы же имеете на нее влияние, скажите ей это. Ну, давайте обедать, я голоден.

Он говорил с той притворной веселостью, которая такого рода мужьям служит прикрытием их дурного характера.

Сильвия мгновенно стала защищаться:

— Конечно, вас двое против меня одной. Еще не было случая, чтобы двое мужчин разошлись во мнениях о том, что составляет обязанности жены. А я все-таки буду читать, несмотря ни на что. Знаете, мистер Норт, когда я вышла замуж, у нас с капитаном Фрером был заключен договор, что он никогда не будет от меня требовать, чтобы я пришивала ему пуговицы.

— Да неужели! — воскликнул Норт, не понимая этой внезапной перемены настроения.

— И она с тех пор так ни одной и не пришила, — сказал Фрер, смягчившись, однако, при виде поданного кушанья. — У меня нет ни единой рубашки, которую можно надеть. Честное слово, в комоде валяется по крайней мере дюжина рубашек без пуговиц.

Норт смущенно разглядывал свою тарелку. Ему вспомнилось изречение всеведущего Бальзака: «Le grand

écueil est le ridicule»¹, и его ум начал погружаться в философские глубины далеко не клерикального характера.

После обеда Морис завел беседу на свою любимую тему — о тюремном режиме. Ему было приятно, что он нашел слушателя, так как жена всегда относилась к этой теме холодно и неодобрительно и замолкала, не желая вникать в его методы наказания злостных негодяев. «Ты настоял на том, чтобы приехать сюда, — говорила она. — Я этого не хотела. Разговоры о подобных вещах меня тяготят. Давай потолкуем о чем-нибудь другом». И ее холодный тон заставлял его подчиниться, так как в известном смысле он боялся ее. В этом неудачном союзе столь разных людей он только внешне казался господином. Тирания эта была чисто физической. Он считал, что слабость заслуживает презрения, и его грубая натура торжествовала над хрупкой незащищенностью жены. Любовь давно уже ушла из их жизни. Молодая, впечатлительная, нежная девушка, которая семь лет тому назад стала его женой, превратилась в усталую, страдающую женщину. Жена становится такой, какой ее делает муж, а его животная грубость сделала ее слабонервным созданием. Вместо любви он внушил ей неприязнь, порой граничившую с отвращением.

Мы не обладаем ни мастерством, ни смелостью того великого мыслителя, чье знание человеческого сердца заставило Норта погрузиться в раздумье. Мы не отважимся передавать плоскими словами историю женитьбы этого Минотавра. Достаточно сказать, что вспышки чувственности мужа вызывали в Сильвии отвращение. И в этой холодности таилась ее власть над ним. Когда сталкиваются животная и духовная натуры, то более благородная натура всегда оказывается сильнее, даже если внешне это и не проявляется. Морис Фрер признавал, что жена выше его, хотя и подчиняется его воле, и он боялся той статуи, которую сам сотворил. Она была льдом, но льдом искусственным, который химики получают в самом горячем пече. Ее холодность была одновременно и ее слабостью, и ее силой. Обдавая его холодом, она обуздывала его.

Не подозревая о мыслях своего собеседника, Фрер дружески болтал. Норт говорил мало, но зато много пил. Вино, однако, делало его не разговорчивее, а, напротив, еще молчаливее. Он пил, чтобы избавиться от неприятных

---

¹ «Смешное — это величайшая опасность» (фр.).

воспоминаний, но не мог. Когда мужчины перешли в гостиную, где их ожидала Сильвия, Морис был в веселом настроении и благодушен, а Норт, напротив, настроен мизантропически.

— Спой что-нибудь, Сильвия! — сказал Фрер тоном собственника, как если бы он обращался к живой музыкальной шкатулке: «Сыграй нам, шкатулочка».

— Мистер Норт не любитель музыки, а я не расположена петь. Пение здесь мне кажется неуместным.

— Что за вздор! Почему именно здесь оно неуместно?

— Миссис Фрер полагает, что веселье как-то не соответствует здешней печальной обстановке, — пояснил Норт, почувствовав настроение хозяйки.

— Печальная обстановка! — вскричал Фрер, переводя взгляд с пианино на оттоманку и зеркало. — Конечно, дом этот не так хорош, как в Сиднее, но он достаточно комфортабелен.

— Ты не понял меня, Морис, — ответила Сильвия. — Я не о доме, а об этих местах, которые кажутся мне такими мрачными. Мысль о людях, закованных в кандалы и цепи, делает меня несчастной.

— Какая чепуха! — воскликнул Фрер, теперь уже не скрывая своего раздражения. — Эти негодяи еще не того заслуживают. И чего ради тебе из-за них страдать?

— Несчастные! Что мы знаем о силе тех искушений, которые они испытали, а также о горечи их раскаяния?

— Творящие зло несут свое наказание, — твердо проговорил Норт, внезапно погрузившийся в какую-то книгу. — Они должны учиться переносить наказание. Никаким раскаянием они не искупят свой грех.

— Но ведь милосердие существует и для закоренелых преступников, — кротко заметила Сильвия.

Норт не пожелал или просто не смог ответить, а лишь кивнул.

— Еще чего — милосердие! — воскликнул Фрер. — Я здесь не для того, чтобы проявлять милосердие! Меня прислали сюда, чтобы держать этих каналий в узде, и, кланусь богом, сотворившим меня, я выполню свой долг!

— Не говори так, Морис. Представь себе, что любая случайность могла бы бросить каждого из нас на их место. Что с вами, мистер Норт?

Норт внезапно сильно побледнел.

— Ничего, — ответил он, задыхаясь. — Вдруг голова закружилась!

Как это произошло семь лет назад в гостиной у Берджеса в Порт-Артуре, настель распахнули окна, и капеллану вскоре стало лучше.

— У меня бывают такие приступы. Верно, сердце пошаливает. Надо бы отдохнуть денек-другой.

— Конечно, отдохните, — сказал Фрер, — вы слишком усердствуете.

Норт, бледный, все еще тяжело дыша, попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой.

— Пожалуй... я отдохну. Если неделю меня не будет, вы, миссис Фрер, поймете почему.

— Целую неделю! Неужели это продлится так долго? — воскликнула Сильвия.

Двусмысленное «это» смутило священника и заставило его мучительно покраснеть.

— Иногда и дольше, — сказал он. — Это... хм... это трудно предсказать.

Появился Дженкинс, что несколько разрядило ситуацию.

— Рапорт от мистера Троука, сэр.

— Что еще там случилось?

— Этот Доуз, сэр, он совсем ошалел и набросился с кулаками на мистера Троука. Мистер Троук сказал, что вы дали распоряжение немедленно сообщать вам о случаях нарушения порядка.

— Правильно. Где сейчас Доуз?

— Очевидно, в карцере, сэр. Говорят, ваша честь, он оказал сопротивление.

— Даже так? Передайте Троуку мою похвалу и скажите, что завтра ровно в девять утра я с удовольствием займусь воспитанием мистера Доуза, я сломя его!

— Морис, — прервала его Сильвия, с явной тревогой слушавшая разговор, — сделай милость, не мучай этого человека!

— А почему ты так хлопочешь о нем? — неожиданно резко спросил ее Фрер.

— Потому что он один из тех, что с детства были для меня страдальцами и мучениками. Даже если он и совершил тяжкое преступление, каторжным трудом он уже частично искупил его.

Лицо Сильвии выражало глубокое страдание. Когда она произносила эти слова, Норт, не отрывавший от нее взгляда, увидел слезы на ее глазах.

— А его наглые выходки — это что, раскаяние? — хрипло проговорил Фрер, показывая рапорт Троука.

— Пусть он и дурной человек, я понимаю, но... — И она провела рукой по лбу, словно сию минуту что-то вспомнить. — Не всегда же он был плохим. Мне помнится, я слышала о нем что-то хорошее...

— Вздор! — вскричал Фрер, решительно подымаясь с места. — Все твои бредовые фантазии. Ну, хватит об этом. Арестант вышел из повиновения, значит, его надо хорошенько высечь, чтобы знал свое место. Пойдемте, Норт, выпьем на прощание по глоточку.

— Мистер Норт, пожалуйста, скажите хоть слово, заступитесь за него! — воскликнула бедная Сильвия, теряя самообладание. — У вас же доброе сердце, вы жалеете этих страдальцев!

Норт, душа которого словно вернулась на землю из блужданий в иных мирах, отошел в сторону и сухо произнес:

— Я не имею права вмешиваться в дела вашего супруга.

И, бросив ей эти слова, он тут же, не слишком даже учтиво, вышел из комнаты.

— Ты довела старину Норту до того, что он совсем заболел, — вернувшись, сказал ей Фрер, надеясь нарочитой грубостью отвести от себя упреки жены. — На прощанье, чтобы успокоить нервы, капеллан выпил еще полбутылки бренди, а потом выскочил отсюда как оглашенный.

Но Сильвия, поглощенная своими мыслями, ничего не ответила.

Глава 63

КАК СЛОМЛИЛИ ДУХ ЧЕЛОВЕКА

Проступок, в котором обвиняли Руфуса Доуза, оказался на сей раз совсем незначительным. У констеблей, недавно назначенных капитаном Фрером, стало обычаем врываться по ночам в камеры с мушкетами в руках, громко топая и производя шум. Памятуя о донесении Паунса, они грубо стаскивали арестантов с подвесных коек, обыскивали их — не спрятан ли где табак, — смотрели во рту, нет ли чего за щекой. Люди из «Кольца» Доуза — а на них особенно злился Троук — часто обыскивались даже по нескольку раз за ночь. Их обыскивали самым бесстыдным образом: при выходе на работу, за обедом, перед молитвой и тогда, когда они возвращались с молитвы. Констебли перебивали их сон, и жертвы этого тиранического пресле-

дования, у которых вытравливали остатки чувства собственного достоинства, были готовы растерзать своих мучителей.

Заветной целью Троука было поймать Доуза на месте преступления, но вожак «Кольца» был слишком осторожен. Напрасно Троук, стараясь поддержать репутацию ревностного служаки, терзал каторжника в самое неожиданное время дня и ночи. Он ничего не мог обнаружить. Напрасно он ставил ему ловушки, напрасно разбрасывал плитки табака с привязанными к ним нитями, а сам сидел поблизости в кустах, ожидая, когда дернется леска и рыбка, клюнувшая наживку, будет поймана. Опытный «вечник» был слишком умен для Троука. Тогда разозленный и самолюбивый констебль пустился еще на одну хитрость. Он был уверен, что у Доуза где-то припрятан табачок, но как было его обнаружить? Хотя Доуз имел привычку держаться особняком от товарищей, все же у него был один друг — если можно назвать другом выжившего из ума, забитого слепого старца Муни. Вероятней всего, эта странная дружба возникла благодаря двум обстоятельствам: во-первых, Муни был единственным человеком на острове, знавшим все ужасы каторги лучше, чем сам вожак «Кольца». Во-вторых, Муни был слеп, а угрюмому, склонному к вспышкам ярости строптивцу, к которому товарищи относились настороженно, слепой друг подходил более, чем остроглазый.

Муни был одним из каторжан, прибывших в Сидней с первой флотилией за пятьдесят семь лет до описываемых событий, было ему в 1789 году всего лишь четырнадцать лет. Он прошел по всем кругам каторжного ада, потом женился, какое-то время жил в поселке, а затем его снова упекли на каторжные работы, — словом, он был как бы патриархом острова Норфолк, мрачным свидетелем первых лет существования колонии. Другьями он не обзавелся. Его жена давно умерла, и он, не без резона, объяснял свое заключение тем, что в свое время она приглянулась его начальнику, поспешившему упрятать мешавшего ему мужа в тюрьму. Подобные случаи бывали нередко.

Всячески стараясь сделать слепому приятное, Руфус Доуз частенько подбрасывал ему табачок, когда сам разжигался им, и тем самым завоевал особую привязанность старика. Троук пронюхал об этом; и в тот вечер, о котором мы ведем речь, ему пришел в голову хитроумный план. Бесшумно проникнув в лодочный сарай, где спала вся

братия, он подкрался к спящему Доузу и, подражая бормотанию Муни, попросил «табачку». Когда Троук повторил просьбу, Доуз в полусне сунул ему «что-то» в ладонь. Троук тут же схватил Доуза за руку и чиркнул спичкой. На сей раз преступник был пойман. Доуз передал коварному «другу» понюшку табаку.

Можно понять состояние человека, которого заманили в ловушку столь гнусным способом. Как только Руфус Доуз разглядел склонившееся над его койкой лицо ненавистного ему Троука, он вскочил, напруг свои мощные мышцы, сбил его с ног, швырнув в объятия появившихся констеблей. Завязалась отчаянная и неравная борьба, в результате которой потерявшего сознание арестанта отнесли в карцер, бросили на голые плиты, всунули в рот кляп и приковали цепями к кольцу. После этого он был жестоко избит пятью или шестью констеблями.

На следующее утро к изувеченному и закованному бунтарю Троук ввел коменданта.

— Ха-ха! Старый знакомый! — рассмеялся комендант. — Опять ты здесь. Ну, как тебе здесь нравится?

Доуз метнул на него злобный взгляд и промолчал.

— Ты получишь пятьдесят плетей, друг, — распорядился Фрер. — Посмотрим, как ты запоешь!

И арестант получил сполна свою порцию. На следующее утро комендант явился снова. Бунтовщик по-прежнему молчал.

— Отпусти ему еще полсотни, Троук. Поглядим, из чего он сделан.

В то утро упрямый арестант получил сто двадцать ударов плетью, но продолжал хранить молчание. Ему дали две недели страшного карцера в новой тюрьме. Но когда его снова привели к своему мучителю, он только рассмеялся. За эту дерзость он опять получил еще две недели карцера; но и после этого он продолжал упорствовать, за что его снова высекли и снова посадили в карцер. Если бы его посетил капеллан, возможно, душа арестанта и склонилась бы к утешению, но капеллан, как говорили, был болен. К тому времени Доуз находился в состоянии полного истощения, и врач отправил его в лазарет. Когда же он стал понемногу приходить в себя, Фрер снова навестил его и, найдя, что «дух» арестанта еще «не сломлен», приказал отправить его на помол маиса. Доуз отказался выполнять эту работу. Тогда они цепью приковали одну его руку к рычагу жернова, а другую к цепи арестанта у вто-

рого рычага. Когда второй арестант вращал жернов, рука Доуза тоже поневоле вращалась.

— Не такой уж ты крепкий орешек, как о тебе говорят, — усмехнулся Фрер, кивнув на вращающийся жернов.

В ответ на это неукротимый бунтарь напряг свои измученные мускулы и вмиг остановил вращение жернова. Фрер дал ему за это еще пятьдесят плетей, а на следующий день послал его молоть кайеннский перец. Этого наказания каторжники боялись пуще всего. Едкая пыль попадала в глаза и легкие, причиняя нестерпимые муки. Для человека с израненной спиной эта работа превращалась в пытку. Через четыре дня Руфус Доуз, изнуренный, весь в стручках, полуослепший, сломился.

— Ради бога, капитан Фрер, убейте меня сразу! — взмолился он.

— Не бойся, — ответил тот, наслаждаясь плодами своего могущества. — Мы сломили тебя, это все, чего я хотел. Троук, отведи его в лазарет.

В лазарете арестанта посетил Норт.

— Я пришел бы к вам раньше, но был очень болен, — сказал священник.

Вид у него действительно был нездоровый. Судя по коротко остриженным волосам и сбритой бороде, он только что перенес лихорадку. Доуз понял, что этот исхудалый, изможденный человек перенес страдания, едва ли не равные его собственным.

На следующий день к нему опять зашел Фрер; похвалив Руфуса за его мужество, он предложил ему должность констебля, но тот лишь повернулся к своему мучителю изрубцованной спиной и не проронил ни слова.

— Боюсь, что вы восстановили коменданта против себя, — сказал ему Норт на другой день. — Почему бы вам не согласиться?

Доуз бросил на него взгляд, полный холодного презрения и бешенства.

— Стать доносчиком и предать своих товарищей? Я не из таких.

Священник заговорил с ним о надежде, о свободе, о раскаянии и об искуплении. Арестант лишь посмеивался.

— А кто же будет моим искупителем? — спросил он. Простому человеку его мысли показались бы кощунством. — Чтобы спасти такого, как я, Христос должен был бы умереть вторично.

Норт напомнил ему о бессмертии.

— Есть другая жизнь,— сказал он.— Не упускайте возможности обрести счастье за гробом. Там вас ожидает будущее, ради которого стоит жить.

— Надеюсь, что там ничего нет,— ответила жертва Системы.— Я хочу покоя, и только покоя, чтобы меня никогда больше не тревожили.

Хотя дух упряма был уже сломлен, у него все же хватило решимости отказаться от настойчивых предложений Фрера.

— На это я никогда не кляну,— сказал он Норту,— даже если меня четвертуют.

Норт слезно молил упряма пощадить истерзанное тело, но тщетно. Мятущейся душой своей он нащупал ключ к разгадке этого человека. «В нем погибла благородная натура,— сказал он себе.— Какую же тайну скрывает его прошлое?»

А Доуз, со своей стороны, видя, как непохож этот священник на других проповедников в черных сутанах,— как он одновременно пылок и мрачен, строг и деликатен,— стал размышлять, почему у него такие впалые щеки, почему он так беспокоен и почему таким пламенем горят его глаза. Какое же горе терзает его, внушая эти страстные молитвы, эти пламенные и дерзновенные обращения к небесам, которые ежедневно возносились над его жестким ложем?

Так между ними — священником и грешником — возникли узы обоюдной симпатии.

Эти узы стали настолько тесными, что однажды заставили в лад забиться их сердца. У капеллана в петлице был цветок. Доуз воззрелся на него жадным взором, и когда капеллан уходил, арестант попросил его:

— Мистер Норт, сделайте милость, подарите мне эту розу.

Норт остановился в замешательстве и не без внутренней борьбы осторожно вынул цветок из петлицы и вложил его в загорелую, исполосованную шрамами руку арестанта. И в следующее же мгновение Доуз, забыв, что он не один, прижал цветок к губам. Норт внезапно обернулся, и глаза их встретились. Доуз вспыхнул, а Норт побледнел, как смерть. Никто не проронил ни слова, но обоих еще сильнее потянуло друг к другу, так как оба они поцеловали розу, сорванную рукой Сильвии.

ИЗ ДНЕВНИКА ПРЕПОДОБНОГО ДЖЕЙМСА ПОРТА

21 октября.

Я продержусь еще месяцев шесть, если буду соблюдать умеренность, так как мой последний запой длился дольше обычного. Думаю, что со мной вскоре случится припадок, который окончательно меня доконает. И я не буду об этом сожалеть.

Не знаю, возможно, этот «бесенок» — как я пачинаю его ненавидеть! — обвинит меня в том, что я пытаюсь оправдать себя, считая свое безумие болезнью. Я верю, что это болезнь. Я не могу не предаваться пороку, как не может сумасшедший не вопить и не бредить. Наверное, все было бы иначе, если бы я жил в благополучии, был бы счастлив в браке, окружен детьми и семья старалась бы отвлечь меня от моего порока. Но раз уж я такой, какой есть, — одинокий, угрюмый затворник, лишенный любви, снедаемый скукой и терзаемый подавленными желаниями, — я иступленно предаюсь самобичеванию. Когда я думаю о счастливых, имеющих красивых жен, ласковых детей, о людях, которые любят и сами любимы, как, например, Фрер, во мне просыпается дикий зверь, чудовище, бушующие страсти которого не могут быть утолены, их можно лишь потопить в одуряющих парах бренди.

Потрясенный и кающийся, я даю клятву начать новую жизнь, отказаться от спиртного и пить только воду. И в самом деле, вид и запах бренди вызывают у меня отвращение. В течение нескольких недель я чувствую себя хорошо, но потом мною овладевает беспокойство, я становлюсь раздражительным и мрачным. Я прибегаю к курению, и оно меня успокаивает. Но я не могу соблюдать меру. Понемногу я увеличиваю дозу табака. Пять трубок в день превращаются в шесть или семь. Потом их уже становится десять и двенадцать, тогда я снижаю их количество до трех-четырех, после чего моя доза опять подскакивает до одиннадцати; затем я перестаю их считать. Неумеренное курение возбуждает мозг. Я чувствую себя свежим, бодрым, веселым. По утрам я просыпаюсь с пересохшим языком и употребляю напитки, чтобы в буквальном смысле «промочить горло». Я умеренно пью вино или пиво, и все идет хорошо. Мое тело вновь обретает подвижность, рассудок — спокойствие, руки остывают. Я обретаю силу

воли. Я становлюсь уверенным, спокойным и полным надежд. Это настроение сменяется страшной меланхолией. На долгие часы я погружаюсь в тупое отчаяние. Земля, воздух, море — все становится пустым и бесцветным, жизнь — тяжким бременем. Меня клонит ко сну, а во сне я стремлюсь проснуться, потому что в темноте меня посещают жуткие видения. Ночью я кричу: «О господи, скорее бы наступило утро!» А утром молюсь: «О боже, когда же настанет вечер?» Я ненавижу себя и все, что меня окружает. Я туп, бесстрастен и придавлен тяжестью, подобной бремени Саула. Я хорошо знаю, что может вернуть меня к жизни, к спокойствию — поднять меня на ноги с тем, чтобы потом отбросить назад в еще более страшный приступ отчаяния. Я пью. Один стакан — моя кровь играет, сердце бьется сильнее, руки перестают дрожать. Еще три стакана — и я поднимаюсь с надеждой в душе, злой дух покидает меня. Я продолжаю пить — в моем мозгу проносятся приятные картины, расцветают вокруг поля, море сверкает сапфировым блеском, небо приветливо улыбается. Великий боже! Кто может противиться такому соблазну?

С большим усилием я подавляю желание папиться, стараясь сосредоточить мысли на своих обязанностях, на книгах, на несчастных арестантах. Это мне удастся, но ненадолго; кровь, разгоряченная вином, которое для меня жизнь и отрава, начинает закипать в жилах. Я снова пью и снова мечтаю. Я чувствую, как зверь оживает во мне. Днем мои мысли блуждают, вызывая ужасные образы. Знакомые предметы наталкивают меня на гнусные воспоминания. Вокруг разыгрываются непристойные и грязные сцены. Все мое существо точно меняется. Днем я чувствую себя волком в овечьей шкуре, одержимым дьяволом, готовым в любую минуту вырваться наружу и разорвать меня на куски. Ночью я становлюсь сатиром. Испытывая эти муки, я одновременно ненавижу и боюсь самого себя. Передо мной всегда одно прекрасное лицо, оно со мной в моих жарких снах, словно сияние луны в душную полночь при тропическом шторме. Я не могу ручаться за себя в присутствии тех, кого люблю и уважаю, так как боюсь, что мои сумбурные мысли найдут выражение в еще более сумбурных словах. Я теряю человеческий образ. Я становлюсь животным. Из этой бездны есть только один выход. Падение. Я должен напоить чудовище, которое я пробудил, и чтобы оно пило до тех пор, пока не заснет. Я пью и погружаюсь в забвение. Во время этих приступов для

меня не существует ничего, кроме бренди. Я запираюсь и в одиночестве огромными глотками вливаю в себя спиртное. Оно бросается мне в голову, и я снова человек! И, обретя человечность, я валяюсь как сноп — мертвецки пьяный.

Но каково пробуждение! Лучше его не описывать. Бред, лихорадка, омерзение к себе, отупение, отчаяние. В зеркале я вижу изможденное лицо с красными глазами. Я гляжу на мои трясущиеся руки, дряблые мускулы, подгибающиеся колени. Неужели когда-нибудь я превращусь в одно из тех уродливых и жалких существ с выцветшими глазами, сопливым носом, вздутым животом и заплетающимися ногами? Уф! К сожалению, это слишком похоже на правду.

22 октября.

Провел день с миссис Фрер. Ей не терпится поскорее уехать отсюда — так же, как и мне. Фрер упивается своей деспотичной властью и смеется над просьбами жены. Мне думается, что мужья устают от своих жен. В моем нынешнем состоянии духа мне непонятно, как может человек в чем-нибудь отказать своей жене.

Вероятно, она его не любит. Я не сентиментальный эгоист, какими являются большинство совратителей. Я никогда не отнял бы жену у мужа ради своей прихоти. И все же я убежден, что в некоторых случаях можно оправдать мужчину, который *любит* по-настоящему, за то, что он хочет сделать женщину счастливой даже ценой собственного спасения.

Сделать ее счастливой! Вот в этом-то весь вопрос. Будет ли она счастлива? Мужчины не так-то легко переносят, когда общество их третировает и презирает и все указывает на них пальцем, но женщины в таких случаях страдают еще больше. Я — седой сорокалетний мужчина — не такой уж безнадежный глупец, чтобы поверить, будто год греховной страсти может вознаградить женщину тонкого воспитания за потерю места в обществе, столь необходимого ей для полноты счастья. Не такой уж я идиот, чтобы забыть о том, что наступит день, когда любимая мною женщина может меня разлюбить и, лишенная семьи, положения в обществе, а также чувства собственного достоинства, может причинить своему соблазнителю те же муки, которые он побудил ее причинить своему мужу. Не говоря уже о грехе нарушения седьмой заповеди, я

считаю, что при нашей общественной системе все же лучше остаться с нелюбимым мужем в несчастной семье, нежели уйти к самому преданному возлюбленному. Не странно ли для священника размышлять об этом? Если бы мой дневник когда-нибудь попал в руки богобоязненного, честного юнца, еще не знающего соблазна греха, и он вдруг обнаружил бы, что пожилой мужчина возлюбил жену своего ближнего, как жестоко бы он осудил меня! И совершенно справедливо.

4 ноября.

В одной из комнат надзирателя в новой тюрьме хранится род упряжи, вид которой сначала удивит посетителя, и он начнет гадать, для какого миниатюрного животного предназначена эта упряжь. Из расспросов он узнает, что эта узда со всеми ее ремешками принадлежностями предназначена для человека. К ней прикрепляется деревяшка в четыре дюйма длиной и полтора в диаметре. Она служит для затыкания рта и привязана к широкому кожаному ремню. В деревяшке этой проделано маленькое отверстие, и когда ее вставляют в рот, то дышать можно только через это отверстие. Все это стягивается разными ремешками и пряжками, и более идеальную узду трудно себе представить.

Я был в тюрьме вчера вечером в восемь часов. Мне нужно было повидать Руфуса Доуза. Возвращаясь, я остановился на минуту поговорить с Хейли. При нашем разговоре присутствовал Гимблет, тот, что украл двести фунтов у миссис Уэйн; в то время он служил надзирателем, имел пропуск третьего разряда и получал два шиллинга в день. Кругом царил тишина. Я не мог не заметить, как было спокойно в тюрьме, на что Гимблет ответил:

— Нет, кто-то там разговаривает, и я знаю кто.

Затем он снял с колышка одну из описанных выше уздечек и пару наручников.

Я последовал за ним, он открыл камеру, там на соломенной подстилке лежал человек, он был раздет и, по-видимому, спал. Гимблет приказал ему встать и одеться, тот повиновался. Когда арестант вышел во двор, надзиратель всунул ему в рот кляп из железа и дерева. Мучительно трудно было дышать через маленькое отверстие кляпа, и человек издавал звук, похожий на тихий, неясный свист. Когда Гимблет подвел его к фонарному столбу, я увидел, что жертвой этого произвола явился несчастный слепой

Муни. Гимблет приказал ему встать спиной к столбу, отвел назад его руки, обмотал цепи наручников вокруг столба. Мне сказали, что старик должен был простоять три часа в таком положении. Я тотчас же пошел к коменданту. Фрер пригласил меня в гостиную,— разумеется, я отказался туда войти,— а он отказался выслушать мои просьбы о помиловании.

— Этот старый притворщик всегда ссылается на свою слепоту при любом нарушении.

И это сказал ее муж!

Глава 65

САМАЯ ДЛИННАЯ СОЛОМИНКА

На следующий день, работая в связке, Руфус Доуз услышал о жестоком наказании своего друга. На сей раз он не произнес ни единой угрозы, а лишь застонал.

— Я уже не так силен, как прежде,— сказал он, будто извиняясь за свою слабость.— Они совсем скрутили меня.

И он печально оглядел свое тощее тело и дрожащие руки.

— Сил больше нет терпеть,— мрачно процедил Муни.— Мы с Блендом обо всем потолковали, у него на уме то же самое. Ты знаешь, что мы порешили? Давай вместе с нами.

Руфус Доуз посмотрел на обращенные к нему невидящие глаза, которые вопрошали его. Пальцы нацупали на груди талисман, и его пробрала сладкая дрожь.

— Нет, нет! Не теперь,— сказал он.

— Да уж не струсил ли ты? — спросил Муни, протянув руку в направлении его голоса.— Не хочешь ли ты увидеть?

Доуз отпрянул в сторону, избегая его прикосновения, но не спуская с него глаз.

— Ты не отступишь, Доуз, ты дал клятву! Ты не такой человек. Ну, отвечай же, друг!

— А Бленд согласен? — спросил Доуз, озираясь, словно ища, как бы укрыться от блеска этих невидящих глаз.

— Да, он согласен. Вчера его снова высекли.

— Поговорим завтра,— предложил Доуз.

— Нет, покончим сегодня,— настаивал старик с какой-то не свойственной ему горячностью.— Надоело!

Руфус Доуз устремил тоскующий взгляд на стену, за которой находился дом коменданта.

— Подожди до завтра,— повторил он, все еще держа руку за пазухой.

Они были так поглощены разговором, что не заметили приближения их общего врага.

— Эй, что ты там прячешь? — крикнул Фрер, схватив Доуза за руку.— Опять табачок, собака?

Рука арестанта невольно раскрылась, и увядшая роза упала на землю. Фрер, негодуя и удивляясь, поднял ее.

— Вот так так! Что это за чертовщина? Уж не ворует ли ты розы в моем саду для своего букета? А, Джек?

Комендант, когда был в веселом настроении, называл всех арестантов «Джеками» — так проявлялось его жалкое чувство юмора.

Руфус Доуз странно вскрикнул и умолк, съежившись и притихнув. Его товарищи, услышав его крик, в котором были и гнев, и отчаяние, ожидали, что он вырвет цветок у Фрера или набросится на него. Быть может, у Доуза и было такое намерение, но он сдержался. Можно было подумать, что в этой розе, которую он так бережно хранил на груди, таилась какая-то колдовская сила. Он не отрываясь смотрел на цветок, в то время как Фрер крутил и вертел его своими сильными пальцами.

— Роза в петлице — это то, что нужно джентльмену! Уж не собираетесь ли вы, мистер Доуз, пойти на воскресную прогулку со своей возлюбленной?

Партия грохнула от хохота.

— Но как же она попала к тебе? — Доуз молчал.— Лучше признайся сразу.

— Нет ответа. Надо развязать язык мистеру Доузу, Троук. Снимай-ка рубашку, приятель. Надеюсь, это верный путь к твоему сердцу — не так ли, ребята?

При столь деликатном намеке на плетть партия снова расхохоталась, и арестанты вопрошающе посмотрели друг на друга. Похоже на то, что вожак «Кольца» мог сплеховать. Именно это и произошло, так как Доуз, бледный и дрожащий, выкрикнул:

— Не бейте меня, сэр! Я поднял цветок во дворе. Он выпал у вас из петлицы.

Фрер улыбнулся, внутренне удовлетворенный результатом своего усмирения. Каторжник, очевидно, сказал правду. У Фрера была привычка носить цветы в петлице, и казалось немыслимым, чтобы цветок попал к арестанту

каким-то иным путем. Если бы это была щепотка табаку, бдительный комендант мог бы уличить многих арестантов, способных пронести табак в тюрьму. Но кто бы стал подвергать себя опасности порки ради такой бесполезной вещи, как цветок?

— Смотри больше не подбирай цветов, Джек, — сказал оп. — Мы их выращиваем не для твоей забавы.

И, презрительно швырнув цветок за изгородь, Фрер удалился.

Арестанты, на время предоставленные самим себе, смотрели на Доуза. Крупные слезы тихо катились по его лицу, и он стоял, точно во сне, не отрывая глаз от стены. Они посмеивались. Один из парней, более жалостливый, чем другие, подмигнул и постучал пальцем по лбу.

— Он тронулся, — сказал этот добряк, который никак не мог взять в толк, зачем нормальному арестанту цветок. Доуз очнулся от своего забытья и вспыхнул от смущения под насмешливыми взглядами товарищей.

— Да, сегодня покончим с этим, — шепнул он Муни, и радостная улыбка озарила лицо слепца.

После истории с табаком Доуз и Муни были посажены в новую тюрьму вместе с арестантом по имени Бленд, который уже дважды делал неудачную попытку покончить с собой. Когда старик Муни, испытывший уздечку-кляп, стал сетовать на горькую свою судьбу, Бленд открыл им свой план, который по крайней мере двоим из них принес бы желанный исход. То был отчаянный план, и к нему прибегали от полной безнадежности, как к последнему средству. У «Кольца» существовал обычай, его члены давали друг другу клятву действовать сообща, не отступать, помогать товарищу, если он попросит помощи.

* * *

Этот замысел, как и все большие идеи, был весьма прост. В тот вечер, когда дверь камеры была надежно заперта и появления дежурного надзирателя можно было не ждать по крайней мере в течение часа, Бленд вынул соломинку и протянул ее товарищам. Доуз взял ее и, разломив на три неровные части, отдал их Муни.

— Самая длинная пусть будет той самой, — сказал слепой. — Давайте, ребята, запускайте лапу в мешок счастья.

Они должны были тянуть жребий, чтобы узнать, кому же судьба подарит избавление. Доуз и Бленд молча вытя-

нули каждый свою соломинку и посмотрели друг на друга. Самая «счастливая» осталась в мешке. Рука у Бленда дрожала, когда он сравнивал длину своей соломинки с соломинкой Доуза. Наступило минутное молчание, белки глаз слепого гневно сверкнули во мраке, будто в эту страшную минуту глаза его что-то разглядели.

— Самая короткая у меня,— сказал Доуз.— Значит, ты, Бленд, должен помочь ему.

— Вот хорошо! — сказал Мунн.

Бленд, напуганный таким поворотом судьбы, с проклятием растерзал свою соломинку и в панике стал кусать себе пальцы. Мунн растянулся на нарах.

— Ну, давай, дружище,— сказал он.

Бленд трясущейся рукой вцепился в рукав Доуза.

— Ты смелее меня,— шепнул он.— Давай ты.

— Нет, нет! — ответил Доуз, почти такой же бледный, как и его товарищи.— Я честно тянул жребий. Ведь ты же это сам предложил.

Малодушный Бленд, понадеявшись на свою удачу, угодил в ловушку, поставленную им для других, и теперь он сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, обхватив голову руками.

— Бог мой, не могу я,— шептал он, подняв белое, взмокшее лицо.

— Чего же ты ждешь? — спросил «счастливец» Мунн.— Давай, я готов.

— Я... я подумал, что ты за-за-хочешь... помолиться перед смертью,— проговорил Бленд.

Это предложение, казалось, отрезвило старика, слишком окрыленного своей удачей.

— О, помолиться! — сказал он.— Хорошая мысль!

И он встал на колени; прикрыв рукой глаза, словно ослепленный светом, невидимым для других, он молча шевелил губами.

Тишина была нарушена шагами надзирателя в коридоре. Бленд обрадовался этому как помехе для совершения «темного дела», которого он так боялся.

— Надо подождать, пока он уйдет,— поспешно прошептал Бленд.— Он ведь может заглянуть сюда.

Доуз кивнул, а Мунн, чуткое ухо которого очень точно определило момент приближения тюремщика, с сияющим лицом поднялся с колен. В дверях показалась хмурая физиономия Гимблета.

— Всё в порядке? — спросил он, как показалось нашей тройце, не столь сердито, как обычно.

— Все в порядке! — послышалось в ответ, и Муни добавил: — Спокойной ночи, мистер Гимблет!

«Интересно, с чего это старик такой веселенький?» — подумал Гимблет, проходя в соседний коридор.

Не успели еще замереть звуки его удаляющихся шагов, как двое менее удачливых участников жеребьевки услышали глухой звук разрываемой шерстяной ткани. Это «счастливцев» отрывал кромку от своего одеяла.

— Сойдет, — сказал он и потянул ее руками, проверяя на прочность. — Я ведь старый человек.

Возможно, что он мысленно примеривался к глубине пропасти, в которую должен был спуститься на этом обрывке одеяла.

— Давай, Бленд, держи конец. Ты где? Не бойся, парень. Я быстро отпущу тебя.

В камере было теперь совершенно темно, но даже в этом мраке лицо Бленда было похоже на белую маску. Доуз пожал руку своего счастливого товарища и отодвинулся в самый дальний угол камеры. Бленд и Муни некоторое время занимались витием веревки, словно они замышляли побег с ее помощью. Тишина нарушалась только судорожным побрякиванием кандалов — это Бленд дрожал от страха. Наконец Муни заговорил, но каким-то странным, мягким и приглушенным голосом:

— Доуз, дружище, как ты думаешь — рай существует?

— Я знаю, что существует ад, — не поворачивая головы, отозвался Доуз.

— Значит, и рай тоже, дружище. Мне кажется, я попаду туда. Уж ты-то наверняка попадешь туда, старина, потому что был добр ко мне, да поможет тебе господь за это,

* * *

Утром, когда Троук вошел в камеру, он сразу понял, что произошло, и поторопился убрать тело задушенного Муни.

— Мы бросили жребий, — сказал Руфус Доуз, указывая на Бленда, притаившегося в углу подальше от своей жертвы, — он должен был задушить его. — Я — свидетель.

— Тебя за это вздернут, — сказал Троук.

— И слава богу, — ответил Доуз.

План спасения, придуманный каторжниками, был проще простого. Трое сидящих вместе в камере бросали жребий, чтобы решить, кто должен умереть. Вытянувший самую длинную соломинку — «счастливец», его убивали. Следующая по длине соломинка доставалась убийце. Его повесят. Третий, невезучий, являлся свидетелем. У него тоже была надежда, что его могут повесить, однако судьба его была еще неопределенной, и посему он считал себя несчастным.

Глава 66

ВСТРЕЧА

Джон Рекс был неприятно поражен, увидев, что в гостинице «Джордж» все ждали его августейшего прибытия. Расторопный слуга подхватил его пальто и саквояж, даже сам хозяин приветствовал гостя в дверях. А из кофейни вышли два морских офицера, чтобы взглянуть на него.

— Это весь ваш багаж, мистер Дивайн? — осведомился хозяин, распахивая дверь своей самой парадной гостиной. Рекс почувствовал себя неловко, видно, его супруга не потрудилась попридержать его заемный блеск в тени.

Стол, накрытый на двоих, сверкал белизной из ярко освещенного уголка. В мраморном камине весело потрескивал огонь. На стуле лежала свежая вечерняя газета, и, небрежно задевая ее своим дорогим платьем, женщина, которую он так подло бросил, с улыбкой шла ему навстречу.

— О, мистер Дивайн, — сказала она. — Конечно, вы никак не ожидали снова увидеть меня? Не так ли?

Еще по дороге в гостиницу Рекс тщательно обдумал слова приветствия, но ее неестественная любезность ошеломила его.

— Сара! Я вовсе никогда...

— Тс-с... мой любезный Ричард, — ведь теперь ты Ричард, не правда ли? Сейчас не время выяснять отношения. К тому же слуга ненароком может подслушать нас. Давай сначала поужинаем, ты, конечно, голоден.

Он как-то машинально подошел к столу.

— Ну и разнесло же тебя! — продолжала она. — От хорошей-то жизни! А ведь ты был совсем другим в Порт-

Арту... О, прости, дорогой, совсем забыла! Ну, садись же! Вот так. Здесь я представилась всем как твоя супруга и сказала, что ты за мной послал. Они все выказывали ко мне интерес, а также почтение. Не вздумай уронить меня в их глазах.

Он хотел было ругнуться, но она остановила его взглядом:

— Без оскорблений, Джон, иначе я позову констебля. Давай условимся, голубчик. Быть может, для других ты и важная персона, но для меня ты мой сбежавший муж и к тому же беглый каторжник. Если ты будешь вести себя неподобающим образом, я пошлю за полицией.

— Сара! — вскричал он. — Я никогда не собирался бросать тебя! Честное слово. Это недоразумение. Позволь, я объясню тебе.

— Объяснения пока излишни, Джек, — прости, я хотела сказать, Ричард. Что же ты не ешь? Ах! Понимаю, чего ты хочешь.

Она налила полстакана бренди. Он взял стакан из ее рук и залпом осушил его. Разогретый крепким напитком, он засмеялся:

— Ты замечательная женщина, Сара. Признаюсь, я поступил как скотина.

— Как неблагодарный подлец! — взорвалась она. — Как черствый эгоист и негодяй!

— Послушай, Сара...

— Не трогай меня!

— И все же ты прелесть, Сара, даю тебе честное слово, и какой я был идиот, что бросил тебя!

Этот комплимент как будто смягчил ее, и она заговорила в несколько ином тоне:

— Ты поступил со мной жестоко и подло, Джек. Я спасла тебя от смерти, я выходила тебя, осыпала своими милостями. А ты бросил меня, как последний трус.

— Сознаюсь, это так.

— Ты сознаешься! Стыда у тебя нет, вот что! И жалости у тебя нет. Знаешь, как я страдала все эти годы?

— Вот уж не думал, что ты будешь страдать.

— Не думал? Да ты вообще обо мне никогда не думал. А ведь я так тебя любила, Джон Рекс... Хорошо, что дверь плотно закрыта. Я потратила целое состояние, чтобы тебя разыскать, но теперь, когда я тебя нашла, я заставлю тебя помучиться.

Он криво усмехнулся.

— Как же ты меня разыскала?

Ответ на этот вопрос был у нее давно готов.

Открыв бювар, лежавший на столике рядом, она вынула из него газету.

— Чистое совпадение, которое губит таких людей, как ты. Я нашла этот номер среди газет, которые прислали смотрителю его друзья из Англии.

Она протянула ему иллюстрированное воскресное обозрение спортивных событий и показала портрет, помещенный на развороте. На нем был изображен широкоплечий бородатый мужчина, одетый по моде завсегдатаев скачек и любителей лошадей. Мужчина стоял у пьедестала, на котором громоздились призовые кубки и всякие трофеи. Под сим произведением искусства Джон Рекс прочел:

МИСТЕР РИЧАРД ДИВАЙН

Левиафан¹ скачек

— И ты узнала меня?

— Сходство было достаточно убедительным, и я стала наводить справки. Когда же я узнала, что мистер Ричард Дивайн неожиданно-негаданно вернулся домой после таинственного четырнадцатилетнего отсутствия, тут уж я стала действовать всерьез. Я истратила уйму денег, Джек, но я все-таки разыскала тебя.

— Ловко это у тебя получилось! Ничего не скажешь.

— Нет ни одного поступка в твоей жизни, который был бы мне неизвестен,— с горячностью продолжала она.— Я проследила каждый твой шаг со дня твоего позорного бегства вплоть до настоящей минуты. Я знаю обо всех твоих путешествиях на континенте, и как ты рыскал тут и там, собирая затерянные сведения. Подобно тебе, я сложила в единое целое разрозненные части головоломки и поняла, что сам дьявол помог тебе выведать тайну умершего, чтобы погубить невинную и добродетельную семью.

— Ну, хватит, хватит! — оборвал ее Джон Рекс.— С каких это пор ты научилась говорить о добродетели?

— Издевайся сколько хочешь, Джек. Но выхода у тебя нет. Я уже написала той женщине, леди Дивайн, имя и состояние сына которой ты так подло присвоил. Со дня на день я жду ответа.

— Ну, а если она ответит, что тогда?

---

¹ Левиафан (библ.) — морское чудовище. Здесь в переносном смысле — человек, поражающий своей мощью.

— Тогда я верну ей все ее состояние в обмен на ее молчание.

— Ого! Неужели ты это сделаешь?

— Да, сделаю. Если мой муж не вернется домой к тихому семейному очагу, я верну его через полицию.

Джон Рекс так и подскочил.

— Кто поверит тебе, дуреха? — воскликнул он. — Я упрячу тебя в тюрьму как самозванку.

— Забываешь, дружок, — возразила она, кокетливо играя кольцами и искоса поглядывая на него, — ты сам, в присутствии хозяина и слуг, признал меня своей законной женой. Поздно давать отбой! О, мой ненаглядный Джек, ты гордишься своим умом, но я так же хитра, как и ты.

Выругавшись себе под нос, он присел рядом с ней.

— Послушай, Сара, зачем нам ссориться, ведь мы же не дети. Я богатый человек.

— Я тоже.

— Тем лучше. Мы соединим наши средства. Сознаюсь, что я поступил глупо и подло, когда тебя бросил, уехал, но все это ради большой игры. Имя Ричарда Дивайна стоило почти полмиллиона, а теперь оно мое. Это мой выигрыш! Ты можешь разделить его со мной. Ведь мы с тобой, Сара, уже давным-давно ступили на скользкую дорожку. Давай же теперь не будем ссориться. Да, я был неблагодарным, но забудь об этом. Ведь мы оба с тобой не ангелы. Мы же вместе начали жизнь. Ты помнишь, Салли, как мы впервые с тобой встретились? Еще тогда мы порешили накопить состояние, и нам повезло. Так зачем же сейчас нам губить друг друга? Ты по-прежнему хороша, ну и я еще на что-то способен. Зачем тебе надо всем рассказывать, что я беглый каторжник, а ты... Кому все это нужно? Давай поцелуемся и помиримся, Сара. Признаюсь, я бы ушел от тебя, если бы мог, но ты меня разыскала. Я принимаю твои условия. Меня ты считаешь своим мужем. И называешь себя миссис Дивайн. Отлично, пусть будет по-твоему. Тебе ведь всю жизнь хотелось быть настоящей леди. Ну вот, случай и представился.

Хотя у нее были причины его ненавидеть, ибо она отлично знала его вероломство и подлость, и оснований доверять ему не было, но, словно шквал, ее вновь захватила необъяснимая и капризная страсть. Сидя подле него, слушая знакомые переливы любимого голоса, она жадно ловила заверения в вечной любви, прекрасно понимая, что клятвы эти будут нарушены. В ее памяти возникли

картины прошлого, когда их объединяли любовь и счастье, и ее женское воображение вновь одарило прожженного авантюриста свойствами, когда-то покорившими эту необузданную и страстную натуру. Бескорыстная преданность, которую она питала к этому мошеннику и каторжнику, была единственной все искупающей добродетелью. Возможно, бедняжка смутно понимала, что ей нужно было всеми силами удержать это чувство, являвшееся для нее опорой, и ради этого она была готова поступиться всем на свете. И жажда мести была забыта. Горечь попорченной любви, гнев и стыд брошенной женщины, его измена и неблагодарность — все разом исчезло. Глаза ее наполнились слезами прощения, на которое способно только сердце любящей женщины, остающейся верной только своей любви и ничему другому, одной только любви, до самой смерти. Голос ее задрожал. Простив изменнику все грехи, она поцеловала его руку и сказала с укоризной:

— О, Джон, Джон, неужели ты не мог мне довериться после всего того, что было между нами?

Джон Рекс победил. Он улыбнулся и обнял ее.

— Конечно, мне не надо было от тебя таиться, — сказал он. — Это избавило бы меня от лишних сожалений. Ну, что было, то было. Садись. Вот *теперь* давай ужинать.

— В твоём замысле, Сара, есть один просчет, — сказал он ей по окончании ужина, когда они стали толковать о своих дальнейших планах. — Он только поможет нас разоблачить.

— Каким образом?

— Эти люди приняли меня без всяких расспросов, но боюсь, и без всякой симпатии. А мой дядюшка Фрэнсис Уэйд, тот просто меня невзлюбил. Боюсь, что и в отношении леди Дивайн я дал промах. Стоит им только узнать, что я еще прячу жену, их неприязнь перейдет в подозрения. Кто мне поверит, что все эти годы я был женат, если ни разу я не заикнулся об этом?

— Неправда, — спокойно возразила Сара. — Вот в этом-то и причина, почему ты все годы разгуливал холостяком. — Именно так, — добавила она, рассмеявшись. — Какой же вы, мужчины, несообразительный народ. Ты и без того уже наврал с три короба. Соври еще разок.

— Как так: «соври разок»?

— Очень просто. Любезный Ричард, неужели ты позабыл, что в прошлом году мы обвенчались с тобой на континенте? Это было именно в прошлом году, когда ты тащился по Европе. Я не ошиблась? Я — дочь бедного ан-

глийского пастора. Назови им любое место, где мы с тобой встретились. Ну, скажем, в Бадене, в Эксе или в Брюсселе. Если хочешь, дорогой, соверши переход через Альпы и скажи, что мы встретились в Риме.

Джон Рекс пощупал свой лоб.

— И верно. Какой же я идиот,— проговорил он.— Последнее время мне что-то нездоровится. Видно, сказывается влияние бренди и прочих излишеств.

— Теперь со всем этим будет покончено,— сказала она, усмехнувшись, но в глазах ее промелькнула тревога.— Теперь, Джек, прости,— Дик,— ты станешь у меня домо-сedom.

— Ну, а дальше? — нетерпеливо спросил он.— Что потом?

— Сначала уладим кое-какие мелочи, а потом ты повезешь меня в Лондон, представишь своим родным и друзьям.

Он вздрогнул.

— Рискованная игра.

— Рискованная? Вздор! Единственно безопасная. Люди, как правило, доверчивы, но когда ты от них прячешься, они начинают подозревать дурное. Ты *должен* поступить только так. Я все уже для этого подготовила. Все слуги в гостинице знают, что я твоя жена. Что тут опасного? Если только ты не женат вторично,— сердито проговорила она, охваченная внезапным подозрением.

— Не беспокойся, не такой уж я болван, чтобы еще раз жениться, пока существуешь ты,— если бы даже и подвернулась какая-нибудь женщина. Но как быть с леди Дивайн? Что ты ей там наболтала?

— Я лишь уведомила ее о том, что могу сообщить ей «нечто для нее интересное», и попросила ее ответить письмом на почту в Торки — на имя миссис Карр. Вот если бы ты заартачился, Джон, тогда бы я выложила ей всю чистую правду, рассказала бы, кто ты таков. Но раз ты оказался сговорчивым, я пошлю ей письмо с какой-нибудь просьбой — вероятно, таких писем она получает десятки и просто мне не ответит. Ну что скажешь, мистер Ричард Дивайн?

— Желаю тебе успеха, Сара,— сказал старый плут с искренним восхищением.— Ей-богу, вся эта затея напоминает прежние времена, когда мы с тобой были мистером и миссис Крофтон.

— Или мистером и миссис Скипер, Джон,— поправила она его, и в голосе ее прозвучала такая нежность, словно

она была добродетельной матроной, вздыхающей о своем медовом месяце.— Неудачное имя мы выбрали, верно, голубчик? Послушался бы ты моего совета.

И достойная парочка погрузилась в лирические воспоминания о своих проделках, и на лицах обоих заиграла мягкая улыбка. Рекс первый очнулся от приятных воспоминаний.

— Хорошо, допустим, я буду во всем повиноваться тебе,— сказал он,— ну а дальше что?

— А дальше вот что: если ты говоришь, что мое появление может оказать нам плохую услугу, тогда мы тихонько уедем из Англии. Для начала представимся твоей матери. Потом отделаемся от мистера Фрэнсиса, затем поедem в Хэмпстед, поживем там немного. А тем временем ты постарайся обратить в наличные большую часть недвижимости, соблюдая приличия, разумеется. Затем мы поедem в Европу, останемся там на «сезон». Через год ты даешь распоряжение своему стряпчему, чтобы он продал еще какую-то часть имения, и наконец, через три или четыре года, когда наше отсутствие станет для всех привычным, мы распродадим все, что осталось, и махнем в Америку. Там ты сможешь заняться благотворительностью. Построишь церковь или больницу в память того человека, имя которого ты при-
своил.

Рекс расхохотался.

— Здорово ты придумала! Благотворительность! Совсем недурно: больница имени сэра Дивайна!

— Кстати, а как тебе удалось раскопать подробности его жизни? Ведь Ричард Дивайн сгорел на «Гидаспе»?

— Черта с два! Его тоже упекли на каторгу,— важно заявил Рекс.— Но под другим именем — Руфуса Доуза. Ты помнишь его на «Малабаре»? Канительная это была история. Я кое-что выведал. И если бы старая леди хоть на каплю была проникательней, она бы меня тут же раскусила. Но больно уж ей хотелось увидеть сыночка живым — вот потому она так легко и попала на удочку. Ну, об этом потом. А сейчас спать. Я устал, как собака, голова прямо раскалывается.

— Стало быть, ты обещаешь и впредь меня слушаться?

— Обещаю.

Она встала, протянула руку к звонку.

— Что ты еще затеяла? — настороженно спросил Рекс.

— Я — ничего. А вот *ты* отправишь сейчас депешу своим слугам в Лондон, чтобы они приготовили дом для

твоей супруги, с которой ты послезавтра придешь в город.

Рекс сердито схватил ее за руку.

— Считаешь, что осечки не будет? — спросил он. — А что, если все полетит к чертям?

— Это уж, Джон, твоя забота. Если тебе не по душе мой план — тогда откажись. Мне бы даже хотелось, чтобы ты отказался.

— И что будем делать тогда?

— Я не так богата, как ты. Но у меня есть ферма, ну и еще кое-что, это, в общем, дает мне семь тысяч в год. Возвращайся со мной в Австралию и верни этим глупцам их состояние. Ах, Джон, поверь мне, это самое лучшее. Теперь мы сможем начать честную жизнь.

— Ничего себе, хорошо придумала! — вскричал он. — Бросить полмиллиона и вернуться в Австралию! Нет, ты определенно сошла с ума!

— Тогда отправляй депешу.

— Ну, знаешь, милочка...

— Тс-с, идет слуга.

С тяжелым сердцем Рекс взялся за перо: он вернул ее любовь, но эта любовь была для него таким же ярмом, как и прежде.

Глава 67

ИЗ ДНЕВНИКА ПРЕПОДОБНОГО ДЖЕЙМСА ПОРТА

7 декабря.

Я решил покинуть это место, снова укрыться в глуши и там ждать смерти. Я стараюсь внушить себе, что причиной этого решения являются чудовищные условия жизни каторжан. Я решил уехать, потому что каждый день испытываю ужас и отвращение при виде позорных пыток и мучений. Чувствуя себя бессильным спасти других, хочу пощадить себя. Но в этом дневнике я дал себе слово писать только правду, поэтому и вынужден признаться, что истинная причина другая. Скажу честно: «Я возжелал жену ближнего своего». На бумаге это выглядит весьма неприглядно. Это выглядит отвратительно. В глубине души я стараюсь найти тысячу оправданий для своей страсти. Я уверил себя: «Мой ближний не любит свою жену, и жизнь без любви для нее мука. Ее вынуждают жить вза-

перти на этом проклятом острове, и она чахнет от одиночества. Она знает, что я понимаю и ценю ее, что я мог бы любить ее так, как она этого достойна, и сделать ее счастливой. Я понимаю, что встретил единственную женщину, способную тронуть мое сердце и удержать меня от грозящей мне гибели, способную сделать из меня, запойного пьяницы, настоящего человека, приносящего пользу другим». Когда я нашептывал себе эти мысли, мне хотелось бросить вызов общественному мнению во имя нашего счастья. И я говорю себе, вернее, это мои желания подсказывают мне: «Разве это грех? Разве это прелюбодеяние? Нет, ибо супружество без любви — худшее из прелюбодеяний. Какие узы связывают мужчину и женщину? Неужели традиционные слова, освященные церковным обрядом, делают этот брак «законным»? Нет, не только это! Ибо брак есть договор о взаимной верности, но во всех договорах нарушение обязательств одной стороной освобождает другую. Стало быть, поведение мужа делает миссис Фрер свободной. Иначе я себе этого не мыслю. Но захочет ли она подвергнуть себя позору бракоразводного процесса? Как знать, способна ли она с ее характером нести бремя бесчестия, которое неизбежно падет на нее? Не преисполнится ли она вдруг отвращения к человеку, который навлек на нее этот позор? А может быть, тот комфорт, которым она окружена, возмещает отсутствие любви? И я продолжаю себя мучить вопросами и ответами, пока не начинаю сходиться с ума от сомнений, любви и отчаяния.

Конечно, я не прав, конечно, я нарушаю свой пасторский долг, конечно, я иду против веры, вовлекая себя и ее в пучину. Увы, священники такие же люди, как и все, их сердца также открыты страстям. Слава богу, что я до сих пор не поверял свое безумие бумаге. Печальная моя судьба! Ее присутствие — какая это для меня мука! Когда я не вижу ее, она становится для меня воплощением добродетелей, свойственных не только ей, а всем женщинам моей мечты: Елене, Джульетте, Розалинде... Как мы глупеем от наших чувств! Стоит мне только подумать о ней, как мое лицо заливается краской, стоит мне только услышать ее имя, мое сердце замирает, и я бледнею. Любовь! Что такое любовь двух чистых сердец, смутно сознающих, какое райское блаженство сулит им этот безумный бред? Я понимаю, какой яд отравлял чашу Царцей: то были сладкие муки запретной любви, подобной моей. Прочь грубый материализм, которому я так долго заставлял себя следовать. Я, который смеялся над страстью, считая ее

проявлением прихоти, капризом и распушенностью, я, который воображал, что мой острый ум проник в глубины и мелководье человеческих чувств, я, который подверг анализу собственную душу, глумился над своим стремлением к бессмертию, должен обоготворять бессмысленное могущество веры и признать существование бога, чтобы молиться ему. Теперь я понимаю, почему люди отвергают то холодное и безликое нечто, которое, как учит разум, правит миром,— отвергают потому, что они полюбили. Умереть, исчезнуть, умереть и превратиться в прах, который ветер развеет по земле, умереть и оставить свою любовь покинутой и беззащитной, пока светлая душа, улыбавшаяся нам в ответ, не рассыплется в прах и не уйдет в землю, ее создавшую! Нет! Любить — значит познать вечную жизнь. Господи! Я верую в тебя! Помогни мне! Сжался надо мной! Я — жалкий грешник, отрекшийся от тебя! Ты видишь, я преклонил колени перед тобой! Сжался надо мной или пошли мне смерть!

9 декабря.

Я посетил двух осужденных арестантов — Доуза и Бленда — и молился вместе с ними. О боже, дай мне спасти хоть одну душу, которая заступится за меня перед тобой! Дай мне вызволить из ада хотя бы одну живую душу! Я докучаю тебе молитвами. О господи! Снизойди ко мне! Поддай мне знак. Ведь ты когда-то давал его людям, которые молились не более пенство, чем я. Так учит Писание, Писание, в которое я верую, да, верую. Поддай мне знак, хотя бы самый ничтожный. О господи! И я больше никогда ее не увижу. Я дал себе клятву. Ты видишь мое горе, мои муки и мое отчаяние. Ты знаешь, почему я люблю ее, ты знаешь, как я стремлюсь внушить ей ненависть ко мне. Неужели это не жертва? Я так одинок — одинокий человек, любящий одно-единственное существо на свете. Но что для тебя любовь смертного? Жестокий и неумолимый, ты обитаешь на небесах, созданных для тебя людьми, и ты презираешь людей. Неужто тебе мало всех сожжений святых и невинно убиенных? Неужто ты, бог мести, гнева и отчаяния, не насытился слезами и кровью? Господи, пожалей меня! Ты сжалился надо мной — потому что ты являлся в образе человека! Ты — святой спаситель, к погам которого припадала Магдалина! И ты, чистый и святой, ибо страдания твои омыли тебя святостью, обратился к своему жестокому богу, чтобы он спас тебя. В память о том мно-

венни, когда ты увидел, что господь покинул тебя, — не покидай меня! Господи, сжался над грешным рабом твоим!

Больше не могу писать. Уста мои будут возносить тебе молитвы. Я буду громко взывать к тебе. Я буду неистово к тебе взывать, чтобы весь мир услышал мои стенания и содрогнулся бы от твоего молчания. О, несправедливый и безжалостный бог!

14 декабря.

Откуда эти кошунственные речи, вырвавшиеся у меня в моем отчаянии? Какое безумие поразило меня, ввергнув мою душу в состояние лихорадочного бреда? Мною овладел дьявол, я стал похож на того безумца из древних времен, который блуждал среди могил, стонал и разрывал на себе одежды. Целую неделю я ничего не сознавал, кроме этой страшной душевной пытки. Хотя я каждодневно выполнял свои пасторские обязанности, но выполнял их словно во сне, как человек, бессознательно повторяющий привычные действия. Люди с удивлением смотрели на меня. Сумасшедший ли я или только на грани безумия? О боже, тебе исповедуюсь в страданиях своих, — сохрани мне разум, не дай мне стать посмешищем для зевак, которые будут либо жалеть меня, либо указывать на меня пальцем! Пощади меня хоть немного в своем милосердии! Сделай так, чтобы кара твоя не постигла меня *здесь*. Сделай так, чтобы ее память обо мне не была бы омрачена воспоминаниями о моей грубости и жестокости. Пусть лучше она вспоминает обо мне как о неблагодарном негодяе, каким я стараюсь казаться ей, но только не дай ей увидеть меня *таким*.

Глава 68

СТРАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ МИСТЕРА НОРТА

В декабре, примерно числа 8-го, миссис Фрер заметила внезапную и непонятную перемену в поведении капеллана. Однажды днем он зашел к ней, и после странного и бессвязного рассказа о тяготах тюремной жизни и об ужасном положении некоторых каторжан вдруг неожиданно стал расспрашивать ее о Руфусе Доузе.

— Я не хочу думать о нем, — сказала она, содрогнувшись. — Он снится мне ночью в страшных кошмарах. Дурной он человек. Когда я была еще девочкой, он покушался

на мою жизнь, и если бы не мой муж, он бы убил меня. С тех пор я видела его только один раз — это было в Хобарт-Тауне, когда его снова поймали.

— Иногда он говорит со мной о вас, — сказал Норт, пристально глядя на нее. — Как-то даже он попросил меня дать ему розу, сорванную в вашем саду.

Сильвия побледнела.

— И вы дали ему эту розу?

— Да. А почему бы нет?

— Конечно, это пустяк, но все-таки... каторжнику!

— Вы не сердитесь?

— О нет! Почему я должна сердиться? — И она принужденно рассмеялась. — Странная причуда для такого человека, вот и все.

— А мне вы не дадите другую розу, если бы я вас попросил?

— Почему же нет? — проговорила она, в смущении отворачиваясь. — Вам — другое дело. Вы — *джентльмен*.

— О, далеко нет! Вы меня ведь совсем не знаете.

— Что вы хотите сказать?

— Хочу сказать, что было бы лучше нам никогда не встречаться.

— Мистер Норт! — Испугавшись дикого блеска его глаз, она торопливо встала с кресла. — Как странно вы со мной говорите!

— О, не волнуйтесь, сударыня. Я ведь не *пьян*! — ответил он, сердито подчеркнув последнее слово. — Пожалуй, мне лучше уйти. Чем меньше мы будем видеть друг друга, тем лучше.

Глубоко изумленная и задетая столь неожиданной резкостью, Сильвия позволила ему уйти и не проронила ни слова. Она видела, как он прошел через сад, хлопнул калиткой, но она не видела страдания, написанного на его лице, и яростного взмаха его руки, когда, скрывшись из глаз ее, он проклинал себя за то, что так унижил себя перед нею. Она думала о том, как странно он себя вел, и ее беспокойство все возрастало. Немыслимо вообразить, что он был *пьян* — в этом пороке она меньше всего могла его заподозрить. Очевидно, это были последствия недавней его лихорадки, которая приковала его к постели и, вероятно, еще не прошла. Погрузившись в размышления и догадки, она встревожилась, поняв, как много значит для нее благополучие этого человека.

На следующий день они встретились. Он поклонился и быстро прошел мимо. Это уязвило ее. Неужели она обидела

его каким-нибудь неосторожным словом? Она попросила Мориса пригласить капеллана к обеду, и, к ее изумлению, он отказался прийти, сославшись на болезнь. Гордость ее была задета, и она отослала ему обратно все книги и ноты.

Не в силах преодолеть унижительное для нее любопытство, Сильвия поинтересовалась у слуги, передавшего пакет, каков был ответ капеллана.

— Он ничего не сказал — он засмеялся.

Засмеялся! Он презирует ее за глупость! Такое поведение недостойно джентльмена. Конечно, ей следует забыть, и как можно скорее, о существовании этого человека. Порешив так, Сильвия стала особенно терпеливой с мужем.

Прошла неделя, а мистер Норт все не появлялся. К несчастью для бедного капеллана, самопожертвование такого рода повлекло за собой иные последствия, которых ему, несомненно, хотелось бы избежать. Возможно, если бы их общение продолжало носить столь же размеренный характер, то новые обстоятельства и новые впечатления стерли бы из памяти этот незначительный эпизод, вернув их отношения в прежнюю колею, и Сильвия, вероятно, никогда бы не узнала, что питает к капеллану какие-то иные чувства, кроме почтения. Но внезапное исчезновение ее душевного друга раскрыло ей всю пустоту одиночества, на которое она была обречена. Давно уже с горечью она призналась себе, что муж был ей чужим. Его общество не приносило ей радости, и потребность найти чье-либо понимание и сочувствие побудило ее искать утешение на стороне. Она поняла, что любовь Мориса к ней давно уже отпылала: унижительно было признаваться в том, что его любовь была всего-навсего плотской страстью, что она истлела, сгорев в собственном огне. К несчастью, многие женщины приходят к такому же выводу, но у большинства из них находятся какие-то другие утешения. Если бы Сильвия вращалась в фешенебельном обществе, она открыла бы для себя отдушину в беседах с остроумцами или внимании достойных людей. Если бы судьба забросила ее в город, она могла бы стать одной из тех очаровательнейших женщин, что собирают у себя за ужином цвет мужского интеллекта, предоставляя своему мужу откупоривать бутылки шампанского. Прославленные женщины, покидавшие домашний очаг с тем, чтобы восхищать и потрясать мир своими талантами, почти всегда были несчастливы в семейной жизни. Но бедняжке Сильвии была уготована иная участь. Предоставленная самой себе, она не могла утолить свою

боль плодами собственного воображения, и лишь встретив человека намного старше ее, человека, побудившего ее открыть свою душу, человека, общества которого она искала, к совету которого прислушивалась, впервые в жизни она забыла о своих горестях. Впервые в жизни ее душа, подобно цветку, потянулась к солнцу и расцвела под его благотворным влиянием. Когда же это солнце вдруг неожиданно скрылось, ее душе, уже привыкшей к теплу и свету, стало холодно от этого мрака, и она с отчаянием взирала на свое унылое и безнадежное будущее. Словом, она поняла, что общество Норта стало для нее насущно необходимым, лишившись его, она впала в мучительную тоску, и присутствие мужа было слабым для нее утешением.

Пустота жизни казалась ей невыносимой: неделю спустя, после горестных размышлений, она попросила мистера Мориса отправить ее обратно в Хобарт-Таун.

— Морис, я не могу больше жить на этом ужасном острове, — сказала она. — Я просто заболеваю. Отпусти меня к отцу, ну хотя бы на несколько месяцев.

Морис согласился. Его супруга действительно выглядела больной, а майор Викерс был старым и к тому же богатым человеком, горячо любившим свою единственную дочь. Морису даже хотелось, чтобы Сильвия навестила отца. Во взаимоотношениях этой четы наступило заметное охлаждение, и Морис, вначале удивившись ее желанию, был даже рад на время остаться один.

— Если хочешь, моя дорогая, ты можешь отправиться с «Леди Франклин», на ней же вернешься обратно. Я жду ее со дня на день.

Услышав его решение, которое немало ее удивило, Сильвия поцеловала его с такой нежностью, какую никогда не проявляла к нему со дня смерти их ребенка.

Новость о скором ее отъезде быстро распространилась, однако Норт не появлялся. Если бы не женская гордость, которой она не могла поступиться, госпожа Фрер сама бы пошла к нему, чтобы узнать о причине столь странной неучливости, однако в ее влечении к нему таилась какая-то роковая сила, удержавшая ее от этого шага, на который юная девушка, хоть и столь же неопытная, решилась бы без колебания. Однажды, зайдя к жене лекаря, она столкнулась лицом к лицу с капелланом, и, владея присущим большинству женщин искусством притворства, стала подшучивать над тем, что он избегает ее. Бедный священнослужитель был обижен до глубины души. Забыв о правилах приличия, о почтении к женщине, он метнул на нее

гневный взгляд, круто повернулся и вышел. Сильвия вспыхнула до корней волос и попросила извинить Норта, сказав, что он еще не вполне оправился от своей недавней болезни. Жена лекаря как-то косо на нее посмотрела и переменяла тему разговора. Вскоре Сильвия встретила эту даму на улице и поклонилась ей, но в ответ получила выскомерный кивок; от этого кровь бросилась Сильвии в голову.

— Чем я обидела миссис Филдс? — спросила Сильвия мужа. — Сегодня она едва поклонилась мне.

— Ах, эта старая кошка! — ответил Морис. — Все это такая ерунда!

Но оказалось, что это совсем не ерунда. Морис зашел к доктору Филдсу, и между ними произошел серьезный разговор. Когда миссис Фрер узнала о содержании разговора, она расплакалась: это были слезы негодования, уязвленного самолюбия и стыда. Оказалось, что Норт дождался, пока Сильвия вышла из дома Филдсов, затем вернулся и, по словам миссис Филдс, «через пень-колоду» рассказал, что он не выносит миссис Фрер и не хочет бывать у них, добавив, что она ведет себя легкомысленно и недостойно замужней женщины, занимающей положение в обществе. Этот низкий поступок Норта, продиктованный благородными побуждениями, достиг желаемой цели. Сильвия перестала замечать несчастного священника.

Между комендантом и капелланом теперь чувствовалось отчуждение; Фрер задумал всякого рода мелкими придирками отравить ему существование и тем самым вынудить его подать в отставку. Тюремщики из арестантов вскоре заметили перемену в обращении коменданта со священнослужителем и тоже стали вести себя вызывающе. Почтение к нему сменилось дерзким неповиновением, проворная услужливость — холодным равнодушием, послушание — наглой строптивостью. Арестанты, которым Норт покровительствовал, подвергались грубым нападкам. Стоило кому-нибудь из них остановиться и поговорить с капелланом, его товарищи тут же начинали над ним издеваться. И Норт в конце концов осознал, что души, которые он стремился спасти, вновь погружаются в бездну, а люди, чью любовь он сумел завоевать, отворачиваются при встрече с ним. Если он оказывал участие к судьбе какого-нибудь арестанта, он тем самым лишь вредил ему. Несчастный священнослужитель бледнел и худел от этой изощренной пытки. Отринув свою любовь, пусть и греховную, но единственную, которую ему довелось изведать, он убедил-

ся в том, что, одержав над собой победу, обрел ненависть всей своей паствы.

Власть коменданта была здесь так велика, что люди буквально ловили каждое движение его бровей. Задеть его самолюбие значило погибнуть; тот, кого комендант ненавидел, становился предметом ненависти всех, кто дорожил своей безопасностью.

Был лишь один человек, который не отступился от своего благодетеля, — Руфус Доуз, убийца и каторжник, приговоренный к смерти. Много дней он угрюмо молчал, подавленный собственным горем. И Норт, оказавшись изгоем, стал бороться за эту мятежную душу, пытаясь вернуть ей мир и покой. Его расстроенный и воспаленный мозг сверлила мысль, что этот арестант, над которым он возносил свои молитвы, был послан ему в залог искупления содеянного им греха. «Я должен спасти его или погибнуть, — говорил он себе. — Я спасу его душу даже ценой собственной крови».

Фрер никак не мог уяснить себе, почему обреченный преступник бестрепетно переносит все его издевательства и пытки. Ему казалось, что Доуз лишь притворяется усмирленным, надеясь получить дополнительную порцию пищи, и Фрер еще более ужесточал тюремный режим. Он приказал, чтобы Доуза отправляли на работу в те часы, когда его обычно навещал капеллан. Под предлогом того, что каторжник «опасен», он распорядился, чтобы во время их бесед в камере всегда присутствовал надзиратель, ибо Доуз «может убить капеллана». Он отдал приказ, обязывающий всех гражданских чиновников откликаться надзирателям из каторжан. Каждый раз, когда Норт шел к кающемуся грешнику, чтобы помолиться вместе с ним, его по дороге останавливали ухмыляющиеся арестанты, которые кричали ему в лицо: «Кто идет» — и, получив ответ, громко хохотали ему вслед. Под тем предлогом, что имущество капеллана нуждается в более тщательной охране, Фрер разрешил всем констеблям из каторжан производить у него досмотры в любое время, «повсюду и повсеместно», якобы для того, чтобы найти все то, что незаконно прячут арестанты. Слуга капеллана, разумеется, был арестант, и все ящики в доме Норта дважды в неделю подвергались осмотру Троука и переворачивались им вверх дном. Норт хладнокровно встречал это беззаконие, и Фрер никак не мог понять его упрямства. Только лишь с прибытием «Леди Франклин» ему стала понятна причина внешнего равнодушия священника: два месяца назад он отправил свое про-

шение об отставке и на его место был назначен преподобный Микин. Фреру так и не удалось сломить волю священника, и, негодуя на свое поражение, он вымещал злобу на Руфуса Доузе.

Глава 69

МИСТЕР НОРТ ЗАГОВОРИЛ

О методах и способах мести Фрера стали шептаться на острове. Говорили, что Норту было запрещено посещать арестанта, но капеллан отказался подчиниться этому запрету и, угрожая мерами, которые он примет по возвращении в Хобарт-Таун, вынудил коменданта отменить приказ. Комендант, однако, тут же обнаружил в поведении Руфуса Доуза признаки неподчинения и снова принялся за «усмирение духа», который он так блистательно «слобил». Злополучного арестанта лишали еды, ночью ему не давали спать, его посылали на самые трудные работы, заковывали в самые тяжелые кандалы. Троук, словно демон, искушал замученного человека, говорил ему, что, если тот откажется видеть священника, ему облегчат тюремный режим. Но все уговоры были тщетны. Будучи уверен, что смерть неизбежна, Доуз тянулся к Норту как к спасителю своей истерзанной души, отвергая все соблазны Троука. Разъяренный его упрямством, Фрер приговорил свою жертву к «распластыванию орлом» и «растягиванию» на дыбе.

Слух об упорстве этого каторжника, о котором упомянул капеллан во время их несколько необычного свидания, дошел до Сильвии. Из обрывков разговоров ей не раз приходилось слышать о суровых наказаниях, которым подвергали несчастного по приказу ее мужа. И, возвращаясь к последней беседе с капелланом, она вспомнила странное желание арестанта получить цветок, и мысли ее вновь стали путаться, одолеваемые туманными воспоминаниями, преследовавшими ее с детства. Какая нить связывает ее с этим злосчастным убийцей? Почему по временам она ощущает странное сочувствие его судьбе? Почему он, покушавшийся на ее жизнь, сохраняет такое нежное воспоминание о ней, что просит подарить цветок, которого коснулась ее рука?

Она попыталась узнать у мужа, в чем же провинность Руфуса Доуза, но всякий раз, когда речь заходила об арестанте, Морис Фрер раздражался, злился и наотрез отка-

звался отвечать. Это еще более разожгло любопытство Сильвии. Она вспомнила, сколь суров и жесток был он всегда к этому человеку, и в памяти ее всплыла сцена у них в саду, в Порт-Артуре, когда этот преследуемый каторжник цеплялся за ее платье и молил ее о чем-то, и она вспомнила тот лоскуток в мешочке, который Доуз порывистым жестом сорвал со своей груди, и с каким презрением ее жених швырнул эту реликвию в водный поток. Хотя само имя «Доуз» было ей теперь ненавистно, оно какими-то неведомыми путями переплеталось в ее сознании с ощущением спокойствия и надежды. Какую же тайну несли в себе ее смутные детские воспоминания? Лишенная советов Норта, которому еще совсем недавно она могла верить все свои тревоги и сомнения, Сильвия, преодолев отвращение, отважилась на смелый поступок. Она решила посетить таинственную тюрьму, чтобы убедиться в том, насколько справедливы слухи о жестокостях ее мужа.

И вот однажды в знойный полдень, когда комендант уехал по делам инспекции, Троук был сильно озадачен, увидев у дверей новой тюрьмы его жену.

— Зачем вы здесь, сударыня? — спросил он, не веря своим глазам.

— Я хочу видеть арестанта Доуза.

У Троука от изумления отвисла челюсть.

— Доуза? — переспросил он.

— Да. Где он?

Троук не знал, как лучше солгать. Он был смущен ее спокойствием и повелительностью тона.

— Он здесь.

— Проведите меня к нему.

— Он... он отбывает наказание, сударыня.

— То есть как? Его бьют плетью?

— Нет, но... он опасен, сударыня. Комендант...

— Вы отопрете мне дверь или нет, мистер Троук?

Троук еще более смутился. Видно, ему очень не хотелось отпирать дверь.

— Комендант отдал строгий приказ...

— Хотите, чтобы я *пожаловалась* на вас коменданту? — прикрикнула Сильвия с былой горячностью, воображив, что тюремщики ради собственного удовольствия измываются над своей жертвой. — Сейчас же отворите дверь! Открывайте, ну!

На этот приказ Троук отворил дверь камеры справа от входа в тюрьму, пробурчав, что, мол, «это не его дело, и

он надеется, что миссис Фрер сама расскажет капитану, как все произошло».

В камере было темно, и Сильвия, войдя, ничего не могла различить, кроме очертаний какой-то рамы, на которой было распластано нечто, похожее на тело человека. Сначала она подумала, что человек мертв, но он стонал. Ее глаза, привыкнув к темноте, постепенно стали различать отдельные орудия пытки. На полу лежала железная рама в шесть футов длины и два с половиной фута ширины с закругленными железными брусками, укрепленными поперечно на расстоянии двенадцати дюймов один от другого. На этой раме был растянут тот человек, которого она искала. Голова его была на весу, за рамой. Если голова падала, кровь прилиwała, и он задыхался. Когда же он силился удержать голову, все его мускулы напрягались до боли. Лицо мученика побагровело, изо рта шла пена. Сильвия в ужасе вскрикнула:

— Это не наказание — это убийство! Чей приказ?

— Коменданта, — мрачно ответил Троук.

— Не верю! Отвяжите его!

— Не имею права, сударыня, — ответил Троук.

— Я вам приказываю, освободите его! Вы слышите?..

Хейли! Где вы там?

Шум привлек в камеру нескольких надзирателей.

— Вы меня слышите? Вы знаете, кто я? Развяжите его, я вам приказываю!

В порыве сострадания она опустилась на колени возле дьявольского орудия, стараясь развязать веревки своими хрупкими пальцами.

— Негодяи, вы изуродовали его. Он умирает! На помощь! Вы его убили!

И в самом деле, увидев ангела милосердия, склонившегося над ним, услышав голос, который семь лет он слышал только во сне, арестант потерял сознание. Троук и Хейли, испугавшись ее гнева, выволокли раму поближе к свету и поспешно разрезали путы. Доуз скатился на пол, как бревно, прямо у ног госпожи Фрер. Троук грубо оттащил его в сторону и приказал принести воды.

Сильвия, бледная от гнева, трепещущая от сострадания, повернулась к его мучителям:

— Сколько времени длилась эта пытка?

— Около часа, — ответил Троук.

— Ложь! — произнес в дверях суровый голос, — Пытка продолжается уже девять часов!

— Мерзавцы! — воскликнула Сильвия. — Вы за это еще ответите! О-о, боже! Мне дурно!.. — Она прислонилась к стене. — Я... я...

Норт наблюдал за ней, его лицо выражало страдание, но он не двинулся с места.

— Мне дурно! — воскликнула она, не то с гневом, не то с отчаянием. — Мистер Норт, разве вы не видите? Уведите меня домой, уведите меня!

Она упала бы на тело замученного арестанта, если бы Норт не подхватил ее.

Очнувшись от обморока, Руфус Доуз увидел в свете солнечного луча, проникшего в окошко из коридора, женщину, пришедшую спасти его тело; она опиралась на руку священника, явившегося спасти его душу. С трудом встав на колени, он с хриплым криком протянул к ним руки. Возможно, этот жест вызвал в помутившейся памяти жены коменданта образ из далекого прошлого: какой-то очень похожий человек протягивает руки к перепуганной девочке. Сильвия вздрогнула и, откинув волосы со лба, устремила исполненный печали и тревоги взгляд в лицо этого человека, словно хотела прочесть в этих глазах загадку своих навязчивых, призрачных видений. Возможно, она бы и заговорила с ним, если бы не капеллан, который, опасаясь, что от волнения с ней может случиться истерика — как это случалось и прежде, — осторожно повел ее прочь. А Сильвия все не могла отвести глаз от двери камеры. Арестант увидел, как бледный от волнения священник медленно повел это нежное молодое создание из освещенного солнцем двора под мрачную сень тюремного свода, и руки его безжизненно упали, а предчувствие беды холодом сковало его сердце. На какую-то секунду, когда их поглотил мрак, Доузу почудилось, будто этот странный служитель божий вдруг обернулся служителем зла, готовым погубить свет и красоту прильнувшего к нему беспомощного существа. Мгновение — и они вышли из-под тюремной арки на свежий воздух, под чистое небо. Солнечные лучи позолотили их лица.

— Вы нездоровы? — спросил Норт. — У вас совсем больной вид. Вам плохо?

— Что это? — прошептала она, скорее отвечая собственным мыслям, нежели ему. — Что связывает меня с этим человеком? Какое событие? Какой страх? Какое воспоминание? Меня охватывает дрожь, мысли мои путаются и ускользают прочь, не давая ответа. Ах, эта тюрьма!

— Взгляните, мы вышли на солнечный свет.

Она провела рукой по лбу и глубоко вздохнула, как бы очнувшись от тяжкого сна. Вздрыгнув, она вырвала свою руку из его руки.

Норт правильно понял этот жест, и кровь хлынула ему в лицо.

— Извините меня, но вы одна не дойдете, вы можете упасть. Я провожу вас до ворот.

Действительно, она упала бы, если б он не поддержал ее. Сильвия посмотрела на него, и печальный укор в ее глазах чуть не вынудил его признание, однако он опустил голову и промолчал. Когда они вошли в дом, он осторожно усадил ее в кресло.

— Теперь вы дома, сударыня, и я покидаю вас.

Сильвия расплакалась.

— Мистер Норт, почему вы так говорите со мной? Что я сделала? Почему вы так меня ненавидите?

— Помилуйте! — воскликнул Норт, и губы его задрожали. — Нет, нет! Разве я могу ненавидеть вас? Я просто резок в выражениях, неучтив. Забудьте все это, забудьте также и меня...

Раздался цокот копыт по гравии, и минуту спустя в комнату влетел Морис Фрер.

Оказалось, что по дороге домой он встретил Троука, и тот сообщил ему об освобождении узника.

Взбешенный таким поведением жены, он усмотрел в этом умаление своей власти. Задетый тем, что она стала свидетельницей его подлой мести человеку, которого он так безжалостно обманул, и к тому же разогретый спиртным, Фрер примчался галопом домой, полный жестокой решимости восстановить незыблемость своих прав. Ослепленный яростью, он видел только жену, не замечая капеллана.

— Какого дьявола! Как ты посмела вмешиваться в мои дела? Ты уже начинаешь самовольно освобождать преступников?! Ты...

— Капитан Фрер! — воскликнул Норт, выступая вперед и давая тем самым знать о присутствии постороннего.

Неожиданное вмешательство капеллана явилось новым ударом для Фрера, оскорблением его достоинства, насмешкой над его непререкаемой властью.

Его примитивный, разъяренный гневом рассудок подсказал ему самое отвратительное подозрение.

— И вы здесь?! Что вам еще нужно от моей жены? Это вы называете ссорой? Так вот какая у вас ссора!

Он бросал злобные взгляды то на жену, то на капеллана, затем решительно направился к Нарту:

— Вы лицемерный, лживый негодяй! Если бы не ваша черная сутана, я бы вас...

— Морис! — в ужасе воскликнула Сильвия. Сгорая от стыда, она попыталась удержать его руку.

Фрер обрушил на нее такие ругательства, что Норт, бледный от гнева, готов был ударить разнузданного грубияна. Они смерили друг друга взглядом, и Фрер, проклиная всех и вся — арестантов, тюремщиков, священников и жену, гневно толкнув несчастную женщину, выскочил из комнаты. Она упала, стукнувшись о стенку, и капеллан помог ей подняться. Из сада донесся цокот лошадиных копыт.

— О боже! — взмолилась Сильвия, закрывая лицо дрожащими руками. — Помоги мне скорее покинуть это место!

Заклучив ее в объятия, Норт шептал ей несвязные слова утешения. Ошеломленная ударом, она с рыданием припала к нему. Дважды он хотел отвести ее руки, но она едва стояла на ногах. Когда же он прижал ее к сердцу, побитую, страдающую и в слезах, он уже более не мог молчать. В потоке горького красноречия он излил всю историю своей любви к ней.

— Зачем вам так мучиться?! — воскликнул он. — Господь не хотел вручать вас этому грубияну. Ваша жизнь должна быть озарена солнечным светом! Оставьте его, оставьте его! Ведь он вас сам оттолкнул. Мы с вами оба страдали. Давайте покинем это ужасное место, где сходятся земля и преисподняя! Клянусь, я сделаю вас счастливой!

— Я уеду, — чуть слышно проговорила она. — Я уже давно готовлюсь к отъезду...

Норт затрепетал.

— Это не моя воля. Сама судьба этого захотела. Мы уедем вместе!

Они посмотрели друг на друга. Она почувствовала, какой жар бушует в его крови, прочла страсть в его глазах и поняла, почему он притворялся, что ненавидит ее. Смертельно побледнев, она отдернула свою похолодевшую руку, которая покоилась в его руке.

— Уйдите! — прошептала она. — Если вы меня любите, оставьте меня! Уйдите! Вам не следует более видеть меня и говорить со мной!..

Она умолкла, и ее молчание сказало за нее то, что она боялась сказать: *«До некоторых пор»*.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОТПЛЫТИЮ

Гнев Мориса Фрера весь изошел в этой последней вспышке. Он не поехал в тюрьму, как собирался, а свернул на дорогу, ведущую к водопадам. Он уже раскаивался в своих подозрениях. В присутствии капеллана у них дома действительно не было ровно ничего странного. Сильвия всегда относилась к нему благосклонно, а раз он пришел к ней с повинной, то она, конечно, его простила. Не следует делать из мухи слона, — так поступают только крептины. Ее желание освободить Доуза — тоже естественно: все женщины сердобольны. Ему надо было только спокойно сказать ей несколько ничего не значащих фраз о необходимости применения строгих мер, которые некоторым людям, незнакомым с дикими нравами арестантов, могут показаться слишком суровыми, — вот и все. Это произвело бы на нее лучшее впечатление, нежели ругань и крик. К тому же Порт отплывает на «Леди Франклин» и может выполнить свою угрозу и подать формальную жалобу, конечно, если обращаться с ним таким неподобающим образом. А подвергнуть Доуза вновь той же пытке — значит показать Троуку и всей его братии, что «жена коменданта» действовала самовольно, без «разрешения начальства», а этого допускать не следовало. Сейчас он не поедет домой для примирения. Жена через несколько дней отправится в путь на том же корабле, что и Порт, и он останется на острове полновластным господином и будет беспрепятственно применять строгие карательные меры. С такими мыслями он вернулся в тюрьму и сурово осудил бедного Троука за его варварство.

— Миссис Фрер любезно назначила мне встречу у тюрьмы, она известила меня о том, что этот паршивец Доуз лежал на растяжке с семи часов утра.

— Но вы сами так приказали, ваша честь, — ответил Троук.

— Дурак ты эдакий, разве я приказывал тебе держать его девять часов подряд? Ты же мог угробить его, негодяй!

Троук в недоумении почесал затылок.

— Снять с него капдалы и посадить в одиночную камеру в старой тюрьме! Даже если он и отъявленный головорез — это еще не дает тебе повода самоуправствовать, понятно? Так что поостерегитесь, мистер Троук!

На обратном пути он встретил капеллана, который, увидев его, поспешно свернул в сторону.

— Э-гей! — гаркнул Фрер. — Эй, мистер Норт!

Норт остановился, и комендант заторопился к нему.

— Послушайте, сэр, я только что наговорил вам дерзостей. Я зверски вам нагрубил. Конечно, это не по-джентльменски. Приношу свои извинения.

Норт молча поклонился и хотел было пройти.

— Простите меня за грубость, — продолжал Фрер. — Я порядком вспылчив и не люблю, когда жена вмешивается в мои дела. Сами знаете, что женщины в этом не разбираются, не понимают, что это за каналы.

Норт снова отвесил поклон.

— Черт возьми, вы ужасно выглядите! Совсем как привидение, клянусь! Должно быть, я наговорил вам с три короба гадостей. Забудьте и простите меня. Пойдемте к нам, пообедаем.

— Сэр, в вашем доме я больше бывать не стану, — с, казалось бы, чрезмерным волнением проговорил Норт.

Фрер пожал своими широкими плечами и с деланным добродушием протянул ему руку:

— Ну-с, пожмем друг другу руки, пастор. В пути вам придется оказать внимание миссис Фрер, — так не лучше ли нам помириться до вашего отбытия? Дайте мне руку!

— Позвольте пройти, сэр! — воскликнул Норт, покраснев, и, словно не замечая протянутой руки, решительно зашагал прочь.

— Ничего себе характерец у нашего пастора, будь он трижды проклят! — проворчал про себя Фрер. — А впрочем, его дело. Не хочет — не надо. Разрази меня гром, если я еще хоть раз приглашу его к себе.

Дома все попытки примириться с женой тоже оказались безуспешными. Сильвия встретила его ледяным молчанием с видом женщины слишком оскорбленной, чтоб проливать слезы.

— Ни слова больше, — сказала она. — Я уезжаю к отцу. Если ты хочешь объяснить свое поведение, объясняйся с ним.

— Ну полно, Сильвия, — продолжал настаивать он, — знаю, что я вел себя отвратительно. Прости меня.

— Просьбы бесполезны, — ответила она. — Я не могу тебя простить. Слишком часто за эти семь лет я прощала тебя.

Он попытался ее обнять, но она с отвращением вырвалась из его объятий. Он грубо выругал ее и, не желая ссориться дальше, замолчал и насупился. В это время к нему зашел Блаунт потолковать о корабельных делах, и они при-

нялись за бутылку с ромом. Сильвия удалилась в свою спальню и занялась упаковкой всяких мелочей и платьев (удивительно, как это женщины умеют находить для себя утешение в домашних делах!). А Норт, несчастный глупец, не спуская глаз с освещенного окна ее спальни, то разражался проклятиями, то возносил к небу молитвы.

А меж тем невольный виновник всей этой истории Руфус Доуз, находясь в новом месте своего заключения, все удивлялся счастливому случаю, даровавшему ему избавление от пыток, и благословлял нежные руки Сильвии. Он был уверен, что это она заступилась за него и своими кроткими мольбами добилась у страшного изверга облегчения его участи.

— Дай бог ей счастья, — шептал он. — Все эти годы я был несправедлив к ней. Она не знала, как я страдал.

Он с нетерпением ждал прихода Норта, который мог бы подтвердить эту догадку. «Я попрошу его передать ей мою благодарность», — думал он. Однако пастор не появлялся целых два дня. Арестанта навещали лишь его надзиратели. Глядя из окна тюрьмы на море, чьи волны почти достигали ее стен, Доуз видел стоящую на якоре шхуну, которая как бы дразнила его, искушая возможностью унести его на свободу, которая ускользнула от него. Лишь на третий день появился Норт. Он вел себя принужденно и резко. Глаза его тревожно блуждали, казалось, что его тяготили мысли, которые он не осмеливался высказать.

— Я хочу, чтобы вы передали ей мою благодарность, — попросил Доуз капеллана.

— Передать благодарность — кому?

— Миссис Фрер.

Услышав это имя, несчастный пастор вздрогнул.

— Мне думается, что вам не за что ее благодарить. Ваши кандалы были сняты по приказу коменданта.

— Но ведь это она его уговорила. Я верю в это. Ах, как жестоко я ошибался, думая, что она забыла меня. Попросите ее простить меня.

— Простить? — воскликнул Норт, вспомнив сцену в тюрьме. — За что? Разве вы что-нибудь сделали?

— Я усомнился в ней, — сказал Руфус Доуз. — Я считал ее неблагодарной и вероломной. Я был уверен, что это она вернула меня в рабство, из которого я бежал. Я был уверен, что это она выдала меня негодяю, чью жалкую жизнь я спас ради нее.

— О чем вы? — спросил Норт. — Вы никогда мне этого не рассказывали,

— Да, не рассказывал. Потому что я дал обет сохранить это в тайне — слишком тяжело об этом говорить.

— И вы... вы спасли ему жизнь?

— Да, и ей тоже! Я сделал челн, который принес ей свободу. Я держал ее на руках, я делился с ней последним куском хлеба.

— И она об этом не знает? — тихо проговорил Норт.

— Вероятно, забыла. Ведь тогда она была еще девочкой. Прошу вас, напомните ей — хорошо? Пожалуйста, оправдайте меня в ее глазах, прежде чем я умру... Вы испросите для меня ее прощение?

Норту не хотелось объяснять, почему он не сможет выполнить просьбу арестанта, и потому он обещал ему это.

— Она отплывает на шхуне, — сказал он, скрыв от него, что он отплывает вместе с ней. — Но я увижу ее до отплытия и передам ей вашу просьбу.

— Дай бог вам счастья, — проговорил арестант. — Теперь давайте помолимся вместе.

И удрученный пастор стал машинально произносить предписанные церковью слова молитвы.

На следующий день Норт явился к Доузу с вестью от миссис Фрер. Он передал кающемуся грешнику, что миссис Фрер простила его. Но то была ложь. Пастор не видел Сильвии. Но что теперь была для него ложь? На том неверном пути, который он избрал, ложь стала его спутницей. А вступив на путь лжи, он должен был за нее расплачиваться. Уступив своей страсти, обретя любовь, о которой мечтал, он пожертвовал правдой и честью. Однако, оставаясь наедине со своим грехом, пастор презирал и ненавидел себя. Чтобы заглушить угрызения совести и подавить сомнения, он стал прибегать к алкоголю; и хотя его внутреннее возбуждение вкупе со всеми его надеждами и страхами противоборствовало отупляющему действию этого зелья, оно, тем не менее, лишило его способности рассуждать спокойно и здраво. Случается, что в периоды нервного напряжения здоровый наш организм не поддается воздействию алкоголя. Если мы даже выпьем и в десять раз больше заправского пьяницы, который валится в канаву от одного глотка, бормоча несусветное, мы держимся прямо, наша походка уверенна, речь льется бегло и связно. Самое удивительное, что при таком искусственном возбуждении мужчины нередко начинают проявлять искрометное остроумие и сообразительность, рассчитанные на то, чтобы изумить друзей, чем повергают врачей

в трепет. А Норт достиг уже такого нервного возбуждения. Короче сказать, он находился на грани безумия.

Дни летели чередой, завершились приготовления Бланта к отплытию. На шхуне было две кормовых каюты, одна из них предназначалась для миссис Фрер, другая, по соседству, — для капеллана. Морис не пытался больше восстанавливать с ним дружеские отношения, да и капеллан тоже молчал. Памятуя о последних словах, сказанных Сильвией, Норт дал себе слово не видеть ее до тех пор, покамест они не отправятся в путешествие, которое, как он надеялся, соединит их судьбы. Утром 12 декабря капитан Блант оповестил всех, что готов к отплытию, и оба пассажира сели на корабль.

Глядя из окна своего каземата на шхуну, стоявшую в открытом море за рифом, Руфус Доуз увидел, что к ней направляется комендантская шлюпка, в которой находилась жена коменданта. За ней последовала другая шлюпка, с капелланом. Вполне естественно, что мистер Норт пожелал проводить своих друзей. Весь этот жаркий и душный день Руфус с нетерпением ожидал возвращения шлюпки, надеясь, что капеллан привезет ему весточку от той женщины, которую он в этой жизни никогда больше не увидит. Но время шло. В воздухе не чувствовалось ни единого дуновения. Ничто не нарушало зеркальной невозмутимости моря. День выдался на редкость знойный и душный; тяжелые серо-коричневые тучи нависли над горизонтом, казалось, что, если до наступления ночи гроза не освежит воздух, штиль будет продолжаться. Однако Блант с упрямством истинного моряка, искушенного во всех капризах погоды, божился и клялся, что скоро начнется бриз, и потому держал паруса наготове. Жаркий день сменился знойным закатом. И только когда стали сгущаться вечерние тени, Руфус Доуз различил шлюпку, отделившуюся от борта шхуны; шлюпка заскользила по гладкой воде к причалу. Это возвращался капеллан. Возможно, что он зайдет к нему через час-два и принесет утешение, которого так жаждет его душа.

Руфус потянулся всем своим свободным от кандалов телом, бросился на койку и стал предаваться воспоминаниям: он вспомнил, как он строил чели, как узнал о своем богатстве, вспомнил о своей любви, во имя которой принес себя в жертву.

Норт все же вернулся, но не для того, чтобы принести узнику весть утешения; он вернулся с иной целью: несчастного капеллана терзали угрызения совести, и он ре-

шил совершить покаяние и тем самым искупить свой греховный обман. Он решился признаться Доузу в том, что принес ему ложную весть, и открыться ему в любви к жене коменданта, с которой навсегда собирался покинуть остров. «Я не лицемер,— говорил он себе,— если уж я избрал путь греха, я буду грешить открыто, и пусть этот бедняга, который считает меня ангелом, узнает обо мне истину — каков я на самом деле».

Его болезненному воображению была приятна мысль, что он сам разрушит образ, созданный в душе человека, любовь которого он снискал. Покаяние казалось ему естественным выходом из мрачного тупика, в котором он очутился, потому он и продумал все, чтобы осуществить хитроумный замысел, рожденный в его воспаленном мозгу. Он решил в самую последнюю минуту панести роковой удар: раскрыть свой позор, а затем навсегда исчезнуть с глаз долой. Для этого он нашел предлог, чтобы вернуться на берег в самый последний момент. Он умышленно оставил в своей комнате саквояж — предмет, который так легко забыть в спешке, но о котором непременно вспомнишь, очутившись на корабле. Он осторожно выведал у Бланта, что до наступления темноты ветра не ожидается, но что пассажиры должны быть на местах. И как только стемнело, вдруг «вспомнил», что ему необходимо вернуться на берег. Блант чертыхнулся, но капеллан настаивал, и он уступил.

— Бриз начнется часа через два, а то и пораньше,— сказал капитан.— Времени у вас достаточно, но если вы не вернетесь, как только он подует, мы уйдем без вас, мое слово!

Норт заверил его, что будет точен.

— Не ждите меня, если я опоздаю,— добавил капеллан с нарочитой небрежностью, за которой так часто скрывают волнение.

— А я бы, Блант, на вашем месте поймал его на слове и проучил,— сказал комендант, который благодушно ожидал момента, чтобы проститься с женой.— Эй вы, весла в воду! — крикнул он команде.— Будете ждать мистера Норта там, на причале. Если он из-за вашей лени опоздает на шхуну, вы за это ответите!

Шлюпка отчалила, и Норт громко расхохотался: он-то уж не опоздает! Фрер не без удивления отметил, что капеллан закутался в морской бушлат, лежавший на корме. «Неужели этот чудака хочет совсем задохнуться в эдакой духотище?» — подумал он. Истина же заключалась в том, что Норта трясло как в лихорадке; у него горели лицо и

руки и зуб на зуб не попадал, вероятно потому, сойдя на берег, Норт отошел подальше от шлюпки, вытащил походную фляжку и жадно прильнул к ней. Огненная жидкость придала ему смелость выдержать то испытание, которое он себе уготовил. Замедлив шаг, он подошел к дверям старой тюрьмы; но тут его подстерегала неожиданность: караульный Гимблет отказался впустить пастора.

— Я пришел от коменданта, — сказал Норт,

— У вас есть разрешение, сэр?

— Разрешение? Нет.

— Тогда, ваше преподобие, я не могу вас впустить, — сказал Гимблет.

— Мне нужно видеть арестанта Доуза. У меня особое поручение. Для этой цели я вернулся на берег.

— Простите, сэр... но...

— Послушайте, шхуна отходит через два часа и я могу опоздать! — воскликнул Норт, негодуя на чинимое ему препятствие. — Пропустите меня!

— Клянусь честью, сэр, я не смею, — ответил Гимблет, который был человеком совестливым. — Вы не хуже меня знаете, что такое начальство, сэр.

Норт был в отчаянии, но внезапно его осенила светлая мысль, которая в минуты трезвости не пришла бы ему в голову. Сейчас он добудет себе пропуск. Он вытащил из-под бушлата фляжку с ромом.

— Ну, полно, Гимблет, не болтай глупостей. Неужели ты думаешь, что я пожаловал сюда, не имея на то разрешения? А ну, отведай вот этого и пропусти меня.

Гимблет расплылся в улыбке.

— Что ж, сэр, раз вы так говорите, стало быть, все в порядке, — сказал он. И, крепко держа фляжку в одной руке, другой отпер дверь камеры Доуза.

Норт вошел, и, когда дверь закрылась за ним, арестант, который, казалось, спал, вскочил с койки и набросился на капеллана, словно желая задушить его.

Руфусу Доузу привиделся сон. Сумерки сгущались, и он задремал в своем одиночестве; перед ним проходили картины прошлого. Ему показалось, что он опять стоит на пустынном берегу, где впервые встретил прелестную девочку, которую полюбил. Он опять переживал те дни, когда трудился и был почитаем. Он вспомнил, как строил чели, спускал его на воду и уходил в море. Светлая головка певинной девочки опять прижималась к его груди, и он опять жадно ловил те нежные слова, которые шептали ее детские губы. Ему казалось, что Фрер был рядом с ним и наблюдал

за ним, как тогда, на берегу. Опять его окружало свищевое море, и неоткуда было ждать помощи в этой водной пустыне. Опять в утренней мгле он смотрел, как приближался американский бриг, и видел изумленные бородатые лица матросов. Видел, как Фрер взял девочку на руки и взмолился с ней на палубу; он услышал радостные крики, он пожимал руки, которые приветливо потянулись к ним, к спасенным. На палубе толпились люди. Все, кого он знал, были здесь. Он увидел седую голову и суровое лицо сэра Ричарда Дивайна, а рядом с ним стояла и плакала, заламывая тонкие руки, его мать. Потом Фрер вышел вперед, за ним следовал Джон Рекс, арестант; грубо расталкивая локтями толпу каторжан и тюремщиков, он направлялся к сэру Ричарду, но труп убитого лорда Беллазиса поднялся, преградил ему дорогу и отшвырнул Рекса прочь. О, как стучали молотки в доке! Не гроб ли там сколачивали? Нет, нет, это не для Сильвии, конечно, это не для нее! Воздух озарился ярким пламенем, потом стал тяжелым, черным от дыма. «Гидасп» горит! Сильвия прильнула к мужу. Неужели ты оттолкнешь ее, негодяй? Взгляни! Полуночное небо усыпано звездами. Над клубами дыма повеяло ветерком. Шаг... другой! Взгляни мне в глаза — вот так; прильни к моему сердцу. О боже! Она отворачивается; он ловит край ее платья. Кто это? Это священник — он демонически улыбается, вот сейчас он бросит ее в горящую пропасть, разверзшуюся у его ног. Во сне Руфус хватает негодяя и кричит: «Мерзавец! Разве для такой участи я спас ее?» И, проснувшись, он видит, что схватился с чудовищем из своего сна, а паяву — со своим кумиром — мистером Нормом.

* * *

Норт, потрясенный не только этим неожиданным падением, но и словами, ему сопутствовавшими, уронил бушлат и, дрожа, слушал пророческие справедливые обвинения, ради которых он вернулся.

— Мне снился сон, — пояснил Руфус Доуз. — Чудовищный сон! Но он рассеялся. Весть — вы принесли мне весть, не правда ли? Что с вами? Вы бледны как смерть, у вас дрожат колени. Неужели я сделал вам больно?

Норт с трудом овладел собой.

— Ничего. Давайте поговорим, у меня мало времени. Вы считали меня хорошим человеком, осененным благодарностью божьей, призванным выполнять священный пастор-

ский долг; человеком честным, чистым и правдивым. Я вернулся, чтобы сказать вам правду. Я совсем не такой.

Руфус Доуз не сводил с него глаз, не понимая слов безумца.

— Я вам сказал, что женщина, которую вы любите — а вы ее любите, — посылала вам прощение. Я вам солгал.

— Что?!

— Я не рассказал ей о вашем признании. Я даже не упомянул вашего имени.

— И она уедет, ничего не ведая? О, мистер Норт, что вы наделали!

— Я погубил свою душу! — дико вскрикнул Норт, уязвленный страдальческим укором, прозвучавшим в голосе арестанта. — Не трогайте меня! Я сделал свое дело. Теперь вы меня возненавидите. Я этого хочу, ибо я это заслужил. Не держите меня! Я опоздаю!

— Опоздаете? Куда? — Он взглянул на бушлат капеллана. Через открытое окно со шлюпки донеслись голоса людей. Мгновенной вспышкой пронеслось в мозгу воспоминание о розе, о сцене в тюрьме — и он понял все.

— Боже мой! Вы уезжаете вместе?

— Позвольте мне пройти, — хрипло повторил Норт.

Руфус Доуз встал между ним и дверью.

— Нет, безумец, я вас не пущу, я не позволю вам свершить это преступление — погубить невинную молодую душу, которая — да поможет ей бог — любит вас!

Норт, смутившись этой внезапной переменой ролей, прижался к стене.

— Я вам сказал, вы отсюда не уйдете! Вы не погубите ни своей, ни ее души! Вы любите ее! Я тоже ее люблю! И моя любовь сильнее вашей, потому она и спасет ее!

— Ради бога! — вскричал несчастный священник, зажимая уши.

— Ради господ бога! Ради бога, которого я забыл в своем отчаянии! Ради бога, которого вы научили меня чтить! И бог, который послал вас, чтобы умерить мои муки, даст мне силу спасти вас! О, мистер Норт, мой учитель, мой друг, мой брат, во имя светлой надежды на милосердие, которое вы мне проповедовали, будьте милостивы к этой заблудшей женщине!

Норт поднял страдальческие глаза.

— Но я люблю ее! Люблю! Вы слышите! Что знаете вы о любви?

— Что знаю я о любви? — воскликнул Руфус Доуз, и его бледное лицо просияло. — Любовь! О, это вы ничего не

знаете о любви. Любовь — это самопожертвование, отречение от всех желаний, не идущих во благо другому. Любовь — богоподобна! Разве вы любите? О нет, нет, ваша любовь — себялюбие. Она окончится позором! Послушайте, я расскажу вам историю такой же любви, как ваша.

Норт, покоренный могучей волей этого человека, опустился на койку, дрожа как в лихорадке.

— Я поведаю вам тайну своей жизни, я открою причину того, почему я здесь. Сядьте поближе.

Глава 71

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Дом на Кларджес-стрит был целиком предоставлен в распоряжение миссис Ричард Дивайн, которая обосновалась в нем, к глубочайшему удивлению и негодованию мистера Смитерса и других слуг. Оставалось только, чтобы ее признала сама леди Дивайн. От этого зависит дальнейший успех их хитроумного плана. Пользуясь своим вымышленным именем, Джон Рекс прекрасно понимал, какое положение он занимает в обществе. Он знал через слуг, лакеев и через тех, о ком судачат лакеи — завсегдаев скачек и всяких прожигателей жизни, весть о его женитьбе могла бы вызвать лишь какое-нибудь небрежное замечание, как, например: «Я слышал, что Дивайн женился» — или что-нибудь в том же роде. Он также хорошо знал, что в настоящем большом мире, то есть в «обществе», это вызвало бы скандал, который нанес бы ущерб его репутации. Однако «общество» давно уже перестало интересоваться поступками Ричарда Дивайна. Даже если бы «обществу» стало известно, что левинафан скачек женился на прачке, приговор бы его гласил: «Только этого и можно было от него ожидать!» По правде говоря, Ричард падеялся на то, что оскорбленная его наглými выходками леди Дивайн вовсе не пожелает его видеть и тем самым избавит его от неприятной необходимости представлять ей свою жену. Однако леди Дивайн поступила иначе. Узнав об угрозах Ричарда начать тяжбу, она обнаружила, что чувство неприязни к нему уже давно созрело в ее душе, равно как и сомнение в том, что этот человек действительно является ее родным сыном.

— Его поведение, — сказала она брату, — чудовищно и непостижимо для меня.

— Оно не только чудовищно, оно и противоестественно,— ответил мистер Уэйд, искоса поглядев на сестру.— Но еще одна новость: он женат.

— Женат! — воскликнула леди Дивайн.

— По крайней мере, так утверждает он,— продолжал брат, показывая ей письмо, написанное Рексом под диктовку Сары.— Он сообщает, что женился еще в прошлом году, за границей, и теперь его жена прибыла в Англию и просит принять ее.

— Я ее не приму! — воскликнула леди Дивайн, и, поднявшись с кресла, она взволнованно стала ходить по комнате.

— Значит, ты объявляешь войну,— промолвил бедный Фрэнсис, теребя кольцо с итальянским ониксом на пальце своей немощей руки.— Я бы тебе этого не советовал.

Леди Дивайн остановилась, и на ее лице появилось выражение решимости, будто после мучительных размышлений она отважилась на какой-то смелый поступок.

— Ричард дом не продаст,— сказала она.

— Но, дорогая Элинор! — воскликнул ее брат, несколько встревоженный этим неожиданным решением.— Боюсь, что Ричард тебя не послушается.

— Послушается, если он действительно *тот* человек, за кого он себя выдает,— зашпунвшись, проговорила она.

Фрэнсис Уэйд оторопел.

— Если он действительно *тот* человек?.. Эта мысль иногда приходила мне в голову... О, Элинор, неужели нас так жестоко обманули?

Она подошла к нему, доверчиво прижалась, словно ища защиты, как некогда искала ее у своего сына в том саду девятнадцать лет назад.

— Не знаю. Мне страшно думать об этом... У меня есть одна тайна, позорная тайна, Фрэнк, о которой никто, кроме Ричарда, не знает,— ни единая душа на свете. Если этот человек, который грозитя мне, этой тайны не знает, он не мой сын. Но если тайна ему известна...

— Небо праведное, что же тогда?

— Тогда он должен знать, что у него нет никаких прав на состояние моего бывшего мужа.

— Элинор, ты пугаешь меня. Что это значит?

— Я все тебе объясню, если в том будет нужда,— сказала несчастная женщина.— Но сейчас не могу. Я дала себе слово никогда об этом не говорить, даже с ним. Пойми, мне трудно нарушить обет молчания, длившийся почти двадцать лет. Напиши этому человеку, сообщи ему, что, прежде чем принять его жену, мне хотелось бы поговорить

с ним наедине. Впрочем, не надо... пусть он не презижает, пока я не узнаю правду. Я сама поеду к нему.

В полдень 3 мая 1846 года мистер Ричард вместе со своей супругой не без волнения ожидал приезда матери. Уже несколько дней он чувствовал беспокойство и тревогу и никак не мог понять, почему его так страшит предстоящая встреча.

«Чего ее сюда понесло? Что она хочет сказать мне? — спрашивал он себя. — Прошло уже столько лет, и навряд ли она что-нибудь заподозрила».

Рассуждая так, он пытался успокоить себя, но тщетно. Когда же раздался стук в дверь, возвестивший о прибытии его названной матери, сердце его дрогнуло.

— Все поджилки трясутся, Сара, — сказал он. — Дай чего-нибудь глотнуть.

— Боюсь, что за эти пять лет ты достаточно наглотался, Дик. (Она уже освоилась с его новым именем.) А поджилки у тебя трясутся от этих «глоточков».

— Да перестань ты читать мне проповедь. Сейчас не время.

— Тогда наливай себе сам, ты уверен, что ты все хорошо выучил?

Глоток бренди подбодрил его, и он встретил гостью с наигранным добродушием:

— Дорогая матушка, позвольте представить вам... — И тут он запнулся — выражение лица леди Дивайн подтвердило все его недобрые предчувствия.

— Мне надо поговорить с тобой наедине, — проговорила она, явно игнорируя женщину, с которой она якобы приехала познакомиться.

Джон Рекс заколебался, но Сара, почувствовав опасность, поспешила отразить ее:

— Жена должна быть верным другом своему мужу, сударыня. Ваш сын женился на мне по доброй воле, и его мать не может помешать мне выполнить свой долг. Я, как видите, уже не девочка и выдержу все, что вы ни скажете.

Леди Дивайн кусала свои бледные губы. Она сразу же поняла, что эта женщина не из благородных, но по своему уму и сметке превосходит ее. Хотя леди Дивайн и была готова к самому худшему, это открытое объявление войны испугало ее — на что и рассчитывала Сара. Леди Дивайн поняла, что не следует расточать свои силы на мелкие препирательства, если хочешь оказаться на высоте задачи. Упорно отводя взгляд от жены Ричарда, она обратилась прямо к нему.

— Через полчаса здесь будет мой брат,— сказала она, как будто упоминание о нем могло создать перевес сил в ее пользу.— Я попросила его разрешить мне прибыть сюда первой, чтобы поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Пожалуйста,— ответил Рекс.— Мы и так одни. Что вы хотите сказать?

— Что я запрещаю тебе делить и продавать уголья сэра Ричарда.

— Вы мне запрещаете! — воскликнул Рекс с чувством облегчения.— Но почему же? На это дает мне право завещание моего отца.

— Завещание твоего отца не дает тебе ровно никаких прав, и ты это знаешь,— сказала она, словно повторяя заученные фразы; Сара следила за ней с растущей тревогой.

— Какая чушь! — воскликнул Рекс, искренне удивленный.— Я уже заручился советом моего поверенного.

— А ты помнишь, что произошло в Хэмпстеде в этот день девятнадцать лет тому назад?

— В Хэмпстеде? — переспросил Рекс, внезапно побледнев.— *Именно* в этот день, девятнадцать лет тому назад? Нет, не помню. О чем идет речь?

— Не помнишь? — продолжала она, порывисто наклонившись к нему и сурово отчеканивая каждое слово.— Ты не помнишь причину, почему ты оставил дом, в котором ты родился и который хочешь продать чужим людям?

Джон Рекс стоял, словно громом пораженный, кровь хлынула ему в голову, стучала в висках. Он знал, что среди тайн человека, чье наследство он так подло присвоил, была одна, ему недоступная, тайна той жертвы, о которой некогда упомянула леди Дивайн,— и сейчас эта тайна должна была открыться, чтобы погубить его.

Сара тоже дрожала, но не столько от страха, сколько от гнева; она бросилась к леди Дивайн.

— Так говорите же! Если вам есть что сказать, В чем вы обвиняете моего мужа?

— В гнусном обмане! — вскричала леди Дивайн, оскорбленная в своих материнских чувствах и горя желанием осадить противника.— Может быть, этот человек и ваш муж, но он не мой сын!

Теперь, когда страшная правда открылась, Джон Рекс, задыхаясь от гнева, почувствовал, что сидящий в нем дьявол яростно противится поражению.

— Да вы с ума сошли? Три года назад вы признали меня своим сыном, теперь же, когда я заявил свои права, вы сочинили эту ложь! Поостерегитесь, вы толкаете меня

на самое худшее! Как я могу не быть вашим сыном, если вы сами меня признали? Закон на моей стороне, и я буду настаивать на своих правах.

Леди Дивайн быстро повернулась и, прижав руки к груди, посмотрела ему прямо в глаза.

— Да, ты получишь свои права! Ты получишь все, что тебе причитается по закону! О, как слепа я была все эти годы! Можешь продолжать обманывать весь свет! Можешь называть себя Ричардом Дивайном, но я открою позорную тайну, которую схоронил мой сын. *Будь* Ричардом Дивайном! Но Ричард Дивайн был незаконнорожденным, и закон не дает ему ничего!

Нельзя было усомниться в правдивости ее слов. Нельзя было предположить, что женщина, дом которой был так опозорен, могла придумать новую ложь, еще более порочащую ее самое. Но Джон Рекс все еще сопротивлялся истине. Пересохшими губами он спросил:

— Если ваш муж не был отцом вашего сына, то кто же его отец?

— Мой двоюродный брат, Армигел Эсме Уэйд, лорд Беллазис, — ответила леди Дивайн.

Джон Рекс задохнулся. Его рука рванула шейный платок, сдавливавший горло. Все его прошлое словно озарилось вспышкой молнии, и молния его ослепила. Его мозг, ослабленный излишествами, был не в силах справиться с этим потрясающим известием. Рекс покачнулся, и если бы не шкафчик с фарфором, к которому он прислонился, он бы упал. Затаенные мысли, скрытые глубоко в душе, печально сорвались с его уст, и он почти бессознательно пробормотал:

— Лорд Беллазис! Он был и моим отцом... Это я убил его!..

Наступила жуткая тишина. Леди Дивайн протянула руки к убийце, только что произнесшему себе приговор, и со страхом и мольбой прошептала:

— Что вы сделали с моим сыном? Вы его *тоже* убили?

Но Джон Рекс не отвечал, он только мотал головой, словно бык на бойне, получивший смертельный удар. Перепуганная этой драматической развязкой, Сара Пэрфой все же не растерялась. Вспомнив, что Фрэнсис Уэйд мог прибыть с минуты на минуту, она ухватилась за эту последнюю возможность спасения. Подойдя к матери, она коснулась ее плеча и сказала:

— Ваш сын жив!

— Где он?

— Обещайте, что, если я вам скажу, вы позволите нам беспрепятственно уехать из вашего дома?

— Да. Обещаю.

— Обещаете сохранить в тайне это признание, покамест мы не уедем из Англии?

— Обещаю все, что угодно! Вы женщина, и если у вас в груди бьется женское сердце, говорите! Бога ради, скажите, где мой сын?

Сара Пэрфой выпрямилась. Взглянув на победительницу, она сказала нарочито ровным голосом, чеканя каждое слово:

— Имя вашего сына теперь Руфус Доуз. Он — каторжник на острове Норфолк, осужден пожизненно за убийство, в котором, как вы только что слышали, виновен мой муж...

Леди Дивайн упала без чувств.

Глава 72

ПЯТНАДЦАТЬ ЧАСОВ

Сара бросилась к Рексу.

— Очнись, Джон, ради всего святого! У нас нет ни секунды.

Джон Рекс устало провел рукой по лбу.

— Я ничего не соображаю. Я разбит. Я болен. Голова как чугунная.

Тревожно косясь на распростертую у ее ног фигуру, Сара надела шляпку, торопливо накинула плащ, опустила вуалетку и в одно мгновение вытащила его из дома и пихнула в кэб.

— Ломбард-стрит, тридцать девять. Побыстрее!

— Уж не собираешься ли ты меня выдать? — спросил Рекс, обратив на нее затуманенный взор.

— Выдать тебя? Не собираюсь. Но полиция кинется за нами в погоню, как только эта женщина придет в себя и заговорит, а ее братец вызовет своего адвоката. Я знаю, чего стоят ее обещания. У нас осталось всего каких-нибудь пятнадцать часов.

— Сара, я не могу далеко ехать, — сказал он. — Меня клонит в сон, и голова совсем не варит.

Она подавила страшное предчувствие, зародившееся в ее сердце, но попыталась подбодрить его.

— Последнее время ты слишком часто прикладывался к бутылке, Джон. Посиди спокойно, а я зайду в банк и до stanu для тебя денег.

Она поспешила в банк. Когда она назвала свое имя, ее немедленно пропустили к управляющему.

— У этой женщины водятся денежки,— заметил один из банковских служащих своему приятелю.

— К тому же она вдова! Как раз то, что тебе нужно, Том, не упускай случая! — пошутил второй.

Не прошло и минуты, как из святая святых вышел другой клерк с векселем «на получение в Сиднее трех тысяч фунтов плюс проценты» и чеком на двести фунтов, подписанным Сарой Карр. Отсчитав банкноты, клерк вернулся в кабинет управляющего.

Из банка она поехала в пароходное общество Грина.

— Мне пужна каюта на первый же пароход в Сидней.

Клерк посмотрел расписание.

— «Альбатрос» отправляется через двенадцать дней, сударыня, там есть одна свободная каюта.

— Я должна уехать как можно скорее — завтра или послезавтра.

Клерк улыбнулся.

— Боюсь, что это невозможно,— ответил он.

Но тут из кабинета вышел один из партнеров компании с телеграммой в руках и позвал клерка. Сара уже собиралась воспользоваться услугами другого пароходного общества, когда клерк поспешно обратился к ней.

— То, что вам нужно, сударыня,— сказал он.— Только что пришла телеграмма от джентльмена, который заказал каюту первого класса на корабле «Дидона». Его жена заболела, и он был вынужден вернуть билет.

— А когда уходит корабль?

— Завтра утром. Сейчас он в Плимуте и ждет почту. Если вы отправитесь туда с почтовым поездом в девять тридцать, у вас еще будет время в запасе, а мы пошлем туда телеграмму.

— Я беру эту каюту. Сколько с меня?

— Сто тридцать фунтов, сударыня,— ответил он.

Она гынула деньги.

— Пожалуйста, отсчитайте сами. Нам тоже пришлось задержаться. Мой муж очень болен, нам так не повезло, к тому же мне не вернули обратно деньги за билет.

— Как, вы сказали, ваше имя?..— спросил клерк, считая банкноты.— Мистер и миссис Карр? Благодарю вас.— И он вручил ей квитанцию.

— Это я должна благодарить вас,— сказала Сара с чарующей улыбкой, и легкой походкой она направилась к ожидавшему ее кебу.

Джон Рекс в мрачной апатии грыз ногти. Она показала ему билет.

— Мы спасены! Пока мистер Фрэнсис Уэйд придет в себя, а его сестрица обретет дар речи, мы уже будем далеко и нас не догонят!

— Почему в Сидней? — негодуяюще воскликнул Рекс, взглянув на билет. — Почему именно туда, когда на земле есть столько других мест?

Сара окинула его презрительным взглядом.

— Потому что твой план провалился. Теперь очередь за мной. Однажды ты уже бросил меня. И ты бросишь меня в любой другой стране. Ты убийца, негодяй и трус, но ты мне подходишь. Я спасаю тебя для себя. Ты последуешь за мной в Австралию, где каждый полицейский может арестовать тебя, стоит мне только сказать, что ты беглый каторжник. Если не хочешь ехать со мной — оставайся здесь. Мне все равно. Деньги у меня есть, а я не делала ничего дурного. Закон мне не страшен. Ты согласен со мной? Тогда скажи кебмену, чтобы он отвез нас в магазин Сильверса в Корнхилле, надо приодеть тебя.

Наконец, усадив его, подавленного и мрачного, в уголок тихой таверны возле железнодорожной станции, она попыталась выведать у него подробности о преступлении, в котором он только что признался.

— Как случилось, что ты убил лорда Беллазиса?

— Я узнал от матери, что он мой родной отец. И однажды, возвращаясь домой с голубиных состязаний, я ему об этом сказал. Но он стал смеяться и оскорблять меня, и я ударил его. Мне незачем было его убивать, но человек он был старый, а я в своем бешенстве не рассчитал удар. Когда же он упал, мне показалось, что меж деревьями мелькнул силуэт какого-то всадника, и я ускакал что было мочи. Вот тогда-то судьба и стала меня преследовать: в ту же ночь я был арестован у фальшивомонетчика.

— Но речь шла об ограблении, — сказала Сара.

— Я никого не грабил. И ради бога, давай оставим этот разговор... Мне плохо. Голова кругом идет. Успнуть бы...

* * *

— Осторожнее, пожалуйста! Подымайте его потихоньку! — просила миссис Карр, когда хмурым майским утром лодка пришвартовалась к борту мрачного, похожего на призрак корабля «Дидона».

— Что там случилось? — спросил вахтенный, заметив в лодке какую-то суматоху.

— Похоже, что джентльмена хватил удар, — ответил лодочник.

Так оно и случилось. Теперь можно было не опасаться, что Джон Рекс опять сбежит от женщины, которую обманывал. Изворотливость и дьявольский ум Сары Пэрфой спасли ее любовника, но лишь затем, чтобы облегчить Джону Рексу его последние минуты. Он умер, не оценив ни ее внимания, ни ее забот, умер как животное, потеряв разум, который всю жизнь служил ему для дурных и преступных целей.

Глава 73

ИСКУПЛЕНИЕ

— Вот и вся моя история. Пусть она отвратит вас от вашего намерения и этим спасет несчастную. Наказание за грех падает не только на одного грешника: проступок, однажды свершенный, на всю жизнь оставляет последствия. И эта трагедия с ее позором и преступлением, с ее естественным концом — смертной карой — является плодом такого же греха, который вы готовитесь свершить.

В тюрьме стало совсем темно; когда Руфус Доуз закончил свой рассказ, он почувствовал, как его руку схватила дрожащая рука капеллана.

— Дайте мне поддержать вашу руку!.. Сэр Ричард не был убийцей вашего отца. Он был убит другим человеком, ехавшим рядом с ним. Он оглушил его сильным ударом, а сам ускокал прочь.

— Боже милостивый! Откуда вам это известно?

— Я был свидетелем этого убийства... и... Не выпускайте моей руки!.. Я ограбил убитого.

— *Вы?*

— Да. В юности я был игроком. Как-то раз я проиграл деньги лорду Беллазису, и, чтобы рассчитаться с ним, я подделал два векселя. Лорд, человек беспринципный и жестокий, грозился меня изобличить, если я не уплачу ему вдвое больше. В те дни подделка векселей каралась смертью, и я прилагал все усилия, чтобы выкупить у него доказательство моего безрассудства. Мне это удалось. Мы условились с лордом Беллазисом встретиться недалеко от его особняка в Хэмпстеде как раз в тот вечер, о котором вы говорили. Я должен был отдать ему деньги и получить

обратно свои векселя. Когда я увидел, как он упал, я пришпорил лошадь и подъехал к нему; но вместо того, чтобы преследовать убийцу, я стал рыться в бумажнике лорда и вынул свои фальшивые векселя. А на суде я побоялся выступить свидетелем, хотя мог бы вас спасти... О, вы отдернула руку!

— Да простит вас бог! — сказал Руффус Доуз и замолчал.

— Говорите! — вскричал Норт. — Говорите, или я сойду с ума. Упрекайте меня! Презирайте меня! Плюйте мне в лицо! Хуже, чем я сам о себе думаю, уже думать нельзя.

Спрятав лицо в ладони, арестант ничего не ответил. В отчаянии махнув рукой, Норт, шатаясь, вышел из камеры.

Прошло около часа с тех пор, как капеллан сунул Гимблету фляжку с ромом, и часовой, с пьяным удивлением, обнаружил, что в ней еще что-то осталось. Сначала он хотел было отпить только глоток как плату за свою безопасность — а Гимблет имел слабость к спиртному, и Норт это знал, — но так как ждать пришлось долго, то один глоток превратился в два, потом в три, и, осушив более половины фляжки, Гимблет решил, что он только промочил глотку, и потому его неудержимо потянуло выпить еще. Часовой был в замешательстве; если он не осушит фляжку, он будет вечно об этом сожалеть, если же выпьет все до конца, он опьянеет, а «пить на посту» — такого еще никому никогда не прощалось! Он вглядывался в темное море, туда, где на волнах мерцали огоньки, отмечая присутствие шхуны. Комендант был далеко! Легкий ветерок, поднявшийся к вечеру, как предсказывал Блант, доносил снизу, с причала, голоса команды, находившейся в шлюпке, рулевым которой был его друг, Джек Мэнникс. Он даст Джеку отхлебнуть глоточек.

Выйдя за ворота тюрьмы, часовой подошел к краю насыпи и, глядя вниз, стал звать своего друга. Но ветер крепчал и огносил его голос: Джек Мэнникс ничего не слышал и продолжал вести разговор. Гимблет уже достаточно нагрузился и был искренне возмущен таким пренебрежением; примостившись на насыпи, он одним глотком осушил фляжку до дна. Действие рома на пустой желудок было весьма ощутимо. Часовой сделал слабую попытку встать на ноги, бросив укоризненный взгляд на пустую фляжку, попробовал еще что-то из нее высосать, а затем с пьяной бесшабашностью, обругав остров со всеми его обитателями, грохнулся на землю и заснул мертвым сном.

Выйдя из тюрьмы, Норт не заметил отсутствия часового; в таком состоянии он навряд ли вообще мог что-либо заметить. С непокрытой головой, без бушлата, с безумным взглядом, сжатыми кулаками, он опрометью ринулся сквозь ворота в темноту, словно спасаясь от какого-то страшного призрака. Погруженный в свои мысли, он не понимал, куда идет: вместо того чтобы направиться по тропинке, ведущей к морю, он свернул на хорошо знакомую дорогу к своему домику на холме.

«И этот человек каторжник! — воскликнул он. — Да ведь он герой и мученик! Какая у него адская жизнь! А любовь! Да, вот это и есть настоящая любовь! А ты, Джеймс Норт, как пизок ты в глазах господ бога рядом с этим презренным отщепенцем!»

И, бормоча это, он то рвал свои седые волосы, то стискивал пульсирующие виски, то бил себя кулаками по голове. Норт вбежал в свою комнату и при свете молодого месяца увидел свой саквояж и свечу, стоявшие на столе, где он их оставил. Они напомнили ему о цели его прихода. Он зажег свечу и, взяв саквояж, окинул прощальным взглядом комнату, ставшую свидетельницей его бесплодной борьбы с низкими инстинктами, которые в конце концов восторжествовали. Да, ничего не поделаешь! Сама судьба предначертала ему греховный путь, и теперь он должен выполнить это предначертание, от которого он некогда уклонился... И вдруг ему показалось, что пятнышко, в котором он узнал шхуну, медленно удаляется от берега. Он должен спешить; его ждут там, на причале.

Когда он повернулся, чтобы идти, луна, еще не затененная быстро надвигающимися тучами, пролила свой серебряный свет на воду, и на этой дорожке Норт увидел отплывающую лодку. И — неужто это обман расстроенных чувств? — на корме он заметил закутанную в бушлат мужскую фигуру! Сильный порыв ветра затянул месяц тучами, и шляпка исчезла, словно ее уже поглотил надвигающийся шторм. Норт вздрогнул, поняв, что произошло.

Он вспомнил сказанные им слова: «Я спасу его душу, даже ценой собственной крови!» Неужто праведные небеса решили спасти человека, приговоренного к смерти трусом, и покарать его, этого труса? О, тот человек заслужил свободу. Он честен, благороден и верен своему слову. Как непохож он на него, презренного себялюбца, нечестивого служителя божьего, пьяницу! Внимание его привлекло

стоявшее на столе зеркало, которому суждено было вскоре отражать благочестивый лик Микина, и Норт, взглядевшись в свое отражение, в ужасе содрогнулся и, не сводя глаз со своего бледного лица и налитых кровью глаз, бессознательно сунул руку в саквояж. В какое омерзительное ничтожество он превратился! Роковой приступ безумия, ищущий выхода в избавлении от своего ненавистного «я», охватил его, и пальцы конвульсивно сжали некий предмет, который они нащупали в саквояже.

«Так будет лучше, — пробормотал он своему ненавистному отражению. — Слишком долго я тебя изучал. Я проник в твою суть, извлек оттуда все твои тайны! Ты лишь пустая оболочка, скрывающая развратную и грешную душу. *Он* должен жить, а *ты* должен умереть!»

Быстрый взмах руки опрокинул свечу, и в комнате воцарился мрак.

* * *

Потрясенный столь неожиданным откровением, Руфус Доуз неподвижно сидел в своей камере, ожидая услышать грохот тяжелой двери, закрывшейся за капелланом. Но он ничего не слышал; ему показалось, будто в камере стало прохладней. Он подошел к двери, выглянул в узкий коридор, где его обычно встречало хмурое лицо часового. К его изумлению, дверь тюрьмы была распахнута настежь, кругом не было ни души. И мысли его обратились к Норту. Возьмем ли на него влияние та история, которую он рассказал капеллану? Проникнется ли он вниманием к его мольбам и откажется ли от своего намерения?

Руфус осмотрелся. Темнота внезапно сгустилась; ветер крепчал; из-за рифа доносился хриплый рокот разгневанного моря. Если шхуна отправится нынче ночью, то уж лучше бы ей выйти скорее в открытое море. А где же капеллан? Дай бог, чтобы он не задержался и не опоздал на шхуну. Конечно, они с ней все равно встретятся. Арестант сделал несколько шагов вперед и снова посмотрел вокруг. Неужто капеллан совершил какое-нибудь безумие, тем самым заставив верного Гимблета покинуть пост? Вдруг он услышал хрип. Верный Гимблет лежал у его ног мертвецки пьяный!

— Эй! Ого-го-го! — громко крикнул кто-то с причала. — Это вы, мистер Норт? Ждать больше некогда, сэр!

Внезапно в домике капеллана зажглась свеча — сквозь открытое окно ее хорошо было видно. Но люди в лодке

этого не видели, и в сердце узника вспыхнула безумная надежда, а сердце его заколотилось. Он бросился в камеру, нахлобучил широкополую шляпу Норта и, торопливо накинув его бушлат, сбежал по ступенькам к причалу. «Только бы не вышла луна!»

— Прыгайте в шлюпку, сэр! — крикнул Мэнникс, далекий от всяких подозрений, памятуя лишь о порке, которой ему пригрозили. — А дочка-то будет прескверная! Закройте-ка получше ноги вот этим, сэр. А ну, толкай! Нажали на весла!

И лодка отплыла от берега. Бледный свет луны на миг посеребрил широкополую шляпу закутанного в бушлат человека, но команда, сосредоточенно стараясь до наступления шторма провести шлюпку через риф, не обращала никакого внимания на капеллана.

— Ай да молодцы ребята, вовремя подоспели! — воскликнул Мэнникс, когда шлюпка пришвартовалась к шхуне, казавшейся совсем черной в крошечной темноте.

— Скорее поднимайтесь на борт, ваша милость!

Ветер изменил направление и дул теперь с берега. Блант уже стал было раскаиваться в своем упрямстве, но признаться в этом ему не хотелось; теперь он считал, что самое лучшее — это встретить шторм в открытом море.

— Будь проклят этот пастор! — в сердцах буркнул он. — Не ждать же его всю ночь! Снимайтесь с якоря, Джонсон!

И, когда якорь был уже в воздухе, Руфус Доуз взбежал на борт.

Командант, уже отчаливший в собственной шлюпке, лишь хрипло крикнул ему на прощанье:

— До свидания, Норт! Храбрый же вы человек. — А про себя добавил: «Черт бы его побрал, слишком уж горд — не отвечает!»

И действительно, капеллан, не сказав никому ни слова, поспешно сошел на корму, где размещались каюты.

— Еще чуть-чуть, и было бы поздно, ваше преподобие, — сказал ему кто-то, почтительно открывая дверь каюты. Это была сущая правда, но капеллан промолчал. Он дважды повернул ключ в двери, еще не вполне сознавая, какой опасности ему удалось избежать, и, тяжело дыша, бросился на койку. Над его головой раздался топот, затем до него донеслись дружные возгласы матросов, поднимающих якорь:

— Йо-го-го! И бочонок рому!

Он почувствовал запах моря, через открытый иллюми-

натор увидел огонек в домике капеллана на холме. Беготня прекратилась, и шхуна медленно заскользила по воде. На секунду внизу мелькнула шляпка коменданта, плывущая к берегу, затем «Леди Франклин» подняла паруса. Не отрывая глаз от мерцавшего огонька, беглец старался обдумать свое положение. Попытка разыгрывать роль пастора, которая могла увенчаться успехом лишь благодаря темноте и царящей на шхуне суматохе, была обречена. В Хобарт-Тауне его непременно поймают, даже если он сможет остаться неузнанным во время этого долгого и утомительного путешествия. Однако сейчас для него это мало значило. Он спас Сильвию от Норта, который остался на берегу. Бедняга Норт! В тот момент, когда жалость кольнула его сердце, огонек, на который он смотрел, вдруг погас. И Гуфус Доуз, подчиняясь какой-то неодолимой силе, упал на колени и стал молиться, чтобы человек, спасший его, был бы прощен и счастлив.

* * *

— На берегу палит пушка, — объявил помощник капитана Партридж. — И красный огонь зажегся! Значит, бежал какой-то арестант. Не лечь ли нам в дрейф?

— Лечь в дрейф? — воскликнул старина Блант и смачно выругался. — Нам и без того есть чем заняться. Взгляните туда!

С северной стороны небосвод опоясывала бледно-зеленая полоса, над ней поднималась страшная черная туча, которая все время меняла свои очертания.

Глава 74

ЦИКЛОН

Увидев этих предвестников опасности, Блант начал рассказывать в своем упрямстве. Он понял, что надвигается ураган.

Южное побережье Австралийского континента открыто сильным ветрам, дующим на высоких широтах в течение большей части года, поэтому здесь часто возникают ураганы. Сильные ветры начинаются на северо-западе при резком падении атмосферного давления, затем, крепчая, устремляются к юго-западу и постепенно распространяются к югу. У берегов Новой Зеландии тоже проносятся циклоны. 29 февраля 1870 года судовой журнал корабля «Аделаида» отметил циклон, движущийся со скоростью десяти

милль в час; у него были все характеристики настоящего тропического урагана с его завихрениями и мертвым центром. Циклоны, возникающие у западного побережья Новой Зеландии, перемещаются к Новым Гебридским островам, где также свирепствуют сильные штормы, и, захватывая остров Норфолк, пересекают по траверсу путь кораблей, идущих из Южной Америки в Сидней. Теперь один из таких вихревых тропических циклонов угрожал «Леди Франклин».

Мертвый штиль, царивший у острова в течение дня, сменился напористым ветром, дувшим с северо-востока. Пока шхуна стояла на якоре, она была защищена островом с подветренной стороны («гавань» открывалась на юг), но, выходя в море, Блаит понял, что возвращение в бухту против сильного ветра уже невозможно. К счастью, они успеют выйти в открытое море, прежде чем шторм разыграется в полную силу.

Измученный пережитыми волнениями, Руфус Доуз проспал два или три часа, как вдруг его разбудил толчок корабля, переходящего на другой галс. Он вскочил, кругом стояла кромешная тьма. Над головой снова раздался тонот, и он различил хриплый голос Блаита, отдающего приказания. Руфуса поразило отсутствие луны, еще совсем недавно серебрившей море. Он открыл иллюминатор и выглянул наружу. Как мы уже говорили, каюта, предназначенная Норту, находилась на корме, и перед арстантом возникла вся картина надвигавшегося шторма.

В этом величественном зрелище было что-то первозданное. Огромная черная туча, висевшая над горизонтом, изменила свои очертания. Из сплошной завесы образовалась арка. Под этим великолепным порталом фосфоресцировал тусклый свет. По синевато-багровому небу бесшумно мелькали зарницы. В глухом угрожающем рокоте мешались раскаты грома, шум ливня, шум битвы двух соперничающих стихий — воды и ветра. Исчезли огни острова-тюрьмы; попутный ветер нес шхуну вперед, в огромное пространство пустынного и черного океана. Глядя на эту зловещую ширь, Руфус Доуз заметил страшное явление: ему казалось, будто молнии вырывались снизу, из мрачной морской пучины. Время от времени темные волны озарялись огнем и выбрасывали пламя. Ветер заревел и задул с неистовой яростью, и над аркой света повисла бахрома дождя. Все кругом окрасилось в тускло-красноватый цвет, похожий на отблеск пожара. Вдруг мощный раскат грома прокатился по небесам, и хлынул сильнейший ливень.

Мгновенно исчез свет в арке, словно невидимая рука опустила заслонку гигантского фонаря. Стена воды с ревом обрушилась на морскую гладь, поднялась страшная, неописуемая какофония звуков, в которой слышалось все: и ужас, и торжество, и мука — на них налетел циклон.

Руфусу Доузу представилось, будто все стихии сошлись для того, чтобы спасти его или погубить. В этот страшный миг он собрал все свои силы для борьбы. Через несколько часов решится его судьба, надо быть настороже. Одно из двух: либо он утонет здесь, в этой каюте, либо, если корабль выдержит напор стихий, ему придется выйти на палубу, где он будет тотчас же разоблачен. На миг он пал духом и, глядя на разбушевавшуюся стихию, подумал о том, не лучше ли ему броситься в волны и разом положить конец всем своим страданиям. Но звук женского голоса заставил его опомниться. Тихонько приотворив дверь каюты, он выглянул наружу. Висячая лампа кают-компания осветила Сильвию, расспрашивающую служанку о шторме. Он поймал ее полный надежды и страха взгляд, устремленный на дверь, за которой он притаился, и понял, будто она думает, что там скрывается капеллан. Заперев дверь, он стал поспешно облачаться в одежды Норта. Он подождет, пока не настанет критическая минута, и тогда бросится ей на помощь. В темноте Сильвия примет его за пастора, он усадит ее в шлюпку, если в этом будет нужда, а затем отдаст себя на волю судьбы. Но пока ей угрожает опасность, его место подле нее.

Жуткое, ледящее кровь зрелище открывалось с палубы корабля. Тучи сгустились. Арка света исчезла, и все вокруг стало одной беспросветной, пронизанной ветром чернотой. На горизонте вздымались громады волн и устремлялись прямо на них. Корабль попал в самый центр водоворота. По оба борта пирамидами громоздились волны. Ветер неистовствовал, его порывы напоминали удары грома. Сорвало снасти, и парус, как лист бумаги, унесло в море, и он исчез с подветренной стороны. Барометр показывал 29.50. Блант, не выпуская из рук бутылки с ромом, на чем свет клял всех и вся за то, что ни одна живая душа на корабле, как он уверял, не увидит рассвета, а когда Партридж упрекнул его за кощунство в такую тяжелую минуту, он залился пьяными слезами.

Ветер оглушительно выл; его ярость внушала страх. Матросы, пораженные ужасом, ползали по палубе, цепляясь за все, что им казалось устойчивым. Нельзя было поднять голову и взглянуть против ветра. Веки смыкались,

а лицо обжигали едкие струи воды. Люди дышали воздухом, насыщенным ветром и солью, и от этого их мутило. Партридж понял, что бесполезно отдавать приказы — все равно их не слышал даже стоящий рядом с ним. Судно лежало почти на боку с поднятым румпелем без парусов; они лежали свернутыми на реях или же были сорваны. Ни один смертный уже не мог спасти корабль.

К пяти часам утра шторм достиг своего апогея. С неба хлестал ливень и падали молнии; ветер относил в сторону потоки дождя, и они не успевали коснуться поверхности моря, а прожорливые громады волн тут же поглощали молнию, и вспышки ее не могли пронзить темноту. Шхуна лежала на боку, и ее поддерживал лишь стремительно несущийся ветер, который как бы выравнивал морскую поверхность, срезая гребни у волн, разбрызгивая их белой пеной, которая, подобно пушистому облаку, окутывала все вокруг, достигая верхушек мачт. Каждый новый порыв ветра казался еще более страшным, чем предыдущий. Но после короткой паузы ветер собирался со свежими силами и делал еще более оглушительный и яростный рывок. Барометр остановился на цифре 27.82. Корабль казался теперь жалкой посудиною, готовой затонуть в любую минуту. В половине четвертого барометр показывал 27.62. Вся трагедия разыгрывалась в абсолютной, почти осязаемой темноте, лишь изредка прорезаемой вспышками молний, в свете которых гибнущие люди могли увидеть искаженные ужасом лица своих спутников.

Внезапно стрелка барометра поднялась до 29.90. И ветер, издав свой последний предсмертный стон, внезапно стих. «Леди Франклин» попала в сердцевину циклона. Взглянув на тучное тело пьяного Бланта, беспомощно катавшееся по палубе — ранее капитан привязал себя к рулевому колесу, — Партридж испытал злорадное удовольствие. Если корабль выдержит шторм, то пьяного капитана уволят, а он, мужественный Партридж, займет его место. Ветер уже больше не гнал корабль, а отдал его на волю стихий. Огромные волны перекатывались через палубу, ветер с торжествующим воплем налетел на судно с противоположной стороны, перевернув его на другой бок. Шторм снова забушевал с беспощадной злобой. С северо-запада обрушился новый порыв урагана.

Волны хлынули через сбитый люк, сорвали с петель дверь кают-компания. Сильвия очутилась в бурлящем потоке, который грозился поглотить ее. Она стала громко звать на помощь, не слыша своего голоса. Прижавшись к

мачте посреди небольшой кают-компаний, она не отрывая глаз смотрела на дверь, за которой, как она верила, находился Норт, и шептала свою последнюю молитву, умоляя небо о помощи. Дверь распахнулась, из каюты вышел кто-то в черном. Бедняжка подняла голову и при свете меркнувшей лампы увидела лицо незнакомца. К ней устремились темные глаза, полные беззаветной любви и жалости, и две мокрые руки, словно из туманного и далекого прошлого, бережно подняли ее над соленой пучиной.

И в этот страшный миг с глаз ее спала пелена, так долго застывавшая ее рассудок. В незнакомом человеке, пришедшем ей на помощь, она узнала каторжника из Порт-Артура, который был прикован к угольной вагонетке, каторжника с острова Норфолк, стоявшего на коленях в комнате пыток; она вспомнила и Макуори-Харбор. В памяти ее всплыл тот вечер, когда был построен чели, и как ее подняли крепкие, надежные руки, и как она обещала своему спасителю попросить отца о его помиловании. И, вспомнив все это, она поняла, сколько позора и унижений испытал этот человек за все долгие годы жизни. Она поняла, как бесчестно поступил ее муж, подлым обманом купив ее юную любовь. Ей и в голову не пришло спросить, как удалось этому дважды осужденному каторжнику убежать со страшного острова-тюрьмы, который она покинула. Даже мысленно она не спрашивала его, как очутился он на шхуне вместо капеллана. В своем внезапном прозрении она в новом свете увидела всю его историю, вспомнила о его удивительном мужестве и его любви. Она поняла, что в этот последний миг ее чистой, но загубленной жизни он снова пришел, чтобы спасти ее от греха и отчаяния, как некогда спас от голода и смерти. Кому хоть раз довелось испытать смертельную опасность, знает, как быстро мысль работает в такие минуты, как мгновенно в сознании всплывают давно забытые сцены, и поймет, что в этот миг в памяти Сильвии смешалось прошлое с настоящим, словно какая-то вспышка озарила ее, и, как в былые времена, она с благодарностью воскликнула: «Добрый мистер Доуз!»

Глаза мужчины и женщины встретились — не отрываясь, они смотрели друг на друга. Сильвия протянула свои белые руки и улыбнулась; Ричард Дивайн прочел в этой улыбке всю историю безотрадной жизни молодой женщины и понял, что и она была принесена в жертву.

В критические минуты нашей жизни, когда мы стоим лицом к лицу со смертью, перед зияющей пропастью не-

бытия, мы вдруг сознаем, что наше «я», которое мы будто так хорошо знаем, раскрывает новые и неожиданные черты. Нелегко описать бурю стихий, но описать бурю в душе человека и вовсе невозможно. В вихре этой бури перед нами, словно пушинки, гоимые ветром, проносятся тысячи воспоминаний, призрачных и незначительных, неуловимых, но все еще неотступно преследующих нас. Рассеивается туман, окутывавший наш разум, и нас молнией пронзает мысль, что мы не сумели распорядиться своей судьбой.

Мы это чувствуем и знаем. Но кто может холодными словами поведать об урагане страстей, поднявшемся в их душах? Это все равно что просить утопающего моряка рассказать о чудесах подводного мира во время его погружения в глубокую пучину, окутанную смертным мраком. Двое этих людей поняли, что жизнь окончена. И, находясь вместе, готовые встретить смерть, они забыли об окружающем мире, который они покидали. Их внутреннее зрение как бы прояснилось. Они поняли, что их тела погибли, они крепко соединили руки, а их высвобожденные трепетные души устремились друг к другу, и каждый ощущал, как прекрасна душа другого.

Гигантская волна, вздыбленная новым порывом ветра, тускло блеснула в темноте, взметнулась и встала высокой стеной над останками корабля. Несчастные, все еще цеплявшиеся за палубу, с содроганием взглянули в перенасыщенное зеленое чрево и поняли, что наступил конец.

Эпилог

На рассвете, после ночного шторма, лучи восходящего солнца осветили какой-то предмет, колыхавшийся на поверхности моря неподалеку от того места, где затонула шхуна.

Это был обломок грот-мачты с «Леди Франклин», на нем, запутавшись в снастях, лежали два трупа — мужчины и женщины. Мужчина сжимал в объятиях женщину, а ее голова покоилась на его груди.

Далеко на горизонте, как едва различимая полоска, виднелся остров-тюрьма. Буря стихла. Солнце подымалось все выше, а в воздухе повеяло ароматом, успокоился океан. И позолоченный лучами утреннего солнца обломок корабля с его ношей медленно плыл в открытое море.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Петриковская. Роман тайн и правда истории . . . 3

Осужден пожизненно

Перевод И. Головина и Т. Сикорской

Предисловие автора	23
Пролог	24
Книга первая. В море. 1827	35
Книга вторая. В Макуори-Харбор. 1833	104
Книга третья. В Порт-Артуре. 1838	205
Книга четвертая. На острове Норфолк. 1846	382
Эпилог	494

Кларк М.

К 47 Осужден пожизненно: Роман /Пер. с англ. И. Головня и Т. Сикорской; Вступ. статья А. Петриковской; Худож. М. Клячко.— М.: Худож. лит., 1986.— 495 с.

Роман Маркуса Кларка (1846—1881) «Осужден пожизненно» (1874) посвящен жизни австралийских каторжников, он обличает несправедливость и жестокость установлений буржуазного общества, губящих жизнь и достоинство человека.

К $\frac{4703000000-208}{028 (01)-86}$ 163-86

ББК 82

Маркус Кларк

ОСУЖДЕН ПОЖИЗНЕННО

Редактор **Е. Осенева**

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

Л. Синицына

Корректоры

Н. Усольцева и С. Колганова

ИБ № 4177

Слано в набор 11.09.85. Подписано в печать 12.02.86. Формат 84×108^{1/32}. Бумага кн.-журн. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,46. Уч.-изд. л. 28,55. Тираж 100 000 экз. Изд. № VI-2070. Заказ № 2335. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басмальная, 19

Набрано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28. Отпечатано в Минском полиграфкомбинате им. Якуба Коласа Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

МЛАДШИЙ
ИЗУМАЮЩ

ОСВЯЩАЮЩ
ИЗУМАЮЩ

